Эл. адрес: article@tuva.asia
https://nit.tuva.asia

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

№2
2026

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2026 № 2

nit.tuva.asia

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2026 № 1

nit.tuva.asia

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)
Харитонова В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Чулуун Сампилдондов, Институт истории и археологии Академии наук Монголии
Харунова М. М.-Б., Институт востоковедения РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)
Ламажаа Ч. К., доктор философских наук
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)
Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США
Ксения Пименова, Парижский университет Нантерр, Франция

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)
Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Бахтикиреева У. М., Российский университет дружбы народов
Туймебаев Ж. К., Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА
Папын А. С., редактор, администратор
Макаров В. С., редактор
Гайдин Б. Н., редактор

EDITOR-IN-CHIEF
Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)
Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)
Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Galina F. Balakina, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russia
Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)
Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States
Ksenia Pimenova, l'Univesité Paris Nanterre, France

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)
Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia
Zhanseyt K. Tuymebaev, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

TECHNICAL GROUP
Alexander S. Papyn, Editor, Manager
Vladimir S. Makarov, Editor
Boris N. Gaydin, Editor

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.
Выходит 4 раза в год.

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English. The journal is published quarterly.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

The journal is indexed in ERIH PLUS, RINTs, CiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

Издатель: Ч. К. Ламажаа, Россия, 117437, г. Москва, а/я 30,
Соиздатель: Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан, Алматы, 050040 пр. Аль-Фараби, д. 71.

Publisher - Ch. K. Lamazhaa (Postal box 30, Moscow, Russia, 117437);
Co-publisher - Al-Farabi Kazakh National University (71 Al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040).

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial» («Атрибуция — Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

ISSN 2079-8482

СОДЕРЖАНИЕ

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Ламажаа Ч. К., Буркитбаева Ш. Д. (Казахстан) Туристические образы Тувы 5
Чэн Л. (Китай) Китайские тувинцы в «Книге Тувы» (2005) китайского писателя Ван Цзу 26
Ибраева А. С., Баянбаева Ж. А., Джолдасбекова Б. У., Муминов С. О. (Казахстан) Вопросы литературного мастерства в трудах М. А. Хадаханэ 37
Балакина Г. Ф., Харунова М. М.-Б. (Россия) Развитие грантовой поддержки научных исследований в Республике Тыва 52
Ооржак В. О., Асонычев А. А., Бадарчи Х. Б. (Россия) Промышленное производство в Туве: от древности до начала XX в. 72
Тиникова Е. Е., Новосельцев Н. Р. (Россия) Развитие физической культуры и спорта в Туве в 1921–2021 годы 82
Ryazantsev S. V., RakhmonovA. Kh., Ryazantsev N. S. (Russia) Decomposition of life expectancy gaps by age between the Republic of Tuva and Moscow using the Arriaga method 95

РОДНОЙ ЯЗЫК

Дамбыра И. Д., Добрынина А. А., Кечил-оол С. В., Саая О. М., Селютина И. Я. (Россия) Квантитативные характеристики тувинских гласных: позиционное варьирование 108

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Буркитбаева Ш. Д., Туймебаев Ж. К., Токсеитова А. Е., Садыкова Р. К. (Казахстан) Языковая география цвета: структурные типы казахских и тувинских топонимов 127
Набиолла Н., Жылкыбаев Д., Сейтжанов З. (Казахстан) Типологическое сходство и этнокультурная специфика казахских и тувинских этиологических мифов 148
Абдуллина Г. Р., Алимбаева Г. Г. (Россия) Лексика рыболовства: сравнительный анализ на материале башкирского и тувинского языков 162
Баудиярова К. Б., Егизбаева М. К., Мейрманова Г. А. (Казахстан) Сходства и различия национальных детских игр *асык* казахов и *кажык* тувинцев 176

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

Сатанар М. Т. (Россия) Архаические истоки образа верховного бога якутского пантеона божеств в эпосе олонхо ... .192
Жунусов С. К. (Казахстан), Жумасеитова Г. Т. (Казахстан), Акилова К. Б. (Узбекистан) Шаманские мотивы в музыкально-хореографическом искусстве Казахстана 212
Ахматова М. А., Кетенчиев М. Б., Сахадин М. Х. (Россия) Концепт *айыу* ‘медведь’ в карачаево-балкарской лингвокультуре 234
Геграев Х. К., Геграев И. Х. (Россия) «Мемориал жертвам политических репрессий балкарского народа 1944–1957 годов» — место памяти и проекция будущего 245
Atay Sh. A., Burkitbayeva A. Sh. (Казахстан) The ethics of using anonymous sources in journalistic investigations: Perceptions of Kazakhstani citizens 269
Курганская В. Д., Дунаев В. Ю., Шайкмелев М. С.-А. (Казахстан) Идентификационные стратегии этнических групп Казахстана в контексте интеграции и глобализации (социально-экономический аспект) 283
Дальдинова Э. О.-Г., Кекеева Т. М., Кичикова Н. А., Микитенко Н. Ю. (Россия) Лексико-семантическая специфика калмыцких фамилий 301

РЕЦЕНЗИИ

Макарчук И. Ю., Мамышева Е. П. (Россия) Мультивидовые отношения в кочевом обществе: теоретические и методологические подходы 320
Туймебаев Ж. К. (Казахстан), Бахтикиреева У. М. (Россия), Сыздыкова Ж. С. (Россия) Истоки этничности тувинцев и формирования тувинского языка в синтезирующей концепции Ч. М. Доржу 332

CONTENTS

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Lamazhaa Ch. K., Burkitbayeva Sh. D. (Kazakhstan) Touristic Images of Tuva 5
Cheng L. (China) Chinese Tuvans in *The Book of Tuva* (2005) by Wang Zu 26
Ibraeva A. S., Bayanbayeva Zh. B., Dzholdasbekova B. U., Muminov S. O. (Kazakhstan) Issues of Literary Craftsmanship in the Works of M. A. Khadakhane 37
Balakina G. F., Kharunova M. M.-B. (Russia) Development of Grant Support for Scientific Research in the Republic of Tuva 52
Oorzhak V. O., Asonychev A. A., Badarchi Kh. B. (Russia) Industrial Production in Tuva: From Antiquity to the Early 20th Century....72
Tinikova E. E., Novoseltsev N. R. (Russia) Development of Physical Culture and Sports in Tuva in 1921–2021 82
Ryazantsev S. V., RakhmonovA. Kh., Ryazantsev N. S. (Russia) Decomposition of life expectancy gaps by age between the Republic of Tuva and Moscow using the Arriaga method 95

NATIVE LANGUAGE

Dambyra I. D., Dobrynina A. A., Kechil-ool S. V., Saaya O. M., Selyutina I. Ya. (Russia) Quantitative Characteristics of Tuvan Vowels: Positional Variation 108

DIALOGUE OF CULTURES

Burkitbayeva Sh. D., Tuimebayev Zh. K., Toxeitova A. E., Sadykova R. K. (Kazakhstan) Linguistic Geography of Color: Structural Types of Kazakh and Tuvan Toponyms 127
Nabiolla N., Zhylkybayev D., Seitzhanov Z. (Kazakhstan) Typological Similarity and Ethnocultural Specificity of Kazakh and Tuvan Etiological Myths 148
Abdullina G. R., Alimbayeva G. G. (Russia) Fishing Vocabulary: A Comparative Analysis Based on Bashkir and Tuvan 162
Baudiarova K. B., Yegizbayeva M. K., Meirmanova G. A. (Kazakhstan) Similarity and Differences between the National Children's Games *Asyk* of the Kazakhs and *Kazyk* of the Tuvans 176

TURKIC-MONGOLIAN WORLD

Satanar M. T. (Russia) Archaic Origins of the Image of the Supreme Deity of the Yakut Pantheon in the Olonkho epic ...192
Zhunussov S. K. (Kazakhstan), Jumasseitova G. T. (Kazakhstan), Akilova K. B. (Uzbekistan) Shamanic Motifs in the Musical and Choreographic Art of Kazakhstan 212
Akhmatova M. A., Ketenechiev M. B., Khubolov S. M. (Russia) The Concept of *Aiyu* 'Bear' in the Karachay-Balkar Linguoculture 234
Gegraev Kh. K., Gegraev I. Kh. (Russia) "Memorial to the Victims of Political Repressions of the Balkar People (1944–1957)" as a Site of Memory and a Projection of the Future 245
Atay Sh. A., Burkitbayeva A. Sh. (Kazakhstan) The ethics of using anonymous sources in journalistic investigations: Perceptions of Kazakhstani citizens 269
Kurganskaya V. D., Dunaev V. Yu., Shaikemeliev M. S.-A. (Kazakhstan) Identification Strategies of Ethnic Groups in Kazakhstan in the Context of Integration and Globalization (Socio-Economic Aspect) 283
Daldinova E. O.-G., Kekeeva T. M., Kichikova N. A., Mikitenko N. Yu. (Russia) Lexico-Semantic Specificity of Kalmyk Surnames 301

REVIEWS

Makarchuk I. Yu., Mamysheva E. P. (Russia) Multispecies Relations in Nomadic Society: Theoretical and Methodological Approaches 320
Tuimebayev Zh. K. (Kazakhstan), Bakhtikireeva U. M. (Russia), Syzdykova Zh. S. (Russia) The Origins of Tuvan Ethnicity and the Formation of the Tuvan Language in the Synthesizing Concept of Churguy-ool M. Dorzhu 332

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

DOI: 10.25178/nit.2026.2.1

Статья

Туристические образы Тувы

Чимиза К. Ламажаа, Шынарай Д. Буркитбаева
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье анализируется эволюция туристического образа Тувы в XX–XXI вв. на материале трех групп туристических справочников: советских изданий 1960–1980-х гг., зарубежного путеводителя серии Le Petit Futé начала 2000-х гг. и современных тувинских и российских проектов, ориентированных главным образом на внутренний туризм и региональный брендинг. Теоретической основой исследования служит понимание туристического образа как комплекса эмоциональных и рациональных представлений о территории, складывающихся под влиянием информации, личного опыта и устойчивых дискурсивных форм описания, включая метафорические и оценочные практики. Туристические справочники рассматриваются не только как инструменты продвижения маршрутов и коммуникации между туристической индустрией и потребителями, но и как специфические исторические источники, фиксирующие смену акторов, ценностных акцентов и языковых стратегий репрезентации региона.

Показано, что советские справочники, созданные местными краеведами, конструируют Туву как «край дикой экзотики» и природных и культурных «сокровищ», однако вписанных в идеологический нарратив освоения территории и построения «новой, Советской Тувы»; сакральные аспекты ландшафта и религиозные практики населения зачастую маргинализируются или приводятся как фольклорный фон. Напротив, путеводитель Le Petit Futé формирует образ Тувы как малоизвестной, но крайне притягательной дестинации для иностранных путешественников, акцентируя нетронутую природу, археологическое наследие, этнокультурный колорит, буддийско-шаманские практики и необходимость уважительного отношения к местным нормам. Важную роль здесь играет участие тувинской интеллигенции, что позволяет избегать распространённых негативных клише и частично переопределять внешние представления о регионе.

Современные тувинские и российские издания закрепляют образ Тувы как территории уникальных природных и культурных «сокровищ» и «Tuva Incognita», одновременно подчёркивая её географическую и символическую «центральность» (образ «сердца Азии») и ограниченную инфраструктурную доступность. Отмечается, что конкурсы по определению «драгоценностей» республики усиливают субъектность местных сообществ в формировании туристического бренда, делая их соавторами списка значимых объектов.

Ключевые слова: *Тува; туристический образ; туристический бренд; туристический справочник; туризм; история Тувы*

Для цитирования:
Ламажаа Ч. К., Буркитбаева Ш. Д. Туристические образы Тувы // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 5-25. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.1

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, г. Алматы, 050000, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: lamazhaa@tuva.asia

Буркитбаева Шынарай Дубировна — PhD, и. о. доцента кафедры тюркологии и теории языка Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, г. Алматы, 050000, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: burkitbaeva.1975@mail.ru

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

Touristic Images of Tuva

Chimiza K. Lamazhaa, Shynaray D. Burkitbayeva
Farabi University, Republic of Kazakhstan

The article analyzes the evolution of the touristic image of Tuva in the 20th–21st centuries based on three groups of travel guides: Soviet editions of the 1960s–1980s, a foreign guidebook from the Le Petit Futé series published in the early 2000s, and contemporary Tuvan and Russian projects primarily oriented toward domestic tourism and regional branding. The theoretical framework of the study is grounded in the understanding of the touristic image as a complex of emotional and rational perceptions of a territory shaped by information, personal experience, and persistent discursive forms of description, including metaphorical and evaluative practices. Travel guides are examined not only as tools for promoting routes and facilitating communication between the tourism industry and consumers, but also as specific historical sources that record shifts in actors, value orientations, and linguistic strategies of regional representation.

The study shows that Soviet travel guides, created by local ethnographers and historians, construct Tuva as a "land of wild exotica" and as a repository of natural and cultural "treasures", yet embedded in the ideological narrative of territorial development and the construction of a "new, Soviet Tuva". Sacred dimensions of the landscape and local religious practices are often marginalized or presented merely as elements of folkloric background. In contrast, the Le Petit Futé guide forms an image of Tuva as a little-known yet extremely attractive destination for foreign travelers, emphasizing its unspoiled nature, archaeological heritage, ethnocultural diversity, Buddhist and shamanic traditions, and the need for respectful engagement with local norms. The involvement of the Tuvan intelligentsia plays a significant role here, helping to avoid common negative stereotypes and to partially redefine external perceptions of the region.

Contemporary Tuvan and Russian publications consolidate the image of Tuva as a land of unique natural and cultural "treasures" and as a "Tuva Incognita", while simultaneously highlighting its geographic and symbolic centrality (the metaphor of the "Heart of Asia") alongside its limited infrastructural accessibility. Competitions devoted to identifying the "jewels" of the republic enhance the agency of local communities in shaping the region's touristic brand, turning them into co-authors of the list of culturally significant objects.

Keywords: *Tuva; touristic image; tourist branding; travel guide; tourism; history of Tuva*

For citation:
Lamazhaa Ch. K. and Burkitbayeva Sh. D. Touristic Images of Tuva. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 5-25. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.1

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Chief Researcher, Scientific Research Institute of Turkology and Altaic Studies, Farabi University. Postal address: 71/27 Al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Kazakhstan. E-mail: lamazhaa@tuva.asia
ORCID: 0000-0003-1813-3605

BURKITBAYEVA, Shynaray Dubirovna, PhD, Acting Associate Professor, Department of Turkology and Language Theory, Farabi University. Postal address: 71/27 Al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Kazakhstan. E-mail: burkitbaeva.1975@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8235-4213

Введение

Туристический образ (имидж) региона — это устойчивая система представлений, эмоций и ассоциаций о территории у потенциальных и реальных туристов, которая делает ее узнаваемой и отличимой от других мест. Под туристическим образом региона понимается совокупность эмоциональных и рациональных представлений о туристских особенностях территории, формирующихся из информации и личного опыта путешествий, которые имеют определенные форматы описаний (Фоменко, 2013; Столбовая, 2015), в т. ч. языковых, напр. метафор (Дармаева, Орлова, 2022; Меньшикова, 2025). Он включает природно-географические характеристики, культурное наследие (Королева и др., 2024; Кулаковский, 2024; и др.), инфраструктуру, а также стереотипы, эмоциональный фон, символы и бренды региона (Региональный брендинг … , 2022). В качестве примера можно назвать представления: о Карелии как о крае озер, сосен и спокойного отдыха; о «золотом кольце России» как образе древних городов; о Бурабай как образе курорта — «жемчужины» Казахстана, и др.

Один из российских регионов — Республика Тыва — сегодня имеет сложившийся образ «сердца Азии»[1], поскольку в Туве находится географический центр азиатского материка. Регион также считается местом «особых сил»[2], т. к. здесь сильны традиции шаманизма и буддизма, что позволяет даже предлагать в республику «эзотерический туризм»[3]. Складывание этого образа пришлось на XXI в. и немалую роль в его формировании сыграли представители туристической отрасли, которая сегодня в России достаточно развита, как и во всем мире. Такие специально сконструированные образы еще называют индуцированными, в отличие от органических, сложившихся стихийно.

Если же посмотреть в историческое прошлое страны, региона, отрасли, то можно обнаружить, что туристический образ Тувы претерпевал изменения и выстраивался по представлениям разных акторов сообразно историческим реалиям и их личным установкам. И изучение этих образов также представляется чрезвычайно интересной научной проблемой в междисциплинарном поле истории, географии, туризмоведения, маркетинга территорий и брендинга, социологии, социальной психологии, медиа, культурологии и антропологии.

Туристские справочники считаются изданиями, которые позволяют налаживать эффективную коммуникацию туристических организаций и туристов, поэтому они рассматриваются именно как инструменты продвижения туристских маршрутов, влияющие на туристические потоки (Выскубова, Тестина, 2025: 133). Помимо этого такие издания стали рассматривать и как новый вид литературного жанра, а также и как исторические источники. Исследователи разрабатывают методологию их изучения (Бережок, 2014: 101). Мы предлагаем рассматривать туристические справочники и как репрезентаторы разных туристических образов региона, что подразумевает также и учет времени издания каждого справочника, отношения автора к региону, то есть вопросы субъектности, а также и особенности подачи информации о регионе в справочнике.

Хотя предыстория туристических изданий восходит к всевозможным тревелогам, дневникам путешествий авторов по различным странам, описывающим новые места, т. е. к литературе в жанре путевых заметок, история самих туристических справочников связана с началом XIX в. Первые издания появились в Франции и почти одновременно они вышли и в России (Выскубова, Тестина, 2025: 134–135). Однако поскольку речь идет о Туве, то важно учитывать особенности ее истории в сочетании с историей туризма, которое считается временным путешествием людей за пределы их обычного места жительства с целью отдыха, оздоровления, познания, деловых контактов и других целей, не связанных с переездом на постоянное место жительства или работой в пункте пребывания.

В этом смысле туристическая доступность и ценность Тувы раскрывались не сразу и имеют в своей истории две важные вехи.

[1] Обелиск «Центр Азии» [Электронный ресурс] // Купи билет. URL: https://www.kupibilet.ru/gid/rossiia/kyzyl/obelisk-tsentr-azii (дата обращения: 16.02.2026).
[2] Этно-тур «По местам силы Тувы» [Электронный ресурс] // Tuva Travel. URL: https://tuva-travel.com/ru/tour/etno-tur-po-mestam-sily-tuvy/ (дата обращения: 16.02.2026).
[3] Перспективные виды туризма в регионе. Республика Тыва [Электронный ресурс] // Система обмена туристской информацией. URL: https://nbcrs.org/regions/respublika-tyva/perspektivnye-vidy-turizma-v-regione (дата обращения: 16.02.2026).

Во-первых, край стал доступен для туристического посещения после вхождения Тувы в состав СССР в 1945 г., но только советским гражданам, поскольку будучи приграничным регионом, он был закрыт для посещения иностранцам[1]. Эта многолетняя закрытость Тувы стала причиной появления разных мифов о регионе (Шафранская, Гарипова, Шаймерденова, 2024). Например, в 1940-х гг. его рассматривали как возможное место для нахождения тайного советского атомного города, где разрабатывалось атомное оружие (Mansvetov, 1947: 18–19). Позднее в 1970-х гг. случилась история американского физика Р. Фейнмана, который был заинтригован интересными топонимами типа *Kyzyl*, а также тем, что информации о месте этих названий было почти невозможно найти. Он страстно стремился попасть в эту республику только из-за желания открыть интересное место, но разрешение на посещение было дано ему в виде исключения от Академии наук СССР только в 1988 г., оно пришло на адрес ученого через два дня до его кончины.

Во-вторых, открытие Тувы уже для зарубежных туристов, путешественников, ученых пришлось на 1990-е годы, когда распалась советская страна и въезд в регион для иностранцев стал как в любой другой российский регион. Тем не менее ряд приграничных районов республики (с Монголией) остаются и сегодня в особом режиме и их посещение требует разрешения пограничных органов с соответствие с общероссийскими правилами о пограничной зоне.

Поэтому *целью настоящего исследования* выступает анализ туристических образов Тувы XX–XXI вв., который производится на основе изучения текстов туристических справочников с учетом особенностей туристической истории республики. Речь идет о справочниках трех исторических периодов: 1) справочников советских лет, 2) справочника зарубежного путеводителя начала XX в., 3) российских справочников XXI в., подготовленных в том числе в самой Туве. В соответствии с этой исторической типологией разбор будет производиться в формате решения трех соответствующих задач.

В качестве наших источников выступают следующие тексты и издания. Справочниками советских лет для нас выступают две книги Ф. Журавлева: «С рюкзаком по Туве: Туристические маршруты» 1968 г.[2] и «Путешествуем по Туве. Очерки о достопримечательностях Тувы», 1981 г., вторая написана совместно с З. Журавлевой[3]. Справочник 1990-х г. — путеводитель для туристов «Тува», изданный в рамках популярной французской серии справочников «Ле Пти Фюте» (*Le Petit Futé*) на нескольких языках, в том числе с русскими переводами, 2004 г.[4] И, наконец, справочники постсоветского времени: фотоальбом «Драгоценности Тувы. По итогам специального проекта “Тос Эртине”» 2011 г.[5], а также материал о Туве В. Кузнецова «Загадочная Тува в Центре Азии» в 1-м томе многотомной «Энциклопедии путешествий РГО “Где я должен побывать, чтобы познать Россию!”» — издании Русского географического общества 2018 г.[6]

Обзор литературы

Туристический образ, туристические ресурсы и перспективы Тувы уже вошли в поле зрения исследователей и рассматриваются в последние годы с разных сторон. В основном они сходятся на том, что регион имеет значительный туристический потенциал, но тем не менее не может его реализовать в полной мере по разным причинам. Это привело к тому, что в общероссийском рейтин-

[1] Хотя отдельные путешественники из-за границы, прежде всего из дружественных стран социалистического лагеря, все-таки доезжали до Тувы, очевидно, с разрешения властей. Так, например, в 1964 г. Туву посетили чехословацкие путешественники И. Ганзелка и М. Зикмунд. В хронике культурной жизни республики этот факт отмечается как отдельное событие республиканского значения. См.: Хроника культурной жизни // Улуг-Хем (литературный альманах). 1964. № 7. С. 136.
[2] Журавлев Ф. С рюкзаком по Туве: Туристические маршруты. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1968.
[3] Журавлев Ф., Журавлева З. Путешествуем по Туве. Очерки о достопримечательностях Тувы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1981.
[4] Тува. Путеводитель / авт. М. Строгов; Ле Пти Фюте. 2-е изд. М.: Издательство «Авангард».
[5] Драгоценности Тувы. По итогам специального проекта «Тос Эртине». Фотоальбом. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2011.
[6] Кузнецов К. Загадочная Тува в Центре Азии // Где я должен побывать, чтобы познать Россию / редколлегия: А. А. Манукян и др. М.: Русское географическое общество, 2018. С. 144–149.

ге туристической привлекательности Тува по итогам 2025 г. заняла одно из самых последних мест в нем среди всех российских регионах — 84-е[1].

А. П. Темир-оол в общей характеристике туристско-рекреационного потенциала Тувы отмечает, что в регионе можно назвать несколько видов туризма: активный туризм, оздоровительный, культурно-познавательный, экологический (сельский)[2]. Из перечисленных направлений наиболее обсуждаемыми сегодня являются культурно-познавательный (также называемый и этнотуризмом) и экологические виды (экотуризм).

С. А. Мадюкова, рассматривая перспективы развития этнотуризма в Туве, останавливается отдельно на вопросах особенностей местных жителей — тувинцев, ментальные и этнопсихологические характеристики которых особенно важны для контактов приезжих с носителями этнокультуры[3]. В связи с этим следует понимать и специфику отношения тувинцев к туристам — людям разной этнической принадлежности как к «чужим», и особенности темпа жизни местных жителей (степное, «тувинское» время) и многое другое. В развитии подхода С. А. Мадюкова с О. А. Персидской в совместной статье рассмотрели потенциал этноэкономического уклада жизнедеятельности коренного населения Тувы и Алтая (Мадюкова, Персидская, 2018).

В этом же направлении культурно-познавательного туризма выступает и религиозный туризм, который в Туве выражается в виде посещения буддийских храмов и святынь (Царьков, 2015; Sambuu, 2020). Привлекательность тувинского шаманизма для туризма очевидна, однако, она обсуждается скорее в рамках многочисленных исследований самого современного шаманизма в регионе, а не как подвид регионального туризма (Харитонова, 2018).

Ряд исследователей полагают, что в качестве важных объектов туризма могут быть природные рекреационные ресурсы[4], особо охраняемые природные территории (Монгуш, Намдан, 2018). Возможности геокультурного брендинга Тувы в сравнении с Башкортостаном анализировали Г. Р. Гарипова и Е. А. Богдан (Гарипова, Богдан, 2022). Они также подчеркнули, что оба региона богаты заповедниками, охраняемыми территориями, которые позволяют развивать экотуризм, этнотуризм, геотуризм. Но наличие объектов, которые могли бы быть привлекательными для туристов в Туве, например, биосферного заповедника «Убсунурская котловина», природного парка «Тыва», этнокультурного комплекса «Алдын-Булак», не сопровождается соответствующими инструментами туристических услуг, как отмечают авторы.

Интересный подвид экологического и одновременно научного вида туризма — орнитотуризм (связанного с наличием в Туве богатой авиафауны, т. е. птиц) — рассматривают Т. П. Арчимаева и В. И. Забелин[5].

[1] Опубликован рейтинг туристической привлекательности регионов за 2025 год [Электронный ресурс] // Интерфакс. 2026, 27 января. URL: https://www.interfax-russia.ru/index.php/tourism/news/opublikovan-reyting-turisticheskoy-privlekatelnosti-regionov-za-2025-god (дата обращения: 12.02.2026).

[2] Темир-оол А. П. Оценка состояния и перспектив развития туристской инфраструктуры в Республике Тыва // Инфраструктура пространственного развития РФ: транспорт, энергетика, инновационная система, жизнеобеспечение / отв. ред. О. В. Тарасова. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2020. С. 431.

[3] Мадюкова С. А. Роль этнотуризма в экономическом и социокультурном развитии региона (на примере республик Тыва и Алтай) // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия, Кызыл, 20–23 сентября 2018 года. Кызыл: ТувГУ, 2018. С. 112–117.

[4] Литовченко И. О., Аг-оол Е. М. Природные туристско-рекреационные ресурсы Тувы в туристической деятельности // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: Материалы III международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной 20-летнему юбилею Тувинского государственного университета, Году народных традиций в Республике Тыва, Кызыл, 26–30 июня 2015 года. Кызыл: ТувГУ, 2015. С. 233–236.

[5] Арчимаева Т. П., Забелин В. И. Орнитотуризм — одно из перспективных направлений познавательного и научного туризма в Туве // Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 20-летию ТувИКОПР СО РАН, Кызыл, 14–15 октября 2015 года / отв. ред. Г. Ф. Балакина. Кызыл: ТИКОПР СО РАН, 2015. С. 213–216.

В Туве рассматривается сельский туризм (Кылгыдай, 2018; и др.[1]), и даже изучается туристический потенциал отдельных районов, например, Эрзинского[2].

Изучается и туристическая привлекательность отдельных объектов, которые расположены в Туве, в том числе в главном хранилище объектов материальной культуры тувинцев — в Национальном музее им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Например, Ш. Х. Монгуш и М. А. Монгуш рассматривают коллекцию археологических находок из царского кургана Аржан-2, которая состоит из огромного количества золотых изделий (Монгуш Ш., Монгуш М., 2021). Эта коллекция образовала центральную выставку главного музея Тувы под названием «Сокровища Долины царей. Царский курган Аржан-2» и сегодня считается важнейшим пунктом притяжения для всех туристов, находящихся в столице республики. Авторы, опираясь в том числе на статистику посещаемости, а также на влияние темы экспозиции на культурную жизни Тувы, доказывают, что это не просто «золотой зал», а настоящее культурное явление.

Влияние скифского орнамента на коммуникационный дизайн в Туве может быть основой брендирования объектов туризма, считают Л. С. Фисенко и В. Г. Тихов (Фисенко, Тихов, 2022). Ч. Ш. Дадар-оол пишет о том, что сама столица Тувы — г. Кызыл — также может быть интереснейшей территорией для историко-культурных экскурсий[3].

Туристические программы не обязательно подразумевают и привлечение туристов извне. Авторы рассматривают и внутренний туризм в республике, в том числе и благотворное влияние его на подрастающее поколение (Балчирбай, Дажы, Ооржак, 2010).

А. П. Темир-оол подробно останавливается на одном из самых проблемных аспектов организации туризма в регион — на туристской инфраструктуре[4]. Он отмечает, что власти Республики Тыва стремятся выполнять задачи федерального центра, в т. ч. вводить в строй новые объекты туризма и поддерживать транспортную инфраструктуру, однако, взаимодействие между региональными и федеральными властями не вполне эффективное. Как итог: инфраструктура оставляет желать лучшего. Поэтому в обсуждениях туристического потенциала Тувы, в основном, авторы констатируют возможности, которые есть у региона в этой отрасли[5].

Туризм может быть не только фактором развития культуры, экономики, но может приводить и к изменениям мало ожидаемым, а порой и очень негативным. Так, М. С. Михалев на примере увеличения туристической привлекательности Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая показал, что погоня местного населения — китайских тувинцев — за прибылью, неизбежная в условиях монетизации этничности, стала причиной ценностного и межпоколенного конфликтов поколений (Михалев, 2019).

---

[1] Хольшина М. А., Дадар Ч. Ч. Изучение природных, культурно-исторических и других ресурсов для развития селького туризма в Республике Тува // Актуальные проблемы развития туризма и индустрии гостеприимства: сборник научных трудов II Международной научно- практической конференции, Казань, 23 октября 2019 года. Казань: ООО «Печать-Сервис-XXI век», 2019. С. 319–323.

[2] Кара-Сал И. Д., Додук А. Д. Изучение туристско-рекреационного потенциала Эрзинского кожууна Республики Тыва // Возможности развития краеведения и туризма Сибирского региона и сопредельных территорий: сборник научных статей по результатам двадцать первой Международной научно-практической конференции, посвящённой 180-летию Русского географического общества, Томск, 22–23 октября 2025 года. Томск: ООО «Интегральный переплет», 2025. С. 62–67.

[3] Дадар-оол Ч. Ш. Проектирование историко-культурной экскурсии по краеведческому музею и культурным центрам города Кызыл Республики Тыва // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность — XVI: материалы научно-практической (заочной) конференции молодых ученых, посвященной 100-летию Республики Бурятия, Улан-Удэ, 23 мая 2023 года. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2023. С. 239–242.

[4] Темир-оол А. П. Оценка состояния и перспектив развития туристской инфраструктуры в Республике Тыва // Инфраструктура пространственного развития РФ: транспорт, энергетика, инновационная система, жизнеобеспечение / отв. ред. О. В. Тарасова. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2020. С. 421–442.

[5] См. напр.: Донгак Ч. Г., Ондар А. Д. Туристский потенциал Республики Тыва // Тувинский государственный университет: 30 лет на пути к устойчивому развитию региона через науку, образование и культуру: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию Тувинского государственного университета, Кызыл, 30 октября 2025 года. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2025. С. 501–504.

Отдельно остановимся на работах, значимых для нас в свете обсуждения туристического образа Тувы.

Ч. М.-Х. Тензин и Е. О. Малышева рассмотрели основные факторы развития и перспективы туристской дестинации, т. е. территории со всей туристской инфраструктурой, Тувы (Тензин, Малышева, 2019). Они подчеркивают, что туристская дестинация имеет не только прикладное значение, но и философское, социокультурное, психологическое. Философское значение основывается на восприятии местности, населения и его отношения к месту своего проживания; социокультурное — выражается в разнообразии культур местности; психологическое — в аттракции, притягательности места, имидже и уровне посещаемости. С этих точек зрения Тува, как полагают авторы, может быть чрезвычайно значимой туристской дестинацией, но пока она не достаточно освоена, не раскрыт ее ресурсный потенциал.

М. А. Брагина и В. Н. Левина исследовали виртуальных образ Тувы, который складывается сегодня в разножанровых текстах о путешествиях в Рунете: блоках, постах, сайтах (Брагина, Левина, 2023). В основном эти тексты передают общую характеристику региона как уникального. Д. С. Скнарев, М. М. Русакова, Н. Ю. Нелюбова также рассмотрели туристический бренд Тувы в блогах, в видеохостингах, на различных сайтах — СМИ, туристских и пр. (Скнарев, Русакова, Нелюбова, 2023). Выявленные тексты авторы-филологи проанализировали как специфический языковой материал, выделяя наиболее употребимые эпитеты, понятия, словосочетания, которые связываются с образом Тувы.

Представления о Туве в немецкой публицистике рассмотрены Л. В. Комуцци и И. В. Карпуниной (Комуцци, Карпунина, 2021). Медиалингвистический анализ текстов, опубликованных в 2021-2021 гг. 30 статей в газетах и журналах Германии, позволил авторам оценить аксиологию видения центральноазиатского региона в них.

Однако, тема имиджа региона не может обходиться только позитивными характеристиками. И. С. Тарбастаева справедливо отмечает, что имидж региона также может складываться стихийно, как результат сложившихся впечатлений от событийных рядов, выстраиваемых СМИ. Так, местные жители Тувы в российском информационном пространстве могут восприниматься и через агрессивный образ «тувинца с ножом»[1].

Таким образом, мы видим, что туристические возможности, перспективы и образы Тувы достаточно много обсуждаются нашими коллегами. Тем не менее, туристические справочники, как современные издания, так и прошлого, до сих пор почти не входили в поле внимания авторов[2]. Впервые мы обратили внимание на данный вид источника в нашей недавней публикации о горах в Туве (Ламажаа, Майны, 2026). Мы обнаружили, что тема тувинских сокровищ, в т. ч. горных святынь, открывается с новой перспективы, если учитывать, кто ее поднимает и увидели разницу представлений о Туве и ее богатствах, которые можно и нужно познать туристам. В этой же статьи мы развиваем наши предварительные наблюдения.

Советские справочники

Наиболее известными туристическими справочниками о Туве советского времени считаются книги краеведа, учителя литературы и русского языка средней школы № 1 г. Кызыла Ф. А. Журавлева «С рюкзаком по Туве: Туристические маршруты» 1968 г.[3] (была переиздана в Тувинском книжном

[1] Тарбастаева, И. С. Имидж региона и национальная политика: «стихийный» имидж Тувы // Россия — пространство диалога народов : Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 27–30 апреля 2017 года. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2017. С. 54.

[2] Тем не менее, отдельные публикации по истории туризма Тувы упоминают справочники Ф. А. Журавлева. См.: Балчирбай М. В. Из истории становления детского и спортивно-оздоровительного туризма в Туве // Вестник Академии детско-юношеского туризма и краеведения. 2016. № 3 (120). С. 19; Монгуш Н. В. Значение учебных пособий и картографического материала для школьных курсов географии // География Тувы: образование и наука : Материалы Республиканской научно-практической конференции к 85-летию первого учёного-географа Тувы К. О. Шактаржика, Кызыл, 27 октября 2016 года / отв. ред. В. И. Лебедев. Кызыл: ТИКОПР СО РАН, 2016. С. 122; и др.

[3] Журавлев Ф. С рюкзаком по Туве: Туристические маршруты. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1968.

издательстве в 1971 г.) и «Путешествуем по Туве. Очерки о достопримечательностях Тувы», 1981 г. (написанная совместно с З. И. Журавлевой)[1] (*фото 1*).

Надо сказать, что помимо них есть еще и более ранний справочник А. М. Степанова «Туристские маршруты Тувы» 1967 г.[2] из популярной советской книжной серии издательства «Физкультура и спорт» «По родным просторам», которая выходила с конца 1950-х до конца 1980-х гг.

Фото 1. Коллаж обложек туристических справочников Ф. А. Журавлева.
Photo 1. Collage of covers of F. A. Zhuravlev's travel guides.

Ф. А. Журавлев также вместе с З. И. Журавлевой издал в 1972 г. книгу «Искры Октября», посвященную истории революционных событий в Туве[3]. В целом он активно публиковался в местной прессе, в т. ч. в газете «Тувинская правда», и считается одним из известных в Туве краеведов советских лет.

В первой из рассматриваемых нами книг (в переиздании 1971 г.), в предисловии автор-составитель сразу подчеркивает назначение издания: «Эта книга ставит своей целью помочь развитию туризма в Тувинской республике»[4]. В книге присутствуют не только тексты, написанные самим Ф. А. Журавлевым, но также и статьи других авторов: З. Журавлевой, А. Арагачи, Л. Писаревой, О. Сальниковой, И. Тюмкина, Н. Ярославцева, К. Салчак — жителей республики. Исходя из практической задачи книги, структура ее составлена соответственно. Она содержит два раздела: «Походы выходного дня» и «Многодневные путешествия». При этом изложение почти всегда подразумевает развитие активного вида туризма, когда основной способ передвижения по маршруту связан с заметной физической

[1] Журавлев Ф., Журавлева З. Путешествуем по Туве. Очерки о достопримечательностях Тувы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1981.
[2] Степанов А. М. Туристские маршруты Тувы. М.: Физкультура и спорт, 1967.
[3] Журавлев Ф. А., Журавлева З. И. Искры Октября: Документально-художественная повесть (о Н. Г. Крюкове и С. К. Беспалове). Кызыл: Тувкнигоиздат, 1972.
[4] Журавлев Ф. С рюкзаком по Туве: Туристические маршруты. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1971. С. 8.

нагрузкой туриста (пешком, на лыжах, велосипеде, в лодке и т. п.), а не пассивным пребыванием на курорте или в отеле.

В каждом случае автор дает важную информацию: какой вид путешествия подразумевается (пеший, авто, мото, велосипедный, водный), какова протяженность маршрута в километрах и продолжительность — в днях. В книге есть иллюстрации — фотографии с мест, но в силу типографических возможностей тех лет, иллюстрации черно-белые и большинство очень размыты.

В качестве дестинаций для кратковременных походов на выходные дни (2–3 дня) Ф. А. Журавлев (автор всех текстов этого раздела) предлагает следующие места недалеко от Кызыла: лесной участок Кок-Тей, гору Тоге (очевидно, речь идет о горе Догэ), заброшенный поселок Ондум, таежные дебри рядом с Кызылом, Ээрбекские штольни, местность около п. Сесерлиг и Пень-старик (пень лиственницы, на котором образовался болезненный нарост, похожий на голову старика). Отдельно Журавлев рекомендует экскурсионную программу по столице Тувы — Кызылу.

Для многодневных маршрутов предлагаются разные направления. Например, поездка (автомототур) от Кызыла в сторону г. Абакана, с заездом в г. Абазу, г. Ак-Довурак и возвращением в Кызыл. Маршрут пролегает через Усинский тракт, туристы смогут увидеть Ленинский мемориал в с. Шушенское, Саяно-Шушенскую ГЭС, железный рудник в Абазе, асбестовый комбинат в Ак-Довураке. В описании маршрута автор также приводит исторические справки о событиях прошлого, которые оставили отпечаток на объекты по пути. Обещаются изумительные природные виды, поясняются особенности дороги. Поскольку также описания сопровождаются местными легендами, записанными краеведами от местных жителей, от стариков, то, на наш взгляд, туристический справочник тем самым имеет и определенную источниковую ценность для фольклористов, для историков[1].

Таким же образом раскрываются маршруты и в других направлениях. Интересно, что поход по местности вокруг озера Азас назван пешим, хотя до Тоджи (района, где расположен Азас) в советское время было только авиасообщение. Опуская эту необходимую часть поездки, автор рассказывает о том, что туристы смогут увидеть на озере. Здесь им обещают купание, загорание, рыбалку.

7-дневный пеший маршрут под названием «Тропою легенд» пролегает в сторону белой скалы Ак-Дуруг, по берегам рек Чаа-Холь и Чадан (Чаа-Хольский район Тувы). Главной целью путешествия называется пятиметровый водопад. По пути туристы могут увидеть и развалины «хуре» на правом берегу Чаданы. Автор не дает ему названия, но мы понимаем, что речь идет об Устуу-Хурээ, одном из крупнейших буддийских храмов Тувы, построенном нойоном Хайдыпом, разрушенном в 1937 г. В 2008–2012 гг. храм был восстановлен, но в новом виде, рядом с развалинами.

Авторы также предлагают знакомиться и со школьными краеведческими музеями районов, как, например, в маршруте на озера Чагытай и Дус-Холь. Они указывают на сложности троп, поясняют как не заблудиться. Описания детальны, даже с заданием азимута направления, в том числе и потому что у издания нет карт, по которым можно ориентироваться. Только текст и отдельные фотографии. Особые предостережения авторы дают в связи с маршрутом по реке Кызыл-Хем, которую они называют даже «туристской Меккой»[2], очевидно, для любителей речного сплава, которых «Кызыл-Хем уже немало поглотил смелых, но недостаточно подготовленных»[3]. Очевидно, поэтому авторы рекомендуют маршрут как пеший.

В целом, туристический справочник «С рюкзаком по Туве» представляет республику глазами местных краеведов, которые хорошо знают эти места, указывают куда лучше сходить, съездить, что посмотреть и на что обратить внимание, чтобы в полной мере понять те идеи, которые прозвучали в предисловии к изданию «Тува — это край своеобразной дикой экзотики», «Тува — край несметных

[1] И наши коллеги уже начали включать издание в свой круг источников. Напр.: Ханмагомедов Х. Л., Гебекова А. Н. Русская топонимия и поселения в тывинской этноязыковой среде: возникновение, функционирование, современное состояние, перспективы изучения // Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы: Материалы Российской научной конференции с международным участием, Элиста, 24–26 октября 2016 года / отв. ред. Т. С. Есенова. Элиста: Джангар, 2016. С. 331.

[2] Журавлев Ф. С рюкзаком по Туве: Туристические маршруты. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1971. С. 213.

[3] Там же.

земных сокровищ»[1]. Это справочное издание для туристов — покорителей вершин, открывателей новых мест, не боящихся никаких трудностей, суеверий, проблем, т. е. именно активных, энергичных людей, которыми должны были быть советские люди. Последним разделом «Полезные советы» авторы дают большой перечень советов что с собой брать в путешествия из еды, инструментов, как и чем лечить несложные травмы в дороге, как вести себя и правильно распределять нагрузку.

Стилистически изложение вполне соответствует идеям советских изданий, содержит установку на исследовательский интерес, любопытство и желание познать новые места, но при этом в атеистическом духе, часто без упоминаний о том, что местность имеет какое-то особое значение для населения. Так, гора Хайыракан описывается автономно, без оглядки на то, что эта одна из самых почитаемых у населения гор: «Если внимательно всмотреться в южный склон горы Хайыракан, то можно различить очертания массивного человеческого лица. Два больших красно-белых пятна — глаза, шлейфы осыпей образуют нос, ниже из видны складки рта»[2]. Однако, полностью избежать темы местных верований авторы не могут. В ряде мест называются священные аржаны (целебные источники), и есть также фотография каменной кладки, на которой явно тувинцы сложили дары хозяину аржана: ритуальные чашки, продукты. Кстати, этот эпизод показывает (а, напомним, это издание 1971 г.), что шаманистские верования у тувинцев в советское время так и не были искоренены, что религиозно-обрядовая жизнь продолжала вестись, несмотря на запрет религии.

Авторы предполагают и то, что туристы увлекаются геологией, поэтому советуют пополнить «свою геологическую коллекцию» образцами порой, например, с правого берега р. Эрзин[3].

Советский стиль также виден и в описании исторических событий 1920-х гг.: «Четыре тысячи солдат вел сюда белый генерал Бакич. Но мутная волна белогвардейского нашествия разбилась о стойкость красных партизан»[4]. При описании горы Монгун-Тайги отмечается, что на ее вершине красноярскими альпинистами установлен бюст В. И. Ленина[5]. Здесь также звучат советские штампы, распространенные в то время, сравнивающие отдельные местности или всю Туву «Швейцарией»[6].

Вторая книга «Путешествуем по Туве», вышедшая десять лет спустя после переиздания первого справочника[7], выстроена не как справочник для туристов с маршрутами и важными сведениями для их прохождения. Как и гласит подзаголовок книги — это «Очерки о достопримечательностях Тувы», в которых авторы старательно изложили все собранные ими интересные сведения о местах, чтобы заинтересовать туристов. Это «приглашение к путешествию» в Туву, в «этот замечательный край в центре Азии, где в удивительной неповторимости смешались почти все ландшафты нашей страны»[8], — как написал редактор издания О. Гаврилов в предисловии. Очевидно, читатели должны были рассматривать его как дополнительное издание для более углубленного понимания истории мест в республике. Тем не менее, мы его также условно отнесли к жанру рассматриваемых справочников, передающих определенный туристический образ Тувы.

Структура книги состоит из разделов: «Из легендарного прошлого», «Горные богатства Тувы», «Сокровища тувинской природы». Стиль изложения в данном издании более художественный, эмоциональный. Здесь также присутствует советский подход в описании всего.

В первую очередь подчеркивается, что «сегодня Тува — это уже не отсталый медвежий уголок Сибири, каким она была до начала Народной революции. Вместе со всеми народами Советского союза трудящиеся Советской Тувы стремятся претворить в жизнь великую цель — создать изобилие материальных и культурных ценностей, построить материально-техническую базу коммунизма»[9].

[1] Там же. С. 6.
[2] Там же. С. 163.
[3] Там же. С. 163.
[4] Там же. С. 130–131.
[5] Там же. С. 222.
[6] Там же. С. 6.
[7] Журавлев Ф., Журавлева З. Путешествуем по Туве. Очерки о достопримечательностях Тувы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1981.
[8] Там же. С. 3.
[9] Там же. С. 4.

В изложении легенд присутствует критическое отношение к религии и священнослужителям:

> «В начале XIX века тувинский шаман из Даа-хошуна смастерил себе одежду “из даг-дугу”, т. е. “горной шерсти”, как позже тувинцы стали называть асбест. Не раскрывая секрета изготовления и пользуясь невежеством своих земляков, он долго и всерьез дурачил их, утверждая, что его одежды священны и поэтому недоступны огню. Авторитет хитрого шамана рос в глазах аратов, когда он, занимаясь камланием у костра, демонстрировал несгораемость своих одеяний. Араты верили в его близость к богу»[1].

В завершении издания дана рекомендуемая научная литература о Туве: монографии, справочники, словари, всего около 20 наименований. Здесь также есть черно-белые, не всегда четкие фотографии.

Таким образом, рассмотренные туристические справочники советского времени выражают дух своего времени. Они представляют Туву как экзотический край, край культурных и природных сокровищ, которые предлагается активным туристам для изучения, освоения, постижения и определенного рода покорения. Туристический образ Тувы выстроен при помощи местных краеведов, тем не менее выражен вполне в советском стиле, где территория и природа — это то, чем советский человек может любоваться, но при этом также относиться к ним как к освоенной, покоренной земле свободных и трудящихся людей. Как гласят слова из одного издания: «… самое главное, что увидят туристы, — это новую, Советскую Туву с ее талантливым народом, с его трудовыми успехами…»[2].

Зарубежные справочники

Путеводитель для туристов «Тува», изданный уже в постсоветское время в рамках популярной французской серии справочников «Ле Пти Фюте» (*Le Petit Futé*) на нескольких языках, в том числе с русскими переводами, увидел свет в 2004 г.[3]

Перед тем, как перейти к пояснению его структуры и изложению его содержания, скажем несколько слов о самой серии.

Le Petit Futé — это частная французская серия туристических путеводителей, созданная в 1970-е гг. и ставшая с тех пор одним из крупнейших независимых издательских проектов на рынке путеводителей. Первый путеводитель вышел в г. Нанси в 1976 г. как небольшой городской гид по «хорошим адресам». Серия была создана двумя студентами Высшей коммерческой школы (Hautes Études Commerciales) Д. Озья и Ж.-П. Лабурдеттом, которые сформировали издательство Nouvelles Éditions de l’Université[4]. Изначально это был «студенческий» проект с упором на рекламу местных заведений как бизнес-модель (вставка рекламных блоков в путеводители). Но спустя четверг века проект вырос до определенного культурного феномена: к началу 2010-х гг. *Le Petit Futé* предлагал около 600 названий, покрывающих 186 стран, и ежегодно обновлял примерно 500 гидов (из них около 300 — зарубежные направления). Внутри серии есть несколько коллекций, в т. ч. путеводители по странам, которые стали развиваться с 1992 г.

На российский рынок *Le Petit Futé* пришел в 1996 г., и был назван газетой «Коммерсант» путеводителем «для веселых и находчивых»[5]. Собственно эта легкость заложена в названии самой серии: *futé* переводится как ‘хитрый’, ‘хитрец’, соответственно *Le Petit Futé* это ‘Маленький хитрец’. Также и раскрывается суть проекта:

> «На этой серии лежит печать стиля эпохи автостопа: остроумие, молодость духа, забавный тон, откровенность (вы не раз встретите здесь слова “отвратительный” или “ужасный”). Вместе с тем это путеводители не только для молодежи. Они помогают понять ту нехитрую (и все еще недоступную нашим турагентствам) истину, что все люди разные: одни хотят на дискотеку, другие на пляж, третьи в музей, а четвертые в ресторан. Философия Le Petit Fute состоит в том, что все эти желания должны быть удовлетворены по высшему разряду вообще или хотя бы по меркам данного города. В этих книгах вы

[1] Там же. С. 43–44.
[2] Журавлев Ф. С рюкзаком по Туве: Туристические маршруты. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1971. С. 6.
[3] Тува. Путеводитель / авт. М. Строгов; Ле Пти Фюте. 2-е изд. М.: Издательство «Авангард», 2004.
[4] La société Petit Futé [Электронный ресурс] // Petit Futé. URL: https://www.petitfute.com/information/societe.html (дата обращения: 22.02.2026).
[5] Заграничные путешествия для веселых и находчивых [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 1996, 28 сентября. URL: https://www.kommersant.ru/doc/240372 (дата обращения: 22.02.2026).

найдете все то, что обязательно должны увидеть, услышать, съесть или купить в том или ином месте, чтобы не жалеть потом всю жизнь»[1].

Как подчеркивается в газетной публикации, путеводители серии предназначены для людей разборчивых, прагматичных, экономных, образованных, меньше ощущающих себя туристами-покупателями, и больше туристами-художниками, для которых главное — атмосфера.

Российское направление в серии представлено отдельной коллекцией изданий, раскрывающих как Москву, так и отдельные регионы, например, Сибирь, а также республики, в т. ч. Туву. Справочник «Путеводитель. Тува» имеет два издания — 2003 г. (1 издание) и 2004 г. (2 издание) (*фото 2*).

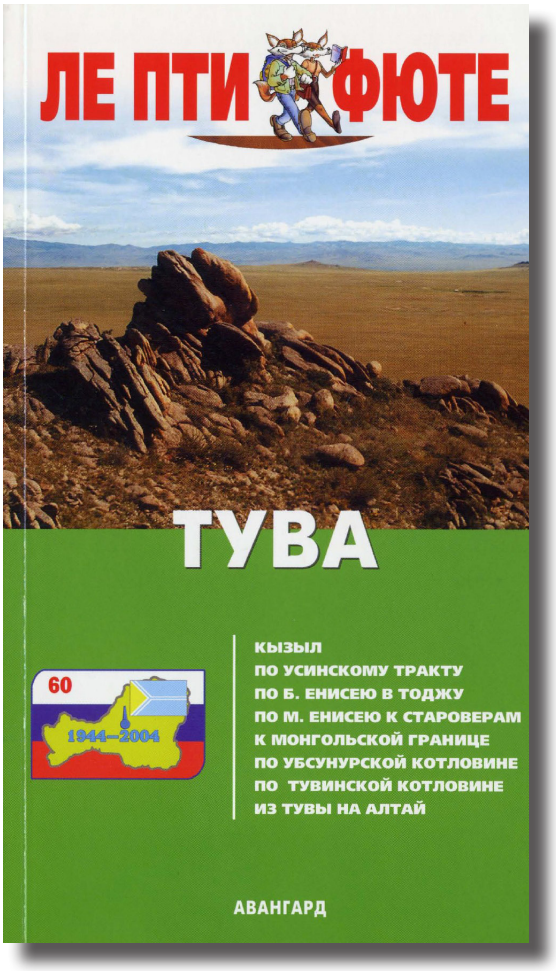

Фото 2. Обложка второго издания «Тува. Путеводитель» 2004 г. из серии Le Petit Futé.
Photo 2. The cover of the second edition of "Tuva. The 2004 Guidebook" from the Le Petit Futé series.

Для написания обзоров по регионам издательство опирается на сеть авторов, корреспондентов, которые собирают и обновляют локальную информацию. Составителем тувинского путеводителя выступил А. Юдин. При этом в подготовке участвовал и П.-К. Броше, генеральный директор издательства «Авангард», официального партнера-лицензиата французского издателя *Le Petit Futé*. В выходных данных также перечислены и имена авторов, корреспондентов местных жителей, при помощи которых была подготовлена книга: Дмитрий Алешкин, Ольга Байыр-оол, Светлана Бапа, Елена Бянкина, Дмитрий Вальков, Владислав Канзай, Андрей Катаев, Анатолий Комбу, Борис Кужугет, Рада

[1] Там же.

Чакар, Константин Чугунов. Как мы видим, в данном составе есть и ученые, и журналисты, и педагоги, и др. представители тувинской интеллигенции.

Справочник имеет предисловие от имени тогдашнего председателя правительства республики Ш. Ооржака. Руководитель региона напрямую обращается к иностранным гостям и предлагает увидеть «в Туве нечто большее, чем только экзотические достопримечательности, исторические памятники и прочие материальные атрибуты туристического бизнеса. … А это нечто — душа народа, простых людей»[1]. Это большее, по мнению Ш. Ооржака, помогает познать Туву по настоящему:

> «Наш народ и наша земля еще хранят многовековые обычаи жизнелюбивых кочевников, следы перекрестья древнейших цивилизаций, от скифской и китайской до европейской, отзвуки чингисхановских страстей и покорения Сибири, причудливое смешение разных религий мира: старообрядческой, шаманистской, буддистской, и еще много других, пока нераскрытых страниц человеческой истории»[2].

В соответствии с общей философией серии, справочник выстроен по другому принципу, чем рассмотренные нами выше издания, и дает в сжатом виде максимально полезную и интересную информацию о крае, который может быть совершенно неизвестен путешественникам. Содержание состоит из разделов: «Визитная карточка республики», «Таблица расстояний до Кызыла», «Регион туристический», «Перед отъездом», «В республике», «Природные условия», «Истории», «Быт и традиции тувинцев», «Тувинский язык», «Религия», «Русские в Туве», «Кто есть кто», «Что есть что», «Кызыл», «По Усинскому тракту», «По Большому Енисею в Тоджу», «По Малому Енисею к староверам», «К югу от Кызыла», «По Убсунурской котловине», «По Тувинской котловине», «Из Тувы на Алтай», «Алфавитный указатель». Издание частично полноцветное и щедро иллюстрировано цветными и черно-белыми фотографиями.

Туристический образ Тувы обрисован основными характеристиками в разделе «Регион туристический», где подчеркивается магнетизм территории и перечисляются его аспекты: нетронутая природа, разнообразие ландшафтов, а также флоры и фауны. Тува — это и «магнит», и «богатейший археологический заповедник», в котором есть многообразие археологических памятников разных эпох. Третья характеристика образа — «этнический колорит», к которому авторы отнесли «быт русских староверов, камлание шаманов, горловое пение, национальная борьба хуреш, возможность пожить в настоящей юрте и вообразить себя древним кочевником»[3].

В справочнике есть сведения для разных видов туристической активности:

— рафтинг (от англ. *rafting* ‘сплав (на плотах / рафтах’) — для желающих сплавиться на горных реках,

— автомобильный туризм,

— пеший туризм,

— конный туризм,

— экотуризм,

— спортивная охота и рыбная ловля.

Много практически полезной информации о полезных сайтах, о прививках от клещевого энцефалита, об одежде, снаряжении, о телефонах, о вариантах проезда до Тувы из Москвы, о том, как и где надо зарегистрироваться иностранцам в самой республике.

Историческая справка о Туве начинается со времен заселения территории древнего человека, содержит информацию о государственных образований, в состав которых входил регион и его население. Отдельно поясняется история «шестидесяти богатырей», известного восстания 1883–1885 гг., рассказывается об образовании Тувинской Народной Республики (ТНР). В иноязычной научной и популярной литературе встречаются мнения об особой форме присоединения ТНР к СССР, которые отличаются от точки зрения советской и современной российской исторической науки о Туве. Поэтому не удивительно, что туристическое издание иностранного производства также затронуло этот и другие острые вопросы тувинской истории, но тем не менее в самых общих формулировках в разделе «Тува в составе СССР и Российской Федерации»[4].

[1] Тува. Путеводитель / авт. М. Строгов; Ле Пти Фюте. 2-е изд. М.: Издательство «Авангард», 2004. С. 9.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 15.
[4] Там же. С. 48–51.

Много внимания авторы уделили описанию традиционного быта тувинцев, продуктов питания, норм поведения. Справочные сведения о тувинском языке сопровождаются даже мини-словарем и мини-разговорником, чтобы иностранцы могли правильно называть по-тувински объекты и предметы, задавать простые бытовые вопросы, правильно обращаться к местным жителям.

Интересный список имен представлен в разделе «Кто есть кто». Здесь мы видим имена исторических личностей, включая Монгуша Буяна-Бадыргы. Также и деятели культуры, искусства, ученые, музыканты, певцы, политики. Раздел «Что есть что» рассказывает о горловом пении тувинцев, национальных праздниках, о тувинских марках (периода ТНР, одних из наиболее редких в мировой филателии) и пр.

Отдельный раздел о Кызыле позволял гулять по столице республике и быть осведомленным о памятниках, музеях, знать места шаманских клиник, буддийских центрах и пр. Даны советы о столичных гостиницах, услугах, ценах.

Местные пункты на территории Тувы снабжены информацией о расстоянии от Кызыла, телефонах местных администраций, гостиниц, музеях, природных и культурных достопримечательностях. В описаниях отмечаются и такие характеристики, которых мы практически не встречали в советских справочниках. Например, гора Онгуннар, указывается в этом издании, это «священная гора рода Кыргыс»[1]; «По преданию, это место (речь идет об окрестностях горы Хайыракан. — *Авт.*) обладает особой мистической силой и способностью врачевания. Здесь тувинцы обращаются с просьбами к Будде и уносят у сердца горсть священной земли»[2]. Есть подсказки, типа: «Гора вызывает трепет у местного населения, водители с осторожностью объезжают каждый кустик, боясь вызвать недовольство духа горы»[3]. Среди советов встречаются такие подробности, которые свидетельствуют об особенностях организации государственной границы между Тувой-Россией и Монголией в то время: «Лучше попросить кого-нибудь из местных проводить вас от Ак-Чыраа, хотя озеро (Убсу-Нур. — *Авт.*) оттуда уже видно. Дело в том, что граница с Монголией не везде имеет маркировку и вы рискуете заехать на территорию другого государства, а это может быть чревато неприятностями»[4].

Таким образом, в данном справочнике мы видим туристический образ Тувы уже иного характера. Это притягательное место уже для иностранцев, которые получили возможность добраться до него и открыть для себя. Виды туристической активности остались также активными, тем не менее изменился подход к пониманию дестинации. Теперь Тува — не регион советских тувинцев, которые стали безусловно жить счастливо в новых условиях, как утверждала советская политика; теперь это регион древней истории, в которой влияние России, советского государства хотя и стало решающим в XX веке, тем не менее оно не смогло полностью изменить культуру населения, природные ландшафты. Составители зарубежного туристического справочника предлагают открыть для себя новую дестинацию, но сделать это, принимая и уважая особенности края, а также поведение, отношение населения к себе, к родным местам.

Надо отметить также, что благодаря участию местной интеллигенции в создании контента справочника, изданию удалось избежать вопросов устойчивых негативных клише о Туве как российских, так и западных. Если рассматривать очерки о Туве, которые выходили в те годы, например, в немецкоязычных СМИ (газетах и журналах), то, как показали Л. В. Комуцци и И. В. Карпунина, то для иностранцев, не бывавших в республике, это край холодный зимой и жаркий — летом (Комуцци, Карпунина, 2021: 96). Туристы же, которые смогли съездить туда, уже считают, что Тува — это «грандиозные ландшафты, тысячелетняя традиция, культурно-исторические сокровища, сохранившийся кочевой образ жизни и смесь буддизма с повсеместно практикуемым шаманизмом» (там же: 97).

[1] Там же. С. 141.
[2] Там же. С. 151.
[3] Там же. С. 144.
[4] Там же. С. 146.

Тувинские и российские справочники XXI века

После некоторого периода стабилизации экономической и политической неустойчивости рубежа XX–XXI в. в самой Туве также появились инициативы региональной власти по формированию туристического образа республики.

Как и в прошлом, основной акцент был сделан на природные и культурные достопримечательности Тувы, до которых могут добраться любознательные и заинтересованные и активные туристы, которые не боятся поменять несколько видов транспорта, и готовы также совершать много пеших прогулок, подниматься по горам и пр.

Так, в 2010 г., в Год туризма республики был проведен проект «Тос Эртине» («Девять сокровищ»), автором идеи, инициатором которого выступил глава республики того периода (2007-2021) Ш. Кара-оол. Это был конкурс, направленный на выявление и продвижение самых важных достопримечательностей республики, которые могли бы повысить туристическую привлекательность региона. Был организован экспертный совет с участием краеведов, ученых. Проект проходил в несколько этапов, на которых в том числе собирались заявки, велись исследования туристических объектов. Он активно освещался в местных СМИ[1]. Объектов, которые были названы в заявках, поступивших не только со всей республики, но из-за ее пределов, оказалось так много, что «Девять сокровищ» в итоге стали представлять 49 объектов, отобранных комиссией.

Информация о них представлена в красочном популярном издании «Драгоценности Тувы. По итогам специального проекта “Тос Эртине”»[2] (*фото 3*).

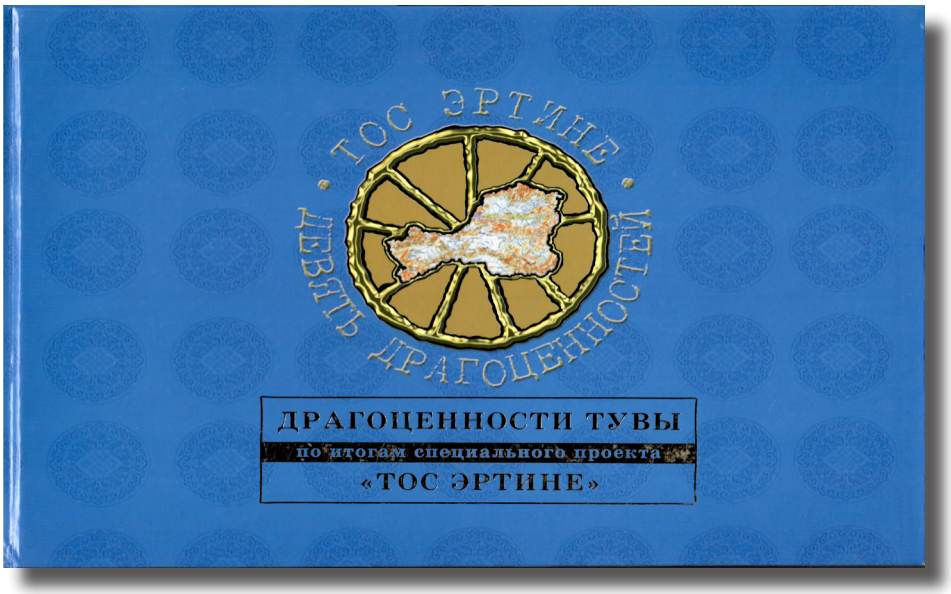

Фото 3. Обложка издания «Драгоценности Тувы. По итогам специального проекта “Тос Эртине”», 2011 г.
Photo 3. The cover of the publication “Jewels of Tuva. Based on the results of the special project ‘Tos Ertine’”, 2011.

Издание не является полноценным туристическим справочником, поскольку не содержит практически полезной для туристов информации о транспорте, местах проживания, условиях, маршрутах и пр. Здесь только красочные фотографии того, что само население назвало «драгоценностями». Собственно вся структура издания и состоит из предисловия и 49 разделов с фотографиями и описания

[1] Оюн Д. Краеведы Тувы заявили на конкурс «Девять драгоценностей» более 120 достопримечательностей [Электронный ресурс] // ИА Тува-онлайн. 2010, 11 марта. URL: https://www.tuvaonline.ru/2010/03/11/1919_tosertine.html (дата обращения: 11.07.2025).
[2] Драгоценности Тувы. По итогам специального проекта «Тос Эртине». Фотоальбом. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2011.

«сокровищ». В том числе: горы Хайыракан, Ак-Хайыракан, Бай-Тайга, Догээ, Монгун-Тайга и др.; озера Азас, Сут-Холь, Дус-Холь, Кара-Холь и др.; археологические памятники, напр., скалы с петроглифами Бижиктиг-Хая, дворец Пор-Бажын и др. Помимо природных объектов названы и праздники (Шагаа, Наадым), старообрядчество как образ жизни старообрядческих поселений в таежных местах, скифское золото, которое экспонируется в Национальном музее Тувы, и даже юрта как традиционный вид жилища тувинцев.

Туристический образ Тувы глазами местных жителей, тувинцев, представляется как образ не только земли неизвестной — *Tuva Incognita*, как называется предисловие издания[1].

Интересно то, что история американского физика Р. Фейнмана (о чем было сказано во введении), увлекательно рассказанная в книге его друга Р. Лейтона с названием «Tuva or Bust!»[2], т. е. «Тува во что бы то ни стало», с тех пор сама стала легендой, частью туристического образа региона.

Описание этого образа в издании начинается с характеристики необъяснимой притягательности места, куда так страстно стремился Р. Фейнман; куда много лет позже приехал другой молодой американец послушать горловое пение и остался жить, женился; куда регулярно приезжают на приемы к шаманам чехи, немцы, итальянцы, японцы и др. иностранцы. Что же их так тянет в этот край, задаются вопросом составители фотоальбома и тут же отвечают: «Дело, видно, в самой Туве. Точнее в ее абсолютной неизведанности»[3]. Используя все еще живучие советские штампы сравнений территорий с территориями европейских стран («порядочный кусок планеты (с Португалию, Голландию, Бельгию и еще с десяток Монако, вместе взятых)»), авторы подчеркивают, что он остается неизведанным, причем не только для зарубежных туристов, но даже и для жителей самой республики, что вполне справедливо, поскольку мало кто из них смог побывать во всех названных в справочнике местах. Даже сами организаторы конкурса, которые выбирали номинации и которые должны были посетить их, не могли похвастаться тем, что видели это все в родной республике. Поэтому открытие Тувы сравнивается с «открытием Америки» и использование этого фразеологизма, как мы знаем, заключает в себе два пласта смыслов: великое открытие огромного неизведанного континента (буквальный смысл) и открытие того, что казалось всем давно известно (переносный смысл). Поскольку переносный смысл содержит обычно иронический контекст, подозреваем, что авторы не осознавали этого.

Описания каждого сокровища изобилуют эпитетами: «волшебный», «единственный», «священный», «уникальный», «самый большой», «живописнейший», «сказочный», «причудливый» и пр.

Надо сказать, что такой подход в создании справочного издания и транслируемого им образа Тувы как территории сокровищ во многом «унаследован» от тувинского издания «Сокровища культуры Тувы» (выпуск 7 2006 г.) серии «Наследия народов Российской Федерации»[4]. В этом полноцветном подарочном издании также перечислены как природные достопримечательности Тувы, так и культурные ценности. Однако, туристический образ региона в издании 2006 г. во многом сохраняет отпечаток советского времени со сдержанными клише в описаниях: «Тува — это горно-котловинная земля», «Тува — это страна бесчисленных рек и озер, широких степей и высоких синих гор», «это уникальный уголок планеты» и пр.[5]

Можно сравнить туристический образ из рассмотренных справочников с материалом о Туве В. Кузнецова «Загадочная Тува в Центре Азии» (*фото 4*) в 1-м томе многотомной «Энциклопедии путешествий РГО “Где я должен побывать, чтобы познать Россию!”» — издании Русского географического общества 2018 г.[6]

[1] Там же. С. 4.
[2] Leighton R. Tuva or Bust! Richard Feynman’s Last Journey. W. W. Norton, 1991.
[3] Драгоценности Тувы. … С. 4.
[4] Сокровища культуры Тувы / Наследие народов Российской Федерации. Вып. 7. М.: НИИЦентр, 2007.
[5] Предисловие Ш. Д. Ооржака // Сокровища культуры Тувы / Наследие народов Российской Федерации. Вып. 7. М.: НИИЦентр, 2007. С. 2.
[6] Кузнецов К. Загадочная Тува в Центре Азии // Где я должен побывать, чтобы познать Россию / редкол.: А. А. Манукян и др. М.: Русское географическое общество, 2018. С. 144–149. См. также страницы из макета издания на официальном сайте РГО: Кузнецов К. Загадочная Тува в Центре Азии // Где я должен побывать, чтобы познать Россию / редколлегия : А. А. Манукян и др. М.: Русское географическое общество, 2018. С. 144–149. [Электронный ресурс] // Русское географическое общество. URL: https://rgo.ru/upload/iblock/b8f/xcqsr-2v0iv28tqfw2hnz6kr580chxe63/Entsiklopediya-puteshestviy_1-tom_144_149.pdf (дата обращения: 16.02.2026).

ОТКРЫВАЕМ РОССИЮ ЗАНОВО! ВМЕСТЕ!

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
Республика Тыва, г. Кызыл.

КАК ДОБРАТЬСЯ
Самолетом из Москвы с пересадкой в Новосибирске, Красноярске, Иркутске.

ЧТО ЕЩЕ ПОСМОТРЕТЬ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА
Национальный музей Республики Тыва.
Священная гора Догээ.
Стадион «Хуреш».
Государственный природный биосферный заповедник «Убсунурская котловина».
Крепость Пор-Бажын.

ЗАГАДОЧНАЯ ТУВА
В ЦЕНТРЕ АЗИИ

КИРИЛЛ КУЗНЕЦОВ | ФОТО АННЫ НИКОЛЬСКОЙ

Республика Тыва, или Тува, а ранее Урянхайский край, — удивительно красивая земля, родина одноименного кочевого тюркоязычного народа. Географическое расположение Тувы уникально — находящаяся на стыке Сибири и Центральной Азии Тува сочетает в себе горы, степные равнины и южносибирскую тайгу, здесь сосредоточено обилие рек и озер, располагается огромное количество природных памятников. В Туве встречается более полутора тысяч наименований растений, 40 из которых занесены в Красную книгу, а также обитают интереснейшие представители животного мира, включая редчайшего снежного барса и дикого кота-манула.

В Туве берет свое начало самая многоводная река нашей страны — Енисей, или, как называют его тувинцы, Улуг-Хем. Один из его истоков — Большой Енисей (Бий-Хем) берет начало с Восточного Саяна, а другой — Малый Енисей (Каа-Хем) — с нагорья Сангилен. Так образуется великая сибирская река, несущая свои воды на почти три с половиной тысячи километров до Северного Ледовитого океана. И именно здесь, в нескольких сотнях метров от слияния Большого и Малого Енисея, находится географический центр Азии.

Первое упоминание о центре Азии можно найти у инженера путей сообщения, начальника партии по исследованию Верхнего Енисея Всеволода Михайловича Родевича (1878–1942). В 1910 году он опубликовал в Санкт-Петербурге книгу «Очерк Урянхайского края (Монгольского бассейна реки Енисей)», в которой писал: «В 90-х годах приехал в Урянхай английский путешественник со специальной целью видеть центр Азии, который, по его определению, пришелся возле усадьбы Георгия Павловича Сафьянова «Салдам» на Енисее. Столб в садике усадьбы знаменует этот примечательный пункт». В те времена усадьба Георгия Сафьянова, известного купца из Минусинска, мецената, этнографа и активного члена Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, стояла на левом берегу Енисея, в 23 верстах ниже слияния его истоков.

144

Фото 4. Титульный лист раздела о Туве в энциклопедии РГО.
Photo 4. The title page of the section about Tuva in the encyclopedia of the Russian Geographical Society.

Это не самостоятельный справочник о регионе, это лишь раздел в несколько страниц в общем большом издании, нацеленном на пробуждение туристического интереса, правда, прежде всего для россиян, т. е. для развития внутреннего российского туризма. При этом издание это многоформатное: оно имеет вариант брайлевской книги в пяти томах для чтения незрячими и слабовидящими людьми, имеет вариант аудиокниги на флеш-карте, его материалы также выложены в интерактивной форме на сайте Русского географического общества и читатели могут находить информацию об интересующем их регионе не по содержанию, а по карте России[1].

Как и полагается туристическому справочнику, на полях здесь есть указания как добраться до места, каким видом транспорта, какие места рекомендуется посетить в первую очередь; благоприятные для посещения сезоны года и пр.

Тува названа здесь «загадочной», а в описаниях также: «удивительно красивой землей, родиной одноименного кочевого тюркоязычного народа»[2]. «Приезжая в Туву, вы будто бы попадаете в совершенно другое время, в другой мир и в другую реальность, где время и новшества не властны над жизнью»[3], — описывает впечатления автор. Как мы уже писали ранее, подобные чувства культурной обособленности республики от остальной части России, которые ощущаются и приезжающим в нее россиянам, образовали представление о Туве даже как об отдельном «государстве в государстве» (Ламажаа, 2021: 181). В описании Кузнецова это та же *Tuva Incognita*, что и в тувинском справочнике сокровищ республики.

В целом, эта неизведанность Тувы в целом так и остается устойчивой характеристикой туристического образа региона на протяжении всего века. Местные жители этим гордятся, этот факт исполь-

[1] Энциклопедия путешествий РГО «Где я должен побывать, чтобы познать Россию!» [Электронный ресурс] // Русское географическое общество. URL: https://rgo.ru/activity/travel/travel-encyclopedia-rgs/ (дата обращения: 16.02.2026).
[2] Кузнецов К. Загадочная Тува в Центре Азии … С. 144.
[3] Там же. С. 148.

зуется для передачи туристического бренда. Хотя, если вдуматься, не просто наличие такой характеристики, но даже ее развитие свидетельствует также и о том, что туристическая открытость, доступность региона оставляют желать лучшего. В данном случае остается только констатировать этот факт, поскольку обсуждение причин этого переходит на иные темы: развития транспортной инфраструктуры, региональные усилия, бюджетные и коммерческие инвестиции, готовность населения и пр.

Заключение

Таким образом, обращение к туристическим справочникам как к специфическому корпусу источников позволяет реконструировать эволюцию туристического образа Тувы на протяжении XX-XXI вв. как последовательную смену акцентов, акторов и коммуникативных стратегий репрезентации региона.

В советских изданиях 1960–1980-х гг. Тува предстаёт прежде всего как «край дикой экзотики» и «несметных сокровищ», но в координатах официального дискурса освоения территории, индустриального и спортивно-оздоровительного туризма, где природа и культурное наследие включены в проект строительства «новой, Советской Тувы» и подаются через призму идеологически окрашенного повествования об успехах народа. Локальные авторы-краеведы в таком формате оказываются проводниками «правильного» взгляда на регион, а их знание используются для организации маршрутов, однако пласт религиозной и сакральной значимости мест либо маргинализируется, либо редуцируется до фольклорной «краеведческой» детали.

Постсоветский этап, представленный прежде всего путеводителем серии Le Petit Futé начала 2000-х гг., показывает переход к иному типу туристического образа Тувы, ориентированному на иностранную аудиторию и включенному в глобальный рынок культурного и приключенческого туризма. Здесь Тува интерпретируется как притягательная дестинация на «периферии» привычных маршрутов, где главными маркерами становятся нетронутая природа, археологические «сокровища», этнокультурный колорит, религиозный синкретизм и «магнит» шаманизма и буддизма. В этом образе гораздо отчетливее проявляются мотивы *Tuva Incognita*, сакрализации ландшафта, признания особой ценности местных традиций и необходимости уважительного отношения к ним со стороны туристов. Существенно возрастает роль местной интеллигенции как соавтора контента, способного корректировать внешние стереотипы и смягчать негативные медийные клише о регионе.

Тувинские и российские издания начала XXI в., инициированные как региональной властью, так и крупными федеральными институциями (проект «Тос Эртине», энциклопедия РГО), закрепляют и развивают образ Тувы как территории уникальных природных и культурных «сокровищ», при этом интегрируя его в логики брендинга и внутреннего туризма России. С одной стороны, сохраняется риторика исключительности, «загадочности» и труднодоступности, которая превращается в важный элемент туристического бренда; с другой — эта же труднодоступность одновременно фиксирует структурные проблемы инфраструктурного освоения региона и ограниченную реализуемость его потенциала. Характерно, что конкурсы и альбомы типа «Девяти/Девяноста девяти сокровищ» мобилизуют локальное сообщество как экспертное жюри, формирующее своё собственное, «изнутри» заданное ранжирование значимых мест и объектов, тем самым усиливая субъектность жителей в конструировании образа территории.

Анализ трех групп справочников демонстрирует, что туристический образ Тувы никогда не был статичен и однолинеен: он формировался на пересечении официальной идеологии, научного знания, локальной памяти, медийных сюжетов и рыночной логики туристической индустрии. В советское время доминировала модель «освоенного фронтира», где природа и культура становились ареной для физического и идеологического самоутверждения советского человека; в постсоветских зарубежных путеводителях фокус смещается к экзотизации и сакрализации пространства, к поиску «другой реальности» и аутентичного опыта, а в современных тувинских и российских проектах — к стратегическому брендингу региона через мотивы неизведанности, сокровищ и «центральности» в географическом и культурном смысле. При этом важной сквозной характеристикой остаётся представление о Туве как о малоизвестной, «выпадающей» из стандартных туристических маршрутов территории, что одновременно поддерживает её привлекательность для искателей уникального опыта и обнажает дисбаланс между богатством ресурсов и возможностями их устойчивого использования.

Справочники оказываются не просто «практическими» пособиями для путешественников, но и важными документами эпохи, отражающими представления о ценности территории, допустимых способах её освоения, «правильных» формах взаимодействия с природой и населением. В этом смысле они формируют особый тип нарратива, где маршрут, комментарий, фотография и система оценочных эпитетов вместе выступают инструментами символического присвоения пространства.

Благодарности

Авторы благодарят коллегу из Тувинского государственного университета, кандидата культурологии Ш. Б. Майны за помощь в поиске информации по теме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балчирбай, М. В., Дажы, Ч. А., Ооржак Х. Д.-Н. (2010) Эффективность программы по спортивно-оздоровительному туризму для учащихся 8-9-х классов сельских школ Республики Тыва // Сибирский педагогический журнал. № 11. С. 212–217.

Бережок, Е. В. (2014) Туристические путеводители конца XVIII–XIX вв.(по материалам Строгановского фонда Научной библиотеки Одесского национального университета имени И. И. Мечникова) // Вестник Одесского национального университета. Серия: Библиотековедение, библиографоведение, книговедение. Т. 19. № 2 (12). С. 101–121.

Брагина, М. А., Левина, В. Н. (2023) Образ пространства Тувы в Рунете // Новые исследования Тувы. № 4. С. 185-199. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.13

Выскубова, Н. А., Тестина, Я. С. (2025) Туристские издания как инструмент продвижения национальных туристических маршрутов // Сервис в России и за рубежом. Т. 19 (1). С. 131–149. DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.17131010

Гарипова, Г. Р., Богдан, Е. А. (2022) Проблемы развития геокультурного брендинга в Туве и Башкортостане // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–127. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.8

Дармаева, С. Н., Орлова, Е. Л. (2022) Метафорический образ Германии в рекламном туристическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 15. № 1. С. 53–57. DOI: https://doi.org/10.30853/phil20220021

Комуцци, Л. В., Карпунина, И. В. (2021) Текстовая модальность как способ ценностного представления Тувы в немецкой публицистике // Новые исследования Тувы. № 4. С. 89–100. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.7

Королева, А. А., Смольская, Е. П., Давыдкин, В. С., Новикова, Л. Д. (2024) Образы культурного наследия в туристическом бренде Испании // Иберoамериканские тетради. Т. 12. № 2. С. 126–152. DOI: https://doi.org/10.46272/2409-3416-2024-12-2-126-152

Кулаковский, Р. К. (2024) Роль историко-культурного наследия в формировании имиджей регионов Сибири на современном этапе // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 40. С. 152–174.

Кылгыдай, А. Ч. (2018) О проблемах рынка труда и о возможностях развития сельского туризма в Тыве // Экономика. Профессия. Бизнес. № 4. С. 30–34. DOI: https://doi.org/10.14258/201850

Ламажаа, Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2026) Горная страна — горная культура // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–36. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.1

Мадюкова, С. А., Персидская, О. А. (2018) Этноэкономика в действии: опыт Тувы и Алтая // ЭКО. № 5 (527). С. 45–64.

Меньшикова, Е. Е. (2025) Метафорический образ России в рекламном туристическом нарративе (на примере текстов англоязычных сайтов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 18, № 7. С. 3149–3155. DOI: https://doi.org/10.30853/phil20250436

Михалев, М. С. (2019) О влиянии массового туризма на культуру, образ жизни и идентичность тувинцев Синьцзяна // Традиционная культура. Т. 20, № 2. С. 23–35. DOI: https://doi.org/10.26158/TK.2019.20.2.002

Монгуш, А. Л., Намдан, С. С. (2018) Туризм на особо охраняемых природных территориях как фактор развития Республики Тыва // Вестник Тувинского государственного университета. № 1 Социальные и гуманитарные науки. № 1 (36). С. 196–205.

Монгуш, Ш. Х., Монгуш М. А. (2021) «Золотой зал» Национального музея Тувы как культурное явление // Новые исследования Тувы. № 1. С. 51–72. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.3

Региональный брендинг: от теории к практике (2022) / Р. Р. Сулейманова, Р. В. Нигматуллин, Э. Н. Ямалова и др.; под ред. Р. Р. Сулеймановой. Уфа : Башкирский государственный университет. 164 с.

Скнарев, Д. С., Русакова, М. М., Нелюбова, Н. Ю. (2023) Тува туристическая: лингвокультурологические особенности маркетинговой интернет-коммуникации // Новые исследования Тувы. № 4. С. 200–216. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.14

Столбовая, Ю. В. (2015) Формирование туристического образа территорий: брендинговый и драматургический подходы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 1. С. 17–25.

Тензин, Ч. М. Х., Малышева, Е. О. (2019) Туристская дестинация Тувы: основные факторы развития и перспективы // Вестник Бурятского государственного университета. № 4. С. 57–63. DOI: https://doi.org/10.18101/1994-0866-2019-4-57-63

Фисенко, Л. С., Тихов, В. Г. (2022) Скифский орнамент как основа брендирования объектов туризма в Республике Тыва // Творчество и современность. № 3 (18). С. 49–54.

Фоменко, В. Г. (2013) Образ региона как инструмент развития туристического потенциала Приднестровья // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. № 1. С. 353-358.

Харитонова, В. И. (2018) Тувинский (нео)шаманизм как культовая и целительская практика в современном мире // Новые исследования Тувы. № 4. С. 47–76. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.3

Царьков, П. Е. (2015) Теория и методология прогнозирования религиозного туризма в буддистских регионах России // Новые исследования Тувы. № 4. С. 14–25.

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т., Шаймерденова, Н. Ж. (2024) Амбивалентный миф о Туве XX века // Новые исследования Тувы. № 4. С. 61–75. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.5

Mansvetov, F. (1947) Tannu-Tuva-The Soviet “Atom City”? // The Russian Review. Vol. 6, issue 2 (Spring). P. 9–19.

Sambuu, A. (2020) Development of Ethnographic Tourism in the Republic of Tuva // Journal of Environmental Management and Tourism. Vol. 11, n. 2, p. 341–345. DOI: https://doi.org/10.14505//jemt.v11.2(42).12

Дата поступления: 01.10.2025 г.
Дата принятия: 12.02.2026 г.

REFERENCES

Balchirbai, M. V., Dazhy, Ch. A. and Oorzhak, Kh. D.-N. (2010) The effectiveness of the sports and health tourism program for 8th–9th grade students of rural schools of the Republic of Tuva. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*, no. 11, pp. 212–217. (In Russ.)

Berezhok, E. V. (2014) Tourist guidebooks of the late 18th–19th centuries (based on the Stroganov Fund collection of the Scientific Library of the I. I. Mechnikov Odessa National University). *Vestnik Odesskogo natsionalnogo universiteta. Seriya: Bibliotekovedenie, bibliografovedenie, knigovedenie*, vol. 19, no. 2 (12), pp. 101–121. (In Russ.)

Bragina, M. A. and Levina, V. N. (2023) The image of Tuva’s space on Runet. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 185–199. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.13

Vyskubova, N. A. and Testina, Ya. S. (2025) Tourist publications as a tool for promoting national tourist routes. *Servis v Rossii i za rubezhom*, vol. 19 (1), pp. 131–149. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.17131010

Garipova, G. R. and Bogdan, E. A. (2022) Problems of the development of geocultural branding in Tuva and Bashkortostan. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–127. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.8

Darmaeva, S. N. and Orlova, E. L. (2022) The metaphorical image of Germany in tourist advertising discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 15, no. 1, pp. 53–57. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.30853/phil20220021

Komuttsi, L. V. and Karpunina, I. V. (2021) Textual modality as a means of value representation of Tuva in German publicistics. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 89–100. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.7

Koroleva, A. A., Smolskaya, E. P., Davydkin, V. S. and Novikova, L. D. (2024) Images of cultural heritage in the tourist brand of Spain. *Iberoamerikanskie tetradi*, vol. 12, no. 2, pp. 126–152. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.46272/2409-3416-2024-12-2-126-152

Kulakovskii, R. K. (2024) The role of historical and cultural heritage in shaping the images of Siberian regions at the present stage. *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovanii*, no. 40, pp. 152–174. (In Russ.)

Kylgydai, A. Ch. (2018) On the problems of the labor market and the possibilities for developing rural tourism in Tuva. *Ekonomika. Professiya. Biznes*, no. 4, pp. 30–34. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.14258/201850

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuva as a limitrophe zone: language, religion and identification of Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14

Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2026) Mountain country — mountain culture. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–36. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.1

Madyukova, S. A. and Persidskaya, O. A. (2018) Ethnoeconomics in action: the experience of Tuva and Altai. *EKO*, no. 5 (527), pp. 45–64. (In Russ.)

Menshikova, E. E. (2025) The metaphorical image of Russia in tourist advertising narratives (based on English-language website texts). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 18, no. 7, pp. 3149–3155. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.30853/phil20250436

Mikhalev, M. S. (2019) On the influence of mass tourism on the culture, lifestyle, and identity of Tuvans in Xinjiang. *Traditional culture*, vol. 20, no. 2, pp. 23–35. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.26158/TK.2019.20.2.002

Mongush, A. L. and Namdan, S. S. (2018) Tourism in specially protected natural areas as a factor in the development of the Republic of Tuva. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialnye i gumanitarnye nauki*, no. 1 (36), pp. 196-205. (In Russ.)

Mongush, Sh. Kh. and Mongush, M. A. (2021) The "Golden Hall" of the National Museum of Tuva as a cultural phenomenon. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 51–72. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.3

Suleimanova, R. R., Nigmatullin, R. V., Yamalova, E. N. et al. (eds.) (2022) *Regional branding: from theory to practice*. Ufa, Bashkir State University. 164 p. (In Russ.)

Sknarev, D. S., Rusakova, M. M. and Nelyubova, N. Yu. (2023) Touristic Tuva: linguocultural features of marketing online communication. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 200–216. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.14

Stolbovaya, Yu. V. (2015) Formation of the touristic image of territories: branding and dramaturgical approaches. *Labirint. Zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovanii*, no. 1, pp. 17–25. (In Russ.)

Tenzin, Ch. M. Kh. and Malysheva, E. O. (2019) The tourist destination of Tuva: main development factors and prospects. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 57–63. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.18101/1994-0866-2019-4-57-63

Fisenko, L. S. and Tikhov, V. G. (2022) Scythian ornament as the basis for branding tourist sites in the Republic of Tuva. *Tvorchestvo i sovremennost*, no. 3 (18), pp. 49–54. (In Russ.)

Fomenko, V. G. (2013) The image of the region as a tool for developing the tourism potential of Transnistria. *Resort and recreational complex in the system of regional development: innovative approaches*, no. 1, pp. 353–358. (In Russ.)

Kharitonova, V. I. (2018) Tuvan (neo)shamanism as a cult and healing practice in the modern world. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 47–76. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.3

Tsarkov, P. E. (2015) Theory and methodology for forecasting religious tourism in Buddhist regions of Russia. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 14–25. (In Russ.)

Shafranskaya, E. F., Garipova, G. T. and Shaimerdenova, N. Zh. (2024) The ambivalent myth of 20th-century Tuva. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 61–75. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.5

Mansvetov, F. (1947) Tannu-Tuva — the Soviet "Atom City"? *The Russian Review*, vol. 6, issue 2 (Spring), pp. 9–19.

Sambuu, A. (2020) Development of ethnographic tourism in the Republic of Tuva. *Journal of Environmental Management and Tourism*, vol. 11, no. 2, pp. 341–345. DOI: https://doi.org/10.14505//jemt.v11.2(42).12

Submission date: 01.10.2025.
Acceptance date: 12.02.2026.

DOI: 10.25178/nit.2026.2.2

Статья

Китайские тувинцы в «Книге Тувы» (2005) китайского писателя Ван Цзу

Лян Чэн
Хэбэйский университет, Китайская Народная Республика

В статье исследуются способы репрезентации образа китайских тувинцев в произведении китайского писателя Ван Цзу «Книга Тувы» (2005). В качестве предмета исследования рассматривается текст как форма культурного знания, в которой бытовые эпизоды, устные формулы и исторические образы объединяются в единое повествовательное поле. Особое внимание уделено тому, каким образом писатель оформляет локальную общность и формирует устойчивые смысловые структуры, задающие целостный образ культурного пространства.

Методологическая база статьи основана на сочетании жанрово-композиционного и нарративного анализа с культурно-антропологической интерпретацией. На материале произведения выявлены основные механизмы репрезентации: перекрестная композиция как способ сохранения множественности перспектив, функционирование поговорочного слоя как носителя коллективной памяти, предметная семантика утвари и скота как индексы преемственности, а также роль числовых практик и ритуалов в организации повествовательных ситуаций. Отдельное внимание уделено обращению к образу Чингисхана как средству масштабирования локальной истории и как фактору идеализации изображаемого сообщества.

Показано, что «Книга Тувы» занимает особое место на пересечении документалистики и художественной реконструкции: текст сохраняет ценность как источник наблюдений о повседневной жизни, но одновременно преобразует их в художественный конструкт, формирующий публичный образ китайских тувинцев.

Ключевые слова: *китайские тувинцы; Ван Цзу; «Книга Тувы»; кочевой образ жизни*

Подготовлено при поддержке проекта «План привлечения талантов “Золотая терраса Яньчжао” провинции Хэбэй, Китай (платформа для возвращающихся из-за рубежа специалистов)» (грант № B2024035).

Для цитирования:
Чэн Л. Китайские тувинцы в «Книге Тувы» (2005) китайского писателя Ван Цзу // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 26-36. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.2

Чэн Лян — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка факультета иностранных языков Хэбэйского университета. Адрес: Китай, провинция Хэбэй, г. Баодин, ул. Вуси Донг, д. 180. Эл. адрес: chengliangvila@yandex.ru

CHENG, Liang, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Foreign Languages, Hebei University. Postal address: 180, Wusi Dong St., Hebei, Baoding, China. E-mail: chengliangvila@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5225-4342

Article

Chinese Tuvans in *The Book of Tuva* (2005) by Wang Zu

Liang Cheng
Hebei University, People's Republic of China

The article examines the ways in which the image of Chinese Tuvans is represented in the work of the Chinese writer Wang Zu, The Book of Tuva (2005). The text is analyzed as a form of cultural knowledge in which everyday episodes, oral formulas, and historical images merge into a unified narrative field. Attention is paid to how the author constructs local community identity and develops stable semantic structures that define a coherent image of cultural space.

The methodological foundation of the study combines genre-compositional and narrative analysis with cultural-anthropological interpretation. Based on the textual material, the study identifies key mechanisms of representation: cross-cut composition as a means of preserving multiple perspectives; the proverb layer as a carrier of collective memory; the material semantics of utensils and livestock as indices of cultural continuity; and the role of numerical practices and rituals in the organization of narrative situations. Special attention is also given to the invocation of the image of Genghis Khan as a device for scaling local history and as a factor of idealization of the depicted community.

It is demonstrated that The Book of Tuva occupies a distinctive position at the intersection of documentary narration and artistic reconstruction: the text retains its value as a source of observations on everyday life, while simultaneously transforming them into a literary construct that shapes the public image of Chinese Tuvans.

Keywords: *Chinese Tuvans; Wang Zu; The Book of Tuva; nomadic lifestyle*

Financing
This research was supported by the project "Yan Zhao Golden Terrace Talent Recruitment Plan" of Hebei Province, China (Platform for Overseas Returnees), grant no. B2024035.

For citation:
Cheng L. Chinese Tuvans in *The Book of Tuva* (2005) by Wang Zu. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 26-36. (In Russ.).
DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.2

Введение

Тувинцы в основном компактно расселены на территории Алтайского аймака Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики, вследствие чего считаются «китайскими тувинцами». Значительная часть населения проживает на крайнем северо-востоке Или-Казахского автономного округа, преимущественно в уездах Каба и Бурчин, а также в уездах Алтай, Чингиль, Кок-Дугай и Бурул-Дугай (Монгуш, 2010: 212). Вопрос численности китайских тувинцев остается одним из наиболее сложных и запутанных в исследовательской практике: китайская статистика не выделяет их в качестве самостоятельной народности и они не включены в официальный перечень народов страны, что приводит к значительной разногласии в публикуемых оценках (там же: 216). В ряде современных исследований и репортажей приводится оценка примерно в две тысячи человек (Юша, 2013; Юсинь, 2014; Kai Hua, 2025). При этом отмечается устойчивая тенденция к постепенному сокращению численности, что дополнительно осложняет попытки получить достоверную демографическую картину. До 1980-х гг. контакты китайских тувинцев, проживавших в Синьцзяне, с социально-экономическими структурами внутренних районов Китая оставались относительно ограниченными. Начиная с 1986 г. развитие туристской деятельности в районе Канас и усиление административного регулирования привели к изменению хозяйственных практик, жилищных форм и миграционных стратегий: туризм обеспечил дополнительные источники дохода, тогда как образовательная и трудовая мобиль-

ность, межэтнические браки и перемещение семей в районные центры способствуют частичной урбанизации и оттоку населения, а низкий естественный прирост усугубляет демографическую стагнацию или постепенное сокращение общины (Юша, 2017: 115).

При этом в современной китайской прозе наблюдается возрастающий интерес к тувинской теме: все больше писателей Китая иной этнической принадлежности включают тувинские мотивы в художественные тексты, нередко придавая образу тувинцев и местам их проживания романтизирующую или мистифицирующую окраску — например, в формулировках типа «племя в облаках»[1], «чудесный Алтай»[2], «одинокая легенда у подножия Алтая»[3]. Журнал «Китайская национальная география»[4] отнес тувинскую деревню, расположенную на берегу озера Канас, к числу самых живописных старинных поселений страны, подчеркнув, что там «по-настоящему ощущается погружение человека в объятия природы»[5].

В этом культурно-природном пространстве была создана «图瓦之书» (Книга Тувы), опубликованная в 2005 г. и рассматриваемая как первое литературное произведение, посвященное китайским тувинцам. Произведение написано на китайском языке и издано Синьцзянским народным издательством[6] (*фото 1*).

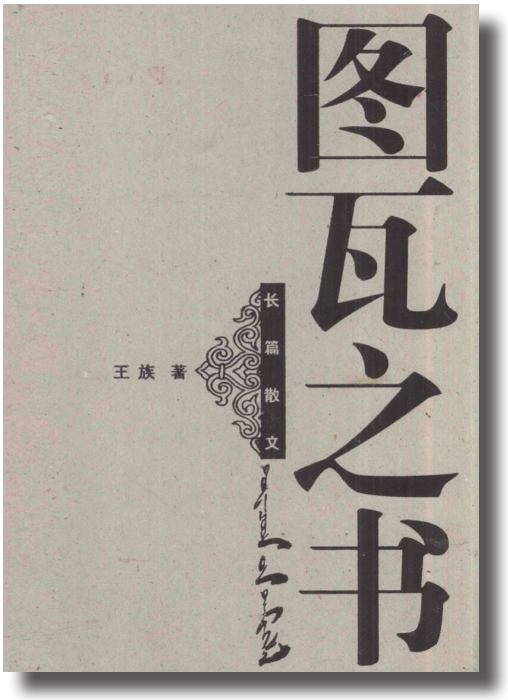

Фото 1. Обложка «Книги Тувы» Ван Цзу (2005)
Photo 1. The cover of the "Book of Tuva" by Wang Zu (2005)

[1] См.: Xue Tianbao. 聚焦神奇的"云间部落" — 图瓦人栖身地禾木村采风散记 [Удивительное «племя в облаках» — заметки о деревне Хэму] // 青海金融 [Цинхайские финансы]. 2003. № 19. С. 63–64; Chen Chao. 喀纳斯湖畔的"云间部落" [«Племя в облаках» на берегу озера Канас] // 今日新疆 [Сегодняшний Синьцзян]. 2006. № 8. С. 54; Ke Min. 图瓦人的"云间部落" — 布尔津白哈巴 [Тувинское «племя в облаках» — Байхаба уезда Бурджин] // 中华建设 [Китайское строительство]. 2011. № 12. С. 51–53.

[2] Hu Jinsheng. 神奇阿勒泰 [Чудесный Алтай]. Beijing: Xuexi, 2005. 223 с.

[3] Wu Shuang. 最后的图瓦人:阿尔泰山脚下孤独的传奇 [Последние тувинцы: одинокая легенда у подножия Алтая] // 科学大观园 [Научный сад]. 2005. № 22. С. 83–85.

[4] «Китайская национальная география» (中国国家地理) — авторитетный китайский научно-популярный географический журнал, основанный в 1950 г. под эгидой Китайского географического общества. Издание специализируется на природном, культурном и этнографическом многообразии Китая и широко цитируется в гуманитарных и регионоведческих исследованиях.

[5] Wang Jinghui. 图瓦村: 所谓伊人，在水一方 [Тувинская деревня: место с необыкновенным шармом] // 中国国家地理 [Китайская национальная география]. 2005. № 10. С. 502.

[6] Синьцзянское народное издательство (新疆人民出版社) — региональное официальное издательство Синьцзян-Уйгурского автономного района, одно из наиболее влиятельных издательств региона. Специализируется на публикации художественной литературы, научных, культурно-этнографических и просветительских изданий, в том числе материалов по истории и культуре местных народов.

Автор — писатель Ван Цзу[1], ханец, родился в 1972 г. в северо-западной части Китая, в провинции Ганьсу, в настоящее время проживает в Урумчи. Является членом Китайского союза писателей, работает в составе Синьцзянского союза писателей и занимает должность заместителя председателя Урумчинской городской писательской ассоциации. На протяжении длительного времени занимается прозой; его творчество сосредоточено на региональной культуре Синьцзяна и жизни национальных меньшинств, с особым вниманием к культурной памяти и природной среде таких народов, как тувинцы. Среди его наград — Литературная премия Тяньшань (2014), Премия за прозу 6-го Западного Китая (2020) и Премия за эссе Фэн Цзыкая (2022) и др.[2] Он, длительное время работавший в регионе, на протяжении пяти лет регулярно приезжал в деревню Байхаба, жил среди местных жителей, общался с ними и выстраивал устойчивые межличностные связи, что позволило ему зафиксировать повседневные практики, локальные нарративы и конкретные жизненные эпизоды. В результате был создан документально-прозовый монументальный цикл, в котором описание быта и исторического опыта тувинцев, прежде всего жителей Байхабы, сочетается с воспроизведением эпизодов с именами реальных людей, придавая тексту выраженную этнографическую направленность и исследовательскую ценность.

В данной статье анализируются способы репрезентации китайских тувинцев в произведении Ван Цзу «Книга Тувы» (2005). Предмет исследования — художественный текст как форма культурного знания, в которой повседневные практики, исторические образы и элементы устной традиции объединяются в целостное повествовательное поле.

Цель настоящей работы — выявить и систематизировать художественные механизмы репрезентации китайских тувинцев в произведении «Книга Тувы», определить особенности его сюжетно-композиционной организации и тематической структуры. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) описать структуру и композицию произведения; 2) проанализировать представления о кочевом образе жизни и их художественные преобразования; 3) исследовать роль поговорочного слоя в организации текстовой памяти; 4) выявить функции числовой символики в семантике текста; 5) оценить способы включения исторических образов, в том числе образа Чингисхана, в нарративную картину сообщества.

Работа выполняется в рамках литературоведческого дискурса с опорой на культурно-антропологический контекст, что позволяет рассматривать произведение как особый тип художественной репрезентации, а не как прямой этнографический источник. Методологическая база включает жанрово-композиционный и нарративный анализ, культурно-антропологическую интерпретацию и анализ поговорочного материала.

В качестве основного эмпирического материала используется художественный текст «Книга Тувы» китайского писателя Ван Цзу. Для контекстуализации привлекаются критические статьи, рецензии, аналитические доклады и этнологические исследования, однако первичным корпусом исследования остается указанный роман.

Общие характеристики книги, ее структуры и сюжет

«Книга Тувы» Ван Цзу представляет собой сборник рассказов. Действие локализовано в аутентичном этнографическом пространстве — селе Байхаба у озера Канас в провинции Синьцзян, где компактно проживает небольшое сообщество китайских тувинцев. Стилистически писатель использует поэтичный и эмоционально насыщенный язык при изображении жизни тувинцев, что выделяет книгу на фоне сугубо документальных очерков.

[1] Ван Цзу [Электронный ресурс] // Союз китайских писателей. URL: https://www.chinawriter.com.cn/n1/2016/0627/c404950-28493932.html (дата обращения: 20.02.26).

[2] Литературная премия Тяньшань — ежегодная национальная премия, присуждаемая за выдающиеся достижения в современной китайской литературе, с особым акцентом на произведения, связанные с культурой Синьцзяна. Премия за прозу Западного Китая — двухгодичная литературная премия, присуждаемая авторам за лучшие произведения прозы, отражающие региональные и культурные особенности западных регионов Китая. Премия за эссе Фэн Цзыкая — двухгодичная премия в области эссеистики, присуждаемая за оригинальные работы, отличающиеся художественной выразительностью и глубиной размышлений о культуре и обществе.

Структурно книга построена как многотомный свод рассказов: она разделена на 9 томов, включающих в общей сложности 89 небольших глав. Общий объем текста — около 300 тысяч китайских иероглифов. Такая организация обеспечивает эффект перекрестной структуры: каждое отдельное эссе относительно самостоятельно, но повторяющиеся герои, мотивы и культурные детали обеспечивают межглавную связанность.

Первый том «За возвышенностью» раскрывает макроперспективу и вводит читателя в географическое расположение и историю миграций тувинских племен. Второй том «Внутри и вне изгороди» сосредоточен на жилом пространстве; через тексты «127 оград», «О связях с цифрой два» и «Кража овечьей шкуры: сцена свадьбы» демонстрируются семейная структура, числовые представления и брачные обряды. Третий том «Яркая утварь» последовательно фиксирует традиционные предметы быта и духовную связь между утварью и ее носителями. В четвертом томе «Шесть легенд» собраны шесть персонажных преданий, в том числе «Сын неба», «Флейтист Арбуян» и «Снайпер Майгэнхэс», представленных в духе устной традиции. Пятый том «Поднимается пыль» объединяет разноплановые сюжеты и показывает контакты тувинцев с внешним миром наряду с их внутренним духовным миром. Шестой том «Танцоры на склоне» и седьмой том «Образ кочевника» концентрируются на ключевых сценах кочевой жизни: миграциях, быте стойбища и взаимоотношениях между человеком и скотом, включая тексты о «жизни в безвыходной ситуации» и о том, «как овцы видят человека». Восьмой том «Один волк: 11 дней» представляет собой последовательную одиннадцатидневную запись наблюдений за жизненным циклом одной волчицы и через этот материал раскрывает отношение тувинцев к природным созданиям. Заключительный, девятый, том «Метель» сводит повествование к завершению: тексты «Тщательное описание снега», «О снежных обвалах», «За гранью смерти», «Снег сломал ветви» замыкают книгу в образах сезонного кругооборота и финальности жизни.

Важно отметить, что у «Книги Тувы» нет классического сюжета «от начала до конца» — вместо этого автор создает культурную палитру через ряд сцен из повседневности тувинцев. В книге сквозь темы о воде, земле, огне, животных и традициях тувинцев прослеживается глубокая связь между людьми и природой. В частности, книга содержит сборник тувинских поговорок и примет, отражающих мудрость их кочевого образа жизни и служащих поведенческими нормами.

В китайском литературном сообществе «Книга Тувы» привлекла внимание как редкое произведение о малочисленном народе. С академической же точки зрения работа широко используется как этнографический источник о тувинцах Китая. Доклад ICCA Consortium по общинным природоохранным территориям в Синьцзяне включает «Книгу Тувы» в библиографию ключевых трудов по данной теме. В этом докладе подчеркивается, что Ван Цзу «поэтическим и эмоциональным языком»[1] описывает жизнь тувинцев Байхаба, при этом само произведение рассматривается как важный этнографический материал. Помимо того, китайский этнолог Гуань Биншэн в статье «Маргинальные этнические группы в условиях кризиса модерности: основные социальные проблемы китайских тувинцев» цитирует «Книгу Тувы» как существенный источник данных о социальных проблемах и повседневной жизни китайских тувинцев (Guan Bingsheng, 2012: 96).

Таким образом, «Книга Тувы» представляет собой интересный источник, который используется в исследованиях как по этнологии и проблемам коренных народов, так и в описаниях культурных практик китайских тувинцев.

Кочевой образ жизни

События и судьбы персонажей распределены между томами, что придает повествованию цельность, сравнимую с романом. Такая композиция демонстрирует стилистический прорыв автора и попытку освоить новый жанр реалистической прозы. Во всем объеме произведения бытовые сцены тувинцев помещены в фоновый культурно-исторический контекст «кочевого» уклада. Описание миграции семей, поиска пастбищ и воды подчеркивает региональный колорит и историю Западного Алтая. Культура кочевника здесь представлена как устойчивая система: например, в седьмом томе «Облик

[1] Hou Yuxin. Analysis on ICCA in the region of Xinjiang [Электронный ресурс] // ICCA Consortium. URL: https://www.iccaconsortium.org/wp-content/uploads/2016/03/ICCAs-in-Xinjiang-ch.pdf (дата обращения: 22.02.26).

кочевника» тонко описывается феномен «перекочевка» (переезда к новому стойбищу), играющий ключевую роль в быту.

Особое внимание автор уделяет ограде как материальному символу домашнего порядка. По логике сообщества, как пишет он, сначала ставят забор, а потом строят жилище внутри него: «Наличие ограды означает наличие дома»[1]. Ван Цзу подчеркивает понимание границ как основы безопасности и хозяйственной автономии. Ограда выступает здесь материальным маркером социальной принадлежности и устойчивости, посредником между семейным бытом и внешним миром. Здесь мы можем видеть у кочевников результат политики седентаризации — трансформацию особенностей понимания своего пространства, которое традиционно начиналось с понимания юрты как дома (Традиционное мировоззрение … , 1988: 56–71).

В третьем томе «Яркая утварь» Ван Цзу сосредотачивает внимание на предметном измерении повседневности, оформляя названия разделов словами шоор[2], коса, подойник, топор, седло, которые становятся заголовками соответствующих блоков текста. В произведении подчеркивается базисная связь между наличием орудия и устойчивым существованием: «В деревне: есть топор, будет дом; есть молочный бидон, будут запасы на зиму; есть коса, покосив столько сена, можно прокормить множество коров и овец»[3]. При этом многократно фиксируется передача вещей по поколениям: предметы наследуются от старших к младшим и при передаче накапливают следы времени и эмоциональную память. В условиях такой преемственности утварь выходит за рамки чисто утилитарного статуса и становится носителем семейной памяти и жизненного опыта. Описания происхождения, способов использования и сохранения предметов демонстрируют механизм материально опосредованной передачи культуры, благодаря которому повседневные практики сохраняются и получают продолжение в исторической перспективе. Предметный ряд в тексте выступает не фоном быта, а важным индексом культурной устойчивости и исторической преемственности тувинской общины.

Кроме того, Ван Цзу подчеркивает центральную роль овец в жизни тувинцев, прямо утверждая, что овцы воспринимаются ими как «дар небес»[4]. Это утверждение не сводится к чисто экономическому описанию: в хозяйстве, ориентированном на скотоводство, овца одновременно является и базисом материального существования (пища, молочные продукты, шкура, сырье для орудий и предметов быта), и социальным мерилом — показателем богатства, положения и сетей взаимопомощи. В детальной сценографии второго тома — в эпизодах с перетягиванием овечьих шкур на свадебных торжествах и совместным поеданием ушей — зафиксированы не только практики распределения ресурсов, но и ритуальные акты, отмечающие признание кругооборота жизни и благодарность за дары природы. Таким образом овца в тувинской культуре выступает одновременно и как ресурс, и как медиатор этики и ритуала: материальная реальность переплетается здесь с символическим порядком, а через повседневные и церемониальные практики обеспечивается воспроизводство родовых связей и отношений человека с природой. Это культурное измерение оказывается ключевым для понимания социальной структуры и традиций кочевой жизни.

Народные поговорки

Народные поговорки и короткие устные высказывания занимают особое место в системе устного народного творчества, представляя собой «концентрированное выражение народного опыта и мировоззренческих установок»[5]. Под пером писателя они включаются в аналитический контекст как устойчивые формулы, используемые для осмысления и нормативной интерпретации повседневной практики. В самом начале «Книги Тувы» Ван Цзу помещает высказывание старого китайского тувинца: «Если ты не знаешь, куда идти, любая дорога приведет тебя к цели»[6]. Эта эпиграфическая цитата

[1] Wang Zu. 图瓦之书 [Книга Тувы]. Urumqi: Xinjiangrenmin, 2005. С. 29.
[2] Традиционная продольная флейта тувинцев и других алтайских народов, древний духовой инструмент пастушеской культуры, звуки которого часто подражают природным шумам.
[3] Wang Zu. 图瓦之书 [Книга Тувы]. Urumqi : Xinjiangrenmin, 2005. С. 121.
[4] Там же. С. 49.
[5] Урманбетова А. А., Жапарова Г. К. Пословицы и поговорки как репрезентация народного мировоззрения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 9–2 (108). С. 59.
[6] Wang Zu. 图瓦之书 [Книга Тувы]. Urumqi: Xinjiangrenmin, 2005. С. 1.

задает тон всему тексту и демонстрирует одну из ключевых ориентаций местной ментальности — признание практического действия как способа прояснения пути в условиях неопределенности.

Особо отмечается детское наблюдение о весне: «Мне кажется, что весна — это человек, который медленно поднимается вверх»[1]. Этот образ — приметная метафора «очеловечивания» сезонного цикла: тувинцы склонны придавать природе людские черты, интерпретируя ритмы года через опыт движения и роста. Такое антропоморфное видение мира отражает типичную для устной традиции культурную идею единства человека с природой.

Тема смерти в устном репертуаре передается преимущественно через наставления старших и воспринимается как составная часть жизненного порядка. Ван Цзу приводит монолог пожилого человека:

> «Как можно забывать о смерти? Прожив жизнь на земле, легко утвердить достоинство жизни, но трудно утвердить достоинство смерти. Поэтому нельзя забывать о смерти. Рождение — большое дело для человека, и смерть — тоже большое дело. Я давно приготовил саван, чтобы моя смерть была спокойной»[2].

Такое высказывание свидетельствует о том, что смерть не исключается из повседневного порядка как табу, а интегрируется в этику целостного жизненного пути; коллективные практики подготовки саванов указывают на общественную репетицию этой установки.

Все эти высказывания, рожденные из народной прозы, выступают в тексте как своего рода моральные нормы и ориентиры. Они укладываются в «жизненную философию» — не систему абстрактных идей, а практическую мудрость, укорененную в быту и природном чувстве. Литературная фиксация этих формул переводит фольклорный материал в письменный контекст, сохраняя аутентичность устного знания и одновременно придавая ему статус объекта академического анализа.

Символика чисел

Для китайских тувинцев числа выступают не только утилитарными маркерами, но и носителями символического смысла. М. А. Бредис подчеркивает, что числовая символика пронизывает «фольклорные тексты, мифологию, народные поверья, обряды» (Бредис, 2023: 228). В «Книге Тувы» показано, как числовые практики преобразуют бытовые ситуации, наделяя их дополнительными смыслами и упорядоченностью. Как отмечает Г. Г. Кульсарина, числовые представления «наделяют события дополнительным смыслом и действуют как механизм упорядочения поведения: люди с древних времен, как только научились считать, связывали непонятные явления природы и происшествия с числами» (Кульсарина, 2016: 106).

Числа пронизывают игровые практики. Игра «считать овец» в рассматриваемом тексте предстает не как безобидное времяпрепровождение; она описана как институционализированная соревновательная практика с элементами азартной ставки: победитель получает «овцу» проигравшего, тогда как сам процесс подсчета — до фиксированного предела (в тексте упоминается достижение счета до 300) — сопровождается проговариванием слова «овца» (羊) на каждом шаге, что создает дополнительную когнитивную нагрузку. Успешное завершение счета приобретает публичное значение: победа укрепляет репутацию участника, поражение ведет к насмешкам и потере статуса, уклонение от участия интерпретируется как утрата мужества. В этом смысле процедурно организованный счет функционирует как техника социального отбора и механизм репутационного контроля, превращая цифровую операцию в регулятор поведения и репрезентативную практику.

Интересно отметить, что число «2» занимает особое место в системе культурных представлений китайских тувинцев, проживающих в селе Байхаба, где оно устойчиво трактуется как «хорошее число»[3] и нормативно включено в повседневные поведенческие практики. Данная установка находит выражение, в частности, в ритуале угощения молочным чаем: гостю принято подавать две пиалы, поскольку, согласно местным толкованиям, он «вошел в дом на двух ногах и, выпив две пиалы, должен выйти

[1] Там же. С. 148.
[2] Там же. С. 2.
[3] Там же. С. 39.

на двух ногах — к благополучию и спокойствию»[1]. Поскольку в тюркских и монгольских языках число 2 не относится к нумеративам с особой символикой (Бредис, 2023: 230), речь скорее идет о выделении значимости бинарной оппозиции. Хотя, в целом, как отмечает Ж. М. Юша, числовой код в ритуальной традиции тувинцев Китая выражен менее отчетливо (Юша, 2018: 139). Принцип дуальности, связанный с данным числом, распространяется и на сферу социальных взаимодействий. Например, в ситуации конфликта между двумя людьми вмешательство третьего лица считается нарушением установленного порядка, поскольку подрывает идею парного противостояния и воспринимается как несоблюдение нормы равенства сторон. Представление о двойственности прослеживается также в организации жизненного уклада: в локальной традиции закреплено представление о двух этапах использования верховых коней — в молодости и в зрелом возрасте, что задает ритмическую модель жизненного движения и отражает нормативное осмысление возрастных переходов.

Символика чисел у китайских тувинцев показывает, что числительные выступают не просто как количественные показатели, но и как носители культурных смыслов и философских установок. Практики, например игра «считать овец», и особая роль числа «2» переводят элементы повседневного опыта в плоскость символического порядка, формируя устойчивый культурный код. Таким образом числовые практики выступают индикаторами социальной организации и мировоззренческих представлений тувинцев, отражая их представления о непрерывности жизни и стремление к внутреннему равновесию.

Китайские тувинцы и Чингисхан

Фигура Чингисхана в «Книге Тувы» представлена как центральный символ происхождения и сакрального основания тувинской идентичности. О значимости монгольского завоевателя для тувинцев пишут и историки Тувы: «идеализированный мифологический образ Чингисхана и память о нем сохранились в тувинских легендах и преданиях» (История Тувы, 2001: 155). На этом фоне в произведении подчеркивается, что во многих свидетельствах тувинцы утверждают свою связь с потомками Чингисхана. Поскольку писатель не принадлежит к тувинскому этносу, его художественная реконструкция усиливает и типизирует увиденные им мотивы, представляя Чингисхана как фигуру сакрального статуса в представлениях китайских тувинцев. Китайские этнологи дают критическую оценку подобным авторским утверждениям и рассматривают их как результат художественного домысливания и интерпретации внешнего наблюдателя. С их точки зрения такие описания отражают преимущественно поверхностный уровень восприятия и не передают сложной структуры исторической памяти китайских тувинцев (Guan Bingsheng, 2011: 17).

В литературном контексте «Книги Тувы» Чингисхан функционирует прежде всего как универсальный эпический образ, усиливающий масштаб повествования и вписывающий локальное сообщество в широкий алтайский историко-культурный горизонт. Вместе с тем подобная символизация носит характер идеализации, поскольку сглаживает сложную и внутренне противоречивую дискуссию, существующую среди самих тувинцев относительно чингизидного наследия.

Эта неоднозначность особенно отчетливо проявляется в интервью, проведенном профессором Гуань Биншэн в 2008 г. с одним из китайских тувинцев. Текст интервью опубликован в его монографии «Этническая группа в эволюционной игре. Исследование китайских тувинцев» (Guan Bingsheng, 2011). В ряде свидетельств Чингисхан воспринимается не как прародитель или сакральная фигура, а как чуждый завоеватель, связанный с насильственной ассимиляцией. Так, по словам одного из информанта писателя Ван Цзу, «Чингисхан был врагом тувинцев: его монгольские войска покорили нас, а затем включили тувинцев в свои армии»[2]. Данная позиция актуализирует травматический аспект исторической памяти и вступает в противоречие с идеализированным образом, представленным в литературном тексте.

Дополнительное усложнение вносит и государственный фактор: в китайских паспортах тувинцев этническая принадлежность фиксируется как «монгол», что институционально закрепляет внешнюю идентификацию с монгольским наследием и усиливает символическую значимость фигуры Чин-

[1] Там же. С. 40.
[2] Там же. С. 16.

гисхана вне зависимости от локальных интерпретаций. В результате значение этого образа оказывается подвижным и многослойным, балансируя между мифом о происхождении, исторической памятью о завоевании и современными механизмами этнической классификации.

С литературоведческой точки зрения обращение писатель Ван Цзу к образу Чингисхана целесообразно рассматривать не как стремление к этнографической точности, а как прием культурной символизации. Чингисхан здесь выступает прежде всего как литературная фигура — конструктор культурного пространства, позволяющий связать маргинальную общину с «большой историей» и придать повествованию пафос вселенской связанности. Такая стратегия усиливает мемориальную функцию текста: «Книга Тувы» предстает не только хроникой реальности, но и художественным конструктом культурного смысла, в котором историческая фигура используется как инструмент репрезентации, а не как однозначный знак коллективной идентичности.

Заключение

В послесловии Ван Цзу прямо формулирует свои творческие намерения: еще во время первой поездки в деревню Байхаба в 1998 г. у него возникло внезапное ощущение возможности «написать книгу о тувинцах этого селения»[1]. Работа над произведением началась в сентябре 2002 г., к марту 2003 г. был подготовлен первый вариант, и уже на ранних этапах писатель отмечал, что «прикоснулся к душе Байхабы»[2] — это переживание, которое сопровождало его до завершения работы и стало источником радости и счастья от писательского труда.

Заключительная цитата на обложке «Книги Тувы» гласит: «Если деревня не исчезла, ее история не будет утрачена». Этот лейтмотив отражает замысел Ван Цзу: собрать разрозненные бытовые фрагменты в единую картину жизни и культуры китайских тувинцев. В рамках данного исследования мы трактуем описываемые кочевой порядок, повседневную мудрость и цифровые практики именно как элементы репрезентативной функции письма. При этом здесь также можно отметить и ряд элементов трансформации традиционного мировоззрения кочевников, особенно в сравнении с выводами «основного» тувиноведения. Литературный текст выступает здесь не просто регистратором опыта, но конструктором культурного смысла: он придает маргинализованной общности (Guan Bingsheng, 2008; Guan Bingsheng, 2012; Nan Kuaimodege, 2012) устойчивое «историческое бытие» в текстуальной форме. Слова, рассказы и обряды, перенесенные Ван Цзу на страницы книги, сохраняют аутентичность устной традиции и одновременно приобретают статус предмета академического анализа. Таким образом «Книга Тувы» выполняет двойную роль — художественную и мемориальную: она способствует продолжению культурной памяти тувинцев Китая и генерирует новые акты культурного воображения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бредис, М. А. (2023) Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 228–242. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13

История Тувы (2001). 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. С. И. Вайншейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. Т. 1. 367 с.

Кульсарина, Г. Г. (2016) Этнокультурная символика чисел в языке башкирского фольклора // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10 (64). Ч. 1. С. 106–109.

Монгуш, М. В. (2010) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака : Национальный Музей Этнологии. 357 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир (1988) / под ред. И. Н. Гемуева. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 225 с.

Юсинь, Ху (2014) Анализ современной жизни тувинцев Китая // Новые исследования Тувы. № 1. С. 96–103.

Юша, Ж. М. (2013) Современное бытование фольклорной традиции у тувинцев Китая // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 56–62.

[1] Там же. С. 339.
[2] Там же. С. 340.

Юша, Ж. М. (2017) Тувинцы Китая в XXI веке: вехи истории и современное состояние // Новые исследования Тувы. № 1. С. 102–119. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.7

Юша, Ж. М. (2018) Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века. Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск : Наука, Издательство СО РАН. 400 с.

Chen Chao (2006) 喀纳斯湖畔的“云间部落” [«Племя в облаках» на берегу озера Канас] // 今日新疆 [Сегодняшний Синьцзян]. № 8. С. 54. (На кит. яз.).

Guan Bingsheng (2008) 以中国图瓦人看风险社会中的当代边缘族群 [Современные маргинальные группы в обществе риска с точки зрения китайских тувинцев] // 新疆社会科学 [Социальные науки Синьцзяна]. № 2. С. 107–112. (На кит. яз.).

Guan Bingsheng (2011) 族群的演进博弈 — 中国图瓦人研究 [Этническая группа в эволюционной игре. Исследование китайских тувинцев]. Beijing : Shehuikexuewenxian. 380 с. (На кит. яз.).

Guan Bingsheng (2012) 现代性困局中的边缘族群：中国图瓦人面临的主要社会问题 [Маргинальные этнические группы в условиях кризиса модерности: основные социальные проблемы китайских тувинцев] // 中国边政 [Китайская пограничная политика]. № 189. С. 95–102. (На кит. яз.).

Hu Jinsheng (2005) 神奇阿勒泰 [Чудесный Алтай]. Beijing : Xuexi. 223 с. (На кит. яз.).

Kai Hua (2025) 图瓦语国内研究现状综述 [Обзор исследований тувинского языка в Китае] // 品位 • 经典 [Вкус Классика]. № 19. С. 62–64. (На кит. яз.).

Ke Min (2011) 图瓦人的“云间部落” — 布尔津白哈巴 [Тувинское «племя в облаках» — Байхаба уезда Бурджин] // 中华建设 [Китайское строительство]. № 12. С. 51–53. (На кит. яз.).

Nan Kuaimodege (2012) 新疆图瓦人的传统文化：现代化还是边缘化 [Традиционная культура тувинцев Синьцзяна: модернизация или маргинализация] // 西北民族大学学报（哲学社会科学版） [Вестник Северо-Западного университета национальностей (Серия: Философия и социальные науки)]. № 6. С. 120–125. (На кит. яз.).

Wang Jinghui (2005) 图瓦村：所谓伊人，在水一方 [Тувинская деревня: место с необыкновенным шармом] // 中国国家地理 [Китайская национальная география]. № 10. С. 502.

Wu Shuang (2005) 最后的图瓦人:阿尔泰山脚下孤独的传奇 [Последние тувинцы: одинокая легенда у подножия Алтая] // 科学大观园 [Научный сад]. № 22. С. 83–85. (На кит. яз.).

Xue Tianbao (2003) 聚焦神奇的“云间部落” — 图瓦人栖身地禾木村采风散记 [Удивительное «племя в облаках» — заметки о деревне Хэму] // 青海金融 [Цинхайские финансы]. № 19. С. 63–64. (На кит. яз.).

Дата поступления: 05.02.2026 г.
Дата принятия: 04.03.2026 г.

REFERENCES

Bredis, M. A. (2023) The symbolism of the number nine in Tuvan linguistic culture (against the background of certain Turkic and Mongolic languages). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 228–242. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13

History of Tuva (2001). 2nd ed., revised and enlarged. Eds. S. I. Vainshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. 1. 367 p. (In Russ.)

Kulsarina, G. G. (2016) Ethnocultural symbolism of numbers in the language of Bashkir folklore. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 10 (64), part 1, pp. 106–109. (In Russ.)

Mongush, M. V. (2010) *One people: three destinies. Tuvans of Russia, Mongolia and China in a comparative context.* Osaka, National Museum of Ethnology. 357 p. (In Russ.)

Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. The material world (1988). Ed. by I. N. Gemuev. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. 225 p. (In Russ.)

Yu Xin (2014) Analysis of the contemporary life of Chinese Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 96–103. (In Russ.)

Yusha, Zh. M. (2013) The modern existence of the folklore tradition among the Chinese Tuvans. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 56–62. (In Russ.)

Yusha, Zh. M. (2017) Chinese Tuvans in the 21st century: milestones of history and the current state. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 102–119. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.7

Yusha, Zh. M. (2018) *Folklore and ritual of the Chinese Tuvans in the early 21st century: structure, semantics, pragmatics.* Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch of the RAS. 400 p. (In Russ.)

Chen Chao (2006) “The ‘Tribe in the Clouds’ by Kanas Lake.” *Jinri Xinjiang* [*Today’s Xinjiang*], no. 8, p. 54. (In Chin.)

Guan Bingsheng (2008) “Contemporary marginal groups in the risk society from the perspective of Chinese Tuvans.” *Xinjiang shehui kexue* [*Social Sciences of Xinjiang*], no. 2, pp. 107–112. (In Chin.)

Guan Bingsheng (2011) *The evolution game of an ethnic group: a study of Chinese Tuvans.* Beijing, Shehuikexue wenxian. 380 p. (In Chin.)

Guan Bingsheng (2012) “Marginal ethnic groups in the dilemma of modernity: the main social problems faced by Chinese Tuvans.” *Zhongguo bianzheng* [*Chinese Border Policy*], no. 189, pp. 95–102. (In Chin.)

Hu Jinsheng (2005) *Magical Altai.* Beijing, Xuexi. 223 p. (In Chin.)

Kai Hua (2025) “A review of domestic research on the Tuvan language in China.” *Pinwei Jingdian* [*Taste Classics*], no. 19, pp. 62–64. (In Chin.)

Ke Min (2011) “The ‘Tribe in the Clouds’—Baihaba, Burqin County.” *Zhonghua jianshe* [*China Construction*], no. 12, pp. 51–53. (In Chin.)

Nan Kuaimodege (2012) “Traditional culture of the Xinjiang Tuvans: modernization or marginalization.” *Xibei minzu daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban)* [*Journal of Northwest University for Nationalities (Philosophy and Social Sciences Edition)*], no. 6, pp. 120–125. (In Chin.)

Wang Jinghui (2005) “Tuvan village: a place of unusual charm.” *Zhongguo guojia dili* [*China National Geography*], no. 10, p. 502. (In Chin.)

Wu Shuang (2005) “The last Tuvans: a lonely legend at the foot of the Altai Mountains.” *Kexue daguanyuan* [*Science Panorama*], no. 22, pp. 83–85. (In Chin.)

Xue Tianbao (2003) “Focusing on the magical ‘Tribe in the Clouds’: notes on the village of Hemu, home of the Tuvans.” *Qinghai jinrong* [*Qinghai Finance*], no. 19, pp. 63–64. (In Chin.)

Submission date: 05.02.2026.
Acceptance date: 04.03.2026.

DOI: 10.25178/nit.2026.2.3

Статья

Вопросы литературного мастерства в трудах М. А. Хадаханэ

Алия С. Ибраева, Жадыра А. Баянбаева, Баян У. Джолдасбекова, Салахитдин О. Муминов
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье анализируется многогранное творчество тувинского литературоведа, литературного критика М. А. Хадаханэ (1933–2021). Применение культурно-исторического подхода, социокультурного метода и историко-функционального анализа позволило охватить различные стороны ее деятельности, оценить ее вклад в развитие тувинской литературы и тувинской литературной критики. Результаты ее многогранной деятельности являются актуальными для изучения других национальных литератур народов постсоветского пространства.

Показано, что литературно-критические труды М. А. Хадаханэ отличает глубина, убедительность, точность. Она внимательно анализирует все элементы литературного мастерства прозаиков, в том числе умение достоверно нарисовать образы героев, логично организовать сюжеты художественных произведений, способствующие глубокому раскрытию характеров действующих лиц, развить свой узнаваемый стиль. Критик разбирала и элементы мастерства поэтов: умение создать образ лирического героя, способность выстроить сюжет стихотворения с использованием разнообразных средств художественного языка. Художественное мастерство поэтов она видит также в своеобразии и выразительности стиля, творческом владении поэтическим инструментарием. При раскрытии литературного мастерства критик указывала на особенную эстетическую ценность этноориентированных художественных приемов, адекватно отражающих традиционные основы жизни народа.

М. А. Хадаханэ объективно анализирует творчество писателей и поэтов, всегда наряду с творческими удачами и находками отмечает недостатки, тем самым способствуя развитию их литературного мастерства. Ценным свойством ее литературно-критических трудов является умение видеть творчество писателей и поэтов в развитии.

Труды М. А. Хадаханэ, посвященные анализу вопросов литературного мастерства, сохраняют теоретическую и практическую ценность для современного литературоведения и литературной критики, для исследования литератур тюркских народов.

Ключевые слова: *Мария Андреевна Хадаханэ; литературное мастерство; литературная критика; тувинская литература; тувинская поэзия*

Для цитирования:
Ибраева А. С., Баянбаева Ж. А., Джолдасбекова Б. У., Муминов С. О. Вопросы литературного мастерства в трудах М. А. Хадаханэ // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 37-51. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.3

Ибраева Алия Серикановна — докторант кафедры русской филологии и мировой литературы филологического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, 050040, г. Алматы, пр-т Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: ibrayeva_aliya111@mail.ru

Баянбаева Жадыра Амангельдиевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы филологического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, 050040, г. Алматы, пр-т Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: bayanbaevazhadra@mail.ru

Джолдасбекова Баян Умирбековна — доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, 050040, г. Алматы, пр-т Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: dzoldasbekovab@gmail.com

Муминов Салахитдин Омирдинович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской филологии и мировой литературы филологического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, 050040, г. Алматы, пр-т Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: s.muminov2012@yandex.ru

Article

Issues of Literary Craftsmanship in the Works of M. A. Khadakhane

Aliya S. Ibraeva, Zhadyra A. Bayanbayeva, Bayan U. Dzholdasbekova, Salakhitdin O. Muminov
Farabi University, Republic of Kazakhstan

The article analyzes the evolution of the touristic image of Tuva in the 20th–21st centuries based on three groups of travel guides: Soviet editions of the 1960s–1980s, a foreign guidebook from the Le Petit Futé series published in the early 2000s, and contemporary Tuvan and Russian projects primarily oriented toward domestic tourism and regional branding. The theoretical framework of the study is grounded in the understanding of the touristic image as a complex of emotional and rational perceptions of a territory shaped by information, personal experience, and persistent discursive forms of description, including metaphorical and evaluative practices. Travel guides are examined not only as tools for promoting routes and facilitating communication between the tourism industry and consumers, but also as specific historical sources that record shifts in actors, value orientations, and linguistic strategies of regional representation.

The study shows that Soviet travel guides, created by local ethnographers and historians, construct Tuva as a "land of wild exotica" and as a repository of natural and cultural "treasures", yet embedded in the ideological narrative of territorial development and the construction of a "new, Soviet Tuva". Sacred dimensions of the landscape and local religious practices are often marginalized or presented merely as elements of folkloric background. In contrast, the Le Petit Futé guide forms an image of Tuva as a little-known yet extremely attractive destination for foreign travelers, emphasizing its unspoiled nature, archaeological heritage, ethnocultural diversity, Buddhist and shamanic traditions, and the need for respectful engagement with local norms. The involvement of the Tuvan intelligentsia plays a significant role here, helping to avoid common negative stereotypes and to partially redefine external perceptions of the region.

Contemporary Tuvan and Russian publications consolidate the image of Tuva as a land of unique natural and cultural "treasures" and as a "Tuva Incognita", while simultaneously highlighting its geographic and symbolic centrality (the metaphor of the "Heart of Asia") alongside its limited infrastructural accessibility. Competitions devoted to identifying the "jewels" of the republic enhance the agency of local communities in shaping the region's touristic brand, turning them into co-authors of the list of culturally significant objects.

Keywords: *Tuva; touristic image; tourist branding; travel guide; tourism; history of Tuva*

For citation:
Ibraeva A. S., Bayanbayeva Zh. B., Dzholdasbekova B. U. and Muminov S. O. Issues of Literary Craftsmanship in the Works of M. A. Khadakhane. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 37-51. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.3

IBRAYEVA, Aliya Serikkanovna, Doctoral Student, Department of Russian Philology and World Literature, Faculty of Philology, Farabi University. Postal address: 71 Al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040. E-mail: ibrayeva_aliya111@mail.ru
ORCID: 0009-0003-4089-4395

BAYANBAYEVA, Zhadyra Amangeldievna, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Department of Russian Philology and World Literature, Faculty of Philology, Farabi University. Postal address: 71 Al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040. E-mail: bayanbaevazhadra@mail.ru

JOLDASBEKOVA, Bayan Umirbekovna, Doctor of Philology, Professor, Dean, Philological Faculty, Farabi University. Postal address: 71 Al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040. E-mail: dzoldasbekovab@gmail.com

MUMINOV, Salakhitdin Omirdinovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Russian Philology and World Literature, Faculty of Philology, Farabi University. Postal address: 71 Al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040. E-mail: s.muminov2012@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7137-737X

Введение

Хадаханэ Мария Андреевна (1933–2021) — известный литературный критик Тувы, литературовед, кандидат филологических наук, прозаик, педагог, член Союза журналистов СССР (1962), Союза писателей СССР (1968), Член Всесоюзного театрального общества, Заслуженный работник культуры Тувинской АССР (1967). Автор трех научных монографий, сборников, научных статей, эссе, переводов и пр.[1] Она была одной из основательниц тувинского литературоведения, которая сформировала научное представление о становлении и развитии тувинской прозы и ввела тувинскую литературу в общесоюзное гуманитарное поле[2].

А. С. Донгак следующим образом характеризует личность и заслуги М. А. Хадаханэ: «Среди замечательной плеяды тувинских ученых старшего поколения имя Марии Андреевны Хадаханэ занимает особое место. Литературовед, фольклорист, критик, переводчик, педагог… Ярчайшая личность, интеллигент, духовный лидер, романтик, эстет»[3]. Представители тувинской филологической науки называют М. А. Хадаханэ «Учителем учителей», «истинным носителем и хранителем духовной культуры народов Республики Тыва»[4].

М. А. Хадаханэ не была этнической тувинкой. Родилась 6 июня 1933 г. в Иркутской области в бурятской семье. 12-летней девочкой приехала с семьей в город Кызыл. С тех пор ее жизнь и творчество неразрывно связаны с Тувой. Прекрасно знала тувинскую культуру. Писала свои работы на русском языке, но знала тувинский язык, читала на нем, переводила с тувинского на русский, делала подстрочные переводы. Важно отметить, что М. А. Хадаханэ исследовала литературное творчество не только этнических тувинских писателей, но и проживающих в Туве русских и русскоязычных авторов. В своих трудах М. А. Хадаханэ глубоко проанализировала мастерство тувинских писателей и поэтов: К.-Э. Кудажы, Ю. Ш. Кюнзегеша, Э. Б. Мижита, К. Д. Бижека, В. А. Бузыкаева, Е. Т. Тановой и др.

Актуальность темы данной работы состоит в том, что тувинская литературная критика в настоящее время почти не исследована. В том числе не изучено литературно-критическое творчество одного из крупных представителей тувинской литературной науки М. А. Хадаханэ, которая оставила ценное литературно-критическое и литературоведческое наследие, нуждающееся в систематизации и изучении. Изучение этого наследия позволит составить глубокие представления о развитии тувинской литературы, о становлении художественного мастерства ее представителей.

Это обстоятельство определило выбор цели и задач исследования. Цель статьи — исследовать вопросы литературного мастерства прозаиков и поэтов в трудах М. А. Хадаханэ. Задачи исследования: 1) анализ мастерства прозаиков в трудах М. А. Хадаханэ; 2) анализ мастерства поэтов в трудах М. А. Хадаханэ; 3) анализ особенностей литературно-критического творчества М. А. Хадаханэ.

Источниковая база — написанные на русском языке литературно-критические статьи, рецензии, обзоры М. А. Хадаханэ в журнале «Улуг-Хем» за 1969, 1984, 1990, 2005 гг., а также монография автора «Тувинские страницы» (Хадаханэ, 2020).

В процессе раскрытия темы статьи были использованы различные методы исследования. Культурно-исторический подход способствовал анализу деятельности М. А. Хадаханэ в контексте развития тувинской литературы, советских и постсоветских литературных процессов, обретения национальной идентичности. Социокультурный метод позволил определить заслуги М. А. Хадаханэ в поддержке научной и литературно-критической деятельности женщин. Историко-функциональный анализ статей, монографий, переводческой деятельности М. А. Хадаханэ помог выяснить её вклад в формирование и развитие национального литературно-эстетического канона.

[1] Мария Андреевна Хадаханэ: биобиблиографический указатель. К 75-летию со дня рожд. / сост. З. М. Монгуш. Кызыл: ТИГИ, Тываполиграф, 2008.
[2] Симчит К.-М. А. Хадаханэ Мария Андреевна // Урянхайско-тувинская энциклопедия. Кызыл: ООО «ИП Журналист», 2021. Т. 2. С. 491.
[3] Донгак А. Тува — судьба моя. Беседа с Марией Хадаханэ // Сибирские огни. 2014. № 9. С. 133.
[4] Памяти Марии Андреевны Хадаханэ [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2021. 19 марта. URL: https://www.tuva.asia/news/tuva/9442-hadahane.html (дата обращения: 10.07.2025).

Обзор литературы

О творчестве М. А. Хадаханэ практически нет обстоятельных литературоведческих трудов. Например, всего одну страницу занимает статья, посвященная ее деятельности, опубликованная в словаре «Тувинская литература: словарь» (Комбу, 2012). В научных трудах ее имя упоминается только в порядке перечисления вместе с другими тувинскими учеными. Например, «В целом “История тувинской литературы” (I том) написана на хорошем научном уровне. Это видно из того, что в ней учтены все достижения предыдущих исследователей: по драматургии — А. К. Калзана, по поэзии — Д. С. Куулара, по прозе — М. А. Хадаханэ и других» (Тобуроков, 2016: 119).

Личности и творчеству М. А. Хадаханэ посвящены преимущественно работы публицистического и информационного характера, опубликованные в различных литературных изданиях, в Интернете. Например, беседа А. Донгак с М. А. Хадаханэ, опубликованная в журнале «Сибирские огни», а также биографическая справка о ней, автором которой является О. Момбулай[1]. Критик упоминается в обзорных научных статьях, посвященных в целом истории тувинского литературоведения (Татаринцева, 1983; Мижит, 2022; Донгак, 2025; и др.).

Из сказанного выше можно сделать вывод, что литературоведение еще не исследовало научную и литературно-критическую деятельность Марии Андреевны Хадаханэ. Между тем ее научное творчество, которое оказало большое влияние не только на тувиноведение, заслуживает последовательного изучения. Труды М. А. Хадаханэ представляют большой интерес для литературоведения и литературной критики тюркоязычных народов, так как несут в себе ценные идеи для исследования современных литератур. В частности, особую ценность для понимания развития современных тюркских литератур представляет осуществленный М. А. Хадаханэ анализ этнопоэтики тувинской литературы как важнейшего показателя художественного мастерства (Хадаханэ, 2020).

В литературоведении представлены труды, изучающие становление и развитие критической мысли в Туве (Татаринцева, 1983), Казахстане[2], Кыргызстане[3], Бурятии[4]. Но этого явно недостаточно для понимания состояния литературной критики тюркских народов.

Ученые отмечают актуальность развития теории критики тюркских литератур. Так, Л. Ш. Галиева отмечает, «что на сегодняшний день литературная критика … отдельных народов Российской Федерации, так и отдельно взятых групп литератур изучена недостаточно. К тому же практически отсутствуют исследования по родственным тюркским литературным наукам в сравнительном либо в сопоставительном плане» (Галиева, 2025: 167).

С. Ж. Балданов утверждает, что в тувинской, хакасской и других сибирских литературах «художественное мышление развивалось под воздействием богатейшего фольклора… Сходство наблюдается в том, что в фольклоре народов Сибири всегда дается целый сонм образов из мира природы, из космических и земных явлений, сходство видится в композиционных приемах, в самой концепции, в характере исполнения и в целом во всей структуре произведений» (Балданов, 1983: 147).

Эти слова можно распространить и на другие тюркские литературы, так как они несут в себе родственные смыслы, обусловленные общностью исторического и культурного развития.

При изучении литературного мастерства тюркских писателей следует уделять особое внимание этнопоэтической образности литературных произведений. «Этнопоэтический подход исследует связь литературы с фольклором, национальным художественным мировидением, этнологическими и этнографическими традициями, национальным языком и стилевыми формами как синтез культуры этноса» (Кольчикова, Прищепа, 2020: 211).

Литературный критик должен владеть мастерством критического анализа (Егоров, 1980). В литературоведении существуют разные подходы к анализу литературного мастерства писателей. В кни-

[1] Момбулай О. Хадаханэ Мария Андреевна. Писатель [Электронный ресурс] // Культурное наследие Тувы. 2023. 9 июня. URL: https://kntuva.ru/peoples/359 (дата обращения: 11.07.2025).
[2] Какишев Т. Пути зарождения и становления казахской литературной критики: дис. … док. филол. наук. Алма-Ата, 1971.
[3] Рысалиев К. Становление и развитие киргизской советской литературной критики (1926–1954 гг.): автореф. … канд. филол. наук. Фрунзе, 1971.
[4] Найданова В. А. Становление и развитие жанров в литературной критике Бурятии XX в.: автореф. … канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2014.

ге А. Белого «Мастерство Гоголя» (Белый, 1934) основное внимание уделяется мастерству в области художественной формы. К. И. Чуковский в соответствии с идеологическими установками советского времени рассматривал литературное мастерство Некрасова сквозь призму социальной актуальности его творчества (Чуковский, 2012). Д. Д. Благой сконцентрировался на «умении Пушкина композиционно оформлять свои произведения — сообщать им, в соответствии с содержанием, абсолютную законченность, целостность и полноту...» (Благой, 1955: 4). Убедительны взгляды А. А. Белкина на своеобразие литературного мастерства А. П. Чехова: «Основной принцип реалистического мастерства Чехова заключается в умении просто, точно и кратко передать правду ... обыкновенных, ничем с виду не выделяющихся человеческих характеров» (Белкин, 1973: 176).

Литературное мастерство поэтов изучается в филологической науке (Кожинов, 1980; Гинзбург, 1974; Сильман, 1977). В трудах этих ученых рассматривается специфика поэтического творчества, природа поэзии, вопросы художественного стиля.

Таким образом, литературное мастерство — это система разнообразных творческих умений писателя, посредством которой отражаются в произведении его представления о человеке и мире. Анализируя доминанты творческого мастерства авторов и их мировоззрение, литературный критик осуществляет свою критическую деятельность по оценке произведений. Именно поэтому столь ценными являются исследования творчества самих литературных критиков, одним из ярчайших представителей которых была М. А. Хадаханэ.

Мастерство прозаиков в трудах М. А. Хадаханэ

В 1969 г. М. А. Хадаханэ написала статью о творчестве тогда молодого тувинского писателя Кызыл-Эника Кыргысовича Кудажы[1] (в статье Кудажи). Объектом анализа были выбраны рассказы и повести писателя. Молодой критик отметила психологизм рассказа о первой любви «Шончалай». «Такого нарастания психологизма еще не было в тувинском рассказе»[2]. При этом положительно охарактеризовала поиск новых сюжетов и тем: «Другое хорошее качество К. Кудажи — поиск новой формы, новой темы»[3]. Автор статьи полагает, что это качество проявилось у автора в повести «Хлеб» о дружбе народов. Писатель избежал «штампа, банальности в решении этой темы...»[4].

В статье анализируется умение писателя выстраивать сюжет. Повесть «Тихий уголок», пишет критик, «радует отлично разработанным сюжетом, верными психологическими наблюдениями, остротой нравственных коллизий, романтикой»[5]; «Кудажи умеет рисовать картины труда, радости жизни...»[6]. Было отмечено и своеобразие стиля писателя: «У него нет щедрости, изобилия в сравнениях, но они... точны, как логарифмическая линейка, и естественны, как запах укропа: груди, похожие на горбики маленького верблюжонка; женщина, уже повернувшая к старости»[7].

Разбирая достоинства произведений, творчества авторов, М. А. Хадаханэ всегда указывала и на недостатки. В данном случае она пишет, что испытания главного героя часто осуществляются на словах, а не на деле. Ее вывод: «Отрицательные герои выведены без особой психологической прорисовки»[8].

Не менее критичной она была и с работой переводчиков. В переводах москвича А. Буртынского она заметила наличие «некоторых отсебятин в тексте»[9]. Переводы М. Рамазановой, которая отлично знает тувинский язык, назвала более точными. Но добавила: «Ей мешает лишь излишняя сентиментальность»[10].

[1] Кудажы Кызыл-Эник Кыргысович (1929–2006) — тувинский поэт, писатель, драматург, переводчик, публицист. Кавалер Ордена «Знак Почета» (1984), Ордена Республики Тыва (1999), лауреат Государственной премии Республики Тыва (2003). За огромный вклад в развитие тувинской культуры удостоен званий: «Заслуженный писатель Тувинской АССР» (1979) и «Народный писатель Тувы» (1987).
[2] Хадаханэ М. А. В «тихом уголке» // «Улуг-Хем». 1969. № 11. С. 171.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 172.
[6] Там же. С. 173.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Там же.

В целом критик высоко оценила прозу Кудажы. «Это заметный шаг вперед всей очень молодой тувинской прозы»[1]. И она следила за развитием творчества Кудажы. Так, в 2020 г. констатировала: «Он быстро поднимался по ступеням мастерства» (Хадаханэ, 2020: 19).

В творчестве Кудажы критик находила мастерство построить сюжет произведений: «Умел находить сюжетные ходы в “Хлебе” и “Красной шапке”» (там же: 19). Подчеркнула этноориентированный стиль его романа «Поющий родник»:

> «Национальное своеобразие ярче всего передается всей системой изобразительных средств: “Мысли разбегались, как ягнята”; “зимний день короток, как верблюжий хвост”; “он старался тянуть аркан разговора”; “голос как у простуженного гуся”; “слова толкались, словно овцы”. Он широко использует народные речения, пословицы, шутки, юмор» (там же: 20).

Отметим, что эти ценные наблюдения над метафорами могут послужить для изучения этноориентированных метафор в тюркских литературах.

М. А. Хадаханэ пишет об умении Кудажы изображать литературных героев романа «Поющий родник» в тесной связи с сюжетом: «Характеры героев проявляются в предлагаемых обстоятельствах, а картины труда — на фоне лирических взаимоотношений» (там же).

Она констатирует рост литературного мастерства Кудажы в романе «Поющий родник»: «Идет накопление литературной плоти: овладение наукой построения сюжета, композиции, подачи портретов героев, пейзажей, диалогов, полилогов, деталей. Он хорошо слышал говор народа, звуки и запахи земли — читал, смотрел, сравнивал — учился у тувинских писателей и русской классики» (там же: 22).

Хадаханэ высоко оценила наиболее известный роман писателя: «Для тувинской литературы велико значение романа-эпопеи в 4-х томах “Улуг-Хем неугомонный” (“бессонный”). Он создал широкую панораму жизни тувинского народа как часть картины всего мира — всеохватно» (там же: 20).

В отдельном разборе романа критик выделила составные элементы мастерства автора. Отметила в этом фрагменте мастерство создания объемного произведения — романа-эпопеи. Указала на наличие конфликта в сюжете романа: «Добро и зло противоборствуют на всем протяжении» (там же: 20). Охарактеризовала сюжет романа: «В романе-эпопее сплетаются быт и история, юмор и сатира, приемы драмы и публицистики» (там же: 21). Определила проблематику романа, умение его автора осуществить «философское осмысление исторической правды» (там же: 20). Положительно оценила выбор типа героя. «Романист раскрыл особенность тувинского национального характера в образах Сульдема, Кежикма, Буяна, Соскара, Сузунмы, Хойлаар-оола, Саванды и других — каждый со своей особинкой» (там же: 20). Глубоко охарактеризовала стиль романа-эпопеи. «Как полно знает писатель быт народа: жизнь пастухов, охоту, обычаи, обряды, игры детей. Художественная деталь имеет свой вкус, цвет, запах в описании природы, человека, предметов быта» (там же: 21).

Не остались незамеченными и здесь этнокультурные элементы: «Неисчерпаем запас пословиц: “всех дел не переделать, всех муравьев не сосчитать”, “когда натрешь спину — ходишь иноходью”, “от жадности готов облизать корыто своей собаки”» (там же). Указываются и метафоры: «Ярки степные метафоры, сравнения, деталь: “щеки, как вымя недоенной коровы”, “когда вороные бая пьют воду — река убывает”, “красные плети молний хлестали темноту”, “состарившаяся луна едва освещала землю” и много других» (там же).

Таким же многогранным был анализ повести «Владыки» тувинского автора Вячеслава Бузыкаева[2]. В данном произведении изображено историческое прошлое Тувы: «Автор вдумчиво пытается охватить… глубокий русско-тувинский пласт жизни…»[3]. Констатируется как положительная черта разнообразие литературных героев: «Повесть густонаселена крестьянами-земледельцами и тувинскими охотниками, купцами и староверами»[4]. Отмечаются особые удачи автора в изображении литературных героев, например, образы Еремея Власова, пахаря-бунтаря, его сына Степана.

[1] Там же.
[2] Бузыкаев Вячеслав Алексеевич (1940–2009) — тувинский прозаик, журналист, член Союза журналистов СССР (1968), член Союза писателей России (2003).
[3] Хадаханэ М. А. С высоты истории. Мой дом открыт // Улуг-Хем. 1984. № 20. С. 161.
[4] Там же.

В качестве недостатков названо: «… русские герои повести написаны психологически и художественно убедительнее. Когда же речь заходит о тувинцах, автор несколько сбивается на орнаментальную прозу, ярко расшитую тувинским фольклором»[1]; зверолову Ая «не хватает плоти и вкуса»; «Сержи Оюн тоже несколько декларативен. Более индивидуален сказитель Бир Катап…»; «Удался и образ Жемчужного — подлого, распутного, трусливого, не очень приемлема только его кличка»[2].

Внимание уделено общему стилю повести: «Сильной стороной повести является богатство старинной речи»[3]. Введение в текст указов, русского сибирского фольклора (колыбельных и озорных частушек) придает повести особый колорит: «Тувинские пословицы искусно вплетены в повествование…»; «Автор хорошо знаком с миром тувинской образности: “сердце готово выскочить через горло”, часто использует сказочные выражения: “не умиравший — теперь умру”, “пусть переломится моя локтевая кость”»[4].

Среди недостатков произведения отмечено: искусству композиции автору еще надо учиться, так как «сюжетные сцепки эпизодов не везде плотно смыкаются, герои «рассыпаются», нет умения вывести, выделить среди них главных и провести сквозь повествование»[5]; есть элементы вторичности; неточно название повести; автор не владеет «искусством портретной характеристики, иногда герои сливаются как бы в одно лицо»[6]; «вымышленные образы удаются больше исторических…»[7]. И самым крупным недостатком названо: «среди героев книги нет людей, которым бы хотелось подражать. А это — немаловажная цель повествования: нравственный идеал необходим»[8].

Тем не менее, критик делает вывод: «… повесть вызывает интерес и уважение к труду одаренного прозаика…»[9].

Одна из статей М. А. Хадаханэ посвящена творчеству тувинской писательницы Е. Т. Тановой[10]. Здесь дан краткий анализ романа автора «Кара-Бай» о судьбе репрессированной Сайдаш. Отмечаются элементы мастерства автора в построении сюжета: «Работа над прозой невольно заставляет взращивать художественное мастерство: авторские отступления, диалог, пейзаж, психологизм деталей, крепость композиции и сюжета»[11]. Констатируется интерес писательницы к женским темам — «детство, материнство, любовь»[12].

Следует отметить, что М. А. Хадаханэ уделяла внимание анализу тувинского рассказа. Она писала, что жанр тувинского рассказа оживился в 1990-е годы в творчестве К. Черлиг-оола, Ч. Чочагара, М. Дуюнгара (Хадаханэ, 2020: 28). В это время появились новые темы и разновидности жанра: очерк, новелла, притча, анекдот, исповедь, публицистика, миф, сказ. В рассказах все меньше выражаются назидание, дидактика. При этом, писала критик, тувинский рассказ больше воздействует на читателей силой психологизма, образами-символами, внутренней жизнью человека, вечными вопросами бытия.

Таким образом, мы видим, что М. А. Хадаханэ рассматривает творчество прозаиков многогранно: отмечает элементы литературного мастерства, умение изображать характеры героев, организовать сюжет, стиль и др. Но ее анализ не ограничивается хвалебными отзывами, критик также подмечает и недостатки.

[1] Там же. С. 162.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 163.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Танова Екатерина Туктуг-ооловна (1930–2020) — поэтесса, прозаик, драматург, журналист, переводчик, педагог, кандидат исторических наук; первая профессиональная писательница Тувы, Народный писатель Республики Тыва.
[11] Хадаханэ М. А. «И Сут-Холя волна качала» // Улуг -Хем. 2005. № 2. С. 152.
[12] Там же.

Мастерство поэтов в трудах М. А. Хадаханэ

Не менее интересно посмотреть литературоведческие работы М. А. Хадаханэ, посвященные поэзии.

Так, в одной из своих статей она анализирует лирику тувинского поэта Юрия Кюнзегеша[1], которого она называет ведущим тувинским поэтом. По ее мнению, Юрий Кюнзегеш — «лирик большого чистого звучания»[2]. Критик пишет о своеобразии сюжета стихотворений поэта: «Радует, что в ... тематическом разнообразии поэт не теряет философской наполненности, глубины обобщений, своей, только ему присущей ноты»[3]. Констатирует: «Неустанный художественный поиск ведет поэта к овладению новой для тувинской поэзии формой сонета, заставляет экспериментировать в восьмистишии, искать сочетания анафоры с конечной рифмой»[4]. В стиле поэта отмечаются «такие детали: льдины, как борцы, теснят и сминают друг друга во время ледохода, или «глазами моих азиатских предков, чуть-чуть прищуренными глазами, меня встречало солнце Казани»[5].

Общий вывод критика: «Психологизм, интеллектуальность, драматизм переживаний, своеобразный стиль стихов выделяют Ю. Кюнзегеша как поэта “лица необщим выражения”»[6]. И, конечно же, не обошлось без выделения недостатков: «Иногда в стихах вдруг сквозит мелкая нравоучительность, появляются необязательные рассуждения. Не все он разглядел во времени и в людях»[7].

Отдельное внимание критик уделяла творчеству русско-тувинского поэта А. Емельянова[8], героев которого она считала актуальными для советской поэзии. М. А. Хадаханэ констатировала в первую очередь реалистический характер поэзии А. Емельянова. Его герои — это люди труда: доярки, чабаны, строители, шоферы. Причем это конкретные люди, а не поэтические символы. Отмечала мастерство пейзажей поэта, емко и просто рисующего поэтические пейзажи с особенностями тувинской природы. Положительно характеризовала особенности позиции лирического героя, указывая на его нравственный максимализм. В качестве недостатков поэзии А. Емельянова назвала назидательность, излишнюю прямолинейность, дидактизм[9].

М. А. Хадаханэ положительно оценила цикл стихов русско-тувинской поэтессы С. В. Козловой[10] «Дороги. Люди. Города» и другие ее лирические произведения. Одобрила обращение поэтессы к теме интернационализма, оценила орнаментальность, яркость образов: “ветров горловое пение”, “отар живое просо”, “войлок туч густой”, “глядит на месяц, степной, раскосый”[11]. Излюбленные героини лирики С. Козловой — это женщины, их судьбы. И критик остановилась на умении поэтессы убедительно писать о женских судьбах.

Необходимо сказать, что М. А. Хадаханэ в целом внесла большой вклад в развитие творчества женщин. Она проявляла интерес к поэтическому творчеству тувинских поэтесс. «Нежно, сердечно звучат голоса женщин-поэтов, их много, и все такие разные: Е. Танова, З. Намзырай, З. Байсалова, Н. Серенот, М. Кужугет, Л. Иргит, А. Ховалыг, С. Комбу, С. Ондур, Л. Ооржак. Простодушные, открытые, мятежные, дерзкие — у каждой речки свой голос. Пронзительно пишут о материнстве и детстве, о болях и обидах одиночества, страстно и откровенно — о взаимоотношениях в любви» (Хадаханэ, 2020: 194).

Критический отзыв получило произведение С. Козловой «Люди честного имени»: «отсутствие сюжета, обрывочность, прозаизмы, напор голых идей снижают эстетическое воздействие»[12].

---

[1] Кюнзегеш Юрий Шойдакович (1927–2000) — тувинский поэт, прозаик, переводчик, литературовед, заслуженный работник культуры Тувинской АССР, Народный писатель Республики Тыва; первый тувинский поэт, писавший сонеты, трехстишия (*ожук дажы*) и эпитафии.
[2] Хадаханэ М. А. Песни не похожи друг на друга // Улуг-Хем. 1969. № 10. С. 197.
[3] Там же. С. 198.
[4] Там же. С. 199.
[5] Там же.
[6] Там же. С. 200.
[7] Там же.
[8] Емельянов Анатолий Федорович (1924–1992) — поэт, прозаик, драматург, переводчик, член Союза журналистов СССР, член Союза писателей СССР; переводил на русский язык произведения классиков тувинской литературы.
[9] Хадаханэ М. А. Русские и русскоязычные писатели в Туве // Улуг-Хем. 1990. № 26. С. 169–175.
[10] Козлова Светлана Владимировна (1933–1997) — поэт, переводчик, журналист, член Президиума Тувинской организации общества любителей книги, Союза журналистов СССР, Союза писателей СССР.
[11] Хадаханэ М. А. Русские и русскоязычные писатели в Туве // Улуг-Хем. 1990. № 26. С. 171.
[12] Там же.

Резюмируя свою статью о С. Козловой, М. А. Хадаханэ высказалась, что автору «больше удаются натурфилософские стихи…»[1].

М. А. Хадаханэ уделяла внимание и творчеству тувинского поэта Эдуарда Мижита[2], за которым также следила с его молодости. Она высоко ценила стиль его поэзии, писала, что Э. Мижит активно использует новые средства выразительности, умеет выстроить сюжеты стихотворений. «Он видит мир широко, интеллектуально, — писала критик, — Переливы мыслей прихотливы, ассоциативны, придают особую энергию стихам»[3].

Детальному разбору критик подвергала и отдельные поэтические сборники, анализируя как общие особенности стиля автора, так и характеризуя отдельные произведения в издании. Так, она рассмотрела сборник стихов тувинского поэта Комбу Бижека[4] «Окликает меня Тува»[5]. Определила характер сюжета его стихотворений, положительно оценила фольклорную основу лирики: «В книге много баллад и назиданий. Автор вспоминает мудрые пословицы народа: через прошлое не перешагнешь, в степи даже по тени можно узнать человека, тоску слезой не оседлаешь, только потерянному узнаем настоящую цену, десятью дорогами одновременно не поскачешь» (Хадаханэ, 2020: 32). Выделила традиционную и новую тематику, своеобразие образа лирического героя. «Детство, любовь к матери, красота природы, родня и друзья — обычные темы тувинской лирики. Новое — зов родины, тоска по Туве…»; «Новая тема — буддизм в Туве: нельзя уничтожить бессмертие веры» (там же).

Перечислила и неудачи поэта: «Большое место занимает поэма судьбы “Окрыленное сердце”, она посвящена артисту цирка В. Оскал-оолу. Это излишне подробная поэтическая биография, местами явно затянутая за счет трафарета и парадности одописи 1980-х годов» (там же).

В целом, стиль поэта назвала своеобразным: «Лиризм, своя интонация, умение передать настроение человека, философский взгляд на жизнь, оригинальная манера письма Комбу Бижека наполняют тувинскую поэзию драгоценной струей свежести» (там же: 33).

Разбору подвергся, например, сборник стихов Эммы Цаллаговой[6] «Мелодии для летящей птицы» (1998). Критик обратила внимание на особенности лирического сюжета поэтессы: «Настоящие женские стихи, поэзия интимной жизни сердца» (Хадаханэ, 2020: 33); «Стихи Э. Цаллаговой отличает внутренняя сила, психологизм, богатство метафоры» (там же: 34). Автор высоко оценила стиль лирики поэтессы. «Э. Цаллагова видит мир ярко, образно, в деталях: рыбак нежно гладит лодку, щенок тычется в руку, замшелый колодец, сонный город, мягкие губы жеребенка, солнце отражается в полынье, виноград сияет солнцем» (там же). Отметила бесспорные поэтические удачи Э. Цаллаговой («.. стихи о Туве — одни из лучших, самые пронзительные») и находки («Образ летящей птицы передает характер героини и становился апофеозом, центром сборника. Она умеет найти слова из боли и добра») (там же: 35).

Как всегда, указала и на недостатки, штампы: «Так литературны: “израненное сердце, сгоревшие надежды”» (там же).

Искренность, свежесть чувств, тихую грусть подчеркивала в поэзии Монгуша Доржу (там же: 193). Положительно была охарактеризована лирика поэта-романтика Антона Уержаа, в которой отражены, по словам критика, вечные ценности: раздумья о мире и смысле жизни, обретение счастья, мотив одиночества, разлуки; выделена неповторимость его лирического дара, проникновенность поэтического слова (там же).

[1] Там же.
[2] Мижит Эдуард Баирович (1961–2023) — поэт, прозаик, драматург, переводчик, заслуженный деятель искусств Республики Тыва, Народный писатель Тувы.
[3] Хадаханэ М. А. Русские и русскоязычные писатели в Туве // Улуг-Хем. 1990. № 26. С. 173.
[4] Бижек Комбу Дойдулович (1937 г. р.) — тувинский поэт, переводчик, член Союза писателей России, член Союза художников России, Заслуженный работник искусства Республики Тыва.
[5] К сожалению, в статье М. А. Хадаханэ не указаны выходные данные издания, которых также не удалось обнаружить в каталогах библиотек.
[6] Цаллагова Эмма Борисовна (1949–2020) — поэт, переводчик, кандидат педагогических наук, отличник народного образования Российской Федерации, член Союза писателей России; переводила на русский язык стихи тувинских поэтов.

Таким образом, тувинская поэзия, так же как и проза, была в центре внимания литературного критика М. А. Хадаханэ.

Особенности литературно-критического творчества М. А. Хадаханэ

Помимо творчества авторов в контексте развития тувинской литературы в целом, литературно-критическая деятельность М. А. Хадаханэ охватывала и другие вопросы, в том числе: межнациональное общение писателей; художественный перевод; становление и развитие альманаха «Улуг-Хем», публицистика; деятельность женщин в художественном творчестве и литературной науке; литературные процессы в постсоветскую эпоху.

При такой многогранности многолетних творческих поисков М. А. Хадаханэ мы полагаем, что важно применить культурно-исторический подход к характеристике ее деятельности.

Так, литературовед изучала тувинскую литературу в контексте ее развития. Всегда обращала внимание на эволюцию не только творчества конкретных писателей, как мы в этом убедились выше, но и на развитие тувинской литературы. Яркий пример подобного подхода — это статья «Русские и русскоязычные писатели в Туве»[1]. В указанной статье, отдельные выдержки из которой уже приводились нами выше, дан анализ развития творчества русских и русскоязычных писателей. Несмотря на успехи тувинской литературы, М. А. Хадаханэ считает необходимым определить перспективы ее развития. Так, она приходит к выводу, что «общество больно жестокостью, бездушием, равнодушием, потерей нравственных идеалов, бездуховностью, вещизмом, всеядностью, апатией. Нужно возродить веру в добро, восстановить связь времен, сохранить лучшие народные традиции»[2].

Коллеги Марии Андреевны (литературоведы З. Б. Самдан, У. А. Донгак, Л. С. Мижит, А. С. Донгак и др.) в статье-некрологе отмечают, что взыскательный критик и строгий редактор М. А. Хадаханэ содействовала росту литературного мастерства пяти поколений тувинских писателей, начиная с ее основателей С. К. Тока, О. К. Саган-оола и др. до народных писателей современной Тувы А. А. Даржая, Ч. Ч. Куулара, Э. Б. Мижита и др.[3]

В том числе М. А. Хадаханэ высоко оценивала отражение этнокультурной идентичности в произведениях тувинских писателей. Подмечала это и в лирике русскоязычных тувинских поэтов[4]. При этом высоко оценивала их вклад в развитие тувинской литературы: «Русские авторы В. Ермолаев, М. Пахомов, А. Емельянов, Е. Антуфьев, Г. Принцева писали в разных жанрах тувинскую картину мира» (Хадаханэ, 2020: 17).

М. А. Хадаханэ высоко ценит русский язык как средство творческого самовыражения писателей. В указанной выше статье «Русские и русскоязычные писатели в Туве» она пишет:

> «Хотелось бы особо сказать о русскоязычных поэтах: тонкий психологизм В. Кан-оола, белый стих С. Ондур, жажда новизны И. Иргита, лирические миниатюры … С. Баира, острота душевных переживаний Л. Санчай. Они по-русски пишут очень тувинские стихи, не теряя ощущения национальной образности»[5].

Тем самым она включает русскоязычную тувинскую литературу в широкий культурный контекст. Приводит в качестве примера творчество советских писателей Ч. Айтматова, Ю. Рытхэу, О. Сулейменова, В. Санги, А. Кима, которые создавали свои произведения на русском языке, отражая национальную образность и мировидение[6].

Следует отметить, что М. А. Хадаханэ высоко ценила межнациональное общение писателей, в результате которого писатели определенной этнической принадлежности создавали произведения о жизни людей другой культуры. В этом она видела яркое проявление интернационализма как одной из основ советской идеологии. Русские писатели Тувы (М. Пахомов, Н. Сердобов, В. Бузыкаев

[1] Хадаханэ М. А. Русские и русскоязычные писатели в Туве // Улуг -Хем. 1990. № 26. С. 169–175.
[2] Там же. С. 174.
[3] Памяти Марии Андреевны Хадаханэ [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2021. 19 марта. URL: https://www.tuva.asia/news/tuva/9442-hadahane.html (дата обращения: 10.07.2025).
[4] Хадаханэ М. А. Русские и русскоязычные писатели в Туве // Улуг -Хем. 1990. № 26. С. 172.
[5] Там же. С. 172.
[6] Там же.

и др.), по ее мнению, «ярко отражают своеобразие национального тувинского уклада жизни, в их произведениях заметны интернациональный пафос и желание передать и национально особенное»[1].

При этом литературный критик не ограничивалась констатацией и теоретическим разбором ситуации. Как пишут ее коллеги, она активно способствовала развитию контактов тувинской и родственных литератур: изучала соседние литературы Сибири (алтайскую, якутскую, хакасскую), поддерживала тесные связи с бурятскими учеными и писателями, интересовалась бурятской поэзией, литературой (например, высоко ценила поэзию Д. Ульзытуева), общалась с писателем Н. Балдано, приезжавшим в Туву, изучала труды Н. О. Шаракшиновой и Е. В. Баранниковой по бурятскому фольклору, работы А. И. Уланова по «Гэсэру»[2].

Переводные работы стали неотъемлемой частью публикаций альманаха «Улуг-Хем»[3], который она назвала литературным зеркалом Тувы[4]. Поэтому проблематика художественного перевода в Туве также разбирается в работах М. А. Хадаханэ. При этом необходимо отметить, что она сама активно переводила произведения тувинских писателей: С. Сюрюн-оола, Б. Ондара, Н. Ооржака, Ч. Куулара, Д. Сарыкая, О. Саган-оола и многих других авторов на русский язык.

В целом М. А. Хадаханэ уделяла большое внимание альманаху «Улуг-Хем», в котором сама она активно печаталась. Например, в статье «Русские и русскоязычные писатели в Туве» она с большим удовлетворением отмечает развитие этого издания, в котором появились новые разделы: для маленьких читателей, сатира и юмор, очерк, критика, новые имена. Благодаря этому альманах, как пишет она, стал гораздо интереснее и содержательнее[5].

М. А. Хадаханэ внесла также свой вклад и в становление и развитие тувинской публицистики, например жанра очерка. Об этом писала Л. С. Мижит: «Очерк и публицистика 1960–80-х гг., авторами которых выступали С. Тока, К. Кудажы, М. Пахомов, Л. Чадамба, О. Сувакпит, С. Козлова, М. Хадаханэ и другие, не отставали от ритма жизни» (Мижит, 2022: 80). Более того, М. А. Хадаханэ была постоянным автором работ различных жанров не только в альманахе «Улуг-Хем», но и в журналах «Сибирские огни», «Байкал», в газете «Литературная Россия» и др., а также публиковала статьи в газете «Тувинская правда»[6].

Мы уже отмечали, что М. А. Хадаханэ активно способствовала становлению и развитию мастерства женщин не только в художественном творчестве. Помимо этого, она проявляла интерес к их деятельности в тувинской литературной науке. Например, ценила научную деятельность историка М. Татаринцевой, которая написала монографию «Развитие литературно-критической мысли в Туве» (Татаринцева, 1983). Критик отмечала растущую активность коллеги в сфере литературной критики[7]. Поддерживала М. А. Хадаханэ и научную, критическую деятельность филолога З. Самдан. Когда З. Самдан только начинала свою деятельность в качестве литературного критика, положительно оценила ее рецензии на поэзию Н. Куулара, роман Э. Донгака «Старые стойбища», статьи «Благодушие или самокритика критики» (1986), «Стряхнуть благодушие» (1987)[8]. В то же время, руководствуясь принципом объективности, указала на недостаток в докладе З. Самдан на X съезде писателей Тувы (1989), в котором преобладали внешняя острота и абстракции, не было конкретных имен и произведений[9].

[1] Там же. С. 169.
[2] Донгак А. Тува — судьба моя. Беседа с Марией Хадаханэ // Сибирские огни. 2014. № 9. С. 135.
[3] Литературный альманах «Улуг-Хем» — один из главных периодических центров тувинской словесности, сыгравший ключевую роль в становлении и развитии современной тувинской литературы. Первый выпуск вышел в 1946 г. Учредителями были Союз писателей, Правительство и Госкомитет по печати и информации Республики Тыва. На его страницах печатались как признанные, так и начинающие писатели, поэты, публицисты, деятели культуры и искусства республики. Публиковались проза, поэзия, драматургия, литературная критика, очерки об истории и общественной жизни, материалы о художниках и других деятелях культуры, а также тексты в жанрах детектива и фантастики. В 1992 г. издание получило официальный статус журнала. С 1 мая 2020 г. литературный журнал «Улуг-Хем» был переименован в «Улуг-Хемниң агымы» и объявлен как продолжающееся издание в бумажном и электронном форматах.
[4] Хадаханэ М. А. Русские и русскоязычные писатели в Туве // Улуг -Хем. 1990. № 26. С. 174.
[5] Там же.
[6] Памяти Марии Андреевны Хадаханэ [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2021. 19 марта. URL: https://www.tuva.asia/news/tuva/9442-hadahane.html (дата обращения: 10.07.2025).
[7] Хадаханэ М. Швейцар? Официант? Или учитель жизни? // Улуг-Хем. 1991. № 27. С. 162.
[8] Там же. С. 164.
[9] Там же. С. 164–165.

М. А. Хадаханэ проявляла интерес к литературно-критической и переводческой деятельности Г. Принцевой, М. Рамазановой, С. Козловой и др.[1] «Как много перевела С. Козлова за 40 лет творчества разных поэтов, — подчеркивала она, — открыв русскому читателю тувинский мир» (Хадаханэ, 2020: 195).

Литературовед выделила статью Т. Будегечиевой «Экология и искусство», в которой анализ проводится на стыке смежных искусств и науки: фольклора, поэзии, искусствознания и социологии[2].

Поддерживала творчество поэта А. Даржая, который, по ее мнению, «обладает яркой индивидуальностью» (Хадаханэ, 2020: 24). При этом она полагала, что творчество Эдуарда Мижита новаторски отражает современное, уже постсоветское, состояние тувинской литературы. «Выделяется поэт Э. Мижит “лица необщим выраженьем” — космист витает далеко с глубокой философией о мире и человеке, оригинальны даже названия циклов, и сложна туманная метафора» (Хадаханэ, 2020: 194).

Мы выяснили, что М. А. Хадаханэ в то же время оставалась верной интернационализму, проявления которого в литературных произведениях высоко ценила[3]. Практически в каждой своей работе она пишет об интернационализме в литературе. «Тема интернационализма в тувинской литературе звучала всегда»[4]. Интернационализм, по ее мнению, способствует обогащению национальных литератур, выражает духовную близость народов[5]. Доказывает это на конкретных литературных примерах:

> «Алтайцы свободнее вводят в свои произведения имена и строки любимых поэтов: у Б. Укачина это Н. Хикмет, Р. Берне. Что это дает? Широкое представление о мире включение в общемировой процесс. Литература, создаваемая с установкой только для потребления своим народом — знакомыми, сверстниками, сородичами, земляками, — заведомо заужена, бессмысленна» (Хадаханэ, 2020: 110).

В связи с этим М. А. Хадаханэ призывает «возобновить разорванные межлитературные связи. Нет ни одной книги на русском языке. А как узнают о тувинских писателях на просторах России и мира?»[6]

Мы видим, что М. А. Хадаханэ способствовала не только развитию тувинской науки и литературы, но и сама стремилась к новому. Если в советский период отмечала в произведениях писателей темы и проблемы, одобряемые властью и официальной идеологией (атеизм, советский патриотизм, созидательный труд во имя общества, интернационализм и др.), то в постсоветский период констатировала новые темы в тувинской поэзии. Например,

> «Новая тема — буддизм в Туве: нельзя уничтожить бессмертие веры. Это караван познания, океан мудрости, послание через века драгоценных истин: пусть богатство будет верным средством, чтобы делать на земле Добро. Поэтическая попытка проникнуть в суть вещей» (Хадаханэ, 2020: 33).

Таким образом, М. А. Хадаханэ способствовала формированию национальных литературных канонов в связи с изменившимися культурно-историческими обстоятельствами.

Отметим также, что она глубоко изучала состояние самой тувинской литературной критики. Констатировала не только ее успехи, но и проблемы. В ее статье «Швейцар? Официант? Или учитель жизни?» дан глубокий анализ тувинской литературной критики[7]. Она выдвинула требования, необходимые для успешной критической деятельности в эпоху перестройки: «... критику сегодня надо быть социологом, экономистом, философом, политиком»[8].

Мы выявили, что критик отмечала серьезные проблемы в тувинской литературе и литературной критике: «Литература отстает от жизни, критика — от литературы»[9]. Требовала, чтобы литература поднимала злободневные вопросы: «Критика должна бороться с понижением уровня общей куль-

[1] Там же. С. 165.
[2] Там же.
[3] Сонам А. Мария Хадаханэ: «В многообразии — единство» [Электронный ресурс] // ИА Тува-онлайн. 2013, 25 января. URL: https://www.tuvaonline.ru/2013/01/25/mariya-hadahane-v-mnogoobrazii-edinstvo.html (дата обращения: 11.07. 2025).
[4] Хадаханэ М. А. Слово о дружбе // Улуг-Хем. 1988. № 24. С. 157.
[5] Хадаханэ М. А. Русские и русскоязычные писатели в Туве // Улуг -Хем. 1990. № 26. С. 169.
[6] Хадаханэ М. Размышления после съезда писателей // Улуг-Хем. 2001. № 4. С. 182.
[7] Хадаханэ М. Швейцар? Официант? Или учитель жизни? // Улуг-Хем. 1991. № 27. С. 162–166.
[8] Там же. С. 163.
[9] Там же. С. 165.

туры, падением интереса к чтению и предпочтением облегченной беллетристики»[1]. Автор утверждала мысль о том, что литература, как и критика, несут ответственность за сохранение духовных основ жизни народа.

Признавая право на новое, М. А. Хадаханэ тем не менее призывала сохранять культурную память, не вычеркивать из нее творчество представителей тувинской советской литературы. В монографии «Тувинские страницы» мы находим такие слова: «Критикуют метод соцреализма спустя многие годы, не оставляя прав быть самим собой в историческом времени» (Хадаханэ, 2020: 197).

М. А. Хадаханэ констатировала также эволюцию тувинской поэзии с конца XX в. по 2020-е гг.: «Тувинская поэзия заметно изменилась за последнюю четверть века в языке, самоанализе, мыслях о Боге и смерти» (Хадаханэ, 2020: 194). И, разумеется, она замечала недостатки творчества молодых поэтов. По ее мнению, они, «иногда страдая эпигонством», не создают своего нового (там же).

Необходимость выражения этнокультурной идентичности тувинских писателей она считала их важнейшей задачей. Напомним, что эта идея является актуальной и в наше время. Л. Ш. Галиева, исследовательница критической мысли национальных литератур, также утверждает, что в эпоху масштабных исторических перемен тюркские и другие литературы обратились к прошлому в поисках обновления поэтик и новых мировоззренческих ориентиров. «В ситуации резкой смены исторических обстоятельств литературная критика этих народов обратилась к национальным истокам и возрождению нравственно-духовных ценностей, познанию национальной идентичности путем освоения новых форм и типов мышления» (Галиева, 2025: 178).

М. А. Хадаханэ настаивает на сохранении преемственности старого и нового в художественной литературе, призывает не бросаться в крайности, отвергая достижения писателей старшего поколения. О том же пишет и К. Султанов: «Задача восстановления баланса между традиционными ценностями и инновационными сдвигами приобрела во всех российских национальных литературах программный характер» (Султанов, 2021: 51).

Таким образом, мы видим, что М. А. Хадаханэ высказалась по самому широкому кругу проблем художественной литературы и литературной критики. Она обладала талантом видеть литературное произведение в его деталях и в то же время как художественно-смысловую целостность. Исследовала процесс развития не только творчества конкретных писателей, но и литературы Тувы. Ей были присущи широкая эрудиция, объективность, доброжелательность. Важно отметить такие черты ее литературного мастерства, как лаконичность и точность стиля.

Заключение

Исследование вопросов творческого мастерства прозаиков и поэтов в трудах М. А. Хадаханэ позволило составить представления о ее взглядах на художественную критику, определить основные направления ее литературно-критической деятельности.

В работах М. А. Хадаханэ представлен анализ умений писателей создать достоверные образы литературных героев, обладающих характерами, индивидуальностью поведения, своеобразием мировидения. М. А. Хадаханэ настаивает на развитии писателями мастерства организации сюжетно-фабульной основы литературного произведения. Считает, что умение логично выстроить сюжет — это одна из ключевых художественных компетенций писателя. М. А. Хадаханэ раскрывает ценность развития писателями индивидуального стиля для создания качественных литературных произведений. Особое внимание в ее трудах уделяется анализу этноориентированных художественных приемов, построенных на сравнении человека с реалиями быта тюркских народов, образами природы тюркского локуса. По справедливому мнению М. А. Хадаханэ, такого рода литературные приемы придают достоверность художественному миру произведений, повествующих о жизни тюрков и других народов.

Литературное мастерство писателя, по ее мнению, заключается в его умении создать объемный достоверный художественный мир, в котором изображена система героев, наделенных индивидуальностью и сюжетной субъектностью. Писатель должен активно и последовательно развивать свой стиль. Основа стиля — это художественные приемы (метафора, сравнение, олицетворение и

[1] Там же. С. 166.

др.). Особенную эстетическую ценность представляют этноориентированные художественные приемы, адекватно отражающие традиционные основы жизни тюрков. Писатель должен добиваться органичного единства художественной антропологии и художественной онтологии в границах мира литературного произведения.

Труды М. А. Хадаханэ, посвященные анализу вопросов литературного мастерства, сохраняют теоретическую и практическую ценность для современного литературоведения и литературной критики, для исследования литератур тюркских народов. Положения трудов М. А. Хадаханэ мы считаем чрезвычайно важными для анализа национальных литератур других народов постсоветского пространства, в том числе Казахстана.

Вклад авторов

Ибраева А. С. — анализ трудов по проблемам литературного мастерства.

Баянбаева Ж. А. — сбор и анализ материалов по творчеству поэтов Тувы.

Джолдасбекова Б. У. — исследование художественного мастерства прозаиков Тувы.

Муминов С. О. — корреспондирующий автор, сбор и систематизация материалов по литературному процессу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балданов, С. Ж. (1983) Общность национальных литератур Сибири // Взаимодействие литератур народов Сибири / отв. ред. Г. И. Ломидзе. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 272 с. С. 147–152.

Белкин, А. А. (1973) Художественное мастерство Чехова-новеллиста // Белкин А. А. Читая Достоевского и Чехова. М. : Художественная литература. 301 с. С. 173–220.

Белый, А. (1934) Мастерство Гоголя: Исследование. М. ; Л. : Гос. изд-во художественной литературы. 324 с.

Благой, Д. Д. (1955) Мастерство Пушкина. Вдохновенный труд. Пушкин — мастер композиции. М. : Советский писатель. 268 с.

Галиева, Л. Ш. (2025) Татарская литературная критика рубежа XX–XXI вв. в контексте критической мысли родственных литератур народов Урало-Поволжья // Новые исследования Тувы. № 3. С. 166–181. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.11

Гинзбург, Л. Я. (1974) О лирике. Ленинград : Советский писатель, Ленинградское отделение. 408 с.

Донгак, У. А. (2025) Литературоведение в ТИГПИ // Учёные записки: Гуманитарная наука в Туве : К 80-летию ТНИИЯЛИ — ТИГПИ / ред. У. А. Донгак, О. Д. Натсак. Абакан : Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова. 360 с. С. 169–185.

Егоров, Б. Ф. (1980) О мастерстве литературной критики. Жанры, композиции, стиль. Л. : Советский писатель. 320 с.

Кожинов, В. В. (1980) Стихи и поэзия. М. : Советская Россия. 304 с.

Кольчикова, Н. Л., Прищепа, В. П. (2020) Этнопоэтический подход к изучению современной литературы Саяно-Алтая (на материале тувинской и хакасской поэзии) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 210–227. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.15

Комбу, С. С. (2012) Хадаханэ Мария Андреевна // Тувинская литература: словарь / под ред. Д. А. Монгуша, М. Л. Трифоновой. Новосибирск : Наука. 360 с. С. 4.

Мижит, Л.С. (2022) Достижения тувинской литературы в советский период // Азиатские исследования: история и современность. № 1. С. 73–85. DOI: https://doi.org/10.24412/2782-6139-2022-1-73-85

Сильман, Т. И. (1977) Заметки о лирике. Ленинград : Советский писатель, Ленинградское отделение. 224 с.

Султанов, К. (2021) Переоткрывая эволюцию: национальные литературы между тавтологией и обновлением // Studia Litterarum. Т. 6. № 4. С. 42–67. DOI: https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-42-67

Татаринцева, М. П. (1983) Развитие литературно-критической мысли в Туве. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 135 с.

Тобуроков, Н. Н. (2016) Пересмотр истории тувинской литературы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 114–121.

Хадаханэ, М. А. (2020) Тувинские страницы. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 217 с.

Чуковский, К. И. (2012) Мастерство Некрасова. Статьи// Чуковский, К. И. Сочинения : в 15 т. М. : Агентство ФТМ, Лтд. Т. 10. 736 с. С. 17–624.

Дата поступления: 19.10.2025 г.
Дата принятия: 09.12.2025 г.

REFERENCES

Baldanov, S. Zh. (1983) Community of the national literatures of Siberia. In: *Interaction of the literatures of the peoples of Siberia.* Ed. by G. I. Lomidze. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. 272 p. Pp. 147–152. (In Russ.)

Belkin, A. A. (1973) Artistic mastery of Chekhov as a short story writer. In: Belkin, A. A. *Reading Dostoevsky and Chekhov.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 301 p. Pp. 173–220. (In Russ.)

Belyi, A. (1934) *The mastery of Gogol: A study.* Moscow, Leningrad, State Publishing House of Fiction. 324 p. (In Russ.)

Blagoi, D. D. (1955) *Pushkin's mastery. Inspired labor. Pushkin as a Master of Composition.* Moscow, Sovetskii pisatel. 268 p. (In Russ.)

Galiyeva, L. Sh. (2025) Tatar literary criticism at the turn of the 20th–21st centuries in the context of critical thought in the kindred literatures of the Ural-Volga region. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 166–181. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.11

Ginzburg, L. Ya. (1974) *On lyric poetry.* Leningrad, Sovetskii pisatel, Leningradskoe otdelenie. 408 p. (In Russ.)

Dongak, U. A. (2025) Literary studies at TIGPI. In: *Scholarly notes: The humanities in Tuva. On the 80th anniversary of TNIYALI–TIGPI.* Eds. by U. A. Dongak, O. D. Natsak. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatelstvo im. V. M. Torosova. 360 p. Pp. 169–185. (In Russ.)

Egorov, B. F. (1980) *On the mastery of literary criticism. Genres, composition, style.* Leningrad, Sovetskii pisatel. 320 p. (In Russ.)

Kozhinov, V. V. (1980) *Verse and poetry.* Moscow, Sovetskaya Rossiya. 304 p. (In Russ.)

Kolchikova, N. L. and Prishchepa, V. P. (2020) An ethnopoetic approach to the study of contemporary literature of the Sayan-Altai region: the cases of Tuvan and Khakas poetry. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 210–227. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.15

Kombu, S. S. (2012) Khadakhane Maria Andreevna. In: *Tuvan literature: A dictionary.* Eds. by D. A. Mongush and M. L. Trifonova. Novosibirsk, Nauka. 360 p. P. 4. (In Russ.)

Mizhit, L. S. (2022) Achievements of Tuvan literature in the Soviet period. *Aziatskie issledovaniya: istoriya i sovremennost*, no. 1, pp. 73–85. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24412/2782-6139-2022-1-73-85

Silman, T. I. (1977) *Notes on lyric poetry.* Leningrad, Sovetskii pisatel, Leningradskoe otdelenie. 224 p. (In Russ.)

Sultanov, K. (2021) Re-discovering evolution: national literatures between tautology and renewal. *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, pp. 42–67. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-42-67

Tatarintseva, M. P. (1983) *The development of literary-critical thought in Tuva*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 135 p. (In Russ.)

Toburokov, N. N. (2016) Rethinking the history of Tuvan literature. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 114–121. (In Russ.)

Khadakhane, M. A. (2020) *Tuvan pages.* Kyzyl, TuvSU Publ. 217 p. (In Russ.)

Chukovsky, K. I. (2012) The mastery of Nekrasov. Articles. In: Chukovsky, K. I. *Works*, in 15 vols. Moscow, Agentstvo FTM, Ltd. Vol. 10. 736 p. Pp. 17–624. (In Russ.)

Submission date: 19.10.2025.
Acceptance date: 09.12.2025.

DOI: 10.25178/nit.2026.2.4

Статья

Развитие грантовой поддержки научных исследований в Республике Тыва

Галина Ф. Балакина
Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН, Российская Федерация,
Марианна М.-Б. Харунова
Институт востоковедения Российской академии наук, Российская Федерация

В статье анализируются вопросы финансовой поддержки научных исследований сотрудников научных организаций Республики Тыва с 1990 г. по настоящее время. Анализ проведен на основе опыта основных научных организаций региона: Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва и Тувинского государственного университета.

Динамика рассматривается по этапам: 1) 1990-е гг. — 2005 г. — апробация нового источника финансирования, единичные гранты отдельных ученых, включая проекты молодых исследователей; 2) 2006–2020 гг. — системное использование возможностей научных целевых проектов, вовлечение ученых естественно-научного и технологического профилей в конкурсы научных проектов; 3) 2021 г. — настоящее время — рост значимости финансовой помощи от целевых грантов, получение группами ученых ряда престижных грантов, выпуск серии монографических трудов за счет средств научных фондов.

На основе информации фондов, Российского индекса научного цитирования, а также сайтов организаций, министерства науки и образования региона, правительства Тувы рассмотрены показатели получения грантов сотрудников организаций по этапам. Отмечается, что процесс развития грантовой поддержки шел по нарастающей, начавшись с 19 грантов в первый период. Он достиг своего максимального роста на втором этапе — 134 гранта, на третьем этапе наблюдается значительный спад (30 грантов). Дифференциация этапов детерминируется процессами совершенствования грантовой поддержки на уровне федеральных научных фондов и возможностями поддержки научных исследований со стороны регионального бюджета.

Ключевые слова: *Тува; грант; наука Тувы; история науки; тувиноведение; социокультурный процесс; ТувИКОПР СО РАН; ТИГПИ; ТувГУ*

Для цитирования:
Балакина Г. Ф., Харунова М. М.-Б. Развитие грантовой поддержки научных исследований в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 52-71. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.4

Балакина Галина Федоровна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник лаборатории региональной экономики Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Эл. адрес: balakina.gal@yandex.ru

Харунова Марианна Монге-Байыровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения Российской академии наук. Адрес: 107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Эл. адрес: ondar18@mail.ru

BALAKINA, Galina Fedorovna, Doctor of Economics, Chief Scientific Associate, Laboratory of Regional Economics, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117A Internatsionalnaya St., Kyzyl, 667007, Russia. E-mail: balakina.gal@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2387-7190

KHARUNOVA, Marianna Monge-Baiyrovna, Candidate of History, Senior Researcher at the Department of Oriental History of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 12 Rozhdestvenka St., 107031, Moscow, Russian Federation. E-mail: ondar18@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9011-226

Article

Development of Grant Support for Scientific Research in the Republic of Tuva

Galina F. Balakina
Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,
Marianna M.-B. Kharunova
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article analyzes the financial support of scientific research conducted by staff of research organizations in the Republic of Tuva from 1990 to the present. The analysis is based on the experience of the region's key research institutions: the Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, the Tuvan Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, and Tuvan State University.

The dynamics are examined in stages: (1) the 1990s–2005, when a new source of funding was tested and only isolated grants were obtained by individual scholars, including projects of young researchers; (2) 2006–2020, characterized by systematic use of the opportunities offered by targeted research projects and the involvement of scholars in the natural and technological sciences in competitive grant schemes; (3) 2021 to the present, marked by the growing importance of targeted grant funding, the award of a number of prestigious grants to research teams, and the publication of a series of monographic studies financed by research foundations.

Based on data from grant-making foundations, the Russian Science Citation Index, as well as the websites of research organizations, the regional ministry of science and education, and the Government of Tuva, the authors examine indicators of grant acquisition by institutional staff at each stage. It is noted that the development of grant support followed an upward trajectory, beginning with 19 grants in the first period and reaching its peak in the second stage with 134 grants, followed by a marked decline to 30 grants in the third stage. The differentiation of stages is determined both by changes in grant support mechanisms at the level of federal research foundations and by the possibilities for financing scientific research from the regional budget.

Keywords: *Tuva; grant; science in Tuva; history of science; Tuvan studies; sociocultural process; TuvIKOPR SB RAS; TIGPI; TuvSU*

For citation:
Balakina G. F. and Kharunova M. M.-B. Development of Grant Support for Scientific Research in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 52-71 (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.4

Введение

С конца 1980-х годов в России формируется система финансирования инициативных научных исследований в форме целевого финансирования в виде грантов[1]. Это позволяет привлечь дополнительные средства для увеличения финансирования инициативных научных проектов и разработок, расширить связи ученых региона с исследователями других краев и областей и повысить эффективность научных разработок. Идея получения грантовой поддержки научных исследований как дополнительного источника финансирования, расширения научного взаимодействия и возможности более широкого привлечения молодежи к научным изысканиям успешно воспринята российским научным сообществом.

[1] Грант (англ. *grant* — дар, субсидия, стипендия, пособие) — целевое тематическое финансирование научных исследований в разных областях знания со стороны внебюджетных научных фондов в виде дотаций — средств, предоставляемых на безвозмездной и безвозвратной основе.

Значимость развития науки отражена в национальном проекте[1] «Наука» (2019–2024)[2], Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации 2024 г.[3], национальных целях развития страны на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.[4], учебных программах аспирантуры, магистратуры и бакалавриата, методиках расчета рейтинга научно-исследовательских институтов и вузов.

Зарубежный опыт дополнительного финансирования науки доказывает, что в развитых странах университеты на постоянной основе занимаются поиском дополнительных источников финансирования, что обусловливает высокий уровень конкуренции исследователей за возможность использования средств грантов (Herschberg, Benschop, Van den Brink, 2018). При этом получение грантов влияет на карьерный рост исследователей (Bloch, Graversen, Pedersen. 2014; Roy et al., 2022). Источниками финансирования грантов для научных проектов в зарубежных странах являются: государственные фонды, фонды и стипендии талантливым и молодым ученым, созданные на частные пожертвования, гранты международных организаций, формирование фондов университетов, премии за особый вклад и достижения в науке и др., что создает систему «академического фандрайзинга» (Денисов, Жилякова, 2004: 121; Круглов, 2009: 44), средства из которой существенно дополняют государственное финансирование исследований.

Российская практика до недавнего времени наряду с разнообразием организационных форм поддержки инициативных проектов (индивидуальные и групповые гранты, именные стипендии, премии из фондов имени выдающихся ученых, гранты для поездок на научные конференции, на командировки, обучение за рубежом, на публикации монографий, организацию летних школ и конференций, развитие материально-технической базы НИИ и вузов и др.), не отличалась разнообразием источников финансирования. Развитие науки в России основано на сочетании бюджетного финансирования и средств грантов, полученных на конкурсной основе, при небольшом удельном весе средств бизнеса. Российские ученые, получающие грантовую поддержку исследований, используют средства бюджетов всех уровней, распределяемые через государственные структуры — научные фонды. В финансировании науки доля государства в финансировании НИОКР в России составляет 67%, доля предпринимательского сектора — 29,5%, невелика роль средств из иностранных источников — 2,3% (Цедилин, 2021: 148–149).

В последние годы в регионах стали формироваться региональные фонды, именуемые «фонды поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности», «фонды поддержки инноваций», «развития науки», «фонд поддержки предприятий в научно-технической сфере» и т. п. (Климова, 2021; Мазилов, Ушакова, 2019: 45, Лапочкина, Каменский, Корнилов, 2018), привлекающие средства предпринимателей, частного бизнеса. Эти фонды способствуют формированию новых подходов к развитию инновационной деятельности в регионе, повышению инновационного потенциала, внедрению научных разработок, трансферу технологий, проведению научно-образовательных мероприятий, поддержке талантливой молодежи. В связи с особенностями условий развития современной России сокращение бюджетных расходов на науку пока не компенсируется инвестиционно-инновационной активностью предпринимательского сектора. В развитых странах наблюдается ярко выраженная тенденция к увеличению частных расходов на прикладные исследования. В России соотношение между источниками финансирования в течение многих лет остается «замороженным» (Чеченкина, Кучеренко, 2016; Реализация научно-технической … , 2022: 294). По мнению академика А. Г. Аганбегяна, одним из драйверов экономического роста в России должно стать

[1] Национальные проекты — один из основных инструментов достижения утвержденных Президентом РФ национальных целей долгосрочного развития России.
[2] Паспорт Национального проекта «Наука» (Утвержден президиумом Совета при Президенте Рос. Федерации по стратег. развитию и нац. проектам (протокол от 24 дек. 2018 г. № 16)) [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: http://static.government.ru/media/files/vCAoi8zEXRVSuy2Yk7D8hvQbpbUSwO8y.pdf (дата обращения: 28.02.2026).
[3] Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. https://mchs.gov.ru/uploads/document/2025-06-09/45be581bad89594daf8ff94ddec71177.pdf?ysclid=mnyhegysj3416738234 (время обращения: 01.03. 2026).
[4] Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?index=4 (дата обращения: 28.02.2026).

финансовое обеспечение развития сферы экономики знаний, которая включает науку, образование, информационные технологии (Аганбегян, 2020: 178–179). Стратегическим направлением развития науки в России определено «увеличение к 2030 г. внутренних затрат на исследования и разработки не менее чем до 2 процентов валового внутреннего продукта, в том числе за счет увеличения инвестиций со стороны частного капитала на эти цели не менее чем в два раза»[1]. При этом предполагается дальнейшее развитие грантовой поддержки как инструмента точечной поддержки и инновационного развития.

Региональная наука в России функционирует в условиях ограниченного финансирования, в особенности в отдаленных регионах с суженными возможностями бюджетов, к которым относится и Республика Тыва. Поэтому использование возможностей грантовой поддержки для ученых Тувы является дополнительным источником финансирования инициативных проектов. По данным Министерства образования и науки Республики Тыва, научный потенциал республики на 1 января 2026 г. составляет 348 чел., из них 25 докторов наук, 323 кандидата наук[2]. За период с 2021 по 2026 гг. количество докторов наук уменьшилось на пять человек, а кандидатов наук увеличилось на 57 чел.[3]

Из вышеупомянутых данных Министерства образования и науки РТ[4], ученые Республики Тыва со степенью доктора наук специализируются по 11 отраслям науки, со степенью кандидата наук — по 21 отрасли. Среди докторов наук: по 4 чел. — биологических, филологических, медицинских, исторических наук, 2 чел. — экономических наук и культурологии, по 1 чел. — философских, педагогических, юридических, технических, географических наук. Кандидаты наук распределены по отраслям знаний: 42 чел. — филологические науки, 41 чел. — педагогические, 39 чел. — биологические, 37 чел. — медицинские, 33 чел. — исторические науки и т. д.

Цель исследования — выявление особенностей и периодизация формирования грантовой поддержки инициативных научных разработок ученых Тувы, влияния на развитие научных организаций и определение путей ее (грантовой поддержки) совершенствования в регионе. Объектом исследования является система грантовой поддержки науки, предмет исследования — специфика ее функционирования и совершенствования. Основными задачами анализа стали: 1) изучение динамики и определение этапов формирования грантовой поддержки научных проектов, 2) выявление особенностей реализации грантовой поддержки инициативных проектов в организациях Тувы (Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук — далее ТувИКОПР СО РАН; Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва — далее ТИГПИ; Тувинского государственного университета — далее ТувГУ), 3) анализ поддержки исследований молодых ученых в регионе.

Анализ динамики использования грантов проведен в основном по трем организациям: ТувИКОПР СО РАН, ТИГПИ и ТувГУ. Эти организации выбраны в силу их устойчивого существования в рассматриваемом периоде и наличия информации о процессах развития научных исследований на их сайтах, а также они представляют разные статусы организаций республики, занимающихся научно-исследовательской деятельностью: ТИКОПР СО РАН — научно-исследовательский институт федерального подчинения, ТИГПИ — научно-исследовательский институт республиканского подчинения, ТувГУ — высшее учебное заведение федерального подчинения.

Данное исследование относится к историческим наукам, к разделу «История науки и техники»: специальность ВАК — 5.6.6.

Источниковой и информационной базой явились материалы, имеющиеся в открытом доступе, такие как информация об авторах в Научной электронной библиотеке и интегрированном в него Российском индексе научного цитирования (далее — РИНЦ), а также данные разделов «Анализ публи-

[1] Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?index=4 (дата обращения: 28.02.2026).
[2] О развитии отрасли науки в Республике Тыва за период с 2021 по 2025 годы [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Республики Тыва. Официальный сайт. URL: https://monrt.rtyva.ru/images/2026/Nauka_2026/razvitie-nauki-tuva-2021-2025.docx (дата обращения 19.03.2026).
[3] Там же.
[4] Там же.

кационной активности организации» в РИНЦ: ТИКОПР СО РАН, ТИГПИ и ТувГУ[1]; решения Совета Российского гуманитарного научного фонда (далее — РГНФ) за 2008[2], 2009[3], 2016[4], 2017[5] гг., новостные ленты портала «Тува.Азия» 2010, 2011, 2012, 2015, 2016 гг., отчеты о научной деятельности ТувГУ за 2013, 2014, 2015, 2017, 2018, 2019, 2020, 2022, 2024 гг.[6], сайт ТИГПИ[7], в т. ч. отчет о деятельности института в 2018 г.[8], сайт ТИКОПР СО РАН[9], сайт Правительства Республики Тыва[10], сайт Министерства образования и науки Республики Тыва[11], отчет Министерства образования и науки Республики Тыва «О развитии отрасли науки в Республике Тыва за период с 2021 по 2025 годы»[12]. В общей динамике проектов не учтено количество грантов для молодых ученых от Правительства Республики Тыва, обзор динамики этих проектов дан в отдельном разделе статьи.

Рассматривались только гранты, полученные учеными, работающими в Туве вне зависимости от источника финансирования: федеральный, республиканский бюджет и внебюджетные средства. Методом исследования послужили основы системного анализа, экономико-статистические методы, методы выборки, группировок, сравнительного ретроспективного анализа.

[1] Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Анализ публикационной активности организации [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://elibrary.ru/org_profile.asp?id=45 (дата обращения: 05.03.2026); КБПР по годам. Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при правительстве Республики Тыва [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://elibrary.ru/org_profile.asp?id=6865#a6 (дата обращения: 05.03.2026); Тувинский государственный университет. Анализ публикационной активности организации [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://elibrary.ru/org_profile.asp?id=7112 (дата обращения: 05.03.2026).

[2] Совет Российского гуманитарного научного фонда. Решение [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23944853&ysclid=mo0evi9gpv991593982 (дата обращения: 20.01.2026).

[3] Совет Российского гуманитарного научного фонда. Решение [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23945108&ysclid=mo0f5lti18622816506 (дата обращения: 20.01.2026).

[4] Заявки и проекты [Электронный ресурс] // Internet Archive. URL: https://web.archive.org/web/20160417105643/http://www.rfh.ru/downloads/2016/all.pdf (дата обращения: 20.01.2026).

[5] Совет Российского гуманитарного научного фонда. Решение [Электронный ресурс] // Internet Archive. URL: https://web.archive.org/web/20160417105643/http://www.rfh.ru/downloads/2016/all.pdf (дата обращения: 20.01.2026).

[6] Отчет по научно-исследовательской деятельности ТувГУ [Электронный ресурс] // Тувинский государственный университет. Официальный сайт. URL: https://www.tuvsu.ru/nauka/otchet-po-nauchno-issledovatelskoy-deyatelnosti-tuvgu/ (дата обращения: 15.01.2026).

[7] Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Главная страница [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва = Тыва Республиканың Чазааның чанында Тываның гуманитарлыг болгаш социал-экономиктиг тускай шинчилелдер институту. URL: https://tigpi.ru/ (дата обращения: 15.01.2026).

[8] Отчет о деятельности ГБНИиОУ ТИГПИ за 2018 год [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва = Тыва Республиканың Чазааның чанында Тываның гуманитарлыг болгаш социал-экономиктиг тускай шинчилелдер институту. URL: https://tigpi.ru/otchet-o-deyatelnosti/ (дата обращения 15.01.2026).

[9] Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук. Главная страница [Электронный ресурс] // Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук. URL: http://www.tikopr.sbras.ru/ (дата обращения: 15.01.2026).

[10] Отчет Правительства о результатах деятельности [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: https://rtyva.ru/prav/activity/reports/ (дата обращения: 15.01.2026).

[11] Министерство образования и науки Республики Тыва. Главная страница [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Республики Тыва. Официальный сайт. URL: https://monrt.rtyva.ru/index.php/ru/?big=about/ (дата обращения: 15.01.2026).

[12] О развитии отрасли науки в Республике Тыва за период с 2021 по 2025 годы [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Республики Тыва. Официальный сайт. URL: https://monrt.rtyva.ru/images/2026/Nauka_2026/razvitie-nauki-tuva-2021-2025.docx (дата обращения 19.03.2026).

Обзор литературы

В научной литературе с 2000 г. публикуются статьи с анализом проблем и тенденций развития грантовой поддержки научных проектов в России и зарубежом, в которых, наряду с описанием деятельности отдельных научных фондов, достоинств поддержанных заявок и роль грантовой поддержки в деятельности научных коллективов, излагаются возможные направления ее совершенствования (Чиженкова, 2014; Денисов, Жилякова, 2004; Симачев, Засимова, Курбанов, 2017; Эбзеева, 2022). Ряд авторов (Климова, 2021; Мазилов, Ушакова, 2019; Климова, Устинова, Фролов, 2022) предлагает создавать новые региональные фонды развития науки, в России действует более 46 фондов поддержки прикладных исследований и разработок (Мазилов, Ушакова, 2019: 44) с целью повышения инновационной активности, обосновывая предлагаемый механизм «наполнения бюджета фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности региональными органами власти при принятии управленческий решений» (Климова, 2021: 93).

Часть публикаций содержит рекомендации по успешному составлению заявки на грант (Scieder, Jarner, 2013; Булатова, 2015; Sohn, 2020; и др.[1]). Ряд работ посвящено анализу грантов как системы поддержки научных исследований, где приводится систематизация содержания научных тем конкретных областей науки, позволяющие определить приоритетность и потенциал выбранных научных направлений (Лукашева, 2007; Воротников, 2009; Зубов и др., 2014; Ильина, 2015; Жарова, Агамирова, Малахов, 2023), выявляются проблемы и перспективы развития общественных и гуманитарных наук в системе научных знаний, модернизации подходов к поддержке научных исследований (Жарова, 2022; Воробьева 2019; Новичкова, Слобожникова, Суслов, 2020).

Исследователи анализируют достоинства грантовой поддержки научных проектов: значимая целевая поддержка (дополнительный источник средств, не связанный с плановой тематикой института или университета, организационная поддержка реализации проектов); эффективная адресная помощь (финансирование выделяется адресно на реализацию конкретной научной идеи или публикацию определенного научного труда и не могут быть потрачены на иные цели); экспертный отбор проектов (в качестве экспертов на конкурсной основе по узкой научной специальности отбираются признанные исследователи, состав которых со временем может изменяться, поскольку работает институт апелляционных заявлений); гранты создают возможность сотрудничества (межотраслевого и объединяющего различные учреждения); высокоэкономичная деятельность фондов (Эбзеева, 2022: 147; Беленицкая, 2017; Семенов, 2007; Костомаров, 1996). Отдельно следует отметить поддержку молодых исследователей как механизм привлечения молодежи в науку (Воронецкая, 2021; Poroshina, 2020; Эбзеева, 2022: 152), поиск новых молодежных коллективов с прикладными и фундаментальными проектами.

Авторы научных публикаций отмечают различия в моделях поддержки науки, указывая на значительный удельный вес частных инвестиций в науку в ряде стран. Так, Л. И. Цедилин отмечает, что «если в России превалируют государственные инвестиции в науку и высока доля расходов на НИОКР военного назначения, то экономика Германии относится к развитым инновационным экономикам с доминированием “гражданских”, частных (в основном корпоративных), инвестиций» (Цедилин, 2021: 148). Например, в Швейцарии более 12 тыс. благотворительных фондов так или иначе участвующих в финансировании науки, при этом 90% из них владеют 10% активов, находящихся в распоряжении швейцарских фондов, такая децентрализация повышает конкурентные возможности соискателей грантов. Так, Базельский университет получает поддержку от 50 фондов (Круглов, 2009: 44–45). Также университеты инициируют и создают собственные фонды, используя возможности негосударственных фондов как аккумуляторов финансовых средств. В Германии государственная поддержка науки осуществляется министерствами науки федеральных земель в виде грантов и поддержания трансфера технологий (Мазилов, Ушакова, 2019: 43; Романова, 2015).

В качестве недостатков применения грантовой поддержки авторами отмечаются «регулярно возникающие вопросы о критериях отбора (данная проблема частично решена дробным разделением конкурсов и унификацией требований к квалификации участников через рейтинговые публикации),

[1] Writing a Successful Grant Proposal By: Barbara Davis, Minnesota Council of Foundations [Электронный ресурс] // Grassroots Justice Network Homepage. URL: https://preventoverdoseri.org/wp-content/uploads/2017/05/writing-a-successful-grant-proposal.pdf (дата обращения 05.03.2026).

гласности отбора и анонимности или известности авторов проекта и экспертов друг другу» (Эбзеева, 2022: 147). Распределение средств российских научных фондов в значительной степени направлено на содействие в реализации проектов в области естественных и технических наук, тогда как на долю общественных и гуманитарных дисциплин приходится лишь около 5% (Жарова, Агамирова, Малахов, 2023: 35). То есть, исследователи гуманитарных направлений науки получают грантовую поддержку проектов — исследовательских и развития научных контактов и международного сотрудничества в крайне ограниченных объемах. Другим недостатком развития грантовой поддержки является чрезмерная централизация фондов, когда объем качественных заявок по актуальным направлениям существенно превышает финансовые возможности немногочисленных фондов. Также отмечается неоптимальная география победителей конкурсов: большинство грантополучателей представлены организациями Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и Новосибирска, при том, что из периферийных регионов незначительное количество участников.

В научной литературе практически не отражены проблемы освоения грантовой поддержки учеными Тувы, отсутствуют работы, посвященные анализу динамики восприятия идеи формирования системы дополнительного финансирования инициативных проектов в республике. Научная новизна работы состоит в комплексном ретроспективном анализе имеющихся доступных данных о применении грантовой поддержки научных проектов в Туве, их систематизации и выработке направлений развития без анализа данных наукометрических баз.

Этапы формирования поддержки научных проектов

Нами рассмотрены этапы формирования и динамики объемов финансирования с 1990 г. по настоящее время научных изысканий в регионе. В результате анализа выделены следующие этапы динамики финансовой поддержки со стороны грантов научных фондов:

1) 1990-е гг. — 2005 г. — апробация нового источника финансирования, единичные гранты отдельных ученых, включая проекты молодых исследователей;

2) 2006–2020 гг. — системное использование возможностей научных целевых проектов, вовлечение ученых естественно-научного и технологического профилей в конкурсы научных проектов;

3) 2021 г. — настоящее время — рост значимости финансовой помощи от целевых грантов, получение группами ученых ряда престижных грантов, выпуск серии монографических трудов за счет средств научных фондов.

Фонды, поддерживающие инициативные научные разработки, функционируют в стране более 30 лет: Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) — 1992–2020 гг.; РГНФ — 1994-2016 гг.; РНФ с 2014 г. — по настоящее время.

Первым в 1992 г. открылся РФФИ, одним из приоритетов которого была поддержка научных проектов в регионах (Чиженкова, 2014: 148), в 2020 г. РФФИ был реорганизован и вошел в состав Российского научного фонда (РНФ). РГНФ организовывался для поддержки инициативных исследований и выделился из РФФИ. В 2016 г. РГНФ был снова присоединен к РФФИ. При этом исследователи гуманитарных проблем в 1994–2016 гг. могли подавать заявки в оба эти фонда, что привело к существенному росту числа поддержанных проектов и расширению тематики исследований, также ученые естественно-научного и технологического профилей из республики стали участвовать в конкурсах научных проектов.

С середины 1990-х — начала 2000-х годов в научной политике России утвердилось осознание целесообразности расширения конкурсного финансирования науки для «исключения протекционизма, закрытости и безответственности при принятии решений» (Денисов, Жилякова, 2004: 119). На данном этапе для ученых Тувы оформление заявок и получение поддержки инициативных исследований было новым и зачастую недоступным делом, что обусловило незначительное число заявок и поддержанных проектов. В трудные для российской науки времена — 1990-е гг. — получение грантов позволяло сохранить научные коллективы и тематику исследований, перейти на использование компьютерной техники, не растерять научные контакты. Ученые ТувИКОПР СО РАН были первопроходцами в освоении поддержки научных фондов на конкурсной основе как на инициативные научные проекты, поездки на научные конференции, так и проведение экспедиционных работ по сбору аналитического материала. Более 71% проектов этого периода связаны с организацией и проведением экспедиционных геологических исследований.

По данным РИНЦ (сводной статистики по организациям[1], а также по персональным страницам отдельных ученых), нами определена динамика освоения грантовой поддержки проектов научных и научно-образовательных подразделений региона, в которых занято большинство исследователей: ТИКОПР СО РАН, ТИГПИ и ТувГУ (*диаграмма 1*). Авторы постарались собрать как можно больше данных, хотя вряд ли цифры можно считать окончательными, учитывая отсутствии системной работы по формированию базы данных грантов Республики Тыва, неполноту сведений на сайтах научных организаций, а также отсутствие полной информации о грантах фондов за весь период их деятельности, обусловленную, в том числе, реорганизацией самих фондов. Приведенные цифры позволяют определить сложившиеся тенденции и служить основой периодизации грантовой поддержки. Следует также отметить, что учтены проекты, руководители которых являлись штатными работниками указанных организаций, то есть грант учитывался по месту работы руководителя и по году начала исследований. В таблице не учтены гранты поддержки молодых ученых, выделяемые правительством Республики Тыва ежегодно.

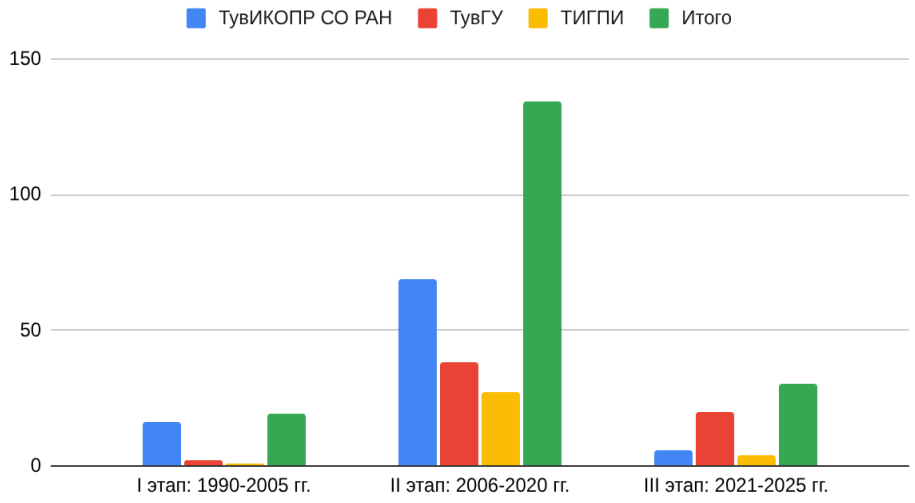

Диаграмма 1. Инициативные проекты сотрудников организаций Республики Тыва, поддержанные российскими научными фондами в 1990–2025 гг., в ед., по данным РИНЦ.
Figure 1. Initiative projects of employees of organizations in the Republic of Tuva supported by Russian scientific foundations in 1990–2025, in units, according to the RSCI.

Как видно из *диаграммы 1*, наиболее эффективным этапом по получению грантовой поддержки для исследователей Тувы был второй этап (2006–2020 гг.). Ученые региона подавали заявки в РФФИ и РГНФ. Общее количество проектов превысило 130 в сравнении с 19 проектами первого этапа. Так, количество грантов, выявленное авторами статьи, в ТИКОПР СО РАН увеличилось с 16 на первом этапе до 69 на втором. В ТувГУ — с 2 до 38, в ТИГПИ — с 1 до 27 соответственно. Более успешный опыт получения грантовой поддержки ТИКОПР СО РАН на первом этапе позволил институту нарастить качество заявок, соответственно увеличить количество грантов на втором этапе. Одним из факторов активности ученых ТИКОПР СО РАН, возможно, стал статус института, вовлеченного в федеральную систему, где новшества в организации НИР, в том числе ее финансирования, становятся необходимым условием работы. Таким образом, мы видим, что на втором этапе значительно активизирова-

[1] Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Анализ публикационной активности организации [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://elibrary.ru/org_profile.asp?id=45 (дата обращения: 25.02.2026); КБПР по годам. Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при правительстве Республики Тыва. [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://elibrary.ru/org_profile.asp?id=6865#a6 (дата обращения: 05.03.2026); Тувинский государственный университет. Анализ публикационной активности организации [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://elibrary.ru/org_profile.asp?id=7112 (дата обращения: 05.03.2026).

лись сотрудники ТувГУ и ТИГПИ при стабильном использовании ресурсов грантовой поддержки учеными ТИКОПР СО РАН.

С 2021 г. использование грантовой поддержки учеными Тувы существенно снизилось: если в 2006-2020 гг. в среднем за год была получена поддержка 8–9 проектов, то в 2021–2025 гг. только 3-4 проекта поддерживались грантами. Для проведения первых конкурсов РНФ были характерны наличие жестких требований по составу коллективов исполнителей: 50% исследователей до 35 лет, имеющих ученую степень, высокие требования к научному руководителю проекта (наличие определенного количества статей в рейтинговых журналах, индексируемых в базах Web of Science и Scopus за конкретный период) и научному заделу по заявляемой теме. Это привело к тому, что конкурентное преимущество получили работники и коллективы крупных НИИ, возглавляемые их руководителями, зачастую действительными членами РАН. Существенно снизились возможности победить в конкурсе проектов у небольших организаций, к которым относятся научные и научно-образовательные учреждения Тувы.

Для третьего этапа развития грантовой поддержки в Туве, началом которого считается первый год функционирования РНФ, объединенный с РФФИ, характерны, одной стороны, увеличение размеров поддержки, с другой, сокращение числа грантополучателей вследствие возрастания требований к соискателям грантов, составу исследовательского коллектива и др., введение отдельного вида конкурсов «Региональных конкурсов» при поддержке бюджетов регионов не изменило ситуацию коренным образом: число грантополучателей из Тувы увеличилось незначительно. Как отмечают Ю. В. Симачев с соавторами, реформирование научных фондов привело «к изменению цепочек принятия решений, правил игры и круга основных бенефициаров» (Симачев, Засимова, Курбанов, 2017: 76). Несмотря на экономическую целесообразность решения об укрупнении фондов, возникли и издержки: в первую очередь, повысилась конкуренция за гранты, соответственно, ухудшились ожидания части исследователей относительно доступности грантовой поддержки в конкретных областях науки (Фадеева, Алексуткина, 2022: 58). В течение нескольких лет руководство РНФ совершенствовало конкурсную политику, отлаживало связи с региональными органами управления, а региональные исследователи набирались опыта подачи заявок, удовлетворяющих более высоким требованиям. Только спустя 5–6 лет ученые из Тувы смогли получить престижные гранты РНФ.

На третьем этапе ТувГУ становится лидером среди научных организаций республики в получении грантовой поддержки — 20 грантов, тогда как у ТИКОПР СО РАН — 6, у ТИГПИ — 4. Однако, если рассматривать общее соотношение количества грантов за 1990–2025 гг., то самое большое количество — 91 грант у ТИКОПР СО РАН, 60 грантов у ТувГУ и 32 гранта у ТИГПИ.

Авторами статьи была собрана доступная информация по 183 грантам ученых Республики Тыва (см. *диаграмма 2*).

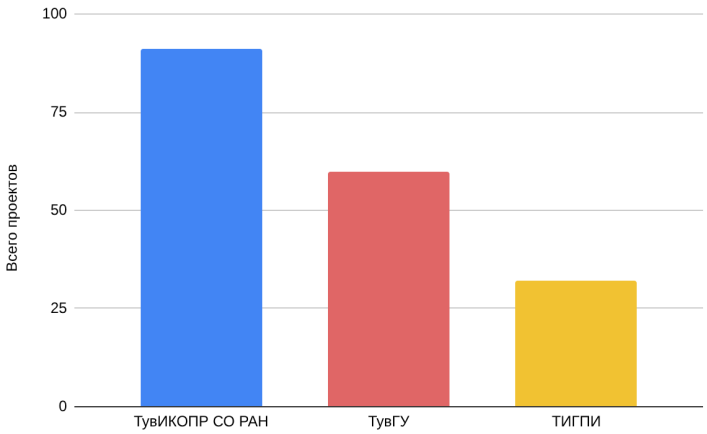

Диаграмма 2. Распределение инициативных проектов сотрудников организаций Республики Тыва, поддержанных российскими научными фондами в 1990–2025 гг.
Figure 2. Distribution of initiative projects of employees of organizations of the Republic of Tuva supported by Russian scientific foundations in 1990–2025.

На основе выше изложенного можно сделать вывод о том, что освоение грантовой поддержки в Республике Тыва началось одновременно с открывшейся возможностью привлечения внебюджетных средств для научных организаций в России в целом — в 1990-е гг. (всего 19 грантов по трем организациям). Процесс развития грантовой поддержки шел по нарастающей, достигнув своего максимального роста на втором этапе — в 2006–2020 гг. (134 гранта), на третьем этапе, начиная с 2021 г. по настоящее время, наблюдается значительный спад (30 грантов). Дифференциация этапов детерминируется процессами совершенствования грантовой поддержки на уровне федеральных научных фондов и возможностями поддержки научных исследований со стороны регионального бюджета.

Процессы реализации инициативных проектов в организациях Тувы

ТИКОПР СО РАН. Грантовая поддержка стала осваиваться сотрудниками ТИКОПР СО РАН с начала 1990-х гг. Первый грант был получен Г. Ф. Балакиной в 1989 г. по конкурсу молодых ученых СО Академии наук СССР (ныне СО РАН) по поддержке проекта «Исследование социокультурных факторов развития экономики региона (на примере Тувинской АССР)», выполнялся с 1990 г. по 1992 г. Темы исследований, получавших грантовое финансирование, относились как к фундаментальным, так и к прикладным проблемам. Изучались проблемы анализа минерального сырья на месторождениях Тувы с поддержкой экспедиционных геологических исследований на территории Алтае-Саянской складчатой области, разрабатывались вопросы экономической оценки эффективности влияния освоения минерально-сырьевых ресурсов на социально-экономическое развитие региона, анализировалась динамика социокультурных и социально-экономических процессов в республике. Из 89 проектов по грантам 64 выполнены по геологической тематике, 8 — анализу социокультурной динамики (Балакина, 2025), 9 — изучению экономических процессов, 4 — исследованию экологических проблем, 4 — по организации и проведению научных и научно-практических конференций[1].

По этапам:

1) в 1990–2005 гг. реализовано 16 проектов;

2) в 2006–2020 гг. — 67 проектов;

3) в 2021–2025 г. — 6[2].

Наиболее активно пользовались данным видом поддержки исследований группы сотрудников указанного института под руководством В. И. Лебедева, Г. Ф. Балакиной, А. А. Монгуша, Д. Ф. Дабиева и др. Учеными ТИКОПР осваивается поддержка проектов РНФ. В 2023–2024 гг. в институте были реализованы два проекта РНФ: «Золото-медно-порфировые рудообразующие системы Саяно-Тувинского нагорья: эволюция, минеральные парагенезисы, флюидный режим и эндогенная зональность», руководитель Р. В. Кужугет[3] и «Социально успешные и неуспешные адаптационные практики этнорегиональных общностей в условиях масштабных инновационных изменений (на примере Республики Тыва)» под руководством Г. Ф. Балакиной[4]. Сумма ежегодного финансирования ини-

[1] Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Проекты [Электронный ресурс] // Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. URL: https://www.tikopr.sbras.ru/index.php/nauka/2-proekty/ (дата обращения: 25.02.2026); Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Анализ публикационной активности организации [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://elibrary.ru/org_profile.asp?id=45 (дата обращения: 25.02.2026) (дата обращения: 25.02.2026).

[2] Там же.

[3] Карточка проекта фундаментальных и поисковых научных исследований, поддержанного Российским научным фондом [Электронный ресурс] // РНФ. Российский научный фонд. URL: https://rscf.ru/project/23-27-00344 (дата обращения: 15.03.2026); Золото-медно-порфировые рудообразующие системы саяно-тувинского нагорья: эволюция, минеральные парагенезисы, флюидный режим и эндогенная зональность. Информация о публикации [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53914349 (дата обращения: 15.02.2026).

[4] Карточка проекта фундаментальных и поисковых научных исследований, поддержанного Российским научным фондом [Электронный ресурс] // РНФ. Российский научный фонд. URL: https://rscf.ru/project/23-28-10009/ (дата обращения: 05.03.2026); Социально успешные и неуспешные адаптационные практики этнорегиональных общностей в условиях масштабных инновационных изменений (на примере Республики Тыва). Информация о публикации [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80611924 (дата обращения: 15.02.2026).

циативных проектов по грантам составляла, по оценкам авторов из данных организации на сайте информации об учреждениях[1], 2–4% от общего объема финансирования института.

ТИГПИ. В институте реализованы на средства грантов проекты по следующим направлениям деятельности: монголоведческие исследования, изучение литературы, фольклора и языка тувинцев, традиционной культуры, вопросов религии и современной истории Тувы, в том числе по истории русского населения. Это были экспедиции, издательские проекты и социологические опросы.

По рассматриваемым этапам проводились следующие работы:

1) 1990-е гг. — 2005 г.

К 1990 — началу 2000 гг. ученые ТИГПИ накопили большой опыт монголоведческих исследований, которые стали одним из ключевых направлений грантового финансирования различными научными фондами, прежде всего РГНФ. В институте сформировались традиции по изучению фольклора, литературы, языка тувинцев Монголии и монголоязычных тувинцев Тувы, что способствовало дальнейшему наращиванию научного потенциала учреждения.

Уже с конца 1960-х гг. осуществлялись переводы исторических документов и рукописей со старомонгольской письменности на тувинский и русский языки С. Т. Тановым, Б. У. Иргитом, К. Т. Аракчаа, Н. Л. Кунчуном, Ю. Л. Аранчыном, буддийскими ламами К-С. Ё. Хомушку и Л. Ч. Оюном. Одним из первых изучение летописной литературы тувинцев на монгольском языке, а также монголоязычный фольклор тувинцев начал Г. О. Туденов. Влияние лексики монгольского языка на тувинский язык исследовал Б. И. Татаринцев. В 1970–1980 гг. учеными-монголоведами Б. С. Сонамом, А. Э.-Г. Улановой изучались диалектные особенности монгольского языка и фольклор жителей Эрзина и Тере-Холя. В 1988, 2002, 2007 гг. начатая работа была продолжена З. Б. Самдан, У. А. Донгак, В. С. Салчак, Э. Б. Мижит, А. С. Донгак и др.[2], в том числе на средства гранта РГНФ. Например, П. С. Серен выиграла гранты Российского гуманитарного научного фонда в 2004–2005 гг.[3] Необходимо отметить, что монголоведческие исследования института активно поддерживались российскими научными фондами и в последующие годы.

К сожалению, в открытых источниках мало информации о данном периоде грантового финансирования, поскольку электронной формы отчетности в те годы не существовало. При работе над статьей найден лишь проект П. С. Серен, указанный выше, который учтен в *диаграмме 1*. Однако можно констатировать, что институт начал осваивать практику привлечения средств научных фондов в своей работе.

2) 2006–2020 гг. Актуальность и востребованность совместных международных проектов, тесное научное взаимодействие с монгольскими коллегами позволили расширить географию и тематику заявок на грантовое финансирование. Этому способствовали подписанные, начиная с 2010 г., соглашения с научно-исследовательскими институтами Академии наук Монголии, инициированные директором ТИГПИ К. А. Бичелдеем, выпускником Монгольского государственного университета, а также открытие в институте Центра монголоведения. Соглашения с Академией наук Монголии, Институтом истории и археологии, Институтом социологии, философии и права, Ака-

[1] Противодействие коррупции [Электронный ресурс] // Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук. URL: https://tikopr.sbras.ru/index.php/extensions/protivodejstvie-korruptsii (дата обращения: 05.03.2026), а также: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук [Электронный ресурс] // ГИС ГМУ. URL: https://bus.gov.ru/info-card/261855 (дата обращения: 20.02.2026).

[2] Харунова М. М.-Б. О научном сотрудничестве Тувинского института гуманитарных исследований и институтов Академии наук Монголии // Россия и Монголия: опыт и перспективы международной интеграции в образовании и науке: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Улан-Баторского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова и 80-летию победы битвы на Халхин-Голе / под ред. Н. В. Антиповой. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 57.

[3] Вышел в свет биобиблиографический указатель с QR-кодами научных и творческих трудов кандидата филологических наук Полины Серен [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва = Тыва Республиканың Чазааның чанында Тыванның гуманитарлыг болгаш социал-экономиктиг тускай шинчилелдер институду. URL: https://tigpi.ru/vyshel-v-svet-biobibliograficheskij-ukazatel-s-qr-kodami-nauchnyh-i-tvorcheskih-trudov-kandidata-filologicheskih-nauk-poliny-seren/ (дата обращения: 15.01.2026).

демией монгольских традиций, Институтом языка и литературы, научным центром социально-экономических исследований Баян-Ульгийского аймака, научным центром «Тод номын гэрэл», Ховдинским государственным университетом, также с Институтом монголоведения Хух-Хотинского государственного университета КНР дали новый импульс исследованиям и экспедициям в Монголию и Китай, в том числе на средства грантов РГНФ и Министерства образования и науки Монголии (МинОН).

Так, например, научный проект «Алтайские тувинцы: фольклор и литература», начатый в 2002 г. совместно с Баян-Ульгийским научным центром общественных исследований при АН Монголии, 2006-2007 гг. был поддержан грантом РГНФ[1]. В его продолжение в 2012 г. осуществлена международная фольклорно-этнографическая экспедиция в Синцзянь-Уйгурский автономный район КНР и Кобдосский аймак Монголии учеными ТИГПИ У. А. Донгак, З. Б. Самдан, Б. Баярсайханом и доктором Г. Золбаяром (Баян-Ульгийский институт общественных исследований при АН Монголии)[2].

В 2011–2014 гг. РГНФ поддержал гранты А. А. Самдан, А. С. Донгак, У. А. Донгак, О. М. Саая по изучению тувинцев-тоджинцев, тофаларов и этнических тувинцев Монголии, а также по исследованию этнокультурных контактов народов Саяно-Алтая и Западной Монголии. В 2015 г. состоялась экспедиция У. А. Донгак, З. Б. Самдан в Сэлэнгинский аймак Монголии и А. С. Донгак, Б. Баярсайхана — в Ховдинский, Баян-Ульгийский аймаки Монголии[3].

Помимо монголоведческих исследований в этот период выделяются еще четыре направления, профинансированные научными фондами, одно из них — изучение литературы и фольклора. Это проекты Л. С. Мижит, У. А. Донгак, З. Б. Самдан, Л. К. Хертек, А. С. Донгак. В отдельную группу можно выделить гранты по изучению традиционной культуры тувинцев Л. К. Хертек, А. Д.-Б. Монгуш, Б. Б. Монгуша. Не остались без внимания РГНФ и вопросы изучения религии. Так, были осуществлены исследования У. П. Бичелдей, Л. К. Хертек, О. М. Саая. РГНФ поддерживал изучение истории Тувы XX в. и вопросов современности. Это проекты А. К. Кужугет и В. С. Кан. В том числе, на средства гранта проведен социологический опрос в связи со строительством железной дороги и освоением месторождений в Туве[4]. По данным отчета ТИГПИ, с 2014 по 2018 гг. институт получил на проведение фундаментальных исследований гранты на общую сумму 2075,5 тыс. руб.[5]

3) 2021 г. — настоящее время.

ТИГПИ продолжает сотрудничество с РНФ. В 2026 г. Ч. Г. Ондар получил грант для изучения межязыковой интерференции в речи тувинско-русских билингвов[6]. В последние годы ученые полу-

[1] Донгак Уран, ТИГИ. Научная экспедиция ТИГИ в Монголию и Китай [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2011, 1 декабря. URL:// https://www.tuva.asia/news/tuva/4157-mongoliya-kitay.html (дата обращения: 17.01.2026).

[2] Экспедиция к землякам в Синцзянь-Уйгурский автономный район КНР и Кобдосский аймак Монголии [Электронный ресурс] // ИА Тува-Онлайн. 2011, 1 декабря. URL: https://www.tuvaonline.ru/2011/12/01/ekspediciya-k-zemlyakam-v-sinczyan-uygurskiy-avtonomnyy-rayon-knr-i-kobdosskiy-aymak-mongolii.html (дата обращения: 17.01.2026).

[3] Орус-оол С. М. Международная научная конференция «Гуманитарные науки в XXI веке: человек, общество, глобальный мир», посвященная 70-летию ТНИИЯЛИ-ТИГПИ [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва = Тыва Республиканың Чазааның чанында Тываның гуманитарлыг болгаш социал-экономиктиг тускай шинчилелдер институду. URL: https://tigpi.ru/mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-gumanitarnye-nauki-v-xxi-veke-chelovek-obshchestvo-globalnyj-mir-posvyashchennaya-70-letiyu-tniiyali-tigpi/ (дата обращения: 17.01.2026).

[4] Совет Российского гуманитарного научного фонда. Решение [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23945108&ysclid=mo0f5lti18622816506 (дата обращения: 20.01.2026); Заявки и проекты [Электронный ресурс] // Internet Archive. URL: https://web.archive.org/web/20160417105643/http://www.rfh.ru/downloads/2016/all.pdf (дата обращения: 20.01.2026); Совет Российского гуманитарного научного фонда. Решение [Электронный ресурс] // Internet Archive. URL: https://web.archive.org/web/20160421225425/http:/www.rfh.ru/index.php/ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

[5] Отчет о деятельности ГБНИиОУ ТИГПИ за 2018 год [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва = Тыва Республиканың Чазааның чанында Тываның гуманитарлыг болгаш социал-экономиктиг тускай шинчилелдер институду. URL: https://tigpi.ru/otchet-o-deyatelnosti/ (дата обращения 15.01.2026).

[6] Ученые ТИГПИ выиграли грант Российского научного фонда на изучение тувинско-русского билингвизма [Электронный ресурс] // Вконтакте. Наука в Туве. 2025, 9 декабря. URL: https://vk.com/wall-210105137_548 (дата обращения:15.01.2026).

чили также возможность находить другие источники финансирования. Например, Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям поддержал проект А. А. Самдан[1].

Таким образом, одной из особенностей грантовых исследований института является их комплексный характер, несмотря на вполне конкретное название темы, они были многопрофильными, охватывали широкий круг вопросов, собирали и обобщали богатейший исторический, языковой и этнографический материал, уникальные сведения информантов, носителей традиционной культуры, пополнив копилку гуманитарного знания по тувиноведению.

ТувГУ. Одним из основных держателей грантов в республике является Тувинский государственный университет. Профессорско-преподавательский состав, имеющий фундаментальные и прикладные разработки во многих областях научного знания и практический опыт, успешно участвует в конкурсах на гранты российских и зарубежных фондов. Тематика научных исследований сотрудников университета, поддержанных научными фондами, в основном представлена гуманитарными науками (филология, история, этнография, педагогика и др.), а также экономикой, фундаментальные разработки которых получили начало в трудах профессоров и преподавателей Кызылского педагогического института, преемником которого является университет.

На средства фондов РГНФ, РФФИ и РНФ проведены научные исследования, международные экспедиции, научно-практические конференции. Тувинский государственный университет одинаково успешно реализовал как небольшие, так и крупные грантовые проекты. Студенты ТувГУ имеют возможность непосредственно участвовать в научной жизни вуза, общаться с преподавателями и перенимать опыт работы с фондами. Международные исследования университета с соседними странами и межрегиональные с регионами Сибири — это свидетельство тесных научных связей и межличностных деловых контактов университета.

Исходя из данных отчетов, мы видим, что ТувГУ ежегодно выигрывал финансирование РГНФ и РФФИ, а с 2020 г. — РНФ, объем предоставляемых средств которого значительно больше. Так, сумма грантовых средств, предоставленных РНФ в 2022 г., составила 19500,0 тыс. руб. (*табл. 1*), что составило 2,7% годового объема финансирования.

Таблица 1. Гранты Тувинского государственного университета за 2013–2020, 2022, 2024 гг.
Table 1. Grants from Tuvan State University for 2013–2020, 2022, 2024

Фонды	*2013 (тыс. руб.)*	*2014 (тыс. руб.)*	*2015 (тыс. руб.)*	*2016 (тыс. руб.)*	*2017 (тыс. руб.)*	*2018 (тыс. руб.)*	*2019 (тыс. руб.)*	*2020 (тыс. руб.)*	*2022 (тыс. руб.)*	*2024 (тыс. руб.)*
РГНФ — РФФИ	2120,0	2510,0	4610,0	5614,0	5480,0	3650,0	3675,0	3532,0	-	-
РНФ	-	-	-	-	-	-	-	8000,0	19500,0	
Гранты Председателя Правительства Республики Тыва для молодых ученых и др. респ. гранты	350,0	1000,0	2310,9	-	1040,0	1050,0	1345,7	2859,0	-	392,0

Прим.: Таблица составлена на основе отчетов о научной деятельности вуза за соответствующие годы, размещенных на сайте вуза[2].

[1] Ензак Л. В. Тувинские учёные раскрывают тайны буддийских сутр из фондов ТИГПИ [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва = Тыва Республиканың Чазааның чанында Тываның гуманитарлыг болгаш социал-экономиктиг тускай шинчилелдер институту. URL: https://tigpi.ru/tuvinskie-uchyonye-raskryvayut-tajny-buddijskih-sutr-iz-fondov-tigpi/ (дата обращения:15.01.2026).

[2] Отчет по научно-исследовательской деятельности ТувГУ [Электронный ресурс] // Тувинский государственный университет. URL: https://tuvsu.ru/nauka/otchet-po-nauchno-issledovatelskoy-deyatelnosti-tuvgu/ (дата обращения: 20.01.2026).

В открытых источниках не удалось найти информации о первом периоде грантового финансирования в ТувГУ. У авторов есть сведения только о получении гранта для молодых ученых О. М. Хомушку в 1996 г. и 1997 г. по проблемам исследования этнорелигиозных процессов в Туве. Однако, мы знаем, что сотрудниками университета в этот период была воспринята идея привлечения средств грантов для финансирования своих исследований.

В периоде 2006–2020 гг. условно можно выделить несколько тематических групп. Первое направление — филологическое. Это работы Н. Д. Сувандии, М. В. Бавуу-Сюрюн, Е. М. Куулар, Ш. Ю. Кужугет, Б. Ч. Ооржак, М. В. Ондар, А. Б. Хертек, Л. С. Кара-оол. Во второе направление мы выделили междисциплинарные международные исследования, на примере которых виден научный потенциал университета, его тесные связи с коллегами других стран и регионов России. Данная работа была реализована О. М. Хомушку, А. О. Дыртык-оол, Е. В. Айыжы, Н. Д. Сувандии, В. С. Донгак. Третье направление представлено работами по истории Тувы, культуре ее народов, этнографии, археологии и праву. Грантодержатели: Е. К. Карелина, В. М. Дамдынчап, А. Ч. Ашак-оол, А. В. Минаев, В. Т. Ликтан, А. О. Дыртык-оол, А. А. Стороженко, Л. Д. Дамба, Е. В. Айыжы, Б. Б. Монгуш, Е. М. Ондар. Проекты социально-экономического характера, рассматривающие те или иные вопросы экономического развития Республики Тыва, мы выделяем в четвертое направление. Например, это исследования Д. Л. Тинмея, Р. М. Севека, Ш. Ч. Соян, А. Э. Чульдума, Б. А. Донгака. В следующую группу можно объединить работы ученых педагогов и психологов Н. О. Товуу, Т. П. Томиловой, Н. М. Очур, А. С. Шаалы. Также на средства грантов осуществлены работы Л. К. Будук-оол, С. Н. Кирпотина, посвященные экологии, в том числе экологии здоровья. Это свидетельствует о расширении тематики грантов, вовлечении ученых естественно-научного и технологического профилей в конкурсы научных проектов[1].

ТувГУ не раз выигрывал конкурс РГНФ на проведение научно-практических конференций, в их числе можно назвать «Региональные аспекты формирования инновационной экономики: проблемы, перспективы развития» (2008)[2], «Региональные аспекты интеграции науки и образования: проблемы, перспективы развития» (2011); «Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая» (2009, 2011)[3].

В период с 2021 г. по настоящее время университетом также продолжается работа по грантам научных фондов. В 2021–2023 гг. при поддержке гранта РНФ был реализован проект «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» под руководством Ч. К. Ламажаа[4] с выпуском серии научных трудов (Балакина, 2025: 83). Е. В. Айыжы в 2022 г. выиграла грант РНФ (региональный подвид конкурса) по теме «Комплексные этногенетические, лингвоантропологические исследования родовых групп Тувы: универсальность, локальность, трансграничье»[5]. В 2023 г. РНФ профинансировал проект А. О. Ховалыг по изучению закономерностей формирования запаса углерода в биологических системах и ландшафтах на переходном простран-

[1] Совет Российского гуманитарного научного фонда. Решение [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23944853&ysclid=mo0evi9gpv991593982 (дата обращения: 20.01.2026); Совет Российского гуманитарного научного фонда. Решение [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23945108&ysclid=mo0f5lti18622816506 (дата обращения: 20.01.2026); Заявки и проекты [Электронный ресурс] // Internet Archive. URL: https://web.archive.org/web/20160417105643/http://www.rfh.ru/downloads/2016/all.pdf (дата обращения: 20.01.2026); Совет Российского гуманитарного научного фонда. Решение [Электронный ресурс] // Internet Archive. URL: https://web.archive.org/web/20160417105643/http://www.rfh.ru/downloads/2016/all.pdf (дата обращения: 20.01.2026).

[2] Совет Российского гуманитарного научного фонда. Решение [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23944853&ysclid=mo0evi9gpv991593982 (дата обращения: 20.01.2026).

[3] Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая. Информация о публикации [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19500292 (дата обращения: 15.01.2026).

[4] Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры). Информация о публикации [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=kbbyym (дата обращения: 15.01.2026).

[5] Комплексные этногенетические, лингвоантропологические исследования родовых групп Тувы: универсальность, локальность, трансграничье. Информация о публикации [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53905225 (дата обращения: 15.01.2026).

стве от Северной Азии к Центральной Азии[1], а также грант У. В. Ондар «Мониторинг состояния окружающей среды территории природных вод Тувы»[2]. Е. Д. Монгуш в 2025 г. начал реализацию проекта «Буддизм в русской литературе» на средства Фонда содействия буддийскому образования и исследованиям[3].

Необходимо отметить, что научные проекты ТувГУ реализуются также и за счет других источников, таких как Русское географическое общество (2014 г. — 285,0 тыс. руб.), Фонд фундаментальных лингвистических исследований (2014 г. — 52,5 тыс. руб.), Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям (2024 г. — 4500,0 тыс. руб.), Фонд «История Отечества» (2024 г. — 250,0 тыс. руб.)[4] и др.

Поддержка молодых ученых

Поддержка проектов молодых ученых является приоритетной для всех российских фондов, финансируемых из средств федерального бюджета. Правовая основа поддержки инициативных исследований молодых ученых в самой Туве была создана несколько позднее.

С целью поддержки молодых исследователей 11 августа 2003 г. был издан Указ Председателя Правительства Республики Тыва № 356 «Об учреждении грантов Главы Республики Тыва для поддержки молодых ученых Республики Тыва». Правительство Республики Тыва ежегодно объявляет конкурс на 10 грантов в форме субсидии молодым ученым в возрасте до 35 лет, постоянно проживающим в Туве, являющимся научными, научно-педагогическими работниками, работниками образовательных организаций, научных и иных организаций, расположенных на территории республики, занимающихся научной и (или) научно-технической деятельностью, аспиранты, магистранты, студенты, имеющие научные достижения. Срок выполнения проекта не более двух лет. С 2003 г. по 2010 г. около 60 молодых ученых получили эти гранты (Харунова, 2010: 270). С 2011 г. по 2021 г. молодым исследователям присуждались по 7–10 грантов Главы Правительства Тувы, размер которых ежегодно индексировался.

По данным Министерства образования и науки Республики Тыва, представленным в отчете «О развитии отрасли науки в Республике Тыва за период с 2021 по 2025 годы», за 2021–2025 гг. по итогам конкурса на грант Главы для поддержки молодых учёных поддержаны 37 человек[5]. Темы исследований посвящены разным вопросам общественных, физико-математических, медицинских, естественных, инженерно-технических наук и образованию. Общий объем финансирования за пять лет составил 3 млн. 90 тыс. руб. (2021 г. — 420,0 тыс. руб., 2022 г. — 420,0 тыс. руб., 2023 г. — 1100 тыс. руб., 2024 — 650,0 тыс. руб., 2025 г. — 500,0 тыс. руб.).

Заключение

Обобщая многолетнюю работу ученых республики с научными фондами, можно выделить следующие результаты.

[1] Изучение закономерностей формирования запаса углерода в биологических системах и ландшафтах на переходном пространстве от Северной Азии к Центральной Азии. Информация о публикации [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53913049 (дата обращения: 15.01.2026).

[2] Мониторинг состояния окружающей среды территории природных вод Тувы. Информация о публикации [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53913050 (дата обращения: 15.01.2026).

[3] В ТувГУ состоялся научный семинар «Буддизм в русской и тувинской литературе» [Электронный ресурс] // Вконтакте. Тувинский государственный университет (ТувГУ). 2025, 13 сентября. URL: https://vk.com/wall-84924687_36192 (дата обращения: 15.01.2026).

[4] Отчет по научно-исследовательской деятельности ТувГУ [Электронный ресурс] // Тувинский государственный университет. URL: https://www.tuvsu.ru/nauka/otchet-po-nauchno-issledovatelskoy-deyatelnosti-tuvgu/ (дата обращения: 15.01.2026).

[5] О развитии отрасли науки в Республике Тыва за период с 2021 по 2025 годы [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Республики Тыва. Официальный сайт. URL: https://monrt.rtyva.ru/images/2026/Nauka_2026/razvitie-nauki-tuva-2021-2025.docx (дата обращения 19.03.2026).

Сложились группы ученых, использующих грантовую поддержку проектов, сумевших встроиться в конкурсную систему грантов, освоить технические требования оформления заявок, финансовой и научной отчетности, имеющих соответствующий требованиям фондов научный задел и творческие научные идеи. Определились наиболее востребованные тематики научных направлений для Тувы, финансируемых фондами, в том числе международные направления, такие как Монголия и Китай.

Грантовая поддержка фондов позволила в некоторой степени компенсировать недостаточность финансирования научно-исследовательской, издательской, экспедиционной работы ученых.

В целом, развитие грантовой поддержки научных исследований в Республике Тыва происходит неоднозначно, неравномерно: со спадами и подъемами. Для первого этапа (1990–2005 гг.) был характерен длительный период восприятия идеи грантовой поддержки исследований, который был обусловлен отдаленностью республики от основных научных центров страны, слабым развитием в эти годы компьютеризации и Интернета, недостаточной информированностью ученых о работе научных фондов.

Наиболее активная и эффективная работа с грантами приходится на второй период с 2006 по 2020 гг., когда свою деятельность осуществлял РГНФ. Его региональный конкурс «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном», можно сказать, являлся целевым для ученых и научных коллективов Сибирского федерального округа. Дальнейшее сворачивание его деятельности, к сожалению, ограничило возможности привлечения грантовых средств. На этом этапе произошел существенный рост количества проектов. Научные работники Тувы активно использовали ресурсы грантов для проведения исследований, выезда в экспедиции, сбора и систематизации данных, повышения публикационной активности и цитируемости научных результатов, что детерминировалось количеством научных фондов и простотой условий подачи заявок.

Третий этап (с 2021 г. до настоящего времени) демонстрирует снижение числа поддержанных проектов в связи с укрупнением научных фондов, роста заорганизованности и формализма в подаче заявок и их реализации. Научные проекты грантозаявителей из Республики Тыва в конкурсах РНФ не являются приоритетными для данного фонда, что обуславливает единичное финансирование заявок ученых республики, которые, к тому же требуют республиканского софинансирования (учитывая сравнительно большие суммы грантов РНФ, иногда это становится, к сожалению, неподъемным для бюджета региона).

В Республике Тыва помимо софинансирования грантов российских фондов выработаны механизмы поддержки молодых ученых, что безусловно является одним из аспектов финансовой мотивации начинающих исследователей, удержания молодых способных специалистов в профессиональной сфере и развитие их компетенций, поддержание престижа труда ученых республики. Многие из тех, кто выиграл грант молодых ученых, в дальнейшем успешно реализует себя в общероссийских конкурсах на гранты.

При сложившейся практике финансирования науки и инноваций грантовая поддержка, хотя и составляет лишь 2–4% общего объема финансирования, остается для ученых практически единственным эффективным способом получить средства для исследования инициативных тем, не связанных с базовым финансированием плановых направлений, способом проверки гипотез, сформулированных в результате проведения многолетних изысканий, повышения престижа профессии ученого.

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность за предоставленные материалы Министру образования и науки Республики Тыва О. Н. Сояну и начальнику отдела по науке Министерства образования и науки Республики Тыва О. А. Монгуш.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аганбегян, А. Г. (2020) Как возобновить социально-экономический рост в России // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 222. С. 164–182.

Балакина, Г. Ф. (2025) Исследования социокультурных процессов в Республике Тыва (1980-е гг. — наст. время) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 78–90. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.6

Беленицкая, О. (2017) Без науки у нас нет будущего // В мире науки. № 9. С. 2–7.

Булатова, И. М. (2015) Пути повышения эффективности составления заявки на получение гранта в контексте зарубежных рекомендаций // Казанская наука. № 10. С. 285–287.

Воробьева, О. В. (2019) О проблемах и перспективах развития гуманитарных наук и гуманитарного образования в России // Высшее образование в России. № 11. С. 22–33.

Воронецкая, Л. Г. (2021) Создание фондов по поддержке научных исследований как один из механизмов привлечения молодежи в вузовскую науку // Вестник Прикамского социального института. № 1 (88). С. 63–69.

Воротников, Ю. Л. (2009) Российский гуманитарный научный фонд и гуманитарные науки в современной России // Вестник Герценовского университета. № 1. С. 3–8.

Денисов, В. И, Жилякова, Е. В. (2004) Грантовая поддержка инициативных научных исследований (к 10-летию Российского гуманитарного научного фонда) // Экономическая наука современной России. № 4. С. 119–124.

Жарова, Е. Н. (2022) Наукометрия в области социогуманитарных наук: проблемы и пути их решения // Научные и технические библиотеки. № 4. С. 34–53. DOI: https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-4-34-53

Жарова, Е. Н., Агамирова, Е. В., Малахов, В. А. (2023) Проблемы и перспективы развития общественных и гуманитарных наук в системе научных знаний // Общественные науки и современность. № 4. С. 35–52. DOI: https://doi.org/10.31857/S086904992304010X

Зубов, О. Е., Ежова, В. В., Пиняева, Т. Н., Чаткина, М. Г., Юнусова, Л. А. (2014) Участие ученых Мордовского государственного университета в конкурсах Российского гуманитарного научного фонда // Регионология. № 1 (86). С. 60–65.

Ильина, И. Е. (2015) Анализ деятельности научных фондов, обеспечивающих поддержку фундаментальных исследований в России // Управление наукой и наукометрия. № 18. С. 179–203.

Климова, Ю. О. (2021) Источники формирования бюджета фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. Т. 19. № 2. С. 93–106. DOI: https://doi.org/10.24147/1812-3988.2021.19(2).93-106

Климова, Ю. О., Устинова, К. А., Фролов, И. Э. (2022) Финансирование исследований и разработок в регионах: задачи, состояние, перспективы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 135–152. DOI: https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.7

Костомаров, В. Г. (1996) Филологи осваивают грантовое финансирование // Вестник РГНФ. № 3. С. 20–22.

Круглов, А. Ю. (2009) Фонды Швейцарии: поддержка университетских научных исследований // Вестник Герценовского университета. № 8 (70). С. 44–47.

Лапочкина, В. В., Каменский, А. С., Корнилов, А. М. (2018) Региональные государственные фонды поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности: успех, проблемы, зарубежный опыт // Наука. Инновации. Образование. № 2 (28). С. 26–53.

Лукашева, Е. А. (2007) Грантовая поддержка гуманитарных исследований // Наука. Инновации. Образование. № 3. С. 149–153.

Мазилов, Е. А., Ушакова, Ю. О. (2019) К вопросу формирования организационно-правовых условий стимулирования НИОКР в регионах // Проблемы развития территории. № 1 (99). С. 40–55. DOI: https://doi.org/10.15838/ptd.2019.1.99.3

Новичкова, И. Ю., Слобожникова, В. С., Суслов, И. В. (2020) Общественно-гуманитарные науки современной России: между прошлым и будущим // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 1. С. 242–250.

Реализация научно-технической политики в Российской Федерации: современное состояние и перспективы (2022) / под общ. ред. И. Е. Ильиной. М. : IMG Print. 296 с.

Романова, Е. В. (2015). Научно-технологическая и инновационная политика ФРГ // Современная Германия: экономика и политика / под общ. ред. В. Б. Белова. М. : ИЭ РАН ; Весь мир. 720 с. С. 244–261.

Семенов, Е. В. (2007) Гранты в Российской науке: опыт Российского гуманитарного научного фонда // Наука. Инновации. Образование. № 3. С. 227–252.

Симачев, Ю. В., Засимова, Л. С., Курбанов, Т. Р. (2017) Грантовая поддержка фундаментальных исследований в России: уроки первого конкурса Российского научного фонда // Форсайт. Т. 11. № 4. С. 74–83.

Фадеева, И. М., Алексуткина, В. С. (2022) Как российские исследователи оценивают гранты — инструмент развития науки? // Университетское управление: практика и анализ. Т. 26. № 4. С. 56–70. DOI: https://doi.org/10.15826/umpa.2022.04.030

Чиженкова, Р. А. (2014) Библиометрический анализ вероятности поддержки научных проектов, поддержанных Российским фондом фундаментальных исследований за 20 лет: виды конкурсов // Успехи современного естествознания. № 7. С. 148–152.

Харунова, М. М.-Б. (2010) Дни российской науки в Туве // Новые исследования Тувы. № 1. С. 269–283.

Цедилин, Л. И. (2021) Финансирование науки в России и Германии: сопоставление подходов и результатов их применения // Вопросы экономики. № 2. С. 147–160. DOI: https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-2-147-160

Чеченкина, Т. В., Кучеренко, К. С. (2016) Российская наука в контексте межстрановых сопоставлений: обзор показателей финансирования исследований и разработок // Наука. Инновации. Образование. Т. 11. № 3. С. 123–135.

Эбзеева, Ю. Н. (2022) Грантовая поддержка как фактор развития научных исследований в российских университетах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. Т. 19. № 1. С. 146–157. DOI: http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-146-157

Bloch, C., Graversen, E. K., Pedersen, H. S. (2014) Competitive Research Grants and Their Impact on Career Performance // Minerva. Vol. 52. P. 77–96. DOI: https://doi.org/10.1007/s11024-014-9247-0

Herschberg, C., Benschop, Y., Van den Brink, M. (2018) Precarious postdocs: A comparative study on recruitment and selection of early-career researchers // Scandinavian Journal of Management. Vol. 34. Issue 4. P. 303–310. DOI: https://doi.org/10.1016/j.scaman.2018.10.001

Poroshina, T. (2020) To the matter of personal initiatives: the experience of post graduate student's participation in scientific contests // Вестник культуры и искусств. № 1 (61). P. 99–101.

Roy, S. C., Wassef, D. W., Nasser, W. A., Farber, N. I., Fang, Ch. H., Baredes, S., Gray, S. T., Eloy, J. A. (2022) Landscape of centralized otolaryngology research efforts grant recipients over the past decade // Otolaryngology — Head and Neck Surgery. Vol. 166. Issue 2. P. 289–296. DOI: https://doi.org/10.1177/01945998211023114

Scieder, R., Jarner, K. (2013) The Art of Being a Scientist. New York : Cambridge University Press. 296 p.

Sohn, E. (2020) Secrets to writing a winning grant // Nature. № 577. P. 133–135. DOI: https://doi.org/10.1038/d41586-019-03914-5

Дата поступления: 06.03.2026 г.
Дата принятия: 03.04.2026 г.

REFERENCES

Aganbegyan, A. G. (2020) How to resume socio-economic growth in Russia. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, vol. 222, pp. 164–182. (In Russ.)

Balakina, G. F. (2025) Studies of sociocultural processes in the Republic of Tuva (1980s – present). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 78–90. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.6

Belenitskaya, O. (2017) Without science we have no future. *V mire nauki*, no. 9, pp. 2–7. (In Russ.)

Bulatova, I. M. (2015) Ways to increase the effectiveness of grant application preparation in the context of foreign recommendations. *Kazanskaya nauka*, no. 10, pp. 285–287. (In Russ.)

Vorobyeva, O. V. (2019) On the problems and prospects for the development of the humanities and humanities education in Russia. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, no. 11, pp. 22–33. (In Russ.)

Voronetskaya, L. G. (2021) Establishment of research support foundations as a mechanism for attracting young people to university science. *Vestnik Prikamskogo sotsialnogo instituta*, no. 1 (88), pp. 63–69. (In Russ.)

Vorotnikov, Yu. L. (2009) The Russian Humanities Research Foundation and the humanities in contemporary Russia. *Vestnik Gertsenovskogo universiteta*, no. 1, pp. 3–8. (In Russ.)

Denisov, V. I. and Zhilyakova, E. V. (2004) Grant support for initiative scientific research (on the 10th anniversary of the Russian Humanities Research Foundation). *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, no. 4, pp. 119–124. (In Russ.)

Zharova, E. N. (2022) Scientometrics in the field of social and human sciences: problems and ways to solve them. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*, no. 4, pp. 34–53. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-4-34-53

Zharova, E. N., Agamirova, E. V. and Malakhov, V. A. (2023) Problems and prospects of the development of social sciences and the humanities within the system of scientific knowledge. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 4, pp. 35–52. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31857/S086904992304010X

Zubov, O. E., Ezhova, V. V., Pinyayeva, T. N., Chatkina, M. G. and Yunusova, L. A. (2014) Participation of scholars of Mordovia State University in the competitions of the Russian Humanities Research Foundation. *Regionologiya*, no. 1 (86), pp. 60–65. (In Russ.)

Ilina, I. E. (2015) Analysis of the activities of research foundations supporting basic research in Russia. *Upravlenie naukoi i naukometriya*, no. 18, pp. 179–203. (In Russ.)

Klimova, Yu. O. (2021) Sources of budget formation for foundations supporting scientific, scientific-technical and innovation activity. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, vol. 19, no. 2, pp. 93–106. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24147/1812-3988.2021.19(2).93-106

Klimova, Yu. O., Ustinova, K. A. and Frolov, I. E. (2022) Financing research and development in the regions: tasks, current state, prospects. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 15, no. 5, pp. 135–152. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.7

Kostomarov, V. G. (1996) Philologists mastering grant funding. *Vestnik RGNF*, no. 3, pp. 20–22. (In Russ.)

Kruglov, A. Yu. (2009) Swiss foundations: support for university scientific research. *Vestnik Gertsenovskogo universiteta*, no. 8 (70), pp. 44–47. (In Russ.)

Lapochkina, V. V., Kamensky, A. S. and Kornilov, A. M. (2018) Regional state foundations supporting scientific, scientific-technical and innovative activity: achievements, problems, foreign experience. *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie*, no. 2 (28), pp. 26–53. (In Russ.)

Lukasheva, E. A. (2007) Grant support for humanities research. *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie*, no. 3, pp. 149–153. (In Russ.)

Mazilov, E. A., Ushakova, Yu. O. (2019) On the formation of organizational and legal conditions for stimulating R&D in the regions. *Problemy razvitiya territorii*, no. 1 (99), pp. 40–55. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.15838/ptd.2019.1.99.3

Novichkova, I. Yu., Slobozhnikova, V. S. and Suslov, I. V. (2020) Social sciences and the humanities in contemporary Russia: between past and future. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, no. 1, pp. 242–250. (In Russ.)

Implementation of scientific and technological policy in the Russian Federation: current state and prospects (2022). Ed. by I. E. Ilina. Moscow, IMG Print. 296 p. (In Russ.)

Romanova, E. V. (2015) Scientific, technological and innovation policy of the Federal Republic of Germany. In: *Modern Germany: economy and politics.* Ed. by V. B. Belov. Moscow, IE RAN, Ves Mir. 720 p. Pp. 244–261. (In Russ.)

Semenov, E. V. (2007) Grants in Russian science: the experience of the Russian Humanities Research Foundation. *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie*, no. 3, pp. 227–252. (In Russ.)

Simachev, Yu. V., Zasimova, L. S. and Kurbanov, T. R. (2017) Grant support for basic research in Russia: lessons from the first Russian Science Foundation competition. *Forsait*, vol. 11, no. 4, pp. 74–83. (In Russ.)

Fadeeva, I. M. and Aleksutkina, V. S. (2022) How do Russian researchers assess grants as an instrument for the development of science? *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, vol. 26, no. 4, pp. 56–70. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.15826/umpa.2022.04.030

Chizhenkova, R. A. (2014) Bibliometric analysis of the likelihood of support for research projects funded by the Russian Foundation for Basic Research over 20 years: types of competitions. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*, no. 7, pp. 148-152. (In Russ.)

Kharunova, M. M.-B. (2010) Days of Russian science in Tuva. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 269–283. (In Russ.)

Tsedilin, L. I. (2021) Financing science in Russia and Germany: comparison of approaches and the results of their application. *Voprosy ekonomiki*, no. 2, pp. 147–160. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-2-147-160

Chechenkina, T. V. and Kucherenko, K. S. (2016) Russian science in the context of cross-country comparisons: a review of indicators of research and development funding. *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie*, vol. 11, no. 3, pp. 123–135. (In Russ.)

Ebzeeva, Yu. N. (2022) Grant support as a factor in the development of scientific research in Russian universities. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika*, vol. 19, no. 1, pp. 146–157. (In Russ.) DOI: http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-146-157

Bloch, C., Graversen, E. K. and Pedersen, H. S. (2014) Competitive Research Grants and Their Impact on Career Performance. *Minerva*, vol. 52, pp. 77–96. DOI: https://doi.org/10.1007/s11024-014-9247-0

Herschberg, C., Benschop, Y. and Van den Brink, M. (2018) Precarious postdocs: A comparative study on recruitment and selection of early-career researchers. *Scandinavian Journal of Management,* vol. 34, issue 4, pp. 303–310. DOI: https://doi.org/10.1016/j.scaman.2018.10.001

Poroshina, T. (2020) To the matter of personal initiatives: the experience of post graduate student's participation in scientific contests. *Vestnik kultury i iskusstv*, no. 1 (61), pp. 99–101.

Roy, S. C., Wassef, D. W., Nasser, W. A., Farber, N. I., Fang, Ch. H., Baredes, S., Gray, S. T. and Eloy, J. A. (2022) Landscape of centralized otolaryngology research efforts grant recipients over the past decade. *Otolaryngology — Head and Neck Surgery*, vol. 166, issue 2, pp. 289–296. DOI: https://doi.org/10.1177/01945998211023114

Scieder, R. and Jarner, K. (2013) *The Art of Being a Scientist*. New York, Cambridge University Press. 296 p.

Sohn, E. (2020) Secrets to writing a winning grant. *Nature*, no. 577, pp. 133–135. DOI: https://doi.org/10.1038/d41586-019-03914-5

Submission date: 06.03.2026.
Acceptance date: 03.04.2026.

DOI: 10.25178/nit.2026.2.5

Статья

Промышленное производство в Туве: от древности до начала XX в.

Валерий О. Ооржак
Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН, Российская Федерация,
Антон А. Асонычев
Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация,
Херел Б. Бадарчи
Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН, Российская Федерация

В работе рассматриваются процессы формирования и развития промышленного производства в Туве в досоветский период. Применены системный, междисциплинарный, историко-экономический, сравнительно-исторический методы исследования. Понимая промышленное производство как процесс преобразования сырья в готовую продукцию (изделие) под воздействием любого вида обработки, авторы отмечают, что его история в регионе начинается с древности, с III тыс. л. до н. э. Авторы полагают, что до 1830-х гг. процессы промышленного производства в Туве можно рассматривать как единый эволюционный процесс и связывают его окончание с появлением в регионе российского капитала и предпринимательства, которое радикальным образом изменило ситуацию. Основное внимание авторы уделили именно влиянию России на развитие промышленного производства в Туве в 1830-е — 1921 гг.

Источниковой базой исследования выступили выводы специалистов по истории Тувы (историков, археологов), а также документы из фондов Национального архива Республики Тыва, относящегося к периоду протектората Российской империи над Тувой.

Ключевые слова: *Тува; промышленное производство; социально-экономическое развитие; промышленность; металлургия, горное дело; история Тувы*

Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания ТувИКОПР СО РАН по проекту 1023033100464-7-1.5.1.

Для цитирования:
Ооржак В. О., Асонычев А. А., Бадарчи Х. Б. Промышленное производство в Туве: от древности до начала XX в. // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 72-81. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.5

Ооржак Валерий Окпан-оолович — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории региональной экономики Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117а. Эл. адрес: v.oorgak@yandex.ru

Асонычев Антон Анатольевич — главный специалист сектора истории Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Эл. адрес: anton.onb@yandex.ru

Бадарчи Херел Буян-оолович — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории региональной экономики Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117а. Эл. адрес: herel_badarchi@mail.ru

Article

Industrial Production in Tuva: From Antiquity to the Early 20th Century

Valeriy O. Oorzhak
Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,
Anton A. Asonychev
Tuvan Institute for Humanities and Applied Social and Economic Studies under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation,
Kherel B. Badarchi
Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article examines the processes of formation and development of industrial production in Tuva in the pre-Soviet period. The authors employ systemic, interdisciplinary, historical-economic, and comparative-historical research methods. Understanding industrial production as the transformation of raw materials into finished products (items) through any type of processing, the authors argue that its history in the region begins in antiquity, in the 3rd millennium BC. They propose that up to the 1830s the processes of industrial production in Tuva can be regarded as a single evolutionary trajectory, and they link the end of this stage to the arrival of Russian capital and entrepreneurship in the region, which fundamentally altered the situation. The focus is placed on the impact of Russia on the development of industrial production in Tuva in the period from the 1830s to 1921.

The source base of the study consists of the findings of specialists in the history of Tuva (historians and archaeologists), as well as documents from the holdings of the National Archives of the Republic of Tuva, relating to the period when Tuva was under the protectorate of the Russian Empire.

Keywords: *Tuva; industrial production; socioeconomic development; industry; metallurgy; mining; history of Tuva*

Financing
This publication was prepared within the framework of the state assignment of the Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of the SB RAS under project no. 1023033100464-7-1.5.1.

For citation:
Oorzhak V. O., Asonychev A. A. and Badarchi Kh. B. Industrial Production in Tuva: From Antiquity to the Early 20th Century. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 72-81 (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.5

OORZHAK, Valery Okpan-oolovich, Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Regional Economics, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian branch of Russian Academy of Sciences. Postal address: 117a Internatsionalnaya St., Kyzyl, Russian Federation. Email: v.oorgak@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2985-0722

ASONYCHEV, Anton Anatolyevich, Chief Specialist, History sector, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetova St., Kyzyl, Russia, 667000. E-mail: anton.onb@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0299-8882

BADARCHI, Kherel Buyan-oolovich, Candidate of Economics, Associate Professor, Senior Researcher, Laboratory of Regional Economics, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian branch of Russian Academy of Sciences. Postal address: 117a Internatsionalnaya St., Kyzyl, Russian Federation. Email: herel_badarchi@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3940-2018

Введение

Традиционно Республика Тыва считается аграрным регионом. В частности, почти всю её территорию занимают сельские поселения (Ооржак, 2020). Тем не менее, она обозначается также и как аграрно-промышленный регион[1], причём указывается, что в 2014 г. объём промышленной продукции превысил объёмы продукции сельского хозяйства[2]. В связи с тем, какое важное место занимает промышленное производство в хозяйстве Республики, представляется актуальным изучить историю его становления и развития.

Термин «промышленное производство», представляющий сочетание двух слов (промышленность и производство), охватывает очень широкие и разнообразные виды деятельности человека. В частности, в «Большой российской энциклопедии» дается следующее определение промышленности — это «совокупность отраслей хозяйства, занятых добычей и переработкой минерального, растительного и животного сырья в разнообразные средства и предметы конечного потребления (обрабатывающая промышленность, или вторичный сектор экономики)»[3]. Производство экономисты определяют как «процесс создания различных видов экономического продукта»[4]. В общих формулировках, промышленным производством считается «совокупность видов экономической деятельности, относящихся к добыче полезных ископаемых, обрабатывающему производству, обеспечению электрической энергией, газом и паром, кондиционированию воздуха, водоснабжению, водоотведению, организации сбора и утилизации отходов, а также ликвидации загрязнений»[5]. В основе всех определений находится термин «экономика», происходящий от древнегреческих понятий *οἶκος* ‘дом, хозяйство’ и *νόμος* ‘территория под управлением’.

В рамках данного исследования, под термином «промышленное производство» мы понимаем все процессы и виды создания продукции и услуг с использованием различных ресурсов и технологий, в том числе в условиях домашних хозяйств, общин и трудовых коллективов. То есть промышленное производство в авторском понимании — сложная и многогранная область, в которой взаимодействуют экономика, технологии и социальные аспекты. Это не только крупное производство *чего-либо*, но и специфический, исторически сложившийся *тип* производства, интегрированный в сложные экономические и технологические системы определённого региона и в определённый период времени, совокупность производственных отношений, соответствующих данной ступени развития производительных сил общества, господствующий способ производства в обществе.

В связи с этим, под термином «промышленное производство» нам следует понимать также все процессы преобразования сырья в готовую продукцию (изделие) под воздействием механической, термической, химической или иной обработки даже без использования больших механизмов, машин и спецоборудования. Подобный подход позволяет понимать тот факт, что промышленное производство в Туве существовало и в древности, так как имеются источники, подтверждающие его существование на территории современной Тувы в период до нашей эры (Сунчугашев, 1964; Кызласов, 1993; Тулуш, 2024; и др.).

Тува — регион, одним из последних вошедший в состав СССР (в 1944 г.). Развитие здесь промышленного производства шло особым путем в зависимости от природных ресурсов и условий, геополитических, исторических событий. Поэтому в данном исследовании предпринята попытка взять хронологический срез от периода возникновения промышленного производства до возникновения Тувинской Народной Республики. Соответственно, история рассматривается в два этапа: конец III тысячелетия до н. э. — 1830-е гг. — как общая история появления и функционирования промышленного производства на территории Тувы, до его деградации к моменту проникновения в Туву российских предпринимателей, а затем период с 1830-х гг. по 1921 г. — период появления в Туве российского промышленного производства и его влияния на тувинскую экономику до образования независимого тувинского государства — Тувинской Народной Республики (ТНР).

Целью данного исследования является выявление и анализ основных этапов, закономерностей и факторов становления и развития промышленного производства в Туве за период с третьего тысячелетия до н. э. до начала XX в.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) охарактеризовать историю возникновения и развития собственного промышленного производства в Туве с конца III тысячелетия до н. э. до 1830-х гг.; 2) выявить состояние и проанализировать процессы развития промышленного производства в Туве с 1830-х гг. до 1921 г.

Поставленные задачи были решены путём изучения и анализа архивных документов и научных трудов предшественников. В качестве источниковой базы использовались документы из фондов Национального архива Республики Тыва (НА РТ), а именно: фонда 112 «Управление комиссара по делам Урянхайского края», относящегося к периоду протектората Российской империи над Тувой и содержащему документы, связанные с деятельностью в Туве российских предпринимателей в начале XX в. Опубликованные работы предшественников (представленные далее в обзоре литературы), касающиеся темы статьи, несмотря на большое количество ценных данных, рассматривали наш предмет либо в отдельно взятые периоды времени, либо в рамках отдельных отраслей.

В процессе написания статьи использовались системный, междисциплинарный историко-экономический подход, сочетание экономического анализ с историческими методами. Научная новизна заключается в попытке провести комплексное историко-экономическое исследование становления и развития промышленного производства в Туве до первой четверти XX в.

Обзор литературы

В дореволюционных работах, посвященных Туве, промышленное производство затрагивалось мало. Исследователи обычно фиксировали современное состояние местных ремёсел, золотодобычи и немногочисленных частных предприятий. Такие сведения можно встретить в работах Н. Ф. Катанова (Катанов, 2011), А. М. Африканова (Африканов, 2007), А. В. Адрианова (Адрианов, 2007) и др. Отдельно выделяются работы горного инженера Б. М. Порватова, в рамках своих исследований полезных ископаемых Тувы дававшего характеристику горной промышленности на её территории (Порватов, 1913).

В советский период выходит целый ряд работ, как затрагивающих развитие промышленности в Туве в общих рамках социально-экономических процессов на её территории, так и посвященных непосредственно экономике и промышленному производству. К первым относятся обобщающие работы, вроде первой части сочинения советского экономиста Р. М. Кабо (Кабо, 1934), фундаментального труда В. И. Дулова (Дулов, 1956) и др. В число вторых входят работы В. А. Обручева (Обручев, 1926), Б. М. Порватова[1]. Данные труды содержат важные сведения и обобщают информацию по развитию промышленного производства в Туве до революции и в годы ТНР. Однако они не избежали влияния идеологических установок своего времени, что отразилось на объективности освещения фактов — некоторые аспекты замалчивались или трактовались предвзято. Так, дореволюционный период, несмотря на имевшиеся достижения в развитии промышленного производства, характеризовался крайне критически, создавая неверное представление о полном отсутствии промышленного производства в Туве до революции.

Несомненным плюсом можно назвать выход в данный период научных трудов по археологии и ранней истории СССР и Тувы, касающихся развития металлургии на её территории (Сунчугашев, 1969; Равдоникас, 1947; и др.).

Кроме перечисленных, следует назвать работу И. Я. Златкина «История Джунгарского ханства» (Златкин, 1983). В рамках данного исследования важны сведения о развитии в этом государстве, в состав которого входила Тува, оружейного производства, в том числе изготовления пушек.

В постсоветское время продолжают выходить как работы, затрагивающие развитие промышленного производства в контексте других событий и процессов, так и посвящённые непосредственно ему. В числе первых новое издание «Истории Тувы» (История Тувы 2014; 2007), в котором данные о ранних периодах тувинской истории дополняются новыми фактами (История Тувы, 2014), а оценки дореволюционного периода сменились на более объективные (История Тувы, 2007). С выходом статьи Л. А. Боброва (Бобров, 2007) получила развитие тема оружейной промышленности Джунгарского ханства, в составе которого находилась Тува.

[1] Порватов Б. М. О горных богатствах и положении горного промысла в Танну-Тувинском крае // Тывинский филиал Федерального бюджетного учреждения «Территориальный фонд геологической информации по Сибирскому Федеральному округу», г. Кызыл, 1929, инв. № 264.

Что касается работ, непосредственно посвященных промышленному производству на территории самой Тувы, то в современный период они продолжают выходить по истории развития золотопромышленности (Монгуш, 2014; Дабиев, 2024). Тема промышленного производства в ранний период тувинской истории получает дальнейшее развитие и в трудах по археологии (Кызласов, 1993; Тулуш, 2024).

Тем не менее, становление и история промышленного производства Тувы остаются недостаточно изученными как в аспекте комплексного рассмотрения и анализа всего периода существования, так и в аспекте исследования долгосрочных тенденций развития промышленного производства с точки зрения истории самого процесса, преемственности технологий, инфраструктурных решений и государственной политики на разных этапах.

Зарождение, развитие и упадок собственного промышленного производства

Промышленное производство в Туве имеет очень долгую историю. Уже в конце III тысячелетия до н. э., в эпоху энеолита, на её территории появляются первые горные выработки, в которых представители афанасьевской культуры добывали медь (История Тувы, 2014: 30), а также плавильные печи. Остатки последних были обнаружены на востоке Тувы, в районе р. Бай-Сют (Равдоникас, 1947: 291). На поздних этапах карасукской культуры (XIII–VIII вв. до н. э.) жители Тувы осваивают добычу олова и производство бронзы, о чём говорят обнаруженные археологами рудники, горные выработки и остатки литейных форм (Кызласов, 1993: 43, 47), а также сами бронзовые изделия (История Тувы, 2014: 36).

В скифское время (VIII–III вв. до н. э.) добыча меди велась в горизонтальных штольнях, карьерах, открытых выработках и шахтах (История Тувы, 2014: 42). Для выплавки металла использовали специальные горны. Целые комплексы, где производилась медь, плавили и отливали бронзу, из которой на месте изготавливались различные изделия, были найдены в ряде местностей, среди которых Хову-Аксы, Бай-Сют и др. (там же; Сунчугашев, 1964: 301). Широко распространилось производство бронзовых изделий (История Тувы, 2014: 38). С VI в. до н. э. в Туве начинается добыча и производство железа сыродутным способом. Помимо олова, добывать и обрабатывать стали серебро и золото (там же: 43).

В последовавшую эпоху хунну (II в. до н. э. — V в. н. э.) железо заменяет бронзу в качестве материала для производства оружия и орудий труда. Технологии добычи и выплавки остались прежними (История Тувы, 2014: 55–56, 58). Появляются стационарные поселения, служившие в том числе производственными центрами. Примером служит городище Катылыг-5 в районе р. Ээрбек, где были обнаружены следы металлургического производства в виде остатков горнов и печей (Тулуш, 2024: 50).

В древнетюркский период (VI–VIII вв. н. э.) добыча, выплавка железа, и производство из него необходимых изделий были важной частью хозяйственной деятельности населения Тувы. Горные выработки стали крупными объектами, к работам на которых могли привлекаться военнопленные, и которые были связаны с местами выплавки металла сетью специальных дорог (История Тувы, 2014: 91–92). Росли объёмы производства и уровень качества изготовления предметов из металла (там же: 92, 93, 99).

В уйгурское время (750–840 гг.) в Туве ремесло окончательно отделяется от скотоводства и земледелия. В числе жителей возникавших укрепленных оседлых поселений (там же: 129; Тулуш, 2024: 50-51), были специалисты-производственники; металлурги, литейщики, ювелиры, кузнецы, каменотёсы, ткачи и др. Появились и отдельные группы населения, занимавшиеся горным делом (История Тувы, 2014: 129).

В период нахождения Тувы в составе государства енисейских кыргызов (850~1250 гг.) точные сведения есть только о горном деле и металлургии, а также ремёслах, связанных с ними (ювелирное, кузнечное). Металлургическое производство этого периода предположительно локализуется на правом берегу Енисея (там же: 141). Источники, затрагивавшие производство в указанный период, подчёркивали высокое качество, и искусность изготовления железных изделий (там же: 141, 145).

Завоевание Тувы монголами в первой четверти XIII в. привело к активному развитию промышленного производства, продолжавшемуся до второй половины XIV в. В целях укрепления на завоёванных землях, монголы стали строить военно-земледельческие и ремесленно-земледельческие

поселения и города (там же: 163; Тулуш, 2024: 67–70), куда переселялись китайские ремесленники (История Тувы, 2014: 163–164). В городах располагались мастерские: металлургические, кузнечные, гончарные и др. (там же: 166). Добывали каменный уголь, каменную соль и местные глины. В поселениях стали строиться небольшие доменные печи, в которых производили чугун (там же: 168). Получили развитие гончарное, камнетёсное и ткацкое производства. Местные жители в указанный период также не утратили навыков горного дела, металлургии, кузнечного, ювелирного дела и других ремёсел (там же: 172). Однако подъём промышленного производства был прерван с падением династии Юань в 1368 г. Последовавшие за этим внутренние конфликты, охватившие империю, отбросили Туву в плане социально-экономического и культурного развития далеко назад (там же: 173).

В период вхождения Тувы в состав государства Алтын-ханов (XVI-2 пол. XVII вв.), местные ремёсла по большей части вернулись к уровню домашнего производства. Исключением являлись кузнечное и ювелирное дело, а также производство сёдел и деревянной мебели, которые остались прерогативой специалистов-ремесленников (там же: 196). Наличие материала для изготовления различных металлических изделий (там же: 195, 196, 199, 203–204, 206, 211) и железа на продажу (там же: 198) позволяет предполагать сохранение в Туве, пусть и в небольших масштабах, металлургии, добычи металлов и каменной соли (там же: 205).

Предпосылки для изменения ситуации с промышленным производством появились во время нахождения Тувы в составе Джунгарского ханства (1688–1756 гг.). Данное государство, соперничавшее с Россией и Китаем, в XVIII в. уделяло большое внимание развитию собственного военного производства. В стране действовали мастерские по производству обмундирования и доспехов, в которых работали по 300 и более женщин, набранных с подвластных территорий. (Златкин, 1983: 219). Занимались в ханстве и изготовлением оружия, в том числе ружей и пушек (там же: 218, 219). Так, в ружейном производстве были задействованы тысячи людей (Бобров, 2007: 68). А пушки и вовсе производились на специальном заводе, где трудились 20 оружейников и 200 рабочих, а также несколько тысяч человек, назначенных на подсобные работы (там же: 68–69). Но в Туве, вероятнее всего, ситуация с промышленным производством в этот период сохранялась в том же виде, что и при Алтын-ханах.

С присоединением Тувы к Китаю в 1757 г. ситуация ухудшилась. Тува стала «охотничьим заповедником», снабжавшим через специальный налог (*албан*) императорскую казну пушниной (История Тувы, 2014: 231). Это повлекло игнорирование со стороны властей развития отраслей производственной сферы, не связанных с получением меха. Кроме того, территория Тувы была закрыта как для въезда китайских подданных, так и для выезда самих тувинцев.

Из-за этого лишь некоторые производства сохранились на уровне ремёсел: кузнечное, шорное и столярное, а также резьба по камню и орнаментика различных изделий, оставшись, в основном, в центре и на западе Тувы (там же: 237). Кузнечное ремесло, представителей которого было около сотни на всю Туву, оставалось самым технически развитым (там же). При этом кузнецы одновременно были и слесарями, и ювелирами, утратив специализацию (Дулов, 1956: 107). В ещё худшем положении было литейное производство, сохранившееся только в районе Хемчика (там же: 108), в котором постоянные формы, известные ещё с бронзового века, использовались только для литья пуль и женских украшений (там же). В этот же период в упадок приходит и горное дело, поскольку в XIX в. железо и медь стали предметами ввоза в Туву (Адрианов, 2007: 121). Столярное производство было фактически монополизировано священнослужителями (ламами). Шорное ремесло было ограничено в основном производством сёдел, черпаков ремней и др. (там же: 109). Сапожное и портняжное стали занятием женщин и прямо входили в их домашние обязанности (там же: 109–110).

Ещё одним ударом по производству стала невозможность для тувинских ремесленников жить за счёт своего дела (там же: 107–108). То есть , из-за политики китайских властей, промышленное производство в Туве вернулось ко времени, когда ремесло не было отделено от скотоводства и земледелия.

Таким образом, промышленное производство в Туве, зародившись ещё в глубокой древности, прошло большой путь, в ходе которого как отдельное направление деятельности выделилось ремесло, произошло появление новых видов производств, а также усложнение и расширение уже существовавших параллельно с освоением естественных богатств Тувы. Причём это происходило, казалось бы, несмотря на то, что территория Тувы оказывалась в составе различных государственных образований (скифов, хунну, тюрков, уйгуров, кыргызов, монголов). Однако именно события ис-

торического и геополитического характера, а именно — падение монгольской династии Юань во второй половине XIV в. и дальнейшие междоусобные войны в монгольском государстве — привели к тому, что подъём тувинского промышленного производства резко сменился спадом. В дальнейшем, в годы нахождения Тувы в составе государства Алтын-ханов и Джунгарского ханства, промышленное производство сохранялось в виде отдельных ремёсел и горного дела. Включение тувинских территорий в состав китайской империи Цин во второй половине XVIII в. только ухудшило ситуацию. Политика цинских властей, направленных на превращение Тувы в источник пушнины для пополнения казны, привела к тому, что к XIX в. ремёсла в Туве практически исчезли, а промышленное производство в целом оказалось отброшено чуть ли не в доуйгурский период, когда ремесло ещё не отделилось от земледелия и скотоводства.

Промышленное производство Тувы и деятельность российских предпринимателей (1830-е — 1921 гг.)

Появление российских предпринимателей в Туве относится к 1830-м гг., когда на золотых приисках в верховьях р. Амыл возобновилась золотодобыча в регионе (Монгуш, 2014). При этом официальное разрешение на добычу золота правительство России дало своим золотопромышленникам только в 1857 г., со взятием подписки о неимении претензий, если Тува будет признана принадлежащей Китаю (Порватов, 1913). Тем не менее, золотопромышленность развивалась здесь свободно. Со второй половины XIX в. золотодобычей в Туве занялись минусинские золотопромышленники И. Г. Гусев и И. А. Денисов. Принадлежавшие им прииски располагались в бассейнах рек Сыстыг-Хем и Серлих (Дулов, 1956: 339, 341). В 1883 г. общее количество рабочих на приисках составляло 485 чел. Помимо русских и хакасов, на приисках работали и тувинцы, в основном на подсобных работах. (Дулов, 1956: 341; Катанов, 2011: 33). В 1885 г. золотые прииски в Туве были отнесены к Усинскому пограничному округу и попали в ведение Минусинского окружного инженера (Обручев, 1926). Золота в указанный период добывалось 7–15 пудов ежегодно. К 1890-м гг. упомянутые районы стали истощаться. В конце XIX и начале XX в. были открыты новые районы золотодобычи — в районах р. Тапса и Бай-Сют, по р. Харал, в верховьях Бий-Хема и др. (Дулов, 1956: 482–483; Монгуш, 2014: 81).

В тот период золотодобычей в Туве стали заниматься К. И. Иваницкий, А. А. Железнов, Н. М. Черневич, Г. П. Сафьянов, И. К. Леонов и др. (Дулов, 1956: 481). В 1901 г. стало добываться рудное золото в районе р. Алгияк (Дабиев, 2024: 259). С каждым годом росла численность занятых в золотодобыче, составив к 1917 г. до 600 только учтённых рабочих[1]. Что касается сбыта золота, то оно свободно уходило в Россию или Китай, поскольку вплоть до 1928 г. в Туве не было органа, непосредственно контролирующего его добычу и продажу. По одним сведениям, за период с 1844 по 1928 гг. добыто 10,1 т.[2] Но, как предполагает Б. М. Порватов, количество неучтенного золота, скупленного в основном китайцами, даже немного больше, поэтому фактическая добыча в Туве за указанный период составила бы около 24–25 тонн (Монгуш, 2014; 86). Причём, попытки государства поставить добычу золота под контроль срывались самими золотодобытчиками (НА РТ, ф. 112, оп. 1., д. 33, л. 4–4, об., 6, 9, 11–11, об).

Наметился в этот период и качественный рост в применяемых технологиях производства. Так, в XX в. на некоторых приисках стали применять гидравлический способ добычи. На прииске Кара-Хем, принадлежавшем Сафьянову и Железнову с 1912 г. стала работать драга объёмом 150 л. (Дабиев, 2024: 259). Однако на большинстве приисков золото продолжали добывать лишь за счёт физического труда рабочих (там же).

Российские предприниматели пытались организовать и добычу иных полезных ископаемых на территории Тувы. К. И. Иваницкий, предпринял неудачную попытку начать в 1912 г. добычу хемчикского асбеста, обнаруженного в конце XIX в. (Дулов, 1956: 483, 486–489). В августе 1917 г. в районе р. Ээрбек было обнаружено месторождение каменного угля (История Тувы, 2007: 23).

[1] Порватов Б. М. О горных богатствах и положении горного промысла в Танну-Тувинском крае // Тывинский филиал Федерального бюджетного учреждения «Территориальный фонд геологической информации по Сибирскому Федеральному округу», г. Кызыл, 1929, инв. № 264.
[2] Там же.

Естественные богатства Тувы привлекали не только российских предпринимателей. С начала XX в. на территории Тувы пытались проникнуть бельгийские, немецкие, французские, американские и английские фирмы (Дулов, 1956: 491–493; История Тувы, 2007: 23). Изучали тувинский рынок и японские фирмы (Дулов, 1956: 490). Но никому из них в тот период в Туве закрепиться не удалось.

С 1860-х гг. на территорию Тувы проникал российский торговый капитал. Прибывавшие для торговли, российские предприниматели за десятилетия ведения дел в Урянхае начинали переходить к иным формам экономической деятельности. Часть скота, приобретаемого у тувинского населения, вместо выгона за Саяны и в Иркутск, оставалась содержаться при факториях (Дулов, 1956: 506, 519). Вокруг некоторых факторий, благодаря договоренностям с тувинскими властями, стали распахивать землю (там же: 522). Некоторые торговцы со временем начинали помимо торговли заниматься добычей озёрной соли и рыбной ловлей (Дулов, 1956: 343; Адрианов, 2007: 115; Африканов, 2007: 98, 109). Другие совсем оставляли торговлю, переходя к золотодобыче, как сделал Г. П. Сафьянов в конце XIX в. (Дулов, 1956: 506).

Появление в начале XX в. сильного конкурента в лице китайских торговцев привело к тому, что российские предприниматели начали сочетать торговлю с производственной деятельностью. Скот, содержавшийся при факториях, послужил основой для создания крупных скотоводческих хозяйств, ориентированных на рынок. (Дулов, 1956: 520, 521,522). В данных хозяйствах занимались и переработкой продукции животноводства. Так, в хозяйстве М. И. Бякова на Хемчике было налажено производство масла и некоторое время функционировал кожевенный завод. Г. П. Сафьянов так же владел кожевенным заводом, располагавшимся в районе Чаа-Холя, дававшим 500 кож в год (Дулов, 1956: 521–522; История Тувы, 2007: 18). Схожим образом ситуация обстояла и с земледелием. Наиболее ярким примером служит хозяйство Р. В. Вавилина, находившееся в Уюкской долине, где имелись конный завод, маральник на 200 голов, мукомольная мельница и крупорушка, перерабатывавшие урожай с 80 десятин посевов. Доходность этого хозяйства составляла 100 тыс. руб. в год (Дулов, 1956: 523–524; История Тувы, 2007: 28). На озере Дус-Холь действовал соляной завод Ф. В. Сватикова, в 1914 г. давший 5 тыс. пудов соли (История Тувы, 2007: 18). Таким образом, в Туве в начале XX в. возникли первые промышленные предприятия капиталистического типа, ориентированные исключительно на рынок. В период протектората Российской империи к ним добавились кожевенный и кирпичный заводы, а также лесопилка, находившиеся основанном в 1914 г. г. Белоцарске (История Тувы, 2007: 61).

В целом возрождение золотодобычи и появление предпринимательских хозяйств содействовали росту производительных сил и появлению наемного труда, который представлял собой новый тип общественных отношений — капиталистические. Совместная жизнь и работа на приисках и предприятиях русских рабочих и тувинцев сближала их и позволяла обмениваться опытом. А пример российских предпринимателей показывал пути развития хозяйства по новому типу. В свою очередь, это приводило к появлению старателей (История Тувы, 2007: 18) и предпринимателей из числа тувинцев. Примером последних может служить Оюн Ажыкай, владевший многоотраслевым хозяйством, в котором сочетались: закупка скота, хлеба, маральих рогов и их переработка, торговля и ростовщичество, для чего привлекались многочисленные наёмные работники (там же: 13).

Появление в Туве российской торговли, несмотря на негативные моменты, вроде грабительских цен и долговой торговли, всё же имело в большей степени положительное значение. Помимо устранения изоляции и замкнутости тувинской экономики, торговля способствовала и оживлению ремесел, которые, наконец, получили доступ к необходимому сырью (ткани, металлы) (Адрианов, 2007: 119–121; Африканов, 2007: 102–103), пусть и в недостаточных количествах в случае последних (Адрианов, 2007: 121). Кроме того, тувинские ремесленники получили доступ к более совершенным инструментам (Дулов, 1956: 108). Благодаря торговле появились предпринимательские хозяйства и промышленные предприятия, часть прибылей от которых их владельцы стали вкладывать в развитие производительных сил Тувы, чьему восстановлению способствовало освобождение в 1912 г. от власти Китая.

Однако дальнейшему развитию предпринимательства и промышленного производства в Туве помешали революционные события в России и последовавшие за ними события гражданской войны, китайской и монгольской интервенции, окончательно завершившиеся только в 1921 г. Восстановление же промышленного производства в Туве и новый этап его развития пришлись на следующий исторический период – на годы существования Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.).

Заключение

Таким образом, исследование показало, что история промышленного производства в Туве до начала XX в. демонстрирует сложный путь неравномерного (неустойчивого) развития в различные периоды. Оно было связано с геополитическими и историческими событиями, а также влиянием крупных государственных образований на экономику региона.

Несмотря на смены эпох, народов и государств, промышленное производство демонстрировало относительно непрерывный процесс развития, в том числе уверенный рост вплоть до падения монгольской династии Юань. Последовавшие за этим внутренние междоусобицы привели к откату развития на столетия. Остатки же собственного промышленного производства, уцелевшего во времена Алтын-ханов и Джунгарского ханства, окончательно пришли в упадок к XIX в. как следствие политики Цинской империи.

Появление и деятельность на территории Тувы российских предпринимателей ознаменовали период возрождения промышленного производства уже в условиях развития капитализма. Помимо оживления ряда старых производств, на территории Тувы возникли новые экономические отношения и типы хозяйствования, которые стали осваиваться и местными жителями. Освобождение от власти империи Цин и установление протектората Российской империи создали условия для промышленного роста. Однако революция, переросшая в гражданскую войну и вторжение иностранных интервентов, привели к тому, что за короткий период времени почти все достижения более чем полувекового периода оказались уничтожены. Дальнейшее развитие промышленного производства Тувы относится уже к последующим историческим периодам.

Благодарности

Выражаем огромную благодарность анонимному рецензенту, редактору, оказавших нам большую честь разбором нашего текста, особенно в части исторических фактов, за корректные замечания, вопросы которые помогли уточниться в формулировках по тексту, также коллегам из ТувИКОПР СО РАН: к. г-м. н. Р. В. Кужугет, к. г-м. н. А. А. Монгуш и др., чьи идеи, и советы вдохновляли на доработку статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адрианов, А. В. (2007) Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881году // Урянхай. Тыва дептер: антология : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово/Slovo. Т. 3. Урянхайский край. Тувинско-русские отношения (начало XVII — начало XX в.). 606 с. С. 98–159.

Африканов, А. М. (2007) Русская торговля в Урянхайской земле // Урянхай. Тыва дептер: антология : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово/Slovo. Т. 5. Урянхайский край: от Урянхая к Танну-Туве (конец XIX — первая половина XX века). 733 с. С. 92–117.

Бобров Л. А. (2007) Джунгарское ханство — последняя кочевая империя // Наука из первых рук. № 1 (13). С. 61-69.

Дабиев, Д. Ф. (2024) История, проблемы и перспективы золотодобычи в Республике Тыва // ЭКО. № 4. С. 256-272. DOI: https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2024-4-256-272

Дулов, В И. (1956) Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. М. : Издательство Академии наук СССР. 608 с.

Златкин, И. Я. (1983) История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М. : Наука. 332 с.

История Тувы (2007) / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. 2. 430 с.

История Тувы (2014) / под общ. ред. С. И. Вайнштейна и М. Х. Маннай-оола. 2-е изд., перераб. и доп. Кызыл : Тываполиграф. Т. 1. 366 с.

Кабо, Р. М. (1934) Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1: Дореволюционная Тува. М. ; Л. : Госсоцэкономиздат. 201 с.

Катанов, Н. Ф. (2011) Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества. Кызыл, 383 с.

Кызласов, Л. Р. (1993) К истории карасукской металлургии // Российская археология. № 3. С. 43–49.

Монгуш А. А. (2014) О добыче золота в Урянхайском крае // Новые исследования Тувы. № 3. С. 77–87.

Обручев, В. А. (1926) Естественные богатства Танну-Тувинской республики и степень изученности последней // Новый Восток. № 13–14. С. 261–270.

Ооржак, К.-Д. К. (2020) Перспективы экономического развития сельских территорий Республики Тыва // Экономика Центральной Азии. Т. 4. № 1. С. 65–76.

Порватов, Б. М. (1913) Урянхайский край. Путевые заметки о полезных ископаемых) // Горные промышленные известия. № 1 С. 8–9.

Равдоникас, В. И. (1947) История первобытного общества. Ч. II. Ленинград : Ленингр. гос. ун-т. 392 с.

Сунчугашев, Я. И. (1964) Памятники горного дела и металлургии позднего этапа уюкской культуры // Советская археология. № 3. С. 301–306.

Тулуш, Т. К. (2024) Древние города Тувы. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск : ОФСЕТ. 264 с.

Дата поступления: 02.01.2026 г.
Дата принятия: 12.02.2026 г.

REFERENCES

Adrianov, A. V. (2007) Journey to Altai and beyond the Sayan Mountains, undertaken in 1881. In: *Uryankhai. Tuva depter: Anthology*, in 7 vols. Comp. by S. K. Shoigu. Moscow, Slovo/Slovo. Vol. 3. Uryankhai region. Tuvan–Russian relations (early 17th – early 20th centuries). 606 p. Pp. 98–159. (In Russ.)

Afrikanov, A. M. (2007) Russian trade in the Uryankhai land. In: *Uryankhai. Tuva depter: Anthology*, in 7 vols. Comp. by S. K. Shoigu. Moscow, Slovo/Slovo. Vol. 5. Uryankhai region: from Uryankhai to Tannu-Tuva (late 19th — first half of the 20th century). 733 p. Pp. 92–117. (In Russ.)

Bobrov, L. A. (2007) The Dzungar Khanate: the last nomadic empire. *Nauka iz pervykh ruk*, no. 1 (13), pp. 61–69. (In Russ.)

Dabiev, D. F. (2024) History, problems and prospects of gold mining in the Republic of Tuva. *EKO*, no. 4, pp. 256–272. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2024-4-256-272

Dulov, V. I. (1956) *The socio-economic history of Tuva. The 19th — early 20th century.* Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 608 p. (In Russ.)

Zlatkin, I. Ya. (1983) *History of the Dzungar Khanate. 1635–1758.* 2nd ed. Moscow, Nauka. 332 p. (In Russ.)

History of Tuva (2007) Ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.)

History of Tuva (2014) Eds. S. I. Vainshtein and M. Kh. Mannai-ool. 2nd ed. Kyzyl, Tyvapoligraf. Vol. 1. 366 p. (In Russ.)

Kabo, R. M. (1934) *Essays on the history and economy of Tuva.* Part 1: Pre-revolutionary Tuva. Moscow, Leningrad, Gossotsekonomizdat. 201 p. (In Russ.)

Katanov, N. F. (2011) *Essays on the Uryankhai land. Diary of a journey undertaken in 1889 on behalf of the Imperial Academy of Sciences and the Imperial Russian Geographical Society.* Kyzyl, s. n. 383 p. (In Russ.)

Kyzlasov, L. R. (1993) On the history of Karasuk metallurgy. *Rossiiskaya arkheologiya*, no. 3, pp. 43–49. (In Russ.)

Mongush, A. A. (2014) On gold mining in the Uryankhai region. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 77–87. (In Russ.)

Obruchev, V. A. (1926) Natural resources of the Tannu-Tuvan Republic and the degree of their study. *Novyi Vostok*, no. 13–14, pp. 261–270. (In Russ.)

Oorzhak, K.-D. K. (2020) Prospects for the economic development of rural areas of the Republic of Tuva. *Ekonomika Tsentralnoi Azii*, vol. 4, no. 1, pp. 65–76. (In Russ.)

Porvatov, B. M. (1913) Uryankhai region. Travel notes on mineral resources. *Gornye promyshlennye izvestiya*, no. 1, pp. 8–9. (In Russ.)

Ravdonikas, V. I. (1947) *History of primitive society.* Part II. Leningrad, Leningradskii gosudarstvennyi universitet. 392 p. (In Russ.)

Sunchugashev, Ya. I. (1964) Monuments of mining and metallurgy of the late Uyuk culture. *Sovetskaya arkheologiya*, no. 3, pp. 301–306. (In Russ.)

Tulush, T. K. (2024) *Ancient cities of Tuva.* 2nd ed. Krasnoyarsk, OFSET. 264 p. (In Russ.)

Submission date: 02.01.2026.
Acceptance date: 12.02.2026.

DOI: 10.25178/nit.2026.2.6

Статья

Развитие физической культуры и спорта в Туве в 1921–2021 годы

Елена Е. Тиникова
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Российская Федерация,
Николай Р. Новосельцев
Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

В статье представлен анализ развития физической культуры и спорта с момента образования Тувинской Народной Республики в 1921 г. до принятия новой государственной программы Республики Тыва по развитию физической культуры и спорта 2021 г. Исследуются ключевые этапы становления и развития спортивной инфраструктуры, массового спорта и профессиональных достижений. Источники исследования: законодательные и делопроизводственные документы, данные официальной статистики, воспоминания очевидцев в публицистике.

Развитие физической культуры и спорта в Туве рассматривается как исторический процесс, отражающий культурные, социальные и политические изменения региона. Начиная с первых шагов по организации физкультурного движения среди населения Тувы, авторы раскрывают влияние советских спортивных традиций в сочетании с национальными видами спорта. Особое внимание уделяется роли государства в поддержке физической активности, созданию условий для занятия спортом.

Работа затрагивает проблемы современного этапа развития спорта в регионе, включая вопросы финансирования, кадрового потенциала и взаимодействия с федеральными органами власти. Авторы подчеркивают необходимость комплексного подхода к развитию физической культуры, сочетающего традиционные формы народной активности с современными методами тренировки и популяризации здорового образа жизни.

Ключевые слова: *Тува; Тувинская Народная Республика; физическая культура; спорт; спортивная инфраструктура; национальный вид спорта; хуреш; стрельба из лука; конные скачки*

Для цитирования:
Тиникова Е. Е., Новосельцев Н. Р. Развитие физической культуры и спорта в Туве в 1921–2021 годы // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 82-94. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.6

Тиникова Елена Евгеньевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела по международным и межрегиональным связям Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Адрес: 665017, Россия, г. Абакан, ул. Щетинкина, д. 23. Эл. адрес: lena.tinikova@mail.ru

Новосельцев Николай Рзавич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета. Адрес: 660041, Россия, г. Красноярск, проспект Свободный, д. 79. Эл. адрес: snoopy87@mail.ru

TINIKOVA, Elena Evgenievna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of International and Interregional Relations, Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History. Postal address: 23 Shchetinkina St., Abakan, Russia, 665017. E-mail: lena.tinikova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5501-8940

NOVOSELTSEV, Nikolay Rzavich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Siberian Federal University. Postal address: 79 Svobodny Prospekt, Krasnoyarsk, 660041, Russia. E-mail: snoopy87@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3943-5952

Article

Development of Physical Culture and Sports in Tuva in 1921–2021

Elena E. Tinikova
Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russian Federation,
Nikolai R. Novoseltsev
Siberian Federal University, Russian Federation

The article presents an analysis of the development of physical culture and sports from the establishment of the Tuvan People's Republic in 1921 to the adoption of the new state program of the Republic of Tuva for the development of physical culture and sports in 2021. The study examines the key stages in the formation and evolution of sports infrastructure, mass sports, and professional achievements. Research sources: legislative and office documents, official statistics, eyewitness accounts in journalism.

The development of physical culture and sports in Tuva is considered as a historical process reflecting the cultural, social, and political transformations of the region. Beginning with the first steps toward organizing the physical culture movement among the population of Tuva, the authors reveal the impact of Soviet sports traditions in combination with national sports. Attention is paid to the role of the state in supporting physical activity and creating conditions for participation in sports.

The article addresses the problems of the current stage of sports development in the region, including issues of funding, human resources, and interaction with federal authorities. The authors emphasize the need for a comprehensive approach to the development of physical culture that combines traditional forms of popular activity with modern training methods and the promotion of a healthy lifestyle.

Keywords: *Tuva; Tuvan People's Republic; physical culture; sport; sports infrastructure; national sport; khuresh; archery; horse racing*

For citation:
Tinikova E. E. and Novoseltsev N. R. Development of Physical Culture and Sports in Tuva in 1921–2021. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 82-94. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.6

Введение

Физическая культура и спорт (ФКиС) представляют собой исторически обусловленную систему ценностей, норм поведения и социальных практик, направленных на физическое совершенствование, укрепление здоровья и повышение двигательной активности населения. Физкультурно-спортивная деятельность неразрывно связана с этническими традициями народа, отражающими особенности образа жизни, быта, обычаев и мировоззрения конкретного этноса. ФКиС выступают важным элементом сохранения и трансляции этнических традиций и способствуют гармоничному развитию многонационального общества.

Отдельные наблюдения традиционного культурного наследия Тувы, включая его физическую составляющую, появились задолго до социалистической революции и связаны с именами исследователей, совершивших путешествия в Урянхайский край во второй половине XIX — начале XX в. Речь идет о записях, оставленных Г. Е. Грум-Гржимайло, Д. Каррутерс, С. Р. Минцлов, Е. К. Яковлевым (см.: Традиционная культура … , 2003), Ф. Я. Кон (Кон, 1934), М. И. Райковым (Райков, 2007), Н. М. Ядринцевым (Ядринцев, 1891). В советских работах проблемы истории тувинской физической культуры и спорта преимущественно рассматривались в контексте культурного строительства в регионе (Потапов, 1953; Анчима, 1970; Аранчын, 1982) и не становились предметом отдельных исторических исследований. В научных изысканиях постсоветского периода интересующий нас предмет рассматривал-

ся преимущественно либо в качестве педагогического потенциала подрастающего поколения тувинцев (Чаш-оол, 2021), либо как история развития отдельных национальных видов спорта (Аг-оол, 2022; Гаськов, Мендот, Ондар, 2012; Домогашев, 2019; Кужугет, 2024; Мендот И., Мендот Э., 2020; Ооржак, 2018; Ооржак, Шагжы, 2022). Отдельно необходимо упомянуть работы Х. Д.-Н. Ооржака, заслуженного работника физической культуры Российской Федерации, который в течение нескольких десятилетий занимался изучением развития ФКиС в Туве (Ооржак, 1994, 2007). В его исследованиях акцентируются этнопедагогические проблемы развития ФКиС. Значимой работой по исследуемой проблематике является монография О. Ч. Ондар, В. М. Кара-Тоннуг «История развития физической культуры и спорта в Туве» (Ондар, Кара-Тоннуг, 2023). В ней представлены многочисленные интересные факты из истории развития тувинского спорта, однако, информация в работе не содержит ссылок на исторические источники. Кроме того, в работе нарушен принцип историзма при изложении материала, фокус внимания смещается от массового спорта к спорту высоких достижений, что не позволяет сравнить особенности ФКиС на разных этапах их развития. Поэтому данное издание скорее может быть отнесено к публицистическим работам, чем к научным монографиям.

Целью работы является рассмотрение основных вех развития физической культуры и спорта в Туве в период с 1921 г. по 2021 г. Объектом данного исследования является исторический процесс развития ФКиС в Туве в 1921–2021 гг. Предметом исследования выступают факторы и механизмы, определяющие динамику развития ФКиС в Туве с учетом этнического компонента.

Основные исследовательские задачи: 1) выявить особенности становления и развития ФКиС в Тувинской Народной Республике, а также роль народного демократического режима и традиций физической подготовки в формировании спортивной инфраструктуры и массового спорта; 2) исследовать динамику развития ФКиС в советское время, показать влияние государственной политики, организационно-методической работы и строительства спортивных объектов на массовое вовлечение населения в занятия спортом; 3) охарактеризовать современный этап развития ФКиС в Республике Тыва, проанализировать реализацию федеральных и региональных программ, успехи и трудности в сохранении традиций и популяризации спорта.

Хронологические рамки исследования обусловлены как общественно-политическими процессами, радикально изменившими регион, так и состоянием источниковой базы. Создание Тувинской Народной Республики (ТНР) и становление народно-демократического строя в 1921 г. повлияли на изменение отношение к физической культуре и спорту, которые стали рассматриваться в качестве важнейшего рычага формирования новой системы общественных отношений (Новосельцев, 2022: 136). Верхняя хронологическая граница связана с принятием новой государственной программы Республики Тыва по развитию ФКиС, вступившей в силу с 2021 г.[1] В связи с широкими хронологическими рамками изучение предмета исследования показано через его развитие в трех основных периодах: досоветском, советском и постсоветском. Данная периодизация является традиционной и основывается на общественно-политических процессах, радикально изменивших условия жизни и хозяйствования в регионе.

Источниковой базой исследования стали изданные труды по истории Тувы, архивные документы периода ТНР, Тувинской автономной области, Тувинской АССР, Тувинской ССР, Республики Тыва, хранящиеся в Национальном архиве Республики Тыва (НА РТ) в фондах Центрального Комитета Тувинской Народно-Революционной партии, Кызыльского горкома КПСС, Исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся ТАО и Исполнительного комитета Кызыльского городского Совета депутатов трудящихся, статистические сборники. Среди сборников архивных документов особо следует выделить «Сборник архивных документов и статей из газет по развитию физической культуры и спорта ТНР»[2], «На перекрестке времени. Урянхайский край. Тувинская Народная Республика. Тувинская Автономная область. Тувинская Автономная Советская Социалистическая Рес-

[1] Постановление Правительства Республики Тыва от 9 ноября 2020 г. № 546 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Развитие физической культуры и спорта до 2025 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/571035312 (дата обращения: 08.02.2026).

[2] Сборник архивных документов и статей из газет по развитию физической культуры и спорта в ТНР / А. М. Дугар-Сюрюн и др. Кызыл: Аныяк, 2013.

публика»[1], а также издание «История города в Центре Азии. 1914–2014 гг.»[2]. Собранные в сборниках материалы позволяют проследить основные вехи в развитии спорта Тувы, увидеть его яркие черты. В начале XXI в. в Туве вышло несколько публицистических сборников, в основе которых были положены интервью и воспоминания значимых деятелей общественной жизни региона, а также обычных горожан, в том числе так или иначе связанных с развитием ФКиС: сборник «Тува. XX в. Народная летопись»[3] и многотомное издание «Люди Центра Азии», из которого использованы материалы 3 и 4 томов[4].

Физическая культура и спорт в Тувинской Народной Республике

Образование ТНР в 1921 г., создание республиканский органов власти и начало тесного взаимодействия с СССР создали условия для постепенного формирования у тувинского народа новой, ориентированной на социалистические ценности, культуры, при сохранении и трансформации традиционных институтов и практик. Перемены, которые постепенно стали внедряться на протяжении 1920-х гг., вызвали глубокие изменения в устоявшемся укладе жизни, возникновение новых форм взаимодействия между людьми, способствовали развитию экономики и быта, а также активному вовлечению широких слоев населения в образовательную и культурную жизнь.

В этот период ФКиС получили широкое распространение, так как руководством страны ставилась задача вовлечения трудоспособного населения на созидательный труд, продвижение экономического развития республики, усиление ее оборонного потенциала, воспитание гражданской сознательности и общий подъем культурного уровня населения. Новое направление физического воспитания базировалось на глубоком историческом опыте и народных традициях физической подготовки, как самих тувинцев, так и других народов СССР.

На местах программы военной подготовки молодежи и развитие определенных видов спорта, входивших в учебный план, курировались Министерством внутренних дел. Отдельное внимание уделялось сохранению традиционных тувинских видов спортивных состязаний, таких как национальная борьба хуреш, конные скачки, стрельба из лука. Все они, являясь частью национальной праздничной культуры (Майны, 2013), стали органической частью советских праздников, прежде всего, спортивных. Например, в 1922 г. в молодой республике традиционный праздник Наадым, фундаментом которого являлись три названные мужские народные игры, приобрел статус национального и стал проводиться на государственном уровне. Количество соревнований было определено не случайно. Дело в том, что в традиционном мировоззрении тувинцев число *үш* ‘три’ в том числе символизирует вертикальную структуру мира, разделенного на три уровня: верхний, средний и нижний (Кара-оол, 2026). Три главные мужские игры праздника служили символическим выражением важных аспектов жизни и трех основных жизненных целей: быть всегда сытым, красиво одетым и прожить достойную жизнь (Самбу, 1978: 127).

Празднование Наадыма на государственном уровне ознаменовало собой новую эру в развитии национальных видов спорта. Во-первых, спортсмены начали круглогодичную подготовку, что придало новый импульс в развитии ФКиС. Во-вторых, для тувинского народа, впервые участвовавшего в подобном масштабном празднике, его культурная ценность оказалась поистине огромной. В-третьих, проводившиеся спортивные мероприятия играли важную роль не только в воспитании, но и в укреплении дружественных связей и взаимопонимания между русским и тувинским населением, помогая преодолеть патриархально-родовую замкнутость и консолидировать народы.

[1] На перекрестке времени. Урянхайский край. Тувинская Народная Республика. Тувинская Автономная область. Тувинская Автономная Советская Социалистическая Республика. Сборник архивных документов и фотодокументов. Научно-документальный сборник (на русском языке) / Государственный архив Республики Тыва. Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2014.

[2] История города в Центре Азии: Сборник архивных документов (на русском языке). 1914–2014 гг. Красноярск: Издательство «Офсет», 2021.

[3] Тува. XX век. Народная летопись. Кызыл: Республиканская типография, 2001.

[4] Люди Центра Азии / под ред. Н. М. Антуфьевой. Кызыл: ООО Редакция газеты «Центр Азии», 2006. Т. 3; Кызыл: ООО Редакция газеты «Центр Азии», 2011. Т. 4.

Одновременно с сохранением традиционных видов соревнований повышалась востребованность новых спортивных дисциплин, которые активно пропагандировались военнослужащими Красной Армии, находившимися на территории республики согласно договору, заключенному между Советский Союзом и ТНР (История Тувы, 1964: 196). В 1920-х гг. среди молодого поколения Кызыла и бойцов народной армии наибольшим спросом стали пользоваться легкоатлетические дисциплины, волейбол и лыжи (Монгуш, 2017: 91).

Руководители Тувинской народно-революционной партии ясно понимали значимость воспитательной работы с молодежью, рассматривая детей как залог будущего процветания нации. Именно поэтому в 1920-е гг. партией была принята специальная программа под названием «Воспитаем здоровую смену»[1]. Ее цель состояла в объединении и консолидации тувинских рабочих, особенно женского пола, вокруг инициатив по созданию дошкольных учреждений и подростковых игровых зон. Периодическая печать призывала общество уделять особое внимание подготовке будущих поколений — физически развитых, социально активных и предприимчивых членов общества, готовых отстаивать государственные интересы. С одной стороны, в документе декларировалась необходимость повышения интереса молодого поколения к занятиям физкультурой, с другой — эти занятия рассматривались как сфера досуга, лежащая в плоскости ответственности самих граждан. Поэтому в течение 1920-х гг. крупных массовых спортивных мероприятий в республике помимо Наадыма не проводилось.

Исключением явился правительственный праздник в честь 8-летнего образования ТНР и первой конституции страны, прошедший в Чадане в 1929 г. и продолжавшийся в течение трех дней. Правительственный статус праздника объясняет некую помпезность при его проведении, когда появление делегаций каждого из девяти кожуунов сопровождалось выездом украшенных всадников, а перед началом состязаний был проведен общий парад спортсменов.

Из доклада советника по военно-физкультурной работе ТНР Г. И. Федотова «О физической культуре и спорту в ТНР» следует, что первое проникновение ФКиС в Туву было «занесено» командирами Красной Армии, находившимся в русских эскадронов при Народно-Революционной армии республики:

> «Товарищ Гущин — инструктор физкультуры русского эскадрона — в 1926 г. вводит игру в футбол среди молодежи города Кызыла. С 1928 г. старшина русского эскадрона товарищ Похвенко переносит занятия по легкой атлетике, гимнастике и баскетболу в тувинские эскадроны, а отсюда они распространяются и среди гражданского населения. В 1929 г. из Советского Союза студентами КУТВ “завозится” игра в волейбол, которая, очень быстро распространившись по территории ТНР, завоевывает общую любовь и по сей день»[2].

В этом же докладе отмечалось, что вплоть до 1931 г. никаких оборонных, спортивных или физкультурных организаций в Туве не было, и вся работа в этом направлении проводилась общественными организациями (армией, школами, Ревсомолом и др.).

С начала 1930-х гг. в республике все большее внимание стало уделяться укреплению массовой физической культуры. Выразилось это, прежде всего, в увеличении ассигнований на ФКиС и расширении материальной базы физкультурных организаций (Кыргыс, 2012: 207). Первые из них возникли на кожевенно-пимокатном заводе, в типографии, ЦК профсоюзов, школе № 1, клубе советских граждан г. Кызыла, партийной школе при ЦК ТНРП, госхозе имени С. Тока (Монгуш, Саая, Ооржак, 2017: 91).

В эти годы впервые в нескольких тувинских школах уроки физической культуры были введены в качестве обязательных на постоянной основе (История Тувы, 1964: 87).

В 1931 г. в ТНР было создано первое оборонное общество — Общество содействия обороны страны (ОСОС), задачи которого заключались в подготовке населения к оборонной работе, организации стрелковых, кавалерийских кружков, проведение военизированных походов и игр, а также организация физкультурной работы. В 1935 г. ОСОС совместно с Ревсомолом провело первую спортивную олимпиаду по летним видам спорта (НА РТ, ф. п-1, оп. 1, д. 2987, л. 3).

---

[1] Воспитаем здоровую смену // Сборник архивных документов и статей из газет по развитию физической культуры и спорта в ТНР / А. М. Дугар-Сюрюн и др. Кызыл: Аныяк, 2013. С. 7.

[2] История города в Центре Азии: Сборник архивных документов. 1914–2014 гг. Красноярск: Издательство «Офсет», 2021. С. 131.

В 1936 г. состоялся IV пленум ЦК Тувинской Народной Революционной Партии, постановивший среди основных задач деятельности Ревсомола наряду с ликвидацией неграмотности среди молодежи считать проведение спортивно-физкультурных мероприятий (Новосельцев, 2022: 137).

В конце 1930-х гг. быстрыми темпами в республике стал развиваться лыжный спорт, получивший популярность не только среди мужчин, но и среди женщин и детей[1]. Лыжный переход 1942 г. протяженностью 2040 км стал «самым значительным событием в физкультурном движении ТНР» (Ооржак, 2007: 313–314).

Постепенно получила развитие и необходимая для занятий спортом инфраструктура. Если в начале 1930-х гг. первые футбольные и волейбольные площадки, а также места для легкоатлетических соревнований строились лишь в Кызыле, то к концу десятилетия они уже появились и в районных центрах. В 1940 г. в республиканской столице был построен крупный спортивный комбинат с большим гимнастическим залом (НА РТ, ф. п-1, оп. 1, д. 2987, л. 4).

Одной из основных проблемой развития ФКиС этого времени был кадровый дефицит профессиональных спортсменов и инструкторов физкультуры. Для решения данной проблемы в Кызыле в 1940 г. были организованы 15-дневные республиканские курсы подготовки инструкторов физкультуры без отрыва от производства, количество окончивших обучение которых весной 1941 г. составляло около 70 чел.[2] Для повышения профессионального мастерства в эти годы по линии физкультурных организаций выпускалась специальная тематическая литература о спорте на русском и тувинском языках. Помимо прочего имелась и своя физкультурная газета «Ареве кушкультур», издаваемая на обоих языках тиражом более 4 тыс. экземпляров[3].

Самыми популярными спортивными играми в ТНР к началу 1940-х гг. становятся волейбол и шахматы. Волейбол стремительно стал набирать популярность и стал любимым видом проведения досуга аратской молодежи. Волейбольные площадки строились не только в городе, но и с 1937 г. в кожууных центрах (Ондар, 2024: 164). Только в сезон 1940–1941 гг. в стране было проведено 273 игры по волейболу и 110 шахматных турниров[4].

Закономерно, что в годы Великой Отечественной войны с учетом позиции Правительства ТНР в оказании всесторонней помощи Советскому Союзу в борьбе против немецких захватчиков особое значение стало уделяться военно-физическому воспитанию молодежи. С детьми на регулярной основе проводили военизированные игры, организовывали походы, проводились занятия в стрелковых, истребителей танков, разведчиков и других кружках.

О значительной работе по развитию ФКиС в ТНР свидетельствуют количественные показатели спортивных сооружений, построенных к весне 1944 г. Для проведения спортивной работы в республике помимо спортивного комбината с большим гимнастическим залом в Кызыле имелись два стадиона, также находящихся в городе, 14 спортивных площадок с футбольными полями, лыжная станция, каток, 11 гимнастических комнат при клубах и школах, тиры, волейбольные, городошные и другие спортивные площадки[5]. В летней спартакиаде ТНР и первой зимней Республиканской спартакиаде 1943 г. суммарно принимают участие более 3 тыс. чел. Впервые победителей стали награждать денежными призами, промышленными товарами и почетными грамотами Республиканского Комитета Физкультуры (Новосельцев, 2022: 139).

Таким образом, становление системы ФКиС в ТНР прошло сложный путь интеграции исторических традиций и советского подхода к воспитанию. Важнейшими факторами развития ФКиС в этот период были изменения в общественной структуре, интеграция опыта советских республик, целенаправленная политика государства, направленная на массовое вовлечение населения через организацию регулярных спортивных мероприятий. Изначально в 1920-е гг. развитие ФКиС шло под

[1] История города в Центре Азии: Сборник архивных документов. 1914–2014 гг. Красноярск: Издательство «Офсет», 2021. С. 132.
[2] К сожалению, найти информацию о том, из числа каких специалистов были подготовлены данные инструкторы, нам не удалось.
[3] История города в Центре Азии: Сборник архивных документов. 1914–2014 гг. Красноярск: Издательство «Офсет», 2021. С. 132.
[4] Там же. С. 132.
[5] Там же. С. 134.

влиянием общественных организаций и армейских подразделений, внедряющих новые виды спорта и методики тренировок. Особенностью региона было параллельное сохранение традиционных форм тувинских спортивных состязаний. Организация первых крупных спортивных мероприятий способствовала объединению населения и его массовому увлечению спортом. Создание специализированных государственных структур обеспечило систематическое развитие ФКиС в 1930-е гг., включая расширение материально-технической базы и внедрение обязательной школьной физкультуры. В результате, несмотря на трудности начального этапа, система ФКиС в ТНР к началу 1940-х гг. эффективно функционировала, обеспечивая рост популярности спорта и укрепление здоровья населения.

Физическая культура и спорт в советской Туве

В 1944 г. ТНР вошла в состав СССР на правах автономной области. В 1961 г. область повысила свой статус и стала Тувинской автономной советской социалистической республикой. К моменту распада СССР с августа 1991 г. Тува имела статус республики в составе РСФСР.

После вхождения Тувы в состав СССР в регионе произошли кардинальные изменения в подходе к развитию ФКиС. Создание Областного комитета при Облисполкоме Тувинской автономной области стало отправной точкой для нового этапа. В течение нескольких лет (1945–1951 и 1955–1959 гг.) комитетом руководил П. И. Горбунов. Именно под его руководством были заложены основы для дальнейшего развития тувинского спорта (Уварова, Ооржак, 2017: 127).

В феврале 1945 г. Исполнительный комитет Областного Совета депутатов трудящихся Тувинской автономной области обратился во Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта при СНК СССР с просьбой о поставке спортивного инвентаря. Запрос был одобрен, и в Туву было доставлено спортивное оборудование на сумму 100 тыс. руб. (НА РТ, ф. р-264, оп. 1, д. 19, лл. 52–53). Это событие положило начало активному использованию жителями региона спортивно-технического оснащения, включающего футбольные и волейбольные мячи, лыжный инвентарь, спортивный реквизит для занятий легко атлетикой и гимнастическими упражнениями.

В этот период были созданы первые добровольческие спортивные общества («Динамо», «Большевик», «Спартак» и др.) и активно формировались кадры специалистов в сфере ФКиС. Благодаря привлечению известных спортсменов (таких как чемпион СССР по боксу А. П. Ларин) появились новые спортивные секции, начали регулярно проводиться соревнования, включая празднование Всесоюзного дня физкультурника, летней и зимней городских спартакиад (НА РТ, ф. р-37, оп. 1, д. 3, лл. 93–96; НА РТ, ф. р-264, оп. 1, д. 6, лл. 18–21).

В 1949 г. в Кызыле силами общественности был возведен стадион, получивший название «5 лет Советской Тувы» (официальное введение объекта в эксплуатацию состоялось лишь в 1972 г.) (НА РТ, ф. Р-37, оп. 1, д. 380, л. 113). Неподалеку от стадиона начал свою работу первый спортивный зал, известный как «Физкультурный комбинат» (Мендот, 2014: 194).

В 1950 г. в Кызыле была открыта первая специализированная спортивная школа для детей, рассчитанная на 100 учащихся, где функционировали отделения по следующим направлениям: легкая атлетика, гимнастика, баскетбол, бокс и акробатика (НА РТ, ф. р-264, оп. 1, д. 217, л. 89).

В 1950-е гг. наблюдался значительный рост физкультурно-спортивного движения в регионе, что привело к его превращению в массовое явление. Этот процесс сопровождался открытием новых спортивных секций, в том числе и на базе общеобразовательных школ. К 1960 г. только в Кызыле функционировали четыре добровольных спортивных общества — «Труд», «Буревестник», «Урожай» и «Динамо». В городе действовало 27 физкультурных коллективов, объединявших 2284 чел. (НА РТ, ф. п-3, оп. 1, д. 473, л. 1). Примечательно, что эта цифра составляла 15% от общего населения города, включая младенцев и пожилых людей, что свидетельствует о широком вовлечении граждан в спортивную деятельность.

Учитывая, что многие русские специалисты, ранее направленные в Туву, стали возвращаться на родину, перед областным руководством возникла необходимость в формировании собственных национальных кадров для физической культуры и спорта. По состоянию на 1960 г., в школах и учебных заведениях Кызыла работало 33 преподавателя физкультуры. Из них высшее образование имели 8 чел., среднее специальное — 16 чел., а 8 специалистов не имели профильного образования. Соглас-

но сведениям Э. Э. Мендот и соавторов, в начале 1960-х гг. начался процесс возвращения первых местных специалистов по физической культуре, окончивших педагогические институты в Красноярске и Улан-Удэ и приступивших к работе в образовательных учреждениях Тувы (Мендот, Гаськов, Сахиулин, 2015: 70–71).

В 1970–1980-е гг. особое внимание стало уделяться развитию городской спортивной инфраструктуры.

В Кызыле, по инициативе Исполнительного комитета Кызыльского городского Совета народных депутатов, велось строительство объектов для улучшения жизни горожан. В жилых кварталах появились «городки здоровья», хоккейные коробки и малые архитектурные формы. Эти меры были направлены на «улучшение коммунистического воспитания, гармоническое развитие граждан и укрепление их здоровья по месту жительства» (НА РТ, ф. р-37, оп. 1, д. 808, л. 141). Важно отметить, что республиканские партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации сыграли ключевую роль в развитии массового физкультурно-спортивного движения.

История спортивной инфраструктуры Тувы получила значительный импульс в 1982 г. с постройкой спортивного комплекса в Ак-Довураке. Этот комплекс стал настоящим прорывом, ведь именно там появился первый и единственный на тот момент бассейн на территории советской Тувы. Комплекс предлагал широкий спектр спортивных секций: от плавания и различных видов борьбы до бокса, тяжелой атлетики, игровых видов спорта (футбол, баскетбол, волейбол) и даже лыжных гонок. Основной аудиторией комплекса были дети работников комбината «Туваасбест»[1].

Таким образом, создание в Туве органов исполнительной власти в сфере спорта в советский период, привлечение и обучение собственных квалифицированных специалистов, организация массовых мероприятий и строительство спортивных сооружений обеспечили стремительное развитие ФКиС в регионе.

Физическая культура и спорт в Республике Тыва

После распада СССР ФКиС оказались в числе первых отраслей, на которых сказались изменения в социально-экономической и политической сферах всей страны. Хроническое недофинансирование вызвало не только разрушение спортивных объектов, но и оттолкнуло людей от занятий физкультурой и спортом. Спорт перестал быть популярным способом проведения досуга, уступив место другим развлечениям. Более того, исчезла целая система спортивных занятий, организованных для работников в течение рабочего дня. Исследования того периода показывали, что интерес к спорту у россиян был почти исключительно пассивным — люди смотрели его по телевизору, и это касалось в основном молодых городских мужчин (Дубин, 2004: 79). В стране резко снизилось количество людей, занимавшихся физической активностью и спортом на постоянной основе: с 17,3 млн чел. в 1990 г. до 11,4 млн чел. в 1992 г. (Лисаченко, 2007: 6).

В Туве наблюдалась исключительная для России 1990-х гг. ситуация. В отличие от многих регионов, республика не только сохранила все детско-юношеские спортивные школы, но и открыла две новые.

Правительство Тувы активно поддерживало спортсменов, о чем свидетельствует учреждение в 1994 г. кубков Президента Республики Тыва по волейболу, футболу и вольной борьбе с призовым фондом в 1000 долларов. Кроме того, победители соревнований на республиканском празднике Наадым получали в качестве награды легковые автомобили (Ооржак, 2019: 43).

Возрождение массового спорта в стране, его значимости началось лишь на стыке тысячелетий, что было обусловлено целенаправленными государственными программами по развитию данной сферы. Этот период ознаменовал собой трансформацию подхода властей к ФКиС.

Результаты смены курса не заставили себя ждать и уже в середине 2000-х гг. объекты спортивной инфраструктуры стали приводится в порядок.

[1] Монгуш Х. Бойцовская команда [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2020, 11 декабря. URL: https://tuvapravda.ru/novosti/boitsovskaia-komanda/ (дата обращения: 02.03.2026).

Начало XXI в. ознаменовалось значительным развитием спортивной инфраструктуры в Туве. В 2007 г. был введен в эксплуатацию универсальный спортивный комплекс «Субедей», торжественное открытие которого посетили такие видные деятели, как С. К. Шойгу (глава МЧС России) и В. А. Фетисов (руководитель Росспорта). Важным событием стало появление в «Субедее» первого в республике катка с искусственным льдом, что дало мощный импульс развитию и росту интереса к хоккею[1]. В 2019 г. комплекс прошел масштабную реконструкцию, укрепив свои позиции как одна из передовых и хорошо оснащенных спортивных школ в южной части Сибири[2].

Еще одним значимым событием стало открытие в 2010 г. обновленного спорткомплекса имени И. Ярыгина. Ключевым результатом его модернизации стало строительство современного плавательного бассейна. Кроме того, в комплексе появился специализированный зал для женской борьбы, названный в честь прославленной тувинской вольницы Л. Ооржак[3].

Вопрос кадровых ресурсов в области физической культуры был успешно решен путем открытия в 1999 г. факультета физической культуры и спорта в Тувинском государственном университете, что дало возможность готовить квалифицированных местных специалистов[4].

Одной из стратегических целей развития физкультуры и спорта в России на период с 2009 г. по 2020 г. значилось увеличение доли граждан, занимающихся систематически физкультурой и спортом в общей численности населения с 15,9% до 40%[5]. Развитие массового спорта предусматривалось в основном путем вовлечения в него детей и молодежи, студентов. Особое внимание уделялось также лицам с ограниченными возможностями здоровья, военнослужащим и взрослым гражданам. Приоритетными видами спорта были названы футбол, хоккей, плавание, легкая атлетика, зимние дисциплины, а также специализированные паралимпийские и сурдлимпийские соревнования. Для повышения доступности ФКиС среди широких слоев населения помимо занятий спортом в спортивных секциях и специализированных учреждениях, стратегия предусматривала развитие спортивной инфраструктуры в школах, вузах и общественных площадках.

Первоначальные планы Правительства Тувы по увеличению доли жителей, систематически занимающихся физической культурой, были довольно консервативными, предусматривая достижение 32,8% к 2020 г.[6] Однако, благодаря целенаправленным усилиям, в частности реализации губернаторского проекта «Спорт — во дворы», в рамках которого активно строились дворовые спортивные площадки, Тува добилась выдающихся результатов. К 2020 г. фактический показатель составил 46,49%, что значительно превышает как запланированный уровень, так и средние показатели по Сибирскому федеральному округу (41,9%) и России (43%)[7]. Это свидетельствует об успешной стратегии по популяризации спорта в регионе.

[1] Салчак В. Спорткомплекс «Субедей» отметил юбилей [Электронный ресурс] // Официальный сайт органов местного самоуправления города Кызыла. 2012, 9 декабря. URL: https://mkyzyl.ru/about/info/news/2424/ (дата обращения: 02.03.2026).

[2] На базе универсального спортивного комплекса «Субедей» создана спортивная школа [Электронный ресурс] // Тува-Онлайн. 2019, 7 ноября. URL: https://www.tuvaonline.ru/2019/11/07/na-baze-universalnogo-sportivnogo-kompleksa-subedey-sozdana-sportivnaya-shkola.html (дата обращения: 02.03.2026).

[3] Строящейся спорткомплекс в столице Тувы будет многофункциональным [Электронный ресурс] // Тува-Онлайн. 2010, 11 августа. URL: https://www.tuvaonline.ru/2010/08/11/stroyaschiysya-sportkompleks-v-stolice-tuvy-budet-mnogofunkcionalnym.html (дата обращения: 02.03.2026).

[4] Факультет физической культуры и спорта. Краткая историческая справка [Электронный ресурс] // Факультет физической культуры и спорта Тувинского государственного университета. URL: https://ffkis.tuvsu.ru/department/1816/ (дата обращения: 02.03.2026).

[5] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 августа 2009 г. № 1101-р «Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96059/ (дата обращения: 08.01.2025).

[6] Постановление Правительства Республики Тыва от 01.11.2013 № 638 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Развитие физической культуры и спорта до 2020 года» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: https://base.garant.ru/28717642/?ysclid=mghvx2hkii653625840 (дата обращения: 08.01.2025).

[7] Постановление Правительства Республики Тыва от 09.11.2020 № 546 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Развитие физической культуры и спорта до 2025 года» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: https://base.garant.ru/74881922/?ysclid=mghw1mow7g765094419 (дата обращения: 08.01.2025).

Как видно из приведенных материалов, несмотря на начальные трудности, обусловленные общим экономическим спадом начала 1990-х гг., Республика Тыва смогла эффективно реализовать государственные и региональные программы, направленные на возрождение и развитие ФКиС. Благодаря этому региону удалось достичь высоких показателей вовлеченности населения в спортивную деятельность, превышающих среднероссийские значения. Опыт Тувы демонстрирует успешность комплексного подхода к развитию ФКиС, сочетающего государственную поддержку, создание современной инфраструктуры и активное вовлечение местного сообщества.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно отметить, что Республика Тыва прошла длительный и непростой путь развития ФКиС, начиная с традиционного уклада ТНР, проходя через интеграцию с СССР и заканчивая современным этапом, характеризующимся реализацией федеральных и региональных программ.

В советский период ФКиС воспринимались как важный элемент социализации и укрепления обороноспособности страны, что отражалось в популярности массовых праздников и спартакиад. Эти годы характеризовались специализированными органами управления спортом в Туве, массовыми мероприятиями и активным строительством спортивных объектов.

Переход к рыночной экономике привел к кризису в отрасли, однако последующие государственные инициативы позволили возродить интерес к спорту, улучшив инфраструктуру и увеличив долю систематически занимающегося населения. Современные достижения демонстрируют успешность выбранной стратегии, повысившей доступность спорта и физическую активность жителей Тувы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аг-оол, Е. М. (2022) Становление и развитие спортивного самбо в Туве // Вестник Тувинского государственного университета. № 1 (91). С. 7–21.

Анчима, Х. А. (1970) Культурное строительство в Советской Туве // В братской семье народов / сост. С. С. Сонам. Кызыл : Типография управления по печати при Совете Министров Тувинской АССР. 214 с. С. 55–69.

Аранчын, Ю. Л. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука. 337 с.

Гаськов, А. В., Мендот, И. Э., Ондар, О. Ч. (2012) История стрельбы из лука как средства физической культуры тувинцев // Вестник Бурятского государственного университета. № 13. С. 60–65.

Домогашев, О. С. (2019) Некоторые особенности развития спортивной борьбы в Туве и Хакасии в 1960–1970-е гг. // XIII Машеровские чтения. Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / редколл.: И. М. Прищепа и др. Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова. 480 с. С. 111–113.

Дубин, Б. (2004) Спорт в современных обществах: пример России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 2 (70). С. 70–80.

История Тувы (1964) / отв. ред. С. К. Тока. М. : Наука. Т. 2. 455 с.

Кара-оол, Л. С. (2026) Число *үш* ‘три’ в тувинской языковой картине мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 292–306. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.16

Кон, Ф. Я. (1934) За пятьдесят лет. Собрание сочинений. Экспедиция в Сойотию. М. : Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопереселенцев. Т. 3. 293 с.

Кужугет, Т. Е. (2024) Становление и внедрение борьбы самбо в общеобразовательных организациях (на примере Республики Тыва) // Актуальные исследования. № 5–3. С. 62–65.

Кыргыс, З. К. (2012) Развитие национальной формы культуры в ТНР // Сибирский педагогический журнал. № 1. С. 206–209.

Лисаченко, О. В. (2007) Государственная политика в сфере физической культуры и спорта в субъектах Российской Федерации (1990–2005) // Теория и практика физической культуры. № 5. С. 5–7.

Майны, Ш. Б. (2013) Народные игры в традиционной праздничной культуре Тувы // Вестник культуры и искусств. № 4 (36). С. 87–92.

Мендот, И. Э., Мендот, Э. Э. (2020) Конный спорт тувинских кочевников как национальный вид спорта // Научный потенциал. № 2 (29). С. 118–121.

Мендот, Э. Э., Гаськов, А. В., Сахиулин, А. А. (2015) Становление и развитие физической культуры и спорта в Республике Тыва // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 13. С. 68–72.

Монгуш, Г. В., Саая, М. А., Ооржак, Д.-Н. (2017) История развития национальных видов спорта в Тувинской Народной Республике // Мир человека. № 1 (45). С. 88–91.

Новосельцев, Н. Р. (2022) История развития физической культуры и спорта в Тувинской Народной Республике в 1921–1944 гг. // V Центральноазиатские исторические чтения: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Кызыл, 09–10 июня 2022 г. / отв. ред. З. Ю. Доржу. Кызыл : ФГБОУ ВПО «Тувинский государственный университет». 244 с. С. 135–140.

Ондар, О. Ч., Кара-Тоннуг, В. М. (2023) История развития физической культуры и спорта в Туве. Кызыл : Издательство ТувГУ. 403 с.

Ондар, Р. Д. (2024) История и современное состояние волейбола в республике Тыва // Научные труды Тувинского государственного университета: Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов Тувинского государственного университета, посвященной Году семьи в РФ, Году здоровья в РТ и 80-летию вхождения ТНР в состав СССР, Кызыл, 26 октября 2024 г. / отв. ред. Е. Д. Монгуш. Кызыл : Тувинский государственный университет. 379 с. С. 163–166.

Ооржак, С. Ы. (2018) Вольная борьба в Туве: этапы и пути дальнейшего развития // Научные труды Тувинского государственного университета. Вып. XVII / отв. ред. Е. Д. Монгуш. Кызыл : ФГБОУ ВПО «Тувинский государственный университет». 246 с. С. 152–155.

Ооржак, С. Ы. (2019) Хуреш — борьба по-тувински: эволюция, тенденции, проблемы и приоритетные пути их решения. М. : ООО «Издательство “КноРус”». 114 с.

Ооржак, Х. Д.-Н. (1994) История развития физической культуры и спорта в Туве до 1945 г. Кызыл : б. и. 71 с.

Ооржак, Х. Д.-Н. (2007) Развитие физической культуры и спорта // История Тувы / под ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. 2. 430 с. С. 309–314.

Ооржак, Х. Д.-Н., Шагжы, Б. А. (2022) Сохранение традиционных конных скачек как элемента культурного наследия тувинского народа // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая. Материалы VII международной научно-практической конференции / отв. ред. Е. Д. Монгуш. Кызыл : ФГБОУ ВПО «Тувинский государственный университет». 321 с. С. 127–130.

Потапов, Л. П. (1953) Социалистическое переустройство культуры и быта тувинцев // Советская этнография. № 2. С. 72–102.

Райков, М. И. (2007) Отчет о поездке, совершенной в 1897 году. Санкт-Петербург, 1898. Извлечения // Урянхай. Тыва дептер : антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае-Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.). / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово/Slovo. Т. 5. 733 с. С. 188–201.

Самбу, И. У. (1978) Тувинские народные игры: историко-этнографические очерки. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 140 с.

Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века) (2003) / подгот. текстов, предисл. и коммент. А. К. Кужугет. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 223 с.

Уварова, А. А., Ооржак Х. Д.-Н. (2017) Физическая культура и спорта Тувинской автономной области в послевоенные годы (1946–1960) // Мир человека. № 1 (45). С. 126–128.

Чаш-оол, Ч. О. (2021) Развитие тувинской национальной борьбы хуреш в условиях ДОУ // Современное дошкольное образование: теория и практика. № 13. С. 36–39.

Ядринцев, Н. М. (1891) Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографическое и статистическое исследование с приложением статистических таблиц. СПб. : Издательство И. М. Серебрякова. 208 с.

Дата поступления: 27.02.2026 г.
Дата принятия: 13.03.2026 г.

REFERENCES

Ag-ool, E. M. (2022) Formation and Development of Sambo Wrestling in Tuva. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (91), pp. 7–21. (In Russ.)

Anchima, Kh. A. (1970) Cultural Development in Soviet Tuva. In: *In the Brotherly Family of Nations*, comp. by S. S. Sonam. Kyzyl, Printing Office under the Council of Ministers of the Tuvan ASSR. 214 p. Pp. 55–69. (In Russ.)

Aranchyn, Yu. L. (1982) *The Historical Path of the Tuvan People toward Socialism.* Novosibirsk, Nauka, 337 pp. (In Russ.)

Gaskov, A. V., Mendot, I. E. and Ondar, O. Ch. (2012) The History of Archery as a Means of Physical Culture of the Tuvans. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 13, pp. 60–65. (In Russ.)

Domogashev, O. S. (2019) Some Features of the Development of Wrestling in Tuva and Khakassia in the 1960s–1970s. In: *XIII Masherov Readings.* Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists, ed. by I. M. Prishchepa et al. Vitebsk, Vitebsk State University named after P. M. Masherov. 480 p. Pp. 111–113. (In Russ.)

Dubin, B. (2004) Sport in Modern Societies: The Case of Russia. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii,* no. 2 (70), pp. 70–80. (In Russ.)

History of Tuva (1964) ed. by S. K. Toka. Moscow, Nauka. Vol. 2. 455 p. (In Russ.)

Kara-ool, L. S. (2026) The Number Üsh 'Three' in the Tuvan Linguistic Picture of the World. *New Research of Tuva,* no. 1, pp. 292–306. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.16

Kon, F. Ya. (1934) *For Fifty Years. Collected Works. Expedition to Soyotia.* Moscow, Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiles. Vol. 3. 293 pp. (In Russ.)

Kuzhuget, T. E. (2024) Formation and Introduction of Sambo Wrestling in General Education Organizations (on the Example of the Republic of Tuva). *Aktualnye issledovaniya,* no. 5–3, pp. 62–65. (In Russ.)

Kyrgys, Z. K. (2012) Development of the National Form of Culture in the Tuvan People's Republic. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal,* no. 1, pp. 206–209. (In Russ.)

Lisachenko, O. V. (2007) State Policy in the Sphere of Physical Culture and Sport in the Subjects of the Russian Federation (1990–2005). *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury,* no. 5, pp. 5–7. (In Russ.)

Mainy, Sh. B. (2013) Folk Games in the Traditional Festive Culture of Tuva. *Vestnik kultury i iskusstv,* no. 4 (36), pp. 87-92. (In Russ.)

Mendot, I. E. and Mendot, E. E. (2020) Equestrian Sport of Tuvan Nomads as a National Sport. *Nauchnyi potentsial,* no. 2 (29), pp. 118–121. (In Russ.)

Mendot, E. E., Gaskov, A. V. and Sakhiulin, A. A. (2015) Formation and Development of Physical Culture and Sports in the Republic of Tuva. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta,* iss. 13, pp. 68–72. (In Russ.)

Mongush, G. V., Saaya, M. A. and Oorzhak, D.-N. (2017) The History of the Development of National Sports in the Tuvan People's Republic. *Mir cheloveka,* no. 1 (45), pp. 88–91. (In Russ.)

Novoseltsev, N. R. (2022) The History of the Development of Physical Culture and Sport in the Tuvan People's Republic in 1921–1944. In: *V Central Asian Historical Readings:* Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Kyzyl, 9–10 June 2022, ed. by Z. Yu. Dorzhu. Kyzyl, Tuvan State University. 244 p. Pp. 135–140. (In Russ.)

Ondar, O. Ch., Kara-Tonnug, V. M. (2023) *The History of the Development of Physical Culture and Sports in Tuva.* Kyzyl, Publishing House of Tuvan State University, 403 p. (In Russ.)

Ondar, R. D. (2024) The History and Current State of Volleyball in the Republic of Tuva. In: *Scientific Works of Tuvan State University:* Proceedings of the Annual Scientific and Practical Conference of Teachers, Staff and Postgraduate Students of Tuvan State University, Kyzyl, 26 October 2024, ed. E. D. Mongush. Kyzyl, Tuvan State University. 379 p. Pp. 163-166. (In Russ.)

Oorzhak, S. Y. (2018) Freestyle Wrestling in Tuva: Stages and Ways of Further Development. In: *Scientific Works of Tuvan State University,* issue XVII, ed. by E. D. Mongush. Kyzyl, Tuvan State University. 246 p. Pp. 152–155. (In Russ.)

Oorzhak, S. Y. (2019) *Khuresh — Tuvan Wrestling: Evolution, Trends, Problems, and Priority Ways of Their Solution.* Moscow, KnoRus Publishing House. 114 p. (In Russ.)

Oorzhak, Kh. D.-N. (1994) *The History of the Development of Physical Culture and Sport in Tuva before 1945.* Kyzyl, s. n. 71 p. (In Russ.)

Oorzhak, Kh. D.-N. (2007) Development of Physical Culture and Sport. In: *History of Tuva,* ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. Pp. 309–314. (In Russ.)

Oorzhak, Kh. D.-N. and Shagzhy, B. A. (2022) Preservation of Traditional Horse Racing as an Element of the Cultural Heritage of the Tuvan People. In: *Topical Problems of Research of Ethno-Ecological and Ethno-Cultural Traditions of the Peoples of the Sayan-Altai Region*. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference, ed. by E. D. Mongush. Kyzyl, Tuvan State University. 321 p. Pp. 127–130. (In Russ.)

Potapov, L. P. (1953) Socialist Transformation of the Culture and Everyday Life of the Tuvans. *Sovetskaya etnografiya*, no. 2, pp. 72–102. (In Russ.)

Raykov, M. I. (2007) Report on a Trip Made in 1897. St Petersburg, 1898. Extracts. In: *Uryankhai. Tuva Depter: Anthology of Scientific and Educational Thought about the Ancient Land of Tuva and its Inhabitants*, ed. S. K. Shoigu. Moscow, Slovo/Slovo. Vol. 5. 733 p. Pp. 188–201. (In Russ.)

Sambu, I. U. (1978) *Tuvan Folk Games: Historical and Ethnographic Essays*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 140 p. (In Russ.)

Traditional Culture of the Tuvans through the Eyes of Foreigners (Late 19th – Early 20th Century) (2003). Prepared by A. K. Kuzhuget. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 223 p. (In Russ.)

Uvarova, A. A. and Oorzhak, Kh. D.-N. (2017) Physical Culture and Sport of the Tuvan Autonomous Region in the Post-War Years (1946–1960). *Mir cheloveka*, no. 1 (45), pp. 126–128. (In Russ.)

Chash-ool, Ch. O. (2021) Development of Tuvan National Wrestling Khuresh in Preschool Institutions. *Sovremennoe doshkolnoe obrazovanie: teoriya i praktika*, no. 13, pp. 36–39. (In Russ.)

Yadrintsev, N. M. (1891) *Siberian Indigenous Peoples, Their Life and Current Situation: An Ethnographic and Statistical Study with Statistical Tables*. St Petersburg, Publishing House of I. M. Serebryakov. 208 p. (In Russ.)

Submission date: 27.02.2026.
Acceptance date: 13.03.2026.

DOI: 10.25178/nit.2026.2.7

Article

Decomposition of life expectancy gaps by age between the Republic of Tuva and Moscow using the Arriaga method

Sergey V. Ryazantsev
Institute of Social Demography of the FCTAS RAS; RUDN University, Russian Federation; Mahidol University, Thailand,
Abubakr Kh. Rakhmonov, Nikita S. Ryazantsev
Institute of Social Demography of the FCTAS RAS, Russian Federation

This study investigates the differences in life expectancy between Moscow and the Republic of Tuva in Russia by applying the Arriaga decomposition method. Using official mortality data from 2023, we have constructed life tables for both regions, revealing a life expectancy at birth of 76.9 years in Moscow and 66.7 years in Tuva, resulting in a gap of approximately 10.3 years. The decomposition analysis has shown that the majority of the life expectancy difference is attributed to higher mortality rates in young and middle adulthood (20–49 years) in Tuva. Mortality differences in infancy and old age also contribute to the gap, but to a lesser extent.

The findings reveal that age groups corresponding to young and middle adulthood make the largest contributions to the overall life expectancy disparity between the two regions. The study highlights that while differences exist at all stages of life, addressing mortality among working-age adults would have the greatest impact on narrowing the gap.

The aim of the study is to quantify the age-specific contributions to the life expectancy gap between Moscow and Tuva and to identify the critical age groups most responsible for the observed differences. By analyzing the decomposition of mortality differences across age groups, the study provides a detailed understanding of the demographic mechanisms driving regional disparities in life expectancy within Russia.

Keywords: *Arriaga decomposition; life expectancy; mortality; Russian region; Moscow; Republic of Tuva; Russia; age-specific mortality; demographic analysis*

Funding
This article was prepared within the framework of the Research Program devoted to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening all-Russian identity for 2026–2028, headed by Academician of the Russian Academy of Sciences V. A. Tishkov. Project No. "Ethnodemographic Atlas of Russia" (FMUS-2026-0002), headed by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences S. V. Ryazantsev.

For citation:
Ryazantsev S. V., RakhmonovA. Kh. and Ryazantsev N. S. Decomposition of life expectancy gaps by age between the Republic of Tuva and Moscow using the Arriaga method. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 95-107. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.7

RYAZANTSEV, Sergey Vasilyevich, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the RAS; Chief Researcher, Center for Comparative (International) Demographic Studies, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Professor, Department of International Economic Relations, RUDN University; Professor, Institute for Population and Social Research, Mahidol University. Postal addresses: 6/1 Fotievoy St., Noscow, 119333; 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation; 999 Phuthamonthon 4 Road, Phuthamonthon, Salaya, 73170 Nakhon Pathom, Thailand. E-mail: riazan@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5306-8875

RAKHMONOV, Abubakr Khasanovich, Candidate of Economics, Senior Researcher, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Postal address: Bldg 1/6 Fotieva St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail: abubak.93@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9924-5857

RYAZANTSEV, Nikita Sergeyevich, Junior Researcher, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Postal address: Bldg 1, 6 Fotieva St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail: ryazantsev080700@ya.ru
ORCID: 0000-0001-6835-310X

Статья

Декомпозиция различий в ожидаемой продолжительности жизни по возрастным группам между Республикой Тыва и городом Москвой с применением метода Арриаги

Сергей В. Рязанцев
Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация;
Университет Махидол, Таиланд,
Абубакр Х. Рахмонов, Никита С. Рязанцев
Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Российская Федерация

В данном исследовании анализируются различия в ожидаемой продолжительности жизни между Москвой и Республикой Тыва в России с применением метода декомпозиции Арриаги. На основе официальных данных о смертности за 2023 год были построены таблицы смертности для обоих регионов, согласно которым ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляет 76,9 года в Москве и 66,7 года в Республике Тыва, что формирует разрыв приблизительно в 10,3 года. Декомпозиционный анализ показал, что основная часть этой разницы обусловлена повышенной смертностью в молодом и среднем зрелом возрасте (20–49 лет) в Республике Тыва. Различия в смертности в младенческом и старшем возрастах также вносят вклад в указанный разрыв, но в меньшей степени. Полученные результаты демонстрируют, что именно возрастные группы, соответствующие молодому и среднему зрелому возрасту, обеспечивают наибольший вклад в общую разницу ожидаемой продолжительности жизни между двумя регионами. В исследовании подчёркивается, что, хотя отличия наблюдаются на всех этапах жизненного цикла, снижение смертности среди трудоспособного взрослого населения окажет наибольшее влияние на уменьшение разрыва.

Целью исследования является количественная оценка возрастных факторов, определяющих разницу в ожидаемой продолжительности жизни между Москвой и Республикой Тыва, и выявление ключевых возрастных групп, наиболее ответственных за наблюдаемые различия.

Анализ разложения возрастных вкладов позволяет детально понять демографические механизмы, лежащие в основе региональных различий в ожидаемой продолжительности жизни в России.

Ключевые слова: *декомпозиция Арриаги; продолжительность жизни; смертность; регион России; Москва; Республика Тыва; Россия; возрастоспецифическая смертность; демографический анализ*

Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2026-2028 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков). Проект № Этнодемографический атлас России (FMUS-2026-0002) (руководитель член-корреспондент РАН С. В. Рязанцев)

Для цитирования:
Ryazantsev S. V., RakhmonovA. Kh. and Ryazantsev N. S. Decomposition of life expectancy gaps by age between the Republic of Tuva and Moscow using the Arriaga method // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 95-107. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.7

Рязанцев Сергей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН; главный научный сотрудник Центра сравнительных (международных) демографических исследований Института социальной демографии Федерального центра теоретической и прикладной социологии Российской академии наук; профессор кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; профессор Института народонаселения и социальных исследований Университета Махидол. Адреса: 17198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; Таиланд, 73170 Накхон Патхом, Салая, Пхутхамамотхон 4, Махидол, 999. Эл. адрес: riazan@mail.ru

Рахмонов Абубакр Хасанович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: 119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1. Эл. адрес: abubak.93@mail.ru

Рязанцев Никита Сергеевич — младший научный сотрудник Института социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: 119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1. Эл. адрес: ryazantsev080700@ya.ru

Introduction

Life expectancy varies widely across regions of the Russian Federation, reflecting deep socioeconomic and health inequalities. Moscow, the nation's capital in western Russia, consistently reports one of the highest life expectancies in the country, benefiting from advanced healthcare facilities, higher incomes and better living conditions. In contrast, the Republic of Tuva, located in southern Siberia bordering Mongolia, is geographically remote with a predominantly rural population. Although Moscow and Tuva differ in their formal status — Moscow being a federal city and Tuva being a republic — from an administrative perspective both are constituent entities of the Russian Federation. This makes their comparison within a single analytical framework appropriate. While Tuva is rich in indigenous culture and strong community traditions, it currently experiences a significantly lower life expectancy compared to other regions of Russia. Tuva's population (approximately 337,544[1] in 2024) faces significant economic challenges, and healthcare access is limited compared to Moscow. Meanwhile, Moscow's population (about 13.1 million[2] in 2024) is urban, economically developed, and it has far greater infrastructure and resources supporting health and well-being. These pronounced differences in geography, population size and socioeconomic conditions make Moscow and Tuva an insightful case study for regional health disparities.

According to official Rosstat statistics for 2021, life expectancy at birth across Russia's federal subjects varies by more than a decade, from below 66 years in several Siberian and Far Eastern regions, including the Republic of Tuva, to over 78 years in Moscow and a few other high-performing regions[3]. This visual context underlines why examining the gap between these two regions is important, as they occupy opposite ends of Russia's internal life expectancy spectrum. In 2023, according to our calculations, life expectancy at birth in Moscow was around 77 years, markedly higher than in Tuva (around 67 years). This 10-year gap raises questions about which age groups contribute the most to the difference and what underlying factors are at play.

Previous studies of regional mortality in Russia, analyzing data for the post-Soviet period from the early 1990s to the late 2010s, have noted that disparities are often driven by differences in adult mortality, particularly among working-age males, and by varying access to healthcare and lifestyle factors (Timonin et al., 2017). By selecting Moscow and Tuva, this study focuses on a best-case versus worst-case scenario within one country, allowing for a detailed decomposition of the life expectancy gap. In the following sections, we construct life tables for each region and apply Arriaga's age-decomposition method to quantify the contribution of each age group to the overall life expectancy difference. This approach provides insight into the critical ages where interventions could significantly improve longevity in regions such as Tuva, where life expectancy is currently lower.

Methods

Data Sources.

The primary data sources for this analysis were the *Moscow Statistical Yearbook 2024*[4] and the *Statistical Yearbook of the Republic of Tuva 2024*[5], published by the Federal State Statistics Service of Russia (Rosstat). These publications provide detailed mortality data and population statistics for the year 2023. From these sources, we obtained the age-specific mortality rates for each region, which serve as the basis for life table construction. The data cover both sexes combined (total population) of Moscow and Tuva for all age intervals from birth through 85 years and above.

[1] See: The resident population of the Russian Federation by municipalities as of January 1, 2024 [online] *Rosstat*. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Chisl_MO_01-01-2024.xlsx (accessed 15.03.2025). (In Russ.).
[2] Population of Moscow [online] *Rosstat*. Available at: https://77.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Оценка%20численности%20постоянного%20населения%20(на%2001.01.2024%20г.).htm (accessed 23.03.2025). (In Russ.).
[3] Life expectancy at birth [online] *Unified Interdepartmental Information and Statistical System*. Available at: https://fedstat.ru/indicator/31293 (accessed 25.03.2025). (In Russ.).
[4] *Moscow statistical yearbook 2024*: A statistical book / Moscow and Moscow Oblast Territorial Body of the Federal State Statistics Service (Mosstat). Moscow, 2024. (In Russ.).
[5] *Statistical yearbook of the Republic of Tuva 2024*: A statistical book / Krasnoyarskstat. Krasnoyarsk, 2024. (In Russ.).

Life Table Construction (Auger et al., 2014)

Using the mortality data, we constructed complete life tables for Moscow and Tuva for the year 2023. The life table is a standard demographic tool that summarizes the mortality experience of a hypothetical birth cohort (often of 100,000 births) as it ages, given the age-specific mortality rates of a particular period. We followed conventional life table methodology:

— *Initial Cohort and Mortality Rates* ($_nm_x$): We began with a radix (starting population) of l_0 = 100,000 newborns for each hypothetical cohort. For each age interval (denoted by x to x+n, e.g., 0, 1–4, 5–9, ..., 80–84, and 85+), the age-specific mortality rate $_nm_x$ was taken from the yearbooks. This rate is the annual mortality rate for that age group (for grouped ages, an average over the interval). For example, in 2023 the infant mortality rate (under 1 year, m_0) in Moscow was around 0.0040, whereas in Tuva it was about 0.0062 (per person-year), indicating higher infant mortality in Tuva.

— *Probability of Dying* ($_nq_x$): We converted each age-specific mortality rate into a probability of dying within that age interval. For a small age interval (like one year or an open-ended final interval), $_nq_x$ can be approximated by n_nm_x / 1+n(1-$_na_x$)$_nm_x$, where a_x is the average fraction of the interval lived by those who die in the interval (for infancy, we used standard convention a = 0.3; for other ages often a = 0.5). For wider age groups (e.g., 5-year groups), a similar formula is used. This yielded, for example, a probability of dying before age 1 of 0.00399 in Moscow and of 0.00618 in Tuva (consistent with the mortality rates above). For ages 1–4, Moscow's mortality probability in 2023 was 0.00120, whereas Tuva's was 0.00200; thus, in that four-year interval, the risk of death was higher in Tuva than in Moscow, a contrast that will influence the decomposition results.

— *Survivor and Death Distribution* (l_x, $_nd_x$): Starting with l_0 = 100,000, we computed the number of survivors at the beginning of each subsequent age interval using $l_{x+1} = l_x - {}_nd_x$. The number of deaths in the interval $_nd_x$ is then $_nd_x = {}_nq_x \times l_x$. This stepwise computation was carried out for each age interval up to the last open-ended interval (85+). For instance, out of 100,000 newborns, about l_1 = 99,601 would survive to age 1 in Moscow (since d_0 = 399 infant deaths), whereas about l_1 = 99,382 would survive in Tuva (with d_0 = 618 deaths under age 1, reflecting higher infant mortality).

— *Person-Years Lived* ($_nL_x$) *and Total Number of Person-Years Lived* (T_x): For each interval, we calculated $_nL_x$, the number of person-years lived between ages x and x+n by the cohort. For all intervals except the last, $_nL_x$ is approximately $n(l_x+l_{x+n})/2$ (the trapezoidal rule, assuming a roughly linear decline within the interval). For the final open interval (85+), L_{85+} is often calculated as l_{85+}/m_{85+}, where m_{85+} is the mortality rate at 85+ (or by assuming an exponential distribution of deaths beyond 85). Using the life table values, we then computed $T_x = T_{x+n} + {}_nL_x$, the total number of person-years remaining in the cohort at age x. By construction, T_0 (total person-years lived by the cohort from birth onward) divided by the starting cohort l_0 yields the life expectancy at birth: $e_0 = T_0/l_0$.

Applying this process yielded complete life tables (summarized in Table 1 for Moscow and in Table 2 for Tuva). Key outcomes from these life tables are the life expectancy at birth and at other ages. In Moscow, e_0 (life expectancy at birth in 2023) was calculated to be 76.99 years, whereas in Tuva it was 66.70 years. This confirmed a life expectancy gap of approximately 10.3 years favoring Moscow. The life tables also reveal that at every age, the number of survivors l_x is consistently higher in Moscow's cohort than in Tuva's, reflecting higher cumulative mortality in Tuva. For example, by age 50, about 88,985 out of 100,000 are still alive in Moscow, compared to only 79,594 in Tuva — a sizable difference by mid-life. These life tables form the basis for the subsequent decomposition of the life expectancy gap.

Arriaga's Decomposition Method (Arriaga, 1984)

In order to identify the contribution of each age group to the overall difference in life expectancy between Moscow and Tuva, we employed the Arriaga decomposition method. This method, originally formulated by Eduardo Arriaga, breaks down the gap in life expectancy into age-specific components. The underlying principle is to assess how differences in mortality at each age contribute to the difference in overall life expectancy.

Using Moscow as the reference (higher life expectancy) and Tuva as the comparison, the formula for the contribution of a given age interval x to x+n is as follows:

$$ {}_n\Delta_x = \underbrace{\left(\frac{l_x^{Tuva}}{l_0}\right)\left(\frac{{}_nL_x^{Moscow}}{l_x^{Moscow}} - \frac{{}_nL_x^{Tuva}}{l_x^{Tuva}}\right)}_{\text{Direct effect (term 1)}} + \underbrace{\left(\frac{T_{x+n}^{Moscow}}{l_0}\right)\left(\frac{l_x^{Tuva}}{l_x^{Moscow}} - \frac{l_{x+1}^{Tuva}}{l_{x+1}^{Moscow}}\right)}_{\text{Indirect effect (term 2)}} $$

where ${}_n\Delta_x$ is the contribution (in years) to the life expectancy gap attributable to mortality differences in the age interval x, x+n. In this equation, l_x^{Tuva} is the number of survivors at age x in Tuva's life table (as a fraction of the initial 100,000, since we divide by l_0), ${}_nL_x^{Moscow}$ and ${}_nL_x^{Tuva}$ are the person-years lived in that age interval in the Moscow and Tuva life tables respectively, and T_{x+n}^{Moscow} is the total person-years remaining in the Moscow life table above age x+n (i.e., for all ages older than the interval in question). The term 1 represents the direct effect: the difference in years lived in that age interval, weighted by the proportion of the cohort that reaches that age in Tuva. The second term represents the indirect effect: the impact on the life expectancy gap of having fewer survivors entering the next age interval due to Tuva's higher mortality in the current interval. In other words, if more people die in Tuva between x and x+n, fewer remain to enjoy the years beyond x+n, compounding the life expectancy loss. This second term also inherently captures any interaction effects when mortality differences exist across multiple consecutive age intervals, as the survivor deficit carries forward to all subsequent ages.

For the open-ended age interval, there will be only a direct effect, and the following equation applies:

$$ {}_\infty\Delta_x = \left(\frac{l_x^{Tuva}}{l_0}\right)\left(\frac{T_x^{Moscow}}{l_x^{Moscow}} - \frac{T_x^{Tuva}}{l_x^{Tuva}}\right) $$

After computing Δe_x^{x+n} for each age group, we verify that summing these contributions over all age groups reproduces the total life expectancy gap:

$$ \Delta e_x^{x+n} = e_0^{Moscow} - e_0^{Tuva} = 76.99 - 66.70 = 10.29 \text{ years}. $$

This additivity is an important check for the correctness of the decomposition. The result is a breakdown of the 10.3-year gap into contributions attributable to differences in mortality in infancy, childhood, young adulthood, middle age and old age. We also computed the percentage contribution of each age group by dividing the age-specific gap Δe_x^{x+n} by the total gap; this gives a sense of the relative importance of each age interval on a percentage scale.

Results

Life Expectancy Differences

In order to analyze mortality patterns and calculate life expectancy in Moscow and Tuva for 2023, we constructed complete life tables for both regions using official age-specific mortality rates.

Table 1. Life Table for Moscow in 2023
Таблица 1. Таблица дожития в Москве (2023)

Age	*Age-specific mortality rate (ASMR)*	*Probability of dying between exact age x and x+n*	*Number of deaths between age x and x+n*	*Number of survivors from birth to exact age x*	*Person-years lived between age x and x+n*	*Total number of person-years lived after exact age x*	*Life expectancy at age x*
	${}_nm_x$	${}_nq_x$	${}_nd_x$	l_x	${}_nL_x$	T_x	e_x
<1	0,0040	0,00399	399	100 000	99 711	7 698 853	76,99
1–4	0,0003	0,00120	119	99 601	398 084	7 599 142	76,30

5–9	0,0002	0,00100	99	99 481	497 158	7 201 058	72,39
10–14	0,0002	0,00100	99	99 382	496 661	6 703 899	67,46
15–19	0,0007	0,00349	347	99 283	495 546	6 207 238	62,52
20–24	0,0013	0,00648	641	98 936	493 076	5 711 693	57,73
25–29	0,0020	0,00995	978	98 295	489 028	5 218 616	53,09
30–34	0,0028	0,01390	1 353	97 317	483 201	4 729 588	48,60
35–39	0,0036	0,01784	1 712	95 964	475 539	4 246 387	44,25
40–44	0,0050	0,02469	2 327	94 252	465 441	3 770 849	40,01
45–49	0,0065	0,03198	2 940	91 925	452 273	3 305 408	35,96
50–54	0,0081	0,03970	3 532	88 985	436 093	2 853 135	32,06
55–59	0,0108	0,05258	4 493	85 452	416 029	2 417 042	28,29
60–64	0,0156	0,07507	6 078	80 959	389 602	2 001 012	24,72
65–69	0,0197	0,09388	7 030	74 882	356 833	1 611 410	21,52
70–74	0,0264	0,12383	8 402	67 852	318 255	1 254 577	18,49
75–79	0,0364	0,16682	9 917	59 450	272 456	936 322	15,75
80–84	0,0542	0,23866	11 822	49 533	218 109	663 866	13,40
85+	0,0846	1,00000	37 711	37 711	445 757	445 757	11,82

Source: study results obtained by the authors and based on the Moscow Statistical Yearbook 2024[1].

Источник: результаты исследования, полученные авторами на основе Московского статистического ежегодника (2024 г.).

Table 2. Life Table for Tuva in 2023
Таблица 2. Таблица дожития в Туве (2023)

Age	*Age-specific mortality rate (ASMR)*	*Probability of dying between exact age x and x+n*	*Number of deaths between age x and x+n*	*Number of survivors from birth to exact age x*	*Person-years lived between age x and x+n*	*Total number of person-years lived after exact age x*	*Life expectancy at age x*
	$_nm_x$	$_nq_x$	$_nd_x$	l_x	$_nL_x$	T_x	e_x
<1	0,0062	0,00618	618	100 000	99 553	6 670 012	66,70
1–4	0,0005	0,00200	199	99 382	396 996	6 570 459	66,11
5–9	0,0003	0,00150	149	99 183	495 545	6 173 463	62,24
10–14	0,0005	0,00250	247	99 035	494 555	5 677 918	57,33
15–19	0,0012	0,00598	591	98 787	492 460	5 183 362	52,47
20–24	0,0033	0,01636	1 607	98 196	486 965	4 690 903	47,77
25–29	0,0043	0,02127	2 055	96 589	477 811	4 203 938	43,52
30–34	0,0072	0,03536	3 343	94 535	464 317	3 726 127	39,42
35–39	0,0074	0,03633	3 313	91 192	447 677	3 261 810	35,77
40–44	0,0093	0,04544	3 994	87 879	429 411	2 814 133	32,02
45–49	0,0105	0,05116	4 291	83 885	408 699	2 384 722	28,43
50–54	0,0106	0,05163	4 110	79 594	387 697	1 976 023	24,83
55–59	0,0161	0,07739	5 841	75 485	362 819	1 588 326	21,04
60–64	0,0258	0,12118	8 440	69 643	327 117	1 225 507	17,60

[1] *Moscow statistical yearbook 2024* : A statistical book / Moscow and Moscow Oblast Territorial Body of the Federal State Statistics Service (Mosstat). Moscow, 2024. (In Russ.).

65–69	0,0338	0,15583	9 537	61 204	282 174	898 390	14,68
70–74	0,0490	0,21826	11 277	51 666	230 138	616 216	11,93
75–79	0,0737	0,31117	12 568	40 389	170 527	386 078	9,56
80–84	0,1000	0,40000	11 129	27 821	111 286	215 551	7,75
85+	0,1601	1,00000	16 693	16 693	104 265	104 265	6,25

Source: study results obtained by the authors and based on the *Statistical Yearbook of the Republic of Tuva 2024*[1].

Источник: результаты исследования, полученные авторами на основе Статистического ежегодника Республики Тыва (2024 г.).

The life-table results for Moscow and Tuva highlight a striking disparity in survival across all ages. Life expectancy at birth in Moscow in 2023 was 76.99 years, versus only 66.70 years in Tuva, confirming a gap of approximately 10.29 years. This means that, on average, individuals in Tuva live almost a decade less than those in Moscow. The gap persists, and in some cases widens, across various milestone ages:

— At age 15 (adolescence), the remaining life expectancy in Moscow was about 62.5 years, compared to 52.5 years in Tuva. By this age, the gap is already 10 years, reflecting higher childhood and teenage mortality in Tuva (with the exception of the anomaly in early childhood noted above).

— At age 30 (young adulthood), life expectancy in Moscow was about 48.6 additional years, whereas in Tuva it was only 39.4 years. The gap at 30 is roughly 9.2 years, very similar to the gap at birth, implying that much of the life expectancy difference emerges by young adulthood.

— At age 50 (middle age), someone in Moscow could expect about 32.1 more years, versus 24.8 years for someone in Tuva — a gap of around 7.3 years remaining at age 50. This suggests that while the absolute gap narrows slightly by age 50 (because a higher proportion of the most vulnerable individuals in Tuva do not survive to that point), a substantial difference remains even in middle age.

— At age 70 (elderly), life expectancy in Moscow was about 18.5 years versus 11.9 years in Tuva, yielding a gap of 6.6 years among those who survive to 70. This indicates that, even at older ages, mortality in Tuva is higher, trimming the remaining years of life more rapidly than in Moscow.

These figures underline that the life expectancy gap is not due to a single age group but is the cumulative result of mortality differences at nearly every stage of life. However, the magnitude of those differences varies by age. The decomposition analysis pinpoints these variations.

Age-wise Contributions to the Gap

Applying the Arriaga method, we quantified how each age interval contributed to the 10.29-year Moscow–Tuva life expectancy gap.

Figure 1 summarizes the findings, and key values are described here. Overall, the majority of the gap was driven by higher mortality in Tuva among young and middle-aged adults, whereas some age intervals in childhood made negligible contributions:

— *Infancy (0) and Childhood (1–14 years):* Most childhood age groups had relatively small contributions to the life expectancy gap, which is expected because childhood mortality in absolute terms is low in both regions. The 1–4-year age group showed a small positive contribution of about +0.06 years — indicating only a slight excess mortality in Tuva at this age. In contrast, the infant age group (< 1 year) contributed around +0.17 years to the gap, reflecting higher infant mortality in Tuva. Taken together, ages 0–4 added roughly +0.23 years to the gap. Ages 5–14 contributed very marginally (on the order of a few hundredths of a year each) to the gap, since mortality for school-age children is very low in both regions.

— *Young Adult and Middle Ages (20–49 years):* These age groups collectively formed the largest component of the gap. Notably, the 30–34-year age group contributed approximately +0.95 years to the gap (about 9 % of the total difference) — the single largest age-specific contribution. This means that excess mortality in Tuva at ages 30–34 (for example, due to accidents, violence or health issues) costs nearly a full year of life expectancy relative to Moscow. The neighboring age groups also showed high contributions: for instance, 25–29, 35–39

[1] *Statistical yearbook of the Republic of Tuva 2024* : A statistical book / Krasnoyarskstat. Krasnoyarsk, 2024. (In Russ.).

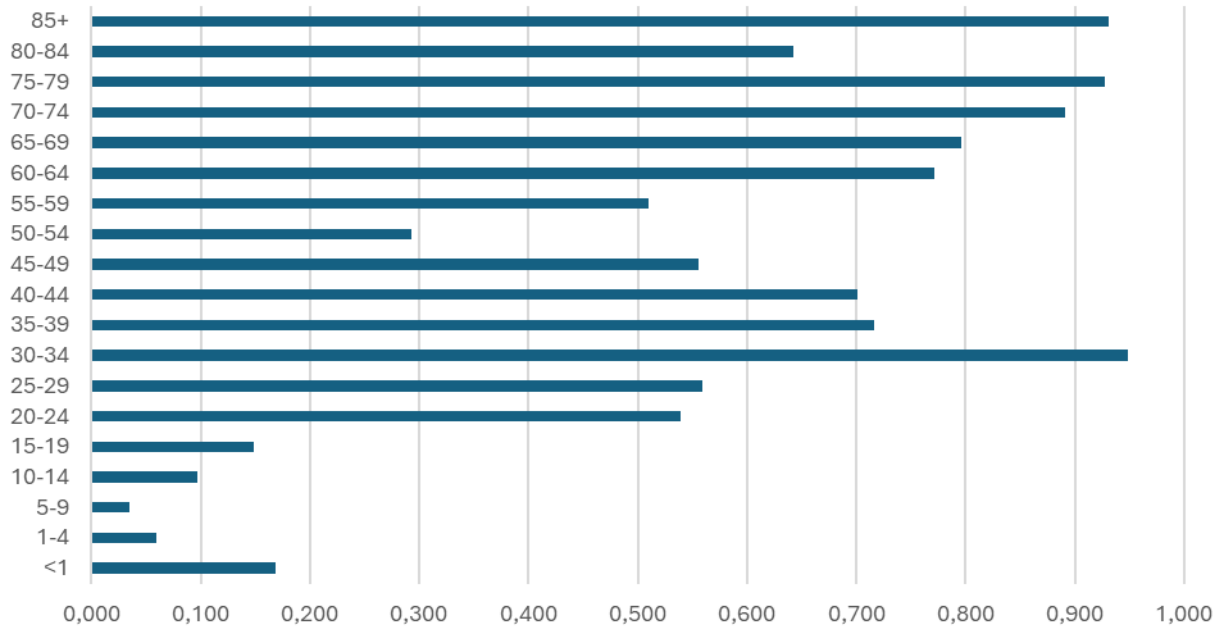

Fig. 1. Age-specific contributions to the life expectancy gap between Moscow and Tuva, 2023
Source: calculated by the authors and based on Tables 1 and 2.
Рис. 1. Вклад возрастных групп в разницу ожидаемой продолжительности жизни между Москвой и Тувой (2023)
Источник: рассчитано авторами на основе таблиц 1 и 2.

and 40–44 each likely contributed on the order of 0.55–0.70 years each to the gap. These results point to the young working-age population (approximately 20–44) as a critical period where Tuva faces much higher mortality risks than Moscow, greatly widening the life expectancy divide. By the time the cohort reaches middle age (around 50), a substantial portion of the gap has already been realized due to earlier losses in Tuva.

— *Older Working Ages and Early Elderly (50–69 years):* These age intervals also contributed positively to the gap, though slightly less per interval than the younger adult ages. For example, mortality differences in the 50–54, 55–59 and 60–64 groups each accounted for a few tenths of a year of the gap per group (0.29, 0.51, and 0.77 years, respectively). Cumulatively, however, the 50–69 range still added several years to the gap. Many individuals in Tuva do not survive into these older ages at the rates seen in Moscow (as evidenced by the lower l_x in Tuva's life table for these ages). This results in fewer person-years lived at older ages and thus a lower life expectancy. By age 70, as noted, the cumulative difference realized is already around 6–7 years, which is exactly the cumulative result of differences up to that age.

— *Elderly (70+ years):* At older ages, the contributions per interval decline, largely because relatively fewer people survive to those ages in both populations (especially in Tuva). Nonetheless, the higher mortality in Tuva's elderly (for example, from chronic diseases that are better managed or occur later in Moscow) continues to add to the gap. Each of the intervals (70–74, 75–79, 80–84) contributed on the order of a few tenths of a year (0.89, 0.93, and 0.64 years, respectively). The final open-ended interval (85+) added about 0.93 years. By age 85, only about 16.7% of the original cohort is alive in Tuva, versus around 37.2% in Moscow. This difference means that Moscow has more survivors and thus more years lived at 85 and above, contributing a small final difference. The 85+ age group's contribution was purely direct (no indirect effect, as explained), and was one of the smaller components, reflecting that relatively few individuals reach that age, especially in Tuva.

Summing across all age groups, the decomposition's age-specific contributions added up to the total gap of 10.29 years, validating the calculation. The largest positive contributor (30–34 with +0.948 years) and the small positive contribution of 1–4 (+0.059 years) are particularly notable, as highlighted by the decomposition results. In percentage terms, the 30–34 age group alone accounts for about 9% of the gap.

The young adult ages (20–39) together account for roughly 40–50% of the gap, underscoring that premature adult mortality is a principal driver of Tuva's low life expectancy. Meanwhile, the contribution of age 1–4 is only about 0.6%, illustrating that early-childhood mortality plays a comparatively minor role in shaping the overall difference. Since contributions at ages 0–4 are modest, early-life mortality slightly widens (rather than narrows) the gap, whereas the vast majority of the disparity emerges later in life.

In summary, Moscow's higher life expectancy is mainly due to substantially lower mortality in adulthood and older ages compared to Tuva. The decomposition shows that if Tuva could achieve the same mortality rates as Moscow in the young adult and middle age intervals, the life expectancy gap would shrink dramatically. Conversely, even if infant and child mortality in Tuva were brought fully in line with Moscow, it would only modestly affect the overall gap (perhaps around half a year's difference, given the small absolute numbers of deaths at those ages). This indicates that public health and policy efforts aimed at reducing mid-life mortality in Tuva (for example, by preventing accidents, violence, alcohol-related deaths and improving medical care for treatable conditions in those age ranges) could yield the most significant gains in closing the life expectancy gap.

Discussion

The present study confirms that Moscow and the Republic of Tuva occupy opposite ends of the Russian life expectancy spectrum. In 2023, the gap in life expectancy at birth reached 10.29 years, with nearly half of this difference generated by excess mortality in Tuva at young and middle adult ages (20–49 years), and the single largest age-specific contribution arising at ages 30–34. This pattern underscores that the life expectancy divide is primarily a consequence of premature adult mortality rather than of differences at very young or very old ages.

Comparison with previous studies of regional mortality in Russia

Our findings are consistent with earlier research documenting pronounced interregional inequalities in life expectancy in Russia. Studies using decomposition techniques for the post-Soviet period have shown that the gap between the best- and worst-performing regions can reach 10–15 years, especially among men, and that these disparities are largely driven by adult mortality (Timonin et al., 2017). The magnitude of the 10-year gap observed here between Moscow and Tuva is therefore comparable to the differences reported in previous work between large metropolitan areas and more remote regions of Russia.

Age-specific decompositions of regional differences in Russia, based on stepwise replacement algorithms, have repeatedly shown that young and middle adulthood (approximately 20–44 or 20–49 years) contributes the bulk of interregional life expectancy gaps, with external causes, cardiovascular diseases and alcohol-related mortality playing a central role (Shchur, Timonin, 2020). Our Arriaga decomposition yields a similar age profile: the cohort in Tuva loses many years of life between ages 20 and 49 relative to Moscow, while infant and early-childhood mortality adds only a small fraction to the total differential. This parallel suggests that the Moscow–Tuva contrast is not an outlier but rather a particularly sharp example of the broader Russian pattern in which working-age mortality is the main driver of regional inequality in longevity.

Tuva in the national context

A growing body of research describes Tuva as one of the regions with the most unfavorable mortality situation in Russia. Analyses of preventable mortality show that the Republic of Tuva consistently ranks among the leaders in standardized rates of avoidable deaths, as well as that a large share of these losses is associated with behavioral and healthcare-amenable causes (Sabgaida et al., 2023). Studies of the socio-demographic situation in Tuva at the beginning of the 21st century likewise emphasize its combination of high mortality, low life expectancy and a relatively young age structure compared to Russia as a whole and to Eastern Siberia (Erdynieva, 2023).

Research on social insecurity and living conditions in Tuva and other traditionally pastoral, Buddhist regions (Kalmykia, Buryatia) highlights persistent economic depression, limited employment opportunities and deficits in social infrastructure (Gunaev, Badmaeva, Kovanova, 2019). These findings resonate with our interpretation of the life expectancy gap: the concentration of excess mortality in young and middle adulthood is consistent with a context where economic hardship, alcohol-related problems, injuries and violence are widespread, and where access to timely and high-quality medical care is constrained. The high contribution of ages 30–34 in our decomposition can be viewed as a quantitative reflection of this broader social vulnerability.

Moscow as a longevity leader

Conversely, Moscow is repeatedly identified in national and international studies as one of the Russian regions with the highest life expectancy, lowest levels of premature years of life lost and the most favorable indicators of preventable mortality (Timonin et al., 2020). Analyses of regional health inequalities stress that large metropolitan areas such as Moscow and St. Petersburg have benefited the most from improvements in healthcare, reductions in alcohol-related mortality and socioeconomic growth since the mid-2000s, whereas small towns and rural regions have lagged behind (Shchur et al., 2021).

Our results align with this "metropolitan advantage": compared to Tuva, Moscow shows much lower mortality at nearly all ages, but especially at working ages where differences in access to advanced medical technologies, emergency services and chronic disease management are most pronounced. The life-table evidence that nearly 89% of the hypothetical cohort in Moscow is still alive at age 50, versus about 80% in Tuva, illustrates how accumulated survival advantages in the capital translate into markedly longer life expectancy.

Interpreting mechanisms in light of existing theoretical and empirical work

The pattern observed in this study supports the broader theoretical framework that views Russian mortality differentials through the lens of social determinants of health and avoidable mortality. Decomposition studies at the national level show that improvements in life expectancy in the 2000s and 2010s were largely achieved through reductions in deaths from cardiovascular diseases and external causes among working-age adults, and that further gains depend on continued progress in these domains (Ivanova, Semenova, Sabgaida, 2021). Our findings suggest that Tuva has benefited less from these favorable trends than Moscow, with persistently high rates of preventable mortality and an especially heavy burden of alcohol- and injury-related deaths, as documented by regional analyses (Sabgaida et al., 2023).

At the same time, studies of regional deprivation and mortality indicate that Tuva combines some of the highest mortality rates in the country with high levels of socioeconomic disadvantage and infrastructural deficits (Zelenina, 2024). In this perspective, the Moscow–Tuva gap can be interpreted as an extreme case of the more general association between regional socioeconomic conditions and survival in Russia: regions with higher incomes, more diversified economies and stronger healthcare systems achieve longer life expectancy, while remote, economically depressed regions struggle to reduce premature mortality (Ivaschenko, 2005; Shartova, Tikunov, Chereshnya, 2021).

Our results therefore corroborate the hypothesis that the main mechanism behind the Moscow–Tuva difference is not a unique local factor but a cumulative effect of known determinants — poverty, social disadvantage, behavioral risks and unequal access to effective healthcare — acting with particular intensity in Tuva and mitigated to a greater extent in Moscow.

Implications and directions for further research

From a policy perspective, the decomposition results — considered alongside previous evidence on preventable mortality and regional deprivation (Andreev et al., 2003) — indicate that the largest potential gains in narrowing the Moscow–Tuva life expectancy gap lie in reducing premature adult mortality in Tuva. This is consistent with national-level estimates showing that a substantial share of Russian mortality is theoretically avoidable through improvements in healthcare efficiency and primary prevention, especially among young and middle-aged adults (Nikoloski, Shkolnikov, Mossialos, 2023).

Future research could extend the present analysis by incorporating cause-specific decomposition, which would allow a more detailed comparison of the contribution of cardiovascular diseases, external causes and other conditions to the Moscow–Tuva gap (Danilova et al., 2020; Kuznetsova, 2020), and by exploring gender-specific patterns, given the strong male disadvantage documented in prior studies (Kalabikhina, 2001; Muraveva, 2012). In addition, linking regional mortality patterns to longitudinal changes in socioeconomic policies, healthcare investments and alcohol control measures would help clarify which interventions have been most effective in reducing premature mortality in other parts of Russia, and thus which strategies may be most promising for Tuva (Neufeld et al., 2020; Brainerd, 2021).

Overall, situating our results within the existing literature shows that the Moscow–Tuva contrast both reflects and amplifies well-known regional inequalities in Russian mortality (Shartova, Tikunov, Chereshnya,, 2021). The study contributes to this field by providing a detailed age-specific decomposition for one of the most extreme regional pairs, thereby quantifying how much of the life expectancy divide is generated

at different stages of the life course and reinforcing the centrality of adult survival as a target for reducing health inequalities within the Russian Federation.

Conclusion

The comparative assessment of mortality in Moscow and the Republic of Tuva for 2023 demonstrates a persistent and substantial life expectancy differential of about 10.29 years. Arriaga's decomposition confirms that nearly half of this disparity originates in young and middle adulthood (20–49 years), with the single largest age-specific contribution arising at ages 30–34. Additional, though smaller, contributions accumulate in the following two decades, and late-life mortality differences reinforce the gap among those who survive beyond 70. Infant and child mortality accounts for only a minor share of the overall difference.

These findings indicate that the life expectancy gap is produced by a cumulative cascade of excess mortality in Tuva that begins in early working ages and compounds throughout the life course. Elevated risks linked to external causes, chronic disease management and differential access to timely medical care emerge as underlying mechanisms. Consequently, the most effective gains in narrowing the regional gap would be achieved by targeting preventable deaths in the 20–49 age range — particularly those associated with injuries, lifestyle-related conditions and delayed treatment of acute events — while simultaneously strengthening health-system capacity and socioeconomic conditions that influence survival at older ages.

REFERENCES

Andreev, E. M., Nolte, E., Shkolnikov, V. M., Varavikova, E. and McKee, M. (2003) The evolving pattern of avoidable mortality in Russia. *International Journal of Epidemiology*, vol. 32, no. 3, pp. 437–446. DOI: https://doi.org/10.1093/ije/dyg085

Arriaga, E. E. (1984) Measuring and explaining the change in life expectancies. *Demography*, vol. 21, no. 1, pp. 83–96. PMID: 6714492

Auger, N., Feuillet, P., Martel, S., Lo, E., Barry, A. D. and Harper, S. (2014) Mortality inequality in populations with equal life expectancy: Arriaga's decomposition method in SAS, Stata, and Excel. *Annals of Epidemiology*, vol. 24, no. 8, pp. 575–580. DOI: https://doi.org/10.1016/j.annepidem.2014.05.006

Brainerd, E. (2021) Mortality in Russia since the fall of the Soviet Union. *Comparative Economic Studies*, vol. 63, no. 4, pp. 557–576. DOI: https://doi.org/10.1057/s41294-021-00169-w

Danilova, I., Shkolnikov, V. M., Andreev, E. and Leon, D. A. (2020) The changing relation between alcohol and life expectancy in Russia in 1965–2017. *Drug and Alcohol Review*, vol. 39, no. 7, pp. 790–796. DOI: https://doi.org/10.1111/dar.13034

Erdynieva, L. S. (2023) Health status and demographic processes of the population of the Republic of Tyva at the beginning of the XXI century. *Medicine in Kuzbass*, no. 1, pp. 81–88. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24412/2687-0053-2023-1-81-88

Gunaev, E. A., Badmaeva, N. V. and Kovanova, E. S. (2019) Social insecurity indicators: Ethnoregional specifics in Kalmykia, Buryatia and Tuva. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 190–201. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.14

Ivanova, A. E., Semenova, V. G. and Sabgaida, T. P. (2021) Reserves for reducing mortality in Russia due to the efficiency of health care. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 91, no. 5, pp. 565–577. DOI: https://doi.org/10.1134/S101933162105004X

Ivaschenko, O. (2005) The patterns and determinants of longevity in Russia's regions: Evidence from panel data. *Journal of Comparative Economics*, vol. 33, no. 4, pp. 788–813. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jce.2005.03.012

Kalabikhina, I. (2001) The role of gender factor in population mortality. In: *International Union for the Scientific Study of Population* : The 24th General Population Conference (Salvador, Brazil, August 18–24, 2001). Available at: https://iussp.org/sites/default/files/Brazil2001/s60/S63_P18_Kalabikhina.pdf (accessed 24.04.2026).

Kuznetsova, P. O. (2020) Alcohol mortality in Russia: Assessment with representative survey data. *Population and Economics*, vol. 4, no. 3, pp. 75–95. DOI: https://doi.org/10.3897/popecon.4.e51653

Muraveva, A. (2012) *Higher male mortality in Russia: A synthesis of the literature* : A master's thesis. Indianapolis, IN. 68 p.

Neufeld, M., Ferreira-Borges, C., Gil, A., Manthey, J. and Rehm, J. (2020) Alcohol policy has saved lives in the Russian Federation. *International Journal of Drug Policy*, vol. 80, art. 102636. DOI: https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2019.102636

Nikoloski, Z., Shkolnikov, V. M. and Mossialos, E. (2023) Preventable mortality in the Russian Federation: A retrospective, regional level study. *The Lancet Regional Health — Europe*, vol. 29, art. 100631. DOI: https://doi.org/10.1016/j.lanepe.2023.100631

Sabgaida, T. P., Rudnev, S. G., Zubko, A. V. and Evdokushkina, G. N. (2023) Preventable mortality in the Republic of Tuva and the impact of the COVID-19 pandemic on it. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 50–69. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.4

Shartova, N., Tikunov, V. and Chereshnya, O. (2021) Health disparities in Russia at the regional and global scales. *International Journal for Equity in Health,* vol. 20, art. 163. DOI: https://doi.org/10.1186/s12939-021-01502-6

Shchur, A. E. and Timonin, S. A. (2020) Center-peripheral differences in life expectancy in Russia: Regional analysis. *Demographic Review*, vol. 7, no. 3, pp. 108–133. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11638

Shchur, A., Shkolnikov, V. M., Timonin, S., Andreev, E. and Leon, D. A. (2021) Where do people live longer in Russia in the 21st century? Life expectancy across urban and rural areas. *Population and Development Review*, vol. 47, no. 4, pp. 1049-1074. DOI: https://doi.org/10.1111/padr.12437

Timonin, S., Danilova, I., Andreev, E. and Shkolnikov, V. M. (2017) Recent mortality trend reversal in Russia: Are regions following the same tempo? *European Journal of Population*, vol. 33, no. 5, pp. 733–763. DOI: https://doi.org/10.1007/s10680-017-9451-3

Timonin, S., Jasilionis, D., Shkolnikov, V. M. and Andreev, E. (2020) New perspective on geographical mortality divide in Russia: A district-level cross-sectional analysis, 2008–2012. *Journal of Epidemiology and Community Health*, vol. 74, no. 2, pp. 144–150. DOI: https://doi.org/10.1136/jech-2019-213239

Zelenina, A. (2024) Regional deprivation and cause-specific mortality in Russian adults in 2006–2022. *Global Health Journal*, vol. 8, no. 4, pp. 190–205. DOI: https://doi.org/10.1016/j.glohj.2024.11.006

Submission date: 27.10.2025.
Acceptance date: 27.11.2025.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гунаев, Е. А., Бадмаева, Н. В., Кованова, Е. С. (2019) Индикаторы социального неблагополучия населения: этнорегиональная специфика Калмыкии, Бурятии и Тувы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 190–201. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.14

Сабгайда, Т. П., Руднев, С. Г., Зубко, А. В., Евдокушкина, Г. Н. (2023) Предотвратимая смертность в Республике Тува и влияние на неё пандемии COVID-19 // Новые исследования Тувы. № 2. С. 50–69. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.4

Щур, А. Е., Тимонин, С. А. (2020) Центр-периферийные различия продолжительности жизни в России: региональный анализ // Демографическое обозрение. Т. 7, № 3. С. 108–133. DOI: https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11638

Эрдыниева, Л. С. (2023) Состояние здоровья и демографические процессы населения Республики Тыва в начале XXI века // Медицина в Кузбассе. № 1. С. 81–88. DOI: https://doi.org/10.24412/2687-0053-2023-1-81-88

Andreev, E. M., Nolte, E., Shkolnikov, V. M., Varavikova, E., McKee, M. (2003) The evolving pattern of avoidable mortality in Russia // International Journal of Epidemiology. Vol. 32, no. 3. P. 437–446. DOI: https://doi.org/10.1093/ije/dyg085

Arriaga, E. E. (1984) Measuring and explaining the change in life expectancies // Demography. Vol. 21, no. 1. P. 83–96. PMID: 6714492

Auger, N., Feuillet, P., Martel, S., Lo, E., Barry, A. D., Harper, S. (2014) Mortality inequality in populations with equal life expectancy: Arriaga's decomposition method in SAS, Stata, and Excel // Annals of Epidemiology. Vol. 24, no. 8. P. 575-580. DOI: https://doi.org/10.1016/j.annepidem.2014.05.006

Brainerd, E. (2021) Mortality in Russia since the fall of the Soviet Union // Comparative Economic Studies. Vol. 63, no. 4. P. 557–576. DOI: https://doi.org/10.1057/s41294-021-00169-w

Danilova, I., Shkolnikov, V. M., Andreev, E., Leon, D. A. (2020) The changing relation between alcohol and life expectancy in Russia in 1965–2017 // Drug and Alcohol Review. Vol. 39, no. 7. P. 790–796. DOI: https://doi.org/10.1111/dar.13034

Ivanova, A. E., Semenova, V. G., Sabgaida, T. P. (2021) Reserves for reducing mortality in Russia due to the efficiency of health care // Herald of the Russian Academy of Sciences. Vol. 91, no. 5. P. 565–577. DOI: https://doi.org/10.1134/S101933162105004X

Ivaschenko, O. (2005) The patterns and determinants of longevity in Russia's regions: Evidence from panel data // Journal of Comparative Economics. Vol. 33, no. 4. P. 788–813. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jce.2005.03.012

Kalabikhina, I. (2001) The role of gender factor in population mortality // International Union for the Scientific Study of Population : The 24th General Population Conference (Salvador, Brazil, August 18–24, 2001). URL: https://iussp.org/sites/default/files/Brazil2001/s60/S63_P18_Kalabikhina.pdf (дата обращения: 24.04.2026).

Kuznetsova, P. O. (2020) Alcohol mortality in Russia: Assessment with representative survey data // Population and Economics. Vol. 4, no. 3. P. 75–95. DOI: https://doi.org/10.3897/popecon.4.e51653

Muraveva, A. (2012) Higher male mortality in Russia: A synthesis of the literature : A master's thesis. Indianapolis, IN. 68 p.

Neufeld, M., Ferreira-Borges, C., Gil, A., Manthey, J., Rehm, J. (2020) Alcohol policy has saved lives in the Russian Federation // International Journal of Drug Policy. Vol. 80. Art. 102636. DOI: https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2019.102636

Nikoloski, Z., Shkolnikov, V. M., Mossialos, E. (2023) Preventable mortality in the Russian Federation: A retrospective, regional level study // The Lancet Regional Health — Europe. Vol. 29. Art. 100631. DOI: https://doi.org/10.1016/j.lanepe.2023.100631

Shartova, N., Tikunov, V., Chereshnya, O. (2021) Health disparities in Russia at the regional and global scales // International Journal for Equity in Health. Vol. 20. Art. 163. DOI: https://doi.org/10.1186/s12939-021-01502-6

Shchur, A., Shkolnikov, V. M., Timonin, S., Andreev, E., Leon, D. A. (2021) Where do people live longer in Russia in the 21st century? Life expectancy across urban and rural areas // Population and Development Review. Vol. 47, no. 4. P. 1049–1074. DOI: https://doi.org/10.1111/padr.12437

Timonin, S., Danilova, I., Andreev, E., Shkolnikov, V. M. (2017) Recent mortality trend reversal in Russia: Are regions following the same tempo? // European Journal of Population. Vol. 33 no. 5. P. 733–763. DOI: https://doi.org/10.1007/s10680-017-9451-3

Timonin, S., Jasilionis, D., Shkolnikov, V. M., Andreev, E. (2020) New perspective on geographical mortality divide in Russia: A district-level cross-sectional analysis, 2008–2012 // Journal of Epidemiology and Community Health. Vol. 74, no. 2. P. 144–150. DOI: https://doi.org/10.1136/jech-2019-213239

Zelenina, A. (2024) Regional deprivation and cause-specific mortality in Russian adults in 2006–2022 // Global Health Journal. Vol. 8, no. 4. P. 190–205. DOI: https://doi.org/10.1016/j.glohj.2024.11.006

Дата поступления: 27.10.2025 г.
Дата принятия: 27.11.2025 г.

DOI: 10.25178/nit.2026.2.8

РОДНОЙ ЯЗЫК

Статья

Квантитативные характеристики тувинских гласных: позиционное варьирование

Ирина Д. Дамбыра
Тувинский государственный университет, Российская Федерация,
Альбина А. Добрынина
Институт филологии Сибирского отделения РАН, Российская Федерация,
Саида В. Кечил-оол
Тувинский государственный университет, Российская Федерация,
Оюма М. Саая
Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация,
Ираида Я. Селютина
Институт филологии Сибирского отделения РАН, Российская Федерация

В статье выявляются принципы реализации позиционного варьирования тувинских гласных по долготным параметрам в словоформах-бисиллабах с неоднородной вокальной осью (широкий — узкий гласный). На экспериментально-фонетическом материале (750 аудиофайлов словоформ различной длины и структуры — бисиллабы, три- и тетрасиллабы) установлено, что сложноорганизованная вокальная система тувинского языка, структурируемая оппозициями по квалитативным (ряд, подъем, огубление, наличие / отсутствие фарингализованной окраски) и квантитативным (краткость / долгота) признакам, входит в ареал распространения так называемой позиционной долготы гласных.

Феномен появления позиционной долготы (более) широких гласных открытого слога в препозиции к (более) узкому гласному следующего слога, отделенному интервокальным звонким или малошумным моноконсонантом, фиксируется в южносибирских тюркских языках наряду с общефонетическими закономерностями перераспределения квантитета гласных в корреляции с открытостью / закрытостью слога, локализацией слога в слове, длиной словоформы. Инструментальные данные позволили зафиксировать в тувинском языке различные стадии формирования данной закономерности.

Результаты исследования позволили установить, с одной стороны, общность направленности фонетических преобразований в южносибирских тюркских языках, с другой — существенные различия в степени и скорости развития этих трансформаций. Если в большинстве языков — хакасском, шорском, кумандинском, тубинском, чалканском, алтайском — констатируется ярко выраженное проявление рассматриваемой закономерности, то в тувинском языке процесс находится на более раннем этапе, уже пережитом контактными южносибирскими тюркскими языками. В языках зафиксированы различные стадии единого процесса.

Ключевые слова: *тувинский язык; вокализм; квантитативная характеристика гласных; долгая гласная; позиционная долгота; экспериментальная фонетика*

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 24-78-10080 «Позиционная трансформация квантитативных признаков гласных в типологическом аспекте в языках Сибири (на материале тюркских и обско-угорских идиомов)» (2024–2027 гг., руководитель — Т. В. Тимкин).

Для цитирования:
Дамбыра И. Д., Добрынина А. А., Кечил-оол С. В., Саая О. М., Селютина И. Я. Квантитативные характеристики тувинских гласных: позиционное варьирование // Новые исследования Тувы. 2026, no. 2, pp. 108-126. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.8

Дамбыра Ирина Даш-ооловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуш Сата, д. 9В. Эл. адрес: oduchpa@mail.ru

Добрынина Альбина Альбертовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения РАН. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Эл. адрес: ekinur@mail.ru

Кечил-оол Саида Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики языкового образования и логопедии Кызылского педагогического института им. Народного писателя РТ А. А. Даржая Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуш Сата, д. 9В. Эл. адрес: saida.kechilool@mail.ru

Саая Оюмаа Маадыр-ооловна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языкознания Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Эл. адрес: yu5bi@mail.ru

Селютина Ираида Яковлевна — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Эл. адрес: siya_irina@mail.ru

NATIVE LANGUAGE

Article

Quantitative Characteristics of Tuvan Vowels: Positional Variation

Irina D. Dambyra
Tuvan State University, Russian Federation,
Albina A. Dobrynina
Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,
Saida V. Kechil-ool
Tuvan State University, Russian Federation,
Oyuma M. Saaya
Tuvan Institute for Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation,
Iraida Ya. Selyutina
Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article identifies the principles governing the realization of positional variation of Tuvan vowels in terms of duration parameters in bisyllabic word forms with a heterogeneous vocalic axis (wide vs. narrow vowel). Based on experimental phonetic material (750 audio files of word forms of varying length and structure — bisyllables, trisyllables, and tetrasyllables), it has been established that the complex vowel system of the Tuvan language, structured by oppositions in qualitative features (backness, height, rounding, presence/absence of pharyngealization) and quantitative features (shortness vs. length), falls within the distribution area of so-called positional vowel length.

The phenomenon of positional lengthening of (relatively) wider vowels in an open syllable in preposition to a (relatively) narrower vowel of the following syllable, separated by an intervocalic voiced or low-noise monoconsonant, is attested in the South Siberian Turkic languages alongside general phonetic patterns of vowel quantity redistribution correlated with syllable openness/closedness, syllable position within the word, and word length. Instrumental data made it possible to identify various stages in the formation of this pattern in the Tuvan language.

The results of the study reveal, on the one hand, a common direction in phonetic transformations across the South Siberian Turkic languages, and, on the other hand, significant differences in the degree and rate of these transformations. While in most languages — Khakas, Shor, Kumandin, Tubalar, Chalkan, and Altai — the phenomenon under consideration shows a pronounced manifestation, in Tuvan the process remains at an earlier stage, already passed by the contact South Siberian Turkic languages. Different stages of a unified process are thus attested across these languages.

Keywords: *Tuvan language; vocalism; quantitative characteristic of vowel; long vowel; positional length; experimental phonetics*

Financing

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 24-78-10080 "Positional Transformation of Quantitative Features of Vowels in a Typological Perspective in the Languages of Siberia (based on Turkic and Ob-Ugric idioms)" (2024–2027, project leader — T. V. Timkin).

For citation:
Dambyra I. D., Dobrynina A. A., Kechil-ool S. V., Saaya O.M. and Selyutina I. Ya. Quantitative Characteristics of Tuvan Vowels: Positional Variation. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 108-126. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.8

DAMBYRA, Irina Dash-oolovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philology, Tuvan State University. Postal address: 9B Mongusha Sata St., 667010, Kyzyl, Russian Federation. E-mail: oduchpa@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9195-8684

DOBRYNINA, Albina Albertovna, Candidate of Philology, Research fellow, V. M. Nadeleyev Laboratory of Experimental Phonetic Research, Department of Languages of Peoples of Siberia, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolayeva St., 630090, Novosibirsk, Russia. E-mail: ekinur@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5841-4714

KECHIL-OOL, Saida Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Language Education and Speech Therapy at the Kyzyl Pedagogical Institute on People's writer of the Republic of Tuva A. A. Darzhay, Tuvan State University. Postal address: 9B, Mongusha Sata St., 667010, Kyzyl, Russian Federation. E-mail: saida.kechilool@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5881-3977

SAAYA, Oyumaa Maadir-oolovna, Candidate of Philology, Leading Researcher, Department of Dictionary Research Group, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetova St., 667000, Kyzyl, Russian Federation. E-mail: yu5bi@mail.ru *ORCID: 0000-0002-3775-2391*

SELYUTINA, Iraida Yakovlevna, Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher, V. M. Nadeleyev Laboratory of Experimental Phonetic Research, Department of Languages of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolayeva St., 630090, Novosibirsk, Russia. E-mail: siya_irina@mail.ru

Введение

Современные фонологические исследования на материале языков различных семей невоможны без применения методов экспериментальной фонетики и использования высокоточной аппаратуры, обеспечивающей объективную фиксацию физиологических характеристик изучаемых артикуляций и их акустических коррелятов и исключающей фактор субъективности восприятия речи.

Особую значимость приобретают точные аппаратные данные при изучении тончайших нюансов варьирования долготных характеристик гласных в квантитативно ориентированных языках, в которых оппозиция единиц по длительности является системообразующей: фонемы противопоставляются как краткие и долгие.

Вокальная система тувинского языка — одна из наиболее сложноорганизованных систем, в основе построения которой лежат не только традиционные для языков мира артикуляторные характеристики ряда, подъема и огубления, но и наличие или отсутствие фарингализованной окраски типовых настроек гласных, а также количественные параметры реализаций фонем. В этом контексте изучение экспериментально-фонетическими методами темпоральных показателей реализаций гласных фонем, подвергающихся разнообразным трансформациям в зависимости от позиционно-комбинаторных условий их функционирования, приобретает особую теоретическую и практическую значимость.

Проблемы долготы гласных всегда привлекали внимание тюркологов. Дискуссия о лингвистическом статусе квантитативных параметров гласных ведется в тюркологии с середины XIX в., но до сих пор не утратила своей остроты. Кроме проблемы происхождения этимологической и стяженной долгот, в тюркологии с середины XX в. обсуждается — в том числе и на материале сибирских тюркских языков — вопрос о функционировании и статусе позиционной долготы гласных, проявляющейся в удлинении широких гласных открытого слога перед слогом с узким гласным (Тюркские ареалы … , 2022: 100–147).

Удлинение широких гласных перед узкими — закономерность, характерная для ряда тюркских языков. Н. П. Дыренкова, говоря о локализации шорского ударения на последнем слоге и трактуя его как долготное, отмечает, в то же время, ряд исключений, когда ударение падает на 1-й слог и вообще на слог с широким гласным: *парба́дым*, *келбе́ссин* и т. д. (Дыренкова, 1941: 22–23). Н. К. Дмитриев указал на удлинение конечного гласного именных основ перед аффиксами личной принадлежности 1-го и 2-го лица (Дмитриев, 1955). Р. М. Бирюкович констатирует аналогичное удлинение гласных и перед аффиксами 3-го лица (Бирюкович, 1975). Но во всех этих работах отмечаются лишь частные моменты общей закономерности. Наиболее адекватно эта универсальная для ряда тюркских языков особенность отражена М. И. Боргояковым, зафиксировавшим для хакасского вокализма удлинение широких гласных нормальной долготы до длительности стяженных, т. е. долгих, перед слогом с узкими *ы* и *i* (Боргояков, 1966), а также Г. В. Кыштымовой, экспериментально подтвердившей это (Кыштымова, 2001). При такой трактовке удлинение конечных гласных именных основ перед аффиксами личной принадлежности, отмеченное Н. К. Дмитриевым для туркменского (Дмитриев, 1955) и Р. М. Бирюкович для чулымско-тюркского (Бирюкович, 1975: 64), а также отсутствующие в туркменском и якутском чулымско-тюркские долгие гласные в двусложных словах типа *se:mis* ‘жирный’, *te:mir* ‘железо’ можно рассматривать как частные моменты общей закономерности. Во всех этих случаях, по мнению И. Я. Селютиной (Селютина, 1998: 48–49), следует говорить не о восстановлении так называемой первичной долготы гласных, а о позиционном удлинении широких гласных перед узкими. Н. С. Уртегешев выявил для шорского языка пять типов долгот гласных, которые зависят и от качественных его характеристик — ряда, подъема, наличия/отсутствия огубления. Он отмечает, что длительность в этом случае обусловлена причинами антропофонического характера (Уртегешев, 2006).

В тувиноведении проблемы длительности гласных получили освещение в первом фундаментальном научном исследовании тувинского языка — труде Н. Ф. Катанова (Катанов, 1903: 23–35; 64–110). Описания долгот приведены также в монографиях, статьях и диссертационных сочинениях (Пальмбах, 1955; Исхаков, 1957: 9–51; Исхаков, Пальмбах, 1961; Кунаа, 1957; Татаринцев, 1976; Сат, Салзынмаа, 1980; Сат, 1987; Бичелдей, 2001; Дамбыра, 2005; Саая, 2005; и др.[1]). В ряде работ рассматриваются

[1] Дамбыра И. Д. Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка : дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2003; Саая О. М. Долгие гласные тувинского языка (в сравнении с тюркскими языками Южной Сибири и монгольскими) : дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2005; Кечил-оол С. В. Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск, 2004.

назализованные долгие гласные как особая категория системы (Бичелдей, 1979; Татаринцев, 2001: 14–21), но вопрос их фонемного статуса все еще остается открытым. Является дискуссионной в тувиноведении и проблема существования так называемых «первичных» долгот — исследователи придерживаются различных точек зрения по вопросу об их природе и функционировании в тувинском языке (Бичелдей, 1989ab; Кормушин, 2002: 602).

По-прежнему недостаточно изучен и вопрос о происхождении долгих гласных в тувинском языке, хотя научные изыскания по этой проблематике чрезвычайно важны для восстановления его истории, понимания современного состояния и решения ряда вопросов, связанных с языковыми контактами и их субстратно-адстратным влиянием.

Актуализация современных исследований длительности тувинских гласных обусловлена интенсификацией экспериментально-фонетических разработок и накоплением новых материалов, полученных с применением инновационных междисциплинарных методик с использованием новейших технологий. Так, сотрудниками Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева Института филологии СО РАН в рамках выполнения проекта РНФ (№ 24-78-10080 «Позиционная трансформация квантитативных признаков гласных в типологическом аспекте в языках Сибири (на материале тюркских и обско-угорских идиомов)» (2024–2027 гг.) в первые три года проекта собран большой объем данных по сибирским тюркским (в том числе и тувинскому) и обско-угорским языкам. Обработка и интерпретация новейших данных позволит ученым переосмыслить и, возможно, скорректировать полученные ранее выводы, пересмотреть сложившиеся в науке концепции.

Целью данной статьи является определение специфики фонетического варьирования тувинских гласных по длительности в словоформах-бисиллабах различной слоговой структуры и с различным качеством вокальной оси: *а–ы*, *э–и*, *о–у*, *ө–ү*.

Для достижения поставленной цели ставятся задачи сбора языкового материала, его метрической и табулярно-статистической обработки, анализа квантитативных данных и обобщения закономерностей количественных трансформаций тувинских гласных в составе двуслоговых лексем с неоднородной вокальной осью.

Объектом исследования является живая разговорная речь носителей тувинского литературного языка, осваивавших в детстве родной язык на территории функционирования центрального и западного диалектов Республики Тыва, на базе которых исторически сформировался современный нормированный язык.

У тувиноведов нет единой точки зрения по вопросу о диалектном членении тувинского языка. По мнению одних специалистов (Исхаков, 1957; Исхаков, Пальмбах, 1961), в тувинском языке следует выделять 4 диалекта: центральный, западный, северо-восточный (тоджинский) и юго-восточный. Другие тувиноведы (Кунаа, 1957; Чадамба, 1974) считают, что нет оснований для выделения в тувинском языке самостоятельной группы западных диалектов, поскольку по своим основным характеристикам они сближаются с опорным центральным диалектом, частью которого их и следует признать.

Ш. Ч. Сат выделяет пять диалектов: центральный, западный, юго-восточный, северо-восточный и смешанный, относя при этом каа-хемский и тере-хольский говоры к переходным говорам (Сат, 1987: 24–27). В своей работе мы придерживаемся классификации диалектов, предложенной Ш. Ч. Сатом.

Исследование вокализма переходного каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка, выполненное И. Д. Дамбыра в 2005 г. с применением экспериментально-фонетических методов, позволило не только определить артикуляторные и акустические характеристики каа-хемских гласных, но и впервые выявить наличие в одном из тувинских идиомов фактора позиционной долготы гласных (Дамбыра, 2005: 165–182).

Как показало исследование, в каа-хемском говоре в дву- и трехслоговых структурах в 1-м открытом слоге удлиняются все широкие гласные: *а, э, о, ө* перед слогом с узкими гласными *ы, и, у, ү* при условии, что 1-й и 2-й слоги разделены шумными звонкими *з, д, ж* или малошумными *м, л, н, р, й* согласными: *адыг* [a:dъγ] ‘медведь’, *демир* [de:mir] ‘железо’, *ожук* [o:ʒuq] ‘тренога’, *бөрү* [bө:rγ] ‘волк’; *азырал* [a:zъral] ‘кормление’, *эзирик* [e:zirik] ‘пьяный’, *өдүрек* [ө:dγrek] ‘утка’ (Дамбыра, 2005: 165–182). В трех- и четырехслоговых словоформах во 2-м и 3-м открытых слогах удлиняются лишь широкие неогубленные гласные *а, э* (в соответствии с законами тувинского сингармонизма широкие огубленные в непервом слоге не функционируют) перед узкими гласными *ы, и*: *улажыр* [ula:ʒъr] ‘соединяться’,

элезин [ele:zin] ‘песок’; *азыраныр* [azъra:nъr] ‘кормиться’, *холурадыр* [χolura:dъr] ‘бурчать’, *өрүледир* [өrүle:dir] ‘выше’, *белеткенир* [beletke:nir] ‘готовиться’.

Расширение объема выборки за счет привлечения большого объема данных по тувинскому литературному языку и применение современных объективных инструментальных методов позволит верифицировать гипотезу о функционировании в нормированном тувинском языке закономерностей трансформации квантитативных характеристик гласных в определенном фонетическом контексте, выявленных И. Д. Дамбыра на примере каа-хемского — переходного смешанного — говора.

Материал и методы исследования

Исследование проводилось на материале, полученном в апреле 2025 г. в стационарных условиях от студентов Тувинского государственного университета (ТувГУ). В эксперименте принимали участие 12 дикторов — тувинцев, хорошо владеющих родным языком и представляющих различные говоры центрального (улуг-хемский и кызылский говоры — по 3 диктора, сут-хольский и тандинский — по 1 диктору) и западного (барун-хемчикский — 3 диктора, монгун-тайгинский — 1 диктор) диалектов.

Для проведения эксперимента была составлена анкета из 250 тувинских лексем, учитывающая различные типы слоговой структуры слов и включающая все возможные дистантные комбинации широких гласных в препозиции к узким в составе словоформ с разнородной вокалической осью.

Дикторы получали русскоязычный стимул, после чего трижды произносили эквивалент на родном языке. Аудиозаписи изолированных словоформ проводились на портативный диктофон. Всего получено около 750 аудиофайлов словоформ различной длины и структуры — бисиллабы, три- и тетрасиллабы.

Параллельно осуществлялась фиксация речевого процесса на электроглоттограф Laryngograph EGG-200 от одного диктора-студента ТувГУ. Звуковой сигнал записывался на петличный микрофон Røde SmartLav при помощи аудиоинтерфейса, встроенного в электроглоттограф, с использованием программного обеспечения icSpeech Professional. Получено 250 звуковых файлов. Фиксация звука сопровождалась контрольной записью глоттографии — неинвазивной экспертизы активности голосовых связок, которая в перспективе послужит для оценки распределения оттенков звонкости в словоформах.

Речь информантов сегментировалась и аннотировалась вручную в программе Praat на основании слухового, осциллографического и спектрографического анализа. Аннотировано в программе Praat 1 000 звуковых файлов по тувинскому языку.

В исследовании, задачей которого является анализ и обобщение количественных трансформаций тувинских гласных в составе словоформ-бисиллабов, сегментированы, отождествлены и затранскрибированы 131 двуслоговая словоформа, проведена метрическая и табулярно-статистическая обработка данных.

Подсчет абсолютных и относительных длительностей был осуществлен автоматически на основе аннотаций Praat при помощи статистических инструментов языка R и программы Microsoft Excel.

Полученные в ходе анализа и метрической обработки квантитативные данные — абсолютная длительность (АД) гласного в миллисекундах (мс, ms) — переводились в относительные (ОД), при этом за 100% принималась средняя длительность гласного (СДГ) в данной словоформе. Средняя абсолютная длительность (САД) и средняя относительная длительность (СОД) определялись как среднее арифметическое абсолютных или относительных длительностей звуков.

Результаты

Исследования позволили зафиксировать в тувинском языке различные стадии формирования закономерности позиционного удлинения широких гласных в открытом слоге в препозиции к узкому гласному следующего слога, отделенному интервокальным звонким или малошумным моноконсонантом.

Анализируются словоформы с различной слоговой структурой: $V^{=}$-$CV_{=}C$, $CV^{=}$-$CV_{=}$, $CV^{=}$-$CV_{=}C$ и с различным качеством вокальной оси: *а–ы*, *э–и*, *о–у*, *ө–ү*.

Структуры $V^{=}$-$CV_{=}C$. Рассмотрим распределение квантитета гласных в пятидесяти одной словоформах-бисиллабах данной слоговой структуры (*таб. 1*). В двадцати твердорядных словоформах с **вокальной осью *а–ы*** (широкий заднерядный неогубленный гласный *а* в 1-м открытом слоге $V^{=}_{1}$- и узкий заднерядный неогубленный *ы* во 2-м закрытом -$CV_{=2}C$) относительная длительность гласного 1-го слога (ОД $V^{=}_{1}$) представлена в диапазоне 88,3–153,4% СДГ, ОД V_{2} реализуется в разбросе 46,5-130,6% СДГ. При этом в семнадцати из двадцати произнесений девяти словоформ рассматриваемой слоговой структуры с вокальной осью *а–ы* (*адыг* ‘медведь’, *адыр* ‘погоди’, *адыш* ‘ладонь’, *ажыл* ‘работа’, *ажыг* ‘кислый’, *азыг* ‘угол’, *алыр* ‘брать’, *амыр* ‘покой’, *арын* ‘лицо’) длительность широкого гласного *а* 1-го открытого слога превышает показатели длительности узкого *ы* 2-го закрытого слога в 1,1–3,3 раза. В среднем соотношение длительностей $V^{=}_{1}$: $V_{=2}$ в указанных произнесениях слов составляет 1,81 : 1. И лишь в двух примерах из двадцати (*ажыл* ‘работа’, *ажыг* ‘кислый’, *алыр* ‘брать’) констатируется обратное соотношение количественных показателей гласных: *ы* длительнее, чем *а*, в 1,01–1,76 раза. В качестве интервокального согласного, разграничивающего слоги, зафиксированы шумные звонкие *д*, *ж*, *з* и малошумные *л*, *м*, *р*.

Таблица 1. Абсолютная и относительная длительность тувинских гласных в бисиллабах $V^{=}$-$CV_{=}C$ [1]
Table 1. Absolute and relative duration of Tuvan vowels in bisyllables $V^{=}$-$CV_{=}C$

Тип слога	*Словоформа, семантика*	*Длительность гласных*				
		Абсолютная, мс		*Относительная, % к СДГ*		
		АД V_1	*АД V_2*	*ОД V_1*	*ОД V_2*	*V_1 : V_2*
$V^{=}$-$CV_{=}C$	*адыг* ‘медведь’	220,4	184,5	108,9	91,1	1,19 : 1
		216,1	114,7	153,4	130,6	1,88 : 1
		224,2	142,1	122,4	77,6	1,58 : 1
	адыр ‘погоди’	227,2	68,9	153,4	46,5	3,30 : 1
		228,0	72,5	151,7	48,2	3,14 : 1
	адыш ‘ладонь’	190,3	69,9	146,2	53,7	2,72 : 1
		199,7	73,7	146,0	53,9	2,71 : 1
	ажыл ‘работа’	143,7	252,5	72,5	127,4	*1 : 1,76*
		135,3	123,3	104,6	95,3	1,10 : 1
		156,7	113,9	115,7	84,2	1,37 : 1
	ажыг ‘кислый’	128,2	162,1	88,3	111,7	*1 : 1,26*
		116,9	81,4	117,9	82,0	1,44 : 1
	азыг ‘угол’	145,7	106,8	115,3	84,6	1,36 : 1
		158,8	87,3	129,0	70,9	1,82 : 1
	алыр‘брать’	142,7	123,3	107,2	92,7	1,16 : 1
		98,4	99,9	99,2	100,7	*1 : 1,01*
	амыр ‘покой’	151,5	126,2	109,1	90,9	1,2 : 1
		111,2	80,6	116,0	84,0	1,38 : 1
	арын ‘лицо’	194,2	93,2	135,1	64,8	2,08 : 1
		131,1	98,3	114,2	85,8	1,33 : 1
	В среднем V_1 : V_2 по а–ы	–	–	–	–	**1,81 : 1**
	В среднем V_1 : V_2 по а–ы	–	–	–	–	***1 : 1,34***

[1] *Здесь и далее*: V — символ гласного; V_1, V_2 — символы гласного с порядковым номером слога; $V^{=}$ — широкий гласный; $V_{=}$ — узкий гласный. Курсивом выделены в *таблицах 1–3* показатели соотношения длительности $V^{=}_{1}$: $V_{=2}$ в словах, в которых $V^{=}_{1}$ < $V_{=2}$; единственное исключение — словоформа *хомус* ‘варган’ в *таб. 3*, где соотношение длительности $V^{=}_{1}$: $V_{=2}$, составляющее 1 : 1, также выделено курсивом.

	Словоформа, семантика	Длительность гласных				
		Абсолютная, мс		Относительная, % к СДГ		
		АД V_1	АД V_2	ОД V_1	ОД V_2	$V_1 : V_2$
$V^{=}$-$CV_{=}C$	*эдиг* ‘исправление’	271,9	105,9	143,9	56,0	2,57 : 1
		226,6	108,4	135,2	64,7	2,09 : 1
	эжик ‘дверь’	184,4	154,4	108,8	91,1	1,19 : 1
		168,2	175,9	97,8	102,2	*1 : 1,05*
		137,1	157,0	93,2	106,7	*1 : 1,15*
	элик ‘косуля’	106,1	222,7	64,5	135,4	*1 : 2,10*
	эмик ‘грудь’	132,1	196,1	80,5	119,5	*1 : 1,49*
		84,6	175,5	65,1	135,0	*1 : 2,07*
	эрик ‘берег’	193,2	201,0	98,0	102,0	*1 : 1,04*
		137,8	185,1	85,3	114,6	*1 : 1,34*
	В среднем $V_1 : V_2$ по э–и	–	–	–	–	**1,95 : 1**
	В среднем $V_1 : V_2$ по э–и	–	–	–	–	***1 : 1,46***
	одуш ‘берестяное корытце’	245,7	93,2	145,0	55,0	2,64 : 1
		206,5	72,7	148,0	52,0	2,84 : 1
		181,3	88,1	134,6	65,4	2,06 : 1
	ожук ‘тренога’	157,3	149,5	102,5	97,4	1,05 : 1
		151,9	173,9	93,2	106,7	*1 : 1,14*
		106,2	159,0	80,0	120,0	*1 : 1,50*
	олут ‘место’	188,3	230,1	90,0	109,9	*1 : 1,22*
		125,9	231,7	70,4	129,5	*1 : 1,84*
	орун ‘кровать’	183,5	131,1	116,7	83,3	1,40 : 1
		161,6	87,9	129,5	70,5	1,84 : 1
		141,3	109,7	112,6	87,4	1,29 : 1
	В среднем $V_1 : V_2$ по о–у	–	–	–	–	**1,87 : 1**
	В среднем $V_1 : V_2$ по о–у	–	–	–	–	***1 : 1,43***
	өдүг ‘проход’	248,6	91,3	146,2	53,7	2,72 : 1
		224,8	96,4	140,0	60,0	2,33 : 1
	өжүк ‘погашенный’	177,7	165,1	103,7	96	1,08 : 1
		131,2	156,6	91,1	108,8	*1 : 1,19*
		211,1	175,1	109,3	90,7	1,21 : 1
	өлүм ‘смерть’	138,2	180,5	86,7	113,2	*1 : 1,31*
		149,1	91,8	123,8	76,1	1,62 : 1
		106,5	78,1	115,4	84,6	1,36 : 1
	өрүм ‘сверло’	150,5	82,9	128,9	71,0	1,81 : 1
		181,7	100,3	128,9	71,1	1,81 : 1
	В среднем $V_1 : V_2$ по ө–ү	–	–	–	–	**1,74 : 1**
	В среднем $V_1 : V_2$ по ө–ү	–	–	–	–	***1 : 1,25***
	В среднем	**167,3**	**131,4**	**113,2**	**88,4**	**1,8 : 1,4**

Таким образом, представленный материал свидетельствует о ярко выраженной тенденции к реализации в твердорядных структурах типа $V^{=}$-$CV_{=}C$ с неоднородной вокальной осью типа *а–ы* к значительному удлинению широкого гласного *а* 1-го открытого слога, отделенного от узкого *ы* 2-го закрытого слога звонким или малошумным консонантом. Максимальному удлинению подвергаются гласные типа *а* в препозиции к звонкому интервокальному *д*: *адыр* ‘погоди’, *адыш* ‘ладонь’, *адыг* ‘медведь’, слабее реализуется в препозиции к *ж* или *л*: *ажыл* ‘работа’, *ажыг* ‘кислый’, *алыр* ‘брать’ (*рис. 1*).

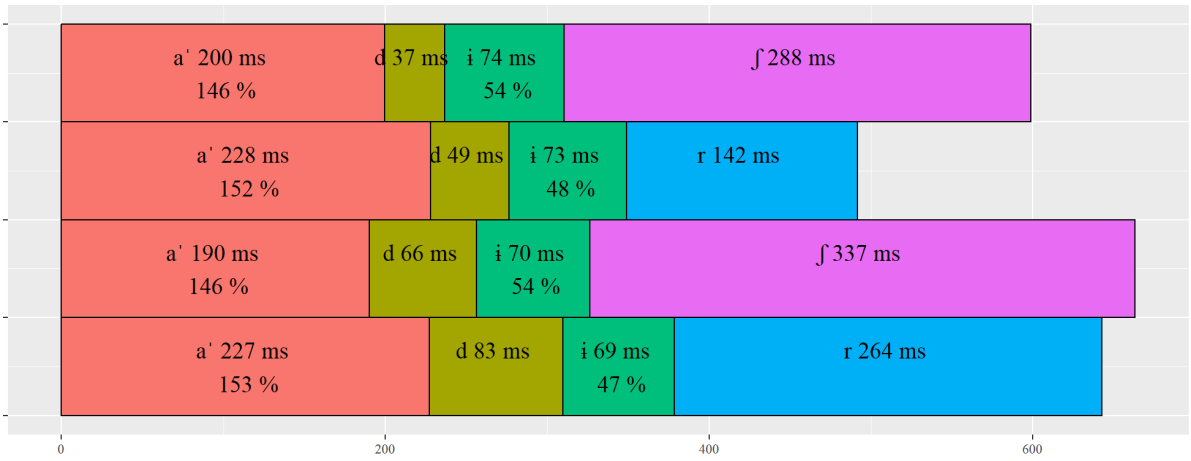

Рисунок 1. График распределения длительностей звуков в тувинских словоформах адыш ‘ладонь’ и адыр ‘погоди’ в двух произнесениях (АД, мс; ОД, % к СДГ).
Figure 1. Graph of the distribution of sound durations in the Tuvan word forms “adysh” ‘palm’ and “adyr” ‘wait’ in two pronouncements (absolute duration (AD), ms; relative duration (RD), % of the average vowel duration (AVD))

Иное распределение длительности гласных зафиксировано в мягкорядных словоформах рассматриваемой слоговой структуры с **вокальной осью *э–и*** (широкий переднерядный неогубленный гласный *э* в 1-м открытом слоге $V^{=}_{1}$- и узкий неогубленный *и* переднего ряда во 2-м закрытом слоге -$CV_{=2}C$): лишь в трех примерах из десяти широкий гласный *э* 1-го открытого слога в произнесениях двух словоформ (*эдиг* ‘исправление’, *эжик* ‘дверь’) удлиняется, причем более значительно в препозиции к межслоговому согласному *д*: в произнесениях словоформы *эдиг* ‘исправление’ $V^{=}_{1} > V_{=2}$ в 2,09–2,57 раза; в среднем соотношение длительностей $V^{=}_{1} : V_{=2}$ в этих произнесениях составляет 1,95 : 1. В остальных семи произнесениях четырех слов (*эжик* ‘дверь’, *элик* ‘косуля’, *эмик* ‘грудь’, *эрик* ‘берег’) узкий гласный *и* в постпозиции к межслоговым консонантам — звонкому *ж* и малошумным *л*, *м*, *р*, — превосходит по длительности широкий гласный 1-го слога: $V^{=}_{1} < V_{=2}$ в 1,04–2,1 раза (в среднем в 1,46 раза), несмотря на закрытость 2-го слога. В последних примерах, по-видимому, более действенной является общефонетическая закономерность удлинения гласных к концу словоформы. Таким образом, в выборке лексем с мягкорядной вокальной осью *э–и* в структурах $V^{=}$-$CV_{=}C$ тенденция к реализации позиционной долготы широких гласных открытого слога перед узким гласным находится лишь на начальной стадии формирования.

В выборке, включающей 11 твердорядных словоформ с **вокальной осью *о–у***, представленной огубленными гласными, в семи произнесениях трех слов зафиксировано в разной степени выраженное позиционное удлинение широкого гласного *о* 1-го слога: $V^{=}_{1} > V_{=2}$ в 2,84–2,06 раза в лексемах с межслоговым звонким переднеязычным смычным *д*: *одуш* ‘берестяное корытце’ и лишь в 1,05 раза в одном из произношений словоформы *ожук* ‘тренога’ с интервокальным щелевым согласным *ж*. Менее значительно, чем при артикулировании слова *одуш*, но, тем не менее, достаточно выражено удлинение *о* перед *у* в препозиции к малошумному консонанту *р*: *орун* ‘кровать’: $V^{=}_{1} > V_{=2}$ в 1,84–1,29 раза. В среднем соотношение $V^{=}_{1} : V_{=2}$ в словах с более длительным 1-м гласным составляет 1,87 : 1. Но в четырех произнесенных примерах из 11, позиционного удлинения гласного *о* не происходит: в двух произнесениях (из трех) слова *ожук* ‘тренога’ с межслоговым *ж* и в двух вариантах слова *олут* ‘место’ с интервокальным малошумным *л* узкий гласный *у* длительнее гласного 1-го слога: $V^{=}_{1} < V_{=2}$ в 1,84–1,14 раза; в среднем — в 1,43 раза.

В выборке, включающей 10 произнесений четырех мягкорядных словоформ с **вокальной осью *ө–ү***, представленной огубленными гласными, в восьми реализациях лексем зафиксировано достаточно выраженное удлинение широкого гласного *ө* 1-го слога: $V^{=}_{1} > V_{=2}$ в 2,72–2,33 раза в слове *өдүг* ‘проход’, где гласные разделены интервокальным звонким *д*, но в лексемах *өжүк* ‘погашенный’, *өлүм* ‘смерть’, *өрүм* ‘сверло’ с межслоговыми консонантами *ж*, *л*, *р* $V^{=}_{1} > V_{=2}$ в 1,81–1,08 раза; в среднем — в 1,74 раза. Вопреки констатируемой закономерности в распределении позиционного квантитета гласных, в двух случаях с межслоговыми консонантами *ж* и *л* — в одном (из трех) вариантов произнесения словоформ

өжүк и *өлүм* узкий гласный *ү* 2-го слога превосходит по длительности широкий *ө*: $V^{=}_{1} < V_{=2}$ в 1,31–1,19; в среднем — в 1,25 раза.

Усредняя данные в целом по всей приведенной в *таб. 1* выборке, получим показатели, свидетельствующие о превышении длительности широкого гласного 1-го открытого слога над 2-м узким гласным: $V^{=}_{1} : V_{=2}$ = 1,8 : 1,4. Большой разброс квантитативных характеристик вокальных компонентов слова вряд ли позволяет считать эти данные релевантными, но рассматривать их как проявление сформировавшейся тенденции к реализации закономерности позиционного удлинения гласных представляется вполне возможным.

Структуры $CV^{=}$-$CV_{=}$. Анализ распределения квантитета гласных в двадцати девяти словоформах-бисиллабах со слоговой структурой $C^{=}V$-$CV_{=}$ (*таб. 2*) позволяет констатировать закономерность фонетического варьирования длительности, противоположную той, что выявлена в бисиллабах со структурой $V^{=}$-$CV_{=}C$ (см. *таб. 1*). Во всех девяти произнесениях четырех твердорядных словоформ (*кайы* ‘который’, *тамы* ‘прОпасть’, *ханы* ‘глубоко’, *шары* ‘бык’) с вокальной осью *а–ы* (широкий заднерядный неогубленный гласный *а* в 1-м открытом слоге $V^{=}_{1}$- и узкий заднерядный неогубленный *ы* во 2-м открытом $-CV_{=2}$) длительность узкого гласного *ы* 2-го открытого слога значительно превышает показатели длительности широкого *а* 1-го открытого слога: $V^{=}_{1} < V_{=2}$ в 3,96–1,70 раза (*рис. 2*). В среднем в этих примерах $V_{=2}$ длительнее, чем $V^{=}_{1}$, в 2,67 раза.

Таблица 2. Абсолютная и относительная длительность тувинских гласных в бисиллабах $CV^{=}$-$CV_{=}$

Table 2. Absolute and relative duration of Tuvan vowels in bisyllables $CV^{=}$-$CV_{=}$

Тип слога	*Словоформа, семантика*	*Длительность гласных*				
		Абсолютная, мс		*Относительная, % к СДГ*		
		АД $V^{=}_{1}$	*АД $V_{=2}$*	*ОД $V^{=}_{1}$*	*ОД $V_{=2}$*	*$V^{=}_{1} : V_{=2}$*
$CV^{=}$-$CV_{=}$	*кайы* ‘который’	116,5	216,5	70,0	130,0	*1 : 1,86*
		87,5	207,3	59,3	140,6	*1 : 2,37*
		98,1	167,0	74,0	126,0	*1 : 1,70*
	тамы ‘прОпасть’	72,8	282,6	40,9	159,0	*1 : 3,88*
		73,8	163,1	62,3	137,7	*1 : 2,21*
	ханы ‘глубоко’	71,9	284,5	40,3	159,7	*1 : 3,96*
		87,0	310,7	43,7	156,2	*1 : 3,57*
		71,6	164,2	60,7	139,2	*1 : 2,29*
	шары ‘бык’	130	279,1	63,5	136,4	*1 : 2,15*
	В среднем $V^{=}_{1} : V_{=2}$ по а–ы	–	–	–	–	***1 : 2,67***
	чеди ‘семь’	131,1	197,1	79,9	120,1	*1 : 1,50*
		168,8	135,8	110,8	89,2	1,24 : 1
	бези ‘кобыла=его’	138,9	226,3	76,0	123,9	*1 : 1,63*
		108,2	185,7	73,6	126,3	*1 : 1,72*
	чеми ‘еда=его’	95,9	182,6	68,9	131,1	*1 : 1,90*
	мени ‘меня’	118,5	247,6	64,7	135,2	*1 : 2,09*
		94,1	200,3	63,9	136,0	*1 : 2,13*
	чери ‘земля=его’	176,7	274,8	78,3	121,7	*1 : 1,55*
		146,3	162,5	94,7	105,2	*1 : 1,11*
	В среднем $V^{=}_{1} : V_{=2}$ по е–и	–	–	–	–	**1,24 : 1**
	В среднем $V^{=}_{1} : V_{=2}$ по е–и	–	–	–	–	***1 : 1,70***

	Словоформа, семантика	Длительность гласных				
		Абсолютная, мс		Относительная, % к СДГ		
		АД $V^{=}_{1}$	АД $V_{=2}$	ОД $V^{=}_{1}$	ОД $V_{=2}$	$V^{=}_{1} : V_{=2}$
	боду ‘сам’	122,3	193,2	77,5	122,5	*1 : 1,58*
		118,9	175,8	80,7	119,3	*1 : 1,48*
	долу ‘град’	123,3	198,1	76,7	123,3	*1 : 1,61*
		94,1	172,9	70,4	129,6	*1 : 1,84*
	В среднем $V^{=}_{1} : V_{=2}$ по о–у	–	–	–	–	–
	В среднем $V^{=}_{1} : V_{=2}$ по о–у	–	–	–	–	***1 : 1,63***
	мөзү ‘характер’	181,3	216,6	91,1	108,9	*1 : 1,19*
		157,8	170,4	96,2	103,8	*1 : 1,08*
	бөрү ‘волк’	173,6	190,5	95,3	104,6	*1 : 1,10*
		142,1	205,5	81,7	118,2	*1 : 1,45*
		206,7	188,8	104,5	95,4	1,09 : 1
	В среднем $V^{=}_{1} : V_{=2}$ по ө–ү	–	–	–	–	**1,09 : 1**
	В среднем $V^{=}_{1} : V_{=2}$ по ө–ү	–	–	–	–	***1 : 1,21***
	В среднем	**120,7**	**204,6**	**74,8**	**125,2**	**1,2 : 2,0**

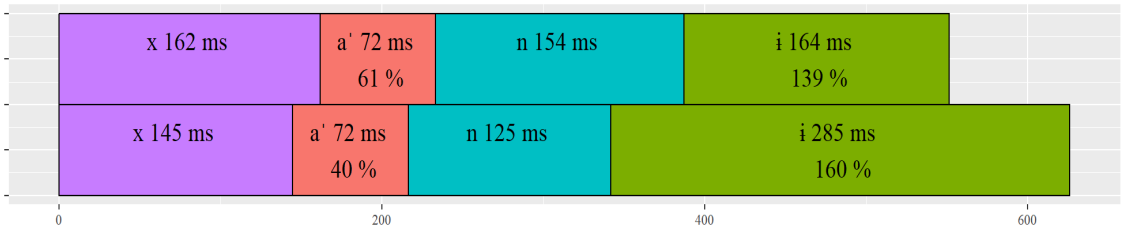

Рисунок 2. График распределения длительностей звуков в тувинской словоформе ханы ‘глубоко’ в двух произнесениях (АД, мс; ОД, % к СДГ)
Figure 2. Graph of the distribution of sound durations in the Tuvan word form khany ‘deeply’ in two pronouncements (absolute duration (AD), ms; relative duration (RD), % of the average vowel duration (AVD))

Аналогичная тенденция зафиксирована на материале девяти произнесений пяти мягкорядных словоформ рассматриваемой слоговой структуры $CV^{=}$-$CV_{=}$ (*чеди* ‘семь’, *бези* ‘кобыла=его’, *чеми* ‘еда=его’, *мени* ‘меня’, *чери* ‘земля=его’) с **вокальной осью *э–и*** (широкий переднерядный неогубленный гласный *э* в 1-м открытом слоге $V^{=}_{1}$- и узкий неогубленный *и* переднего ряда во 2-м открытом слоге -$CV_{=2}$): в восьми примерах из девяти темпоральные показатели узкого гласного *ы* 2-го открытого слога превышают — хотя и не столь значительно, как в твердорядных словоформах с вокальной осью *а–ы*, — показатели длительности широкого *э* 1-го открытого слога: $V^{=}_{1} < V_{=2}$ в 2,13–1,11 раза; в среднем в этих примерах $V_{=2}$ длительнее, чем $V^{=}_{1}$, в 1,7 раза. Исключение составляет лишь один вариант произнесения словоформы *чеди* ‘семь’: 1-й гласный *е* длительнее 2-го *и* в 1,24 раза.

Твердорядные бисиллабы *боду* ‘сам’, *долу* ‘град’ с вокальной осью *о–у* также демонстрируют большую длительность финального гласного по сравнению с гласным 1-го слога: $V^{=}_{1} < V_{=2}$ в 1,84–1,48; в среднем — в 1,63 раза.

В 4-х из 5 вариантов произнесения бисиллабов *мөзү* ‘характер’, *бөрү* ‘волк’ **с вокальной осью *ө–ү*** констатируется аналогичная закономерность: $V^{=}_{1} < V_{=2}$ в 1,45–1,08; в среднем — в 1,21 раза. И лишь в одном случае в лексеме *бөрү* гласный *ө* 1-го слога незначительно, в 1,09 раза, длительнее финального гласного *ү*.

Как показывает экспериментальный материал, в словоформах со слоговой структурой $CV^{=}$-$CV_{=}$ констатируется последовательная закономерность (с незначительными исключениями) превышения

длительности узкого гласного 2-го открытого слога над длительностью широкого вокального компонента 1-го открытого слога: в целом по всей приведенной в *таб. 2* выборке $V^{=}_{1} : V_{=2} = 1,2 : 2,0$. Реализуется общефонетическая тенденция, характерная для большинства языков мира, к удлинению финального гласного, тем более выраженному в открытом слоге словоформы.

Структуры $CV^{=}$-$CV_{=}C$ анализируются на материале пятидесяти одной бисиллабической словоформы (*таб. 3*). Девятнадцать произнесений десяти твердорядных словоформ с вокальной осью *а–ы* демонстрируют две разнонаправленные тенденции. В девяти вариантах артикулирования шести слов: *садыг* ‘магазин’, *хадың* ‘береза’, *бажың* ‘дом’, *дайын* ‘война’, *дамыр* ‘жила’, *дарый* ‘быстрее’, реализуется тенденция к удлинению широкого гласного *а* 1-го слога: $V^{=}_{1} > V_{=2}$ в 2,59–1,02 раза (в среднем — в 1,47 раза), в то время как в десяти произнесениях семи слов (*кадык* ‘здоровье’, *бажың* ‘дом’, *чажыт* ‘ровесники’, *дайын* ‘война’, *сайыт* ‘министр’, *таныш* ‘знакомый’, *дарый* ‘быстрее’) констатируется удлинение узкого гласного 2-го закрытого слога: $V^{=}_{1} < V_{=2}$ в 2,12–1,02 раза (в среднем — в 1,49 раза) (*рис. 3*). При этом наиболее выраженное удлинение гласного *а* 1-го слога происходит в препозиции к межслоговому шумному звонкому *д*: *хадың* ‘береза’ ($V^{=}_{1} > V_{=2}$ в 2,59–1,47 раза), *садыг* ‘магазин’ ($V^{=}_{1} > V_{=2}$ в 1,7–1,04 раза), и в препозиции к малошумным *й* и *р* в *дайын* ‘война’ ($V^{=}_{1} > V_{=2}$ в 1,53 раза) и *дарый* ‘быстрее’ ($V^{=}_{1} > V_{=2}$ в 1,4 раза). Тем не менее, для некоторых словоформ зафиксированы варианты произношения, реализующие обе выявленные тенденции: *дайын* ‘война’, *дарый* ‘быстрее’, *бажын* ‘дом’, что свидетельствует о промежуточном характере формирования рассматриваемой в данной статье закономерности позиционного удлинения широких гласных в определенном фонетическом контексте. Меньшая степень выраженности долготы широкого гласного *а* 1-го слога в структурах $CV^{=}$-$CV_{=}C$ в тех словах, в которых она реализуется, по сравнению с рассмотренными выше структурами типа $V^{=}$-$CV_{=}C$ (см. *таб. 1*), объясняется прикрытостью 1-го слога в $CV^{=}$-$CV_{=}C$ по сравнению с его открытостью в $V^{=}$-$CV_{=}C$.

Таблица 3. Абсолютная и относительная длительность тувинских гласных в бисиллабах $CV^{=}$-$CV_{=}C$

Table 3. Absolute and relative duration of Tuvan vowels in bisyllables $CV^{=}$-$CV_{=}C$

Тип слога	*Словоформа, семантика*	*Длительность гласных*				
		Абсолютная, мс		*Относительная, % к СДГ*		
		АД V_1	*АД V_2*	*ОД V_1*	*ОД V_2*	*$V_1 : V_2$*
$CV^{=}$-$CV_{=}C$	*кадык* ‘здоровье’	133,8	187,4	83,3	116,7	*1 : 1,40*
	садыг ‘магазин’	115,6	110,7	102,1	97,8	1,04 : 1
		158,0	93,1	125,9	74	1,70 : 1
	хадың ‘берёза’	100,0	68,1	119,1	80,9	1,47 : 1
		149,6	57,7	144,3	55,7	2,59 : 1
	бажың ‘дом’	124,3	137,9	94,8	105,1	*1 : 1,11*
		111,2	84,5	113,6	86,3	1,32 : 1
	чажыт ‘ровесники’	125,3	248,6	67,0	133,0	*1 : 1,98*
		125,3	202,7	76,4	123,5	*1 : 1,62*
	дайын ‘война’	111,7	72,8	121,0	78,9	1,53 : 1
		74,5	86,9	92,3	107,7	*1 : 1,17*
	сайыт ‘министр’	108,8	230,1	64,2	135,8	*1 : 2,12*
		88,8	183,8	65,1	134,8	*1 : 2,07*
	дамыр ‘жила’	100,0	98,1	101,0	99,0	1,02 : 1
		97,5	85,6	106,5	93,5	1,14 : 1
	таныш ‘знакомый’	95,2	104,9	95,1	104,8	*1 : 1,10*
		83,1	108,9	86,5	113,5	*1 : 1,31*
	дарый ‘быстрее’	146,6	104,9	116,5	83,4	1,40 : 1
		110,8	112,6	99,2	100,8	*1 : 1,02*
	В среднем $V_1 : V_2$ по а–ы	–	–	–	–	**1,47 : 1**
	В среднем $V_1 : V_2$ по а–ы	–	–	–	–	***1 : 1,49***

	Словоформа, семантика	Длительность гласных				
		Абсолютная, мс		Относительная, % к СДГ		
		АД V_1	АД V_2	ОД V_1	ОД V_2	$V_1 : V_2$
	бедик ‘высокий’	162,2	173,8	96,5	103,5	*1 : 1,07*
		169,5	168,4	100,3	99,7	1,01 : 1
	сезиг ‘опасность’	163,1	136,9	108,7	91,2	1,19 : 1
		125,0	135,0	96,1	103,8	*1: 1,08*
	белим ‘талия=моя’	156,3	68,1	139,4	60,6	2,30 : 1
		114,7	73,6	121,8	78,1	1,56 : 1
		134,1	66,8	133,5	66,4	2,01 : 1
	демир ‘железо’	81,6	101,9	88,9	111,1	*1 : 1,25*
		78,4	99,4	88,1	111,8	*1 : 1,27*
		96,2	92,8	101,8	98,2	1,04 : 1
	черим ‘земля=моя’	140,8	56,3	142,8	57,1	2,50 : 1
		110,9	65,0	126,1	73,9	1,71 : 1
		149,1	74,1	133,7	66,3	2,02 : 1
	В среднем $V_1 : V_2$ по е–и	–	–	–	–	**1,70 : 1**
	В среднем $V_1 : V_2$ по е–и	–	–	–	–	***1 : 1,17***
	тодуг ‘сытый’	141,5	104,2	115,1	84,8	1,36 : 1
	чожут ‘испугать’	122,3	176,7	81,8	118,2	*1 : 1,44*
		117,2	202,8	73,2	126,7	*1 : 1,73*
	солун ‘газета’	100,0	71,9	116,4	83,6	1,39 : 1
		91,6	71,1	99,3	100,6	*1 : 1,01*
	хомус ‘варган’	75,6	75,6	100,0	100,0	*1 : 1*
		73,3	89,7	90,0	110,0	*1 : 1,22*
	доруг ‘гнедой’	114,6	110,7	101,7	98,3	1,04 : 1
		106,6	108,0	99,4	100,6	*1 : 1,01*
	В среднем $V_1 : V_2$ по о–у	–	–	–	–	**1,26 : 1**
	В среднем $V_1 : V_2$ по о–у	–	–	–	–	***1 : 1,28***
	чөдүл ‘кашель’	194,3	86,8	138,2	61,7	2,24 : 1
		159,1	100,2	122,7	77,3	1,59 : 1
	бөзүр ‘рябой’	138,2	93,7	119,1	80,8	1,48 : 1
		153,9	80,1	131,5	68,4	1,92 : 1
	шөйүк ‘вытянутый’	99,1	157,5	77,2	122,7	*1 : 1,59*
		73,6	136,0	70,2	129,8	*1 : 1,85*
		106,7	165,1	78,5	121,4	*1 : 1,55*
	бөлүк ‘группа’	87,6	206,6	59,5	140,5	*1 : 2,36*
		128,7	142,4	94,9	105,1	*1 : 1,11*
	хөмүр ‘уголь’	98,2	96,1	101,1	98,9	1,02 : 1
	В среднем $V_1 : V_2$ по ө–ү	–	–	–	–	**1,65 : 1**
	В среднем $V_1 : V_2$ по ө–ү	–	–	–	–	***1 : 1,69***
	В среднем	**118,1**	**117,0**	**102,4**	**97,6**	**1,6 : 1,4**

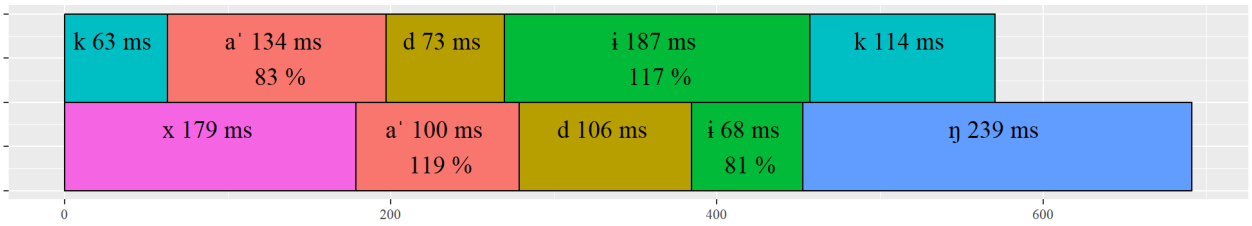

Рисунок 3. График распределения длительностей звуков в тувинских словоформах кадык ‘здоровье’ и хадың ‘береза’ (АД, мс; ОД, % к СДГ)
Figure 3. Graph of the distribution of sound durations in the Tuvan word forms кадык ‘здоровье’ and хадың ‘береза’ (absolute duration (AD), ms; relative duration (RD), % of the average vowel duration (AVD))

Из тринадцати произнесений пяти мягкорядных словоформ с **вокальной осью *е–и*** девять вариантов реализации лексем: *бедик* ‘высокий’, *сезиг* ‘опасность’, *белим* ‘талия=моя’, *демир* ‘железо’, *черим* ‘земля=моя’, то есть, значительное большинство примеров данной выборки, демонстрируют проявление тенденции к удлинению широкого гласного *е* 1-го слога: $V^{=}_{1} > V_{=2}$ в 2,50–1,01 раза (в среднем в 1,7 раза), в то время как в четырех произнесениях трех слов (*бедик* ‘высокий’, *сезиг* ‘опасность’, *демир* ‘железо’) констатируется некоторое удлинение узкого гласного 2-го закрытого слога: $V^{=}_{1} < V_{=2}$ в 1,27-1,07 раза (в среднем в 1,17 раза). При этом наиболее выраженное удлинение гласного *е* 1-го слога происходит в препозиции к межслоговым малошумным *р* (*черим* ‘земля=моя’: $V^{=}_{1} > V_{=2}$ в 2,50-1,71 раза) и *л* (*белим* ‘талия=моя’: $V^{=}_{1} > V_{=2}$ в 2,30–1,56 раза). В то же время, как и в структурах $CV^{=}$-$CV_{=}C$ с твердорядной вокальной осью, для некоторых словоформ зафиксированы оба варианта произношения — с удлинением как 1-го, так и 2-го гласного словоформы: *бедик* ‘высокий’, *сезиг* ‘опасность’, *демир* ‘железо’, свидетельствуя о неустойчивом характере рассматриваемой закономерности.

Из девяти реализаций пяти твердорядных словоформ с **вокальной осью *о–у*** лишь три произнесения трех словоформ (*тодуг* ‘сытый’, *солун* ‘газета’, *доруг* ‘гнедой’) свидетельствуют о тенденции к некоторому удлинению широкого гласного *о* 1-го слога: $V^{=}_{1} > V_{=2}$ в 1,39–1,04 раза (в среднем в 1,26 раза), в то время как в пяти произнесениях четырех слов (*чожут* ‘испугать’, *солун* ‘газета’, *хомус* ‘варган’, *доруг* ‘гнедой’) фиксируется удлинение узкого гласного 2-го закрытого слога: $V^{=}_{1} < V_{=2}$ в 1,73–1,01 раза (в среднем в 1,28 раза), а в одной реализации слова *хомус* гласные имеют одинаковую длительность: $V^{=}_{1} = V_{=2}$. Как и в предыдущих примерах, некоторые словоформы могут реализоваться с удлинением как 1-го, так и 2-го гласного (*солун* ‘газета’, *доруг* ‘гнедой’), либо с гласными равной длительности (*хомус* ‘варган’), что может свидетельствовать, наряду с неярко выраженными параметрами различия в длительности гласных двух слогов, о начальном этапе формирования рассматриваемой закономерности позиционного удлинения широких гласных в словоформах с вокальной осью, включающей твердорядные огубленные гласные.

Промежуточный характер становления позиционной долготы широких гласных в определенном фонетическом контексте можно констатировать и на материале мягкорядных словоформ-бисиллабов со слоговой структурой $CV^{=}$-$CV_{=}C$ и с **вокальной осью *ө–ү***. Из десяти произнесений пяти словоформ лишь в пяти реализациях трех слов (*чөдүл* ‘кашель’, *бөзүр* ‘рябой’, *хөмүр* ‘уголь’) гласный *ө* 1-го слога длительнее 2-го: $V^{=}_{1} > V_{=2}$ в 2,24–1,02 раза (в среднем в 1,65 раза), в то время как в остальных пяти вариантах произнесения двух слов (*шөйүк* ‘вытянутый’, *бөлүк* ‘группа’) отмечается удлинение узкого гласного 2-го закрытого слога: $V^{=}_{1} < V_{=2}$ в 2,36–1,11 раза (в среднем в 1,69 раза). В отличие от предыдущих примеров лексем с вокальными осями *а–ы*, *е–и*, *о–у* в рассматриваемой выборке нет случаев параллельной реализации одной и той же словоформы в двух вариантах — как с удлинением 1-го, так и 2-го гласного; все словоформы демонстрируют лишь один образец распределения квантитета гласных в разных слогах.

Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что в лексемах со слоговой структурой $CV^{=}$-$CV_{=}C$ развиваются две разнонаправленные тенденции: как к удлинению широкого гласного 1-го слога, так и к удлинению 2-го вокального компонента. В целом же по выборке, приведенной в *таб. 2*, соотношение длительностей $V^{=}_{1} : V_{=2}$ составляет 1,6 : 1,4 — то есть, тенденция к превышению длительности широкого гласного 1-го слога над квантитетом узкого гласного 2-го слога несколько преобладает, чему способствует открытость 1-го слога и закрытость 2-го.

Обсуждение

Результаты исследования квантитета гласных в тувинских бисиллабах позволяют констатировать тенденцию формирования позиционной долготы широких гласных в определенном фонетическом контексте. Как показал эксперимент, варьирование в распределении длительности гласных определяется слоговой структурой словоформы, качеством вокальной оси — твердорядностью / мягкорядностью, неогубленностью / огубленностью ее вокальных компонентов, качественной характеризацией разделяющих слоги интервокальных консонантов (характеристиками по шумности / малошумности, работе голосовых связок, степени напряженности, наличия / отсутствия фарингализованной окраски, квантитативным параметрам).

Наиболее последовательно удлинение широких гласных открытого слога в препозиции к слогу с узким гласным реализуется в структурах типа $V^{=}$-$CV_{=}C$ (см. *таб. 1*) с вокальными осями типа *а–ы*, *о–у*, что соответствует ожиданиям экспериментаторов.

В условиях неприкрыто-открытого слога $V^{=}_{1}$- широкий гласный, в соответствии с общефонетическими законами, не имея комбинаторных ограничений, максимально реализует свою квантитативность, в то время как постпозитивный узкий гласный $V_{=2}$- подвержен почти максимальному лимитированию длительности в прикрыто-закрытом слоге -$CV_{=}C$.

Кроме слоготипа, на степень реализации закономерности позиционного удлинения гласных оказывает влияние и качественный состав вокальной оси. Дистантная комбинация гласных, включающая заднерядные неогубленные гласные — широкий *а* и узкий *ы* — одна из наиболее частотных в тюркской речи, что, безусловно, способствует ускорению формирования фонетических преобразований. Вокалическая цепочка *о–у*, хотя и менее частотна, но является наиболее продуктивной среди последовательностей гласных, представленных огубленными единицами.

Фактор продуктивности звуковых конструкций как катализатор развития тех или иных процессов находит убедительное подтверждение в результатах анализа квантитета гласных в словоформах с мягкорядной вокальной осью *э–и*: если на данной выборке и можно говорить о тенденции к реализации позиционной долготы широких гласных, то лишь как о пребывающей на начальной стадии формирования. Можно предположить, что причиной такой замедленности процессов является значительно более низкая частотность мягкорядных словоформ по сравнению с твердорядными в сингармонических языках: твердорядные гласные составляют 60–80% от всех гласных во всех слоготипах.

Однако данное объяснение вступает в полное противоречие с результатами, полученными при анализе варьирования квантитета гласных в словоформах со звуковой осью *ө–ү*, представленной переднерядными огубленными гласными, наименее частотными в тюркских языках: словоформы рассматриваемой выборки не менее последовательно демонстрируют тенденцию к развитию позиционной долготы гласных, чем лексемы с твердорядной неогубленной осью *а–ы*. Данный феномен требует объяснения.

Бисиллабические структуры $CV^{=}$-$CV_{=}$ (см. *таб. 2*) с прикрыто-открытыми слогами фактически стабильно демонстрируют превышение длительности узкого финального гласного относительно широкого гласного первого слога. В конструкциях подобного типа в полную меру реализуется общефонетическая закономерность удлинения гласного финального слога, особенно значительного в случае открытости этого слога.

Анализ квантитета гласных в словоформах-бисиллабах со слоговой структурой $CV^{=}$-$CV_{=}C$ (см. *таб. 3*) позволяет констатировать реализацию двух разнонаправленных тенденций. Около половины примеров лексем с различными слоговыми осями демонстрируют удлинение широкого гласного 1-го открытого слога (хотя и менее выраженного по сравнению со структурами $V^{=}$-$CV_{=}C$ (см. *таб. 1*) из-за прикрытости 1-го слога), в то время как в остальных произнесениях удлиняется гласный 2-го слога. Такое распределение долготных характеристик вокальных компонентов словоформ свидетельствует о промежуточном характере тенденции к развитию позиционной долготы гласных в тувинском литературном языке.

На начальный этап формирования закономерности позиционной долготы гласных указывают и примеры произнесения некоторых словоформ в двух вариантах — с удлинением либо 1-го широкого гласного, либо 2-го узкого.

В словоформах различной слоговой структуры и с различными вокальными осями позиционное удлинение широких гласных 1-го слога перед узкими гласными носит более регулярный характер в препозиции к интервокальному смычному звонкому слабому согласному *д* (*адыр* ‘погоди’, *адыг* ‘медведь’, *одуш* ‘берестяное корытце’, *өдүг* ‘проход’, *хадың* ‘береза’, *бедик* ‘высокий’), слабее реализуется или не реализуется вовсе в препозиции к звонким щелевым *ж, з* (*ажыг* ‘кислый’, *эжик* ‘дверь’, *ожук* ‘тренога’, *өжүк* ‘погашенный’, *бажың* ‘дом’, *сезиг* ‘опасность’) или сонорным (*өлүм* ‘смерть’, *өрүм* ‘сверло’, *таныш* ‘знакомый’, *демир* ‘железо’).

Результаты аудитивного и аппаратного исследования позиционного варьирования квантитативных характеристик тувинских гласных в составе двуслоговых словоформ и сопоставление с материалами по другим южносибирским тюркским языкам (Тюркские ареалы … , 2022: 100–147; Добрынина и др., 2025) позволили выявить, с одной стороны, общность направленности фонетических преобразований, с другой — существенные различия в степени и скорости развития этих трансформаций.

Если в большинстве южносибирских тюркских языков (хакасском, шорском, кумандинском, тубинском, чалканском, алтайском) констатируется ярко выраженная закономерность реализации позиционной долготы широких гласных открытого слога перед слогом с узким гласным, то в тувинском языке этот процесс находится на более раннем этапе, уже пережитом контактными южносибирскими тюркскими языками. В языках зафиксированы различные стадии единого процесса.

Интересно отметить, что аналогичные отличия тувинского языка в скорости формирования фонетических трансформаций зафиксированы ранее при изучении процессов синтезации глагольных аналитических конструкций в южносибирских тюркских языках (Уртегешев и др., 2021: 210).

Выполненные ранее исследования систематического и последовательного удлинения широких гласных открытого слога перед узкими позволили тюркологам-сибиреведам обосновать гипотезу, высказанную в 1982 г. В. М. Наделяевым в устной беседе с И. Я. Селютиной при обсуждении в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований ИИФФ СО АН СССР результатов анализа квантитативных данных по языку кумандинцев, о том, что рассматриваемая закономерность является типологически общей для кыпчакских тюркских языков, а также языков, подвергшихся сильному кыпчакскому воздействию (Селютина, 2022: 257, 269; Тюркские ареалы … , 2022: 146).

Как показали материалы нашего экспериментально-фонетического исследования, начальная стадия формирования позиционной долготы гласных наблюдается и в тувинском языке, хотя тувинский не относится к кыпчакско-тюркской группе. Можно высказать предположение, что тувинский язык развил эту черту позднее, вследствие контактов с кыпчакскими языками в течение долгого исторического процесса становления в его современном состоянии.

По гипотезе Е. И. Убрятовой (Убрятова, 1980), после падения в 840 г. Уйгурского каганата влияние уйгуров было ослаблено и на смену им пришёл усилившийся кыргызский каганат; кыпчакизация сибирских языков связана как раз с кыргызским нашествием. Кыргызы главенствовали довольно долго, до прихода киданей. За это время они «окыпчачили» тюркскую морфологию, из древнеогузской она стала кыпчакской, сохранив лишь некоторые следы уйгуро-огузского влияния (типа форм на *-бышаан*). Но фонетика в тувинском языке реализовалась не кыпчакская, а сохранилась в древнетюркской реализации.

Тувинцы, уже владевшие тюркским языком уйгуро-огузского типа, восприняли грамматику кыпчакского типа, но сохранили собственно древнетюркскую фонетику, воспринятую и видоизмененную через призму артикуляционно-акустической базы, свойственной древним чикам. Более позднее влияние кыпчакской фонетики было трансформировано этносом, испытавшим это воздействие, так как артикуляционно-акустическая база принадлежит этносу, а не языку (Наделяев, 1986: 61).

И хотя субстанционально тувинские гласные претерпели изменения, приспосабливаясь к произносительным нормам языка-субстрата, тем не менее, все единицы тюркской системы вокализма сохранились, хотя и с иными качественно-количественными характеристиками. Следы влияния кыпчакских тюркских языков проявляются в тувинском языке, в частности, и в развитии — хотя и более позднем, по сравнению с контактными тюркскими языками, — подсистемы позиционной долготы гласных, один из промежуточных этапов которой зафиксирован экспериментально-фонетическими методами.

Заключение

Исследование, целью которого было выявление принципов реализации и определение специфики позиционного варьирования тувинских гласных по долготным параметрам в словоформах-бисиллабах различной слоговой структуры и с неоднородной вокальной осью, показало на инструментальном материале, что сложноорганизованная вокальная система тувинского языка, структурируемая оппозициями по квалитативным и квантитативным параметрам, входит в южносибирский тюркский ареал функционирования закономерности позиционной долготы гласных.

Привлечение к анализу большого объема данных по тувинскому литературному языку и использование современных объективных инструментальных методов позволили подтвердить корректность гипотезы, сформулированной на основе проведенного ранее исследования переходного каа-хемского тувинского говора, о системной реализации в нормированном тувинском языке закономерностей трансформации квантитативных характеристик гласных в определенном фонетическом контексте.

Систематическое воспроизводство позиционной долготы широких гласных открытого слога в препозиции к более узкому гласному следующего слога, отделенному интервокальным звонким или малошумным моноконсонантом, фиксируется в южносибирских тюркских языках наряду с универсальными общефонетическими процессами перераспределения квантитета гласных. Инструментальные исследования позволили зафиксировать в тувинском языке различные стадии формирования рассматриваемой закономерности.

Результаты анализа экспериментальных данных позволили установить, с одной стороны, общность направленности фонетических преобразований в тюркских языках алтае-саянского региона, с другой — существенные различия в степени и скорости развития этих трансформаций. Если в большинстве языков констатируется ярко выраженное проявление рассматриваемой закономерности, то в тувинском языке процесс находится на более раннем этапе, уже пережитом контактными южносибирскими тюркскими языками. В языках зафиксированы различные стадии единого фонетического процесса.

Дальнейшие исследования предполагают необходимость расширения выборки для решения вопроса о том, реализуется ли закон позиционной длительности гласных в три- и полисиллабах, возможна ли пролонгация гласных в непервом слоге полисиллабов в соответствующем фонетическом контексте. Кроме того, предстоит выяснить, каково распределение тех или иных особенностей реализации закономерности по идиомам, и определить ареалы распространения этой специфики.

Вклад авторов

Дамбыра И. Д. — составление анкеты; сбор, анализ и обработка материала, написание текста;

Добрынина А. А. — инструментальный анализ, табулярная и графическая обработка выбранного языкового материала;

Кечил-оол С. В. — сбор, анализ и обработка материала;

Саая О. М. — сбор, анализ и обработка материала; оформление текста;

Селютина И. Я. — анализ и интерпретация; редактирование статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бирюкович, Р. М. (1975) О первичных долгих гласных в чулымско-тюркском языке // Советская тюркология. № 6. С. 55–67.

Бичелдей, К. А. (1979) Назализованные гласные современного тувинского языка // Исследование звуковых систем сибирских языков / отв. ред. В. М. Наделяев. Новосибирск : Типография ГПНТБ СО АН СССР. 156 с. С. 29–34.

Бичелдей, К. А. (1989a) Гласные тувинского языка в потоке речи : в 2-х ч. Кызыл : ЦОП «Тувинское республиканское управление статистики». Ч. I. 91 с.

Бичелдей, К. А. (1989b) Гласные тувинского языка в потоке речи : в 2-х ч. Кызыл : ЦОП «Тувинское республиканское управление статистики». Ч. II. 94 с.

Бичелдей, К. А. (2001) Фарингализация в тувинском языке. М. : Изд-во РУДН. 290 с.

Боргояков, М. И. (1966) Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ / отв. ред. Д. И. Чанков. Абакан : Хакасская областная типография. Вып. XII. 202 с. С. 81–98.

Дамбыра, И. Д. (2005) Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка / отв. ред. И. Я. Селютина. Новосибирск : ИД «Сова». 224 с.

Дмитриев, Н. К. (1955) Долгие гласные в туркменском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1. Фонетика / под общ. ред. Н. К. Дмитриева. М. : Изд-во Акад. наук СССР. 336 с. С. 182–191.

Добрынина, А. А., Селютина, И. Я., Шиндрова, К. В., Каратаев, А. В. (2025) Позиционно-комбинаторные условия квантитативного варьирования гласных в тюркских языках Алтая // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 128–144. https://doi.org/10.17223/18137083/91/11

Дыренкова, Н. П. (1941) Грамматика шорского языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 307 с.

Исхаков, Ф. Г. (1957) Тувинский язык: Очерк по фонетике. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР. 123 с.

Исхаков, Ф. Г., Пальмбах, А. А. (1961) Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М. : Изд-во восточной литературы. 472 с.

Катанов, Н. Ф. (1903) Опыт исследования урянхайского языка с указанием главных родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань : типо-лит. Имп. Казанск. ун-та. 1540 с.

Кормушин, И. В. (2002) Тобаская группа // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 767 с. С. 600–660.

Кунаа, А. Ч. (1957) Звуковая система современного тувинского языка. Кызыл : Кызылский гос. пед. ин-т. 52 с.

Кыштымова, Г. В. (2001) Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка. Экспериментально-фонетическое исследование / отв. ред. И. Я. Селютина. Новосибирск : Сибирский хронограф. 152 с.

Наделяев, В. М. (1986) У истоков тувинского языка // Исследования по тувинской филологии / отв. ред. Д. А. Монгуш. Кызыл : Типография Госкомиздата Тувинской АССР. 160 с. С. 53–64.

Пальмбах, А. А. (1955) Долгие и полудолгие гласные тувинского языка // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Фонетика / под общ. ред. Н. К. Дмитриева. М. : Изд-во Акад. наук СССР. 336 с. С. 175-181.

Саая, О. М. (2005) К вопросу о «первичных» долгих гласных в тувинском языке // Ежегодник института саяно-алтайской тюркологии / отв. ред. С. П. Ултургашев, В. Г. Карпов. Абакан : Типография Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. Вып. 9. 244 с. С. 90–92.

Сат, Ш. Ч. (1987) Тыва диалектология [Тувинская диалектология]. Кызыл : Тувин. кн. изд-во. 99 с. (На тув.яз.)

Сат, Ш. Ч., Салзынмаа, Е. Б. (1980) Амгы тыва литрературлуг дыл [Современный тувинский язык]. Кызыл : Тувин. кн. изд-во. 131 с. (На тув.яз.)

Селютина, И. Я. (1998) Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование / отв. ред. В. М. Наделяев, Н. Н. Широбокова. Новосибирск : Сибирский хронограф. 184 с.

Селютина, И. Я. (2022) Позиционная долгота гласных в южносибирских тюркских языках // Сибирский филологический журнал. № 4. С. 257–272. DOI: https://doi.org/10.17223/18137083/81/20

Татаринцев, Б. И. (1976) Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл : Тувин. кн. изд-во. 130 с.

Татаринцев, Б. И. (2001) О происхождении назализованных гласных в тувинском и других тюркских языках // Гуманитарные исследования в Туве / отв. ред. К. А. Бичелдей и др. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов. 331 с. С. 13–22.

Тюркские ареалы Сибири (2022) / отв. ред. И. А. Невская, Н. Б. Кошкарева. Новосибирск : Академиздат. 440 с.

Убрятова, Е. И. (1980) Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных тюркских языках Сибири // Языки народов Сибири : сб. науч. статей / отв. ред. Е. И. Убрятова. Кемерово : Кемеровский гос. университет. 256 с. С. 16–30.

Уртегешев, Н. С. (2006) Длительность гласных в шорском языке // Perspectives on the Studies of Endangered Manchu-Tungus. Proceedings of the 7th Seoul International Altaistic Conference (SIAC 2006) / отв. ред. K. O. Dongho. Seoul : Seoul National University. 327 с. С. 265–273.

Уртегешев, Н. С., Селютина, И. Я., Добринина, А. А., Рыжикова, Т. Р. (2021) Фонетические трансформации в аналитических формах тюркского глагола / отв. ред. И. В. Шенцова. Новосибирск : Академиздат. 252 с.

Чадамба, З. Б. (1974) Тоджинский диалект / отв. ред С. В. Севортян. Кызыл : Тувин. кн. изд-во. 136 с.

Дата поступления: 04.03.2026 г.
Дата принятия: 23.04.2026 г.

REFERENCES

Biryukovich, R. M. (1975) On primary long vowels in the Chulym Turkic language. *Sovetskaya tyurkologiya*, no. 6, pp. 55–67. (In Russ.)

Bicheldei, K. A. (1979) Nasalized vowels of the modern Tuvan language. In: Nadelyaev, V. M. (ed.) *Investigation of the sound systems of the Siberian languages*. Novosibirsk, Printing House of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, 156 p. Pp. 29–34. (In Russ.)

Bicheldei, K. A. (1989a) *Vowels of the Tuvan language in the speech flow*, in 2 parts. Kyzyl, TsOP "Tuvan Republican Administration of Statistics". Part I. 91 p. (In Russ.)

Bicheldei, K. A. (1989b) *Vowels of the Tuvan language in the speech flow*, in 2 parts. Kyzyl, TsOP "Tuvan Republican Administration of Statistics". Part II. 94 p. (In Russ.)

Bicheldei, K. A. (2001) *Pharyngealization in the Tuvan language*. Moscow, RUDN Publishing House. 290 p. (In Russ.)

Borgoyakov, M. I. (1966) On the formation and development of certain long vowels in the Khakas language. In: Chankov, D. I. (ed.) *Uchenye zapiski Khakasskogo NIYaLI*. Issue XII. Abakan, Khakass Regional Printing House. 202 p. Pp. 81–98. (In Russ.)

Dambyra, I. D. (2005) *Vocalism of the Kaa-Khem dialect in comparison with other dialects and varieties of the Tuvan language*. Novosibirsk, Sova Publishing House. 224 p. (In Russ.)

Dmitriev, N. K. (1955) Long vowels in the Turkmen language. In: Dmitriev, N. K. (ed.) *Studies in the comparative grammar of the Turkic languages.* Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Part 1, Phonetics. 336 p. Pp. 182–191. (In Russ.)

Dobrynina, A. A., Selyutina, I. Ya., Shindrova, K. V. and Karataev, A. V. (2025) Positional and combinatory conditions of quantitative variation of vowels in the Turkic languages of Altai. *Sibirsky filologichesky zhurnal*, no. 2, pp. 128–144. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17223/18137083/91/11

Dyrenkova, N. P. (1941) *Grammar of the Shor language*. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 307 p. (In Russ.)

Iskhakov, F. G. (1957) *The Tuvan language: An outline of phonetics*. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 123 p. (In Russ.)

Iskhakov, F. G. and Palmbakh, A. A. (1961) *Grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology*. Moscow, Publishing House of Oriental Literature. 472 p. (In Russ.)

Katanov, N. F. (1903) *An attempt at a study of the Uryankhai language with an indication of its main genetic relations to other Turkic languages*. Kazan, Typo-Lithography of the Imperial Kazan University. 1540 p. (In Russ.)

Kormushin, I. V. (2002) The Tobas group. In: Tenishev, E. R. (ed.) *Comparative-historical grammar of the Turkic languages*. Moscow, Nauka. 767 p. Pp. 600–660. (In Russ.)

Kunaa, A. Ch. (1957) *The sound system of the modern Tuvan language*. Kyzyl, Kyzyl State Pedagogical Institute. 52 p. (In Russ.)

Kyshtymova, G. V. (2001) *The inventory and systems of vowel phonemes in the Sagay and Kachin dialects of the Khakas language. An experimental-phonetic study.* Novosibirsk, Sibirsky Khronograf. 152 p. (In Russ.)

Nadelyaev, V. M. (1986) At the origins of the Tuvan language. In: Mongush, D. A. (ed.) *Studies in Tuvan philology*. Kyzyl, Printing House of Goskomizdat of the Tuvan ASSR. 160 p. Pp. 53–64. (In Russ.)

Palmbakh, A. A. (1955) Long and half-long vowels of the Tuvan language. In: Dmitriev, N. K. (ed.) *Studies in the comparative grammar of the Turkic languages. Phonetics*. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 336 p. Pp. 175–181. (In Russ.)

Saaya, O. M. (2005) On the issue of "primary" long vowels in the Tuvan language. In: *Yearbook of the Institute of Sayano-Altai Turkology*. Ed. by S. P. Ulturgashev and V. G. Karpov. Issue 9, Abakan, Printing House of Katanov Khakas State University. 244 p. Pp. 90–92. (In Russ.)

Sat, Sh. Ch. (1987) *Tuva dialectology.* Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 99 p. (In Tuvan.)

Sat, Sh. Ch. and Salzynmaa, E. B. (1980) *Modern Tuvan language*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 131 p. (In Tuvan.)

Selyutina, I. Ya. (1998) *Kumandin vocalism. An experimental-phonetic study*. Novosibirsk, Sibirsky Khronograf. 184 p. (In Russ.)

Selyutina, I. Ya. (2022) Positional vowel length in the South Siberian Turkic languages. *Sibirsky filologichesky zhurnal*, no. 4, pp. 257–272. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17223/18137083/81/20

Tatarintsev, B. I. (1976) *Mongolian linguistic influence on the Tuvan lexicon*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 130 p. (In Russ.)

Tatarintsev, B. I. (2001) On the origin of nasalized vowels in Tuvan and other Turkic languages. In: Bicheldei K. A. et al. (eds.) *Humanities research in Tuva*. Moscow, RUDN University Press. 331 p. Pp. 13–22. (In Russ.)

Turkic areas of Siberia (2022). Ed. by I. A. Nevskaya and N. B. Koshkareva. Novosibirsk, Akademizdat. 440 p. (In Russ.)

Ubryatova, E. I. (1980) Traces of ancient Turkic, Uighur and Kirghiz in the modern Turkic languages of Siberia. In: Ubryatova, E. I. (ed.) *Languages of the peoples of Siberia*. Kemerovo, Kemerovo State University. 256 p. Pp. 16–30. (In Russ.)

Urtegeshev, N. S. (2006) Duration of vowels in the Shor language. In: Dongho, K. O. (ed.) *Perspectives on the Studies of Endangered Manchu-Tungus*. Proceedings of the 7th Seoul International Altaistic Conference (SIAC 2006). Seoul, Seoul National University. 327 p. Pp. 265–273. (In Russ.)

Urtegeshev, N. S., Selyutina, I. Ya., Dobrinina, A. A. and Ryzhikova, T. R. (2021) *Phonetic transformations in analytic forms of the Turkic verb*. Novosibirsk, Akademizdat. 252 p. (In Russ.)

Chadamba, Z. B. (1974) *The Todzha dialect.* Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 136 p. (In Russ.)

Submission date: 04.03.2026.
Acceptance date: 23.04.2026.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

DOI: 10.25178/nit.2026.2.9

Статья

Языковая география цвета: структурные типы казахских и тувинских топонимов

Шынарай Д. Буркитбаева, Жансеит К. Туймебаев, Айдана Е. Токсеитова
Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан,
Роза К. Садыкова
Казахский национальный женский педагогический университет,
Республика Казахстан

В статье рассматривается география цветообозначений в казахской и тувинской топонимических традициях как значимый фрагмент тюркской языковой картины мира. Выявляются и сопоставляются структурные модели топонимов с цветовым компонентом в казахском и тувинском языках, описываются их морфологическая организация, семантические функции и символическая нагрузка. Материалом исследования послужил систематизированный корпус казахских и тувинских топонимов, зафиксированных в этнолингвистических описаниях, топографических источниках и экспедиционных записях.

Установлено, что в обеих традициях базовой и наиболее продуктивной является модель «цвет + географический термин», отражающая непосредственную связь номинации с природным ландшафтом и пространственной ориентацией. В составе топонимов активно функционируют общетюркские цветовые основы, прежде всего ақ / ак, көк / көк, қара / кара, қызыл / кызыл, которые формируют устойчивые номинативные типы.

Казахская топонимическая система характеризуется более выраженной деривационной вариативностью и способностью к оттеночной семантизации цветовых компонентов, что связано с широтой территориального охвата и разнообразием природных условий. Тувинская топонимия, в свою очередь, демонстрирует большую локализованность номинаций, тесную привязку к конкретным природным реалиям и сохраняет элементы иноязычного, прежде всего монгольского, субстратного влияния.

Делается вывод о том, что цветовые компоненты в казахской и тувинской топонимии выполняют не только описательную, но и символико-культурную функцию, отражая способы осмысления пространства, природной среды и этнической идентичности.

Ключевые слова: *топонимия; тувинский язык; казахский язык; цветообозначение; тюркский язык*

Для цитирования:
Буркитбаева Ш. Д., Туймебаев Ж. К., Токсеитова А. Е., Садыкова Р. К. Языковая география цвета: структурные типы казахских и тувинских топонимов // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 127-147. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.9

Буркитбаева Шынарай Дубировна — PhD, и.о. доцента кафедры тюркологии и теории языка Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: burkitbaeva.1975@mail.ru

Туймебаев Жансеит Кансеитович — доктор филологических наук, профессор, ректор Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: turkology.ri@gmail.com

Токсеитова Айдана Ерғалиқызы — докторант кафедры тюркологии и истории стран Востока факультета востоковедения Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: aydana.ergalikizi@gmail.com. Научный руководитель — PhD, и.о. доцента Ш. Д. Буркитбаева.

Садыкова Роза Каримовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки иностранных языков Казахского национального женского педагогического университета. Адрес: 050000, Казахстан, г. Алматы, ул. Гоголя, д. 114, к. 1. Эл. адрес: rsadykova516@gmail.com

DIALOGUE OF CULTURES

Article

Linguistic Geography of Colour: Structural Types of Kazakh and Tuvan Toponyms

Shynaray D. Burkitbayeva, Zhanseit K. Tuimebayev, Aidana E. Toxeitova
Farabi University, Republic of Kazakhstan,
Roza K. Sadykova
Kazakh National Women's Teacher Training University, Republic of Kazakhstan

The article examines the geographical distribution of colour terms in Kazakh and Tuvan toponymic traditions as a significant fragment of the Turkic linguistic worldview. It identifies and compares structural models of toponyms with a colour component in the Kazakh and Tuvan languages, and describes their morphological organization, semantic functions, and symbolic load. The study is based on a systematized corpus of Kazakh and Tuvan toponyms recorded in ethnolinguistic descriptions, topographic sources, and fieldwork notes.

It is established that in both traditions the basic and most productive pattern is the model "colour + geographical term", which reflects the direct connection between naming practices, natural landscape, and spatial orientation. In the structure of toponyms, common Turkic colour bases such as aq/ak, kök/kök, qara/kara, qyzyl/kyzyl actively function, forming stable nominative types.

The Kazakh toponymic system is characterized by more pronounced derivational variability and a capacity for nuanced semantic differentiation of colour components, which is linked to the broad territorial scope and diversity of natural conditions. Tuvan toponymy, in turn, demonstrates a higher degree of localization in naming practices, a close correlation with specific natural realities, and retains elements of a foreign, primarily Mongolic, substrate influence.

The article concludes that colour components in Kazakh and Tuvan toponymy perform not only a descriptive but also a symbolic and cultural function, reflecting ways of conceptualizing space, the natural environment, and ethnic identity.

Keywords: *toponymy; Tuvan language; Kazakh language; colour term; Turkic language*

For citation:
Burkitbayeva Sh. D., Tuimebayev Zh. K., Toxeitova A. E. and Sadykova R. K. Linguistic Geography of Colour: Structural Types of Kazakh and Tuvan Toponyms. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 127-147. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.9

BURKITBAYEVA, Shynaray Dubirovna, PhD, Acting Associate Professor, Department of Turkology and Language Theory, Farabi University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., 050000, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: burkitbaeva.1975@mail.ru.
ORCID: 0000-0001-8235-4213

TUIMEBAYEV, Zhanseit Kanseitovich, Doctor of Philology, Professor, Rector, Farabi University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., 050000, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: turkology.ri@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5495-1686

TOXEITOVA, Aidana Ergalykyzy, Doctoral Student, Department of Turkish Studies and History of the East, Farabi University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Kazakhstan. E-mail: aydana.ergalikizi@gmail.com. Scientific supervisor — Sh. D. Burkitbayeva, PhD, Acting Associate Professor.
ORCID: 0009-0004-7234-0925

SADYKOVA, Roza Karimovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Department of Professional Training in Foreign Languages, Kazakh National Women's Teacher Training University. Postal address: 114/1 Gogolya St., Almaty, 050000, Kazakhstan. E-mail: rsadykova516@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9695-0945

Введение

Топонимия как область языкознания представляет собой один из наиболее информативных пластов лексики, в котором отражаются особенности природной среды, исторического опыта и культурных представлений носителей языка. Географические названия фиксируют способы осмысления пространства, формируя устойчивые номинативные модели, сохраняющие элементы древних языковых и культурных кодов. В этом отношении особый интерес представляет изучение цветообозначающих компонентов в структуре топонимов, поскольку цвет в традиционных культурах выполняет не только описательную, но и символическую функцию, связанную с ориентацией в пространстве, сакрализацией ландшафта и этнической идентичностью.

В ономастических исследованиях топонимы нередко рассматриваются как устойчивые языковые маркеры территории, аккумулирующие сведения о природных условиях, хозяйственной деятельности, историческом опыте и культурных представлениях населения. В этом смысле топонимическая система может быть интерпретирована как своеобразный идентификационный код пространства, фиксирующий его многослойную культурно-языковую специфику.

В тюркских языках цветообозначения занимают значимое место в системе номинации географических объектов. Общетюркские цветовые лексемы, такие как *ақ / ак* ‘белый’, *қара / кара* ‘чёрный’, *көк / көк* ‘синий, зелёный’, *қызыл / кызыл* ‘красный’, *сары / сарыг ‘жёлтый’* широко представлены в составе топонимов различных тюркских народов и демонстрируют высокую степень устойчивости. Эти компоненты используются для обозначения рельефных, гидрографических и ландшафтных характеристик, а также для выражения оценочных и символических значений. Включённость цветообозначений в топонимическую систему позволяет рассматривать их как важный элемент языковой географии, отражающей пространственное распределение смыслов и номинативных стратегий.

Казахская и тувинская топонимические традиции формировались в рамках общего тюркского ареала, однако развивались в разных природно-географических и историко-культурных условиях. Это обусловило как наличие общих структурных и семантических моделей, так и возникновение локальных особенностей в системе географических названий. Казахская топонимия формировалась на обширных степных и полупустынных территориях, что способствовало развитию вариативных номинативных моделей и высокой продуктивности деривационных процессов. Тувинская топонимия, в свою очередь, развивалась в условиях горно-таёжного ландшафта Южной Сибири, что определило более локализованный характер номинаций и тесную связь топонимов с конкретными природными реалиями. Кроме того, на тувинскую топонимическую систему оказало влияние взаимодействие с монгольскими языками, что отразилось на составе и структуре отдельных географических названий.

Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых казахской и тувинской топонимии, сравнительный анализ структурных типов топонимов с цветообозначающими компонентами до настоящего времени остаётся фрагментарным. В большинстве работ внимание сосредоточено либо на описании отдельных групп топонимов в пределах одного языка, либо на семантическом анализе цветообозначений без системного рассмотрения их структурной организации. В то же время сопоставительный подход позволяет выявить как общие тюркские номинативные модели, так и специфические особенности, обусловленные различиями в природной среде и культурных традициях.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью комплексного анализа цветообозначающих компонентов в казахской и тувинской топонимии с учётом их структурных, морфологических и семантических характеристик. Рассмотрение топонимов в аспекте языковой географии цвета позволяет выявить закономерности пространственного распределения номинативных моделей и уточнить роль цвета в формировании топонимической системы. Такой подход способствует более глубокому пониманию механизмов номинации географических объектов в тюркских языках и расширяет представления о взаимодействии языка, культуры и пространства. Вместе с тем, несмотря на наличие отдельных исследований, посвящённых казахской и тувинской топонимии в рамках соответствующих национальных традиций, до настоящего времени отсутствует специальное научное исследование, в котором был бы последовательно реализован сопоставительный анализ структурных типов казахских и тувинских топонимов с цветообозначающими компонентами на единой методологической основе.

Поэтому *целью* настоящей статьи является выявление и сопоставительный анализ структурных типов казахских и тувинских топонимов с цветообозначающими компонентами, а также описание их морфологической организации, семантических функций и символико-культурной нагрузки. Для достижения поставленной цели в работе предусматривается определить основные структурные модели топонимов с цветовым компонентом в казахском и тувинском языках, выявить общие и специфические черты морфологической организации данных топонимов, установить степень структурно-семантической близости и расхождения цветообозначающих топонимов в казахском и тувинском языках и проанализировать семантические функции цветообозначающих компонентов в составе географических названий.

Объектом исследования является топонимическая система казахского и тувинского языков, предметом — структурные типы топонимов с цветообозначающими компонентами.

В работе используются методы структурно-семантического анализа, сравнительно-типологического сопоставления, а также элементы компонентного анализа. Применение данных методов позволяет рассматривать топонимы как языковые знаки, функционирующие в определённой культурно-пространственной системе, и выявлять устойчивые модели номинации.

Материалом исследования послужил систематизированный корпус казахских и тувинских топонимов, зафиксированных в топонимических словарях[1], а также в этнолингвистических описаниях, опубликованных экспедиционных материалах. В анализ включены только те географические названия, в структуре которых цветообозначающий компонент является составной частью собственно топонима и участвует в формировании его номинативного значения.

На первом этапе исследования осуществлялась инвентаризация и систематизация топонимов с цветообозначающими компонентами в каждом из рассматриваемых языков. Отобранный материал классифицировался по структурным моделям с учётом морфологического состава, порядка компонентов и типа географического термина. Базовой аналитической единицей выступал структурный тип топонима, что позволило выявить продуктивные и периферийные модели номинации. На втором этапе применялся структурно-семантический анализ, направленный на выявление функций цветообозначающих компонентов в составе топонимов. Анализ включал разграничение описательных, ориентирующих и символически мотивированных значений цветовых основ, а также установление их связи с характеристиками ландшафта, рельефа и пространственной организации территории.

Обзор литературы

Теоретико-исследовательская база настоящей работы сформирована с учётом сложившихся подходов в тюркской ономастике, этнолингвистике и лингвокультурологии, а также с опорой на труды исследователей, ранее обращавшихся к проблемам топонимии и семантики географических названий. В рамках казахской топонимической традиции значимый вклад в изучение структуры и этимологии топонимов внесли работы А. Абдрахманова, А. Нурмагамбетулы, Е. Койчубаева, Т. Жанузак, А. Кайдара, Г. Конкашпаева и Б. Нуржекеева.

Так, в исследовании А. Абдрахманова (Әбдірахманов, 1975) были заложены основы системного анализа казахских географических названий с точки зрения их происхождения, структурной организации и связи с историко-культурными факторами. Автор последовательно рассматривает топонимы как результат взаимодействия языковых, природных и этнических условий, что представляет методологическую ценность для анализа цветообозначающих компонентов в составе географических названий.

Работа А. Нурмагамбетулы (Нұрмағамбетұлы, 1994) ориентирована на интерпретацию топонимии как носителя исторической памяти и культурного опыта народа. В данном труде географические названия осмысливаются как своеобразные знаки, фиксирующие особенности освоения пространства, природные характеристики и мировоззренческие представления, что позволяет рассматривать цветообозначающие топонимы не только в описательном, но и в символико-культурном аспекте.

[1] В том числе: Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1974; Конкашпаева Г. К. Словарь казахских географических названий. Алма-Ата: АН КазССР, 1963; Ондар Б. К. Краткий словарь гидронимов Тувы. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1995; Ондар Б. К. Топонимический словарь Тувы. 2-е изд. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 2007.

Б. Нуржекеев сосредоточил внимание на гидронимическом материале и его связи с ландшафтом и жизнедеятельностью человека (Нұржекеев, 1984). Хотя данное исследование не ограничивается анализом цветообозначений, используемый автором подход к интерпретации географических названий как отражения природных реалий и пространственной ориентации является методологически значимым для настоящей работы.

Значительное место в изучении казахской топонимии занимают лексикографические и коллективные труды, посвящённые систематизации и анализу географических названий. К числу таких работ относится словарь «Словарь казахских географических названий» Г. К. Конкашпаева[1], в котором представлен обширный корпус географических названий, зафиксированных на территории Казахстана. Данный труд имеет принципиальное значение для настоящего исследования, поскольку позволяет опираться на проверенный и структурированный материал при выявлении топонимов с цветообозначающими компонентами и анализе их структурных моделей.

Существенным источником фактического материала для анализа казахских топонимов послужил также «Краткий толковый словарь топонимов Казахстана» Е. Койчубаева[2]. Данный словарь отличается систематизированным характером подачи материала и содержит развернутые этимологические комментарии, позволяющие выявить мотивационные основы географических названий. Для настоящего исследования труд Е. Койчубаева имеет особую ценность, поскольку в нём широко представлены топонимы с цветообозначающими компонентами, снабжённые указаниями на природные, ландшафтные и семантические признаки объектов. Именно материалы этого словаря используются в работе в качестве основного корпуса примеров при анализе функционирования цветовых компонентов в казахской топонимии.

Существенный вклад в развитие теории казахской ономастики внесён трудом «Қазақ ономастикасының мәселелері» («Проблемы казахской ономастики»), изданным под ответственным редактированием Т. Жанұзақова (Джанузаков, 1982). В данном сборнике рассматриваются ключевые вопросы ономастической теории, типологии собственных имён, а также проблемы семантики и структуры географических названий. Представленные в работе подходы к классификации и интерпретации топонимов используются в настоящем исследовании при анализе структурных типов и семантических функций цветообозначающих компонентов.

Указанные труды отражают основные направления изучения казахской топонимии. Они задают основные принципы структурного и семантического рассмотрения географических названий, а также позволяют рассматривать топонимы как результат взаимодействия языковых, природных и культурно-исторических факторов. Одновременно следует отметить, что в этих публикациях цветообозначающие компоненты не выступают в качестве самостоятельного объекта сопоставительного анализа, а казахская и тувинская топонимия рассматриваются преимущественно раздельно.

Исследования тувинской топонимии занимают устойчивое место в тюркской ономастике и характеризуются разработанностью описательных и структурно-семантических подходов к анализу географических названий. Они развивались в русле системного анализа географических названий с учётом их соотнесённости с природным ландшафтом, историей освоения территории и языковыми контактами региона.

Первые систематические фиксации топонимии Тувы относятся к концу XIX в. и связаны с работами Н. Ф. Катанова (Катанов, 2011), который заложил основы документирования географических названий региона. В дальнейшем топонимический материал Тувы привлекал внимание исследователей в рамках археологических, историко-культурных и лингвистических исследований. Так, сведения о топонимах Тувы представлены в археологических трудах М. Х. Маннай-оола (Маннай-оол, 1961) и А. Д. Грача (Грач, 1980), где географические названия используются при реконструкции процессов освоения и заселения территории. Древние пласты тувинской топонимии отражены также в исследованиях орхоно-енисейских памятников (Кормушин, 1997, 2008), фиксирующих архаические номинативные модели. Отдельные данные о географических названиях региона содержатся в работах Г. Е. Грумм-Гржимайло (Грумм-Гржимайло, 2007), посвящённых комплексному описанию природных и этнографических особенностей Тувы. Существенный вклад в лингвистическое изучение увинской

[1] Конкашпаева Г. К. Словарь казахских географических названий. Алма-Ата: АН КазССР, 1963.
[2] Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1974.

топонимии внесли Ш. Ч. Сат (Сат, 1969), а также известный лексиколог тувинского языка Б. И. Татаринцев (Татаринцев, 1977), чьи исследования ориентированы на анализ лексического состава и семантики географических названий.

Ключевую роль в формировании научного представления о тувинской топонимии сыграли труды Б. К. Ондар. В монографии «Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий» (Ондар, 2008) автор осуществляет комплексное описание топонимической системы Тувы, включая анализ структуры, семантики и происхождения географических названий. Существенным является и реализованный в работе сопоставительный подход, в рамках которого тувинская топонимия рассматривается в соотнесении с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. Данный подход демонстрирует возможности выявления как общих номинативных моделей, так и регионально обусловленных особенностей, что имеет методологическое значение для настоящего исследования.

Важным источником для формирования корпуса тувинских топонимов служат лексикографические труды Б. К. Ондар «Гидронимия Тувы» (1993)[1] и «Топонимический словарь Тувы» (2007)[2]. Эти работы обеспечивают репрезентативную и систематизированную базу географических названий, позволяя осуществлять отбор материала по формальным и семантическим критериям. Использование словарного материала даёт возможность анализировать устойчивые структурные модели топонимов, включая названия с цветообозначающими компонентами, в рамках проверенного и научно зафиксированного корпуса.

Специальное внимание цветообозначающим компонентам в тувинской топонимии уделено в статье Н. Д. Сувандии (Сувандии, 2019). В данной работе представлена систематизация тувинских топонимов, включающих обозначения цвета, выявлены их основные семантические группы и показана связь цветовых компонентов с характеристиками рельефа, ландшафта и природных объектов. Методологическая ценность этого исследования заключается в чётком разграничении описательных и семантически мотивированных функций цветообозначений, что учитывается в настоящей статье при анализе тувинского материала.

В целом тувинская топонимическая традиция характеризуется преобладанием внутрисистемных описаний, ориентированных на детальное изучение географических названий в пределах одного языка и региона. Структурные модели топонимов, их семантическая мотивация и связь с природной средой рассматриваются преимущественно без сопоставления с другими тюркскими языками на единой аналитической основе. Это обстоятельство определяет методологическую позицию настоящего исследования, в рамках которого тувинская топонимия анализируется в сопоставлении с казахской топонимической системой с целью выявления степени структурно-семантической близости и различий в использовании цветообозначающих компонентов.

Таким образом, труды, посвящённые тувинской топонимии, в частности исследования Б. К. Ондар и Н. Д. Сувандии, позволяют рассматривать тувинские топонимы с цветообозначающими компонентами как элемент системно описанной топонимической традиции.

Структурные типы топонимов

Под структурным типом понимается совокупность формально-синтаксических и морфологических признаков топонима, включающего цветообозначающий компонент и географический термин либо иные определяющие элементы. Исследование показало, что в казахской и тувинской топонимии доминируют аналитические модели, в которых цветообозначающий компонент выступает в препозиции по отношению к географическому термину. Наиболее продуктивной и типологически устойчивой является модель «цвет + географический термин», отражающая непосредственную номинацию природных объектов на основе их визуально воспринимаемых характеристик. Данная модель служит базовой для формирования значительной части топонимического фонда в обоих языках и обеспечивает высокую степень прозрачности мотивации географических названий.

[1] Ондар Б. К. Гидронимия Тувы. М.: Институт языкознания РАН. 1993.
[2] Ондар Б. К. Топонимический словарь Тувы. 2-е изд. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2007.

Наряду с базовой моделью в материале исследования фиксируются усложнённые структурные типы, включающие дополнительные определяющие компоненты, детерминанты или вторичные номинативные элементы. Эти структуры демонстрируют различную степень распространённости и продуктивности в казахской и тувинской топонимии, что позволяет выявить особенности морфологической организации и номинативных стратегий в каждом из языков. В дальнейшем анализ структурных типов осуществляется с учётом их формальной организации, частотности и функциональной нагрузки в топонимической системе.

Анализ структурных типов топонимов с цветообозначающими компонентами предполагает учёт семантической многозначности цветовых основ, поскольку именно их интерпретация определяет номинативную мотивацию географических названий. В тувинской топонимии данная особенность наглядно отражена в лексикографических и ономастических источниках, прежде всего в «Кратком словаре гидронимов Тувы» Б. К. Ондар[1]. В этом труде показано, что цветообозначающие компоненты в составе топонимов обладают расширенным семантическим потенциалом и функционируют как маркеры не только визуальных, но и физических характеристик природных объектов.

Ак / Ақ

Так, по наблюдениям Б. К. Ондар, цветовой компонент *ак*[2] в составе тувинских топонимов может обозначать как собственно белый цвет, так и прозрачность воды, её растительное происхождение либо, в отдельных случаях, мутность, выступающую в оппозиции компоненту *кара*[3] ‘чёрный’. Подобная семантическая вариативность наглядно проявляется в ряде тувинских географических названий. Так, в гидрониме *Ак-Суг* (река в Тодже)[4] компонент *ак* указывает не столько на цвет воды, сколько на её прозрачность и чистоту, что соответствует традиционному восприятию «светлой» воды как пригодной для питья. В названии *Ак-Аъттыг-Хөл* (озера в Тодже)[5] цветовой компонент соотносится с особенностями водоёма, связанными с его светлым, растительным или мелководным характером. Топоним *Ак-Баштыг* (река в Бай-Тайге)[6] демонстрирует использование *ак* в значении «светлый», «открытый», что может относиться к рельефу или визуальному облику местности. В свою очередь, название *Ак-Ой* (река в Эрзине)[7] отражает номинацию объекта на основе общего светлого фона ландшафта, обусловленного почвенными или растительными характеристиками.

В казахской топонимии цветообозначающий компонент *ақ* также характеризуется семантической многоплановостью и не сводится исключительно к обозначению белого цвета как хроматического признака. Как отмечает А. Кайдар в этнолингвистическом словаре «Қазақтар ана тілі әлемінде», компонент *ақ*[8] выступает базовым цветовым обозначением с номинативным значением, однако в языковой картине мира казахов он широко реализуется в переносных, оценочных и символических значениях. В частности, ассоциируется с началом, чистотой, благородством и положительной оценкой, что находит отражение не только в устойчивых выражениях и фразеологии, но и в системе собственных имён, включая топонимию.

В составе географических названий компонент *ақ* может указывать на особенности природного объекта, связанные с цветом почвы, каменистой поверхности, воды или растительности, однако во многих случаях его семантика выходит за пределы прямого визуального восприятия. Это подтверждается топонимическим материалом, представленным в «Кратком толковом словаре топонимов Казахстана» Е. Койчубаева. Так, название *Актау*[9] (назв. города в западном Казахстане) употребляется для обозначения гор и горных кряжей, сложенных светлыми породами; гидроним *Актобе* (р. в Чимкентской обл.)[10] и многочисленные оронимы с компонентом *ақ* соотносятся с

[1] Ондар Б. К. Краткий словарь гидронимов Тувы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1995.
[2] Там же. С. 7.
[3] Там же. С. 18.
[4] Там же. С. 8.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же.
[8] Қайдар Ә. Қазақтар ана тілі әлемінде. Этнолингвистикалық сөздік. Алмата: Сардар, 2013. Т. III. Табиғат. С. 554-555.
[9] Койчубаев, Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 26.
[10] Там же.

открытыми, травянистыми или возвышенными участками местности; *Актогай* (Джетысуйский области, Саркандский район)[1] обозначает удлинённые впадины и долины, ассоциируемые с «обильной травой», а топоним *Акчокы* (р. в Семипалатинской области) используется для наименования холмов и сопок, отличающихся светлой поверхностью[2].

Таким образом, функционирование компонента *ақ* в казахских топонимах демонстрирует сходную с тувинской традицией тенденцию к расширенной интерпретации цветового признака, при которой цвет выступает средством комплексной пространственной номинации, объединяющей природные, оценочные и символические параметры географического объекта.

Кара / Қара

Цветообозначающий компонент *кара*, согласно данным учёных, характеризуется выраженной полисемантичностью и может указывать на тёмную окраску, густоту растительного покрова, плотность древесной растительности, глубину водоёма или отсутствие снежного покрова[3]. Данная семантика находит отражение в ряде тувинских топонимов. Так, в названии *Кара-Адыр* (р., н. п. р. Торгалыг в Улуг-Хеме)[4] компонент *кара* соотносится с тёмным, тяжёлым или малопроходимым характером возвышенного участка местности. В гидрониме *Кара-Суг* (рр. в Бай-Тайг., Каа-Хем., Улуг-Хем., Эрзин. и др. районах)[5] цветовой признак указывает на глубину или мутность воды, противопоставляемую «светлым» водоёмам с компонентом *ак*. Топоним *Кара-Харагай* (река в Бай-Тайге)[6] отражает связь компонента *кара* с густотой и плотностью хвойной растительности, где тёмный цвет лесного массива выступает визуально доминирующим признаком. В названии *Кара-Хөл* (озера в Тодже, Овюре, Бай-Тайге)[7] цветообозначение функционирует как индикатор глубины, тени или труднодоступности водоёма. Во всех приведённых случаях компонент *кара* выступает не просто обозначением цвета, а семантическим маркером насыщенности, тяжести и сложных природных условий, что подчёркивает его прагматическую значимость в системе тувинской пространственной ориентации.

Что касается казахской топонимии *қара,* как и *ақ*, обладает разветвлённой семантической структурой и не ограничивается прямым обозначением чёрного цвета как хроматического признака. В этнолингвистическом словаре А. Кайдара подчёркивается, что *қара*[8] в словарных дефинициях традиционно определяется как антоним *ақ*, однако в живой языковой практике его значение значительно шире и глубже. В казахском языковом сознании *қара* нередко выступает как базовый, исходный признак, не столько маркирующий негативную оценку, сколько обозначающий «норму», «основу», «первичность» или «естественное состояние» объекта[9].

В составе географических названий компонент *қара* в казахской топонимии реализует преимущественно нефотографическую семантику и используется для характеристики физических, почвенных и функциональных свойств пространства. Как отмечает А. Кайдар, несмотря на словарное противопоставление *ақ — қара*, в языковом сознании казахов *қара* нередко обозначает не негатив, а «основу», «естественное состояние» или «плотную материю»[10].

Данная семантика наглядно проявляется в топонимии. Так, название *Карабастуз* (оз. в Семипалатинской обл.)[11] связано с природными особенностями солёного озера; *Карабулак* (село в Сайрамском районе Туркестанской обл.)[12] объединяет группу гидронимов, в которых компонент *қара* соотносится с понятием «грунтовый, почвенный источник»; *Каракудук* (село в Бухар-Жырауском районе Карагандинской обл.)[13] обозначает «чёрный колодец», то есть место, лишённое корма и ре-

[1] Там же. С. 27.
[2] Там же.
[3] Ондар Б. К. Краткий словарь гидронимов Тувы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1995. С. 18.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 19.
[6] Там же.
[7] Там же.
[8] Қайдар Ә. Қазақтар ана тілі әлемінде. Этнолингвистикалық сөздік. Алмата: Сардар, 2013. Т. III. С. 556–559.
[9] Там же. С. 557.
[10] Там же. С. 558.
[11] Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 118.
[12] Там же. С. 119.
[13] Там же. С. 121.

сурсов; *Караоткель* (село в Целиноградском районе Акмолинской обл.)[1] интерпретируется как «глинистая переправа», указывая на плотный, тяжёлый грунт брода[2].

Таким образом, цветообозначение *қара* в казахских топонимах функционирует как семантический маркер природно-функциональных характеристик местности, а не как указание на хроматический признак, что сближает казахскую традицию с тувинской, но придаёт ей собственную специфику.

Сарыг / Сары

Аналогичным образом цветообозначение *сарыг*[3] в тувинской топонимии используется для номинации объектов, связанных с желтоватыми оттенками почвы, растительности или воды, а также для обозначения открытых пространств и визуально протяжённых участков местности[4]. Данная семантика наглядно проявляется в ряде географических названий. Так, в топониме *Сарыг-Хөл* (озера в Тодже, Овюре)[5] компонент *сарыг* соотносится с желтоватым оттенком воды или прибрежной зоны, обусловленным особенностями дна, водной растительности или сезонными природными процессами. В названии *Сарыг-Чазы* (рр. в Каа-Хем, Тес-Хем)[6] цветовой компонент используется для характеристики обширного открытого пространства — равнины или долины, визуальный облик которой определяется сухостью почвы и преобладанием жёлто-бурых тонов ландшафта.

В ороними *Сарыг-Даш* (мест. Сүт-Хөл)[7] (цветообозначение указывает на желтоватый или светло-бурый цвет каменистых пород, формирующих рельеф местности, тогда как в топониме *Сарыг-Алаак* (мест., лес. Овюр)[8] компонент *сарыг* соотносится с особенностями почвы или растительности, придающими территории характерный светло-жёлтый фон. Название *Сарыг-Бел* (на территории пос. Кызыл-Мажалык)[9] отражает использование цветового признака для обозначения открытого перевала или возвышенного участка, визуально выделяющегося однотонной, выгоревшей окраской.

В подобных структурах *сарыг* функционирует как средство обобщённого описания природного объекта, фиксируя не столько конкретный цвет, сколько устойчивое визуальное впечатление от местности и способствуя её идентификации в системе пространственной ориентации.

Расширенный спектр цветообозначающих компонентов в тувинской топонимии представлен в монографии Б. К. Ондар «Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий» (Ондар, 2008). В данном исследовании автор обобщает семантические значения цветовых компонентов, функционирующих в составе тувинских географических названий, и показывает, что они отражают как природные характеристики объектов, так и оценочные, символические и культурно обусловленные признаки.

Касательно компонента *сары*[10] в казахской языковой и топонимической традиции отличается широкой семантической разветвлённостью и не сводится к обозначению собственно жёлтого цвета. Как показано в этнолингвистическом словаре А. Кайдар, компонент *сары* исторически мотивирован цветом солнца, огня и металлов (золота, латуни, меди), а также связан с природными и физиологическими характеристиками окружающей среды. В составе географических названий *сары* может указывать на сухость и оголённость рельефа, особенности почвы и растительности, протяжённость и открытость пространства, а также на визуальную однородность ландшафта. Наряду с этим в ряде топонимов компонент *сары* утрачивает прямую цветовую мотивацию и реализуется в значениях *кең* ‘просторный, обширный’, *ашық* ‘открытый, незамкнутый’, *жалпақ* ‘широкий, плоский’, *кеңістікке бай* ‘пространственно обширный, обладающий большим пространственным размахом’, что отражает переход цветового признака в пространственно-оценочную сферу.

[1] Там же. С. 122.
[2] Там же.
[3] Ондар Б. К. Краткий словарь гидронимов Тувы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1995. С. 26.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Ондар Б. К. Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. Кызыл, 2008. С. 124.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Қайдар Ә. Қазақтар ана тілі әлемінде. Этнолингвистикалық сөздік. Алматы: Сардар, 2013. Т. III. С. 561–562.

Это подтверждается и топонимическим материалом, зафиксированным в «Кратком толковом словаре топонимов Казахстана» Е. Койчубаева. Так, в названии *Сарыарқа* (назв. приподнятой полосы в Центральном Казахстане)[1] (компонент *сары* не связан с цветом, а интерпретируется через понятие *арқа* ‘хребет, возвышенность’, обозначая обширную приподнятую территорию Центрального Казахстана. В топониме *Сарыөзек* (город и ж.д. ст. В Талдыкурганской обл.)[2], *сары* указывает на характер коренных обнажений и сухость местности, а не на жёлтую окраску в прямом смысле. В названии *Сарытау* (назв. гор почти во всех горных районах республики)[3] компонент функционирует в значении *кең*, *үлкен*, *ауқымды*, что делает его семантически близким к ряду топонимов типа *Сарыарқа*, *Сарыбұлақ*, *Сарытөбе*. В то же время в ряде случаев *сары* сохраняет собственно цветовую мотивацию, как, например, в названии *Сарыкенгир* (река в Улытауском районе Улытауской обл.)[4], где компонент соотносится с жёлтоватыми оттенками ландшафта и почвы.

На основании изложенного, констатируем, что в казахской топонимии *сары* выступает как многофункциональный семантический элемент, сочетающий в себе цветовые, пространственные и оценочные значения. Его использование в географических названиях отражает традиционный для казахской языковой картины мира способ осмысления пространства, при котором цветовой признак служит не только средством визуальной номинации, но и индикатором природных условий и масштабных характеристик ландшафта.

Кызыл / Қызыл

Цветообозначение *кызыл*[5] в тувинской топонимии, по наблюдениям Б. К. Ондар, соотносится не только с красным цветом почвы, камней или растительности, но также может обозначать бурые и рыжеватые оттенки ландшафта; в отдельных случаях данный компонент приобретает положительную оценочную семантику, соотносимую с представлениями о красоте и благоприятности объекта. Указанная семантика находит отражение в ряде географических названий. Так, в топониме *Кызыл-Арыг* (р., приток. р. Унгеш: Танды)[6] цветовой компонент связан с окраской воды или русла, обусловленной особенностями почвы и донных отложений. Название *Кызыл-Белдир* (р., Эрзин)[7] демонстрирует использование *кызыл* для характеристики светло-рыжеватых или бурых оттенков местности в зоне слияния водных потоков. В ороними *Кызыл-Даг* (горы Барун-Хемч., Улуг-Хем, Эрзин, Дзун-Хемч., Бай-Тайга)[8] компонент *кызыл* соотносится с цветом горных пород или почвенного покрова, придающих рельефу характерный красновато-бурый оттенок. Аналогичным образом в топониме *Кызыл-Даш* (мест. Эрзин)[9] цветообозначение указывает на окраску каменистых поверхностей, формирующих визуальный облик объекта.

В отношении казахской топонимии можно сказать, что *қызыл* представляет собой семантически насыщенный номинативный компонент, отражающий сложное взаимодействие природных наблюдений и культурных интерпретаций. По наблюдениям А. Кайдара, базовое значение, связанное с красным цветом почвы, камня и растительности, а также с символикой огня и солнца, в процессе языкового развития дополняется переносными смыслами, выражающими идеи молодости, обновления и жизненной силы. В географических названиях *қызыл*[10] часто соотносится с буро-рыжими и красноватыми оттенками ландшафта степных и каменистых пространств. В топонимической практике данная семантика получает конкретную географическую реализацию. По данным «Краткого толкового словаря топонимов Казахстана» Е. Койчубаева, компонент *қызыл* широко представлен в названиях, мотивированных цветом почвы, песка или размываемых пород. Так, топоним *Қызылжар* (назв. многих урочищ и нескольких населенных пунктов, старое казахское название г. Петропавловска на

[1] Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 191.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 192.
[4] Там же. С. 191.
[5] Ондар Б. К. Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. Кызыл, 2008. С. 121.
[6] Там же. С. 122.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Қайдар Ә. Қазақтар ана тілі әлемінде. Этнолингвистикалық сөздік. Алматы: Сардар, 2013. Т. III. С. 559–560.

Северного Казахстана)[1] соотносится с красноцветными обрывами, *Қызылқайнар* (буквально обозначает «красный родник» и указывает на окраску грунта у источника, *Қызылсу*[2] ‘красная вода’ (село в Жамбылском районе Жамбылской обл.) связано с оттенком воды, обусловленным размывом пород. Аналогичную мотивацию демонстрируют названия *Қызылөзек* ‘красная ложбина’ (село в Кызылординской обл.)[3] и *Қызылқұм* (село в Жетысайском районе Туркестанской обл.)[4], где цветовой компонент отражает особенности песчаных массивов и почвенного покрова.

Следовательно, материал, зафиксированный в словаре Е. Койчубаева, подтверждает, что *қызыл* в казахской топонимии функционирует прежде всего как маркер природных характеристик ландшафта, однако в ряде случаев сохраняет и более широкую оценочно-символическую нагрузку. Это позволяет рассматривать данный компонент как многоуровневый элемент топонимической номинации, сочетающий визуальные и культурно осмысленные признаки пространства.

Көк / Көк

Цветовой компонент *көк*[5] в составе тувинских топонимов отличается высокой семантической вариативностью. Согласно Б. К. Ондар, он может обозначать синий, голубой и зелёный цвета, а также указывать на высотные характеристики рельефа, глубокие водоёмы и сакральную значимость объекта, что отражает традиционные тюркские представления о цвете как многофункциональном семантическом признаке. Данная многозначность прослеживается в ряде тувинских географических названий. Так, в ороним *Көк-Боом* (г. Барун-Хемч.)[6] компонент *көк* соотносится с высотным положением и открытостью рельефа, где цветовой признак переходит в пространственно-ориентирующее значение. В гидроним *Көк-Булуң* (мест., ур.: Улуг-Хем)[7] цветообозначение связано с характеристиками воды, включая её глубину и визуальную насыщенность, что соответствует ассоциации *көк* с «глубоким» и «живым» водным пространством. Топоним *Көк-Көшке* (г. Сут-Хол, Улуг-Хем, Кызылск и др.)[8] демонстрирует использование компонента *көк* для обозначения участков местности с выраженной растительностью или сезонной зеленью, тогда как в названии *Көк-Инек* (р., г. на левобер. р. Нарын; Эрзин)[9] данный компонент приобретает дополнительную символическую нагрузку, соотносимую с представлениями о плодородии и жизненной силе, традиционно закреплёнными за зелёно-синим спектром.

С точки зрения аспекта казахской топонимии, цветообозначение *көк* функционирует как многозначный номинативный компонент, объединяющий природные, пространственные и мировоззренческие представления. По наблюдениям А. Кайдара, исходное значение *көк*[10], связанное с небом и растительным миром, в языковом сознании казахов расширяется и охватывает широкий спектр близких оттенков и состояний — от синего и голубого до зелёного и свежего. В топонимической практике данная семантика получает конкретную географическую реализацию. По данным «Краткого толкового словаря топонимов Казахстана» Е. Койчубаева, компонент көк широко представлен в названиях, мотивированных особенностями рельефа, растительности и пространственного положения объекта. Так, топоним *Көктөбе* (близ. г. Алматы, Алматинской обл.)[11] обозначает возвышенность, с которой открывается широкий обзор окружающего пространства; при этом семантика көк соотносится как с открытым небесным пространством, так и с визуальной доминантой объекта. Название *Көксай* ‘зелёное ущелье’ (населенный пункт в Алматинской обл.)[12] указывает на густую растительность и влажность местности, *Көкшетау* (город на Северно-Казахстанской обл.)[13] интерпретируется

[1] Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 160.
[2] Там же. С. 161.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Ондар Б. К. Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. Кызыл, 2008. С. 125.
[6] Там же.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Қайдар Ә. Қазақтар ана тілі әлемінде. Этнолингвистикалық сөздік. Алмата: Сардар, 2013. Т. III. С. 560–561.
[11] Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 140.
[12] Там же. С. 139.
[13] Там же. С. 141.

как «синеватая» или «сине-зелёная гора», что связано с визуальным сочетанием лесного покрова и небесного фона. Аналогичную мотивацию демонстрирует топоним *Коктұма* (населенный пункт в Талдыкурганской обл.)[1], где компонент көк соотносится с тёмно-серым или синеватым оттенком грунта и камня в месте расположения колодца.

Материал, зафиксированный в словаре Е. Койчубаева, подтверждает, что *көк* в казахской топонимии функционирует как семантически ёмкий маркер природной жизненности, пространственной открытости и вертикальной ориентации. В составе географических названий данный компонент отражает не столько конкретный цвет, сколько комплекс визуальных и ландшафтных признаков, что позволяет рассматривать его как один из ключевых элементов пространственной номинации в казахской топонимической системе.

Куу / Қу

Компонент *куу*[2] в тувинской топонимии используется для обозначения серых и белёсых оттенков, сухости и обнажённости местности, а также отсутствия растительного покрова. В подобных номинациях цветовой признак фиксирует визуальные особенности ландшафта и выполняет ориентирующую функцию в системе пространственного описания. Данная семантика прослеживается в ряде географических названий. Так, в ороним *Куу-Бут-Тайга* (хр. Тодж.)[3] компонент *куу* указывает на осветлённый, разреженный характер таёжного массива, отличающегося сухостью и редкой растительностью. В топониме *Куу-Дыт* (мест., падь Тандын., Тодж.)[4] цветообозначение связано с визуально бледным обликом местности, обусловленным особенностями почвы и растительного покрова. Название *Куу-Сыра* (мест., лес по теч. р. Ак-Хүүректиг, Сут-Хол)[5] отражает использование компонента *куу* для характеристики открытого пространства с выцветшим, однотонным фоном, тогда как в гидрониме *Куу-Хем* (р., л. пр. р. Эрзин)[6] данный компонент соотносится с белёсым оттенком воды или русла, обусловленным природными условиями и составом донных отложений.

В составе казахских топонимов компонент *қу* представляет собой семантически специализированный номинативный элемент, связанный с обозначением бледных, выцветших и серовато-белёсых оттенков, а также с характеристиками сухости и оголённости природного ландшафта. В отличие от базовых цветовых терминов, *қу* не фиксирует конкретный хроматический цвет, а передаёт обобщённое визуальное и функциональное состояние пространства, воспринимаемое как истощённое, разреженное или малопродуктивное.

В топонимической практике данный компонент реализуется преимущественно в названиях местностей, связанных с зимовками, водными объектами и открытыми степными участками. Так, в этнографических и историко-краеведческих источниках фиксируется *Құтал қыстағы*[7] (место зимнего кочевья, на границе Казахстана и Китая), упоминаемый в материалах по истории Жетісу и в биографических свидетельствах, где номинация соотносится с сухой, продуваемой и малозаселённой зимовочной территорией. К данному семантическому ряду примыкают также топонимы *Құтөбе* (в Кызылординской обл.) и *Құшоқы*[8] (в Карагандинской обл.), в которых компонент *қу* актуализирует представление об открытом, оголённом рельефе, возвышенностях или степных участках с разреженной растительностью. Аналогичную семантическую мотивацию демонстрирует гидроним *Құсай өзені*[9] (в Индерском районе Атырауской обл.), где компонент *қу* может отражать либо бледность берегового грунта, либо сезонную маловодность и обнажённость русла.

[1] Там же.
[2] Ондар Б. К. Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. Кызыл, 2008. С. 126.
[3] Там же. С. 126.
[4] Там же. С. 127.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 159.
[8] Там же. С. 160.
[9] Там же.

Бора / Боз

Цветообозначение *бора*[1], по данным Б. К. Ондар, связано с обозначением серого или серовато-чёрного цвета и нередко используется для характеристики горных пород, каменистых участков и сложных по проходимости территорий. В таких структурах цветовой компонент выступает маркером неблагоприятных или трудных природных условий, что подчёркивает его прагматическую значимость в топонимической системе.

Указанная семантика находит отражение в ряде тувинских географических названий. Так, в топониме *Бора-Оорга* (р. Чадааны; Дзун-Хемч.)[2] компонент *бора* соотносится с серо-тёмной окраской горных пород и труднодоступным характером ущелья или понижения рельефа. В гидрониме *Бора-Суг* (на пр. бер. р. Кырык; Улуг-Хем)[3] цветообозначение указывает на тёмный, насыщенный оттенок воды, обусловленный глубиной русла, составом почвы или теневыми условиями местности. Название *Бора-Хол* (мест. Дзун-Хемч.)[4] демонстрирует использование компонента *бора* для характеристики водоёма или прилегающей территории с преобладанием серовато-чёрных тонов, создающих визуальное впечатление замкнутости и тяжести природного пространства. Аналогичную семантику отражает топоним *Бора-Шай* (р. протек. вбл. пос. Хандагайты; Овюр)[5], в котором компонент *бора* маркирует тёмный, каменистый характер русла и берегов водотока, воспринимаемого как трудный для освоения и передвижения.

В части, касающейся казахской топонимии компонент *боз* используется для номинации географических объектов, отличающихся светлой, выцветшей или пепельно-белёсой окраской природного ландшафта. По данным «Краткого толкового словаря топонимов Казахстана» Е. Койчубаева, данный компонент может отражать как непосредственные цветовые характеристики природных объектов, так и обобщённые ландшафтные признаки. Так, гидроним *Бозкөл* (оз. Кызылординской обл.)[6] мотивирован светло-серым цветом воды пойменного озера в период паводка. В названии *Бозбие* (мест. в Кустанайской обл.)[7] компонент боз соотносится с визуальными характеристиками возвышенной местности, что позволяет интерпретировать его как указание на светлую, однотонную окраску ландшафта. Наряду с этим, в ряде топонимов боз утрачивает прямую цветовую семантику и используется для обозначения степного пространства как такового. В названиях *Боздақ* (г. на Южно-Казахстанской обл.)[8] и *Бозарық* (г. Чимкент, Абайский район)[9] данный компонент маркирует открытые, сухие степные участки, выступая семантическим показателем аридных условий и слабой растительности. В результате, компонент *боз* в казахской топонимии функционирует как многоуровневый номинативный элемент, сочетающий цветовую и ландшафтно-пространственную семантику, что подтверждает его высокую информативность в системе географической номинации.

Хүрең / Күрең

Наряду с рассмотренными цветообозначающими компонентами в тувинской топонимии широко представлен компонент *хүрең*[10], обладающий устойчивой семантической связью с характеристиками природной среды. Как отмечает Б. К. Ондар, в составе топонимов данный цветовой компонент соотносится преимущественно с коричневатыми и бурыми оттенками и мотивирован признаками растительности, почвы, грунта и каменистой поверхности. В ряде случаев *хүрең* используется для обозначения цветовых оттенков камня и горных пород, а также связывается с особенностями водных объектов, включая цвет воды и характер берегов.

[1] Ондар Б. К. Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. Кызыл, 2008. С. 127.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 128.
[5] Там же.
[6] Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 69.
[7] Там же. С. 68.
[8] Там же. С. 68.
[9] Там же.
[10] Ондар Б. К. Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. Кызыл, 2008. С. 128.

В структуре тувинских топонимов компонент *хүрең* функционирует как семантически значимый атрибут, конкретизирующий физическое состояние и визуальный облик обозначаемого объекта. Это находит отражение в таких названиях, как *Хүрең-Дугай* (мест., излучина реки Тес-Хем)[1], где цветообозначение указывает на буровато-коричневый оттенок растительности пойменной местности, *Хүрең-Оваа* (г., мест., летник Тес-Хем)[2], соотносимое с цветовой характеристикой почвы и каменистого субстрата сакрального объекта, а также *Хүрең-Хаш-Хем* (р., л. пр. р. Азас; Тодж.)[3], в котором компонент *хүрең* маркирует особенности окраски воды и береговой линии водотока. Приведённые примеры демонстрируют, что цветообозначение выполняет не декоративную, а ориентирующую функцию, позволяя выделить объект в пространстве на основе его природных характеристик. Таким образом, включение компонента *хүрең* в структуру топонима подтверждает общую тенденцию тувинской топонимии к использованию цветовых признаков как средств детализированной пространственной номинации.

Сходную семантическую зону в казахской топонимии частично занимает компонент *қоңыр*. Исследуемый компонент в казахской топонимии реализуется неоднородно и демонстрирует различие между собственно цветовыми и фитонимическими мотивациями. В ряде топонимов данный компонент функционирует именно как цветовой признак, отражая буро-коричневый, выгоревший или тёмно-землистый оттенок ландшафта. Так, в названиях *Қоңыр* (село в Ескельдинском районе Жетысуской области)[4] (летовка) и *Үшқоңыр* (село в Алматинской обл.) компонент *қоңыр* употребляется в общеязыковом значении цвета и соотносится с визуальной характеристикой почвы и окружающего пространства; подобные сочетания в живой речи также используются для обозначения окраски земли и местности, что подтверждает их цветовую природу.

В то же время в ряде других топонимов компонент *қоңыр* имеет иную мотивацию. Согласно данным «Краткого толкового словаря топонимов Казахстана» Е. Койчубаева, в названиях *Қоңыртау* (г. в хр. Джунгарский Алатау)[5] и *Қоңырсу* (село в Шоптыкольского округа Северо-Казахстанской обл.)[6] исходным основанием номинации выступает не цвет как таковой, а название травы *қоңыр*, распространённой в данной местности. В этих случаях семантика компонента связана с изобилием растительности или с природными условиями, благоприятствующими её произрастанию, а не с хроматической характеристикой объекта. Данный компонент в казахской топонимии демонстрирует двойственную семантическую природу: с одной стороны, он может функционировать как полноценное цветообозначение, фиксирующее буро-коричневый облик ландшафта, с другой — как фитонимический элемент, отражающий особенности растительного покрова. Чёткое различение этих двух типов мотивации принципиально важно для корректной интерпретации казахских топонимов и предотвращения механического сведения всех случаев употребления қоңыр к цветовой семантике.

***Шаңгыр* / Жасыл-көк**

Наряду с компонентом *хүрең* в тувинской топонимии функционирует цветообозначение *шаңгыр*[7], обладающее семантикой светлоты и бледности. Согласно данным Б. К. Ондар, данный компонент соотносится с пепельными, неяркими, светло-зелёными и зеленовато-белыми оттенками и используется для характеристики объектов, отличающихся осветлённой или разреженной визуальной окраской. В составе топонимов *шаңгыр* может указывать на особенности растительного покрова, состояние почвы или общий цветовой фон местности. Функционирование данного цветообозначающего компонента наглядно иллюстрируют такие топонимы, как *Шаңгыр-Даш* (река Каа-Хем)[8], где цветовой признак соотносится с бледной окраской каменистой поверхности, *Шаңгыр-Дыргак* (р., впад. в оз. Ак-Хол; г. Монгун-Тайг.)[9], отражающий осветлённый характер почвы или растительности, *Шаң-*

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 144.
[5] Там же. С. 145.
[6] Там же.
[7] Ондар Б. К. Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. Кызыл, 2008. С. 128.
[8] Там же. С. 129.
[9] Там же.

гыр-Хая (скала на пр. бер. Улуг-Хондергея; Дзун-Хемч.)[1], указывающий на светлый цвет скальных образований, а также *Шаңгыр-Чүрек* (г. вбл. пос. Кызыл-Тайга; Сут-Хол)[2], в котором компонент *шаңгыр* фиксирует общий светлый визуальный облик обозначаемого природного объекта. Приведённые примеры подтверждают, что данный цветовой компонент выполняет ориентирующую и дифференцирующую функцию, способствуя пространственной идентификации объектов на основе их визуально воспринимаемых характеристик.

В отличие от тувинской топонимии, где функционирует специализированный цветообозначающий компонент *шаңгыр*, передающий состояние светлоты, выцветания и переходности природного фона, в казахской топонимической системе отсутствует единая лексема с сопоставимой семантической специализацией. Соответствующая зона значений выражается распределённо — через описательные или составные цветовые обозначения (например, *жасыл-көк*), что свидетельствует о различии номинативных стратегий при фиксации переходных оттенков и состояний ландшафта. Следовательно, сопоставительный анализ цветообозначающих топонимов должен учитывать не только формальные модели типа «цвет + географический термин», но и особенности семантической организации цветовой лексики в каждом языке. В целом материалы Б. К. Ондар, сопоставленные с казахским топонимическим корпусом, показывают, что цветовые компоненты в обоих языках образуют продуктивную систему пространственной номинации, в которой цвет выступает не только визуальным признаком, но и маркером физических, ландшафтных и культурно закреплённых характеристик среды.

Общие и отличительные особенности функционирования цветовых компонентов

Сопоставительный анализ казахского и тувинского топонимического материала показывает, что цветообозначающие компоненты в обоих языках функционируют как многозначные номинативные элементы, значение которых не исчерпывается прямым обозначением хроматического признака. В структуре географических названий цвет выступает важным инструментом пространственной номинации, позволяющим фиксировать и обобщать совокупность устойчивых характеристик природного объекта, значимых для традиционного восприятия и освоения территории. В топонимической системе цветовые компоненты отражают не только визуально наблюдаемые оттенки почвы, воды, камня или растительности, но и более сложные физико-географические и функциональные параметры ландшафта, включая степень увлажнённости, плотность или разреженность растительного покрова, открытость или замкнутость пространства, особенности рельефа и характер использования местности. Во многих случаях цветообозначение передаёт не конкретный цвет в узком смысле, а обобщённое визуальное впечатление от объекта, сформированное в результате длительного коллективного опыта взаимодействия человека с природной средой. Это проявляется в том, что одни и те же цветовые компоненты могут использоваться для номинации разнородных объектов, объединённых не столько цветом как таковым, сколько сходством природного состояния или ландшафтной функции. Таким образом, цвет в казахской и тувинской топонимии выполняет ориентирующую, классифицирующую и дифференцирующую функцию, выступая средством структурирования пространства и отражения культурно закреплённых способов его осмысления. Указанные особенности свидетельствуют о том, что цветообозначающие компоненты в топонимии данных языков представляют собой результат сложного взаимодействия языковых, природных и культурных факторов и должны рассматриваться не как второстепенные описательные элементы, а как значимые семантические маркеры, формирующие целостную систему пространственной номинации.

Анализ функционирования цветообозначающих компонентов в казахской и тувинской топонимии выявляет ряд устойчивых общих закономерностей, обусловленных как типологической близостью данных тюркских языков, так и сходством традиционных моделей восприятия и осмысления природного пространства. В обеих топонимических системах цветовые компоненты характеризуются выраженной семантической многозначностью и активно участвуют в формировании геогра-

[1] Там же.
[2] Там же.

фических названий, отражающих не только визуальные, но и физические, ландшафтные и функциональные свойства обозначаемых объектов. Цвет в составе топонима выступает не как изолированный хроматический признак, а как элемент комплексной номинации, тесно связанный с особенностями рельефа, почвенного покрова, гидрологических условий, растительности и общим природным обликом местности. При этом цветообозначающие компоненты нередко фиксируют не столько конкретный оттенок, сколько устойчивое визуальное впечатление от объекта или совокупность признаков, значимых для ориентации в пространстве и практического освоения территории.

Как в казахской, так и в тувинской традиции такие компоненты выполняют важную ориентирующую и дифференцирующую функцию, позволяя выделить объект в однородном ландшафте и противопоставить его другим элементам природной среды на основе устойчивых и повторяющихся характеристик. Существенным сходством является и то, что в обоих языках цветовые компоненты широко реализуются в переносных значениях, отражая не только внешний облик местности, но и её функциональное, оценочное и символическое восприятие в рамках традиционного мировидения, что свидетельствует о глубокой укоренённости цветовой семантики в системе пространственной номинации и культурно-языковой интерпретации природной среды.

Наряду с общими чертами, сопоставительный анализ выявляет и принципиальные различия в функционировании цветообозначающих компонентов в казахской и тувинской топонимии, затрагивающие прежде всего характер лексической организации цветовой семантики и способы её номинативной реализации. Одним из наиболее существенных отличий является степень лексической дифференциации цветовых значений. В тувинском языке зафиксирован более развернутый и специализированный набор цветообозначающих компонентов, включающий лексемы, передающие не только базовые хроматические признаки, но и переходные, осветлённые, выцветшие или функционально ослабленные оттенки природного фона (например, *шаңгыр*, *куу*). Эти компоненты функционируют как самостоятельные и семантически устойчивые элементы топонимической номинации, позволяя точно фиксировать визуальное состояние ландшафта, степень насыщенности растительного покрова, характер почвы или обнажённость рельефа. В казахской топонимии аналогичные значения, как правило, не закреплены за отдельными специализированными лексемами и реализуются распределённо — посредством сочетания базовых цветовых терминов, сложных цветовых конструкций, контекстуальных уточнений либо семантического переноса. Такая стратегия отражает иной тип номинации, при котором переходные и нестабильные состояния природной среды осмысливаются не через отдельные цветовые категории, а через расширение значений уже существующих цветообозначений. Данное различие свидетельствует о неодинаковых номинативных стратегиях описания пространства и указывает на более высокую степень семантической специализации цветовых компонентов в тувинской топонимической системе по сравнению с казахской, где цветовая семантика чаще носит обобщённый и контекстуально зависимый характер.

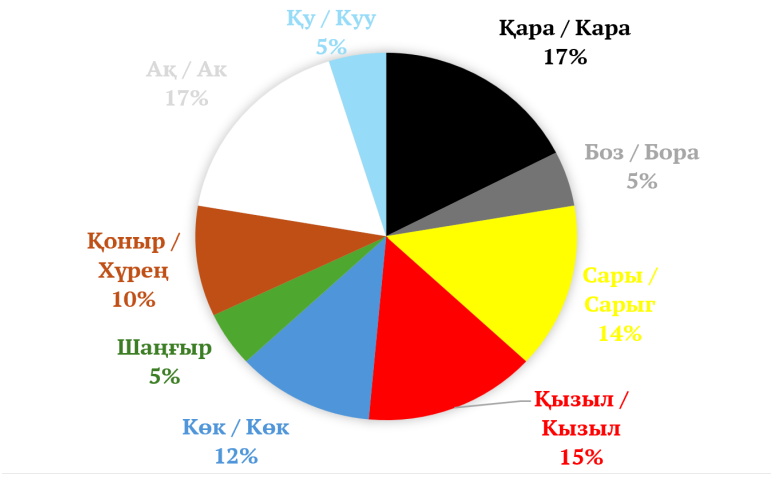

Диаграмма 1. Процентные доли цветов, используемых в тувинских топонимах.
Diagram 1. Percentages of colors used in Tuvan toponyms.

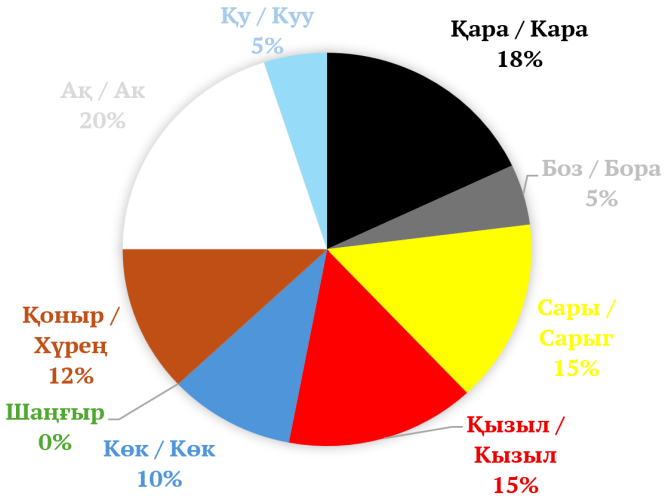

Диаграмма 2. Процентная доля цветов, используемых в казахских топонимах.
Diagram t 2. Percentage of colors used in Kazakh toponyms.

Количественное распределение цветообозначающих компонентов, представленное на *диаграммах 1* и *2*, подтверждает доминирование базовых цветовых лексем (*ак/ак, кара/қара, көк/көк, кызыл/қызыл, сарыг/сары*) в обеих топонимических системах. Одновременно наглядно проявляются различия в представленности периферийных компонентов, таких как *қоңыр/хүрең, боз/бора и куу/қу*, а также отсутствие в казахской топонимии специализированных обозначений типа шаңгыр, что коррелирует с выявленными различиями в лексической дифференциации цветовой семантики.

Таблица 1. Сопоставление цветообозначающих компонентов в казахской и тувинской топонимии
Table 1. Comparison of color-signifying components in Kazakh and Tuvan toponymy

Цветовой компонент	*Тувинская топонимия*	*Казахская топонимия*
Ак / Ақ	*Ак-Суг* — букв. ‘белая вода’ или же ‘река с беловатой мутной водой’.	*Ақсу* — букв. ‘белая вода’ или же ‘река питающаяся снеговыми водами’.
Кара / Қара	*Кара-Хөл* — букв. ‘чёрное озеро’. Озеро питается за счёт грунтовых вод.	*Қарабұлақ* — назв. множества гидронимов. Выступает в знач. ‘грунтовый ручеек’.
Сарыг / Сары	*Сарыг-Даш* — ‘широкий жёлтый камень’.	*Сарытау* — ‘жёлтая гора’.
Кызыл / Қызыл	*Кызыл-Белдир* (р. в Эрзине) — названа по цвету воды.	*Қызылқайнар* — букв. ‘красный рудник’.
Көк / Көк	*Көк-Каът* — топоним, названный за счёт каменных россыпей на склонах безлесного хребта.	*Көктөбе* — ‘синий холм’, название связано с открытым небесным пространством.
Куу / Қу	*Куу-Даг* — каменистые горы бледно-желтого цвета (могут быть безлесные, бесплодные).	*Қушоқы* — холм имеющий знаечние ‘высохшее, утратившее окраску, безлюдное место’.
Бора / Боз	*Бора-Тайга* — г. в знач. ‘священная гора с серыми каменными россыпями’.	*Бозтөбе* — букв. ‘серый холм’.
Хүрең / Күрең	*Хүрең-Хем* — букв. ‘Бурая река’.	*Қоңырадыр* — букв. ‘коричневый, бурый бугор’
Шаңгыр / Жасыл-көк	*Шаңгыр-Чүрек* — гора названная по зеленоватому цвету, с овальной вершиной.	Лексического аналога не имеет; семантика реализуется описательно.

Таким образом, проведённый сопоставительный анализ казахской и тувинской топонимической традиции подтверждает, что при общей типологической близости и принадлежности к тюркской языковой семье цветообозначающие компоненты в обоих языках характеризуются сложной и многослойной семантической организацией. В системе географических названий цвет функционирует не как простой хроматический показатель, а как значимый номинативный элемент, обобщающий устойчивые визуальные, физико-географические и функциональные характеристики природного пространства.

Вместе с тем выявленные различия в степени лексической дифференциации, семантической специализации и способах реализации цветовых значений свидетельствуют о неодинаковых номинативных стратегиях описания ландшафта в казахском и тувинском языках. Если для тувинской топонимии характерно наличие специализированных цветообозначающих компонентов, фиксирующих переходные и ослабленные состояния природной среды, то в казахской традиции аналогичные значения преимущественно реализуются через расширение и перенос семантики базовых цветовых лексем.

Заключение

Проведённое исследование, посвящённое языковой географии цвета в казахской и тувинской топонимических традициях, позволяет сделать вывод о том, что цветообозначающие компоненты в системе географических названий выступают не периферийными описательными элементами, а важнейшими семантическими маркерами, формирующими устойчивые способы пространственной номинации и отражающими особенности тюркской языковой картины мира. Топонимия в данном аспекте проявляет себя как своеобразный «архив ландшафта» — она сохраняет не только информацию о внешнем облике территории, но и коллективно закреплённые принципы её интерпретации, практического освоения и культурного осмысления. Цвет в структуре топонима функционирует здесь не как фиксация оттенка «ради красоты», а как инструмент категоризации пространства: через него кодируются устойчивые признаки природной среды — тип почвы и каменного субстрата, степень увлажнённости и прозрачности вод, характер растительного покрова, открытость или замкнутость ландшафта, а также пригодность местности для хозяйственной деятельности и ориентирования.

Сопоставительный анализ подтвердил, что базовой и наиболее продуктивной моделью в обеих системах является структурный тип «цвет + географический термин», который формирует ядро цветовой номинации и обеспечивает высокую мотивационную прозрачность топонимов. Именно эта модель демонстрирует общетюркскую основу топонимических стратегий: устойчивые цветовые основы *ақ/ак, қара/кара, көк/көк, қызыл/кызыл* представлены в обоих языках и формируют типологически сходные номинативные конструкции. Однако принципиально важно, что даже в пределах формально совпадающей модели семантика цветового компонента далеко не всегда исчерпывается прямым хроматическим значением. Наиболее показательны в этом отношении пары *ак/ақ* и *кара/қара*, где «белое» и «чёрное» в гидронимии и оронимии регулярно переходят в функциональные характеристики: *ак* может маркировать чистоту, прозрачность либо светлую мутность воды; *кара* — глубину, тень, насыщенность, «тяжесть» природного объекта или, в казахском материале, признаки плотного грунта и почвенной основы. Таким образом, цветообозначение системно выступает в роли семантической «свертки» природной информации: в одном компоненте концентрируется целый комплекс наблюдаемых характеристик объекта, значимых для традиционной пространственной ориентации.

На уровне семантики выявлена общая закономерность, одинаково важная для обеих традиций: цветовые компоненты являются многозначными номинативными элементами, которые реализуют ориентирующую, классифицирующую и дифференцирующую функции. Они позволяют выделить объект внутри однородного ландшафта, противопоставить его другим объектам и «привязать» к устойчивым природным признакам. Показательно, что одни и те же цветовые основы участвуют в наименовании разнородных объектов (гор, рек, озёр, падей, урочищ), что указывает на первичность не объектного типа, а номинативной логики: в топонимии актуализируется тот признак, который наиболее стабилен и практичен для идентификации местности. Этот результат подтверждает тезис о том, что цвет в топонимии двух языков является элементом комплексной номинации, встроенным в традиционные способы «чтения» природной среды, а не простым указанием на визуальный оттенок.

При этом сходство общих семантических оснований сопровождается отчётливыми различиями, которые раскрывают специфику номинативных стратегий каждого языка и отражают разные природно-географические и историко-культурные условия формирования топонимических систем. Наиболее значимое расхождение связано со степенью лексической дифференциации цветовой семантики. Тувинская топонимия демонстрирует более специализированный набор цветообозначающих компонентов, способных фиксировать переходные, ослабленные, «выцветшие» состояния природного фона и выступать самостоятельными маркерами топонимической номинации. Наличие таких компонентов, как *шаңгыр* и *куу*, свидетельствует о более высокой степени семантической детализации: в системе именования закреплены не только базовые цвета, но и отдельные категории «светлоты/бледности», «выцветания», «обнажённости», которые в казахской традиции чаще выражаются описательно, контекстуально или через расширение значения базовых терминов. Это различие не означает «бедность» казахской системы, а указывает на иной принцип организации: в казахской топонимии переходные и нестабильные состояния природной среды чаще осмысливаются через полисемантичность базовых цветовых основ и их метафорико-функциональное развитие, тогда как в тувинской системе часть этих значений закрепляется за специализированными единицами.

Суммарно результаты исследования позволяют сформулировать более общий вывод: языковая география цвета в казахской и тувинской топонимии отражает баланс между общетюркской семантической основой и локальными механизмами номинации, которые сформировались под воздействием природной среды, хозяйственного опыта и историко-культурных контактов. Общие цветовые основы обеспечивают типологическую близость и воспроизводимость базовой модели «цвет + географический термин», однако различия в специализации, мотивации и распределении семантической нагрузки формируют уникальные национально-региональные профили цветовой номинации. В тувинской топонимии более заметна тенденция к специализированной фиксации нюансированных состояний природного фона, а также к локализованной привязке наименований к конкретным природным реалиям горно-таёжного ландшафта; в казахской топонимии более выражены деривационная вариативность, расширение значений базовых цветовых терминов и функционально-пространственная интерпретация цвета, соответствующая масштабам степного пространства и разнообразию природных зон Казахстана.

Научная значимость полученных результатов заключается в том, что они уточняют представления о механизмах пространственной номинации в тюркских языках и демонстрируют, каким образом цветовые компоненты становятся системообразующими элементами топонимического фонда. В практическом отношении работа задаёт основу для дальнейших исследований в нескольких направлениях: для построения более детальной типологии структурных моделей (включая усложнённые конструкции и региональные вариации), для создания семантических карт распределения цветовых компонентов по ареалам, а также для лингвокультурологической реконструкции символических значений цвета в локальных традициях именования. В перспективе подобный подход может быть расширен на другие тюркские языки и сопоставлен с соседними контактными зонами, что позволит глубже описать динамику цветовой семантики в ономастическом пространстве Евразии и подтвердить роль топонимии как одного из наиболее надёжных источников реконструкции культурных смыслов, закреплённых в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Әбдірахманов, А. (1975) Топонимика және этимология [Топонимика и этимология]. Алма-Ата : Наука. 256 б. (На каз. яз.).

Грач, А. Д. (1980) Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука. 256 с.

Грумм-Гржимайло, Г. Е. (2007) Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX в.). 664 с. С. 496–639.

Джанузаков, Т. (1982) Очерк казахской ономастики. Алма-Ата : Наука. 176 с.

Қайдар, Ә. (2013) Қазақтар ана тілі әлемінде. Этнолингвистикалық сөздік [Казахи в мире родного языка. Этнолингвистический словарь]. Алматы : Сардар. Т. III. Табиғат [Природа]. 608 б. (На каз. яз.).

Катанов, Н. Ф. (2011) Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году. Кызыл : ТИГИ при Правительстве РТ. 383 с.

Кормушин, И. В. (1997) Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М. : Наука. 303 с.

Кормушин, И. В. (2008) Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. М. : Наука. 342 с.

Маннай-оол, М. Х. (1961) Археологические исследования в Овюрском районе в 1960 г. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. IX. / ред. коллегия: Н. А. Сердобов и др. Кызыл : Тип-я Управления культуры. 283 с. С. 222–229.

Нұрмағамбетұлы, Ә. (1994) Жер-судың аты — тарихтың хаты [Имя Земли-Воды — это письмо истории]. Алматы : Балауса. 64 б.

Нұржекеев, Б. (1984) Өзендер өрнектеген өлке [Край, украшенный реками]. Алматы : Жалын. 248 б.

Ондар, Б. К. (2008) Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 296 с.

Ондар, Б. К. (2007) Топонимический словарь Тувы. 2-е изд. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 550 с.

Ондар, Б. К. (1995) Краткий словарь гидронимов Тувы. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 48 с.

Сат, Ш. Ч. (1969) Заметки по топонимике Тувы // «Этногенез народов Северной Азии», конференция (1969; Новосибирск). Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии» / отв. ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск : б. и. 247 с. С. 232–234.

Сувандии, Н. Д. (2019) Топонимы-цветообозначения в тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 4. С. 195–206. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.16

Татаринцев, Б. И. (1977) Местные географические термины Северо-Восточной Тувы // Советская тюркология. № 5. С. 18–26.

Дата поступления: 25.11.2025 г.
Дата принятия: 26.02.2026 г.

REFERENCES

Abdirakhmanov, A. (1975) *Toponymy and etymology.* Alma-Ata, Nauka. 256 p. (In Russ. and Kaz.)

Grach, A. D. (1980) *Ancient nomads in the centre of Asia.* Moscow, Nauka. 256 p. (In Russ.)

Grumm-Grzhimailo, G. E. (2007) Western Mongolia and the Uryankhai region: An anthropological and ethnographic sketch of these lands. In: *Uryankhai. Tuva depter. Anthology of scholarly and educational thought about the ancient land of Tuva and its inhabitants, about Uryankhai — Tannu-Tuva, the Uryankhai — Tuvans, and the antiquities of Tuva*, in 7 vols. Comp. by S. K. Shoigu. Moscow, Slovo. Vol. 2. Tribes of the Sayan–Altai. The Uryankhai (4th c. — early 20th c.). 664 p. Pp. 496–639. (In Russ.)

Dzhanuzakov, T. (1982) *Essay on Kazakh onomastics.* Alma-Ata, Nauka. 176 p. (In Russ.)

Kaidar, A. (2013) *Kazakhs in the world of the native language. An ethnolinguistic dictionary.* Almaty, Sardar. Vol. III. Nature. 608 p. (In Russ. and Kaz.)

Katanov, N. F. (2011) *Essays on the Uryankhai land. Diary of a journey undertaken in 1889.* Kyzyl, TIGI under the Government of the Republic of Tuva. 383 p. (In Russ.)

Kormushin, I. V. (1997) *Turkic Yenisei epitaphs: Texts and studies.* Moscow, Nauka. 303 p. (In Russ.)

Kormushin, I. V. (2008) *Turkic Yenisei epitaphs: Grammar and textology.* Moscow, Nauka. 342 p. (In Russ.)

Mannai-ool, M. Kh. (1961) Archaeological research in the Ovyur district in 1960. In: *Uchenye zapiski TNIYALI*, iss. IX. Eds. by N. A. Serdobov et al. Kyzyl, Tipografiya Upravleniya kultury. 283 p., pp. 222–229. (In Russ.)

Nurmaghambetuly, A. (1994) *The name of the land and water is a letter of history.* Almaty, Balausa. 64 p. (In Russ. and Kaz.)

Nurzhekeev, B. (1984) *A land adorned with rivers.* Almaty, Zhalyn. 248 p. (In Russ. and Kaz.)

Ondar, B. K. (2008) *Tuvan toponymy. A comparative analysis of the toponymy of Tuva with that of Southern Siberia and other Turkic-speaking territories.* Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 296 p. (In Russ.)

Ondar, B. K. (2007) *Toponymic dictionary of Tuva.* 2nd ed. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 550 p. (In Russ.)

Ondar, B. K. (1995) *A concise dictionary of the hydronyms of Tuva.* Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 48 p. (In Russ.)

Sat, Sh. Ch. (1969) Notes on the toponymy of Tuva. In: *Ethnogenesis of the peoples of Northern Asia*, conference (1969, Novosibirsk). Proceedings of the conference “Ethnogenesis of the peoples of Northern Asia”. Ed. by E. I. Ubryatova. Novosibirsk, s. n. 247 p. Pp. 232–234. (In Russ.)

Suvandii, N. D. (2019) Toponyms with colour terms in the Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 195–206. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.16

Tatarintsev, B. I. (1977) Local geographical terms of North-Eastern Tuva. *Sovetskaya tyurkologiya*, no. 5, pp. 18–26. (In Russ.)

Submission date: 25.11.2025.
Acceptance date: 26.02.2026.

DOI: 10.25178/nit.2026.2.10

Статья

Типологическое сходство и этнокультурная специфика казахских и тувинских этиологических мифов

Насихат Набиолла, Досхан Жылкыбаев
Институт литературы и искусства им М. О. Ауэзова, Республика Казахстан,
Зуфар Сейтжанов
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье представлен сравнительно-типологический анализ этиологических мифов казахского и тувинского народов, направленный на выявление их мировоззренческих оснований, а также общих и специфических типологических черт. Рассмотрены мифы, связанные с образами и мотивы молнии, грома, утренней звезды, вечнозеленых деревьев, темой различий между человеком и животным, а также процессами метаморфозы.

К общим чертам мифов обоих народов относятся поклонение природе, речь животных, равенство человека и животного, мифологическая логика причины и следствия. Отмечается, что мифологическое мировоззрение двух народов имеет глубокие исторические корни и опирается на общие архаические модели осмысления природы, космоса, животного мира и человеческого бытия.

Особое внимание уделяется различиям. В казахской мифологии преобладают исламское мировоззрение и морально-этические оценки, что придает мифам воспитательный характер. В тувинской мифологии в большей степени сохранились шаманские, анимистические и магические концепции, явления окружающего мира объясняются непосредственным влиянием мистических сил. Делается вывод о том, что различия сформировались под влиянием исторических, культурных и религиозных факторов жизни каждого народа.

Ключевые слова: *казахская мифология; тувинская мифология; сравнительный анализ; этиологический миф; фольклор; мифическое мировоззрение; система образов*

Статья подготовлена в рамках проекта «BR27101897 (ПЦФ 2025-2026) Цифровая трансформация экосистемы литературоведения, фольклористики и искусствоведения Казахстана: междисциплинарные исследования».

Для цитирования:
Набиолла Н., Жылкыбаев Д., Сейтжанов З. Типологическое сходство и этнокультурная специфика казахских и тувинских этиологических мифов // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 148-161. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.10

Набиолла Насихат — научный сотрудник отдела фольклористики Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050000, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: nasihat_83@mail.ru
Жылкыбаев Досхан — научный сотрудник отдела фольклористики Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050000, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: doskhan.zhq@mail.ru
Сейтжанов Зуфар — доктор филологических наук, профессор кафедры казахской литературы и теории литературы филологического факультета Казахского национального университета им. Аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050040, пр. Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: asegizbayeva_84@mail.ru

Article

Typological Similarity and Ethnocultural Specificity of Kazakh and Tuvan Etiological Myths

Nassikhat Nabiolla, Doskhan Zhylkybayev
M. O. Auezov Institute of Literature and Art, Republic of Kazakhstan,
Zufar Seitzhanov
Farabi University, Republic of Kazakhstan

The article presents a comparative-typological analysis of etiological myths of the Kazakh and Tuvan peoples, aimed at identifying their worldview foundations, as well as common and specific typological features. The authors examine myths associated with the images and motifs of lightning, thunder, the morning star, evergreen trees, the theme of differences between humans and animals, and various processes of metamorphosis.

Among the shared characteristics of the myths of both peoples are reverence for nature, the capacity of animals to speak, the initial equality of humans and animals, and a mythological logic of cause and effect. It is noted that the mythological worldview of the two peoples has deep historical roots and relies on common archaic models for comprehending nature, the cosmos, the animal world, and human existence.

Attention is paid to the differences. In Kazakh mythology, Islamic worldview and moral-ethical evaluation predominate, which imparts an educational and didactic character to the myths. In Tuvan mythology, shamanic, animistic, and magical concepts have been preserved to a greater extent, and phenomena of the surrounding world are explained by the direct influence of mystical forces. The article concludes that these differences were formed under the influence of the historical, cultural, and religious conditions of each people's life.

Keywords: *Kazakh mythology; Tuvan mythology; comparative analysis; etiological myth; folklore; mythological worldview; system of images*

Financing
This article was prepared within the framework of the project "BR27101897 (PCF 2025–2026) Digital transformation of the ecosystem of literary studies, folklore studies and art history in Kazakhstan: interdisciplinary research."

For citation:
Nabiolla N., Zhylkybayev D. and Seitzhanov Z. Typological Similarity and Ethnocultural Specificity of Kazakh and Tuvan Etiological Myths. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 148-161. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.10

NABIOLLA*, *Nassikhat, Researcher, Department of Folklore Studies, M. O. Auezov Institute of Literature and Art. Postal address: 9 Kurmangazy St., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050000. E-mail: nasihat_83@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9832-8028

ZHYLKYBAYEV, Doskhan, Researcher, Department of Folklore Studies, M. O. Auezov Institute of Literature and Art. Postal address: 9 Kurmangazy St., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050000. E-mail: doskhan.zhq@mail.ru
ORCID: 0009-0007-6062-7584

SEITZHANOV, Zufar, Doctor of Philology, Professor, Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Faculty of Philology, Farabi University. Postal address: 71 Al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040. E-mail: asegizbayeva_84@mail.ru

Введение

Понимание природных явлений у древних народов мира, в том числе у тюрко-монгольских, формировалось в тесной связи с их системой коллективных представлений. В рамках мифологического мышления эти явления осмысливались не как «непознаваемые», а как включённые в особый порядок причинности, где действуют сакральные силы и отношения участия (Леви-Брюль, 1930). Именно поэтому природные проявления интерпретировались как знаки и действия сверхъестественных агентов и почитались как священные.

Почитание и уважение к природному миру — основа шаманской веры. «Шаманская вера изначально основывалась на идее всеобщего голубого неба и отдельных чудесах творения, таких, как солнце, луна, реки и вода и др. Значит, она преклонялась перед природой» (Уәлиханов, 1985: 172–173). Данная установка на сакрализацию природной среды и признание её одушевлённого, духовного начала находит отражение в мировоззрении тюркских народов в целом, в том числе в представлениях казахов и тувинцев.

В традиционной культуре казахского народа элементы шаманского мировоззрения сохраняются не только в космологических представлениях, но и в системе обычаев и запретов, регулирующих повседневные отношения человека с окружающей средой. Вера в «сакральность» отдельных природных сил, а также в их охранительное или карательное воздействие сформировала представления о *құт* ‘благополучие’ и *кесір* ‘ущерб, несчастье’ (Уәлиханов, 1985). Тем самым отношение к природе получило выражение в форме этических норм, определяющих допустимые границы человеческого поведения.

В тувинской культуре эта линия получает более целостное и концептуальное оформленное выражение. З. Б. Самдан в работе о шаманской этике в творчестве М. Б. Кенина-Лопсана подчёркивает, что у тувинцев есть этические принципы, выработанные веками: «почитание предков, их нравственных ценностей; почитание природы и всей окружающей среды; забота о благополучии будущих поколений» (Самдан, 2020b: 26). Она добавляет, что основу мифо-экологического сознания тувинцев-кочевников составляет шаманская этика (там же).

Шаманское мировоззрение возникло из признания всех природных сил — неба, солнца, луны, молнии, ветра, воды, гор — носителями священного духа. Из этих верований возникла и мифология. Отношение к природе в мифологиях тюркских народов, включая казахский и тувинский, восходит к единому источнику. Сходство между мифами этих народов обусловлено общим тюркским мировоззрением, тогда как различия связаны с религиозными представлениями, географической средой, экономическими особенностями и последующим культурным влиянием.

Несмотря на растущее число исследований, посвященных тюркской мифологии (Bayat, 2007; Журакузиев, 2021; Çoruhlu, 2020; и др.), сопоставления казахских и тувинских мифов и их типологического анализа на уровне конкретных текстов до сих пор недостаточно систематизирована. Во многих работах эти мифологические традиции рассматриваются либо в рамках отдельного национального контекста (Кенин-Лопсан, 2002; Сатанар, 2022; Сувандии, 2023; и др.) либо в рамках общей тюрко-монгольской мифологии (Тойшанұлы, 2009; Иликаев, Шарипов, 2023; Донгак, Сухбаатар, 2025; и др.). Между тем, параллельное сравнение этиологических мифов, объясняющих природные явления и образы животных, редко выступает самостоятельным объектом изучения. Данное обстоятельство обуславливает актуальность настоящего исследования. Связи с этим в статье проводится анализ казахской и тувинской мифологии с применением сравнительно-типологического метода. Рассмотрение конкретных мифологических текстов позволяет выявить общие архаичные мотивы, сюжетные структуры и функции, а также особенности, присущие культурно-историческому опыту каждого народа. Такой подход способствует более глубокому пониманию целостности и многогранности тюркских мифологических традиций.

В казахской и тувинской фольклорных традициях «миф» не является самостоятельным жанром народного повествования. Он используется преимущественно как научный термин для обозначения архаических мифологических представлений, сохранившихся в составе различных фольклорных жанров. Как отмечает С. Каскабасов, казахский миф принципиально отличается от мифологии древних греков и римлян, где мифы образовали целостную систему. В казахском фольклоре миф не оформился в самостоятельную систему и не закрепился как отдельный жанр, а был рассеян по разным формам устного творчества. Мифологические мотивы и представления сохранились в сказках, эпосе

и жанрах не сказочной прозы (миф, *хикая* ‘быличка’, *әңгіме* ‘рассказ’, *аңыз* ‘предание’, *әпсана-хикаят* ‘легенда’). В этом смысле миф следует понимать как обобщающую категорию, реконструируемую исследователем на основе разнородных фольклорных текстов (Қасқабасов, 2014).

Аналогичная жанровая ситуация характерна и для тувинского фольклора, где миф (*бурун-чугаа* ‘древний рассказ’) входит в комплекс несказочной прозы наряду с легендой (*тоолчургу чугаа* ‘сказочное повествование’), преданием (*төөгү чугаа* ‘исторический рассказ’) и устными рассказами (*болган таварылга* ‘быличка’) (Донгак, Сухбаатар, 2025). Мифологическое содержание в тувинской традиции не изолируется жанрово, а распределяется между различными типами устных текстов, образуя целостную систему повествований, отражающих сакральное пространство, историческую память и традиционное мировоззрение[1].

Цель исследования — выявить типологические сходства и различия между казахскими и тувинскими мифами. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: проанализировать этиологические мифы о природных явлениях, прежде всего о громе и молнии, в казахской и тувинской традициях; рассмотреть образ утренней звезды Шолпан / Шолбан (Венеры) в мифологических представлениях двух народов; выявить особенности этиологических мифов о животном мире и интерпретации границы «человек — природа». В рамках решения указанных задач анализируется жанровая специфика мифологических повествований, система образов и мотивная структура, а также определяются историко-культурные факторы формирования общих и специфических черт.

Теоретической и методологической основой исследования являются сравнительно-исторический метод, типологический анализ и структурно-функциональный подход к мифологическим текстам. В качестве источников исследования использовались опубликованные сборники мифологических текстов казахского («Найзағай (ажағай) киесі[2]» («Повелитель молнии»), «Шолпан»[3] («Венера»), «Байұлы»[4] («Байулы»), «Мәңгі су»[5] («Вечная вода»), «Неге адам шөп жемейді?»[6] («Почему человек не ест траву?»), «Сиырдың бүйрегі неге бұжыр[7] [Сиыр]» («Почему у коровы почка состоит из долек») и тувинского народов («Дээр диңмирээшкини улу алгызындан болур (От крика дракона происходит небесный гром)»[8], «Шолбан (Шолбан)»[9], «Торга (Дятел)»[10], «Мөңге аржаан, онмас ыыштар (Живая вода и вечнозеленые деревья)»[11], «Кижи чүге өч чүвес болганы (Почему человек не ест траву?)»[12], «Инектиң бүгээ чүге үрмек болганы (Почему у коровы почки комочками)»[13]). То есть рассмотрены двенадцать мифологических текстов, из которых шесть относятся к казахской и шесть — к тувинской традиции.

Обзор литературы

Сбор и публикация казахского и тувинского фольклорного наследия систематически осуществлялись преимущественно во второй половине XIX — начале XX в. Фиксация и введение мифологических текстов тюркских народов в научный оборот связаны с именами Г. Н. Потанина (Потанин, 1972), В. В. Радлова (Радлов, 1870), Н. Ф. Катанова (Катанов, 2011).

[1] Мифы, легенды, предания тувинцев / сост.: Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010.
[2] Мыңжанұлы, Н. Қазақтың мифтік аңыздары [Мифологические предания казахов]. Үрімжі: Шыңжаң халық баспасы. 1996. С. 43–44. (На каз. яз.)
[3] Там же. С. 8–9.
[4] Бабалар сөзі: Жүз томдық. Т. 78. Қазақ мифтері. [Слова предков: Сто томов. Т. 78. Казахские мифы]. Астана: Фолиант, 2011. С. 96. (На каз. яз.)
[5] Шәуешек қаласының аңыз-ертегілері [Легенды и сказки города Шауэшек]. Шәуешек. 1995. С. 7–8. (На каз. яз.)
[6] Потанин Г. Н. Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина / Смирнова Н. С. (ред.), Қасқабасова С. А., Смирнова Н. С., Турсунова Е. Д. (сост.) / Архивные материалы и публикации. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 53.
[7] Бабалар сөзі: Жүз томдық. Т. 78. Қазақ мифтері. [Слова предков: Сто томов. Т. 78. Казахские мифы]. Астана: Фолиант, 2011. С. 131. (На каз. яз.)
[8] Мифы, легенды, предания тувинцев / сост.: Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б.Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. С. 45.
[9] Там же. С. 43–45.
[10] Там же. С. 73–75.
[11] Там же. С. 49.
[12] Там же. С. 51.
[13] Там же. С. 79.

Формирование научного изучения казахской мифологии и традиционного мировоззрения, включая шаманские элементы, восходит к трудам Ч. Валиханова (Уәлиханов, 1985), который не только фиксировал фольклорные тексты и обрядовые практики, но и предлагал их научное описание. Существенный этап в развитии казахской фольклористики связан с работами академика С. Каскабасова. В труде «Қазақтың халық прозасы» («Казахская народная проза») он осмыслил миф в системе несказочной прозы, предложил жанровую классификацию и методологические основания анализа (Қасқабасов, 1984). Выводы исследователя стали опорными для последующих работ по казахской мифологии. Жанровые разновидности казахских мифов и вопросы их историчности детально рассматривал Н. Мынжанулы (Мыңжанұлы, 1996).

Сравнительно-типологический контекст тюрко-монгольской мифологии представлен, в частности, в монографии А. Тойшанулы «Түркі-моңғол мифологиясы» («Тюрко-монгольская мифология») (Тойшанұлы, 2009), в которой анализируются общие для тюркских и монгольских народов мифологические модели и мировоззренческие представления.

Тема тематической классификации и ареального распространения фольклорно-мифологических мотивов получила разработку в трудах Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина[1]. Это задает важную типологическую основу для сопоставительных исследований.

История собирания и изучения фольклорного наследия тувинцев в развернутом виде представлена в работах С. М. Орус-оол[2], где анализируются этапы экспедиционной фиксации, источниковая база и основные направления исследования тувинского народа. Существенный вклад в изучение шаманской традиции тувинцев внес М. Б. Кенин-Лопсан (Кенин-Лопсан, 2002), подробно рассмотревший вопросы шаманской этики. В современном тувиноведении заметное место занимают исследования Ж. М. Юша, ориентированные на изучение шаманской мифологии и несказочной прозы тувинцев, а также на структурно-семантический анализ обрядов и ритуальной традиции (Юша, 2021). Вместе с тем в указанных работах тувинская мифология, как правило, рассматривается в рамках собственной традиции.

З. Б. Самдан, исследовавшая жанровые и функциональные особенности тувинских мифов, подчеркивает, что мифы выполняют коммуникативные, дидактические и религиозно-магические функции, что указывает на необходимость рассматривать их не только как повествовательные тексты, но и как сложный культурный феномен (Самдан, 2020а: 201).

В целом, несмотря на существенное расширение научной базы исследований по казахской и тувинской мифологии, типологических исследований, системно сравнивающих мифологические тексты двух народов на основе этиологических сюжетов, по-прежнему недостаточно. Данная статья призвана восполнить этот научный пробел.

Этиологические мифы о природных явлениях (гром, молния)

Мифы о природных явлениях встречаются у всех народов мира. Они представлены и в традициях казахов и тувинцев, однако в каждом случае обладают своими уникальными чертами.

Так, в казахском мировоззрении молния воспринимается в качестве гнева создателя, сопровождающегося громким звуком и яркой вспышкой. В мифе «Найзағай (ажағай) киесі»[3] («Повелитель молнии») молния описывается как

> «могучий предводитель, батыр самого небесного создателя Тенгри. По велению Тенгри он берет в руки огненное копье, натягивает лук и отправляется в путь, чтобы вершить наказание. От натянутого им лука чернеют земля и небо. Он начинает разить стрелами злых чудовищ и демонов, осмелившихся противиться предначертанию Тенгри, и низвергает их с неба. Раскатистый гром — отзвук его натянутого лука, ударившаяся в землю молния — стрела его лука. От стрелы, выпущенной повелителем молнии, спасаясь, албасты прячутся в “нечистых” местах и у людей с неочищенной, недоброй душой. Считалось, что если

[1] Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. [М.: ЦТСФ РГГУ, 2011]. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm (дата обращения: 15.12.2025.)
[2] Орус-оол С. Тувинские героические сказания (Текстология, поэтика и стиль) : дисс. … д-ра филол. н. М., 2001.
[3] Мыңжанұлы Н. Қазақтың мифтік аңыздары [Мифологические предания казахов]. Үрімжі: Шыңжаң халық баспасы, 1996. С. 43–44. (На каз. яз.)

стрела ударит в такое место, она может “захватить” вместе с албасты и тех, у кого нет душевной чистоты. Поэтому при раскатах грома люди сильно пугались и старались защититься: разжигали огонь, бросая в него саксаул, и совершали другие обрядовые действия» (Мыңжанұлы, 1996: 44).

В данном случае мифологический образ представлен молнией. Это представление восходит к древней концепции, сформировавшейся у кочевых народов той исторической эпохи. «В те времена, — как пишет Н. Мынжанулы, — это соотносилось с образами военачальников из орды каганов, которые отправлялись в дальние походы и, подобно грому, внезапно обрушивались на вражеские племена, разили, словно молния, и истребляли их» (там же). Изначально такая мифологизация природной стихии складывалась в русле шаманско-анимистических представлений, где гром и молния мыслится как действие персонифицированной небесной силы.

В более поздних культурных слоях обрядовые практики не исчезли, они сохранялись как «правильные» формы поведения и получали новые объяснение, которые рамки уже не только как магическое воздействие, но и как социально-нормативное правило, регулирующее реакцию на опасное и непонятное. Место, куда ударила молния, использовалось для жертвоприношений. Здесь разводили костер и проводили обряд очищения, окропляя землю кумысом (закисшим кобыльим молоком). Эти представления основывались на вере в то, что сила Неба (Тенгри) воплощена в молнии. Таким образом, ритуал служил «механизмом» для перевода священного опыта в практику. Его архаичная мотивация, возможно, осталась прежней, в то время как словесная интерпретация и оценка трансформировались в нормы и инструкции. В связи с этим человек был вынужден вырабатывать собственные нормы и правила жизни, способствующие осмыслению и преодолению необъяснимых изменений в природе. «В условиях непостижимых явлений природы, — писал Ч. Валиханов, — эти правила и нормы использовались как руководство и инструмент для действий в различных непредвиденных ситуациях» (Уәлиханов, 1985: 172). Архаический ритуал сохраняется, но его интерпретация варьирует в зависимости от историко-культурного контекста.

Почему молния ассоциируется с Вечно Синим Тенгри? Согласно древней казахской концепции, земля — мать человечества, животных и растений, небо считается отцом света, тепла и дождя. «Поэтому казахи древних времен поклонялись Синему Тенгри и Матери-Земле», писал Н. Мынжанулы (Мынжанұлы, 1987: 594). В этом контексте молния интерпретируется как проявление силы Тенгри. Данный образ соотносится с более широким пластом доисламских представлений, в рамках которых природные явления осмысливаются как осуществляющиеся по воле и повелению Тенгри. На это указывают и мифологемы, зафиксированные в «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгари: «Тәңір бұлт шығарды» («Тенгри вывел/наслал облако»), «Тәңірі ағынды (суды) ағызды» («Тенгри пустил/прогнал течение (воды)»), «Тәңірі шөп өндірді» («Тенгри взрастил траву»)[1].

В тувинском мифе «Дээр диңмирээшкини улу алгызындан болур» («От крика дракона происходит небесный гром»)[2] гром и молния объясняются через образ мифического дракона, обитающего в Верхнем мире. Согласно сюжету, раскаты грома возникают в тот момент, когда дракон издаёт приглушённый рёв, лишь слегка приоткрывая пасть, поскольку считалось, что, если он закричит во всю силу, погибнет всё живое во Вселенной. Молния же появляется тогда, когда дракон машет своим хвостом. Таким образом, в древних представлениях тувинцев гром интерпретировался как рёв дракона, а молния — как движение его хвоста. Данный миф фиксирует локальную телесно-антропоморфную интерпретацию природных явлений, хотя тувинские представления о молнии не исчерпываются исключительно «драконьей» моделью. На существование иного объяснительного мотива указывает сравнительно-типологический материал. Согласно записям В. И. Анучина: «Дог поражает громом и молнией злых духов кынсей, а молния возникает от ударов его стрел о тучу (“как искра от удара огнива о кремень”)»[3]. В каталоге мотивов Е. Н. Берёзкина этот сюжет зафиксирован как «Оружие Грома» и отмечен как распространённый в Сибири, в том числе у тувинцев[4].

[1] Әдеби жәдігерлер [Тюркский словарь / Диван лугат ат-тюрк] / көне түркі тілінен ауд., алғы сөзі мен түсініктерін жазған А. Қ. Егеубай. Алматы: Таймас баспа үйі, 2007. (На каз. яз.)
[2] Мифы, легенды, предания тувинцев / сост: Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б.Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. С. 45.
[3] Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков. СПб.: Типография ИАН, 1914. (СМАЭ. Т. II. 2.) С. 8.
[4] Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. [М.: ЦТСФ РГГУ, 2011]. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm (дата обращения: 15.12.2025.)

Сопоставление этих данных позволяет видеть, что в традиционной картине мира молния часто мыслится не просто как физическое явление, а как результат действия персонифицированной силы, наделённой «оружием» (стрелой) и направляющей удар в адрес враждебных сущностей. Именно таким образом интерпретируется и казахский сюжет. В этом контексте становится объяснимой и ритуализация места удара. В казахской традиции оно подлежит очищению (разведение огня, окропление кумысом и др.), поскольку молния мыслится как знак вмешательства сакральной силы и как действие, направленное против «нечистого». Дополнительное подтверждение сакрально-избирательного характера молнии в тувинском материале дает сообщение Г. Н. Потанина: «У тувинцев (р. Торхолик) Улы-Кайракан, “зимующий на земле и летом возносящийся на небо”, бросает молнии разных цветов; тот, кому молния попадет в голову, становится камом; “белая молния” делает человека ак сеёкту хам»[1]. Здесь молния выступает не только как карающая сила, но и как сакральный знак избранничества, санкционирующий шаманский статус. Важно, что фигура Улы-Кайракана (Улуг-Хайыракана) соотносится с высшим небесным началом: «В тувинской традиции Небо именуется также Хайыраканом — богом мироздания»[2].

М. Содномпилова пишет, что «согласно этнографическим материалам XIX века, этот образ сохранился у народов Монголии, у бурят Забайкалья, тувинцев. Последние называли небесного дракона Улы-Кайракан» (Содномпилова, 2021: 74). По мнению исследователей, образ вызывающего грозу змея или дракона преимущественно характерен для Восточной Азии, а в Центральной Азии обусловлен восточноазиатским влиянием. При этом возможно, что его предшественниками являлись иные мифологические образы, сохранившиеся на периферии региона и в разной степени слившиеся с дракона (Дугаров, 1991: 182; Березкин, 2013: 119).

В этом контексте можно предположить, что если в тувинской традиции небесный дракон обозначается именем Улуг-Хайыракан, то за зооморфным образом стоит более архаичное представление о высшей небесной силе, функционально соотносимой с образом Тенгри в казахской мифологии. В таком ракурсе мифологические системы казахов и тувинцев обнаруживают типологическое сходство на глубинном уровне, несмотря на различие внешних образов. В то же время, с учётом выводов Д. С. Дугарова и Ю. В. Березкина, можно допустить, что зооморфная интерпретация грома и молнии в тувинской традиции сформировалась под влиянием восточноазиатского мифологического круга. В этом случае тувинские мифы демонстрируют переход от представления о небесной силе уровня Улуг-Хайыракана к более конкретной, образно-наглядной «драконьей» модели объяснения природных явлений.

Нужно отметить, что образ дракона присутствует и в казахской традиции. Однако целью настоящего исследования является типологическое сопоставление мифологических представлений о громе и молнии, в связи с чем углублённый анализ образа дракона выходит за рамки поставленных задач.

Тувинский эпический материал позволяет типологически уточнить уже отмеченную «воинскую» метафорику грома и молнии. Если в казахской традиции природная стихия осмысливается через образ походного военачальника из орды каганов, который «подобно грому» внезапно обрушивается на врага и «разит, словно молния», то в тувинских сказаниях близкая семантика реализуется в мотиве «падающих с неба стрел». В сказании «Хунан-Кара» эти стрелы выпускает небесный богатырь, а его преобразовательная деятельность обнаруживает черты героя-мироустроителя, обладающего властью над природными силами; при этом прообраз «всепоражающей стрелы» прямо соотнесён с небесной стрелой — молнией[3]. В обеих традициях молния концептуализируется как «оружие» сверхъестественного воина (военачальника/небесного богатыря), что переводит природное явление в регистр сакральной воинской власти и делает образ батыра ключевым медиатором между космической стихией и социально понятной моделью силы.

[1] Дувакин Е. Н. Шаманские легенды народов Сибири: сюжетно-мотивный состав и ареальное распределение: дисс. … канд. филол. н. М., 2011. С. 202–203.
[2] Орус-оол С. Тенгрианство в тувинском фольклоре [Электронный ресурс] // Международный Фонд Исследования Тенгри. 2015, 16 октября. URL: https://tengrifund.ru/tengrianstvo-v-tuvinskom-folklore.html (дата обращения: 13.12.2025).
[3] Хертек Л. К. Мифологические традиции в тувинских героических сказаниях (Сюжеты и образы): дисс. … канд. филол. н. М., 2015.

Таким образом, сопоставление казахских и тувинских мифов о громе и молнии показывает как общие черты, так и различия в их интерпретации. В обеих традициях гром и молния воспринимаются как проявление сакральной силы и осмысливаются в образе оружия, направленного против враждебных или хаотических сущностей. Вместе с тем способы репрезентации этой силы различаются. В казахской традиции молния сохраняет антропоморфный характер и связывается с волей Тенгри, выступая прежде всего как карающее и очищающее начало, восстанавливающее нарушенный порядок. В тувинской традиции, напротив, молния чаще соотносится с зооморфными образами и приобретает выраженную избирательную функцию, проявляясь как знак сакрального избранничества и санкционирования шаманского статуса. Тем самым различия между двумя традициями обусловлены не отсутствием общего мифологического основания, а разным пониманием роли и действия небесной силы.

Образ утренней звезды Шолпан / Шолбан (Венеры)

В мифологической системе народов мира особое место занимают легенды о происхождении и природе небесных тел, в том числе и звезд. Одним из таких сюжетов являются мифы о звезде Шолпан ‘Венера’. Каждый тюркский народ создал собственные версии происхождения этой звезды. Так, легенда «Шолпан жұлдызының жаратылысы»[1] («Сотворение звезды Шолпан») в казахском фольклоре носит религиозно-этический характер, тогда как миф тувинских народов «Шолбан»[2] является отражением бытового и анимистического мировоззрения.

Ключевой особенностью обоих мифов является наличие архаичного мотива превращения человека в звезду, характерного для мифологических сюжетов. Вместе с тем, в зависимости от культурных и религиозных особенностей каждого из народов, данный мотив получил различное содержательное развитие.

Сюжет казахского мифа «Шолпан» связан с представлениями о происхождении утренней звезды и нравственной ответственности. В мифе рассказывается, что два ангела, наблюдая за людьми, усомнились в том, что человеческие поступки неизбежно связаны с грехом. Аллах разъяснил им, что вместе с человеком были созданы вожделение и страсть, поэтому людям трудно сохранять справедливость. Ангелы, не соглашаясь с этим, выразили уверенность, что смогли бы оставаться праведными даже при наличии таких чувств, после чего были ниспосланы на землю и наделены человеческими желаниями для отправления правосудия. Первоначально они судили честно, однако, столкнувшись с земными соблазнами, утратили беспристрастность. Встретив красивую женщину, ангелы поддались страсти и стали угрожать ей. Женщина, воспользовавшись ситуацией, попросила научить её молитве и на рассвете воззвала к Аллаху о защите. В ответ Аллах вознёс её на небо, превратив в яркую утреннюю звезду, а ангелов в наказание навечно сослал на пустынную землю.

Данный сюжет носит поучительный, воспитательный характер. Чтобы избежать греховного давления женщина возносится на небо и превращается в звезду. Трансформация происходит исключительно по воле Аллаха, что указывает на влияние позднего ислама. По-видимому, древний миф, объясняющий происхождение звезды Венеры, постепенно трансформируется, в результате чего в нем утверждается божественный мотив.

В тувинском мифе звезда Шолбан изначально изображается как женщина, прежде жившая на земле. Главной чертой ее характера является лень. Согласно мифу, Шолбан спит и днем, и ночью. Ее постоянно беспокоят различные существа и тревожат события. Вначале по ней пробегает тупкачик (ночное насекомое, похожее на красного жука), затем её беспокоит заяц, а когда она пытается найти другое место, её едва не затаптывает табун лошадей. Так и не найдя покоя на земле, Шолбан произносит: «Не осталось на земле спокойного места!», после чего улетает на небо. Даже поднявшись ввысь, она оглядывается кругом, проверяя, не преследует ли ее кто-нибудь. В данном мифе вознесение Шолбан на небо связано со стремлением к покою и уходом от земной суеты.

[1] Мыңжанұлы, Н. Қазақтың мифтік аңыздары [Мифологические предания казахов]. Үрімжі: Шыңжаң халық баспасы, 1996. С. 8–9. (На каз. яз.)
[2] Мифы, легенды, предания тувинцев / сост: Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б.Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. С. 43–45.

В архаической мифологии мотив метаморфозы представлен в нескольких формах и обусловлен разными причинами. Наиболее древним считается превращение, совершаемое человеком «само по себе», по собственной воле. Чаще всего оно мотивируется либо стремлением уйти от опасности, либо состоянием крайней усталости, после чего персонаж принимает иной облик (Қасқабасов, 2014). Эта логика, как отмечал Е. М. Мелетинский на материале тотемических мифов австралийских племён аранда и лоритья, проявляется в сюжетах, где «первопредки», достигнув цели странствия, превращаются в природные объекты или священные предметы, а само превращение объясняется их усталостью (Мелетинский, 2000: 178–179). Данный тип метаморфозы восходит к ранней стадии мифологического сознания, когда человек еще не отделял и не противопоставлял себя природе, не дифференцировал «я» и окружающий мир, воспринимая их как единую целостность.

Мифы о звезде Шолпан/Шолбан, несмотря на общий архаичный сюжет, существенно различаются по содержанию и мировоззренческим установкам. Казахский вариант в своих поздних записанных версиях носит религиозно-этический характер и отражает влияние исламской традиции, тогда как тувинская легенда опирается на шаманско-анимистические представления. При этом тувинский миф о Шолбан в большей степени сохраняет черты архаического мифологического сознания, в рамках которого человек мыслится как органическая часть одушевлённой природы, а граница между «человеческим» и «космическим» мирами проницаема. Вознесение и превращение героини выступает не столько моральной санкцией, сколько естественным способом восстановления личного равновесия и обретения гармонии с миропорядком. Таким образом, сопоставление данных мифов демонстрирует не только вариативность древнего инварианта (мотив превращения в небесное тело), но и различие культурных механизмов его позднейшей интерпретации — от архаической модели единства человека и природы до религиозно-нормативной трактовки.

Этиологические мифы о формировании границы «человек — природа» и животного мира

Сопоставление казахских и тувинских мифологических сюжетов позволяет выявить общие мотивы и сходные причинно-следственные модели, лежащие в основе этиологических объяснений. Одним из таких устойчивых мотивов является превращение человека в птицу как форма наказания за нарушение фундаментальных нравственных норм.

В казахском мифе «Байұлы» («Сын богача»)[1] рассказывается о единственном сыне чрезвычайно богатого человека, вымоленном у Бога в преклонном возрасте. Несмотря на долгожданное рождение, мальчик вырастает непокорным, грубым и не считающимся с родителями. Не сумев его исправить, отец в гневе проклинает сына, произнося: «Стань птицей, пусть твоё гнездо будет в камнях». Сила проклятия оказывается действенной, и юноша превращается в птицу, получившую название *байұлы*.

Сходный мотив обнаруживается и в тувинском мифе «Торга» («Дятел»)[2]. В этом сюжете единственный сын, воспитанный в достатке, вырастает ленивым и жестоким, отказывается заботиться о престарелых родителях и, забрав их имущество, обрекает их на гибель. Перед смертью родители проклинают сына, и сила их проклятия становится причиной его превращения в дятла.

В обоих мифах слово воспринимается как реальное действие, а проклятие — как сила, влияющая и меняющая окружающий мир. В магическом фольклоре слово обладает особым статусом. Во многих традициях действует принцип «сказать = сделать», поэтому заклинание, проклятие функционируют не как сообщение, а как действие. Сила такого текста зависит от условий исполнения надлежащего времени, исполнителя и формулы. Его можно объяснять как перформативный речевой акт, в котором высказывание не описывает реальность, а порождает её (Austin, 1962). В этом смысле проклятие в мифологическом сюжете выступает действенной причиной трансформации персонажа.

Миф по своей природе отражает обязательную причинную обусловленность события. Любое изменение, то есть превращение, имеет свою причину. «Изменения в мифах происходят по трем разным

[1] Бабалар сөзі: Жүз томдық. Т. 78. Қазақ мифтері. [Слова предков: Сто томов. Т. 78. Казахские мифы.]. Астана: Фолиант, 2011. С. 69. (На каз. яз.)
[2] Мифы, легенды, предания тувинцев / сост.: Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б.Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. С. 73–75.

причинам. — пишет С. Каскабасов. — Первая заключается в том, что человек засыпает от сильной усталости и в результате превращается в камень, животное или птицу. Вторая причина — в виновности человека, превращение осмысливается как наказание» (Қасқабасов, 2014: 79–80). В более поздние исторические эпохи категория человеческой вины трансформируется в категорию греха. «Третья причина — это стремление избежать угрозы жизни. Человек подвергается смертельной опасности, и чтобы избежать ее, превращается в камень, звезду и т. д» (там же: 80).

Метаморфоза в мифологии не ограничивается судьбой человека или животного. В архаическом мировоззрении изменение распространяется и на саму природу. В таком случае метаморфоза осмысливается не как наказание или спасение отдельного субъекта, а как этиологический механизм, объясняющий устройство и особенности природного мира. Показательным примером являются мифы, раскрывающие происхождение вечнозелёных деревьев.

В казахском мифе «Мәңгі су»[1] («Вечная вода») воины царя Александра Македонского находят вечную воду, которая дарит долгую жизнь и бессмертие. Они набирают ее в кожаные мешки и на время отдыха подвешивают на сосновых ветках, но вскоре сами, изнемогая от усталости, засыпают. В этот момент прилетает ворон, проклевывает мешки, и священная животворящая влага до последней капли проливается на ветки деревьев. В результате эти деревья остались навсегда зелёными. С тех пор, согласно мифическому объяснению, они сохраняют этот цвет на протяжении всего года.

В тувинском мифе «Мөңге аржаан, онмас ыыштар» («Живая вода и вечнозелёные деревья»)[2] объясняется происхождение вечнозелёных пород деревьев через действие сакральной субстанции — живой воды. Согласно сюжету, Бурган-башкы создаёт живую воду с целью даровать бессмертие всем существам, однако Ара-Хоо тайно похищает её и проглатывает. В попытке вернуть утраченный источник жизни Бурган-башкы преследует Ара-Хоо, получая сведения о его местонахождении от небесных светил — Солнца и Луны. Настигнув его, он разрубает тело Ара-Хоо, и вытекающая из него живая вода попадает на кедр, ель, можжевельник, пихту и сосну, наделяя их свойством вечной зелёности. Таким образом, устойчивый природный признак интерпретируется как результат контакта деревьев с чудотворной сакральной влагой, что отражает архаические представления о жизнетворной силе воды и её способности трансформировать мир природы.

Понимание воды как жизнетворного начала соотносится с наблюдением М. Элиаде, который, рассматривая символику воды в ритуальных практиках, подчёркивал её «порождающую» и «возрождающую» функцию: «в ритуале инициации вода дает “новое рождение”, в магическом ритуале она исцеляет, в похоронных ритуалах — обеспечивает посмертное возрождение. Воплощая в себе все возможности, вода становится символом Жизни (“живая вода”)» (Элиаде, 1999: 138).

Таким образом, сходство казахского и тувинского мифов о «живой / вечной воде» носит преимущественно функциональный, а не сюжетный характер. В обоих случаях необычное природное свойство — вечнозелёность деревьев объясняется действием сакральной влаги, однако способы мифологизации существенно различаются. В казахской традиции мотив вечной воды включён в повествовательное пространство позднего происхождения и связан с фигурой Александра Македонского, выступающего не как историческое лицо, а как фольклорно-мифологизированный герой, характерный для сказочно-религиозных преданий Евразии. Это придаёт сюжету черты условности и случайности, где результат достигается опосредованно — через действие птицы.

В тувинском мифе, напротив, живая вода осмысляется как изначальная, универсальная субстанция, созданная Бурган-башкы — божественным наставником и демиургической фигурой, сочетающей в себе элементы шаманской и буддийской традиций. Здесь вечнозелёность деревьев предстает не как побочный эффект, а как прямое следствие космического события, что сближает данный текст с архаическими представлениями о мироустройстве. Тем самым тувинская версия демонстрирует более ранний и концептуально целостный тип мифологического мышления, тогда как казахская отражает его переосмысление в рамках более поздней фольклорной традиции.

[1] Шәуешек қаласының аңыз-ертегілері [Легенды и сказки города Шауэшек]. Шәуешек, 1995. С. 7–8. (На каз. яз.)
[2] Мифы, легенды, предания тувинцев / сост.: Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б.Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. С. 49.

Следующий круг сопоставлений связан с этиологическими мифами, объясняющими установление границ между человеком и животным миром, а также формирование устойчивого миропорядка. В казахской и тувинской традициях подобные сюжеты раскрывают архаические представления о происхождении телесных, поведенческих и природных различий как результате вмешательства сакральных сил.

Казахский миф «Неге адам шөп жемейді?» («Почему человек не ест траву?»)[1] объясняет первоначальные отношения человека и животных. В древности человек без меры поедает траву, лишая животных корма. Животные жалуются Тенгри, и Создатель устанавливает порядок. Трава предназначается животным, а человек должен питаться скотом; так формируется экологическое равновесие. В другом архаичном варианте того же сюжета (сохранённом в изменённом виде)[2] говорится, что вначале были созданы четыре человека и четыре домашних животных (верблюд, лошадь, корова, овца), все питались травой. Люди начали вырывать её с корнем и делать запасы, и животные обратились к богу. Он запретил людям есть траву, но спросил животных, согласны ли они, чтобы их забивали ради пищи, и они согласились. Такая замена героя-творца фигурой единого бога свидетельствует о влиянии поздней монотеистической традиции, хотя идея изначального единства людей и животных сохраняется.

У тувинцев существует близкий по содержанию миф «Кижи чүге өч чүвес болганы» («Почему человек не ест траву?»)[3]. В нём животные, конкурируя с людьми за корм, жалуются высшей силе. Бурган-башкы изменяет человека. Отрезает две из четырёх ног и делает пятки, превращая его в прямоходящее существо. Вместе с этим человек утрачивает способность питаться травой.

Обе версии сходны, животные выступают субъектами обращения к высшей силе, а миропорядок устанавливается её вмешательством. Различие в способе разрешения конфликта. В казахском тексте доминирует нормативное распределение пищи, в тувинском — радикальная телесная метаморфоза.

Согласно примерам, в мифологии обоих народов отношения между человеком и животным строятся на архаичных представлениях, а современный порядок мира воспринимается как результат действия сакральных сил.

В казахском и тувинском фольклоре есть общий этиологический миф, объясняющий необычное строение коровьей почки. В обеих традициях исходная ситуация одинакова: все живые существа получают почки, однако корова по собственной медлительности приходит последней и остаётся без своей доли. Возникший дисбаланс устраняется за счёт участия других животных, которые делятся с коровой частями своих почек, вследствие чего её орган приобретает комковатую, дольчатую форму.

В казахском мифе «Сиыр» («Корова»)[4] тот же сюжет претерпевает сказочную переработку и отличается большей художественной разработанностью. Корова наделяется эмоциональной реакцией, речью и индивидуализированным переживанием утраты; её анатомическая особенность получает дополнительную символическую интерпретацию, связываемую с характером и поведением животного. Тем самым миф выходит за рамки краткого этиологического объяснения и приобретает черты повествовательного, поучительного текста.

В тувинском мифе «Инектиң бүгээ чүге үрмек болганы» («Почему у коровы почки комочками»)[5] данный миф представлен в лаконичной и архаичной форме. Причина особенности строения органа объясняется напрямую: ленивой корове достаётся лишь небольшая часть почек других существ, что и определяет её анатомическую специфику. Повествование лишено выраженной эмоциональности и сосредоточено на установлении причинно-следственной связи, характерной для раннего этиологического типа мифологического мышления.

[1] Потанин Г. Н. Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина / Смирнова Н. С. (ред.), Қасқабасова С. А., Смирнова Н. С., Турсунова Е. Д. (сост.). / Архивные материалы и публикации. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 53.
[2] Мыңжанұлы Н. Қазақтың мифтік аңыздары [Мифологические предания казахов]. Үрімжі: Шыңжаң халық баспасы, 1996. С. 15. (На каз. яз)
[3] Мифы, легенды, предания тувинцев / сост.: Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б.Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. С. 51.
[4] Бабалар сөзі: Жүз томдық. Т. 78. Қазақ мифтері. [Слова предков: Сто томов. Т. 78. Казахские мифы.]. Астана: Фолиант, 2011. С. 131. (На каз. яз.)
[5] Мифы, легенды, предания тувинцев / сост.: Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б.Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. С. 79.

Сопоставление этих версий позволяет рассматривать их как два варианта одного мифологического сюжета, зафиксированные в разных исторических условиях и отражающие различные стадии его фольклорной трансформации.

Сопоставление казахских и тувинских мифов показывает, что в их основе лежит общее представление о мире. В обеих традициях любое изменение имеет причину, а превращения объясняются наказанием, спасением или вмешательством высших сил. При этом между ними есть различия. Казахские мифы чаще развёрнуты по сюжету, в них заметен воспитательный и религиозный характер, а сами тексты нередко переосмыслены в более поздние периоды. Тувинские мифы, напротив, более краткие и прямые, они сосредоточены на простом объяснении причин и следствий. Таким образом, обе традиции имеют общие корни, но отражают разные пути развития мифологического мышления.

Заключение

Проведённый сравнительно-типологический анализ казахской и тувинской мифологии показывает, что мифологическое мировоззрение двух народов имеет глубокие исторические корни и опирается на общие архаические модели осмысления природы, космоса, животного мира и человеческого бытия. В обоих корпусах мифов природные явления не выступают как нейтральные «вещи». Природа предстает живой и деятельной системой, связанной с сакральными силами, а животные наделяются речью, мышлением и способностью принимать решения. Существенное место занимает мотив метаморфозы, превращения человека в животное или птицу и обратные переходы осмысляются как закономерные для ранних этапов мироустройства и одновременно как объяснение наблюдаемых сегодня особенностей мира. Общей чертой является и этиологическая функция мифа. Повествование отвечает на вопрос «Почему так?», вводя причинно-следственную логику, насыщенную символическими смыслами.

Наряду с общностью основы выявляются принципиальные различия. В казахской традиции заметно влияние исламского мировоззрения и морально-этической оценки поступков персонажей, вследствие чего мифы нередко приобретают поучительный, воспитательный характер. В тувинской мифологии преобладают шаманские, анимистические и магические представления, где, как подчёркивается в исследовательской литературе, «глубинный смысл, или послание, сибирского анимизма заключался в поддержании равновесия между человеком и природой» (Hoppal, 1998). Тем самым сравнительное рассмотрение выявляет типологическое сходство базовых механизмов мифологизации и вариативность их локальных воплощений, обусловленную историей, средой и культурно-религиозными традициями каждого народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березкин, Ю. Е. (2013) Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб. : Наука. 320 с.

Донгак, А. С., Сухбаатар, Н. (2025) Исторический фольклор тувинцев и народов западной монголии // Эпосоведение. № 3. С. 86–99.

Дугаров, Д. С. (1991) Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М. : Наука. 300 с.

Журакузиев, Н. (2021) Модель мироустройства в литературе и фольклоре древних тюркских народов // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия Филология № 1 (134). С. 23–36. DOI: https://doi.org/10.32523/2616-678X-2021-134-1-23-36

Иликаев, А. С., Шарипов, Р. Г. (2023) Параллели в лунарных мифах тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров // Исторический журнал: научные исследования. № 5. С. 26–41. DOI: https://doi.org/10.7256/2454-0609.2023.5.43977

Катанов, Н. Ф. (2011) Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году / подг. рук., комм. А. К. Кужугет. Кызыл : ТИГИ при Правительстве Республики Тыва. 383 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2002) Мифы тувинских шаманов. Кызыл : Новости Тувы. 543 с.

Қасқабасов, С. (1984) Қазақтың халық прозасы [Казахская народная проза]. Алматы : Ғылым. 272 с. (На каз. яз.)

Қасқабасов, С. (2002) Жаназық [Пища для души]. Астана : Аударма. 584 б. (На каз. яз.)

Қасқабасов, С. (2014) Таңдамалы [Избранное]. Астана : Фолиант. Т. 1. 320 б. (На каз. яз.)

Леви-Брюль, Л. (1930) Первобытное мышление. М. : Атеист. 439 с.

Мелетинский, Е. М. (2000) Поэтика мифа. 3-е изд., репр. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 407 с.

Мыңжанұлы, Н. (1987) Қазақтың қысқаша тарихы [Краткая история казахов]. Үрімжі : Шыңжаң халық баспасы. 680 б. (На каз. яз.)

Мыңжанұлы, Н. (1996) Қазақтың мифтік аңыздары [Мифологические предания казахов]. Үрімжі : Шыңжаң халық баспасы. 196 с. (На каз. яз.)

Потанин, Г. Н. (1972) Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина / Смирнова Н. С. (ред.), Қасқабасова С. А., Смирнова Н. С., Турсунова Е. Д. (сост.) / Архивные материалы и публикации. Алма-Ата : Наука. 382 с.

Радлов, В. (1870) Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб. : Тип. Императорской Академии наук. Ч. 3. Киргизское наречие. 712 с.

Самдан, З. Б. (2020a) О принципах классификации тувинских мифологических сюжетов // IV Всероссийский конгресс фольклористов: Тула, 1–5 марта 2018 г.: сб. науч. ст. в 3 т. Т. 3: Комплексные исследования традиционной культуры / сост.: В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова; отв. ред. А. Б. Ипполитова. М. : ГРДНТ имени В. Д. Поленова. 480 с. С. 200–203.

Самдан, З. Б. (2020b) Шаманская этика в творчестве М. Б. Кенин-Лопсана (к 95-летию писателя и ученого) // Ермолаевские чтения. № VI. С. 22–27.

Сатанар, М. Т. (2022) Коды в миромоделировании тувинского и якутского эпических сказаний // Новые исследования Тувы. № 1. С. 211–224. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.14

Содномпилова, М. (2021) «Земля гроз и громовых стрел»: мифологические образы Внутренней Азии // Известия лаборатории древних технологий. Т. 17. № 2. С. 72–83.

Сувандии, Н. Д. (2023) *Чер* ‘земля’ в паремиях тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–37. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2

Тойшанұлы, А. (2009) Түркі-Монғол мифологиясы [Мифология тюрко-монгольских народов]. Алматы : Баспалар үйі. 192 б. (На каз. яз.)

Уәлиханов, Ш. (1985) Таңдамалы [Избранное]. Алматы : Жазушы. 560 б. (На каз. яз.)

Элиаде, М. (1999) Очерки сравнительного религиоведения. М. : Ладомир. 488 с.

Юша Ж. М. (2021) Шаманская мифология тувинцев: сюжетно-тематический фонд нарративов. Новосибирск: Наука. 216 с.

Austin, J. L. (1962) How to Do Things with Words. Oxford : Oxford University Press. 178 p.

Bayat, F. (2007) Türk mitolojik sistemi [Турецкая мифологическая система]. Ankara : Ötüken Neşriyat. 360 s. (На турец. яз.)

Çoruhlu, Y. (2020) Türk mitolojisinin anahatları [Основные направления тюркской мифологии]. İstanbul : Ötüken Neşriyat. 392 s. (На турец. яз.)

Hoppal, M. (1997). Nature worship in Siberian shamanism // Folklore. Electronic Journal of Folklore. Vol. 4. P. 9–26. DOI: https://doi.org/10.7592/FEJF1997.04.hoppal

Дата поступления: 24.12.2025 г.
Дата принятия: 18.02.2026 г.

REFERENCES

Berezkin, Yu. E. (2013) *Africa, migrations, mythology. Areas of distribution of folklore motifs in a historical perspective.* St. Petersburg, Nauka. 320 p. (In Russ.)

Dongak, A. S. and Sukhbaatar, N. (2025) Historical folklore of the Tuvans and the peoples of Western Mongolia. *Eposovedenie*, no. 3, pp. 86–99. (In Russ.)

Dugarov, D. S. (1991) *Historical roots of “white shamanism” (based on Buryat ritual folklore).* Moscow, Nauka. 300 p. (In Russ.)

Zhurakuziev, N. (2021) The model of the universe in the literature and folklore of the ancient Turkic peoples. *Vestnik Evraziiskogo natsionalnogo universiteta imeni L. N. Gumileva. Seriya Filologiya*, no. 1 (134), pp. 23–36. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.32523/2616-678X-2021-134-1-23-36

Ilikaev, A. S. and Sharipov, R. G. (2023) Parallels in lunar myths of the Turks, Mongolic peoples and Eastern Finno-Ugric peoples. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, no. 5, pp. 26–41. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.7256/2454-0609.2023.5.43977

Katanov, N. F. (2011) *Essays on the Uryankhai land. Diary of a journey undertaken in 1889*. Prepared and commented by A. K. Kuzhuget. Kyzyl, TIGI under the Government of the Republic of Tuva. 383 p. (In Russ.)

Kenin-Lopsan, M. B. (2002) *Myths of Tuvan shamans.* Kyzyl, Novosti Tuva. 543 p. (In Russ.)

Kasqabasov, S. (1984) *Kazakh folk prose.* Almaty, Gylym. 272 p. (In Kaz.)

Kasqabasov, S. (2002) *Food for the soul.* Astana, Audarma. 584 p. (In Kaz.)

Kasqabasov, S. (2014) *Selected works.* Astana, Foliant. Vol. 1. 320 p. (In Kaz.)

Lévy-Bruhl, L. (1930) *Primitive mentality.* Moscow, Ateist. 439 p. (In Russ.)

Meletinsky, E. M. (2000) *The poetics of myth.* 3rd ed., reprint. Moscow, Vostochnaya literatura, RAS. 407 p. (In Russ.)

Myngzhanuly, N. (1987) *A concise history of the Kazakhs.* Ürümqi, Xinjiang People's Publishing House. 680 p. (In Kaz.)

Myngzhanuly, N. (1996) *Mythological legends of the Kazakhs.* Ürümqi, Xinjiang People's Publishing House. 196 p. (In Kaz.)

Potanin, G. N. (1972) *Kazakh folklore in the collection of G. N. Potanin.* Ed. N. S. Smirnova; comp. S. A. Qasqabasova, N. S. Smirnova, E. D. Tursunova. Archival materials and publications. Alma-Ata, Nauka. 382 p. (In Russ.)

Radlov, V. (1870) *Samples of folk literature of the Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungarian steppe.* St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences. Part 3. Kirghiz dialect. 712 p. (In Russ.)

Samdan, Z. B. (2020a) On the principles of classification of Tuvan mythological plots. In: *Fourth All-Russian Congress of Folklorists: Tula, 1–5 March 2018: collection of scholarly articles in 3 vols*. Vol. 3: Comprehensive studies of traditional culture. Comp. by V. E. Dobrovolskaya, A. B. Ippolitova; ed. by A. B. Ippolitova. Moscow, GRDNT imeni V. D. Polenova. 480 p. Pp. 200–203. (In Russ.)

Samdan, Z. B. (2020b) Shamanic ethics in the works of M. B. Kenin-Lopsan (on the 95th anniversary of the writer and scholar). *Ermolaevskie chteniya*, no. VI, pp. 22–27. (In Russ.)

Satanar, M. T. (2022) Codes in the world-modelling of Tuvan and Yakut epic tales. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 211-224. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.14

Sodnompilova, M. (2021) "Land of thunder and lightning arrows": mythological images of Inner Asia. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*, vol. 17, no. 2, pp. 72–83. (In Russ.)

Suvandii, N. D. (2023) *Cher* 'earth' in Tuvan paremias. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2

Toishanuly, A. (2009) *Turko-Mongolic mythology.* Almaty, Baspalar uii. 192 p. (In Kaz.)

Ualikhanov, Sh. (1985) *Selected works.* Almaty, Zhazushy. 560 p. (In Kaz.)

Eliade, M. (1999) *Essays in comparative religion.* Moscow, Ladomir. 488 p. (In Russ.)

Yusha, Zh. M. (2021) *Shamanic mythology of the Tuvans: the plot-thematic corpus of narratives.* Novosibirsk, Nauka. 216 p. (In Russ.)

Austin, J. L. (1962) *How to Do Things with Words*. Oxford, Oxford University Press. 178 p.

Bayat, F. (2007) *The Turkish mythological system*. Ankara, Ötüken Neşriyat. 360 p. (In Turkish)

Çoruhlu, Y. (2020) *The main directions of Turkic mythology*. İstanbul, Ötüken Neşriyat. 392 p. (In Turkish)

Hoppal, M. (1997) Nature worship in Siberian shamanism. *Folklore*. Electronic Journal of Folklore, vol. 4, pp. 9–26. DOI: https://doi.org/10.7592/FEJF1997.04.hoppal

Submission date: 24.12.2025.
Acceptance date: 18.02.2026.

DOI: 10.25178/nit.2026.2.11

Статья

Лексика рыболовства: сравнительный анализ на материале башкирского и тувинского языков

Гульфира Р. Абдуллина, Гульшаян Г. Алимбаева
Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация

Статья представляет собой сравнительный анализ лексики рыболовства в двух тюркских языках: башкирском и тувинском. Исследование продиктовано необходимостью выявления архаичных пластов и инноваций в родственных, но географически и культурно удаленных языках, что позволяет минимизировать влияние поздних межъязыковых контактов. Актуальность работы обусловлена восполнением существующего пробела в тюркологии, а также задачами документации интенсивно устаревающей терминологии традиционного хозяйственного уклада.

Сравнительно-сопоставительный анализ ихтионимической лексики выявил значительный общетюркский пласт (напр., “шортан” / “суртан” ‘щука’, “ала-буга” / “алабуға” ‘окунь’), подтверждающий глубокое историко-культурное единство. Одновременно установлены семантические расхождения в рамках общих основ (ср. “ак-балык” / “ақ-балық” ‘елец, сиг’ в тувинском и ‘белорыбица, царь-рыба’ в башкирском) и уникальные номинации, отражающие адаптацию к местной экологии. Принципы классификации ключевых объектов промысла (хариус) демонстрируют высокую степень детализации по возрасту, размеру, цвету и месту обитания. Анализ лексики орудий и способов лова показал типологическое сходство в терминологии архаичных снастей (удочка — “сыырткыыш” / “қармақ”, острога — “серээ” / “һалдау”, морда — “сүген” / “мурҙа”), свидетельствующее об общности базовых технологий. Выявлены и специфические различия, детерминированные экологическими факторами, такие как уникальные снасти (башкирская жерлица суртанлық, тувинская кожаная ловушка тулуп) и исключительное богатство диалектной номенклатуры.

Заключается, что лексика рыболовства рельефно отражает диахроническое единство (общетюркский фонд) и синхронное разнообразие (автохтонные инновации), являясь ценным источником для реконструкции исторического развития тюркских языков и традиционных хозяйственно-культурных типов в контрастных природных средах.

Ключевые слова: *сравнительный анализ; лексика рыболовства; ихтионим; орудие лова; башкирский язык; тувинский язык; тюркский язык; общетюркская лексика; традиционный промысел*

Для цитирования:
Абдуллина Г. Р., Алимбаева Г. Г. Лексика рыболовства: сравнительный анализ на материале башкирского и тувинского языков // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 162-175. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.11

Абдуллина Гульфира Рифовна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой востоковедения и башкирского языкознания, декан факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Эл. адрес: abguri@yandex.ru

Алимбаева Гульшаян Габсалямовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и башкирского языкознания Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Эл. адрес: alimbaewa5@mail.ru

Article

Typological Similarity and Ethnocultural Specificity of Kazakh and Tuvan Etiological Myths

Gulfira R. Abdullina, Gulshayan G. Alimbayeva
Ufa University of Science and Technology, Russian Federation

The article presents a comparative analysis of fishing vocabulary in two Turkic languages: Bashkir and Tuvan. The study is driven by the need to identify archaic layers and innovations in related, yet geographically and culturally distant, languages, which makes it possible to minimize the impact of recent interlingual contacts. Its relevance is determined by the effort to fill an existing gap in Turkology, as well as by the task of documenting rapidly obsolescing terminology associated with traditional economic practices.

A comparative analysis of ichthyonymic vocabulary has revealed a substantial Common Turkic layer (e.g., "shortan" / "surtan" 'pike', "ala-buga" / "alabugha" 'perch'), which confirms deep historical and cultural unity. At the same time, the study identifies semantic divergences within shared lexical bases (cf. "ak-balyk" / "aqbalyq" meaning 'ide, whitefish' in Tuvan and 'beloribitsa, "tsar-fish"' in Bashkir), as well as unique nominations reflecting adaptation to local ecologies. The principles used to classify key objects of fishing (such as grayling) demonstrate a high degree of differentiation by age, size, colour, and habitat. An analysis of terms denoting tools and methods of fishing has shown typological similarity in the terminology of archaic gear (rod — "syyrtkyysh" / "qarmaq", spear — "seree" / "haldau", fyke/net trap — "syugen" / "murza"), indicating a shared basis of fishing technologies. The study also reveals specific differences determined by ecological factors, such as unique devices (the Bashkir live-bait rig surtanlyq, the Tuvan leather trap tulup) and the exceptional richness of dialectal nomenclature.

It is concluded that the fishing lexicon sharply reflects both diachronic unity (the Common Turkic stock) and synchronic diversity (autochthonous innovations), serving as a valuable source for reconstructing the historical development of Turkic languages and traditional economic–cultural types in contrasting natural environments.

Keywords: *comparative analysis; fishing vocabulary; ichthyonym; fishing gear; Bashkir language; Tuvan language; Turkic language; Common Turkic lexicon; traditional fishery*

For citation:
Abdullina G. R. and Alimbayeva G. G. Fishing Vocabulary: A Comparative Analysis Based on Bashkir and Tuvan. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 162-175. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.11

ABDULLINA, Gulfira Rifovna, Doctor of Philology, Professor, Head, Department of Oriental Studies and Bashkir Linguistics, Dean, Faculty of Bashkir Philology, Oriental Studies and Journalism, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 32 Zaki Validi St., 450076, Russia, Ufa. E-mail: abguri@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3597-007X

ALIMBAYEVA, Gulshayan Gabsalyamovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Oriental Studies and Bashkir Linguistics, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 32 Zaki Validi St., 450076, Russia, Ufa. E-mail: alimbaewa5@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5344-1561

Введение

Лексика, связанная с традиционными промыслами, формирует один из наиболее архаичных слоев языка, заключая в себе информацию о хозяйственном укладе, историческом развитии и межкультурных контактах народа. Несмотря на существование ряда исследований рыболовецкой лексики отдельных тюркских языков (Айтазин, 1973; Нафиков, 1982, 1983, 1984; Бятикова, 2010: Рахимова, 2001; Куулар, Сувандии, 2011; Рассадин, 2008; Сувандии, 2014 и др.[1]), а также на наличие совсем недавних работ, основывающихся на детальном сопоставительном анализе ихтионимической и орнитонимической лексики татарского и тувинского языков (Галимова, 2025; Сафина, 2025), системный сравнительный анализ между языками различных ареалов остается актуальной научной проблемой.

Настоящее исследование фокусируется на сравнительном анализе лексики рыболовства в башкирском и тувинском языках. Выбор конкретных языков для анализа в данном исследовании не случаен. Он обусловлен контрастным принципом, позволяющим с максимальной рельефностью выявить как архаичное общетюркское ядро, так и инновации, вызванные различными природно-хозяйственными условиями. Башкирский язык представляет западный ареал тюркской семьи (уральско-поволжский регион), для которого традиционно характерен комплексный хозяйственный уклад с развитым скотоводством, земледелием и использованием ресурсов крупных речных систем. Тувинский язык является представителем восточного, сибирского (саянского) ареала, где в силу горно-таежного ландшафта и озерно-речной сети сложились иные модели природопользования, включая оленеводство и специализированную охоту и рыболовство. Сравнение столь географически и культурно удаленных языков позволяет рассматривать влияние поздних межъязыковых контактов и более четко дифференцировать общетюркские элементы от заимствований и автохтонных новаций. Анализ всех тюркских языков в рамках одной статьи неправомерен ввиду обширности материала; фокус на двух контрастных представителях дает репрезентативную модель для решения поставленных задач.

Ихтионимы башкирского и тувинского языков, являясь ядром рыболовецкой лексики, демонстрируют исключительное богатство и вариативность. Номинация происходит по комплексу признаков: внешний вид (цвет, форма), размер, возраст, место обитания, поведенческие характеристики и даже мифологические представления. Анализ ихтионимов позволяет реконструировать не только фауну региона, но и культурные приоритеты и особенности народа.

Актуальность данного исследования обусловлена следующими факторами:

1. Сравнительное изучение лексики родственных, но географически удаленных языков (башкирского — западно-тюркской группы, тувинского — сибирской, саянской группы) является ключевым для решения вопросов диахронического развития тюркских языков, выявления архаичных пластов и инноваций;

2. Исследование восполняет существующий пробел в науке, поскольку целенаправленное сравнение лексики рыболовства в башкирском и тувинском языках предпринимается впервые;

3. Многие термины традиционного рыболовства, не связанные с современными технологиями, интенсивно устаревают и выходят из употребления, что делает их фиксацию, систематизацию и анализ особенно актуальными задачами документации языкового наследия;

4. Исследование имеет значение не только для лингвистики, но и для этнографии, истории и культурологии, так как его результаты способствуют реконструкции традиционных хозяйственных систем и картины мира тюркских народов.

Исследование является междисциплинарным и лежит на стыке следующих научных отраслей: лингвистики (в первую очередь, сравнительно-исторического языкознания, лексикологии, семантики, диалектологии; этнолингвистики и лингвокультурологии).

[1] Айтазин К. Профессиональная лексика рыбного хозяйства Казахстана: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973; Нафиков Ш. В. Принципы номинации, структуры и происхождения названий рыб в башкирском языке: автореф. дисс… канд. филол. наук. Уфа, 1987; Нафиков Ш. В. Речное рыболовство. Уфа: Китап, 1997; Рахимова А. Р. Промысловая и хозяйственная лексика диалектов сибирских татар: автореф. дисс.… канд. филол. наук. Казань, 1998; Бятикова О. Н. Лексика рыболовства в татарском литературном языке: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Казань, 2003; Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 3 (40). С. 234–236.

Настоящее исследование ставит своей *целью* сравнительный анализ лексики рыболовства башкирского и тувинского языков для выявления общетюркских элементов и специфических черт, обусловленных особенностями традиционного хозяйства и экологической среды.

Объект исследования — лексика рыболовства в башкирском и тувинском языках. Предмет исследования — семантические, структурные и лингвокультурные особенности лексики рыболовства в башкирском и тувинском языках, выявленные в результате сравнительного анализа.

В рамках реализации цели предполагается решение задач: проведение сравнительного анализа ихтионимической лексики в двух языках, с выделением общетюркского пласта, заимствований и уникальных номинаций, а также анализа принципов классификации рыб; сравнение лексики, связанной с орудиями и способами лова для выявления типологического сходства и различий, обусловленных экологическими и культурными факторами.

Исследование сосредоточено на лексике, отражающей традиционные, архаичные способы рыболовства, бытовавшие вплоть до середины XX в. Это позволяет зафиксировать пласт терминологии, сформированный в условиях натурального хозяйства и основанный на использовании орудий ручного изготовления из природных материалов (дерево, лыко, конский волос, кость). Лексика, связанная с современными фабричными снастями (например, спиннинг), не является предметом данного анализа, так как ее появление связано с процессами индустриализации и глобализации и не отражает специфику традиционной хозяйственной культуры башкир и тувинцев. Такой подход обеспечивает чистоту исследования и позволяет более рельефно выявить как общетюркское наследие, так и автохтонные черты. Географические рамки определяются ареалами распространения башкирского (Южный Урал, Предуралье) и тувинского (Саяно-Алтайский регион) языков, включая данные их диалектов.

Теоретическую базу исследования составили фундаментальные положения сравнительно-исторического языкознания и лингвокультурологии. В частности, работа опирается на концепцию языковой картины мира, согласно которой лексика, связанная с традиционными промыслами, отражает исторический опыт и культурные приоритеты народа. В области тюркологии были учтены теоретические разработки, касающиеся проблем общетюркского лексического фонда и диалектного варьирования. Методологической основой исследования является комплексный подход, сочетающий общенаучные и специальные лингвистические методы. Основным методом выступил сравнительно-сопоставительный анализ, применяемый как в синхронном аспекте для выявления типологических схождений и расхождений, так и в диахроническом для идентификации общетюркской лексики. Для систематизации исходного материала использовался метод лексико-семантической группировки. Компонентный (семный) анализ был применен для детального описания семантической структуры номинаций, а метод семантической реконструкции — при анализе этимологически сложных и архаичных лексем. На всех этапах исследования применялся описательный метод, включающий приемы классификации, интерпретации и обобщения.

Источниковую базу исследования составили следующие группы материалов: 1) лексикографические источники: толковые, диалектологические, двуязычные словари башкирского и тувинского языков. Среди них: многотомный «Академический словарь башкирского языка», «Тувинско-русский словарь», «Этимологический словарь тувинского языка», «Диалектологический словарь башкирского языка» и др.[1]; 2) научные труды в области лексики рыболовства тюркских языков (Айтазин, 1973; Нафиков, 1982, 1983, 1984; Рахимова, 2001; Сувандии, 2014; Кутлубаева, Абдуллина, 2016; и др.[2]); 3) этнографические и историко-культурные работы (Руденко, 1955; Вайнштейн, 1961; Даржа, 2009; Муллагулов, 2014), содержащие контекстуальную информацию о традиционном рыболовстве. Лексикографические источники и научная литература анализировались выборочно с целью формирования репрезентативной картотеки лексических единиц. Этнографические работы привлекались для верификации значений терминов и их культурной интерпретации.

[1] Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2011–2018; Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968; Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. I-V / отв. ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2000-2018; Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002.
[2] Нафиков Ш. В. Речное рыболовство. Уфа: Китап, 1997; Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 3 (40). С. 234–236.

Ихтионимы башкирского и тувинского языков

Сопоставительное изучение ихтионимической лексики проводится в следующих аспектах: 1) выявление общетюркского пласта и межъязыковых параллелей; 2) описание уникальных и диалектных названий, отражающих экологическую среду и детализацию номинации.

Общетюркский пласт и межъязыковые параллели ихтионимов. В данной группе целесообразно рассматривать номинации щуки и окуня, а также ихтионимы *акбалык* и *сабак / чебак / шавага*, характеризуемые семантическими расхождениями в лексике рассматриваемых нами языков.

Номинация щуки. В тувинском языке зафиксированы варианты *шортан* (лит.) / *шуруш* / *тооруш* (диал.), в башкирском языке — *суртан* (лит.) / *сортан* / *сорағай* / *шөкә* (диал.). Разнообразие диалектных форм в обоих языках указывает на древность данного лексического пласта. В этимологическом плане можно отметить восхождение наименований *шортан* и *суртан* к общетюркскому названию, так как у хакасов это *сортан*, у татар — *чуртан*, у киргизов — *чортан*, у казахов — *шортан* (Сравнительно-историческая … , 2001: 178; Куулар, 2016а: 107). Не исключается и требует дополнительного лингвистического обоснования версия о возможном монгольском влиянии на терминообразование (от *шор* ‘вертел, остриё’), основанная на метафорическом описании вытянутой, «острой» формы тела рыбы (Куулар, 2016а: 107). Как отмечается в сравнительных исследованиях, данный ихтионим демонстрирует устойчивость на общетюркском уровне (Галимова, 2025: 342–343).

Номинация окуня. Ихтионимы *ала-буга* (тув.) и *алабуға* (башк.) являются общетюркскими наименованиями окуня, за исключением киргизского языка, в котором данной лексемой обозначается форель (Сравнительно-историческая … , 2001: 178). Принцип номинации рыбы, по мнению Е. М. Куулар, основан на пестрой (*ала*) окраске рыбы, при этом компонент *-буга* ‘бык’ связывается с массивным горбом окуня (Куулар, 2016а: 107). Следует отметить и то, что в научной литературе мнение о восхождении второго компонента ихтионима к слову «бык» ставится под сомнение с учетом семантических и фонетических закономерностей (Сравнительно-историческая … , 2001: 178; Галимова, 2025: 342). Диалектные формы демонстрируют значительную вариативность: тувинские *алага, шагдаа* букв. ‘милиционер’, *ала-балык* ‘пестрая рыба’, *бора-балык* ‘серая рыба’, *кызыл-адак* ‘окунь’[1]; башкирские *алабага, алантай, алабоға, дөрмән, дөрнәкә, күкәнәй, тоғоҙ, тыртан, шырмый алабаға*[2] ‘окунь’ (Куулар, 2016а: 107; Муллагулов, 2014: 120).

Семантические расхождения в общих основах. Сравнительный анализ выявляет случаи семантических расхождений в названиях некоторых рыб. Так, ихтионим *ак-балык* в тувинском языке означает ‘елец’ и ‘саянский сиг’[3], тогда как башкирское *аҡбалыҡ* имеет значения ‘белорыбица’ и, согласно мифологическим представлениям, ‘царь-рыба’ — священный покровитель, защитник всех рыб[4] (Сувандии, 2014: 164; Муллагулов, 2014: 76). Аналогичное башкирскому наименование *акбалык*, также в значении ‘белорыбица’ имеется и в татарском языке (Галимова, 2025: 344). Группа ихтионимов *сабаҡ* (башк.) и *чебак*, *шавага / шавышка*, *шамага* (тув.) также демонстрирует разнообразие трактовок. Тувинцы используют данные лексемы для обозначения мальков хариуса, однако в литературе имеются разногласия с точки зрения использования термина *чебак* ‘сорога, сибирская плотва’ в значении *шавага* ‘мелкая рыба’ (Куулар, 2016а: 106–107; Даржа, 2009: 529–530). Башкирское слово *сабаҡ* также многозначно, его используют для называния малька, плотвы и ельца[5] (Муллагулов, 2014: 112, 122). Башкирский язык демонстрирует исключительное богатство диалектных форм названий рыб, обозначаемых лексемой *сабаҡ*: зафиксировано восемь диалектных наименований плотвы (*ҡыҙылгүҙ, йалтыр, йалтырҡа, кәтмен, сейгүҙ, талсабаҡ, шәкелей, шәкле*), свыше десяти — ельца (*аҡсабаҡ, боғарса, боғарсәй, бөгәрсәй, буғарса, йомарса, йомораш / йоморҡай / йөмөрҡәй / йоморошҡа / йомортой, йомросабаҡ, йоморсай*), 82 наименования малька (*аҡтый, бәрҙесәк / бәрсәк, йотҡолоҡ, йотҡолос, йотҡос, йотом,*

[1] Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 274.
[2] Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002. С. 18, 84, 163, 319, 346, 398.
[3] Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 49.
[4] Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2011. Т. I. С. 201.
[5] Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2015. Т. VII. С. 320-321.

көс, көҫ, маймаҡ, маймы, меле, мелек / мелекәй, метсәй, микара, мөлө, мөлөкәй, мүл, мәле, нерге, өнгөрө, өнчүре, паймый, пытырый, самбат, сәмбәт, сарлый, себер, себерҙей, сейбала, сейбалыҡ, сейербала, сейеш, себербалыҡ, сербалыҡ, селбәрә, сер, сербала / сирбала, серҙе / серҙей / серҙекәй, серем, серкә, серле / серлей / сертей, сибай / сибайбалыҡ / сибайт / сибаҡа, сибетә / сибәтәй / сималай / сималҡа / сирбаҡ, симала / сималай, соло, сөбөр балыҡ, сөртөй, сыйбала, сылбара, сылтый, сымбат, сынайыр, сыр, сырбала, сырҙы / сырҙый, сырйы, сырйын, сыржый, сырлый, сырпый, сырсай, сәмбәр, сәмбәт, сәркә, шейеш / шыйыш, шиш, әнчүр)[1]. Как свидетельствуют источники, общетюркский ихтионим *сабаҡ*, помимо обозначения мелкой рыбы, согласно всем источникам, служит наименованием разного вида рыб в системе тюркских языков: «рыба» — в караимском, «вобла» — в туркменском, «плотва» — в башкирском, татарском, узбекском, «лещ» — в чувашском, «пескарь» — в казахском, «жаба» — в уйгурском» языках (Сравнительно-историческая … , 2001: 177; Галимова, 2025: 341).

Анализ подтвердил наличие значительного пласта общетюркской лексики, свидетельствующего о глубокой исторической общности народов в рамках рыболовческого хозяйства.

Специфические и диалектные названия: экология и детализация. Данная группа лексики служит маркером ареала обитания и специализации промысла, наиболее ярко отражая адаптацию к местной экологии (Галимова, 2025: 344).

Самой крупной рыбой на территории Тувы является *бел / бил / пел* ‘таймень’. По поводу происхождения названия его имеются две версии. Согласно первой, оно имеет «эвфемистический характер» и связано «с тюркскими словами типа *белги* ~ *белги* со значениями ‘знак, признак; метка, помета’, ‘отмеченный, известный, видный знатный’»[2]. В народной этимологии происхождение ихтионима *бел* связывают с поясницей, талией человека, имея в виду крупноразмерную характеристику тайменя, в частности, указание либо на длину — «от земли до талии (поясницы) человека (это примерно 1 метр)», либо на «толщину с талию» (Даржа, 2009: 528). Размерно-возрастные особенности рыбы в тувинском языке и его диалектах выражаются посредством разнообразных терминов: *согааш дажы*, *чылбаяк*, *чылбай*, *куу чаак, пелтиң оглу, бел оглу, аныяк пел, белчик* (Куулар, 2016а: 107). Следует также отметить, что ихтионим *бел* в тувинском и ряде других языков (алтайском, хакасском, якутском) используется и в отношении лосося. В научной литературе выдвигается предположение о том, что в данном значении он является локальным сибирским словом (Сравнительно-историческая … , 2001: 179).

В башкирском языке рыбу таймень называют *ҡыҙылбалыҡ* (букв. ‘красная рыба’), в диалектах также используются варианты *ҡыҙыл суртан, щүкә, крәсүлә, тәлмин, ҡыҙылса* (Муллагулов, 2014: 109; и др.[3]). Наименование рыбы связывают со цветом красноватых крылышек или хвостовой части[4] (Муллагулов, 2014: 109; и др.[5]). В некоторых источниках *ҡыҙылса* переводится как ‘красный окунь’ и причисляется к числу младшего по возрасту рыбы *ҡыҙылбалыҡ* (Кутлубаева, Абдуллина, 2016: 41).

Своеобразным лексическим наполнением характеризуется название рыбы *хариус* как в башкирском, так и тувинском языках. Данная рыба является ключевым объектом промысла обоих народов, последствием чего явилось порождение сложной системы классификации.

Критериями классификации хариусов (башк. — *бәрҙе*, тув. — *кадыргы*) в обоих языках являются:

а) цвет: башк. *ҡара бәрҙе* ‘черный хариус’, *һары бәрҙе* ‘светлый хариус’; тув. *көк-балык* ‘синяя рыба’, *ак кадыргы* ‘белый хариус’, *сарыг кадыргы* ‘желтый хариус’, *кара кадыргы* ‘черный хариус’ (Муллагулов, 2014: 76; Куулар, 2016а: 106);

б) возраст; данный признак является основополагающим для следующих разновидностей башкирских названий хариуса, представленных по принципу нарастания: «*сиҡат / баҙыҡа, бәрсәк, бәрҙе, күк ял*» (Муллагулов, 2014: 103).

[1] Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2013. Т. V. С. 671; Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002. С. 109, 175, 272, 303, 400; 17, 51, 56, 59, 122; 18, 71, 72, 123, 155, 156, 227, 230, 231, 238, 240, 244, 258, 261, 263, 269, 270, 272–276, 279, 282, 288, 289–291, 293, 295, 392, 394, 397, 425.
[2] Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I. А–Б. С. 209.
[3] Нафиков Ш. В. Речное рыболовство. Уфа: Китап, 1997. С. 93, 158, 169.
[4] Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2013. Т. V. С. 669, 675; Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2016. Т. VIII. С. 108.
[5] Нафиков Ш. В. Речное рыболовство. Уфа: Китап, 1997. С. 93.

В обозначении разновидностей хариуса у тувинцев большое значение имеет размер рыбы, в соответствии с чем выделяются следующие термины: *докпак байлаң, байлаң, ак байлаң, шавага, кадыргыжык, кадыргы, улуг кадыргы, сарыг кудурук,* признак старости подразумевается лишь в наименовании *хос-хорек* (Даржа, 2009: 529). Помимо вышеназванных, в научной литературе можно встретить свыше десятка наименований мальков хариуса, бытующих в кара-хольском, тайгинском, тере-хольском говорах западного диалекта, также и тоджинском диалекте (Куулар, 2016а: 106–107). Говоря о принципе номинации рыб в тувинском языке, следует отметить, что именование часто осуществлялось через сравнение с частями тела (*карыш* ‘палец’, *шенек* ‘локоть’): «*карыш чартыы хире байлаң* ‘малёк, длина которого равна половине расстояния раздвинутых среднего и большого пальцев’» (Куулар, 2016а: 106), *«шенек хире узун кадыргы* ‘хариус длиной по народным меркам по локоть руки’» (там же);

в) место обитания, по данному критерию в тере-хольском говоре западного диалекта различаются «*хем байлаңы* ‘речные мальки хариуса’ и *хөл шережи* ‘озерные мальки’» (Куулар, 2016а: 106).

Заслуживает особого внимания также тот факт, что термином *кадыргы* тувинцы называют не только хариуса, но и сибирскую форель (Куулар, 2016а: 106). У башкир же форелью называется совершенно другой вид рыбы, именуемый в языке как *бағры* или *бағыр*, «реже — *сыбар балыҡ* или *баҫма сыбар* ‘пестрая рыба’» (Муллагулов, 2014: 106). Возрастные особенности форели выражаются в следующем: «форель первого года жизни называется *бағырсаҡ,* старше — *бағырса,* взрослая особь — *бағры*» (там же: 106).

В качестве вида форели в тувинском языке в статье Е. М. Куулар рассматривается рыба *мыйыт* (лит.) / *шокар* (диал., в знач. ‘пестрый’[1]) ‘ленок’. Пратюркской основой данного ихтионима является *bynyt*, в ряде тюркских языков он бытует в следующих вариантах: *миит* (в тофаларском), *мыйыт* (в сойотском), *мыйыт* (в языке уйгуров-цаатанов), *мээт ~ мәәт* (в уйгуро-урянхайском), *mindir* (в хакасском), *byjyt* (в якутском) (Рассадин, 2008: 191; Сравнительно-историческая … , 2001: 177). Тувинское диалектное *шокар* связано с характерным пятнистым окрасом рыбы, а литературное *мыйыт*, «по мнению В. И. Рассадина, относится к числу лексем неизвестного происхождения» (Куулар, 2016а: 107). Однако имеются не получившие официального подтверждения версии о том, что при попытке разделить *мыйыт* на *мый* и *ыт* «наименование ленка можно буквально перевести как ‘собака, которая мяукает’», а также о том, что *мыйыт* «в точности соответствует одному из наименований кошки на тувинском» (Даржа, 2009: 529). Разграничение по размеру данной рыбы отражается в следующих понятиях: *кордээжигеш, шокар байла, шокарак, безерек шокар* (Куулар, 2016а: 107; Даржа, 2009: 529).

С учетом критерия возраста и размера дифференцируются также названия и других рыб в обоих языках. Так, щука, к примеру, в маленьком возрасте у тувинцев обозначается лексемами *тоңнаа / тыңнаа, тооруштӱң оглу / дыңнаа, шуруш оглу.* Для обозначения самой большой щуки тувинцы используют понятия *ояр / ояр тооруш* (Куулар, 2016а: 107). В башкирском языке возрастные, а также и размерные особенности щуки выражаются в следующих наименованиях: *серем / шүрәнле, ҡәләм / шүкә, сурағай / ҙураҡай, суртан, оло суртан* (Муллагулов, 2014: 119). Маленького щуренка в башкирских диалектах также называют *беҙһан, мәстем, сораҡа / сорашҡа, сөрләк, сөрөм, сөрпөй, сөрпөлдәк, сөртөй, сөрәк / сөрәкә, шөшлө, шөшлөкәй, шүрәңке*[2].

Что касается наименований рыбы *ерш* в рассматриваемых языках, следует отметить, что носители обоих языков при именовании данной рыбы учитывали его щетинистую и колючую поверхность: *шырт балыҡ* (башк.) от *шырт* ‘щетина’[3] и *тенниг-балык* (тув.) «от *тен* ‘колючка, иголка, шип’, букв. ‘рыба с шипами (иголками)’[4]» (Даржа, 2009: 530). Следует отметить, что в работе В. Ш. Нафикова наименование данной рыбы указано в качестве перевода рыб *алабуға* ‘окунь’, *бағры* ‘форель’, *ташбаш* ‘пескарь’, *һыла* ‘судак’, а также диалектизмов *юрыш / йәреш, йыртыш / юртыш*[5]. Интересен тот факт,

[1] Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 577.
[2] Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002. С. 42, 242, 280, 282, 395, 396.
[3] Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2017. Т. IX. С. 928–929.
[4] Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 411.
[5] Нафиков Ш. В. Речное рыболовство. Уфа: Китап, 1997. С. 169–170.

что ихтионим ерш имеет множество вариантов наименований в башкирских диалектах: *бағыр, бикерә, йурыш, йәгүр, ҡатысырт, лайла балыҡ, сермыш, сөкәтә, этеш, сураҡа, сусый, сүмеспаш, таштый, утйурыш, хәрәмалабуға, хәрәмсе, хәрәмтәй, эт шамбыһы, этекәй, этйотош, этйурыш, этйүреш, эт палығы, этылаҡы*[1].

В группу рыб, свойственных как для тувинской, так и башкирской ихтиофауны, входят также:

1) налим (башк. *шамбы* (лит.), *шамбыуыҫ, әлем* (диал.), тув. *мезил*);

2) сом, данная рыба в башкирском языке имеет общетюркское название *йәйен* (праформа: *ja:jyn*, чагатайское, турецкое, ногайское *jajyn*, туркменское *ja:jyn*, татарское *šājin*, башкирское *jäjin*, казахское, каракалпакское, киргизское *žajyn*; чувашское *šujān*, в турецком и чагатайском языках данный ихтионим используется в отношении лосося и щуки) (Сравнительно-историческая …, 2001: 178). Тувинское название сома– *мезил*, как и налима (Сувандии, 2014: 164);

3) язь (башк. *оптo* (лит), *ыпты* (диал.), тув. *даш балык* (лит.), *тозун балык* (диал.)), в зависимости от размера рыбы, тувинцы различают: *кызыл-адак* ‘язь небольшого размера’ (это слово используется также для обозначения окуня в диалектах[2]) и *мосурай* ‘язь среднего размера’ (Даржа, 2009: 530). Мальца язи в башкирском языке называют *оптосаҡ*[3] (Кутлубаева, Абдуллина, 2016: 41);

4) *пескарь*, по-тувински обозначаемый как *мешке, байлаң-балык*, *салдыг-байлаң*, а также *калбак-баштыг* ‘большеголовый пескарь’ (Галимова, 2025: 344; Сувандии, 2014: 164), а в башкирском — как *һөмбаш, ташбаш* в качестве литературных наименований, и посредством множества различных лексем — *бизгар, итлей, йомораш / йоморҡай / йөмөрҡәй / йоморошҡа / йомортой, йомороҡай, йоморосабаҡ, йоморса / йоморсай / йоморсо, йөмөрҡәй / йөмөрөкәй, керкә, кесәй, кутти, күттей, күтәмәй, ҡомай / ҡомой / ҡомый / ҡоморой, ҡомаҡа, ҡом балығы, ҡом бәрҙәһе, ҡушбаш, ҡомҡорһаҡ, ҡомоҡа / ҡомоҡ / ҡомоҡан, ҡомтөрткөс, ҡомһөргөс, майма, мыртый, нәҙекәй, пискун, пискузук, питнай, сәргәй, ташаҡа, ташаҡай, ташарый, ташбаҡа, ташиңке, ташҡай, ташкәй, ташпаш, ташый, тораҡ, тосмохар, тостый, төкө, тыстый, үҫмәҫ балыҡ, һәшық, шөшлө, эт балығы, этней, әптекәс*[4] — в диалектах. Как видно из списка диалектизмов, некоторые названия смежны с наименованиями других рыб в башкирском языке, это *шөшлө* ‘щуренок’, *йомораш / йоморҡай / йөмөрҡәй / йоморошҡа / йомортой, йоморосабаҡ* ‘елец’, *ҡушбаш, ҡомҡорһаҡ* ‘голавль’.

Кроме вышеобозначенных наименований рыб, тувинский язык располагает такими ихтионимами — названиями специфических видов рыб, как *чырбаловка* ‘каменная широколобка’, *семис-балык* (букв. ‘жирная рыба’) ‘пелядь’, *унер-балык / шывыл балык* ‘сибирская ряпушка’ (Сувандии, 2014: 164).

В башкирском языке используются, помимо вышеназванных, названия следующих рыб, характеризующиеся диалектными вариантными лексемами, зафиксированными в академическом и диалектологическом словарях башкирского языка:

а) голавль — *ажау, ҡушбаш* (букв. ‘*двуглавый*’– возможно, по характерной массивной и широкой форме головы), используемые в литературном языке, а также диалектизмы *йомарҡай, ҡарағойроҡ* (букв. ‘черный хвост’), *ҡушбай, ҡомҡорһаҡ*. По данным некоторых источников, возрастная дифференциация внутри данного вида также определяется конкретными лексемами: *ҡарағойроҡ* (маленькая рыба) — *ажаусыҡ* (средняя рыба) — *ажау* (большая рыба) (Кутлубаева, Абдуллина, 2016: 41);

б) лещ — литературные названия *ҡорбан балыҡ / ҡорман балыҡ* (лит., букв. ‘жертвенная рыба’), они связаны с мифологическими представлениями башкир: «лещей используют в магических обрядах по лечению желтухи»[5]; лексемы *ҡараҡанат / ҡараған*ат (букв. ‘темный плавник’) также используются в литературном языке, *йәйеңке сабаҡ* (букв. ‘плоская плотва’) — диалектизм. В лексиконе айских башкир бытуют понятия, обозначающие размер леща: «*тырантай* ‘самый маленький лещ’, *тәлпән* ‘лещ средней величины’»[6];

[1] См.: Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002.
[2] Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 274.
[3] Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002. С. 252.
[4] Там же. С. 47, 103, 122, 124, 139, 157, 166, 198, 207, 227, 239, 246, 263, 295, 310, 311, 322, 323, 326, 346, 364, 388, 395, 420, 421, 426.
[5] Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2013. Т. V. С. 466.
[6] Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002. С. 345, 348.

в) вьюн — *йыланбалыҡ* (лит.), *зөгәй, ҡараҡорһаҡ / ҡараҡорсаҡ, ҡылйыр, лаҡы, мачты, мыҡырсан, ташпаш, уҡбалыҡ, һаҡалсан, һеләгәй, шаталаҡ, эт алабуға, эт балыҡ, эт балығы, сегән, сүл балығы, этлек, этеш, әлем, әмөкө* (диал.);

г) подуст — *борош* (лит.), *борож, бурыш, бурыж, бүрес, буриз, бурис, бөрөшауыҙ, ләпәшауыҙ, түбән ауыҙ, һандыҡ ауыҙ, ҡапҡас ауыҙ* (диал.);

д) синец — *күкйөн* (лит.), *күкен, күксәй, күкше, йоҡа сабаҡ, сингә / сиңгә, ялтыш, ялтырҡа, яу сабағы* (диал.);

е) жерех — *ағасаҡ* (лит.), *ағасъяңаҡ, ағарсаҡ, дөйөрҫлән / дөйәрҫлән, ҡушбаш* (диал.);

ж) карась — *табан* (лит.), *табан балыҡ, һарытабан, аҡтабан* (диал.);

з) белоглазка — *аҡкүҙ* (лит.), *сәгер балыҡ, аҡсәгер* (диал.);

и) стерлядь — *уҡбалыҡ* (лит.), *сөгә, сеүә, сөгәҙ* (диал.);

й) линь — *ҡарабалыҡ* (лит.), *упты* (диал.);

к) судак — *һыла* (лит.), *сыла, эт алаһы* (диал.);

л) краснопёрка — *ҡыҙылғанат* (лит.), *тал оптоһы* (диал.);

м) подкаменщик — *зөгәй* (лит.), *ширкал* (диал.);

н) сазан — *һаҙан* (лит.), *ҫаҙан* (диал.).

Анализ ихтионимики выявил глубокое историко-культурное единство, выраженное в пласте общетюркской лексики, и одновременное наличие уникальных, экологически обусловленных систем номинации, демонстрирующих независимое развитие языков.

Сравнительный анализ лексики, связанной с орудиями и способами лова

Данная группа лексики наиболее четко отражает экологические условия и хозяйственно-культурные типы. По ней можно судить об эволюции промысла от архаичных к современным методам. В рамках раздела рассматривается лексика, связанная с тремя основными категориями орудий и способов лова: 1) способы рыбалки с удильной снастью, 2) применение ловушек и сетевых орудий, 3) использование колющих, крючковых и иных орудий.

Лексика способов рыбалки с удильной снастью. Лексику удильной снасти тувинского народа составляют следующие лексемы: *сыырткыыш* (лит., от *сыыр-* ‘глотать’), *кармак* (зап. диал.) ‘удочка’, состоящая из следующих частей: *сыҥп / сыра* ‘рукоятка, ручка, черенок, удилище’, *сыырткыш баа* ‘леса’ (арх., из конского волоса) / *жыылка* ‘леска’ и *илбек / хотпе* (арх., из кости и дерева) / *мармыышка, кармак* (совр., металлический) ‘рыболовный крючок’, *халыткы / поплывоок* ‘поплавок’, *курзиило / крузиило* ‘грузило’. Способ ужения передается с помощью глаголов *сыырткыыштаар / сыралаар / кармактаар* ‘удить рыбу удочкой’ (Куулар, 2016b: 126; Сувандии, 2014: 165; и др.[1]).

Лексика, связанная с ужением рыбы у башкир, представлена следующими понятиями: *ҡармаҡ* (лит.) / *йерә, тейәк, һүгән, йеҙә* (арх., диал.) ‘удочка’ (Нафиков, 1997: 161), она состоит из удилища, называемого в народе *ҡармаҡ сыбығы / һап / ҡыуал*; рыболовного крючка (*ҡармаҡ*), лески (*ҡармаҡ бауы, ебе*), раньше самодельно изготовливаемой из конского волоса, нитки из волокон крапивы или конопли; поплавка (*ҡалҡыуыс*) и грузила (*батырғыс*) (Муллагулов, 2014: 99–102). Действия, связанные с ловлей рыбы с помощью удочки, передаются глаголами *ҡармаҡлау* ‘ловить рыбу удочкой’, *ҡармаҡ һалыу* ‘забросить удочку’, *ҡармаҡҡа селәүсен ҡатыу* ‘насадить на крючок червяка’, *ҡармаҡ емләү, ултыртыу* ‘наживить крючок’, *ем ҡаптырыу* ‘наживить удочку’ и др. Следует отметить, что башкирский язык располагает множеством лексем — наименованиями видов удочек, структурных элементов металлического крючка, действий рыболова при ужении удочкой[2].

Уникальным видом удочки для ловли щуки у башкир был *суртанлыҡ* ‘жерлица’, составными элементами которого являлись: *сатамай* ‘рогулька’, *сата ағастары* ‘рожки’, *суртанлыҡ ебе* ‘бечевка’, *суртан ҡармағы* ‘якорь’ (Муллагулов, 2014: 118–119).

[1] Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 3 (40). С. 236.
[2] Нафиков Ш. В. Речное рыболовство. Уфа: Китап, 1997. С. 171.

К лексике со значением насадки на рыболовный крючок в башкирском языке относятся слова *алдатҡыс ем* ‘приманка, насадка’, *икмәк киҫәге* ‘хлебная крошка’, *ҡамыр* ‘тесто’, наименования различных видов круп — *борсаҡ* ‘горох’, *бойҙай* ‘пшено’, *арпа* ‘ячмень’[1], *тиреҫ селәүе* ‘навозный червь’, *сиңертkә* ‘кузнечик’, *ҡабыҡ ҡорто* ‘личинка короеда’, а также *мәнкә / мәңке / бурмаш* ‘мормыш, озерный рачок-бокоплав’ (использовали при зимней рыбалке) (Муллагулов, 2014: 102, 125). В тувинском языке данный лексический пласт составляют слова *шыйлашкын* ‘дождевой червь’, *шерги* ‘кузнечик’, *шартылаа* ‘летающая саранча’, *балык курту* ‘рыбья наживка’, *кызыл курт* ‘красный червь’, *селеске* ‘ящерица’ (для крупных хищных рыб), *моошка* ‘мелкая рыба’ (Даржа, 2009: 518; Куулар, 2016b: 126; и др.[2]).

Таким образом, лексика удильной снасти тувинцев и башкир демонстрирует структурное сходство основных компонентов удочки, обладая при этом уникальными этнокультурными номинациями как самих снастей и их частей, так и способов ужения и видов наживки.

Лексика рыболовства с применением ловушек и сетевых орудий. Лексику рыболовства с помощью ловушек составляют понятия морда, или верша, наименования ловушек цилиндрической формы из тальниковых прутьев (башк. *мурҙа* (лит.) / *кувар / ҡубар / һүгән / һәүән / фүгән / миршә / кәршәгә / тирәк ау / сүлмәк мурҙа*[3], тув. *сүген / бара*[4]). Тувинцы использовали морду под названиями «*бара* — у оленеводов, *сүген* — у скотоводов» (Вайнштейн, 1961: 55). Своеобразной ловушкой для рыб у тувинцев являлся «*тулуп* ‘кожаный мешок, сшитый из одной шкуры взрослой коровы, но чаще из шкуры марала или лося’» (Даржа, 2009: 522), считавшийся вдвойне выгодным: в плане ловли рыбы и окончательной обработки шкуры. Этот метод, возможно, и способствовал «изобретению верш из веток и сетей» (Даржа, 2009: 522). Что касается башкир, в определенных регионах, помимо вышеприведенных тальниковых морд, пользовались вершами, изготавливаемыми из нитей, их называли *ҡойроҡ / нәрәтә*[5]. Следует отметить, что слово *нәрәтә* является диалектным вариантом термина *шаран* ‘плетень из ивовых прутьев, предназначенная для перегородки части реки с целью прочного удерживания установленной морды; запруда’. Факт широкого использования морды в башкирской рыболовной среде можно подтвердить региональными вариантами названий частей верши, к примеру, горловины: *йәлдәү / балаҡас / бөйрәк / бәпкә / йотҡо/ йөрәк / йәннәт / һеүән / мурҙа балаһы / мурҙа теле;* корпуса: *мурҙа анаһы / өйлөк* и т. д.

Применение сетевых снастей в рыболовстве способствовало появлению следующих терминов в рассматриваемых нами языках. Так, понятиями, определяющими специфику сетевого способа рыбной ловли у тувинцев, являются: *четки* ‘сети из конских волос’, «*четки кара* (букв. — глаз сетки) ‘ячейки сети’, *четки чекпези* (букв., пробка сетки) ‘поплавки’, «*ушбаг* ‘веревка’ (вероятно, *уш баг* ‘веревка, сплетенная из трех нитей’), *четки таджи* (вероятно, дажы: таш ‘камень’, выполнявший функцию грузила сетки), *сөөртиир четки* ‘сравнительно небольшие сети, которые таскают (волочат)’» (Даржа, 2009: 523). Известно, что существовало несколько способов ловли рыбы с помощью сетей: «*тикпелээр* ‘лов рыбы сетью в стоячей воде’» (Вайнштейн, 1961: 55; Даржа, 2009: 524); *чедер* ‘ловля с передвижением на плоту по течению’; «*одуганнар / чырыткылаар* ‘ночной лов рыбы в мелководных местах’» (Вайнштейн, 1961: 55–56), в плане которого В. К. Даржа вводит следующее дополнение: «*Одуганнаар* (на самом деле правильнее назвать *одагланыыр* — букв. разводить костер) и *чырыткылаар* (правильнее — *чырыдар* ‘освещать’), в сущности, были одним способом лова при помощи сети и света (по-русски описанный способ можно назвать «лучением»), но все же тувинцы их различали. Начинался лов с того, что рыбаки, хорошо зная рыбные места на мелководье, в определенное время, по темну, с подожженными факелами из фашин, связанных из сухих ветвей кустарника, ходили по берегу реки, выявляя «концентрацию рыбы» у берега. Если рыбы было достаточно, то замеченный участок обводили сетью, делая это как было описано выше. В этом случае способ назывался *чырыткылаар* или *чырыдар*» (Даржа, 2009: 524). Если рыбы было мало, на берегу рядом с мелководьем разводили большой костер. «Способ лова сетями с привлечением рыбы большим костром назывался *одагланыыр*» (там же: 524). Некоторые разъяснения следует внести также в плане терминов *өксээр / өскээр / көксээр и бадар.* Так,

[1] Там же. С. 9.
[2] Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 3 (40). С. 236.
[3] Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002.
[4] Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 90, 393.
[5] Там же. С. 417, 617–618.

С. И. Вайнштейн термином *өксээр* называет «индивидуальный лов в маленьких, неглубоких речках. Рыбак заходил в реку и тащил сеть по воде, один конец которой, привязанный к палке, был воткнут в землю на берегу. Для лова употреблялась сеть длиной до 10 м» (Вайнштейн, 1961: 56). В суть данного способа В. К. Даржа вносит следующие дополнения: «способ *өскээр* (у тофаларов — *көксээр*) могли применять двое и даже один человек. Прием этот заключается в том, что рыбаки бредут с сетью против течения и называется *өскээр* ‘идти вверх по реке (против течения)’. Затем, повернувшись, шли по течению (движение вниз по течению называется *бадар*)» (Даржа, 2009: 523).

Среди башкир рыболовство с применением сетей, материалом для изготовления которых в основном служили крапивные и конопляные нити, также имело широкое распространение, подтверждением чему является закрепление в лексиконе следующих понятий: *ҡур* (диал.) ‘ручная сеть’, *ҡур ултырыу* ‘лов ручной сетью’, *һоҫко* (диал., букв. ‘совок’) ‘сеть в виде совка’, *ау* ‘ставная сеть’, *йөҙмә һөҙгөс* ‘плавная сеть’, *һөҙгө, һөҙгөс* ‘бредень’, *йылым / елым* ‘невод’ (Муллагулов, 2014: 133–144; Руденко, 1955: 91–92). Лексика башкирского языка располагает множеством наименований разновидностей сетей, используемых башкирами[1].

Лексика ловушек и сетевых орудий у тувинцев и башкир, при общем типологическом сходстве этих орудий, демонстрирует богатство и уникальность этнокультурных номинаций, где башкирский язык отличается особой детализацией частей конструкций, а тувинский — конкретикой способов лова.

Наименования колющих, крючковых и иных орудий рыболовства. Колющие и крючковые орудия ловли закрепились в лексиконе за следующими наименованиями:

а) в обоих языках: *острога* (башк. *һалдау* (лит.) / *һандау* / *салтау* / *страга* / *сәнеске* / *ҡаҡшар* / *ҡаҡшыр*, тув. *серээ*[2]); ей пользовались при лучении рыбы (башк. *сыраҡҡа төшөү*, тув. *балык чырыткылаар* ‘лучение при помощи факела’, *одаглап чырыдар* ‘лучение посредством разожженного на берегу костра’) (Муллагулов, 2014: 87; Даржа, 2009: 515). Способ ловли с применением острога в тувинском языке выражается следующими понятиями: *серээлээр / серээ биле шиштээр*[3]. Среди сопутствующих башкирских лексем следует назвать следующие: *ятыу* ‘омут’, *сыраҡ* ‘факел, светец’, *ҡалаҡ* ‘длинная деревянная лопаточка’;

б) в рыболовстве обоих народов применялся *багор* (башк. *багор*[4], тув. *тыртпа*), представляющий собой длинный стержень с крюком на конце, применяемый для захвата рыбы за губу или тело. Бытование данного термина в башкирском языке в заимствованном виде наталкивает на мысль, что способ ловли багром не особо был распространен среди башкир. Что касается тувинского языка, научный интерес представляют суждения В. К. Даржа на природу происхождения багра (в плане того, что предшествовало ему: металлический крючок или копье) и его тувинского наименования *тыртпа* (от *тырт* ‘тянуть’[5] с присоединением словообразующего суффикса *-па*) (Даржа, 2009: 518). Согласно упоминаниям в научной литературе, тувинцы при ловле рыбы использовали «*илпек* лит. *илбек* ‘самодельный крючок для вытаскивания рыбы из проруби’»[6], в какой-то мере похожий на багор;

в) орудийная лексика рыболовства у тувинцев представлена также понятиями «*бижек* ‘нож’», *кестик* ‘маленький ножик’, «*бишектээр / биъжек-биле балыктаар* ‘ловить рыбу ножом’»[7] (Куулар, 2016b: 126; и др.[8]).

[1] Нафиков Ш. В. Речное рыболовство. Уфа: Китап, 1997. С. 165.
[2] Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 374.
[3] Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 3 (40). С. 236.
[4] Академический словарь башкирского языка: в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2011. Т. II. С. 59.
[5] Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 430.
[6] Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 3 (40). С. 236.
[7] Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 101, 239.
[8] Куулар Е. М., Кужугет Ш. Ю. Лексика рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 3 (40). С. 236.

Среди иных орудий ловли, характерных для обоих народов, следует отметить петлю (башк. *мәҫкәү / мәскәү*, тув. *дузак*[9]), используемую и поныне во все сезоны года. Сопутствующими лексемами вида ловли с использованием петли у башкир являются *мәке* ‘прорубь’, *шыға* ‘специальный шест длиной в 1,5–2 метра’, которым водили взад-вперед «живого самца щучьих» в качестве приманки,«*шыға-ятыу*, что означает ‘лов рыбы, лежа на льду с помощью петля через прорубь’» (Муллагулов, 2014: 84–86).

С прорубанием льда на озерах и реках связано также глушение рыбы; для обозначения понятий, связанных с таким способом ловли рыбы, используются следующие слова и выражения: башк. *балыҡ шаңҡытыу* ‘глушение рыбы’, *суҡмар* ‘оглушник’, *сәкән* ‘клюшка’, *һөймән* ‘пешня’ (Муллагулов, 2014: 95), тув. *ойук* ‘прорубь’, «*соп балыктаар* ‘рыбачить, нанося удары’» / «*мукулаар* < *муку* ‘колотушка, которой глушат рыбу в небольшой речке’» ‘колотить рыбу’[1] (Даржа, 2009: 517).

Лексика колющих и иных орудий рыболовства у тувинцев и башкир при общности базовых типов орудий (острога, багор, петля) демонстрирует уникальные номинации и специфические приемы лова, отражающие культурно-хозяйственные особенности каждого народа.

Сопоставление терминологии орудий лова подтвердило наличие общего архаичного комплекса снастей, свидетельствующего о единстве традиционных хозяйственных типов, а также выявило специфические черты, отражающие локальную адаптацию промысла к окружающей среде. Таким образом, лексика орудий и способов лова служит надежным источником для реконструкции не только исторического развития рыболовного промысла, но и специфических адаптационных стратегий каждого из народов к своей природной среде.

Заключение

Результаты сравнительного анализа ихтионимической лексики убедительно демонстрируют наличие значительного общетюркского пласта, подтверждающего глубокое историко-культурное и языковое единство (на примере таких номинаций, как *шортан / суртан* ‘щука’, *ала-буга / алабуға* ‘окунь’). Одновременно с этим выявлены семантические расхождения в рамках общих основ (ср.: *ак-балык / аҡбалыҡ* ‘елец, сиг’ в тувинском и ‘белорыбица, царь-рыба’ в башкирском; многозначность лексемы *сабаҡ / чебак*), что отражает независимое развитие значений в разных экологических и культурных контекстах. Принципы классификации рыб, особенно ключевых объектов промысла, таких как хариус, оказались сложными и многоаспектными, основанными на возрасте, размере, цвете и месте обитания, что подчеркивает высокую степень детализации и адаптации языка к местной ихтиофауне.

В ходе сравнительного анализа лексики, связанной с орудиями и способами лова, выявлено типологическое сходство в терминологии, обозначающей архаичные орудия (удочка — *сыырткыыш / ҡармаҡ*, острога — *серээ / һалдау*, морда — *сүген / мурҙа*), что указывает на общность базовых технологий промысла в тюркской среде. В то же время четко проявились специфические различия, детерминированные экологическими и культурными факторами. К ним относятся уникальные снасти (башкирская жерлица *суртанлыҡ* и тувинская кожаная ловушка *тулуп*), а также исключительное богатство диалектной номенклатуры, детализирующей как конструкцию орудий, так и способы их применения.

Общий вывод заключается в том, что лексика рыболовства башкирского и тувинского языков представляет собой сложные иерархические системы, рельефно отражающие диахроническое единство (общетюркский лексический фонд) и синхронное разнообразие (автохтонные инновации и семантические расхождения). Эти системы являются ценным источником для реконструкции как исторического развития тюркских языков, так и традиционных хозяйственно-культурных типов, сложившихся в контрастных природных средах — урало-поволжской и саяно-алтайской.

Перспективы дальнейших исследований видятся в следующих направлениях. Расширение сравнительной базы — включение в анализ данных других тюркских языков, прежде всего соседних с башкирским (татарский, казахский) и тувинским (хакасский, алтайский), что позволит более точно

[1] Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов ... С. 182.
[2] Там же. С. 302.

очертить ареалы распространения лексических явлений и выявить зоны контактов. Углубленный лингвокультурологический анализ — более детальное исследование мифологизированной и табуированной лексики (например, *аҡбалық, ҡорбан балық*), ее связи с обрядовой практикой и народными верованиями. Этимологический анализ спорной лексики — углубленное изучение происхождения дискуссионных ихтионимов (например, *бел, мыйыт, алабуға*) с привлечением данных смежных языковых семей. Сопоставительное изучение смежной терминологии — проведение аналогичного сравнительного анализа лексики, связанной с другими традиционными промыслами (охота, скотоводство), что позволит получить целостную картину отражения хозяйственного уклада в языке.

Таким образом, данное исследование не только восполняет существующий пробел в тюркологии, но и открывает новые горизонты для междисциплинарных изысканий на стыке лингвистики, этнографии и истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айтазин, К. (1973) О некоторых названиях рыб // Местные особенности в казахском языке / отв. ред. С. К. Кенесбаев. Алма-Ата : Наука. 202 с. С. 136–148.

Бятикова, О. Н. (2010) Кайбер ихтионимнарга тарихи-чагыштырма анализ // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. № 3. С. 78–81.

Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки. М. : Издательство восточной литературы. 218 с.

Галимова, О. Н. (2025) Системы ихтионимов в татарском и тувинском языках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 333–351. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.20

Даржа, В. К. (2009) Традиционные мужские занятия тувинцев: хозяйство, охота, рыбалка. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 592 с.

Кутлубаева, Р. Ф., Абдуллина, Г. Р. (2016) Ихтионимы в башкирском языке // Символ науки. № 11–4. С. 41–42.

Куулар, Е. М. (2016a) Ихтионимы в диалектах тувинского языка: сравнительный аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8–2 (62). С. 105–108.

Куулар, Е. М. (2016b) Лексика традиционных орудий и способов ловли в диалектах тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12–3 (66). С. 125–127.

Куулар, Е. М., Сувандии, Н. Д. (2011) Охотничья-рыболовная лексика западного диалекта тувинского языка // Научные труды Тувинского государственного университета / отв. ред. О. М. Хомушку. Кызыл : РИО ТувГУ. 203 с. С. 137–139.

Муллагулов, М. Г. (2014) Архаичные способы хозяйства у башкир: традиции и новации. Уфа : Китап. 176 с.

Нафиков, Ш. В. (1982) Возрастная дифференциация в названиях рыб в башкирском языке // Проблемы изучения башкирских литературно-публицистических и фольклорных источников / отв. ред. Э. Ф. Ишбердин. Уфа : БФ АН СССР. 114 с. С. 110–113.

Нафиков, Ш. В. (1983) К определению семантической структуры названий рыб в башкирском языке // Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка: сборник статей / отв. ред. З. Г. Ураксин. Уфа : БФАН СССР. 128 с. С. 55–59.

Нафиков, Ш. В. (1984) Заимствования в ихтионимах башкирского языка // Источниковедение башкирской филологии / отв. ред. И. Г. Галяутдинов. Уфа : БФ АН СССР. 98 с. С. 75–80.

Рассадин, В. И. (2008) Комплекс охотничье-рыболовческой лексики в саянских тюркских языках таёжного ареала // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / отв. ред. А. В. Дыбо. М. : Восточная литература. 341 с. С. 155–194.

Рахимова, А. Р. (2001) Лексика диалектов сибирских татар (сравнительно-исторический анализ промысловой и хозяйственной лексики). Казань : МастерЛайн. 128 с.

Руденко, С. И. (1955) Башкиры. Историко-этнографические очерки. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР. 402 с.

Сафина, Э. И. (2025) Общетюркские орнитонимы в татарском и тувинском языках (этнолингвистический аспект) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 352–370. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.21

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (2001) / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 821 с.

Сувандии, Н. Д. (2014) Рыболовная лексика в западном диалекте тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (42). С. 164–166.

Дата поступления: 06.10.2025 г.
Дата принятия: 28.11.2025 г.

REFERENCES

Aitazin, K. (1973) Some fish names. In: *Local features in the Kazakh language.* Ed. by S. K. Kenesbaev. Alma-Ata, Nauka. 202 p. Pp. 136–148. (In Russ.)

Byatikova, O. N. (2010) Historical-comparative analysis of some ichthionyms. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, no. 3, pp. 78–81. (In Russ.)

Vainshtein, S. I. (1961) *The Tofalar (Todzhin Tuvans): Historical and ethnographic essays.* Moscow, Izdatelstvo vostochnoi literatury. 218 p. (In Russ.)

Galimova, O. N. (2025) Systems of ichthionyms in Tatar and Tuvan. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 333–351. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.20

Darzha, V. K. (2009) *Traditional male occupations of the Tuvans: economy, hunting, fishing.* Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 592 p. (In Russ.)

Kutlubaeva, R. F. and Abdullina, G. R. (2016) Ichthionyms in the Bashkir language. *Simvol nauki*, no. 11–4, pp. 41–42. (In Russ.)

Kuular, E. M. (2016a) Ichthionyms in the dialects of the Tuvan language: a comparative aspect. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 8–2 (62), pp. 105–108. (In Russ.)

Kuular, E. M. (2016b) Vocabulary of traditional fishing gear and methods in the dialects of the Tuvan language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12–3 (66), pp. 125–127. (In Russ.)

Kuular, E. M. and Suvandii, N. D. (2011) Hunting and fishing vocabulary of the western dialect of the Tuvan language. In: *Nauchnye trudy Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta.* Ed. by O. M. Khomushku. Kyzyl, RIO TuvGU. 203 p. Pp. 137-139. (In Russ.)

Mullagulov, M. G. (2014) *Archaic economic practices of the Bashkirs: traditions and innovations.* Ufa, Kitap. 176 p. (In Russ.)

Nafikov, Sh. V. (1982) Age differentiation in fish names in the Bashkir language. In: *Problems in the study of Bashkir literary, journalistic and folklore sources.* Ed. by E. F. Ishberdin. Ufa, Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences. 114 p. Pp. 110–113. (In Russ.)

Nafikov, Sh. V. (1983) On defining the semantic structure of fish names in the Bashkir language. In: *Issues of lexicology and lexicography of the Bashkir language: collection of articles.* Ed. by Z. G. Uraksin. Ufa, Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences. 128 p. Pp. 55–59. (In Russ.)

Nafikov, Sh. V. (1984) Loanwords in the ichthionyms of the Bashkir language. In: *Source studies in Bashkir philology.* Ed. by I. G. Galyautdinov. Ufa, Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences. 98 p. Pp. 75–80. (In Russ.)

Rassadin, V. I. (2008) The complex of hunting and fishing vocabulary in the Sayan Turkic languages of the taiga area. In: *The natural environment and material culture of Proto-Turkic peoples.* Ed. by A. V. Dybo. Moscow, Vostochnaya literatura. 341 p. Pp. 155–194. (In Russ.)

Rakhimova, A. R. (2001) *Vocabulary of the dialects of Siberian Tatars (a comparative-historical analysis of fishing and economic vocabulary).* Kazan, MasterLain. 128 p. (In Russ.)

Rudenko, S. I. (1955) *The Bashkirs: Historical and ethnographic essays.* Moscow, Leningrad, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 402 p. (In Russ.)

Safina, E. I. (2025) Common Turkic ornithonyms in Tatar and Tuvan (an ethnolinguistic aspect). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 352–370. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.21

Sravnitelno-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika (2001) *Comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexicon.* Ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka. 821 p. (In Russ.)

Suvandii, N. D. (2014) Fishing vocabulary in the western dialect of the Tuvan language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12 (42), pp. 164–166. (In Russ.)

Submission date: 06.10.2025.
Acceptance date: 28.11.2025.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ
THE NEW RESEARCH OF TUVA
www.nit.tuva.asia №2 2026 Novye issledovaniia Tuvy

DOI: 10.25178/nit.2026.2.12

Статья

Сходства и различия национальных детских игр *асык* казахов и *кажык* тувинцев

Куралай Б. Баудиярова, Меруерт К. Егизбаева, Гулжан А. Мейрманова
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

Статья посвящена сравнительному анализу традиционных детских игр «асық» у казахов и «кажык» у тувинцев как значимых элементов нематериального культурного наследия кочевых народов Центральной Азии. Авторы рассматривают эти игры как интегральную часть культуры детства, механизм социализации и межпоколенческой трансляции этнических ценностей в кочевом сообществе. Исследование опирается на культурно-исторический подход, труды по этнопедагогике и этнографии, а также на комплекс источников: письменные и визуальные материалы, музейные коллекции, полевые наблюдения и социологический опрос казахских и тувинских студентов.

Показано, что обе игры имеют общее кочевое происхождение, основаны на использовании астрагала мелкого рогатого скота и развивают у детей ловкость, координацию, стратегическое мышление и навыки коллективного поведения. При этом казахская традиция отличается большей структурной разработанностью игровых вариантов и выраженной сакральной составляющей, связанной с культом животных, обрядами и погребальной практикой, тогда как тувинская игра «кажык» сильнее акцентирована на тренировке моторики, соревновательности и символике, сопряжённой с шаманскими и гадательными практиками.

Социологические данные свидетельствуют о высокой степени узнаваемости и актуальности обеих игр среди молодёжи, которая воспринимает их как важный маркер этнической идентичности и семейного досуга. Авторы подчёркивают перспективность использования этих игр в этнокультурных образовательных программах и дальнейших сравнительных исследованиях традиционных игр тюркоязычных народов.

Ключевые слова: *казахи; тувинцы; асык; кажык; традиционная игра; детская игра; проблема воспитания; культура детства*

Статья подготовлена в рамках реализации грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Казахи Тарбагатая: историко-этнографическое исследование (XIX — начало XXI века)» (ИРН AP23490262). Руководитель проекта М. К. Егизбаева.

Для цитирования:
Баудиярова К. Б., Егизбаева М. К., Мейрманова Г. А. Сходства и различия национальных детских игр *асык* казахов и *кажык* тувинцев // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 176-191. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.12

Баудиярова Куралай Батырбековна — кандидат исторических наук, старший преподаватель факультета истории Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050040, Казахстан, г. Алматы, ул. Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: baudiyarovakb@gmail.com

Егизбаева Меруерт Карпыковна — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор факультета истории Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050040, Казахстан, г. Алматы, ул. Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: egyzbeavamk@gmail.com

Мейрманова Гулжан Асановна — кандидат исторических наук, Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050040, Казахстан, г. Алматы, ул. Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: meirmanovavaga@gmai.com

Article

Similarity and Differences between the National Children's Games *Asyk* of the Kazakhs and *Kazyk* of the Tuvans

Kuralai B. Baudiarova, Meruert K. Yegizbayeva, Gulzhan A. Meirmanova
Farabi University, Republic of Kazakhstan

The article is devoted to a comparative analysis of the traditional children's games "asyk" among the Kazakhs and "kazyk" among the Tuvans as significant elements of the intangible cultural heritage of the nomadic peoples of Central Asia. The authors consider these games as an integral part of childhood culture, a mechanism of socialization, and a means of intergenerational transmission of ethnic values within a nomadic community. The study is based on a cultural-historical approach, works in ethnopedagogy and ethnography, as well as a комплекс of sources, including written and visual materials, museum collections, field observations, and a sociological survey of Kazakh and Tuvan students.

It is shown that both games share a common nomadic origin, are based on the use of the astragalus bone of small livestock, and contribute to the development of agility, coordination, strategic thinking, and collective behavior skills in children. At the same time, the Kazakh tradition is distinguished by a more elaborated structural diversity of game variants and a pronounced sacral component associated with animal cults, rituals, and funerary practices, whereas the Tuvan game "kazyk" places greater emphasis on motor skill training, competitiveness, and symbolism connected with shamanistic and divinatory practices.

Sociological data indicate a high level of recognition and relevance of both games among young people, who perceive them as an important marker of ethnic identity and family leisure. The authors emphasize the перспективность of using these games in ethnocultural educational programs and in further comparative studies of traditional games of Turkic-speaking peoples.

Keywords: *Kazakhs; Tuvans; asyk; kazyk; traditional game; children's game; issues of upbringing; childhood culture*

Financing
The article was prepared within the framework of grant funding from the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for the project "Kazakhs of Tarbagatai: Historical and Ethnographic Studies (19th — early 21st century)" (IRN AP23490262). Project leader: M. K. Yegizbayeva.

For citation:
Baudiarova K. B., Yegizbayeva M. K. and Meirmanova G. A. Similarity and Differences between the National Children's Games *Asyk* of the Kazakhs and *Kazyk* of the Tuvans. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 176-191. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.12

BAUDIYAROVA, Kuralai Batyrbekovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Faculty of History, Farabi University. Postal address: 71 Al-Farabi Ave., 050040, Almaty, Kazakhstan. E-mail: baudiyarovakb@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6341-8664

YEGIZBAYEVA, Meruyert Karpykovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of History, Farabi University Postal address: 71 Al-Farabi Ave., 050040, Almaty, Kazakhstan. E-mail: egyzbeavamk@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3338-291X

MEIRMANOVA, Gulzhan Asanovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of History, Farabi University. Postal address: 71 Al-Farabi Ave., 050040, Almaty, Kazakhstan. E-mail: meirmanovavaga@gmai.com
ORCID: 0000-0003-3990-0172

Введение

Статья посвящена исследованию традиционных детских игр казахского и тувинского народа, в которых отражаются мировоззрение и культурные особенности обоих этносов. Они относятся к тюркоязычным народам и традиционно занимались кочевым скотоводством. Общий уклад хозяйства, образ жизни и окружающая среда обусловили сходство их национальных игр, в том числе *асык* у казахов и *кажык* у тувинцев. Игры выступали важнейшим источником передачи культурного опыта и этнических ценностей, способствовали развитию стратегического мышления, пространственной ориентации, физической выносливости и чувства социальной ответственности. Несмотря на сходные черты, у каждого народа есть и свои особенности, связанные с географическими, социальными, традиционными и религиозными факторами.

Цель исследования заключается в сравнительном анализе традиционных детских игр казахов и тувинцев — *асык* и *кажык* соответственно, причем в рамках работы предполагается выявить степень их сохранности, а также определить характер и глубину трансформационных изменений, произошедших в процессе адаптации этих игр к условиям современной жизни. *Список задач* исследования: проанализировать историко-культурные корни традиционных детских игр *асық* у казахов и *кажык* у тувинцев; выявить сходства и различия между ними; определить характер трансформаций, произошедших в традиционных играх под влиянием урбанизации, цифровизации и изменения образа жизни.

Объектом исследования являются традиционные национальные детские игры казахов *асык* и тувинцев *кажык*. *Предмет исследования* — этнокультурные особенности и структурные сходства игр.

Методы исследования: сравнительно-исторический метод использовался для анализа происхождения и эволюции традиционных игр *асык* и *кажык* в контексте этнокультурного развития тувинского и казахского народов; этнографический метод применялся при сборе полевых материалов, наблюдении за игровыми практиками и фиксации устных рассказов носителей традиции; социологический метод включал анкетирование и интервьюирование представителей разных возрастных групп для оценки уровня сохранности и трансформации игр в современном обществе.

Теоретико-методологическая основа статьи базируется на культурно-историческом подходе Л. С. Выготского (Выготский, 1991) и В. П. Зинченко (Зинченко, 2018). Авторы рассматривает игру как важнейший механизм социализации ребёнка и усвоения культурных норм. Игра выступает не только средством развлечения, но и инструментом освоения социальных ролей, формирующих когнитивные и коммуникативные навыки. В определении времени появления авторы использовали социокультурный и историко-культурный анализ Ф. Арьеса (Арьес, 1999) и Ю. М. Лотмана (Лотман, 1969). Здесь акцент делается на понимании игры в контексте исторической динамики и культурных трансформаций. Игра рассматривается как зеркало общества, отражающее ценности, символы и нормы эпохи. Систематическое изучение феномена игры связано с именем Й. Хейзинга, утверждавшего, что игра является первичной формой человеческой активности, в которой зарождаются нормы поведения, символика и формы коллективного взаимодействия. Она выполняет многоплановые функции служит формой культуры, средством социализации, обучения и психологической адаптации (Хейзинга, 1997).

Источниковую основу исследования составили письменные, визуальные и материальные источники, отражающие специфику традиционных детских игр казахского и тувинского народов. В процессе исследования проведён анализ этнографических описаний казахского народа А. И. Левшина, И. С. Палласа, Г. Н. Потанина, А. Алекторова, А. Диваева (Левшин, 1832; Паллас, 1773; Потанин, 1881; Алекторов, 1891; Диваев, 1916), а также по тувинскому народу Ф. Я. Кона, Е. К. Яковлева, П. Е. Островского, С. И. Вайнштейна, Л. П. Потапова, Г. Н. Курбатского, И. У. Самбу (Кон, 1932; Яковлев, 1900; Островский, 1898; Вайнштейн, 1961; Потапов, 1969; Курбатский, 1973; Самбу, 1978) и др., и материалов, собранных авторами. В социологическом исследовании сентября — октября 2025 г. приняли участие 50 респондентов студенты Казахского национального университета имени аль-Фараби (г. Алматы) — представители этнических казахов в возрасте 17–21 года[1]; а также 50 студентов Междуна-

[1] 76,8% составили женщины, остальные 23,2% мужчины. Возрастная группа 17–18 лет представлена 61% участников, 19-летние респонденты составили 5,8%, остальные лица — 20–21 год.

родного Казахско-турецкого университета имени Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан), среди них студенты тувинской этнической принадлежности также в возрасте от 17 до 21 года[1]. Анкетирование проводилось в аудиториях университетов, с использованием унифицированных анкет. Представителям обеих этнических групп были заданы идентичные вопросы, которые охватывали такие аспекты: ценность национальных игр, степень их распространённости среди населения, частота участия в них, опираясь на специфические особенности. Для более глубокого раскрытия темы с казахскими и тувинскими респондентами проводились также и индивидуальные интервью, построенные на равноправном задавании вопросов. В результате были получены достоверные ответы, что позволило осуществить комплексный анализ.

Обзор литературы

Сведения о казахских национальных играх сохранились в устной форме, а также в народной литературе, исторических источниках, записях путешественников и музейных коллекциях.

Русский ученый, географ и историк А. И. Левшин в своем труде «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких[2] орд и степей» (Левшин, 1832) уделяет большое внимание казахским национальным играм *тенге алу*, *кыз куу*, *курес*. Он пишет, что благодаря детским подвижным играм дети становятся крепкими и выносливыми. Один из выдающихся русских ученых И. С. Паллас тоже описывал национальные игры казахского народа в своих исследованиях (Паллас, 1773).

Этнограф А. Диваев в труде «Игры киргизских детей» собрал национальные игры и впервые классифицировал их согласно возрастным особенностям (Диваев, 1916). Г. Н. Потанин в своих трудах указывал на сходство казахских игр с играми народов Урало-Алтайского региона (Потанин, 1881). Русский ученый А. Алекторов описывал воспитание казахов с момента рождения ребенка и подчеркивает роль национальных игр в этом процессе (Алекторов, 1891).

В трудах казахских этнографов С. Муканова (Муканов, 1974) и А. Маргулана (Маргулан, 1984) *асык* описывается как элемент культурной и духовной системы.

В советский период казахстанские ученые М. Гуннер[3], М. Таникеев (Таникеев, 1957), Б. Тотенаев (Төтенаев, 1978), М. Болгамбаев (Болганбаев, 1983), А. Буркитбаев (Бүркітбаев, 1978) проводили научные исследования, посвященные теме национальных игр. Б. Тотенаев в своем труде «Казахские национальные игры» классифицировал казахские игры, разделил их по группам и проанализировал их виды. Он подробно рассмотрел забытые праздничные игры *ак боран, калтырауык, камыр кемпир, казакша курес, жаяу жарыс, жамбы ату, кумис алу, жорға жарыс* (Төтенаев, 1978: 72).

В 1903 г. этнограф Ф. Я. Кон в своей книге «За пятьдесят лет» впервые написал о национальных играх тувинского народа. Труд связан с этнографической экспедиции автора в Сойотию[4] в 1902–1903 гг. (Кон, 1932). Е. К. Яковлев, рассматривая быт и образ жизни тувинцев, писал про детские игры *кич торю* (горелки), *чажынган, харагы чох* (Яковлев, 1900: 112–115; названия игр даны в авторском написании. — *Авт.*). П. Е. Островский в своих работах описал вид борьбы *хуреш*, являющейся частью культурного досуга тувинцев и тоджинцев (Островский, 1898).

С. И. Ванштейн на основе этнографических данных, собранных в Туве, всесторонне исследовал детские игры тувинцев (Ванштейн, 1961: 155–159). Л. П. Потаповым был проанализирован быт тувинцев, в том числе детские игры (Потапов, 1969: 266–268). В 1973 г. Г. Н. Курбатский в работе «Тувинские праздники» описал виды игр, проводимых на национальных тувинских праздниках (Курбатский, 1973).

В 1978 г. И. У. Самбу в книге «Тувинские игры» осветил историю, виды и сохранность национальных игр (Самбу, 1978). В 2024 г. работа была переиздана (Самбу, 2024). В монографии подробно зафиксированы правила и структура традиционных игр тувинцев.

[1] Среди опрошенных 65,3% составили женщины, остальные 34,7% мужчины. Возрастная группа 17–18 лет представлена 50% участников, 19-летние респонденты составили 10,2%, остальные лица — 20–21 год.
[2] Казахов официально называли «киргизами» (чаще «киргиз-кайсаками») в Российской империи и затем в раннем СССР примерно с первой трети XVIII в. до 1925 г.
[3] Гуннер М. Сборник казахских национальных игр и развлечений. Алма-Ата: Комсомольское издательство ЦК ВЛКСМ Казахстана, 1938.
[4] Старое название Тувы.

А. Монгуш рассматривает *кажык* как символ тувинского детства и подчёркивает, что традиционные тувинские игры формируют у детей чувство принадлежности к своему народу и уважение к предкам (Монгуш, 2005). Х. Д.-Н. Ооржак рассматривает *кажык* как одну из древнейших тувинских игр, сохранивших элементы магического и символического значения (Ооржак, 2007). Ш. Майны классифицировала детские игры по возрастным особенностям и целям воспитания. Она рассматривает игры как средство приобщения детей к народным традициям, обычаям и устному творчеству (Майны, 2013).

М. Дыртык-оол рассмотрела этнокультурные и психологические аспекты традиционных тувинских игр, их влияние на формирование личности ребёнка и социализацию в контексте народной культуры[1]. И. И. Мендот, И. Э. Мендот и др. обратили внимание на воспитательные функции народных игр[2]. Об этом же пишет М. Н. Донгак (Донгак, 2016). К. М. Монгуш исследует игру *кажык* в качестве эффективного средства развития мелкой моторики, ловкости пальцев и внимания у детей младшего школьного возраста[3].

О. Ч. Ондар описывает основные разновидности игры в *кажык*, ее распространенность и культурную устойчивость, а также воспитательные и развивающие эффекты[4].

Анализ существующих исследований показывает, что предшественниками уже проделана значительная работа по изучению традиционных игр и их культурного значения. Однако сравнительных исследований игр еще не производилось, также как и восприятия игры современными студентами, их трансформаций.

Основные характеристики детских игр казахов асык и тувинцев кажык

Асык и *кажык* — общее название самых известных и широко распространённых игр казахского и тувинского народов, представляющих собой яркие примеры традиционных детских развлечений, сохранившихся с древнейших времён. Обе игры основаны на использовании таранной кости домашних животных, преимущественно барана, что делает их доступными, экологичными и тесно связанными с кочевой культурой. Несмотря на внешнее сходство, каждая из игр обладает уникальной игровой структурой, отражающей этническую специфику и культурный контекст.

Асық (каз.) — суставная кость, соединяющая голень и бедренные кости у домашних и диких животных; имеет одну вогнутую и одну выпуклую поверхность[5]. Игра в *асык* (*асык ойыны*) — название наиболее распространённого и известного комплекса игр казахского народа, в которых используются овечьи астрагалы (асыки) (*фото 1*).

В словарных статьях тувинского языка *кажык* описывается как лодыжка, щиколотка, таранная кость; астрагалы; бабка (надкопытный сустав)[6]. Относительно названия игры в *кажык* в литературе встречаются расхождения. Так, И. У. Самбу, описывая традиции тувинцев-тоджинцев, назы-

[1] Дыртык-оол М. Психологические особенности детских тувинских игр: на примере сайзанак // Башкы. 2005. № 1. С. 91–92.
[2] Мэндот И. И., Мендот И. Э. Народные игры как компонент физического и духовного воспитания // Образование и культура в развитии современного общества: материалы международной научно-практической конференции (16–18 ноября 2009 г.). Новосибирск: Изд. ООО «БАК», 2009. Ч. I. С. 237–243; Мендот Э. Э., Мендот Э. Э., Мендот И. Э. Тувинская игра «Кажык» для детей дошкольного возраста // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2016. № 5 (7). С. 16–19; Мендот Э. Э., Мендот И. Э., Мендот Э. Э. Игра «кажык» как компонент этнокультуры // Вестник Тувинского государственного университета. 2017. № 4 Педагогические науки. С. 166–171.
[3] Монгуш К. М. Кажык как средство развития ловкости пальцев рук учащихся начальных классов // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая. Материалы IV международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященная году гостеприимства в Республике Тыва. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2016. С. 82–83.
[4] Ондар О. Ч. Систематизация общих положений тувинской игры «кажык» // От международных спортивных игр «Дети азии» к университетскому спорту. Сборник научных трудов международной научной конференции, в рамках VIII Международных спортивных игр «Дети Азии» и 25-летнего юбилея Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта. Якутск: ФГБОУ ВО «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта», 2024. С. 245–249.
[5] Казахский словарь литературного языка: в 10 т. / отв. ред. А. Искаков, Н. Уали. Алматы: Арыс, 2015. Т. II. С. 54-55.
[6] Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 3. С. 57–58.

Фото 1. Кости игры асык. Фото К. Б. Баудияровой, 2025 г.
Photo 1. Dice of the assik game. Photo by K. B. Baudiyarova, 2025.

вает игру не привычным термином *кажык*, а *шанай* (играть в кости соответственно будет звучать как *шанайлаар*), а вместо *кажык* употребил слово *кайык* (*кайыктаар*) (Самбу, 1978: 51).

В казахской культуре *асык,* используемая в детских играх, обладает глубокой сакральной символикой, связанной с представлениями о мужестве, удаче, защите и духовной энергии. Основным игровым действием является метание косточек с целью выбивания определённых объектов из круга. Победа в игре демонстрировала ловкость, меткость и лидерские качества черты, необходимые будущему воину в традиционном обществе. Как правило используются косточки овец и коз. Среди детей особенно ценятся редкие асыки, такие как асыки горного барана *архар* или козерога *таутеке*. Эти косточки называются *кулжа* или *колкар* и отличаются своей тяжестью. Благодаря этому их используют как *сака* основной, метательный *асык*. Асыки сайгаков называются *шукейт*, они немного тяжелее овечьих. Именно поэтому *кулжа, колкар, шукейт* часто используются в качестве метательных асыков. Также в детских играх могут применяться асыки коров и верблюдов, однако они не относятся непосредственно к классическим играм *асык*. Такие асыки в разных регионах называются *сомпа, сака, топай*. Чтобы сохранить преимущество при броске, дети иногда подпиливают грань асыка со стороны тайке, чтобы при броске асык чаще падал в наиболее выгодное положение *алшысынан*. Чтобы утяжелить *сака* в углубление с боку асыка заливают свинец.

Одним из распространённых способов украшения является покраска асыков. Когда матери красят шерсть, дети кладут асыки в котёл с краской и таким образом их окрашивают. В играх как правило такие окрашенные асыки более ценны. Есть названия граней асыка: вогнутая сторона асыка называется *алшы*, противоположная, более плоская сторона — *тайке*, другая вогнутая сторона — *шик*, выпуклая сторона — *бук*. Грань прилегающая к берцовой кости — *омпа,* а закруглённая головка, соединяющаяся с лодыжкой — *шомпа*.

Перед началом игры очередь определяется броском асыка. Выпавшая грань имеет своё значение. Наивысшее значение имеет положение стоящий на вогнутой стороне *алшы*, за ним следуют *тайке*, затем *бук* и *шик*. Иногда *асык* может упасть на ребро, что называется *кынжы* или на бок — *жантай*. Падение *асыка алшысынан* считается самым удачным[1].

Игры с асыками традиционно начинаются с приходом весны, когда сходит снег, и продолжаются до конца лета. Это обусловлено циклическими особенностями традиционного кочевого образа жизни. Весной и осенью кочующие семьи часто меняют стоянки и дети заняты хозяйственными делами. Когда семья размещается на летовке жайлау, у детей появляется свободное время для игр.

[1] Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі [Традиционная система этнографических категорий, понятий и терминов казахов]. Энциклопедия. Том I. Алматы: ТОО «Алем Даму интеграция», 2017. С. 302.

Для описания тувинской игры *кажык* (фото 2) можно сослаться на этнографические исследования С. И. Вайнштейна (Вайнштейна, 1961: 158) и И. У. Самбу (Самбу, 1978: 51). Они фиксируют использование астрагалов (овечьих косточек), простые правила метания и собирания косточек, а также её важное место в культуре как средства социализации, воспитания ловкости и сохранения традиций.

Основной материал игры — косточки животных, чаще всего овечьи. Игра не требует специальных принадлежностей. Игроки бросают косточки и выполняют определённые действия в зависимости от того, какой стороной они упали. Игра развивает ловкость пальцев, быстроту реакции и зоркость глаз. *Кажык* был одним из самых популярных развлечений у тувинцев, любимым как детьми, так и взрослыми. Игра выполняла воспитательную функцию: формировала навыки коллективного взаимодействия, соревновательность, уважение к правилам. С. И. Вайнштейн отмечает, что игра *кажык* была распространена среди детей и взрослых, выполняла функции социализации и сохраняла этническую специфику. Рассматривая этнографию детских игр тоджинских тувинцев, автор употребляет термин *шанай* и *кайык* вместо привычного слова *кажык* (Вайнштейн, 1959: 157). И. У. Самбу насчитал около 4–5 разновидностей данной игры (Самбу, 1978: 51).

Одной из занимательных детских разновидностей игры является *кажык адары*. Для неё используются две деревянные дощечки *бугехелу*, бросковые кости-битки *ок*, а также восемь обычных костей-фигуры *ан*.

Дощечки служат площадками для расстановки, а затем выбивания фигур. Буге как главная фигура, равнозначная четырем обычным, ставится в центре дощечки. Чтобы отличить ее от других простых фигур, на нее наносится специальный знак или же берется более крупный астрагал. Кости расставляются вокруг буге по краям дощечки. При помощи кости-битки выбиваются астрагалы, расставленные на дощечке. Битки выбрасываются щелчком со специальной подставки, называемой кажылга. В игре участвует чётное количество игроков. Расстояние между дощечками определяется мерой длины семью или девятью пядями. Чтобы определить, кто начнёт игру, проводится жеребьёвка. В этом процессе важную роль играет обряд *мерге тыртар* и *телге каар*. Опытный игрок, получивший право на четыре броска, получает преимущество и может выйти вперёд по очкам[1].

Фото 2. Игра кажык. Фото Ш. Майны, 2024 г.
Photo 2. The kazyk game. Photo by Sh. Mainy, 2024.

[1] Мендот Э. Э., Мендот Э. Э., Мендот И. Э. Тувинская игра «Кажык» для детей дошкольного возраста // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2016. № 5 (7). С. 17.

Игра требует высокой точности, координации и стратегического мышления, а также соблюдения этикетных норм поведения в соревновательной ситуации. Тувинская игра *кажык* также основана на метании, однако её цели могут варьироваться: попадание в заранее обозначенную цель, сбор косточек по определённому принципу, выполнение заданий, связанных с гадательными или ритуальными действиями (Самбу, 2024: 52).

Игры *асык* у казахов и *кажык* у тувинцев имеют общие черты, отражающие специфику детских развлечений кочевых народов. В обеих играх основным материалом служат астрагалы косточки домашних животных, доступные в условиях скотоводческого быта. Правила строятся на метании, собирании и комбинациях выпадения косточек, что развивает ловкость, внимание и координацию. Их культурное значение заключается не только в досуге, но и в воспитании: игры формировали навыки социализации, соревновательность, уважение к правилам и коллективное взаимодействие. Причина распространении обеих игр заключается в том, что они возникли в среде кочевников-животноводов, где игрушки и игровые материалы создавались из того, что было под рукой — из костей животных, сопровождавших человека в повседневной жизни. Чаще всего участниками игры становились дети и подростки. Обе игры представляет собой один из наиболее доступных и широко распространённых видов традиционных игр. Преимущество данной игры состоит в доступности и в простоте правил. Их суть заключается в метком выбивании или собирании косточек, что требует ловкости, точности и стратегического подхода. Успешное попадание по косточкам приносит очки и способствует развитию соревновательных навыков. Эти игры способствуют социализации детей, формированию командного духа и передаче культурных традиций от поколения к поколению.

Разновидности игр асык и кажык

У казахского народа существует несколько видов игры в асык. Основные разновидности игры в асыки: *асық ату, алшы*, *онка*, *бес асык*, *хан, үш табан, бес тас* и др. Наиболее распространённые разновидности предполагают различные схемы бросков, последовательность ходов и правила начисления очков (Мелкова, 1921: 51).

Алшы. Игроки по предварительной договоренности выставляют свои асыки в ряд. Если игрок попадает по выставленному асыку метательным асыком *сака,* и при этом *сака* падает в положение *алшы*, игрок получает сбитый *асык*. Также сбитый *асык* засчитывается, если положение упавшего асыка и *сака* совпадает. Если положения не совпадают, *асык* не засчитывается, и очередь переходит к следующему игроку. Игра продолжается пока не закончатся все выставленные асыки (Казахи, 2001: 563).

Онка. Асыки выставляются так же, как и в игре *алшы*, при этом один *асык* в центре ставится в вертикальное положение он называется *онка*. Игроки по очереди начинают сбивать асыки. Цель игры сбить *онка*. Если игрок попадает *сака* именно в *онка*, он получает все асыки, выставленные на кон. Если игрок не попал в *онка*, но сбил другие асыки, он забирает только сбитые асыки. Игра продолжается до тех пор, пока не закончатся все асыки, выставленные на кон (Мелкова, 1921: 51).

Асық ату. На земле чертится круг диаметром в 2–3 шага, в центр круга выставляются асыки. Количество асыков, выставляемых каждым игроком на кон, заранее оговаривается. Каждый игрок рисует внутри круга линию и ставит свои асыки на нее. По словам Б. Тотенаева, очередь определяется броском сака, после чего игроки по очереди с расстояния около 10 шагов начинают стрелять по асыкам. Если асык выбивается за пределы круга, игрок забирает его себе. Если выбитый асык не выходит за круг, он ставится обратно, и очередь переходит к следующему игроку. Игра продолжается, пока не закончатся все асыки на кону (Тотенаев, 1978: 73).

Хан. В начале игры каждый игрок выставляет по 5–6 асыков. Один асык с отличающимся цветом выбирается как *хан*. Все асыки собираются в ладонь и бросаются на землю. Игрок, чья очередь пришла, должен сбить асыки, которые упали в том же положении, что и *хан*. Например, если *хан* упал *алшы*, можно сбивать только асыки, упавшие *алшы*. Если *хан* упал *бук*, нельзя задевать другие асыки. Если при ударе сбивается нецелевой асык, ход переходит к следующему игроку. По мере уменьшения количества асыков сбивать их становится легче. Игра продолжается, пока не останется ни одного асыка. Интересная особенность, отмеченная исследователем: если при первом броске *хан* оказывается под

другими асыками и не виден, это называется *ханды қара басты*, и тогда начинается игра *хан талапай*: все игроки начинают быстро хватать асыки, пытаясь забрать себе как можно больше[1].

Үш табан. Асыки выстраиваются в ряд по нарисованной линии. От выставленных асыков в одну сторону отмеряется расстояние в три шага, после чего на этом расстоянии чертится круг. Далее броском *сака* определяется порядок ходов. Суть игры заключается в следующем: игрок должен выбить асыки из круга метательным асыком *сака*. Если асык не выходит за границу круга, право хода переходит к следующему игроку. Следующий игрок сначала должен выбить оставшийся в круге асык, ударив по нему сакой, чтобы тот вышел за пределы круга. Только после этого он может приступать к выбиванию остальных асыков из ряда. Игра продолжается до тех пор, пока не будут выбиты все асыки[2].

У тувинцев, как уже было сказано, также существуют разновидности игры *кажык*. Например, существуют разные варианты на скорость собирания косточек, на точность броска, на комбинации выпадения граней. Структура раундов, количество участников и способы подсчёта очков в *кажык* отличаются и могут быть адаптированы под конкретный обрядовый или игровой контекст. Виды игры объединяет наличие элементов меткости, ловкости и соревновательности, однако различия в механике и правилах подчёркивают уникальность каждой этнокультурной традиции. Их анализ позволяет выявить глубинные связи между игрой, ритуалом и социальными практиками, а также проследить трансформацию игровых форм в условиях современного культурного развития.

Игра *дорт берге* заключается в том, что ребёнок подбрасывает один астрагал вверх, затем четырьмя пальцами поднимает с земли другой, после чего ловит первый астрагал на лету. Четыре стороны астрагал символизируют домашних животных, традиционно составляющих основу тувинского скотоводства: лошадь, корову, овцу и козу[3]. Победителем считается тот игрок, который во время бросков сумел показать все четыре стороны астрагал то есть «собрать весь скот». Считалось, что такого ребёнка в будущем ожидают удача и благополучие. Данная игра способствует развитию у детей настойчивости, концентрации внимания и координации движений[4].

Одной из наиболее распространённых и самобытных разновидностей игры в кости является *дужурүп кагары*. Игра может проводиться как индивидуально, так и в группе. Её основная суть заключается в том, что игрок собирает все кости в ладони обеих рук, подбрасывает их вверх и старается поймать как можно больше кости на тыльную сторону руки. Затем кости, оказавшиеся на тыльной стороне ладони, вновь подбрасываются и ловятся уже ладонью. Если хотя бы один кость падает, это считается ошибкой. Если все кости остаются в руке, их количество подсчитывается. При выпадении нечётного числа игра продолжается с нечётными костями, при чётном с чётными. В случае, если игроку удаётся поймать все косточки, считается, что он «поймал коня». При этом в ходе чётной игры он получает право на два «коня», а в нечётной на одного. Количество повторов игры определяется числом кости. Победителем признаётся тот игрок, которому удаётся поймать все асыки в положении «коня» (Донгак, 2016: 103).

Одну из разновидностей игры *кажык* называют по-разному: *кагары*, *хап ойнаары*, *сага дозуп ойнаар*. Наиболее точным и приемлемым названием считается *сагалап ойнаары*, поскольку именно *сага* выступает главной фигурой в игре. Во всех вариантах *кажык* очередность участников определяется посредством жеребьёвки *шашпыыр*. Выделяются несколько разновидностей жеребьёвки: первый способ применяется начинающими игроками, тогда как второй и третий используются более опытными участниками для быстрого выявления победителя и начала игры. Процедура жеребьёвки *шашпыыр* заключается в следующем: игрок кладёт один *кажык* на ладонь, подбрасывает его вверх, затем ловит внешней стороной кисти той же руки, снова подбрасывает и старается схватить летящий *кажык*. Про-

[1] Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. Алматы: ТОО «Алем Даму интеграция». 2017. С. 302.
[2] Там же. С. 303.
[3] Мендот Э. Э., Мендот Э. Э., Мендот И. Э. Тувинская игра «Кажык» для детей дошкольного возраста // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2016. № 5 (7). С. 17.
[4] Монгуш К. М. Кажык как средство развития ловкости пальцев рук учащихся начальных классов // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая. Материалы IV международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященная году гостеприимства в Республике Тыва. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2016. С. 82.

цесс продолжается до тех пор, пока кость не будет уронена. Игрок, сумевший поймать *кажык* наибольшее количество раз, получает право начинать игру[1].

Подводя итоги, следует отметить, что у казахов фиксируется не менее 6–7 основных разновидностей игры, каждая из которых отличается сложной системой правил и бросков. У тувинцев насчитывается 3–4 ключевых разновидности, акцентированных на ловкость, символику и жеребьёвку. Казахские варианты более структурированы и соревновательны, с чёткими правилами подсчёта очков и последовательностью ходов, тогда как тувинские отличаются игровой символичностью, часто связанной с обрядовой практикой (например, символика домашних животных в *дорт берге*) и элементами жеребьёвки (*шашпыыр*). В казахской традиции акцент делается на соревновательность и стратегию, в тувинской — на символику, ловкость и ритуальные элементы. Игры *асық* у казахов и *кажык* у тувинцев демонстрируют как общие черты (использование астрагалов, развитие ловкости, социализация детей), так и различия в игровых формах. Казахская традиция характеризуется множеством разновидностей с чёткой игровой структурой, тогда как тувинская — меньшим количеством вариантов, но с ярко выраженной символикой и обрядовыми элементами. Эти различия отражают особенности культурного контекста: у казахов ориентацию на соревновательность и коллективное взаимодействие, у тувинцев — на символическое воспроизведение хозяйственной основы и ритуальных практик.

Связь асык и кажык с религиозными верованиями

Традиционная казахская игра *асык* имеет не только развлекательный и воспитательный характер, но и тесно связана с древними религиозными представлениями и сакральными практиками тюркских народов. С *асык* связано множество обрядов, поверий и запретов. Во время окота детям запрещалось играть в асыки, по поверьям может разозлить духов покровителей скота. Считалось, что несвоевременная игра может привести к гибели молодняка. Также в традиционной казахской культуре сосание асыка считалось дурной приметой, считается якобы вызывает засуху или мор. С этим связано выражение: *Алты жыл аш болсан да асык мужиме, ток болсан да тобык мужи* ‘Хоть шесть лет голодай не грызи асык, даже сыт будешь ешь лучше лодыжку’. Найденные в степи высохшие асыки в играх не используют. Считается, что сухая кость — символ мёртвого, бездушного, а также предвестие смерти и несчастий.

А. Х. Маргулан также связывал *асык* с мифологическими представлениями казахов, где кость выступает как носитель жизненной энергии и может использоваться в обрядах, гаданиях и как амулет. Символика силы и устойчивости асыка одна из самых прочных в теле животного. В казахской мифологии она ассоциировалась с устойчивостью, выносливостью и жизненной силой (Маргулан, 1984: 63). В погребальных памятниках эпохи бронзы встречаются обряды захоронения с использованием асыков, что свидетельствует о значительной роли этого предмета в мировоззрении древних племён. В качестве доказательства можно привести находку 140 асыков, обнаруженных в 2014 г. на территории Абайского района Восточно-Казахстанской области (Умиткалиев, Тлеугабулов, 2017: 38). Курганы и могильники, где вместе с человеческими останками погребены овечьи кости, обнаружены во многих районах Казахстана. В некрополе Баскудук на плато Устюрт, относящемся к огузо-кыпчакскому периоду и датируемом временем средневековья, были найдены асыки, погребённые вместе с телом воина, принадлежащего к тюркскому племени. Это доказывает, что в сакскую эпоху существовало представление о загробной жизни и вера в культ, связанный с ней[2] (Kartaeva, Oralbay, 2020: 913).

Этнографические данные свидетельствуют, что найденные асыки в погребениях принадлежали домашним животным и предназначались не только для игр, но и для других ритуальных действий. Например, у иранских народов асыки использовались женщинами при родах и в обрядах отпугивания злых сил (Цимиданов, 2001). По этому вопросу утверждают, что в древности асыки животных

[1] Ондар О. Ч. Систематизация общих положений тувинской игры «кажык» // От международных спортивных игр «Дети азии» к университетскому спорту. Сборник научных трудов международной научной конференции, в рамках VIII Международных спортивных игр «Дети Азии» и 25-летнего юбилея Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта. Якутск, 2024. С. 247.

[2] Kartaeva, T., Oralbay, Y. (2020) Geleneksel Kazak Kültüründeki Koç Kültüyle İlgili Etnoarkeolojik İncelemeler. [Этноархеологические исследования культа барана в традиционной казахской культуре] // Belleten. Aralık. 2020. Cilt 84. Sayı 301. S. 907–958. (На турец. яз.).

могли использоваться как средство связи человека с загробным миром. Кость с асыком, расположенная в средней части задней ноги у животного, которая имеет ритуальное значение в традиционной культуре питания. У овец эта кость является почётным подарком *сыбаға*. Уважаемому гостю казахи в качестве угощения давали берцовую кость с асыком. Это связано с традиционными верованиями, символизирующими рост и процветание. В ряде традиций асыки применялись как амулеты, их носили в сумке, пришивали к детской одежде или использовали в гадательных практиках. Асык выступает не только в качестве детской игры, но и как носитель древних сакральных смыслов. Его символика объединяет хозяйственную практику, культ животных, магико-гадательные представления и элементы тотемизма. Именно эта многослойность объясняет устойчивость игры в казахской культуре и её значимость в формировании мировоззрения и духовной традиции.

В тувинской культуре *кажык* также имеет древнее происхождение и связан с культом животных, тотемными представлениями, символикой удачи и «счастливой кости». Использование астрагала таранной кости мелкого рогатого скота восходит к эпохе ранних кочевых культур и отражает устойчивые мифологические, тотемные и культовые представления. В тувинской традиции игра кажык преимущественно развивается как элемент физической и моторной подготовки, форма соревновательной активности, этнопедагогической практики.

Сакральность *кажык* проявляется прежде всего в символическом восприятии косточек животных, которые рассматриваются как медиаторы между человеком и миром духов. В свою очередь у тувинцев *кажык* обладает более многозначной семантикой. Помимо игровой функции выполняет сакральную роль, тесно связанную с шаманскими практиками, гадательными обрядами и представлениями о судьбе. Использование косточек в качестве инструмента предсказания будущего отражает синкретизм духовной и бытовой культуры тувинского народа, где границы между игрой, ритуалом и верованием оказываются условными.

Астрагал рассматривался как объект сакральной силы, способный хранить в себе часть жизненной энергии животного, которое играло центральную роль в хозяйственной и ритуальной жизни кочевников. Кость использовали в обрядах, связанных с обеспечением удачи, плодородия, благополучия и защиты от злых сил. Игра с астрагалами имела магико-прогностическое значение. Падение косточек определенной стороной трактовалось как знак удачи или неудачи. Эта традиция перекликается с древними гадательными практиками тюрков и монголов. Таким образом, игра выполняла функцию «обыденной магии», встраиваясь в повседневную культуру.

Обе игры имеют общий древний корень в кочевой культуре и первоначально были связаны с магико-тотемными представлениями о силе животного. Как у казахов, у тувинцев *кажык* нередко включается в структуру календарных и семейных обрядов, где выполняет функцию сакрального действия, направленного на гармонизацию пространства, защиту от негативных влияний или установление связи с предками. В этом контексте игра становится частью ритуального сценария, в котором границы между игрой, гаданием и магическим действием оказываются условными. Связь игры у казахов асык и у тувинцев кажык с религиозными представлениями проявлялась в ее участии в ритуалах перехода.

Актуальность игр асык и кажык

Для изучения современного состояния игр *асык* у казахов и *кажык* у тувинцев мы обратились к мнению молодежи — казахов и тувинцев.

На вопрос «Какие казахские национальные игры вы знаете?» 81,2% опрошенных казахов указали игру *асык ату* (*рис. 1*). На вопрос «Считаете ли вы национальные игры важной частью казахской культуры?» 97% ответили — «да». На вопрос «Как часто вы играете в игры асык ату?» ответили «регулярно» — 8,2%, «иногда» — 26,5%, «редко» — 55,1%.

Среди высказанных мнений наших респондентов:

— «Я думаю, что игра в *асык ату* воспитывает меткость и точность, а также развивает лидерские качества» (А.А.Д., 20 лет, казах, г. Алматы);

— «Я люблю собирать асыки и играть в них. В сака я заливаю свинец» (Е.С.Е., 20 лет, казах, г. Алматы).

Надо отметить, что по нашим наблюдениям, игра *асық ату* приобретает всё большую популярность среди молодёжи Казахстана. В связи с актуальностью игры *асық* по всей Республике Казахстан

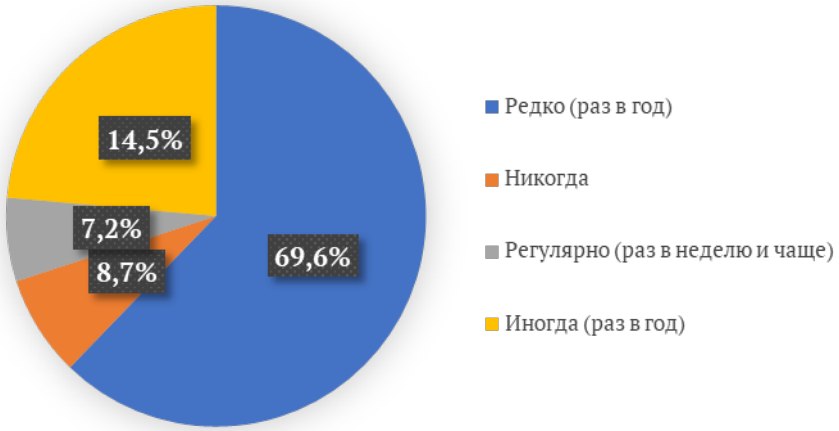

Рис. 1. Распределение ответов казахских студентов на вопрос «Как часто вы играете в игры асык?»
Fig. 1. Distribution of Kazakh students' responses to the question «How often do you play assik games?»

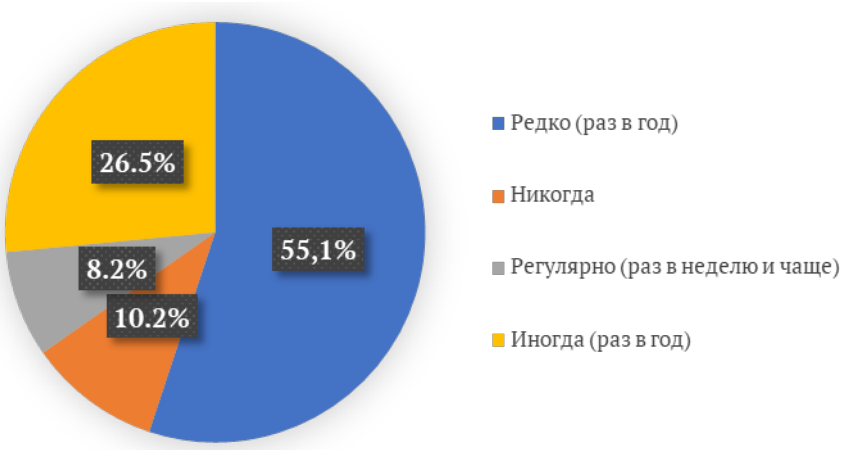

Рис. 2. Распределение ответов тувинских студентов на вопрос «Как часто вы играете в игры кажык?»
Fig. 2. Distribution of Tuvan students' responses to the question «How often do you play kazyk games?»

в 2016 г. была создана Федерация по асык ату. По инициативе её президента Ж. Сабыржанова был разработан и издан методический сборник «Правила игры в асык», который был распространён среди региональных отделений федерации[1]. По информации за 2024 г., в 17 из 20 регионов страны действуют федерации асык ату, зарегистрировано около 90 000 занимающихся, более 1200 тренеров и десятки мастеров спорта.

Мы также опросили и тувинцев об игре *кажык*. На вопрос «Какие тувинские национальные игры вы знаете?» 98% опрошенных указали игру *кажык* как знакомую. На вопрос «Считаете ли вы национальные игры важной частью тувинской культуры?» 98% ответили — «да». На вопрос «Как часто вы играете в игры кажык?» ответили «регулярно» — 8,2%, «иногда» — 26,5%, «редко» — 55,1% (*рис.2*).

Среди мнений прозвучли такие слова:

— «Игра *кажык* как вид национального традиционного развлечения имеет особое значение для нашей семьи, поскольку во время этой игры мы все собираемся вместе» (Д.Д.Р., 19 лет, тувинка).

— «Игра *кажык* мне нравится потому, что с её помощью можно интересно проводить время с друзьями» (Д.Ч.А., 19 лет, тувинец).

[1] Асық ережесі [Правила игры]. Астана: Министерство туризма и спорта Республики Казахстан, 2011. (На каз. яз.).

Наши респонденты считают, что детская игра *кажык* имет большое значение, они знают ее с детства, продолжают играть и хотят, чтобы по ней были организованы соревнования, игра была включена в школьную программу. Также *кажык* остаётся народной игрой в Туве, ее популярность поддерживается регулярными мастер-классами, турнирами, интересом разных поколений и активной культурной поддержкой. Средства массовой информации и культурные порталы публикуют материалы о мастер-классах, турнирах и локальных чемпионатах по *кажык* (Делег, 2016: 101).

Так, можно заключить, что игра *асық* у казахов и *кажык* у тувинцев и сохраняют высокую степень актуальности. Молодежь знает эти игры с детства, любит играть и считает их важным средством для семейного и дружеского времяпрепровождения.

Заключение

Проведённое сравнительное исследование традиционных игр *асык* у казахов и *кажык* у тувинцев выявило их общие культурные характеристики и определило специфику функционирования каждой игры в этнопедагогической системе соответствующего народа. Анализ показал, что обе игры имеют древнее кочевое происхождение, выполняют важные функции социализации, воспитания, передачи поведенческих норм и этнокультурных ценностей, однако проявляют эти функции в разных социокультурных контекстах.

Сопоставление выявило ряд принципиальных сходств: обе игры основаны на использовании астрагала, отражают культ домашнего скота, развивают у детей навыки моторики, координации, внимательности и коллективного поведения. Обе практики служат механизмом межпоколенческой трансляции культурной модели и формируют у участников чувство принадлежности к своей этнической традиции.

Вместе с тем определены и существенные различия. В казахской традиции игра *асык* обладает более выраженным сакрально-ритуальным компонентом, сохраняет связи с магико-гадательными практиками и выступает символическим маркером этнической идентичности, что подтверждается её признанием элементом нематериального культурного наследия Казахстана. Тувинская игра *кажык*, напротив, в большей степени развилась как форма физической и соревновательной подготовки, широко применяемая в этнопедагогике и направленная на развитие когнитивных и моторных навыков без ярко выраженной религиозной нагрузки.

Также отмечена высокая степень сохранности и распространенности традиционных игр у молодежи обоих этносов.

Полученные результаты позволяют сформулировать практические рекомендации. Материалы исследования могут быть использованы при разработке этнокультурных образовательных программ, в работе педагогов дошкольного и школьного уровня, а также в музейной и культурно-просветительской деятельности. Перспективы дальнейших исследований связаны с более глубоким изучением региональных вариантов игр, их трансформации в условиях урбанизации, а также сравнением этнопедагогических практик других тюркоязычных народов, использующих астрагал в игровых или ритуальных целях. Выявление этих аспектов позволит расширить понимание роли традиционных игр в системе нематериального культурного наследия и их потенциала в современном образовательном пространстве.

Благодарности

Благодарим за предоставление фотографий: кандидата культурологии, сотрудника Тувинского государственного университета Ш. Б. Майны; а также казахстанских представителей Федерации Асык ату Токтарбайулы Рауан и Мейрманова Талдыбая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алекторов, А. (1891) О рождении и воспитании детей киргизов, о правилах и власти родителей. Оренбург : Тип. Тургайского областного правления. 82 с.

Арьес, Ф. (1999) Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 419 с.

Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы: историко-этнографические очерки. М. : Наука. 220 с.

Выготский, Л. С. (1991) Проблема культурного развития ребенка // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. № 4. С. 5–18.

Болганбаев М. (1983) Қазақтың ұлттық спорт түрлері ойындары [Традиционные казахские спортивные игры]. Алматы : Кайнар, 163 с. (На каз. яз.).

Бүркітбаев Ә. (1978) Спорттың ұлттық ойын түрлері және оның тәрбиелік мәні ойындары [Национальные виды спорта и их воспитательное значение]. Алматы : Жалын. 89 с. (На каз. яз.).

Делег, А. Ч., Аг-оол, Е. М. (2016) Развитие мелкой моторики рук с помощью тувинской игры «кажык» у детей с детским церебральным параличом // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая. Материалы IV международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященная Году гостеприимства в Республике Тыва / отв. ред. А. Р. Норбу. Кызыл : ТувГУ. 227 с. С. 101–103.

Диваев, А. А. (1908) Как киргизы развлекают детей // Этнографическое обозрение. № 1–2. С. 150–151.

Донгак, М. Н. (2016) Этническая педагогика и тувинские национальные игры (кажык) // Педагогика любви. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «X Волковские этнопедагогические чтения» / отв. ред. Э. В. Екеева. Горно-Алтайск : ФБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет». 256 с. С. 101–103.

Зинченко, В. П. (2018) Психология образования. М. : Центр гуманитарного образования. 384 с.

Казахи (2005) / отв. ред. С. Е. Ажигали, О. Б. Наумова, И. В. Октябрьская. М. : Наука. 850 с.

Кон, Ф. Я. (1934) За пятьдесят лет: собрание сочинений : в 3 т. М. : Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Т. 3: Экспедиция в Сойотию. 293 с.

Курбатский, Г. Н. (1973) Тувинские праздники: Историко-этнографический очерк. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 76 с.

Левшин, А. И. (1832) Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей: в 3 ч. СПб. : Типография Карла Крайя. Ч. 2: Исторические известия. 330 с.

Лотман, Ю. М. (1969) Статьи по типологии культуры. Тарту : Тартуский государственный университет. 240 с.

Майны, Ш. Б. (2013) Народные игры в традиционной праздничной культуре Тувы // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. № 4 (36). С. 87–92.

Маргулан, А. Х. (1984) Этнографические очерки. Алма-Ата : Наука. 230 с.

Мелкова, Н. А. (1921) Игры киргизов // Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края / отв. ред. А. П. Чулошников. Оренбург : Киргосиздат. Вып. 1. 148 с. С. 41–77.

Монгуш, А. (2005) Игры тувинских детей: традиции и современность. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 123 с.

Муканов С. (1974) Ұлттық мұра: тарихи-этнографиялық шолу [Народное наследие: историко-этнографический обзор]. Алматы : Жазушы. 244 с. (На каз. яз.).

Ооржак, Х. Д.-Н. (2007) Тувинские народные подвижные игры. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 98 с.

Островских, П. Е. (1898) Краткий отчёт о поездке в Тоджинский хошун урянхайской земли // Известия Императорского Русского Географического Общества. Т. 34. Вып. 4. С. 424–432.

Паллас, П. С. (1773) Путешествие по разным провинциям Российского государства: в 3 ч. СПб. : Императорская Академия наук. Ч. 1. 657 с.

Потанин, Г. Н. (1881) Очерки Северо-западной Монголии: результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению Императорского Русского географического общества членом сотрудником Г. Н. Потаниным. СПб. : Тип. В. Безобразова и К. Вып. 1. 389 с

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Самбу, И. У. (1978) Тувинские народные игры. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 136 с.

Самбу, И. У. (2024) Тувинские народные игры. Историко-этнографический очерк. Красноярск : Издательство Офсет. 104 с.

Татаринцев, Б. И. (2004) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука. Т. 3. 388 с.

Таникеев, М. (1957) Казахские национальные виды спорта. Алма-Ата : Казгосиздат. 60 с.

Төтенаев, Б. Ә. (1978) Қазақтың ұлттық ойындары [Казахские национальные игры]. Алматы : Ғылым. 94 с. (На каз. яз.).

Умиткалиев, У., Тлеугабулов, Д. (2017) Асыки и их роль в мировоззрении кочевников // Народы и религии Евразии. № 1–2 (10–11). С. 37–44.

Хейзинга, Й. (1997) Статьи по истории культуры. М. : Прогресс-Традиция. 416 с.

Цимиданов, В. В. (2001) Астрагалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологический альманах. № 10. С. 215–248.

Яковлев, Е. К. (1900) Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск : Тип. В. И. Корнакова. 357 с.

Kartaeva, T., Oralbay, Y. (2020) Geleneksel Kazak Kültüründeki Koç Kültüyle İlgili Etnoarkeolojik İncelemeler [Этноархеологические исследования культа барана в традиционной казахской культуре] // Belleten. Aralık. Cilt 84. Sayı 301. S. 907–958 (На турец. яз.).

Дата поступления: 13.11.2025 г.
Дата принятия: 10.12.2025 г.

REFERENCES

Alektorov, A. (1891) *On the birth and upbringing of Kyrgyz children, on the rules and authority of parents*. Orenburg, Printing House of the Turgai Regional Administration. 82 p. (In Russ.)

Aries, P. (1999) *The child and family life in the ancien régime*. Ekaterinburg, Ural University Press. 419 p. (In Russ.)

Vainshtein, S. I. (1961) *The Tuvans-Todzhins: Historical and ethnographic essays*. Moscow, Nauka. 220 p. (In Russ.)

Vygotskii, L. S. (1991) The problem of the cultural development of the child. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, no. 4, pp. 5–18. (In Russ.)

Bolganbaev, M. (1983) *Traditional Kazakh sports games*. Almaty, Kainar, 163 p. (In Kaz.)

Burkitbaev, A. (1978) *National types of sports and their educational significance*. Almaty, Zhalyn. 89 p. (In Kaz.)

Deleg, A. Ch. and Ag-ool, E.M. (2016) Development of fine motor skills of the hands with the help of the Tuvan game "kajyk" in children with cerebral palsy. In: *Actual problems of research on ethnoecological and ethnocultural traditions of the peoples of the Sayan-Altai*. Proceedings of the 4th International scientific and practical conference of young scientists, postgraduates and students dedicated to the Year of Hospitality in the Republic of Tuva, ed. by A. R. Norbu. Kyzyl, TuvGU. 227 p. Pp. 101–103. (In Russ.)

Divaev, A. A. (1908) How the Kyrgyz entertain children. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1–2, pp. 150–151. (In Russ.)

Dongak, M. N. (2016) Ethnic pedagogy and Tuvan national games (kajyk). In: *Pedagogy of love*. Proceedings of the Interregional scientific and practical conference "10th Volkov Ethnopedagogical Readings", ed. by E. V. Ekeeva. Gorno-Altaisk, Gorno-Altai State University. 256 p. Pp. 101–103. (In Russ.)

Zinchenko, V. P. (2018) *Psychology of education*. Moscow, Center for Humanitarian Education, 384 p. (In Russ.)

Azhigali, S. E., Naumova, O. B. and Oktyabrskaya, I. V. (eds.) (2005) *The Kazakhs*. Moscow, Nauka. 850 p. (In Russ.)

Kon, F. Ya. (1934) *Over fifty years:* Collected works in 3 volumes. Moscow, Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiles. Vol. 3: Expedition to Soyotia. 293 p. (In Russ.)

Kurbatskii, G. N. (1973) *Tuvan holidays: A historical and ethnographic essay*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 76 p. (In Russ.)

Levshin, A. I. (1832) *Description of the Kyrgyz-Kazakh or Kyrgyz-Kaisak hordes and steppes* in 3 parts. Saint Petersburg, Karl Kray Printing House. Part 2: Historical information. 330 p. (In Russ.)

Lotman, Yu. M. (1969) *Articles on the typology of culture*. Tartu, University of Tartu. 240 p. (In Russ.)

Mainy, Sh. B. (2013) Folk games in the traditional festive culture of Tuva. *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kultury i iskusstv*, no. 4 (36), pp. 87–92. (In Russ.)

Margulan, A. Kh. (1984) *Ethnographic essays*. Alma-Ata, Nauka. 230 p. (In Russ.)

Melkova, N. A. (1921) Games of the Kyrgyz. In: *Proceedings of the Orenburg Society for the Study of the Kyrgyz Region*, ed. by A. P. Chuloshnikov. Orenburg, Kirgosizdat. Issue 1. 148 p. Pp. 41–77. (In Russ.)

Mongush, A. (2005) *Games of Tuvan children: Traditions and modernity*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 123 p. (In Russ.)

Mukanov, S. (1974) *National heritage: A historical and ethnographic review.* Almaty, Zhazushy. 244 p. (In Kaz.)

Oorzhak, Kh. D.-N. (2007) *Tuvan folk outdoor games*. Kyzyl, TuvGU. 98 p. (In Russ.)

Ostrovskikh, P. E. (1898) Brief report on a trip to the Todzha khoshun of the Uriankhai land. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*, vol. 34, issue 4, pp. 424–432. (In Russ.)

Pallas, P. S. (1773) *Journey through various provinces of the Russian state* in 3 parts. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences. Part 1. 657 p. (In Russ.)

Potanin, G. N. (1881) *Sketches of Northwestern Mongolia: Results of a journey undertaken in 1876–1877 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society by member-collaborator G. N. Potanin*. Saint Petersburg, V. Bezobrazov & Co. Printing House. Issue 1. 389 p. (In Russ.)

Potapov, L. P. (1969) *Essays on the folk life of the Tuvans*. Moscow, Nauka, 402 p. (In Russ.)

Sambu, I. U. (1978) *Tuvan folk games.* Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 136 p. (In Russ.)

Sambu, I. U. (2024) *Tuvan folk games: A historical and ethnographic essay.* Krasnoyarsk, Ofset Publishing House. 104 p. (In Russ.)

Tatarintsev, B. I. (2004) *Etymological dictionary of the Tuvan language.* Novosibirsk, Nauka. Vol. 3. 388 p. (In Russ.)

Tanikeev, M. (1957) *Kazakh national sports.* Alma-Ata, Kazgosizdat. 60 p. (In Russ.)

Tötenaev, B. A. (1978) *Kazakh national games.* Almaty, Gylym. 94 p. (In Kaz.)

Umitkaliev, U. and Tleugabulov, D. (2017) Asyks and their role in the worldview of nomads. *Narody i religii Evrazii*, no. 1–2 (10–11), pp. 37–44. (In Russ.)

Huizinga, J. (1997) *Articles on cultural history.* Moscow, Progress-Traditsiya. 416 p. (In Russ.)

Tsimidanov, V. V. (2001) Astragali in burials of the steppe cultures of Eastern Europe of the Late Bronze Age and Early Iron Age. *Arkheologicheskii almanakh*, no. 10, pp. 215–248. (In Russ.)

Yakovlev, E. K. (1900) *Ethnographic overview of the indigenous population of the Southern Yenisei valley and an explanatory catalogue of the ethnographic department of the museum.* Minusinsk, V. I. Kornakov Printing House, 357 p. (In Russ.)

Kartaeva, T. and Oralbay, Y. (2020) Ethnoarchaeological studies of the ram cult in traditional Kazakh culture. *Belleten. Aralık.* December, vol. 84, no. 301, pp. 907–958. (In Turk.)

Submission date: 13.11.2025.
Acceptance date: 10.12.2025.

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

DOI: 10.25178/nit.2026.2.13

Статья

Архаические истоки образа верховного бога якутского пантеона божеств в эпосе олонхо

Марианна Т. Сатанар
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Российская Федерация

В статье анализируются архаические истоки одного из сложных по происхождению мифологических образов — Юрюнг Айыы Тойона, верховного владыки божеств якутского пантеона. Важность обращения к теме вызвана стремлением изучить механизм формирования мифа. Новизна работы объясняется отсутствием попыток верификаций истоков появления рассматриваемого образа в якутской фольклористике. Источниковой базой исследования выступили тексты лучших образцов эпических памятников якутов на якутском, русском языках, фиксированные и опубликованные в разные года.

На основе комплексного подхода к предмету изучения, учитывающего данные истории, этнографии, археологии, языкознания, обозначаются древние стадиальные представления об образе. Анализ атрибутивных рудиментов образа (трости, седалища, дерева, шапки, живой воды, коня, орла) показал, что в первооснове истоков образа прослеживается тотальное господство фрагментов недуального мировоззрения, далеких от поляризации оппозиций. Отмечены предпосылки появления образа, отражающие элементы космогонической картины мира – первостихии, трость, живая вода, камень-седалище с отверстием. Показано, что в исторических пластах образа содержатся некогда бытовавшие фитоморфное, орнитоморфное, зооморфное понимание образа верховного бога как продукта древних ступеней сознания (магизм, фетишизм, хтонизм, тотемизм, анимизм).

Доминантной функцией бога, отличающейся устойчивостью на протяжении всего этапа матриархального развития, отмечается творение, в целом же, наблюдается постепенное усложнение функциональной специфики образа – от подателя жизни, хозяина погоды и природных явлений до помощника и воспитателя, носителя тайных знаний, наказывающего образа, подателя душ людей.

Сделано заключение, что образ верховного бога имеет общие корни с древними культурами скифов и гуннов, древнеиндийской и древнетюркской культурой. Сложный и длительный путь становления образа — от андрогинного прообраза до антропоморфного бога в мужской ипостаси стимулирует дальнейшие исследования в сторону реконструкции линии исторической эволюции образа Юрюнг Айыы Тойона.

Ключевые слова: *якуты; якутский фольклор; Юрюнг Айыы Тойон; олонхо; якутская мифология; верховный бог; архаическое мировоззрение; атрибутивный рудимент; мифологический образ*

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ им. М. К. Аммосова «Культурные универсалии и регионально-локальные уникалии якутской эпической традиции: междисциплинарные исследования, цифровизация, технология популяризации» (2025–2027 гг.).

Для цитирования:
Сатанар М. Т. Архаические истоки образа верховного бога якутского пантеона божеств в эпосе олонхо // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 192-211. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.13

Сатанар Марианна Тимофеевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора «Олонховедение» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Адрес: 677000, Россия, г. Якутск, пр. Ленина, д. 2. Эл. адрес: satanar68@mail.ru

SATANAR, Marianna Timofeevna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Sector “Olonkho Studies”, Research Institute of the Olonkho, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Postal address: 2 Lenina Ave., 677000, Yakutsk, Russian Federation. E-mail: satanar68@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3546-7343

Article

Archaic Origins of the Image of the Supreme Deity of the Yakut Pantheon in the Olonkho epic

Marianna T. Satanar
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russian Federation

The article examines the archaic origins of one of the most complex mythological figures — the image of Yuryung Aiyy Toyon, the supreme ruler of the Yakut pantheon of deities. The relevance of the study is обусловлена стремлением (driven by the intention) to investigate the mechanisms underlying myth formation. The novelty of the work lies in the absence of prior attempts within Yakut folklore studies to verify the origins of this image.

The source base of the research consists of texts representing the finest examples of Yakut epic tradition (olonkho), recorded and published in different years in both Yakut and Russian languages. Employing a comprehensive interdisciplinary approach that incorporates data from history, ethnography, archaeology, and linguistics, the study identifies early-stage conceptualizations of the image.

An analysis of the attributive rudiments associated with the figure (staff, seat, tree, hat, living water, horse, eagle) demonstrates that the foundational layer of the image reflects the dominance of elements of a non-dualistic worldview, far removed from polarized oppositions. The study highlights the preconditions for the emergence of the image, reflecting components of a cosmogonic worldview — primary elements, the staff, living water, and a stone seat with an отверстие (opening).

It is shown that historical layers of the image preserve earlier phytomorphic, ornithomorphic, and zoomorphic interpretations of the supreme deity as a product of early stages of consciousness (magism, fetishism, chthonic beliefs, totemism, animism). The dominant function of the deity, stable throughout the matriarchal stage of development, is identified as creation. More broadly, the functional specificity of the image becomes progressively more complex — from a giver of life and master of weather and natural phenomena to a helper and mentor, bearer of secret knowledge, punishing force, and giver of human souls.

The study concludes that the image of the supreme deity shares common roots with the ancient cultures of the Scythians and Huns, as well as with ancient Indian and Turkic traditions. The complex and lengthy process of the image's formation—from an androgynous prototype to an anthropomorphic male deity—opens перспективы (prospects) for further research aimed at reconstructing the historical evolution of Yuryung Aiyy Toyon.

Keywords: *Yakuts; Yakut folklore; Yuryung Aiyy Toyon; Olonkho; Yakut mythology; supreme deity; archaic worldview; attributive rudiment; mythological image*

Financing
The research was carried out within the framework of the research project of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, "Cultural Universals and Regional-Local Uniqueness of the Yakut Epic Tradition: Interdisciplinary Studies, Digitalization, and Popularization Technologies" (2025–2027).

For citation:
Satanar M. T. Archaic Origins of the Image of the Supreme Deity of the Yakut Pantheon in the Olonkho epic. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 192-211. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.13

Введение

Вопрос изучения генетических истоков мифологических образов в неотрывной связи с «породившей их исторической средой» (Лосев, 1957: 7) в якутской эпосоведческой науке был и остается полем пристального внимания историков, этнографов, фольклористов.

Так, предположения о «южном происхождении» эпоса олонхо были выдвинуты В. Л. Серошевским на основе языка олонхо (Серошевский, 1993: 182–187, 589), Г. В. Ксенофонтовым — сюжетов и имен образов мифологической канвы (Ксенофонтов, 1992: 186–187, 192–193, 352, 365), П. А. Ойунским —

эпического историзма (Ойунский, 2013: 13), А. П. Окладниковым — генетической связи этногенеза якутов с возникновением олонхо (Окладников, 1955: 257–281). Продолжая идеи предшественников, фольклорист И. В. Пухов изучил истоки эпоса олонхо, используя историко-генетический подход, в результате чего были выявлены типологические сходства между эпосами тюркских народов и олонхо на уровне композиции, поэтики, имен персонажей, деталей картин мира (Пухов, 1975: 12–62). Позднее, в якутском эпосоведении В. Н. Ивановым и его соавторами была осуществлена постановка проблемы генезиса героического эпоса олонхо в ракурсе сравнительно-исторических исследований, что позволило получить выводы более обобщенного уровня: фиксация единых истоков возникновения олонхо с эпосами тюркских народов, датируемых 1 тысячелетием до н. э.; возникновение олонхо в тесной связи с эпосом хуннов; развитие олонхо в период Тюркского каганата в VII–VIII вв. н. э.; отпочкование и отдельное бытование олонхо с 40-х гг. VIII в., связанные с переселением исторических предков якутов на север (Иванов, Корякина, Анисимов, 2021: 167).

В имеющихся работах не рассматривались генетические корни образа главного бога якутского пантеона божеств — Юрюнг Айыы Тойона, наиболее цельные представления о котором сохранились в архаических памятниках олонхо (Эргис, 2008: 112). Актуальность обращения к теме вызвана необходимостью углубленного изучения, стремлением осмыслить природную суть архаики, в виде изначальных «меченых атомов традиции», обеспечивающих работу типологии[1], решение которой невозможно без реконструкции[2] генезиса мифа. Согласно К. Г. Юнгу, в общественном сознании наследуется не сама мифология, а мифотворческий процесс вкупе с устойчивыми доминантными символами из сферы коллективного бессознательного (Юнг, 2010: 43–48).

Работа является продолжением исследования образа верховного бога Юрюнг Айыы Тойона, в рамках которого уже обсуждались семантические признаки статики и динамики (Сатанар, 2025). В заключении этого исследования был установлен набор устойчивых семантических характеристик образа Юрюнг Айыы Тойона в статическом (описательной трактовке) и динамическом (в сюжетном развитии) состояниях, предстающими разновременными рудиментами[3] в рамках мифа о верховном боге (там же: 275). Еще одним аспектом исследования является проведение глубинного анализа рудиментов (сопровождающих содержание этого мифа), позволяющего детализировать общую картину об Юрюнг Айыы Тойоне.

Цель данной работы — выявить архаические корни появления и становления мифологического образа Юрюнг Айыы Тойона, отражающегося в текстах эпоса олонхо. Достижение цели подразумевает решение задач: провести структурно-семантический и семиотический анализы трости, седалища, дерева, шапки, живой воды, коня, орла как атрибутивных рудиментов[4] рассматриваемого образа; обозначить истоки функциональных особенностей образа в рамках воззрений матриархальной мифологии.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет установка Е. М. Мелетинского о том, что при обращении к исторической поэтике структурное изучение невольно принимает этнографическую окраску (Мелетинский, 2018: 21–22). Комплексный подход к предмету изучения обуславливает обращение к данным смежных дисциплин — истории, этнографии, археологии, языкознания.

Ведущим принципом работы служит подход к мифу с исторического ракурса рассмотрения, как к постоянно развивающемуся мышлению человека, представляющему вечно текучей, беспокойной, творчески развивающейся исторической действительностью (Лосев, 1957: 11). По В. Я. Проппу, окончательный образ в народном воззрении формируется в результате длительного процесса (Пропп,

[1] Неклюдов С. Ю. Почему мифы разных народов похожи друг на друга [Электронный ресурс] // Arzamas. Курс № 6: Мифы Южной Америки. 2015. URL: http://arzamas.academy/materials/123 (дата обращения: 03.03. 2025).
[2] «Реконструкция — суть повторение того же пути, что проделала когда-то мысль, постигавшая мир и воссоздавшая его в знаке» (Сагалаев, 1991: 25).
[3] А. Ф. Лосев считал это чрезвычайно важным: «В каждом мифе необходимо отыскивать как рудименты, т. е. остатки прежних эпох в той или иной степени своей интенсивности, так и ферменты того нового, что возникает в дальнейшем развитии данного мифа. <…> исследование рудиментов и ферментов должно занять первое место среди всех других научных установок» (Лосев, 1957: 17–18).
[4] Согласно А. Ф. Лосеву, «атрибутивные рудименты — это те, которые некогда были самим этим божеством, … впоследствии отделились и закостенели в виде внешнего придатка к данной фигуре» (там же: 21).

1999: 26), подразумевающий наличие общей линии «с его зародышевого состояния» до перехода «к его развитой и цветущей форме» (Лосев, 1957: 11). В нашем случае, по концепции А. Ф. Лосева, антропоморфный образ Юрюнг Айыы Тойона в мужской ипостаси уже характеризует его как результат мифотворения в период перехода от господства в общинно-родовом строе женщины к господству мужчины, то есть века патриархата (там же: 70). И первостепенным предстает обозначение элементов архаического (матриархального) прообраза Юрюнг Айыы Тойона, функционирующих в нем в виде окаменелых остатков от «самых разнообразных предыдущих ступеней его развития» (там же: 18). В исследовании применяются структурно-семантический, семиотический, лексический анализы, метод дедукции и контекстного анализа, описания и обобщения.

Источниковой базой исследования послужили тексты лучших образцов эпических памятников якутов, в которых ярко проявляются «кочующие из текста в текст» устойчивые элементы. Это олонхо «Хаан Дьаргыстай», включенное в «Образцы народной литературы якутов» (1913) и переизданное на якутском языке в 2016 г.[1] к Ысыаху Олонхо в Верхоянском районе; «Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур», также вошедшее в серию «Образцы народной литературы якутов» на языке оригинала (1916), переизданное затем на двух языках с добавлением русского перевода в 1985 г.[2]; «Сылгы уола Дыырай Бэргэн» 2013 г.[3], изданное в рамках серии «Саха олоҥхото» («Якутское олонхо») на якутском и русском языках; «Дугуйа Бөҕө», увидевшее свет XIX томом серии «Саха боотурдара» (Богатыри саха) в 2017 г. и переизданное на двух языках (якутском, русском) в 2023 г.[4] к Ысыаху Олонхо в Оймяконском районе; «Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр» 2019 г.[5], изданное на двух языках к ежегодному Ысыаху Олонхо в Намском районе; «Модун Эр Соҕотох» 1996 г.[6], вышедшее X томом двуязычной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»; олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур», опубликованное в 1959–1960 гг. IV, V, VI томами полного семитомного собрания сочинений П. А. Ойунского на якутском языке, и позже переведенное В. В. Державиным и изданное только на русском языке в 1975 г.[7], а в 2022 г.[8] переизданное одной книгой на языке оригинала. Выборка материала обусловлена также наличием академических переводов с якутского языка на русский язык.

Трость как атрибутивный рудимент

Информативным в текстах олонхо выступает присутствие атрибутивного рудимента в описании образа — трости как первого орудия творения в самом начале мироустройства. Автором настоящей статьи ранее было отмечено, что этот «первообъект»[9] наличествует и у духа-хозяйки земли Аан Алахчын Хотун (символа плодородия растительных сил природы), а также у всеведущего старика Сээркээн Сэсэна (символа мудрости) (Сатанар, 2023а: 71; 2022: 57–58), что указывает на: 1) единую древнюю

[1] Хаан Дьаргыстай: олоҥхо [Хаан Джаргыстай: олонхо] / И. А. Худяков суруйуута [запись И. А. Худякова]; ред. Т. В. Илларионова. Дьокуускай: Алаас, 2016. (На якут. яз.)
[2] Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур = Строптивый Кулун Куллустуур: олонхо / сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов; пер. А. А. Попова, И. В. Пухова, гл. ред. А. А. Петросян. М.: Гл. редакция восточной литературы, 1985. (На русс. и якут. яз.)
[3] Сылгы уола Дыырай Бэргэн = Сын лошади богатырь Дыырай / сказитель И. И. Бурнашев; запись Г. У. Эргиса; пер. Е. С. Сидоров. Якутск: Изд-й дом СВФУ, 2013. (На русс. и якут. яз.)
[4] Дугуйа Бөҕө = Дугуйа Бёгё: олонхо / сказитель М. Ф. Аммосов; запись С. И. Боло; пер. А. Е. Шапошникова, отв. ред. М. Т. Сатанар. Якутск: Алаас, 2023. (На русс. и якут. яз.)
[5] Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр = Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта: олонхо / сказитель П. П. Ядрихинский — Бэдьээлэ; запись П. Н. Дмитриева; ред. В. Н. Иванов. Якутск: Кёмюёл, 2019. (На русс. и якут. яз.)
[6] Модун Эр Соҕотох = Могучий Эр Соготох: якутский героический эпос / Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / сказитель В. О. Каратаев; запись В. В. Илларионова; ред. Н. А. Алексеев, Е. Н Кузьмина. Новосибирск: Наука, 1996. (На русс. и якут. яз.)
[7] Нюргун Боотур Стремительный: олонхо / сказитель П. А. Ойунский; пер. В. В. Державина. Якутск: Кн. изд-во, 1975. (На русс. яз.)
[8] Дьулуруйар Ньургун Боотур: олоҥхо [Нюргун Боотур Стремительный: олонхо] / олоҥхоһут П. А. Ойуунускай [сказитель П. А. Ойунский]; бэч. бэлэмнээтилэр П. Н. Дмитриев, С. П. Ойунская [подг. к печати П. Н. Дмитриев, С. П. Ойунская]. Якутск: Як. респ-я типография им. Ю. А. Гагарина, 2022. (На якут. яз.)
[9] «Первообъект» определяется С. Ю. Неклюдовым как объект (предмет), наделенный космическим статусом (Неклюдов, 2019: 150, 167).

основу мифологических образов; 2) устойчивость связи с первостихией земли космогонической картины мира.

Известно, что в ракурсе эпохи чистого фетишизма предмет-фетиш является «символом антропоморфного образа», который затем только переходит в разряд рудимента «давно ушедшего прошлого» (Лосев, 1957: 37). Важно, что именно вследствие использования творцом трости образуется важная деталь небесной сферы — отверстие, о чем свидетельствуют этнографические материалы: Верхний мир состоит из девяти небес-ярусов, «ярусы соединены вертикальным отверстием, которое находится под коновязью высшего доброго божества “Ӱрӱҥ Аjы Тojон” ... отверстие ... совпадает с Полярной звездой» (Попов, 1949: 256). На основе положения Г. У. Эргиса, из всех космогонических мифов сибирских народов, более близкими к якутским оказываются алтайские мифы (Эргис, 2008: 116). Можно предположить, что в результате однократного действия творца появляется также и важный элемент мифологического ландшафта — щель земли, которая вполне логично (в силу сбалансированности и симметричности мира в представлениях древних людей) связывается с аналогичным отверстием в небе (Сагалаев, 1991: 40).

Итак, в ракурсе первобытного фетишизма речь идет об образах воткнутой в небесную сферу трости и трости на земле (те же мировые полюсы), которые предстают пограничными зонами, собственно обеспечивающими связь (коммуникацию) между мирами. Здесь важно заметить, что «трость», согласно В. Н. Топорову, стадиально предшествует «становлению образа мирового дерева» (мировой оси) (Топоров, 2010: 212), которое в ментальной репрезентации появится лишь в бронзовую эпоху. К ним также примыкает и образ *сэргэ*-коновязи верховного бога — культурный объект в качестве проекции первичного (аналог).

Связь между образами *сэргэ*-коновязи и мирового дерева, в генетических истоках, возводимых к началу творения, отражается в олонхо в виде коновязи Юрюнг Айыы Тойона, предстающей продолжением верхней ветки Аал Луук мас, а иногда и в переплетении последней с коновязью (Сатанар, 2025: 269). В некоторых текстах, в монологической речи дерева прямо упоминается *буор туруу дойдуга... сэргэ буолан анньылламмын*[1] — ‘Срединного мира... коновязью-сэргэ вонзившись’ (вариант: *алтан сэргэ буолан саайыллан* ‘как медное сэргэ всаженным’), что и отражает единый исток образов, связанных с перводействием «пробивания тростью».

Итак, трость как орудие творения (атрибут) главного бога отражает тему начальной ситуации космогонического акта, откуда очевидна связь рассматриваемого образа с изначальными субстанциями земли, воздуха и деревом.

Седалище как атрибутивный рудимент

Репликой мифической эпохи первотворения предстает и другой атрибут Юрюнг Айыы Тойона — *үүттээх таас олбох* ‘седалище из бело-молочного камня с отверстием’. Тексты олонхо изобилуют вариантами его названия, типа *үүт таас үктэллээх* ‘с подножкой молочно-каменной’, *үрүмэтийбэт үүттээх таас олбохтоох* ‘камнем-седалищем с не покрывающимся коркой отверстием’, *үүт таас түһүлгэлээх* ‘с молочно-каменной стоянкой’, *үрүмэ долгун олохтоох* ‘с сиденьем пенно-волнистым’ и т. д.[2] (там же: 265–266). Заметим, словосочетание *үүттээх таас олбох* в большинстве случаев переводится как ‘седалище из бело-молочного камня’[3].

В переводах в основном справедливо акцентируется «молочный» компонент этого атрибута, имплицирующий глубинную семантику «перводействия» — взбалтывания неким «первообъектом» («первопредметом») первозданного молочного океана (хаоса), в процессе которого появляется пена. Это действие также объясняет, почему молочный океан *үрүмэтийбэт* ‘не покрывается коркой’. Известно, что символика белой пены, равнозначная белой пище, связана с идеей плодородия, и символическое значение чистоты, непорочности, невинности приписывается эпитету *үүттээх* ‘молочный’ (Габышева, 2003: 82–84). О связи верховного бога с «белой пеной» свидетельствуют фрагменты мифологических сюжетов: «Юрюнг Айыы Тойон, пребывая над морем, увидел плывущую

[1] Дьулуруйар Ньургун Боотур: олоҥхо ... С. 65.
[2] Здесь и далее, где нет дополнительных указаний, переводы выполнены автором статьи.
[3] Лексема *үүттээх* в якутском языке имеет два значения: «с молоком» и «с отверстием» (омонимы).

пену» (Сагалаев, 1991: 51); «Он (Аар Тойон. — *М. С.*) раздвинул два белых солнца по сторонам ... и сказал: “Народ якутский, происшедший от трех белых пен, укрепляйся, плодись и преумножайся”» (Гоголев, 1994: 7). По предположениям исследователей, предметом взбалтывания служит мутовка, тождественная мировой оси (Потанин, 1899: 158; Сагалаев, 1991: 50). Дополним, что образ пены в качестве своеобразного «наследия» времени первотворения отражается далее в текстах олонхо. По замечанию А. П. Окладникова:

> «Около коновязи пируют боги, по семи суток пьют они вкруговую: передают друг другу чаши и обмениваются кубками. Словно остров березняка, водружают боги частокол у верха священного дерева. И познается, говорят, знак этого олимпийского пиршества: яйцами гоголя журчат и бурчат капли, падая на землю, чтобы стать непокрывающимся пеною молочным озером» (Окладников, 1955: 263).

Однако, на наш взгляд, за «событийной» канвой космогенеза из виду упускается другая важная внутренняя направленность содержания атрибута. Действие «взбалтывания» молочного океана, связанное с образом *үрүмэ долгун олох* ‘сиденье пенно-волнистое’ вторично по отношению к самому акту удара тростью по камню (трость — первое орудие), в результате которого собственно и появляется камень с отверстием.

Обратимся к словарю мифологической символики в индоевропейский языках, учитывая то, что к ним относится пратюркский язык (Гоголев, 2017: 24). Камень в мышлении древних людей, соотносящийся со значением горы[1], предстает символом Вселенной[2]. Отмечается, что: «Первый космогонический акт есть акт насилия... С разрыванием божественного существа соотносится раскалывание (“пробивание”) скалы, из которой изливается вода жизни... <...> условием появления воды является раскалывание “камня”» (Маковский, 1996: 99).

Согласно В. Н. Топорову, в некоторых традициях яйцо заменяется горой, а связь яйца с водой (мировым океаном) необходимо принять за исходную ситуацию, «предшествовавшую сотворению мира» (Топоров, 2010: 398). Примечательно, что в северных версиях эпоса олонхо сохранились сведения, приглушенно «очерчивающие» этот мотив:

Мааҕы үйэҕэ халырык сөрөөн *көтүтэн таһаарда Көнчүө Бөҕө оҕотун.* *Бу сөрөөн көтүтэн таһааран,* *улахан хаҥкыныыр хара таас үрдүгэр...* *көтүтэн ильэн түһэрбит.* *... хаары-самыыры кытта* *Үрүҥ Айыы Тойон* *үрүҥ сүлүгэйиттэн* *тамалатан биэрэринэн иитиллибит.* *Сыппыта уон сыл буолан баран,* *... сымыыт хаҕын курдук уһуллан тахсан,* *сыһыыга сүүрэн батыгааан киирдэ*[3].	Дитя Кюёнчэ Бёгё Вихрь закрутив, поднял. И спустил На поверхность большого черного камня... Вместе со снегом-дождем, Капающей молочной пищей Юрюнг Айыы Тойона Питался, вырастая. Через десять лет Оторвался из скорлупы яичной и выбежал на поляну.

В фрагменте вылупление антропоморфного образа Кюёнчэ Бёгё синхронизируется с появлением мироздания.

Сам акт-действие пробивания творцом камня (яйца) тростью М. Элиаде отмечает как архетипический жест в качестве модели-образца для каждой «ситуации творения» (Элиаде, 2010: 41). В научной литературе подчеркивается, что в миросозерцании язычников фаллические действия имели первостепенную важность. Само сотворение мира божеством представлялось как действие фаллосом: «божество фаллосом разорвало Хаос и сотворило Мироздание» (Маковский, 1996: 376). Таким образом, восседание Юрюнг Айыы Тойона на *үүттээх таас олбох* ‘седалище из бело-молочного

[1] Форма горы в виде пирамидальной конструкции отражает космическую модель — статическую модель Вселенной (Сатанар, 2022а: 214).
[2] Исследователь языческой символики М. М. Маковский почеркивает, что «др.-инд. *anda-* ‘половые органы’ соотносится с... др.-инд. *adri* ‘камень, гора’ (символ Вселенной)» (Маковский 1996: 376).
[3] Хаан Дьаргыстай: олонхо [Хаан Джаргыстай: олонхо] / И. А. Худяков суруйуута [запись И. А. Худякова]; ред. Т. В. Илларионова. Дьокуускай: Алаас, 2016. С. 145. (На якут. яз.)

камня с отверстием', зафиксированное также и в записях А. А. Саввина[1], возможно, транслирует сообщение о первом действии творца — пробивании тростью камня (яйцеобразной формы хаоса). В таком свете весьма ценным предстает фрагмент мифологического текста, записанный И. С. Гурвичем у оленекских якутов[2] в 1948 г.: «Первоначально вселенная состояла из неба, простирающегося над камнем, в отверстии которого кипела вода» (Гурвич, 1948: 128). Примечательно сохранение в текстах олонхо следов воззрений о мировом яйце в деталях описания Аал Луук мас (см.: Топоров, 2010: 226) в виде лежащего под деревом камня (вариант: камень внутри жилища[3], см.: Львова, 2020: 208):

Киирбит сириҥ диэки *Кэннигин хайыһан көрдөххүнэ,* *Сыддык-хараҥа былдьаһыга* *Сытар анах саҕа* *Хара таас баар буолуоҕа.* *Төннөн тиийэҥҥин* *Төкүнүччү тэбиэлээн аҕаланҥын,* *Дьиэ оттотугар тохтотон бараҥҥын… олороор*[4].	Как войдешь, обернувшись, На грани света и тьмы Ты увидишь Черный камень Величиной с корову лежащую. Вернувшись туда, Пинками на середину дома Выкатишь камень, … И сядешь поверх[5].

Этнографы также подчеркивают, что «В Северной Евразии камень с дыркой посередине (*үүтээх таас*), служивший ложем Белого Аар Тойона, с эпохи палеолита почитался символом богини-матери» (Васильев, 2019: 95).

Итак, обобщим: седалище в виде камня с отверстием как атрибут главного бога также отражает тему начальной ситуации космогонического акта, откуда очевидна связь образа Юрюнг Айыы Тойона с изначальными субстанциями воды, камня, а также деревом.

Дерево как атрибутивный рудимент

Образ дерева посредством семантической цепи «трость — божественный фаллос — мировое древо», далее связывается и с первостихией огня. Известно, что наиболее архаичные пласты мифологии отражают тесную связь огня с противоположными ему стихиями земли и воды (Евсюков, 1988: 23); «понятие дерева соотносится также с понятием первоэлемента Вселенной (огня)» (Маковский, 1996: 378). В мифологическом миросозерцании культ огня берет свои корни со времен первой зари культуры, когда «впервые был найден способ добывать огонь трением двух кусков дерева»[6] (там же: 23), где ясно проявляется связь между первостихиями. Функция дерева (как фаллического символа) заключалась в воплощении идеи плодородия (рождение огня из дерева). А с другой стороны, именно первое действие творца в виде удара тростью (деревом) раскалывает камень-яйцо, что и служит условием появления воды (см. выше). И хотя первозданный океан — это хаос, тем не менее животворящий хаос, несущий с собой жизнь (свойство оплодотворения земли дождем, далее передающееся на любой вид влаги (семя отца, молоко матери)).

Потому идея плодородия логично проецируется на образ «изобилия, благодати», под деревом Аал Луук мас:

[1] Саввин А. А. Верования якутов. 1937–1941 гг. // Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 4, оп. 12, д. 70, с. 256.
[2] Оленекский улус является самым северным населенным пунктом Якутии.
[3] В структуре родной страны богатыря жилище и мировое древо занимают место пространственного центра.
[4] Дугуйа Бөҕө = Дугуйа Бёгё: олонхо / сказитель М. Ф. Аммосов; запись С. И. Боло; пер. А. Е. Шапошникова, отв. ред. М. Т. Сатанар. Якутск: Алаас, 2023. С. 62. (На русс. и якут. яз.)
[5] Там же. С. 63.
[6] Культ деревянного огнива на территории Якутии отмечается у А. П. Окладникова (Окладников, 1955: 102–104).

Бу мас барахсан *Тула өртө тула* *Сүөгэй арыыта* *Чөҥөрө чүөмпэлэрдээх,* *Хайах арыыта* *Хараҥа далайдардаах эбит*[1].	Вокруг дерева этого Из сливок молочных Омуты глубокие, Из масла сливочного-*хайах*, Водоемы бездонные[2].

Неразличимость для древнего мироощущения объекта (мира) и субъекта (человека), послужила основой для слияния прообраза творца и дерева-тотема, о чем свидетельствуют этнографические, археологические, фольклорные материалы: в древности якуты отождествляли дерево с собой; обнаружение в раскопках вертикально поставленной березы, корнями стоящей на крыше гроба (Сатанар, 2023b: 118); функционирование в поэтике олонхо устойчивой формулы в описании внешности богатыря *хастаабыт тиит курдук харылаах*, *суллаабыт тиит курдук сотолоох* ‘будто окоренные стволы лиственницы, руки, будто очищенные стволы лиственницы, голени’[3] и т. д. С переходом тотемистической образности в анимистические воззрения, души умерших предков локализуются в дереве (Фрэзер, 2001: 87), здесь дереву, помимо подательницы жизни, приписывается еще владение смертью.

Показательно, что эти представления отражаются и в современных фольклорных текстах:

> «*Дьөгүөрэптэр диэн ыал сэттэ сылы быһа оҕоломмотохтор. Ону билэр дьон сүбэлээбиттэр*: *туох эрэ Аал Луук мас курдук, хайаҕастаах мас баар үһү, арык мас диэн, онно баран … хонуҥ диэн. Бу мастан хомурдуос түһэр эбит … ону дьахтар ыйыстан кээһиэхтээх. Онно оҕонньорун кытта баран хоммуттар … Онтон ыла, дьэ, оҕоломмуттар*»[4].
>
> ‘Семья Егоровых семь лет была бездетной. И тут знакомые посоветовали, что, мол, есть дерево с отверстием, похожее на Аал Луук мас, называют его *арык мас*, что нужно им провести ночь под этим деревом. С этого дерева падает жук-дровосёк …, и женщина должна проглотить его. Так и сделали, заночевала она там, с мужем … И только затем у них родились дети’.

Можно резюмировать, что в прообразе Юрюнг Айыы Тойона «просматривается» и фитоморфная ипостась на ранней стадии развития. Заметим, в архаическом миросозерцании дерево по праву воспринимается как плодоносящий материнский символ.

Шапка как атрибутивный рудимент

Заслуживает внимания рудимент образа в виде головного убора бога, а именно, высокой конусообразной рысино-собольей шапки с перьями. Известно то, что посредством описания одежды в эпосе олонхо передаются сообщения о модели Вселенной, в том числе соответствие семантики головного убора устройству Верхнего мира (Николаева, Готовцева, 2018).

Символическая нагруженность данного атрибута достаточно изучена. Так, отмечается, что высокая шапка в качестве геометрического кода отражает форму Верхнего мира олонхо в динамике (конус) в контексте единой триады миров (Сатанар, 2021: 105–106); лексемы *нуоҕайдаах* и *өтөҕөлөөх* в описании шапки синонимичны и означают «с перьями», отражают «знак высшего достоинства и величия» бога, а лексема *өрөһөлөөх* дублирует конусообразную форму шапки (Филиппова, 1980: 73–74). Стоит также указать, что при переводах эпитета Юрюнг Айыы Тойона на русский язык, в большинстве

[1] Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр = Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта: олонхо / сказитель П. П. Ядрихинский — Бэдьээлэ; запись П. Н. Дмитриева; ред. В. Н. Иванов. Якутск: Кёмюёл, 2019. С. 36. (На русс. и якут. яз.)
[2] Там же. С. 37.
[3] Модун Эр Соҕотох = Могучий Эр Соготох: якутский героический эпос / Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / сказитель В. О. Каратаев; запись В. В. Илларионова; ред. Н. А. Алексеев, Е. Н Кузьмина. Новосибирск: Наука, 1996. С. 102–103 (На русс. и якут. яз.)
[4] Кэбээйи фольклора [Кобяйский фольклор] / хомуйан оҥордулар, бэчээккэ бэлэмнээтилэр: М. Т. Сатанар, А. А. Борисова, Л. Н. Герасимова, С. Д. Львова; эпп. эр. М. Т. Сатанар [сбор материалов, подг. к печати: М. Т. Сатанар, А. А. Борисова, Л. Н. Герасимова, С. Д. Львова; отв. ред. М. Т. Сатанар]. Дьокуускай: Айар, 2023. С. 397. (На якут. яз.)

текстов олонхо фиксируется шапка божества из *үс киис тириитэ* ‘из меха огузка трех соболей’. К примеру, в переводе В. В. Державина олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» от 1975 г. издания словосочетание *үс киис тириитэ* переводится как «высокая шапка из трех соболей»[1]. Мы полагаем, что подобные искажения текста могут допускаться в условиях именно письменной фиксации текстов в силу созвучности лексем *үс* и *үүс*, поскольку в условиях устной коммуникации «соответствующая картина мира входила во всеобщее фоновое знание» (Неклюдов, 2010: 147).

Есть еще одна версия, что включенность числительного «три» в номинацию шапки связана с сакральным значением этого числительного[2] (Николаева, Готовцева, 2018: 88). Ни в коем случае не оспаривая сакральное значение числа «три», считаем необходимым подчеркнуть, что общеизвестный эпитет ***үс*** *киис кыыл тириитэ бэргэһэлээх* ‘шапка из трех соболей’, скорее, был видоизменен, и на самом деле выглядел как ***үүс***-*киис кыыл тириитэ бэргэһэлээх* ‘рысино-соболья шапка’. Устойчивость парного применения и символика образов рыси и соболя (*үүс-киис*) в виде символа огня и плодоносящих сил, а далее и продуцирующего начала (анимизм) была проанализирована в предыдущей работе автора (Сатанар, 2023b: 118–119). Анализ этих символик позволил выявить генетическую связь образов Юрюнг Айыы Тойона, Аан Алахчын Хотун (Дух-хозяйка земли), Айыысыт (Богиня деторождения) на основе функции дарителей плодовитости, почитание же рыси и соболя в народном сознании восходит к тотемистически-промысловому культу (там же).

Таким образом, высокая рысино-соболья шапка с перьями как атрибут верховного бога транслирует с одной стороны, сообщение о геометрической модели Верхнего мира, с другой — связь с идеей плодоносящих сил природы.

Живая вода как атрибутивный рудимент

Связь верховного бога с *өлбөт мөҥө (мэҥэ, мүҥэ, мүгэ, мөгө) уута* ‘живой водой’ (варианты: *сүлэгэй, сөлөгөй* ‘молочный дар’, *үрүҥ, араҕас илгэ* ‘молочный продукт с божественным даром’), а далее и наделение его функцией «дарителя этой волшебной силы» (Сатанар, 2025: 268, 274), также выводит к некогда существовавшему синкретическому единству образов и функций Юрюнг Айыы Тойона и Аан Алахчын Хотун (Сатанар, 2023b: 118). Ясно, что образ «живой воды» в виде молочного дара (с божественным происхождением) имеет связь с первозданным молочным океаном. В фрагментах эпоса олонхо прямо указывается, что *илгэ* имеет белый и желтый цвета, яйцевидную форму и размер с утиное яйцо (Кузьмина, 2024: 101). Заметим, в якутской мифологии утка (гагара) наделена космогоническим статусом, будучи участницей сотворения земли: гагара, ныряя в воду, вытаскивает в клюве песчинки земли, из них создает землю (Гурвич, 1948: 128). В ракурсе анализируемого атрибута небезынтересным предстает текст древнеиндийского «Махабхарата»:

> «Некогда боги и демоны-асуры, возжелав добыть амриту — напиток бессмертия, решили пахтать мировой океан. Мутовкой из космической горы… много веков сбивали океан, пока он не превратился в молоко и масло…. И наконец была сотворена амрита» (Евсюков, 1988: 32).

Судя по содержанию текста, компоненты цепи «мировой океан — мотив пахтанья — молоко и масло — напиток бессмертия» представляют собой причинно-следственную связь, находящих параллель с якутским миросозерцанием[3]. Устойчивое словосочетание олонхо *араҕас илгэ* имеет следующие лексические значения: 1) дар богов, дающий силу и богатство; 2) желтая божественная влага, сочаща-

[1] Нюргун Боотур Стремительный: олонхо / сказитель П. А. Ойунский; пер. В. В. Державина. Якутск: Кн. изд-во, 1975. С. 8.

[2] Эпическое числительное «три» может выполнять положительно усиливающую функцию предмета, иметь значение «множества» или «громадности» (Избекова, 2014: 98, 100).

[3] Такая экстраполяция возможна на основе следующих научных изысканий: «Вопреки видимому многообразию, мифологические картины мира разных народов удивительно сходны. Лишь в немногих случаях совпадения объясняются контактами между культурами. А отсюда неизбежно напрашивается вывод, что уже с самого начала человеческое познание двигалось по общему магистральному пути» (Евсюков, 1988: 5); «Древняя платформа якутского языка со стандартной древнетюркской основой, … и с индоевропейским (индоиранским) субстратом, отделилась от остальных тюркских языков-диалектов примерно до VI в. Именно в силу этого в индоевропейской лексике, обнаруживаемой в якутском языке, преобладают индоарийские основы» (Гоголев, 2002: 5).

яся со священного дерева; 3) сливочное масло[1]. В научной литературе отмечается, что в сюжетах эпоса олонхо часто встречаются волшебные средства (живая вода, мертвая вода, божественная влага *илгэ*) (Кузьмина, 2024: 99–102). Нам представляется, что перечисленные средства все же имеют единый корень — первозданный молочный океан, представление о котором появилось в пору господства недуального характера мировоззрения[2]. О таком, некогда существовавшем историческом состоянии мировоззрения якутов, свидетельствует фрагмент архаического сказания *Улуу Кудаҥса* ‘Кудангса Великий’:

> «*Бороҥ саха оччотооҕу урукку дьылларга… аньыыны оҥорон аадка түһүөм диэн, үчүгэйи оҥорон ырайга көтүөм диэн битигэр биттэммэт, түүлүгэр түһээбэт эбит*»[3].
>
> ‘В те стародавние времена якуту… и в приметах не предчувствовалось, и во сне не снилось, что, делая грех попадет в ад, а делая добро улетит в рай’.

Указанные выше разновидности волшебных средств с выраженной поляризацией добра и зла, жизни и смерти (живая вода/мертвая вода, местонахождение в Верхнем мире/в Нижнем мире, см.: Кузьмина, 2024: 99) суть концепты дуальной картины мира. Итак, в нерасчлененном первобытном мышлении, породившем тотальность тождеств противоположных явлений, руководствуемом принципом «все во всём» (Лосев, 1957: 13), очевидно доминирование тесной связи отца-неба с матерью-землей (Сатанар, 2023b: 118), а значит и плодоносящего дара с неба с оплодотворяемым «молоком земли» (Нойманн, 2012: 57). Это фетишистское мировидение имеется в записях И. В. Худякова о ритуале поклонения духам плодоносящих сил природы, свидетельствующем о некогда функционировавшем слитном восприятии отца-неба и матери земли (Худяков, 1969: 289).

Можно обобщить, что космогоническую тему передает и этот устойчивый атрибут бога — *өлбөт мөҥө уута* ‘живая вода’, восходящий к представлениям о первозданном молочном океане. В пору фетишистского миросозерцания прообраз в виде безликой абстракции, отвечающий за жизненно важные условия существования, представлялся верховным родителем-отцом *аан дойду аҕата* ‘отец мира’ (Сатанар, 2025: 272), отсюда и воспитателем людей, и регулировщиком жизни.

Конь как атрибутивный рудимент

Тема божественного дара яйцевидной формы, а также коновязи в качестве атрибутивных рудиментов Юрюнг Айыы Тойона своим истоком уводит и к образу одного из почитаемых и любимых народом божества Уордаах Джёсёгёй Тойона[4], стоящему в одном ряду с Юрюнг Айыы Тойоном, — покровителем конного, рогатого скота, дарующем людям айыы[5] богатство, изобилие, плодородие.

В научной литературе отмечается, что «Г. В. Ксенофонтов предполагал существование в древности общеякутского божества в образе коня-неба, Дьылгы Тойона. В олонхо это божество называется *Түөрт атахтаах Түргэн Айыы* ‘Быстрейшее четырехногое божество’» (Гоголев, 1994: 6); в якутском эпосе Вселенная уподоблена молодому жеребцу *айгыр-силик* (Гоголев, 2002: 13); культ коня служит непосредственным участником создания мира (Избекова, 2014: 83). В олонхо устойчиво выражение: *айгыр-силик аан ийэ дойду* ‘красивая-нарядная изначальная мать-земля’[6]. Однако, востоковед Е. С. Сидоров не согласен с этим переводом и приводит анализ этимологии выражения, в итоге устанавливая: слово *айгыр* в переводе с древнетюркского языка означает *жеребец*, а *силик* означает чистый, благородный (Сидоров, 1978: 164–165).

[1] Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. Т. III. С. 619–620.
[2] Рассмотрение архетипа мифологического миросозерцания в свете недуальной картины мира предложено А. М. Сагалаевым (Сагалаев, 1992: 15–35).
[3] Ойунский П. А. Улуу Кудаҥса. Александр Македонскай = Кудангса Великий. Александр Македонский = Le Grand Roudansa. Alexandre le Grand / пер. на рус. А. А. Борисовой; пер. на фр. Л. М. Сабарайкиной, Я. Каро. Якутск: Бичик, 2002. С. 7. (На русс., якут. и фр. яз.)
[4] Уордаах Джёсёгёй, согласно древним преданиям об Эллэе, предок и создатель лошадей (Ксенофонтов, 1977: 170).
[5] «Люди айыы — якутский народ, доброе племя якутов (*в фольк. противопоставляется племени злых духов, абаасы*)». См.: Толковый словарь якутского языка: в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. I. С. 364.
[6] Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр = Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта: олонхо / сказитель П. П. Ядрихинский — Бэдьээлэ; запись П. Н. Дмитриева; ред. В. Н. Иванов. Якутск: Кёмюёл, 2019. С. 12–13. (На русс. и якут. яз.)

Версия А. И. Гоголева и Е. С. Сидорова, указывающая на зооморфную ипостась раннего пласта прообраза Юрюнг Айыы Тойона, подтверждается сведениями из древнеиндийских текстов. Так, конь как создатель мира априори связывается с центром (начальной точкой космогонического акта творения) трехчастной модели мира, стихией огня, мировым древом; из разных частей тела жертвенного коня происходят элементы Вселенной (из трактата «Брихадараньяка упанишаде») (Кузьмина, 1987: 163); космические элементы ассоциируются с частями тела коня: восток с передней частью, запад — с задней, четыре направления света совпадают с четырьмя ногами, небо и бог Агни (огня) отождествлялись с головой, земля — с телом коня, Нижний мир — с его хвостом, сперма — с кровью и т. д. (Акишев, 1984: 31). Следовательно, можно согласиться, что устойчивый эпитет олонхо *түөрт атахтаах* ‘четырехногий’ относится к образу Вселенной.

В ракурсе вышеотмеченного, внимание привлекают материалы древних преданий якутов, собранные Г. В. Ксенофонтовым (тексты № 6, 47, 108, 194, 196, 264), свидетельствующие о поклонении древних якутов небесному жеребцу Уордаах Джёсёгёй Тойону (Ксенофонтов, 1977: 20, 52, 97, 170, 171, 229), а также архивные материалы Г. В. Ксенофонтова[1], в которых отмечаются важные тезисы ритуальной части праздника *ысыах* в контексте «белого жреческого культа» якутов, в том числе, моление жреца с восходом солнца, адресованное небесным богам, при котором атрибутом служит конский хвост (Васильев, 2012: 31). Здесь к месту будет процитировать В. Я. Проппа, что в исторической ретроспективе предмет (хвост животного) морфологически родственен с помощником-конем, при котором «часть животного дается в руки и служит средством власти над животным» (Пропп, 2000: 162).

О былом олицетворении Вселенной (космоса, небесного пространства) в образе коня «намекают» и многочисленные тексты якутских загадок:

Үрүҥ (маҥан) биэ кутуругун түннүгүнэн укпут (*таайыыта: күн сардаҥата*);	Белая (соловая) кобылица хвост в окно просунула (отгадка: лучи солнца);
Соһо чуоҕур атыыр илин халлаантан арҕаа халлааҥҥа соһуйан ыстанар үһү (*халлаан сырдыыра*);	Говорят, рыжевато-пятнистый жеребец с восточных небес на западные небеса с испугу прыгает (рассвет);
Үрүҥнээх хара ат үүннэрэ биир үһү (*халлаан сырдыыра уонна хараҥарара*);	Говорят, у белого и черного коня одна уздечка (рассвет и сумерки);
Аан дойду ортотугар көмүс сэргэ турар үһү (*Хотугу сулус*);	Говорят, посреди Вселенной золотая коновязь стоит (Полярная звезда);
Сур сылгы субун туһахталаах (*Араҥас сулус*);	У серой лошади удлиненная лысинка (создездие Медведицы);
Маҥана баран хаалар, харата хаһыытыы турар, күөҕэ көрөн кэлэр баар үһү (*дьыл уларыйыыта*) *уо. д. а.*[2]	Говорят, белое уходит-исчезает, черное кричит-шумит, а зеленое проглядывает (смена времен года) и т. д.[3]

В примерах, применение ключевого образа коня (кобылицы) в представлениях о небесных явлениях как разъятых частей единой Веселенной, иллюстрирует линию преемственности «поэтической техники» (Поливанов, 1963) с мифологическим началом.

Согласно мифологической символике, лошадь наделена фаллической символикой (инвариантной с огнем) (Маковский, 1996: 105), что подтверждается и народными воззрениями. Приведем фрагмент древнего сказания *Улуу Куданҥса* ‘Кудангса Великий’: *Уот Дьөһөгөй буолан сылгы сүөһүнү айбыта —*

[1] Записи Г. В. Ксенофонтова от 1921–1925 гг. под названием «Материалы по верованиям якутов, описание камлания шаманов и праздника Ысыах» хранятся в Архиве ЯНЦ СО РАН, ф. 4, оп. 1, д. 12, общим объемом в 229 л.
[2] Саха таабырыннара = Якутские загадки / сост. С. П. Ойунская, ред. Н. В. Емельянов. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1975. С. 27, 30, 31, 34, 70. (На русс. и якут. яз.)
[3] Там же.

‘Огонь, воплотившись в Джёсёгёя, сотворил конный скот’[1]. Здесь ведущим значением (по А. Ф. Лосеву, «ядром мифа») обозначается функциональный рудимент — творение.

Напластование элементов эпох зооморфизма и антропоморфизма подразумевается и из описаний в текстах олонхо мотива спускания Айыысыт[2] в облике белой кобылицы при родах женщины, имеющей единый генетический исток с антропоморфным образом Юрюнг Айыы Тойоном (Сатанар, 2023b: 118). Заметим, в олонхо Айыысыт является дочерью верховного бога. Показателен и ряд эпических текстов, где главным героем выступает полуконь-получеловек — внук бога Юрюнг Айыы Тойона[3], что подтверждается и записями этнографов: «Сначала бог сотворил коня, от него произошел полуконь-получеловек, а уже от последнего родился человек» (Серошевский, 1993: 253).

Аргументом в пользу вышеотмеченного может выступить забытое ныне народной памятью название божества (покровителя лошадей и рогатого скота) Уордаах Джёсёгёя, фиксированное Г. В. Ксенофонтовым — Сююлэ-Хаан, отражающее важную функцию божества Уордаах Джёсёгёя, заключающуюся в оплодотворении земли дождем, сопровождаемым громом и молнией (Ксенофонтов, 1977: 239). Безусловно, указанная функция является плодом времен хтонической мифологии.

Информативны и традиционные коновязи-*сэргэ* с головой лошади на верхней части, находящие тождество с эпическим локусом Юрюнг Айыы Тойона на самой верхней части мирового древа, переходящего в серебряную коновязь владыки[4] и т. п.

Итак, обобщим: отмеченная в предыдущем исследовании семантическая цепь «молочный дар (живая вода) размером с яйцо — конь — орленок — мировой столб», выявленная из мотива помощи коня (молочный дар содержится в ухе[5] спущенного с небес богатырского коня) (Сатанар, 2025: 269), содержит спектр символов, демонстрирующих различные этапы развития прообраза Юрюнг Айыы Тойона.

Орел как атрибутивный рудимент

Среди образов птиц «орнитологического пантеона» традиционных представлений особый статус имеет *тойон кыыл* ‘орел’. С одной стороны, связь Юрюнг Айыы Тойона со стихией огня[6], а с другой, единый исток с образом Сээркээн Сэсэна (Сатанар, 2022b: 71) уводят к образу орла. Считается, что у ног Юрюнг Айыы Тойона дремлет орел, эмблемой его служит солнце, а «глаголами» являются гром и молния (Серошевский, 1993: 629). Эпический *бар дьаҕыл кыыл* ‘пятнистый небесный орел’ спускается к богатырям с небес «сверкая, как падающая звезда, полыхая столбом огня» (Пропп, 2000: 189). В описании мифической птицы указывается его *атара көмүс кутурук* ‘серебряный хвост в виде огненной остроги’ (Гоголев, 2002: 20), который в качестве реминисценции ранней стадии эволюции образа верховного бога сохраняется в мотиве помощи богатырям айыы (в критический момент схватки бог бросает с небес божественную острогу, см.: Сатанар, 2025: 273–274).

Мифологизации орла в неотрывной связи с огнем (солнцем) вторит и его природное «зоологическое свойство» (Мелетинский, 2018: 197): с прилетом орлов начинается весна, возрождение природы, «весной божественный орел несет в своих когтях солнце» (Бакиров, 2023: 11), то есть эта птица является хозяином смены природного явления. В связи с темой возрождения природы логично, что в народном мировоззрении орел предстает символом плодородия, сродни Уордаах Джёсёгёю, Юрюнг Айыы Тойону: «К орлу обращались бездетные женщины с просьбою о даровании детей… Выпрошенные таким образом дети назывались *хотой төрүттээх* ‘происшедшими от орла’» (Ионов, 1913: 7–8), что отражает воззрения эпохи анимизма. Сказанное подтверждается и данными языка, что «назва-

[1] Ойунский П. А. Улуу Кудаҥса. Александр Македонскай = Кудангса Великий. Александр Македонский = Le Grand Roudansa. Alexandre le Grand / пер. на рус. А. А. Борисовой; пер. на фр. Л. М. Сабарайкиной, Я. Каро. Якутск: Бичик, 2002. С. 41 (На русс., якут. и фр. яз.).
[2] Айыысыт — богиня плодородия, покровительница рожениц.
[3] Сылгы уола Дыырай Бэргэн = Сын лошади богатырь Дыырай / сказитель И. И. Бурнашев; запись Г. У. Эргиса; пер. Е. С. Сидоров. Якутск: Изд-й дом СВФУ, 2013. С. 86, 255–256. (На русс. и якут. яз.)
[4] Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр = Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта: олонхо / сказитель П. Я. Ядрихинский — Бэдьээлэ; запись П. Н. Дмитриева; ред. В. Н. Иванов. Якутск: Кёмюёл, 2019. С. 25. (На русс. и якут. яз.)
[5] Согласно принципу членения тела коня, голова, как верхняя часть, отождествляется с Верхним миром.
[6] В народном сознании орел — огненная (солнечная) птица.

ние птицы соотносится со значением “рожать”... птица считалась вместилищем душ умерших, а дух, дыхание по древним представлениям, соотносились с деторождением» (Маковский, 1996: 143). Далее, связь орла с огнем проецируется и в восприятии птицы в качестве тотемного первопредка, некогда спасшего человеческий род от верной гибели, принося людям огонь (Попов, 1949: 281).

Примечательно, что эпос олонхо «законсервировал» в себе фрагмент переходного звена зооморфной и орнитоморфной ипостаси прообраза Юрюнг Айыы Тойона — в его эпитете фигурирует конь с орлиными крыльями (гибридный образ) (Сатанар, 2025: 271). В. Я. Пропп отмечает, что то, что некогда было самим богом, далее становится атрибутом (орлом Зевса и т. д.), дублируя его и выносясь вовне (Пропп, 2000: 46–47), что и прослеживается в эпитетах верховного бога — с орлом на голове, с тремя орлами на лбу, с шапкой с орлом, с золотой короной с орлом и т. д. (Сатанар, 2025: 265, 268).

Архаическую связь дублирует также повествуемая в олонхо девятая ветка древа, на макушке которой клекочет орел — эпизод, который можно расценивать как гибридный образ орнитоморфного столба. Образ орла в качестве классификатора направлений эпического пространства, далее наличествует в описании коновязей подворья богатыря[1], выступая символом Верхнего мира:

Бастыҥ сэргэтэ... *Өксөкүнэн өрүөллэммит...* *Ортоку сэргэтэ суорунан сурааһыннаммыт,* *Кэлин сэргэтэ кэҕэнэн кэрдиистэммит эбит*[2].	Передний столб... Увенчан орлом-ёксёкю... На среднем столбе ворон нарисован, На заднем столбе кукушка изображена’[3].

Птичьи образы в качестве символик трех эпических миров (Верхнего, Среднего, Нижнего) детально изучены Л. Л. Габышевой (Габышева, 2009: 81–108).

И наконец, отдаленное напоминание связи орла со временем первотворения проецируется и в народных поверьях. Так, в материалах А. А. Попова находим, что в старину у вилюйских якутов существовало предписание-ритуал при добывании камня счастья у *бар дьаҕыл кыыл* ‘орла’, в одном из пунктов которого «испуганная птица роняет камешек, похожий на яйцо» (Попов, 1949: 282). Итак, еще одним древним пластом образа можно обозначить орнитоморфное восприятие древними людьми творца мироздания.

В связи с отмеченными выше зооморфным и орнитоморфным ипостасями прообраза анализируемого бога приведем важное дополнение. Согласно, гипотезе В. Е. Васильева, божество *Уордаах Джёсёгёй* (букв. Грозный Джёсёгёй), в некоторых записях этнографов предстает с эпитетом *Уордаах Джагыл* (букв. Грозный пятнистый)[4]. Наличие такого эпитета свидетельствует, что «Джёсёгёй принимал вид тотемного орла беркута *дьагыл тойон*». При этом происхождение Уордаах Джёсёгёя, по результатам этимологического анализа, восходит к культу предков-матерей (Васильев, 2019: 93–94).

Что касается функционирования в олонхо «спутников бога — зверей с орнитоморфными чертами» (Сатанар, 2025: 275), называемых *кэй кыыл* ‘зверь кэй’, «с сверкающими золотыми крыльями» и «летящих быстрее оперенной стрелы» (там же: 271), то, по всей видимости, эти звери отражают представления предков о древнем символе светила солнца. Распространение культа оленей (появившегося до культа коня[5]) в степях Евразии засвидетельствовано археологическими находками каменных плит-стел с изображением летящих оленей, датируемых эпохой бронзы (Семенов, 2011: 3–6). Интересно, что фрагменты этих древних представлений транслируются также и найденными

[1] В структуре родной страны богатыря подворье также занимает место пространственного центра.
[2] Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур = Строптивый Кулун Куллустуур: олонхо / сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов; пер. А. А. Попова, И. В. Пухова, гл. ред. А. А. Петросян. М.: Гл. редакция восточной литературы, 1985. С. 13. (На русс. и якут. яз.).
[3] Там же. С. 291.
[4] Здесь второй компонент в составе названия «Джагыл» отражает тождество с эпическим *бар дьаҕыл кыыл* ‘пятнистым небесным орлом’.
[5] О сложении религиозных представлений, связанных с конем, появившихся в Евразии в эпоху энеолита см.: Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого света // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) / под. ред. Б. Г. Гафурова, Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1977. С. 28–52.

в курганах Южной Сибири статуями коней с оленьими рогами, отражающими гибридный субстрат переходного этапа культов (Гоголев, 2002: 14). Исследователь памятников древнетюркской письменности С. Е. Малов указывает, что *kädik* в переводе с древнетюркского означает лань, олень (Малов, 1951: 392). Таким образом, фиксированный в спутниках исследуемого бога зверь *кэй*, возможно, является фрагментом-наследием культа скифо-сибирской эпохи[1]. Косвенным доказательством былого восприятия светила Солнца в образе оленя служит текст сохранившейся якутской загадки: *Илин диэкиттэн биир чуоҕур таба киирэн арҕаа диэки баран сүппүт* — ‘Одинокий пятнистый олень с востока на запад уйдя, затерялся’ (солнце)[2].

Резюмируя, подчеркнем, что еще одним ранним пластом образа предстает орнитоморфный символ бога — орел. Эпическая память сумела сохранить гибридный образ (конь с орлиными крыльями) ипостасей формирующегося прообраза Юрюнг Айыы Тойона. А *кэй кыыл* ‘звери кэй’ с орнитоморфными чертами, служащие спутниками главного бога, являются реликтом скифо-сибирской эпохи.

Истоки функциональных особенностей образа Юрюнг Айыы Тойона

Согласно нашему предыдущему исследованию, народные представления приписывают Юрюнг Айыы Тойону функции творца-создателя мироздания, флоры, фауны и людей, устроителя жизни в Срединном мире, благотворителя-помощника людей айыы, и вместе с тем, главного наказателя во всех трех мирах эпического мироздания (Сатанар, 2025: 275).

Наличие у образа верховного бога способности к прорицанию (обладающего знанием прошедшего, будущего) находит аналогию с функцией образа духа-хозяйки земли Аан Алахчын Хотун (Сатанар, 2023а: 72, 74). Весьма вероятно, что единая функция носителя знаний «намекает» нам о времени анимистических воззрений, когда в процессе распада слитного женского прообраза на отдельные формирующиеся образы, одна функция перенимается обоими образами. Гипотетически, на следы происходившего отпочкования от единого цельного, как нам представляется, указывают фиксации в текстах олонхо общих рудиментов, таких как: локализация Юрюнг Айыы Тойона и Аан Алахчын Хотун в мировом дереве (на вершине, в средней части ствола); наличие трости и рысинособольей шапки; обладание и дарение «живой воды»; доминирование белого цвета в портретных характеристиках; постоянные спутники в виде природных стихий; воплощение идеи плодородия (податели детей). Общим рудиментом можно также обозначить проявляющуюся по-разному (явно у Аан Алахчын Хотун (дух-хозяйка земли фиксируется с шаманскими атрибутами, держа в руке бубен и колотушку (там же: 74)) и скрыто у Юрюнг Айыы Тойона (шаманки-удаганки входят в свиту верховного бога (Сатанар, 2025: 270)) связь с удаганским культом — с женщиной-жрицей огня. В условиях власти матерей-владычиц, та, кто способна родить новую жизнь — женщина мать (подательница жизни), являлась хранительницей очага, служительницей стихии огня. Момент наличия в свите верховного бога удаганок указывает на сохранение остатков магизма и фетишизма — реликтов стихийно-природной мифологии в формировании прообраза, периода, когда последний, как средоточие плодоносящих сил, отождествлялся со стихией огня (что и предстает центральным содержанием мифа в эпоху фетишизма).

Внимания заслуживает и наделение в эпосе верховного бога функцией грозного наказывателя богатырей и всех причиняющих бедствия мирозданию. С одной стороны, он — светлый бог, мудрый и сострадательный, с другой — грозный и гневный старик-повелитель, безжалостность которого проявляется и по отношению к родным детям и внукам (там же: 273). На наш взгляд, корни таких воззрений берут свое начало из самых истоков — недуальной картины мировоззрения. Существует гипотеза, что необходимость такого «целостного отражения мира» в архаичном мироощущении была обусловлена восприятием и толкованием «информации, получаемой в пограничных состояниях (сновидениях, трансе)» (Сагалаев, 1991: 15). «Языческие концепты» мировидения, далекие от поляризации оппозиций, представляли собой двуединую силу зла и добра, в глазах древнего человека — равно надобной миру. Доминанта такого мироощущения априори зиждется на соприродности

[1] Примерной датировкой эпохи принято считать период с VIII–III в. до н. э.
[2] Саха таабырыннара = Якутские загадки / сост. С. П. Ойунская, ред. Н. В. Емельянов. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1975. С. 29. (На русс. и якут. яз.).

человека с миром (Сагалаев, 1992: 168). Через призму целостной системы взглядов на мир согласуется вышеотмеченная противоречивость черт характера Юрюнг Айыы Тойона. Отсюда становится понятным, почему эпитет покровителя конного, рогатого скота Джёсёгёя *уордаах* ‘грозный’, и почему «в культе орла часто подчеркивается его карающая функция» (Васильев, 2019: 94). Итак, можно резюмировать, что в общей линии эволюции образа Юрюнг Айыы Тойона функция грозного наказателя «унаследуется» от зооморфной и орнитоморфной стадий развития прообраза.

Таким образом, подытоживая, уточним, что полученный в ходе анализа цельный контур образа Юрюнг Айыы Тойона ограничивается рамками матриархальной мифологии. Трансформационный процесс образа при переходе от матриархата к патриархату (в мировосприятии — от двухчастного деления мира к трехчастному), а далее окончательное формирование, могут быть предметами последующих исследований.

Заключение

В текстах архаического эпоса олонхо со стройной мифологической канвой сохранились наиболее ранние исторические пласты становления образа верховного бога якутского пантеона божеств Юрюнг Айыы Тойона. Предыстоки образа уводят к пантеистическому представлению[1] первобытных людей — эпох, когда вездесущий, всезнающий, всесильный прообраз представлял собой нерасчлененную единую Вселенную-мир в виде слившихся понятий неба, земли, воды, огня, погоды, в целом окружающей природы, отвечающим за плодоносящие силы природы (почвы, флоры, фауны, людей) в качестве творящего, кормящего, воспитывающего начал.

Генеалогия прообраза в первооснове восходит к всевластию прообраза над всеми сферами мироздания (в слиянии культа неба с родовой территорией). Важным свидетельством древних корней предстают атрибутивные рудименты Юрюнг Айыы Тойона — трость и сиденье на камне с отверстием, транслирующие некоторые фрагменты начальной ситуации космогонического акта изначальных времен. Одним из глубинных пластов отмечается некогда существовавшая фитоморфная ипостась прообраза в качестве плодоносящего материнского символа, отождествляемого с матерью-прародительницей.

Анализ атрибута бога — конусообразной рысино-собольей шапки с перьями приводит к выявлению единых истоков и генетических связей образа главного бога с духом-хозяйкой земли Аан Алахчын Хотун и богиней плодородия и деторождения Айыысыт, в совокупности восходящих к тотемистически-промысловому культу. Гипотетически связь с удаганским культом восходит к раннеолитическому прообразу бога, когда многие образы были слиты в едином средоточии[2].

Информативным рудиментом образа отмечается *өлбөт мөҥө уута* ‘живая вода’, имплицирующая сведения о космогоническом процессе миротворения, одновременно предстающая ферментом появления разновидностей волшебных средств в эпосе олонхо. Обнаруживаются также зооморфная и орнитоморфная ипостаси бога в виде коня и орла с выраженным наделением древним сознанием функций творца мира, подателей жизни, хозяина погоды и природных явлений, от которых верховный бог в исторической перспективе «унаследует» функции карателя и воспитателя. Важно, что наличие спутников бога в виде зверей с орнитоморфными чертами *кэй кыыл* ‘зверь кэй’ указывает на сохранение в олонхо пласта скифо-сибирской эпохи. Этот фрагмент служит рудиментом тех эпох, когда зооморфное понимание светила Солнца в облике летающего оленя еще не интегрировалось с прообразом творца Вселенной[3].

В развитии образа Юрюнг Айыы Тойона переход архаического сознания в анимистическое миросозерцание (неолит) провоцирует процесс распада единого синкретического прообраза на ряд образов с выраженным разделением функций, при котором формирующийся образ верховного творца обогащается статусом подателя душ. Трансформационной вершиной бога фиксируется эпоха бронзы[4], при которой шаманская космология и восходящий патриархат оказывают содействие по-

[1] В пантеистическом мировоззрении бог тождественен Вселенной.
[2] Этап связи с удаганским культом более подробно представлен в другой работе автора (Сатанар, 2023b: 119-120).
[3] Подробнее об этой интеграции см.: (Сатанар, 2025: 262).
[4] Примерная датировка эпохи бронзы: с 3300 г. до н. э. — 1200 г. до н. э.

степенному появлению антропоморфного мужского облика образа в качестве творца мира, дарителя «божественной воды», вершителя судеб, главного наказывателя во всем мироздании, с локализацией на вершине мирового древа и с возведением на место главы пантеона. Воссоздание деталей этого процесса, и в целом, линии исторической эволюции антропоморфного образа Юрюнг Айыы Тойона через призму социальных, экономических установок древних обществ послужит дальнейшим шагом исследований.

Проделанный анализ позволил зафиксировать также возможные истоки некоторых линий сюжетов и элементов образа Юрюнг Айыы Тойона:

— постоянный эпитет бога *үүттээх таас олбохтоох* ‘с седалищем из бело-молочного камня с отверстием’ может отражать общие корни с древними культурами Северной Евразии (скифов, гуннов);

— атрибут *өлбөт мөҥө уута* ‘живая вода’, а также зооморфная ипостась раннего пласта образа (конь) могут восходить к древнеиндийской культуре;

— спутники бога *кэй сыыдам бар кыыл* ‘крылатые звери кэй’ предстают фрагментом-наследием скифской культуры;

— мотив помощи с одной стороны, а с другой, мотив наказания богом по отношению ко всем жителям всех трех эпических миров (противоречивость черт характера) имеют корни с недуальной картины мировоззрения древнетюркской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акишев, А. К. (1984) Искусство и мифология саков / отв. ред. В. М. Массон. Алма-Ата : Наука. 176 с.

Бакиров, А. А. (2023) Орел как символ возрождения весны и плодородия в традиционных представлениях кыргызов // Вопросы востоковедения. № 2. С. 10–17. DOI: https://doi.org/10.52754/16948653_2023_2_2

Васильев, В. Е. (2012) Неопубликованные материалы Г. В. Ксенофонтова о «белом» шаманстве народа саха // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 1 (4). С. 28–34.

Васильев, В. Е. (2019) П. А. Ойунский об эволюции религии саха в свете эпоса олонхо // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия Эпосоведение. № 1 (13). С. 92–98. DOI: https://doi.org/10.25587/SVFU.2019.13.27300

Габышева, Л. Л. (2003) Слово в контексте мифопоэтической картины мира. На материале языка и культуры якутов. М. : РГГУ. 192 с.

Габышева, Л. Л. (2009) Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск : Наука. 143 с.

Гоголев, А. И. (1994) Мифологический мир якутов. Божества и духи-покровители. Якутск : Изд-во ЦКиИ им. А. Е. Кулаковского. 56 с.

Гоголев, А. И. (2002) Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Якутск : Изд-во ЯГУ. 104 с.

Гоголев, А. И. (2017) К вопросу происхождения языка народа саха (заметки этнографа) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 3 (20). С. 23–30.

Гурвич, И. С. (1948) Космогонические представления и пережитки тотемического культа у населения Оленекского района // Советская этнография. № 3. С. 128–132.

Евсюков, В. В. (1988) Мифы о Вселенной / отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск : Наука. 176 с.

Иванов, В. Н., Корякина, А. Ф., Анисимов, Р. Н. (2021) К вопросу генетических истоков формирования якутского эпоса // Вестник Томского государственного университета. История. № 72. С. 160–169. DOI: https://doi.org/10.17223/19988613/72/23

Избекова, Е. И. (2014) Числительные в олонхо: структура и семантика. Якутск : Изд-й дом СВФУ. 152 с.

Ионов, В. М. (1913) Орел по воззрениям якутов // Сборник музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук / отв. ред. С. Ольденбург. СПб. : Типография Императорской АН. Т. II. Вып. 16. 141 с. С. 1–28.

Ксенофонтов, Г. В. (1977) Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М. : Наука. 246 с.

Ксенофонтов, Г. В. (1992) Ураангхай сахалар. Очерки по древней истории якутов : в 2 т. Якутск : Нац. издательство РС(Я). Т. 1. 416 с.

Кузьмина, А. А. (2024) Волшебные предметы и средства в якутском героическом эпосе: семантика, структура, функции // Эпосоведение. № 3. С. 97–107. DOI: https://doi.org/10.25587/2782-4861-2024-3-97-107

Кузьмина, Е. Е. (1987) Дионис у усуней (о семантике каргалинской диадемы) // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства : сборник статей / отв. ред. Б. Б. Пиотровский, Г. М. Бонгард-Левин. М. : Наука. 376 с. С. 158–181.

Львова, С. Д. (2020) Сравнения в олонхо: устойчивость и трансформации (на материале текстов северной эпической традиции якутов) // Научный диалог. № 4. С. 203–219. DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-4-203-219

Лосев, А. Ф. (1957) Античная мифология в ее историческом развитии. М. : Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР. 620 с.

Маковский, М. М. (1996) Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М. : Гум. изд. Центр ВЛАДОС. 416 с.

Малов, С. Е. (1951) Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования / отв. ред. А. Н. Кононов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 451 с.

Мелетинский, Е. М. (2018) Миф и историческая поэтика: избранные статьи, воспоминания / отв. ред. Е. С. Новик. М. : РГГУ. 693 с.

Неклюдов, С. Ю. (2010) Морфология и семантика эпического зачина в фольклоре монгольских народов // Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература : сборник научных трудов / ред. И. С. Смирнов. М. : Издательство РГГУ. 635 с. С. 137–149.

Неклюдов, С. Ю. (2019) Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный / отв. ред. А. Д. Цендина. М. : Индриг. 592 с.

Николаева, Т. Н., Готовцева, Л. М. (2018) Триада миров в семантике одежды их обитателей (на материале олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 4 (22). С. 86–97.

Нойманн, Э. (2012) Великая мать / Глубинная психология и психоанализ; пер. с нем. И. Ерзина. М. : Изд-во КДУ. 410 с.

Ойунский, П. А. (2013) Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание / отв. ред. В. Н. Иванов. Якутск : Сайдам. 96 с.

Окладников, А. П. (1955) История Якутской АССР : в 3 томах / отв. ред. Л. П. Потапов. М. ; Ленинград : Издательство АН СССР. Т. 1: Якутия до присоединения к русскому государству. 432 с.

Поливанов, Е. Д. (1963) Общий фонетический принцип всякой поэтической техники (1937 г.) // Вопросы языкознания. № 1. С. 99–112.

Попов, А. А. (1949) Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // Сборник музея антропологии и этнографии / отв. ред. С. П. Толстов. М. ; Л. : Типография изд-ва АН СССР. Т. XI. 394 с. С. 255–323.

Потанин, Г. Н. (1899) Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М. : Геогр. отделение Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 893 с.

Пропп, В. Я. (1999) Русский героический эпос / ред. С. П. Бушкевич. М. : Лабиринт. 638 с.

Пропп, В. Я. (2000) Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт. 336 с.

Пухов, И. В. (1975) Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири: общность, сходство, различия // Типология народного эпоса / отв. ред. В. М. Гацак. М. : Наука. 327 с. С. 12–62.

Сагалаев, А. М. (1991) Урало-алтайская мифология: Символ и архетип / отв. ред. А. И. Соловьев. Новосибирск : Наука. 155 с.

Сагалаев, А. М. (1992) Алтай в зеркале мифа / отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск : Наука. 176 с.

Сатанар, М. Т. (2021) Об эпической модели мира в якутской культуре // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 2. Вып. 42. С. 102–110. DOI: https://doi.org/10.25205/2312-6337-2021-2-102-110

Сатанар, М. Т. (2022a) Коды в миромоделировании тувинского и якутского эпических сказаний // Новые исследования Тувы. № 1. С. 211–224. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.14

Сатанар, М. Т. (2022b) Генезис образа Сээркээн Сэсэна в эпосе олонхо // Проблемы исторической поэтики. Т. 20. № 3. С. 50–86. DOI: https://doi.org/10.25205/2312-6337-2023-3-67-77

Сатанар, М. Т. (2023a) Образ духа-хозяйки земли в эпосе олонхо. Часть 1: Статические и динамические характеристики // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 3. Вып. 47. С. 67–77. DOI: https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.11262

Сатанар, М. Т. (2023b) Образ духа-хозяйки земли в эпосе олонхо. Часть 2: Мифологические истоки // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 4. Вып. 48. С. 116–125. DOI: https://doi.org/10.25205/2312-6337-2023-4-116-125

Сатанар, М. Т. (2025) Образ верховного бога якутского пантеона божеств в эпосе олонхо: семантические признаки статики и динамики // Новые исследования Тувы. № 2. С. 258–279. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.15

Семенов, В. А. (2011) Искусство скифов на севере Центральной Азии // Научные труды. № 17. С. 3–20.

Серошевский, В. Л. (1993) Якуты. Опыт этнографического исследования. М. : РОССПЭН. 736 с.

Сидоров, Е. С. (1978) Образ мира у древних якутов // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока : материалы Всесоюзной конференции фольклористов / ред. Н. В. Емельянов, В. Т. Петров. Якутск : Изд-во Якутского филиала СО АН СССР. 229 с. С. 162–166.

Топоров, В. Н. (2010) Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы : в 2 т. М. : Рукописные памятники Древней Руси. Т. 1. 448 с.

Филиппова, Н И. (1980) Об одном эпитете Юрюнг Айыы Тойона // Мифология народов Якутии / отв. ред. В. Т. Петров. Якутск : Якутский филиал СО АН СССР. 98 с. С. 71–74.

Фрэзер, Д. Д. (2001) Золотая ветвь: Исследование магии и религии: в 2 т. / пер. с англ. М. Рыклина. М. : Терра — Книжный клуб. Т. 1. 528 с.

Худяков, И. А. (1969) Краткое описание Верхоянского округа. Ленинград : Наука. 439 с.

Элиаде, М. (2010) Аспекты мифа / пер. с фр. В. П. Большакова. М. : Академический проект. 251 с.

Эргис, Г. У. (2008) Очерки по якутскому фольклору / отв. ред. В. Гусев. Якутск : Бичик. 400 с.

Юнг, К. Г. (2010) Символическая жизнь / пер. с англ. В. В. Зеленского. М. : Когито-Центр. 326 с.

Дата поступления: 23.06.2025 г.

Дата принятия: 10.09.2025 г.

REFERENCES

Akishev, A. K. (1984) *Art and mythology of the Sakha* / ed. by V. M. Masson. Alma-Ata, Nauka. 176 p. (In Russ.).

Bakirov, A. A. (2023) The eagle as a symbol of the revival of spring and fertility in the traditional beliefs of the Kyrgyz. *Voprosy vostokovedeniya*, no. 2, pp. 10–17. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.52754/16948653_2023_2_2

Vasiliev, V. E. (2012) Unpublished materials by G. V. Xenofontov on “white” shamanism of the Sakha people. *Severo-Vostochny gumanitarny vestnik*, no. 1 (4), pp. 28–34. (In Russ.).

Vasiliev, V. E. (2019) P. A. Oyunsky on the evolution of Sakha religion in the light of the Olonkho epic. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya Eposovedenie*, no. 1 (13), pp. 92–98. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25587/SVFU.2019.13.27300

Gabysheva, L. L. (2003) *The word in the context of the mythopoetic worldview: Based on the language and culture of the Yakuts*. Moscow, RGGU. 192 p. (In Russ.).

Gabysheva, L. L. (2009) *Folklore text: Semiotic mechanisms of oral memory*. Novosibirsk, Nauka. 143 p. (In Russ.).

Gogolev, A. I. (1994) *The mythological world of the Yakuts. Deities and guardian spirits*. Yakutsk, Izdatelstvo TSKiI im. A. E. Kulakovskogo. 56 p. (In Russ.).

Gogolev, A. I. (2002) *The origins of mythology and the traditional calendar of the Yakuts*. Yakutsk, Izdatelstvo YAGU. 104 p. (In Russ.).

Gogolev, A. I. (2017) On the origin of the language of the Sakha people (notes of an ethnographer). *Severo-Vostochny gumanitarny vestnik*, no. 3 (20), pp. 23–30. (In Russ.).

Gurvich, I. S. (1948) Cosmogonic concepts and survivals of the totemic cult among the population of the Olenek district. *Sovetskaya etnografiya*, no. 3, pp. 128–132. (In Russ.).

Evsyukov, V. V. (1988) *Myths about the Universe* / ed. by V. E. Larichev. Novosibirsk, Nauka. 176 p. (In Russ.).

Ivanov, V. N., Koryakina, A. F. and Anisimov, R. N. (2021) On the genetic origins of the formation of the Yakut epic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 72, pp. 160–169. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.17223/19988613/72/23

Izbekova, E. I. (2014) *Numerals in Olonkho: Structure and semantics.* Yakutsk, Izdatelsky dom SVFU. 152 p. (In Russ.).

Ionov, V. M. (1913) The eagle in the beliefs of the Yakuts. In: *Sbornik muzeya po antropologii i etnografii pri Imperatorskoy Akademii nauk* / ed. by S. Oldenburg. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy AN, vol. II, issue 16. 141 p. Pp. 1–28. (In Russ.).

Ksenofontov, G. V. (1977) *Elleiyada: Materials on the mythology and legendary history of the Yakuts*. Moscow, Nauka. 246 p. (In Russ.).

Ksenofontov, G. V. (1992) *Uraangkhai Sakhala. Essays on the ancient history of the Yakuts*: In 2 vols. Yakutsk, Nats. izdatelstvo RS(Ya). Vol. 1. 416 p. (In Russ.).

Kuzmina, A. A. (2024) Magical objects and means in the Yakut heroic epic: Semantics, structure, functions. *Eposovedenie*, no. 3, pp. 97–107. ((In Russ.).). DOI: https://doi.org/10.25587/2782-4861-2024-3-97-107

Kuzmina, E. E. (1987) Dionysus among the Wusun (on the semantics of the Kargaly diadem). In: *Central Asia: New monuments of writing and art:* Collected papers / ed. by B. B. Piotrovsky and G. M. Bongard-Levin. Moscow, Nauka. 376 p. Pp. 158–181. (In Russ.).

Lvova, S. D. (2020) Comparisons in Olonkho: Stability and transformations (based on the texts of the northern epic tradition of the Yakuts). *Nauchny dialog*, no. 4, pp. 203–219. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-4-203-219

Losev, A. F. (1957) *Ancient mythology in its historical development.* Moscow, State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR. 620 p. (In Russ.).

Makovsky, M. M. (1996) *Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages: The image of the world and the worlds of images*. Moscow, Gumanitarny izdatelsky tsentr VLADOS. 416 p. (In Russ.).

Malov, S. E. (1951) *Monuments of ancient Turkic writing: Texts and studies* / ed. by A. N. Kononov. Moscow; Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR. 451 p. (In Russ.).

Meletinsky, E. M. (2018) *Myth and historical poetics: Selected articles and memoirs* / ed. by E. S. Novik. Moscow, RGGU. 693 p. (In Russ.).

Neklyudov, S. Yu. (2010) Morphology and semantics of the epic opening in the folklore of Mongolic peoples. In: *China and the surroundings: Mythology, folklore, literature*: Collection of scholarly works / ed. by I. S. Smirnov. Moscow, Izdatelstvo RGGU. 635 p. Pp. 137–149. (In Russ.).

Neklyudov, S. Yu. (2019) *The folklore landscape of Mongolia. The epic written and oral* / ed. by A. D. Tsendina. Moscow, Indrig. 592 p. ((In Russ.).).

Nikolaeva, T. N. and Gotovtseva, L. M. (2018) The triad of worlds in the semantics of the clothing of their inhabitants (based on the Olonkho "Nyurgun Bootur the Swift" by P. A. Oyunsky). *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, no. 4 (22), pp. 86–97. (In Russ.).

Neumann, E. (2012) *The great mother* / *Depth psychology and psychoanalysis*; transl. from German by I. Erzin. Moscow, KDU Publ. 410 p. (In Russ.).

Oyunskiy, P. A. (2013) *Yakut tale (Olonkho), its plot and content* / ed. by V. N. Ivanov. Yakutsk, Saydam. 96 p. (In Russ.).

Okladnikov, P. A. (1955) *History of the Yakut ASSR*: in 3 vols. / ed. by L. P. Potapov. Moscow; Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR. Vol. 1: Yakutia before joining the Russian state. 432 p. (In Russ.).

Polivanov, E. D. (1963) The general phonetic principle of any poetic technique (1937). *Voprosy yazykoznaniya*, no. 1, pp. 99–112. (In Russ.).

Popov, A. A. (1949) Materials on the history of the religion of the Yakuts of the former Vilyui district. In: *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* / ed. by S. P. Tolstov. Moscow; Leningrad, Tipografiya izdatelstva AN SSSR. Vol. XI. 394 p. Pp. 255–323. (In Russ.).

Potanin, G. N. (1899) *Eastern motifs in the medieval European epic.* Moscow, Geographical Department of the Imperial Society of Lovers of Natural Science, Anthropology and Ethnography. 893 p. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (1999) *Russian heroic epic* / ed. by S. P. Bushkevich. Moscow, Labirint. 638 p. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (2000) *The historical roots of the wonder tale.* Moscow, Labirint. 336 p. (In Russ.).

Pukhov, I. V. (1975) The heroic epic of the Turko-Mongolic peoples of Siberia: Commonality, similarity, differences. In: *Typology of the folk epic* / ed. by V. M. Gatsak. Moscow, Nauka. 327 p. Pp. 12–62. (In Russ.).

Sagalaev, A. M. (1991) *Ural–Altaic mythology: Symbol and archetype* / ed. by A. I. Soloviev. Novosibirsk, Nauka. 155 p. (In Russ.).

Sagalaev, A. M. (1992) *Altai in the mirror of myth* / ed. by M. V. Shunkov. Novosibirsk, Nauka. 176 p. (In Russ.).

Satanar, M. T. (2021) On the epic model of the world in Yakut culture. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*, no. 2, issue 42, pp. 102–110. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25205/2312-6337-2021-2-102-110

Satanar, M. T. (2022a) Codes in world-modelling of Tuvan and Yakut epic tales. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 211-224. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.14

Satanar, M. T. (2022b) Genesis of the image of Seerkeen Sesen in the Olonkho epic. *Problemy istoricheskoy poetiki*, vol. 20, no. 3, pp. 50–86. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25205/2312-6337-2023-3-67-77

Satanar, M. T. (2023a) The image of the spirit-mistress of the earth in the Olonkho epic. Part 1: Static and dynamic characteristics. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*, no. 3, issue 47, pp. 67–77. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.15393/j9.art.2022.11262

Satanar, M. T. (2023b) The image of the spirit-mistress of the earth in the Olonkho epic. Part 2: Mythological origins. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*, no. 4, issue 48, pp. 116–125. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25205/2312-6337-2023-4-116-125

Satanar, M. T. (2025) The image of the supreme god of the Yakut pantheon of deities in the Olonkho epic: Semantic features of statics and dynamics. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 258–279. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.15

Semenov, V. A. (2011) The art of the Scythians in the north of Central Asia. *Nauchnye trudy*, no. 17, pp. 3–20. (In Russ.).

Seroshevsky, V. L. (1993) *The Yakuts. An ethnographic study.* Moscow, ROSSPEN. 736 p. (In Russ.).

Sidorov, E. S. (1978) The image of the world among the ancient Yakuts. In: *Epic creativity of the peoples of Siberia and the Far East:* Materials of the All-Union conference of folklorists / ed. by N. V. Emelyanov and V. T. Petrov. Yakutsk, Izdatelstvo Yakutskogo filiala SO AN SSSR. 229 p. Pp. 162–166. (In Russ.).

Toporov, V. N. (2010) *The world tree: Universal sign complexes:* in 2 vols. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi. Vol. 1. 448 p. (In Russ.).

Filippova, N. I. (1980) On one epithet of Yuryung Aiyy Toyon. In: *Mythology of the peoples of Yakutia* / ed. by V. T. Petrov. Yakutsk, Yakutsky filial SO AN SSSR. 98 p. Pp. 71–74. (In Russ.).

Frazer, J. G. (2001) *The golden bough: A study in magic and religion:* in 2 vols. / transl. from English by M. Ryklin. Moscow, Terra — Knizhny klub. Vol. 1. 528 p. (In Russ.).

Khudyakov, I. A. (1969) *Brief description of the Verkhoyansk district.* Leningrad, Nauka. 439 p. (In Russ.).

Eliade, M. (2010) *Aspects of myth* / transl. from French by V. P. Bolshakov. Moscow, Akademichesky proekt. 251 p. (In Russ.).

Ergis, G. U. (2008) *Essays on Yakut folklore* / ed. by V. Gusev. Yakutsk, Bichik. 400 p. (In Russ.).

Jung, C. G. (2010) *The symbolic life* / transl. from English by V. V. Zelensky. Moscow, Kogito-Tsentr. 326 p. (In Russ.).

Submission date: 23.06.2025.
Acceptance date: 10.09.2025.

DOI: 10.25178/nit.2026.2.14

Статья

Шаманские мотивы в музыкально-хореографическом искусстве Казахстана

Серик К. Жунусов, Гульнара Т. Жумасеитова
Казахская национальная академия хореографии, Республика Казахстан,
Камола Б. Акилова
Национальный институт живописи и дизайна имени Камолиддина Бехзода Академии художеств Узбекистана, Республика Узбекистан

В исследовании анализируются способы репрезентации элементов шаманского действа в современной музыкально-хореографической культуре Казахстана. Фигура баксы (шамана), его музыкально-ритуальные практики и связанные с ними инструменты (қобыз, шаңқобыз, сазсырнай, дабыл) рассматриваются как структурные компоненты архаического культурного кода, востребованного в современной художественной среде.

На основе анализа постановок ряда творческих коллективов Казахстана установлено, что шаманские элементы воспроизводятся в современных формах через использование аутентичных инструментов, остинатных ритмов, трансовых пластических моделей и знаковых жестов.

Обращение к шаманским мотивам выполняет три основные функции: обеспечивает сохранение и адаптацию архаических компонентов культурного кода; выступает механизмом художественного обновления и расширения выразительных средств современной сцены; способствует формированию этнокультурной идентичности и ценностной преемственности. Сделан вывод о системной роли шаманского наследия в развитии современного музыкально-хореографического искусства Казахстана.

Ключевые слова: *шаманизм; баксы; культурный код; кобыз; музыкально-хореографическое искусство; Казахстан; этнокультурная идентичность*

Статья подготовлена в рамках гранта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН AP32727069 «Создание виртуального музея национального танца через внедрение цифровых технологий в хореографию».

Для цитирования:
Жунусов С. К., Жумасеитова Г. Т., Акилова К. Б. Шаманские мотивы в музыкально-хореографическом искусстве Казахстана // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 212-233. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.14

Жунусов Серик Казырканович — докторант кафедры искусствоведения и арт-менеджмента факультета искусств Казахской национальной академии хореографии. Адрес: Казахстан, 010000, г. Астана, пр-т Улы Дала, д. 43/1. Эл. адрес: zhunussov-serik@mail.ru

Жумасеитова Гульнара Тазабековна — кандидат искусствоведения, профессор кафедры искусствоведения и арт-менеджмента факультета искусств Казахской национальной академии хореографии. Адрес: Казахстан, 010000, г. Астана, пр-т Улы Дала, д. 43/1. Эл. адрес: gulnara_ili@mail.ru

Акилова Камола Балтабаевна — доктор искусствоведения, академик Академии художеств Узбекистана, профессор кафедры теории и истории искусства Национального института живописи и дизайна имени Камолиддина Бехзода Академии художеств Узбекистана. Адрес: Узбекистан, 100000, г. Ташкент, ул. Садыка Азимова, д. 35. Эл. адрес: kamola-nur@rambler.ru

Article

Shamanic Motifs in the Musical and Choreographic Art of Kazakhstan

Serik K. Zhunussov, Gulnara T. Jumasseitova
Kazakh National Academy of Choreography, Republic of Kazakhstan,
Kamola B. Akilova
Kamoliddin Bekhzod National Institute of Painting and Design, Academy of Arts of Uzbekistan, Republic of Uzbekistan

The study analyzes the ways in which elements of shamanic ritual are represented in contemporary musical and choreographic culture of Kazakhstan. The figure of the baksy (shaman), his musical and ritual practices, and the associated instruments (qobyz, shanqobyz, sazsyrnai, dabyldrum) are examined as structural components of an archaic cultural code that remains in demand in the modern artistic environment.

Based on an analysis of productions by several creative ensembles in Kazakhstan, the authors demonstrate that shamanic elements are recreated in contemporary forms using authentic instruments, ostinato rhythms, trance-like plastic patterns, and emblematic gestures.

Appeals to shamanic motifs perform three main functions: they ensure the preservation and adaptation of archaic components of the cultural code; they serve as a mechanism for artistic renewal and expansion of the expressive resources of the contemporary stage; and they contribute to the formation of ethnocultural identity and value continuity. The article concludes that shamanic heritage plays a systemic role in the development of contemporary musical and choreographic art in Kazakhstan.

Keywords: *shamanism; baksy; cultural code; qobyz; musical and choreographic art; Kazakhstan; ethnocultural identity*

Financing
The article was prepared as part of a grant from the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, IRN AP32727069 "Creation of a virtual museum of national dance through the introduction of digital technologies in choreography".

For citation:
Zhunussov S. K., Jumasseitova G. T. and Akilova K. B. Shamanic Motifs in the Musical and Choreographic Art of Kazakhstan. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 212-233 (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.14

ZHUNUSSOV, Serik Kazyrkanovich, Doctoral Student, Faculty of Arts, Department of Art History and Art Management, Kazakh National Academy of Choreography. Postal address: 43/1 Uly Dala Ave., Astana, Kazakhstan, 010000. E-mail: zhunussov-serik@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1989-0755

JUMASSEITOVA, Gulnara Tazabekovna, Candidate of Art History, Professor, Faculty of Arts, Department of Art History and Art Management, Kazakh National Academy of Choreography. Postal address: 43/1 Uly Dala Ave., Astana, Kazakhstan, 010000. E-mail: gulnara_ili@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0478-3164

AKILOVA, Kamola Baltabaevna, Doctor of Art Studies, Academician of the Academy of Arts of Uzbekistan, Professor, Department of Theory and History of Art, Kamoliddin Behzod National Institute of Painting and Design, Academy of Arts of Uzbekistan. Postal address: 35 Sadyk Azimov Str., Tashkent, Uzbekistan, 100000. E-mail: kamola-nur@rambler.ru
ORCID: 0009-0008-0367-1439

Введение

Рост интереса к сакральным традициям, включая шаманизм, обусловливает обращение современного искусства к ритуальным и мифологическим структурам как к способу восстановления связи с глубинными пластами коллективной памяти. В этой связи музыкальная и хореографическая культура Казахстана демонстрирует устойчивое движение к творческому переосмыслению шаманских мотивов. Музыка и хореография выступают взаимодополняющими компонентами шаманского действа, создавая целостное ритуальное пространство, где движение и звук образуют единую семиотическую систему.

Для анализа проявлений шаманских элементов в современной культуре Казахстана необходимо рассматривать музыкальный и хореографический компоненты как единую синкретическую структуру. В традиционном шаманском действе звук, ритм, тембр и жест образуют неразрывное целое: пластика вырастает из звукового импульса, а музыкальная структура определяет эмоциональную и ритмическую динамику ритуала. Такой подход позволяет выявить как сохранённые элементы архаики, так и механизмы их адаптации в современных постановках, где звук и движение продолжают выражать культурный код в новых художественных формах.

Проблематика шаманских традиций и их культурного наследия получила достаточно широкое освещение в трудах этнографов, этномузыковедов, культурологов и искусствоведов, однако степень её разработанности в контексте современного музыкально-хореографического искусства остаётся фрагментарной. Значительный массив исследований посвящён шаманизму как системе верований, ритуальных практик и мировоззренческих представлений тюркских народов (Валиханов, 2007; Кондыбай, 2005; Турсунов, 2001), а также сакральной функции музыки и музыкальных инструментов в практике баксы. В частности, С. И. Утегалиева (Утегалиева, 2023) на обширном историко-типологическом материале раскрывает образ Коркыта как первошамана и создателя кобыза / гопуза, акцентируя магическую природу звучания и его роль в шаманских ритуалах. В области искусствознания образ шамана получил глубокое осмысление в визуальных искусствах: в работе Е. И. Резниковой (Резникова, 2023) показаны художественные, стилистические и философские трансформации шаманской образности в живописи, декоративно-прикладном искусстве и *contemporary art* Казахстана, однако данное исследование не затрагивает сферу сценического синтеза музыки и танца. Существенный вклад в изучение пластических истоков шаманской культуры внесли исследования Г. Жумасеитовой, А. Молдахметовой, А. Кульбековой, Т. Изим, Г. Саитовой. Авторы, проанализировав петроглифы и архаические ритуалы, танцы выявляются связь движений баксы с формированием лексики казахского народного танца (Жумасеитова, 2017; Moldakhmetova et al., 2018), при этом основное внимание уделяется реконструкции традиционных форм и их историко-генетическому происхождению. Философско-культурологический ракурс сценических и театральных форм казахской культуры представлен в работах С. К. Каржаубаевой[1], где подчёркивается синкретический характер традиционного искусства (слово — движение — музыка), однако без анализа конкретных современных музыкально-хореографических практик. Таким образом, несмотря на наличие значительного корпуса работ, посвящённых шаманизму, образу Коркыта и отдельным видам казахстанского искусства, в научной литературе по-прежнему отсутствует комплексное исследование трансформации шаманских мотивов именно в современном музыкально-хореографическом искусстве Казахстана XXI в., что и определяет исследовательский пробел, восполняемый настоящей работой.

Цель настоящего исследования — проанализировать способы воплощения элементов шаманского действа в современном искусстве Казахстана и определить их роль в сохранении духовного наследия традиционной культуры казахов в XXI в. Объект исследования — современное искусство Казахстана, предмет исследования — элементы шаманского действа как проявления культурного кода казахского народа и механизмы их трансформации в современной музыкальной и хореографической культуре. В соответствии с целью решаются задачи: обобщить вопросы исследований мировоззренческих и духовных установок в шаманском танце; проанализировать творческие интерпретации шаманских элементов в современных музыкально-хореографических постановках; определить их смысловой и ценностный потенциал в формировании этнокультурной идентичности казахов.

[1] Каржаубаева С. К. Философско-культурологические основания казахского театрального искусства: дисс. … канд. филос. н. Алматы, 2005.

Методологическая база исследования носит междисциплинарный характер, объединяющий инструментарий искусствоведения, культурологии и этнографии. Семиотический анализ позволяет рассматривать шаманские практики как систему знаков и символов; культурно-исторический метод выявляет преемственность между архаическими практиками и их сценическими формами; сравнительный анализ обеспечивает сопоставление шаманских ритуалов народов Евразии с их художественными интерпретациями; этнографический метод использует письменные и устные источники, фиксирующие элементы шаманской традиции в культурной памяти казахского народа. Анализ художественных практик направлен на исследование конкретных постановок и музыкальных произведений, в которых шаманские мотивы обретают новое звучание. Комплексное применение данных методов позволяет выявить механизмы художественного переосмысления шаманских традиций, проследить их адаптацию в современной художественной среде и определить роль этих процессов в формировании актуальных тенденций музыкально-хореографического искусства Казахстана.

В теоретических основаниях исследование опирается на труды, посвящённые семиотическому, культурно-историческому и искусствоведческому осмыслению искусства. В контексте анализа шаманских традиций как системы знаков и символов особое значение имеют работы представителей семиотической школы — У. Эко, Р. Барта, Ю. М. Лотмана (Eco, 1976; Barthes, 1982; Лотман, 1992), чьи исследования культуры, текста и знака оказали существенное влияние на развитие современных гуманитарных подходов, в том числе в изучении казахской культуры (Всеволодская-Голушкевич, 1996; Аязбекова, 2011; Гудова, Юань, 2022; и др.).

Экстраполируя методологический подход М. Гудовой и М. Юань (Гудова, Юань, 2022) на шаманские культовые практики, и опираясь на концепцию О. Добжанской о синкретическом единстве обряда[1], можно выделить три аналитических уровня, позволяющих описать их связь с музыкально-хореографическим материалом. Первый уровень — семиотический, отражающий универсальные жестовые и звуковые структуры, лежащие в основе ритуальных действий. Второй — традиционный, связанный с исторически сложившимися музыкальными и танцевальными формами, сформированными в ходе этно- и культурогенеза казахов. Третий — прикладной, проявляющийся в адаптации шаманских элементов в современной сценической практике. Такое структурирование позволяет рассматривать шаманские музыкально-танцевальные формы как систему устойчивых выразительных элементов, которые, трансформируясь, продолжают функционировать в современном искусстве. Их присутствие в постановках, музыкальных композициях и перформативных практиках можно интерпретировать как процесс обновления и переосмысления значений в соответствии с художественными задачами и контекстом времени. В этом смысле тезис Ю. Лотмана о способности современной культуры перекодировать прежние смысловые структуры (Лотман, 1996) применим к современным музыкально-хореографическим формам Казахстана, позволяя раскрыть потенциал традиции в новых художественных условиях (Жудебаев, Аркабаева, 2024: 65).

Аксиологическая суть современного искусства Казахстана заключается в смысловом освоении архаических истоков традиционной культуры и их интеграции в образную структуру нового пластического и музыкального языка архаических истоков традиционной культуры. В типологии современного танца и музыки оригинальное направление связано с одной из форм этнокультурного наследия — культурой *баксы* ‘шамана’, медитативные практики которого содержат активные пластические и музыкальные компоненты. Именно они привлекаются в современное искусство как возможность передачи танцевального и музыкального культурного «кода» казахов и новых выразительных музыкальных средств в поисках национальной идентичности в искусстве. Традиционное танцевальное искусство казахского народа впитало танцевальные движения мистерий *баксы*.

В рамках исследования проанализирован широкий круг современных музыкальных, хореографических и музыкально-театрализованных произведений, зафиксированных в профессиональной сценической и концертной практике Казахстана. К числу ключевых объектов относятся балетные постановки «Тұран дала — Қыран дала» (2016), «Әлем» (2014) и «Қозы Көрпеш — Баян Сұлу» (2021). В данных постановках исследуются хореографические решения, сценические образы и музыкальная

[1] Добжанская О. Шаманская музыка самодийских народов в синкретическом единстве обряда : автореф. дисс. … докт. иск. М., 2008.

драматургия, связанные с актуализацией шаманских мотивов и образа баксы. Значительную часть источниковой базы составляют концертные и театрализованные программы этно-фольклорного ансамбля «Turan», включая проекты «Tamyr», композиции «Өрлеу» этно-фольклорного ансамбля «HasSak», этно-фольклорных ансамблей и групп «Aldaspan», «Roksonaki», «The Magic of Nomads», «Joshy Qazaq National Group», а также Государственного молодежно-эстрадного ансамбля «Gulder» в видеозаписях концертных выступлений на официальных сайтах и страницах ансамблей в социальных сетях, а также в материалах фестивалей, и посещения авторами мероприятий. Таким образом, источниковая база исследования охватывает профессиональные балетные спектакли, концертные программы, авторские музыкальные произведения и сценические проекты, зафиксированные в живом исполнении, видеоматериалах и на официальных электронных ресурсах.

Танец и образ баксы

Шаман как медиатор между мирами живых и духов занимает особое место в духовной культуре многих народов мира, в том числе казахов (Турсунов, 1999; Всеволодская-Голушкевич, 1996; Джанибеков, 1990; Басилов, 1992; Валиханов, 2007; Досмурзинов, 2023). Они выполняли разные функции, которые охватывали медицинскую, духовную и социальную сферы. Шаманы были музыкантами, танцорами и сказителями-импровизаторами, но главная их роль заключалась в лечении и пророчествах. На протяжении веков *баксы* воспринимались как люди, обладающие особым даром.

Медитативные практики казахских *баксы* включают музыкальное, поэтическое и танцевальное исполнительство. При лечении больного *баксы* заклинали духов музыкой и песенно-поэтическим словом (*сарын*, *сарнау*, *жыр*).

Один из значимых атрибутов баксы у казахов — струнный смычковый инструмент *кобыз*, глубокий тембр которого напоминает человеческий голос. *Кобыз* — это древний струнный инструмент, вырезанный из цельного куска дерева. Его корпус напоминает большой ковш с длинной ручкой, а две струны из конского волоса издают мелодичные, чуть хриплые звуки. Создание инструмента приписывается мифическому Коркыту — вечному вдохновителю казахских музыкантов, чье имя стало синонимом мудрости и музыкального мастерства. Коркыт (Коркут)[1] пытался музыкой остановить саму Смерть, играя на кобызе *кюи* ‘настроение, переживание, состояние’ — традиционную казахскую инструментальную пьесу. Идея всепокоряющей силы искусства, воплощенная в легенде о Коркыте, отражает глубоко укорененные в казахской культуре представления о жизни и смерти: музыка способна преодолеть время и сохранить память о человеке на протяжении веков, музыка — это священный дар, способный изменять мир, исцелять души и обеспечивать бессмертие творца (Сарыбаев, 1978; Кондыбай, 2005; Турсунов, 2001; Утегалиева, 2013; и др.[2]).

Сакральный кобыз, согласно поверьям казахов, обладал сверхъестественными способностями и мог даже заменить самого шамана. Звук в шаманских практиках и непосредственно сам кобыз часто воспринимались как живые существа, способные воздействовать на мир. Например, сохранилось поверье о том, как шаман вместо себя поставил участвовать кобыз, но участники состязания привязали инструмент с лошадью к дереву: «Люди, собравшиеся у финиша, с ужасом наблюдали, как в облаке пыли к ним мчится победоносный кобыз, таща за собой на аркане вырванное с корнем дерево» (Карабанов, 1979: 60). Кобыз скачет на лошади, слетает со стены юрты, несется по воздуху и побуждает избранных заниматься шаманством.

В казахской музыкальной культуре этот феномен исследователи определяют, как анимизацию — одушевление музыкального инструмента. Анимизация явилась причиной развития некоторых приемов звукоизобразительности, которая столь характерна для исполнительства на кобызе. В таком случае кобызисты выступали хранителями народной души, а кобыз — как живой инструмент, наделенный духом (Кучеренко, 2018: 12).

[1] Коркыт (в других тюркских традициях — Коркут, Горкут) — поэт-песенник и композитор IX в., мифический первопредок, родоначальник кобызовой музыки. Вариант написания «Коркыт» соответствует казахской фонетике, а «Коркут» закреплен в общетюркских письменных памятниках. В казахстанской культуре, согласно С. Ш. Аязбековой (Аязбекова, 2011), он почитается как первый шаман (баксы) и создатель кобыза.
[2] Medeubek M. S., Utegaliyeva S. I., Bassykara Ye., Medeubek S. M., Tokzhanov T. Kyl-kobyz and related musical instruments of Central Asian Turkic peoples // Opcion. 2020. Vol. 36. P. 491–504.

На кобызе можно играть не только различными частями смычка, но и даже пальцами. Музыкант может использовать ногти, подушечки пальцев или боковые их стороны для создания разнообразных звуков, включая звукоподражательные[1]. Ритмическая и тембровая вариативность кобыза позволяла шаману воспроизводить широкий спектр звуковых образов — от звериных криков и птичьих голосов до шума копыт, ветра или человеческого плача. Особую роль в шаманской практике играли монотонные удары и стуки, ассоциируемые с барабанным ритмом или шумом дождя: именно они усиливали воздействие звукового потока и создавали изменённое состояние восприятия.

Длительная игра на кобызе в сочетании с голосовыми заклинаниями и круговыми движениями формировала у участников ритуала эффект лёгкого транса, который сами баксы трактовали как отклик духов на звучание инструмента. Шаманское действо включало три основные стадии — подготовку, собственно камлание и завершение, — структурированные через изменение темпа от медленного к быстрому и обратно. Такая трёхчастная форма, включающая обращение к духам, «диалог» шамана с ними и ритуальное завершение, являлась фундаментальной моделью шаманского обряда[2].

В начале ритуала баксы, играя на кобызе, погружал участников в сакральное состояние, постепенно усиливая воздействие ударными инструментами и звуковыми эффектами костюма. Ритм воспринимался как средство магического влияния: варьируя темп и акустику, шаман, по верованиям, мог воздействовать на природные явления и внутренние процессы человека. Монотонные звуковые паттерны вызывали трансовое состояние, в котором баксы выполнял ритуальные действия и демонстрировал экстремальные приёмы, подчеркивающие силу его связи с духами.

Таким образом, с помощью различных звуковых манифестаций баксы коммуницировал с миром духов: звук принадлежал к живой материи («голос» имеет все живое), был частью универсального языка, на котором баксы общался с миром духов, важной составляющей лечения больных, физическим воплощением идеи Мирового древа — важнейшего символа тюркского фольклора, олицетворяющего собой связь между Верхним, Средним и Нижним мирами[3]. О целительных свойствах музыки пишут другие исследователи (Gingras, Pohler, Fitch, 2014).

Танцевальная природа шаманских камланий строится на экстазе повторяющихся движений в убыстряющемся ритме. Пляска баксы считалась успешной, если у человека исчезало нервное возбуждение (Сарынова, 1976: 28). Примечательно, что характер движений баксы можно уловить на некоторых наскальных рисунках. Так, археологом А. П. Окладниковым была отмечена особая пластика танцующих шаманов. Описывая наскальные изображения, ученый указывает, что у одних фигур «ноги… согнуты ромбом, руки, согнутые в локтях, воздеты кверху в молитвенном жесте обращения к высшей силе…» (Окладников, 1974: 57). Другие же «антропоморфные фигуры не только повторяют друг друга по манере изображения тела, по позе — ритуального (шаманского) танца, но и столь же несомненно имеют одинаковую семантическую основу: они передают одинаковые идеи, связанные с шаманским ритуалом и мифологией» (там же). При этом танцующих в позах, характер для танцев Востока, где главная роль принадлежит рукам танцора».

Анализ хореографической структуры шаманского танца, детальное изучение движений, жестов, поз и общей композиции танца шамана указывает на то, что психологический эффект поддерживался неоднократно повторяющимися круговыми, раскачивающимися и вздрагивающими движениями. Ч. Валиханов о ритуальных танцах баксы писал, что «их чарующая сила заключается собственно в кружении… обойти человека, значит принять на себя все его чары, которые тяготеют над ним, … поэтому самое нежное слово… и самое верное выражение любви заключается в словах “айналайын”» (Валиханов, 1958).

Следуя ритму, баксы как бы настраивался на общую вибрацию мироздания, что способствовало достижению измененного состояния сознания. Этот феномен является культурной универсалией

[1] Мурат А. Музыка казахстанского ансамбля «Хассак» звучит в турецком сериале Uyanus Buyuk Selcuklu [Электронный ресурс] // МИА «Казинформ». 2020, 20 декабря. URL: https://www.inform.kz/ru/muzyka-kazahstanskogo-ansamblya-’HasSak’-zvuchit-v-tureckom-seriale-uyanus-buyuk-selcuklu_a3701190 (дата обращения: 20.12.2024).
[2] Там же.
[3] Мырсеитова А. Туран: Раньше это была экзотика, а сейчас мы на стадии понимания [Электронный ресурс] // Esquire Kazakhstan. 2020, 30 июня. URL: https://esquire.kz/turan-na-stadii-ponimaniya/ (дата обращения: 13.12.2024).

евразийских шаманских практик. Интересная параллель обнаруживается при сопоставительном сравнении медитативности шаманского танца и испанского фламенко, в котором также отмечается состояние транса. Шаманские традиции алтайцев, бурят и якутов, подобно фламенко, основаны на постепенном нарастании эмоционального напряжения и физической активности[1]. Как отмечает С. Ф. Карабанова, камлание шамана начинается с медленных, почти гипнотических движений, которые постепенно ускоряются, достигая кульминации в бурной пляске. Такая динамика, характерная для обоих танцевальных стилей, свидетельствует об их глубокой связи с архетипическими структурами человеческой психики (Карабанова, 1979).

Исследователи проводят аналогию между трансом шаманского камлания и повышенной экспрессией исполнителя фламенко. Измененное состояние во время исполнения фламенко — «дуэнде» — кульминационный момент танца, особое чувства отрешения от земного и присутствия в другом мире. Кульминационный экстаз связан, по мнению С. Ф. Карабановой, с мистическим опытом и экспоненциальным нарастанием эмоционального напряжения (Карабанова, 1979). Сопоставление шаманского транса с феноменом «дуэнде» позволяет выявить глубокие параллели между культурой фламенко и музыкально-танцевальной практикой баксы. Оба искусства используют экстатическое состояние как медиум для связи с инобытием, что подтверждается исследованиями генезиса кобызовой традиции[2].

Схожие черты наблюдаются и в тувинской ритуальной традиции. Камлание тувинского шамана включает в себя пластическую импровизацию, в которой шаман имитирует повадки животных и птиц, двигается по кругу, подпрыгивает, кружится, входит в пляску. Важным является и то, что шаманская пластика в Туве, как и в других регионах Центральной Азии, выступает частью синкретического комплекса: она неразделима с вокалом, музыкальным ритмом и драматическим действием. Этот комплекс, зафиксированный ещё в дореволюционных этнографических описаниях (Кенин-Лопсан, 1987: 21), продолжает жить и в современной сценической хореографии.

Кроме того, Ч. Х. Санчай и М. С. Кухта в своих исследованиях рассматривают тувинский танец как язык тела, насыщенный семантическими и мифологическими смыслами, связанными с этнокультурной идентичностью тувинского народа. Исследование основано на структурно-семантическом подходе, где танец анализируется как система жестов и движений, выполняющих ритуальные, сакральные и символические функции. Тувинские танцы, несмотря на отсутствие ярко выраженной бытовой танцевальной традиции, являются носителями глубинной мифологической и религиозной памяти народа, в которой проявляются архаические элементы мировоззрения (Санчай, Кухта 2019).

Параллели с шаманскими камланиями прослеживаются и в древней уйгурской танцевальной традиции, где ключевые движения также выполняли функцию сакрального посредничества между человеком и силами мироздания. Как отмечают Х. М. Махмутова и Г. Ю. Саитова, ранние уйгурские танцы формировались в тенгрианской среде и были направлены на обращение к Небу и духам природы (Махмутова, Саитова, 2023). Так, архаичный танец Сама уссули основан на повторяющихся жестах с воздетыми вверх руками — пластике, сходной с движениями шаманов, вызывающих небесных духов и устанавливающих связь с космической энергией. Подобно шаманским пляскам, многие элементы традиционного уйгурского танца строятся на импровизационной пластике, круговых движениях и усиливающейся динамике, что отражает идею транса и ритуального обновления. Таким образом, уйгурский танец занимает органичное место в евразийском культурном ареале, где шаманская пластика, обращение к тотемам и сакрализация движения формируют общий корпус символов, переосмысляемых в современной сценической культуре.

Шаманский танец в традиции тунгусо-маньчжурских народов северо-восточного Китая (к примеру маньчжуры, монголы, орочоны, сибо и т. д.) представляет собой сакральную форму камлания, где движения служат средством взаимодействия с духами и природными силами. Как отмечают исследователи, шаман использует широкий диапазон жестов — вращения, приседания, дрожащие движения и имитацию тотемных животных, — создавая образ перехода между мирами. Взаимо-

[1] Харламова Т. В. Стилевые тенденции в инструментальном творчестве современных композиторов Казахстана : дисс. … канд. иск. Уфа, 2019.
[2] Таттибайкызы А. Казахский кобыз в его становлении и эволюции в процессе развития национальной музыкальной культуры : автореф. дисс. … канд. иск. СПб., 2022.

действие шамана и его помощника, исполняющих парные пластические сцены, формирует ритуальную динамику танца, восходящую к древним культовым сюжетам, включая танец бога-орла, бога-тигра и бога-голубя. Последующая трансформация шаманской пляски породила стили баламан и янге, а затем — сценическую форму эржэньчжуань, сохранившую ключевые элементы архаической шаманской пластики (Ян, Борисова, 2023).

Проведённый анализ показал, что образ баксы в танцевальной культуре народов Евразии является универсальным медиатором между мирами и носитель сакрального знания, а шаманский танец выступает синкретической формой, объединяющей движение, звук, ритм и транс как способ духовной коммуникации. Обобщение отечественных и зарубежных исследований позволило выявить устойчивые мировоззренческие и духовные установки шаманского танца — экстатичность, цикличность движения, анимизацию звука и тела, символику космогонической связи человека с мирозданием. Решение данной исследовательской задачи создало теоретическую основу для последующего авторского анализа трансформации образа баксы и шаманской пластики в контексте современного хореографического искусства.

Сценическая трансформация шаманских образов в музыкально-хореографическом искусстве

Влияние культуры баксы на современную музыкально-хореографическую культуру казахов выражается в стремлении использовать музыкантами и танцорами традиционные музыкальные темы и образы в новых интерпретациях. Возрождение архаических символов в современном искусстве многих народов постсоветского пространства является частью более широкой тенденции этнокультурного неотрадиционализма, отражающей стремление общества к возвращению сакральных смыслов (Ламажаа, Санчай, Монгуш, 2023: 364). Современные композиторы и хореографы, чьё этнокультурное наследие связано с шаманской традицией, активно вводят её элементы в современную концертную практику.

К примеру, в одноактном этно-балете «Тұран дала — Қыран дала», который был впервые представлен 28 ноября 2016 г. на сцене Государственного академического театра оперы и балета имени Абая, наиболее ярко проявился синтез архаичного ритуала и современной хореографии. Балет был поставлен для студентов Алматинского хореографического училища имени А. В. Селезнёва (хореограф-постановщик — Анвара Садыкова, музыка — Мукея, Даулеткерея Шыгайулы, Нургисы Тлендиева, Актоты Раимкуловой в исполнении, обработке и авторстве фольклорно-этнографического ансамбля «Туран»). В данном этно-балете[1] представлены шаманские образы и ритуалы, которые играли ключевую роль, в отражении древних традиции казахского народа *(фото 1)*.

Спектакль начинается ритуального действия шамана-баксы, который исполняет танец под аккомпанемент ударного инструмента. Под его ритмы оживают фигуры, напоминающие изображения из наскальной живописи урочища «Тамғалы», что погружает зрителя в атмосферу архаического времени. Хореограф Анвара Садыкова использовала элементы традиционного казахского танца и движения, вдохновленные древними шаманскими обрядами, создавая уникальный пластический язык постановки.

В казахской традиции в шаманских действах камлания танцы и движения несли определенную семантику, выполнялись экспрессивно, с обязательной выразительной мимикой и добавлением сложных движений. Танец баксы представляет собой имитационную (подражание пластике животных и птиц) и экстатическую пляску. Шаманы умели перевоплощаться в несколько образов сразу, часто очень разных и непохожих друг на друга. Поэтому любой баксы обязательно должен был обладать артистизмом, чувством импровизации и творческой фантазией. Исследователи казахской хореографии подчеркивают важнейшую роль баксы в художественной и танцевальной культуре казахского народа, утверждая, что именно образ баксы стал связующим звеном между древними первобытными магическими телодвижениями и уникальными танцами одиночных танцоров

[1] Юбилейный концерт к 90-летию Алматинского хореографического училища имени А. Селезнёва | VI «ӨРЛЕУ» [Электронный ресурс] // YouTube. 2025, 18 декабря. URL: https://www.youtube.com/watch?v=50J-0OXtfDTg (дата обращения: 18.12.2025).

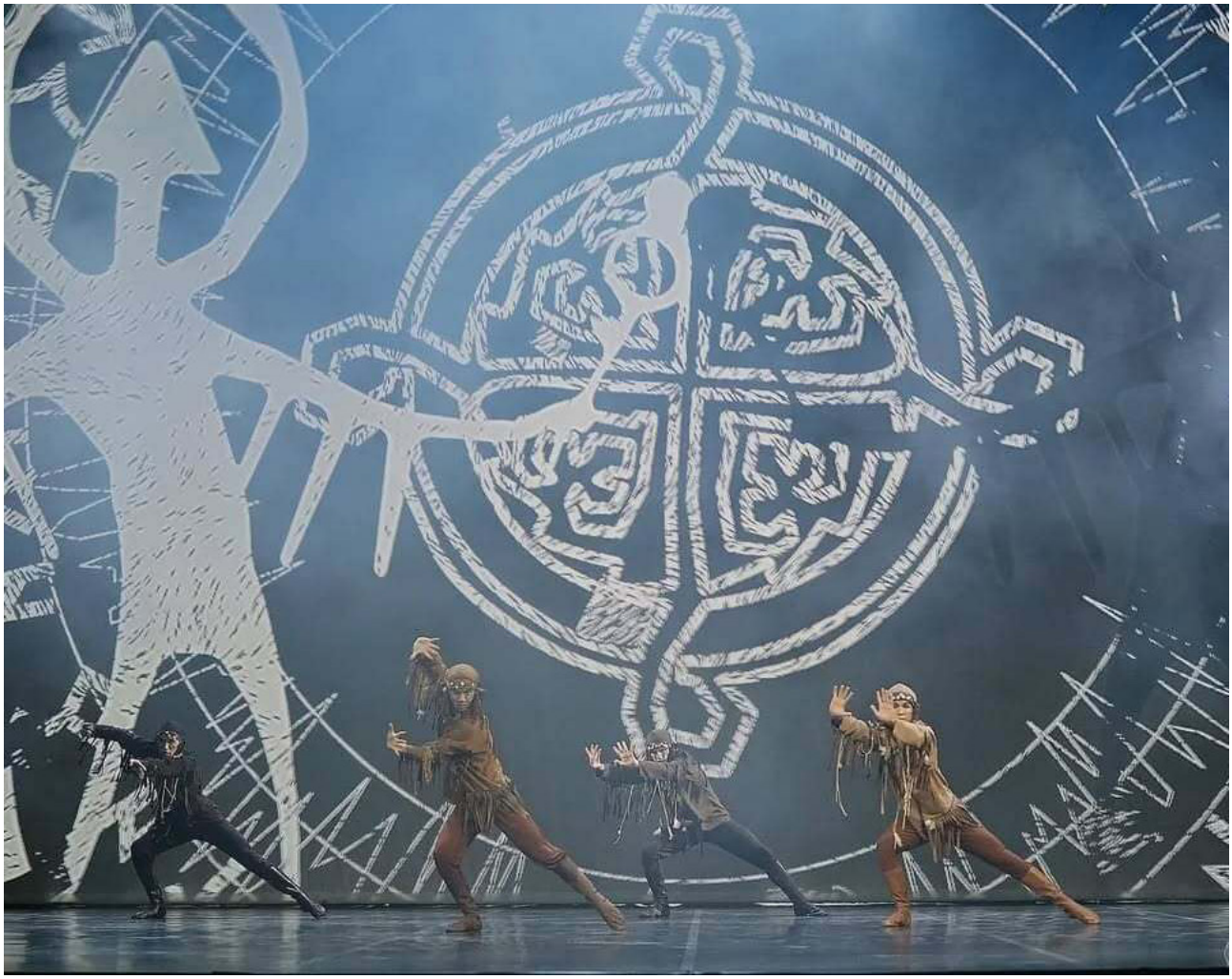

Фото 1. Фрагмент из балета «Тұран дала — Қыран дала» с шаманскими мотивами. Фото Е. Петровой, 2017 г.
Photo 1. Fragment from the ballet "Turan dala — Qiran dala" with shamanic motifs. Photo by E. Petrova, 2017.

(Bakirova et al., 2023; Barthes, 1982). Эти танцоры, искусно интерпретируя элементы пляски баксы — ритуальные позы, пластическую экспрессию, импровизационный характер движений и характерную телесную динамику, — придавали им художественно-сценическое значение, адаптируя традиционные формы к новым условиям исполнения. Так, Елубай Умурзаков, Зарубай Кульсеитов, Шара Жиенкулова, Шашубай Кошкарбаев, Берикбола Копенова и другие мастера народного танца первоначально исполняли подобные танцы на народных праздниках, ярмарках и свадебных торжествах, однако с развитием профессионального театрального искусства данные пластические формы были перенесены на сцену (История казахского ..., 2007: 250–261). В результате, в танцевальном искусстве казахов доминируют энергичные движения всего тела, высокая эмоциональность, активное использование корпуса и рук, а также множество стремительных вращений и движений по кругу.

В одном из ярких сочинений современного казахстанского композитора А. Раимкуловой — музыкальной пьесе «Душа шамана» (1999) автор успешно сочетает традиционные и современные музыкальные выразительные средства (Раимкулова, Джуманиязова, 2018). Пьеса, написанная для виолончели и кыл-кобыза, раскрывается через синтез двух начал — «тёплой» по тембру, «живой» по звучанию виолончели и машины — компьютера, при этом «компьютер исполняет роль непосредственного участника ритуала камлания и фона, создающего атмосферу шаманского действа», тогда как виолончель, используя приёмы, максимально приближающие её звучание к кыл-кобызу,

Фото 2. Этно-фольклорный ансамбль «Turan». Фото из архива ансамбля, 2025 г.
Photo 2. Ethno-folklore ensemble "Turan". Photo from the archive of the ensemble, 2025.

воспринимается как «звуки души шамана», отражающие его движение от земного мира к миру духов и последующее возвращение[1].

Этно-фольклорный ансамбль «Turan»[2] *(фото 2)*, созданный в 2008 г., также стремится «вдохнуть» новую жизнь в звучание таких инструментов, как *сыбызгы, шан-кобыз, сазсырнай, шертер, жетиген, домбыра, кобыз*, возродить древнее искусство горлового пения. Специально для ансамбля был изготовлен ударный инструмент *күн басты асатаяқ* («солнцеголовый» ударный инструмент) мастером Т. Сарсенбаевым. Как указано на сайте ансамбля, использование *күн басты асатаяқ* позволяет создать эффект усиления звуков во время шаманских ритуалов, что расширяет выразительные тембровые возможности ансамбля[3].

Музыканты ансамбля — Максат Медеубек, Серик Нурмолдаев, Бауыржан Бекмуханбетов, Ержигит Алиев и Жанту Дадабаев — мультиинструменталисты, владеющие более 30 казахскими традиционными инструментами. В творческом багаже — более 3000 концертов по всему миру, включая залы Московской консерватории, Мариинского театра (Санкт-Петербург, Россия), Carnegie hall, Kennedy center и Zellerbach hall (Нью-Йорк, Вашингтон, Лос-Анджелес; США), Konzerthaus (Берлин, Германия), Salle Cartot (Париж, Франция) и т. д.[4]

Репертуар ансамбля разнообразен и включает как аутентичные казахские кюи (например, «Кероглы» Даулеткерея, «Аншы», «Кара жорга» («Черный иноходец»), «Каскыр» («Волк»), так и оригинальные композиции («Қазақ елі» («Казахский народ»), «Ер Туран» и др.). Коллектив создает интерпретации традиционных произведений, основываясь на принципах импровизации и коллективного твор-

[1] Бодарева Г. В. Образно-конструктивные функции компьютера и виолончели в пьесе А. Раимкуловой «Душа шамана» [Электронный ресурс] // Ratio et Natura. 2021, № 2(4). URL: https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2022-01/obrazno-konstruktivnye-funkcii-kompyutera-i-violoncheli-v-pese-a.-raimkulovoy-dusha-shamana.pdf (дата обращения: 22.12.2025).
[2] Этно-фольклорный ансамбль «TURAN». Главная страница [Электронный ресурс] // TURAN этно-фольклорлық ансамблі. URL: https://turanofficial.com/ (дата обращения: 13.12.2024).
[3] «Солнцеголовый» ударный инструмент [Электронный ресурс] // Turan Official. 2025, 22 декабря. URL: https://turanofficial.com/instruments/noisemaker-percussion-instruments (дата обращения: 22.12.2025).
[4] Этно-фольклорный ансамбль «TURAN». Главная страница [Электронный ресурс] // TURAN этно-фольклорлық ансамблі. URL: https://turanofficial.com/ (дата обращения: 13.12.2024).

чества. Музыка рождается в процессе совместной игры, а затем отшлифовывается путем многократных повторений.

> «У нас это происходит коллективно. Мы берем вдохновение друг от друга. Каждый из нас идейный. И каждая идея вдохновляет. Появляется структура композиции, потом все это перекладывается на музыкальные инструменты, а иногда что-то меняется по ходу дела», — отмечают музыканты[1].

Высказывания участников группы о коллективном характере творчества и взаимном вдохновении соотносятся с научными представлениями о традиционной танцевально-музыкальной практике, где творческий процесс носит импровизационный, спонтанный и коллективный характер и рождается в ходе совместного действия, а не индивидуального авторства (Saitova и др., 2023).

Отсутствие нотной записи придает исполнению особую спонтанность и вариативность, что сближает с традиционными музыкальными практиками. Музыканты демонстрируют широкий спектр звуковых возможностей традиционного казахского инструмента кобыза, имитируя различные природные явления (ветер, воду) и звуки животного мира (волк, лебедь), а также бытовые шумы (плач ребенка, шаги по снегу). Отметим, что кобызовые кюи исполнялись преимущественно в практике баксы, не такого широкого распространения в Казахстане, как, например, домбровые кюи. Более того, связь с ритуальными традициями повлияла на запрет исполнения кобызовых кюев в первой половине XX в. (Shuter-Dyson, Gabriel, 2011: 30). В этом контексте становится очевидной ориентация музыкантов на возрождение архаичных слоев казахской культуры, с акцентом на восстановление аутентичных форм и жанров.

Выступления ансамбля представляют собой синтез музыкального искусства, театра и визуальных искусств. Использование исторически стилизованных костюмов (образы шаманов-баксы, охотников, батыров,) в сочетании с элементами драматизации создает целостный художественный образ и погружает зрителя в атмосферу прошедшего времени. Сценические движения музыкантов являются неотъемлемой частью их взаимодействия с аудиторией. Пластичные жесты, выразительная мимика и свободное перемещение по сцене создают эффект живого общения с публикой.

Одним из наиболее интересных аспектов их творчества является возрождение и интерпретация музыкальных традиций баксы — древнего шаманского музыкального искусства, характерного для многих народов Центральной Азии. Участники группы утверждают, что их музыка, как и деятельность баксы, обладает целительной силой и может воздействовать на человека не только на уровне эмоций, но также на уровнях физиологическом и духовном:

> «Да, мы создали такой проект как этнотерапия, что как раз связано с духовностью. Это лечение через этническую музыку, лечение от стрессов. Здесь мы доказываем людям, что это работает благодаря звукам древних фольклорных инструментов, так как они шаманские и имеют священную силу», — отмечают музыканты[2].

Один из ярких номеров «Turan» — номер «Баксы» *(фото 3)*. Эта театрализованная постановка с характерным образом шамана, взывающего к духам. Музыканты ансамбля не ограничиваются лишь музыкой, но также включают в свои выступления танец, который является неотъемлемой частью шаманских ритуалов. Танцы, как и музыка, становятся важным способом взаимодействия с окружающим миром и создания энергетического потока, способствующего исцелению.

Музыкально-хореографический номер «Баксы» (постановка А. Садыковой) начинается с мощных ритмов бубнов, создающих ощущение ритуальной значимости и эмоциональной напряжённости происходящего. Быстрые удары ударных инструментов символизируют призыв духов предков, погружая зрителей в сакральную атмосферу. Домбра и кобыз начинают диалог, олицетворяя голоса шаманов, повествующих о мифах степей, а их двухголосная фактура усиливает ощущение бесконечного движения и развития. Звучит горловое пение в низком регистре, который у тувинцев называется *каргыраа*.

[1] Туран: раньше это была экзотика, а сейчас мы на стадии понимания [Электронный ресурс] // Esquire.kz. 2020, 17 декабря. URL: https://esquire.kz/turan-na-stadii-ponimaniya (дата обращения: 17.12.2025).
[2] Esquire Kazakhstan. Туран: Раньше это была экзотика, а сейчас мы на стадии понимания [Электронный ресурс] // Esquire.kz. 2020. URL: https://esquire.kz/turan-na-stadii-ponimaniya (дата обращения: 07.12.2025).

Фото 3. Образ баксы (шамана) в концертной программе «Tamyr» этно-фольклорного ансамбля «Turan». Фото Ж. Халел, 2025 г.
Photo 3. The image of baksa (shaman) in the concert program "Tamyr" of the ethno-folklore ensemble "Turan". Photo by J. Halel, 2025.

Музыканты выполняют ритуальные движения с асатаяком[1], символизируя связь с миром духов и переход между реальностями. Артисты совершают круговые прыжки, делая резкие движения руками с синхронными ударами по бубнам. Эти движения усиливают восприятие обряда как динамичного процесса, в котором пространство и время растворяются. Композицию завершают звуки домбры[2] и жетыгена[3], создающие меланхоличную атмосферу, взаимодействие различных инструментов формирует многослойную звуковую картину, в которой каждый элемент способствует общей гармонии, подчеркивая кульминацию и внутреннюю трансформацию зрителей[4].

Интересным примером интерпретации и переноса архаического элемента в современное казахстанское искусство является одноактный балет «Әлем»[5] («Вселенная»), поставленный труппой театра «Астана Балет» в 2014 г. (хореограф-постановщик — Н. Дмитриевский). Сюжет повествует о душе, которая с начала своего рождения проходит через различные испытания[6]. В балете представлена мифологическая концепция сотворения мира, где богиня Ақ Ене выступает в роли творца. Процесс творения представлен как выбор одной из множества душ, символизируемых листьями Мирового

[1] Асатаяк — древний музыкальный инструмент казахского народа. Относится к категории шумовых ударных инструментов. Состоит из дерева, металлических подвесок и погремушек. Исторически использовался баксы для ритуалов.
[2] Домбра — древний казахский двухструнный щипковый инструмент. Виды: западная, восточная, южная; формы: лопатообразная, грушевидная и др. Предназначена для исполнения кюев и аккомпанемента. Традиционно изготавливается из цельного дерева, струны ранее делались из кишок коз, сейчас — из лески. Имеет около 19 ладов.
[3] Жетыген — казахский многострунный щипковый инструмент. Древний тип имел 7 струн из конского волоса. Был забыт и возродился во второй половине XX в. Современный жетыген усовершенствован: имеет до 23 струн из нейлона.
[4] Этно-фольклорный ансамбль «Turan». Концерт «TAMYR» [Электронный ресурс] // YouTube. 2025, 18 декабря. URL: https://www.youtube.com/watch?v=VdUdGndJ1qA (дата обращения: 18.12.2025).
[5] Балет «Алем». История рождения души [Электронный ресурс] // YouTube. 2025, 18 декабря. URL: https://www.youtube.com/watch?v=IHx1p1NnkZY (дата обращения: 18.12.2025).
[6] Алем. Хореографическое искусство Казахстана: энциклопедия [Электронный ресурс] // Казахская национальная академия хореографии. 2025. URL: https://kazchoreography.kz/page/alem (дата обращения: 20.12.2025).

древа. Шаманки, путешествуя между Верхним, Средним и Нижним мирами, играют роль хранителей жизненной энергии. Они предупреждают о трудностях земного существования, акцентируя внимание на таких понятиях, как страх, одиночество и голод. Путь Души к воплощению представлен как преодоление ряда испытаний, символизирующих конфликт между порядком и хаосом.

Музыку для балета создал мультиинструменталист Булат Гафаров, который использовал в произведении богатую палитру этнических инструментов. Каждый музыкальный номер в балете звучит уникально и самобытно, благодаря сочетанию традиционных звуков шаманского бубна, флейт, варганов и казахской домбры с современными классическими инструментами (струнный оркестр, фортепиано) и синтезатором.

Шаманская практика становится центральным элементом и балетного спектакля. Хореограф Н. Дмитриевский, используя богатый арсенал выразительных средств, создает на сцене образы шаманок, обладающих сверхъестественными силами. Ритмическая основа произведения — шаманский бубен, символизирующий путешествие между тремя мирами, задает мистический тон и приглашает зрителя в сакральное пространство. Хореографический язык балета основан на сочетании традиционных казахских танцевальных элементов с инновационными хореографическими находками, вдохновленными опытом работы хореографа в Нидерландском театре танца. Шаманские ритуалы, такие, как камлание, становятся неотъемлемой частью хореографической лексики, придавая балету глубину и выразительность. Молодые исполнительницы, исполняющие роли шаманок, виртуозно сочетают традиционные техники с современными танцевальными элементами, создавая на сцене завораживающее зрелище.

Не менее интересной получилась интерпретация в балете «Козы Корпеш — Баян Сулу» *(фото 4)*. Музыка Актоты Раимкуловой не только сопровождает сценическое действие, но и становится важным инструментом для погружения зрителя в мир мифов и духов. В постановке театра «Астана Балет»[1] (2021), где хореографом выступил Георгий Ковтун, значительно трансформирован сюжет казахской лиро-эпической поэмы. Одним из важнейших нововведений является введение фигуры Белого Старца — шамана, который может воздействовать на судьбы людей. Этого персонажа исполняли А. Бекбаев и Н. Берикказыулы. Его волей приходят в мир три ключевых героя — влюбленные Козы и Баян, которым предначертано быть вместе, а также Кодар, безответно влюбленный в девушку. Танец Белого Старца отсылает к фигурам наскальных рисунков и движениям древних шаманов, что еще больше усиливает мифологический контекст постановки[2].

Подчеркивая мифологическую основу сюжета, Ковтун использует элементы, присущие шаманским ритуалам и древним символам. На сцене появляются изображения наскальных рисунков, монументальные фигуры балбалов и элементы тюркской мифологии: волки, лошади, беркуты. Танец Белого Старца, а также танцы Кодара и его матери-волчицы, построены на основе синтеза современного танца, акробатики и элементов, ассоциирующихся с волчьей стаей и шаманами. Особое внимание стоит уделить роли ансамбля «Turan», который исполнил музыку на традиционных казахских инструментах, придавая постановке аутентичность и глубокую культурную основу.

Ярким примером осмысления и трансфера архаического культурного кода в современное казахстанское искусство является творчество этно-фолк группы «HasSak», основанной в 2013 г.[3] В её составе пять мультиинструменталистов во главе с основателем коллектива Ержаном Жаменкеевым. В настоящее время солистами группы являются Молдир Ербол, Дархан Алимгазы, Арай Канатбек, Аскат Сагатов и Ержан Жаменкеев. Название группы «HasSak» происходит от двух слов: *Has* ‘настоящий’ и *Sak* — отсылка к древним сакам, ранее населявшим территорию Казахстана. Таким образом, название можно интерпретировать как «настоящие скифы» или «настоящие саки». Это название было выбрано музыкантами с целью возрождения духа предков, а также этнического стиля и мотивов,

[1] Қозы Көрпеш — Баян Сұлу (Поэма о любви) [Электронный ресурс] // Официальный сайт театра Astana Ballet. 2021. URL: https://astanaballet.com/ru/stagings/kozy-korpesh-bayan-sulu (дата обращения: 20.12.2025).
[2] Документальный фильм «Козы Корпеш — Баян Сулу» [Электронный ресурс] // YouTube. 2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=i7uT0t5FraY (дата обращения: 20.12.2025).
[3] HasSak ethno-folk group [Электронный ресурс] // Instagram. 2025. URL: https://www.instagram.com/hassak_official/ (дата обращения: 20.12.2025). (Социальная сеть принадлежит компании Meta (США), признанная в РФ экстремистской. — *ред.*).

Фото 4. Фрагмент балета «Козы Корпеш — Баян Сулу». Фото А. Нурекина, 2021 г.
Photo 4. Fragment of the ballet "Kozy Korpesh — Bayan Sulu". Photo by A. N. Nurekin, 2021.

характерных для саков, тюрков и казахского народа. В творчестве этнофолк группы заметно стремление сохранить и развить древние практики баксы, связанные с музыкой и лечением.

Музыка «HasSak» исполнялась в разных уголках мира, и особенно тепло была принята зрителями в Южной Корее, Саудовской Аравии, Китае, Азербайджане и России. Коллектив стал победителем многочисленных музыкальных фестивалей и конкурсов. Одним из значимых достижений группы стало получение Гран-при на фестивале в Эр-Рияде (Саудовская Аравия) в 2019 г. в номинации «Этно музыка» среди участников более 100 стран[1].

В музыкальном арсенале «HasSak» — уникальные и редкие инструменты, которые редко используются в современном музыкальном исполнении. Одним из таких инструментов является *доныз кауак* — кабанья тыква, использовавшаяся в прошлом для отгона хищников от домашних животных в окрестностях Сырдарьи. Все композиции группы не имеют записанных нотных партитур и существуют исключительно в памяти музыкантов. Музыкальные сочинения музыканты сочиняют совместно и играют далее по памяти. Это добавляет произведениям особое живое звучание и воссоздает аутентичность архаических практик шаманской медитации.

Одним из ярких примеров такого подхода является композиция «Орлеу», которая обладает медитативным характером[2]. Композиция, по словам музыкантов, предназначена для расслабления и достижения состояния гармонии с собой. Другим примером является композиция «Ансау», которая помогает создать положительное настроение и облегчить эмоциональное напряжение. Элементы, используемые в ней, такие, как, например, остинатные мотивы[3], действуют на эмоциональное состояние человека, поддерживая его в поисках внутренней гармонии и катарсически снимая перенапряжение. Такой подход перекликается с шаманскими методами, когда музыка использовалась для создания определённых эмоций и изменения психоэмоционального состояния индивида.

Таким образом, группа «HasSak» не только возрождает традиции казахской и тюркской культуры, но и продолжает шаманские практики исцеления через музыку. Возрождение старинных музыкальных традиций в исполнении «HasSak» помогает сохранить уникальное наследие и делиться им с широкой аудиторией по всему миру[4].

Резюмируя, можно сказать, что в современных музыкально-хореографических постановках Казахстана шаманские элементы (ритуальная пластика, трансовая метроритмика, знаковые жесты, образ баксы, тембры традиционных инструментов) не просто «цитируются», а переосмысливаются как художественный механизм сценического воплощения архаической космологии и сакральных смыслов в актуальном театральном языке. В балетных постановках, в композициях этно-фольклорных ансамблей и групп шаманская образность реализуется через синтез пластики, музыкальной драматургии и сценической визуальности — от ритуального пролога и «оживления» петроглифических образов до введения фигуры шамана как действующего персонажа и актуализации «целительской» функции музыки.

Шаманские мотивы и этнокультурная идентичность

Вплетение архаических традиций шаманизма в творческий процесс современных хореографов и музыкантов Казахстана позволяет создавать произведения, в которых актуализируются архетипические паттерны культуры и глубинные пласты коллективной памяти. Эта практика приобре-

[1] МИА «Казинформ». Казахстанский ансамбль «Хассак» стал лучшим на музыкальном фестивале World Folk Vision [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Казинформ». 2019, 10 марта. URL: https://www.inform.kz/ru/kazahstanskiy-ansambl-hassak-stal-luchshim-na-muzykal-nom-festivale-world-folk-vision_a3486831 (дата обращения: 10.12.2025).

[2] HasSak — Өрлеу [Электронный ресурс] // YouTube. 2025, 21 декабря. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-3BvjLv5CIOI (дата обращения: 21.12.2025).

[3] Остинатные мотивы — это многократное, неизменное повторение музыкальной фразы или ритмической ячейки. В шаманском обряде остинатная ритмика служит инструментом структурирования ритуального времени и способствует введению исполнителя и слушателей в состояние экстаза.

[4] HasSak ethno-folk group [Электронный ресурс] // Instagram. 2025. URL: https://www.instagram.com/hassak_official/ (дата обращения: 20.12.2025). (Социальная сеть принадлежит компании Meta (США), признанная в РФ экстремистской. — *ред.*).

тает особое значение, поскольку возвращает в актуальное художественное поле базовые элементы культурного кода — представления о сакральности природы, о силе рода, о первичных отношениях между человеком, миром духов и космосом.

Обращение к специфическим музыкальным инструментам — *қобыз*, *шаңқобыз* (варгану), *сазсырнай* (глиняной свирели), *дабыл* (воинскому барабану / ритуальному барабану) — и воспроизведение структур обрядового времени, трансовых состояний и ритмических формул не только восстанавливают мемориальную функцию культуры, но и воплощают в себе ценностные ориентиры, формируя связь с духовным наследием народа. Тем самым художественный процесс становится пространством, где «архаическое» не просто цитируется, а заново проживается в современной сценической форме, превращаясь в механизм формирования этнокультурной идентичности. Как отмечают исследователи тувинской культуры (Ламажаа, Майны, 2025: 28) распространение традиционных символов в современной культуре «свидетельствует о периоде их особой актуальности», что подтверждает актуализацию архаики как ценностного ориентира.

Международные фестивали, такие, как The Spirit of Tengri (Алматы, Казахстан), WOMEX[1] (World Music Expo 2025 г., Тампер, Финляндия), Rainforest World Music Festival (Кучинг, Малайзия), Hozo Music Festival (Хошимин, Вьетнам) и Altay Fest (Катон-Карагай, Казахстан), выступают медиаторами культурной памяти и трансляторами этнических традиций в глобальном контексте. Они играют ключевую роль в обновлении традиций, поскольку перформативность, пластика, костюм, визуальная среда и звуковые структуры формируют пространство, в котором этнические коды существуют в диалоге с современными жанрами и аудиториями. Участники фестиваля The Spirit of Tengri, например, демонстрируют органичное сочетание шаманской и тенгрианской образности с рок-, джаз-, world- и электронными структурами, что позволяет не только сохранить их сакральную семантику, но и сделать её частью современного культурного опыта.

В Казахстане особенно значима деятельность коллективов, последовательно работающих с шаманским мотивами, поскольку именно они обеспечивают смысловую преемственность и ценностное закрепление традиции в современном искусстве. Этно-рок группа «Aldaspan»[2] синтезирует звук электродомбр с трансовой энергетикой и образностью, восходящей к фигуре бақсы и воинским архетипам. «Roksonaki»[3], один из пионеров *world-music* в Казахстане, создаёт акустическое пространство шаманского типа благодаря использованию *қобыз*, *шаңқобыз* (варгана), *сазсырнай* (глиняной свирели) и горлового пения, формируя звуковой ландшафт, соотносящийся с космоцентрическим мировидением тюркских народов. «The Magic of Nomads»[4] объединяет сакральные инструменты — қобыз, домбру, *дауылпаз*, *сыбызғы* — с джазовой импровизацией, демонстрируя адаптивность шаманского кода. Молодой ансамбль «Joshy Qazaq National Group»[5] сочетает шаманские инструменты и элементы воинского обряда с современной визуальной эстетикой. Коллектив обеспечивал основное музыкальное сопровождение V Всемирных игр кочевников[6] (Астана, Казахстан 2024 г.), что превращает его в ключевого медиатора между архаическим содержанием и международной аудиторией. В данных примерах шаманские мотивы функционируют как средства идентификационного самораспознавания, позволяя молодёжи эмоционально и эстетически присваивать культурное наследие.

[1] WOMEX. The Magic of Nomads [Электронный ресурс] // Womex Virtual. 2025, 10 октября. URL: https://www.womex.com/virtual/the_spirit_of_tengri/the_magic_of_nomads (дата обращения: 10.10.2025).
[2] Aldaspan. Официальный сайт группы Aldaspan [Электронный ресурс] // Aldaspan.com. 2025, 25 июня. URL: https://www.aldaspan.com/ (дата обращения: 25.06.2025).
[3] PNM Artists. Roksonaki — этнороманс / world-music из Казахстана [Электронный ресурс] // PNM Artists. 2025, 11 октября. URL: https://www.pnmartists.com/roksonaki-ethnorock-world-music-from-kazakhstan (дата обращения: 11.10.2025).
[4] The Magic of Nomads. Official Instagram Page [Электронный ресурс] // Instagram. 2025, 22 декабря. URL: https://www.instagram.com/magicofnomadskz/ (дата обращения: 22.12.2025). (Социальная сеть принадлежит компании Meta (США), признанная в РФ экстремистской. — *ред.*).
[5] Joshy Qazaq National Group. Official Instagram Page [Электронный ресурс] // Instagram. 2025, 11 октября. URL: https://www.instagram.com/joshy_qazaq_national_group/ (дата обращения: 11.10.2025). (Социальная сеть принадлежит компании Meta (США), признанная в РФ экстремистской. — *ред.*).
[6] Дирекция по подготовке и проведению 5-х Всемирных игр кочевников. V Всемирные игры кочевников — Астана 2024 [Электронный ресурс] // Worldnomadgames.kz. 2024. URL: https://worldnomadgames.kz/ru/ (дата обращения: 10.12.2025).

Молодые хореографы — М. Авахри, А. Садыкова, А. Шамшиев, С. Гумар, С. Сариев и Б. Агияр — выстраивают пластический язык своих постановок в тесном диалоге с этно-фолк-ансамблями («Turan», HasSak, Steppesons, Aldaspan, Roksonaki, The Magic of Nomads, Joshy Qazaq National Group и др.). Именно через их музыкальную драматургию, тембр *қобыз*, *шаңқобыз*, *сыбызгы*, ритуальных барабанов и характерную «трансовую» метроритмику в современную хореографию входит шаманская образность. Таким образом, музыка и танец становятся совместной лабораторией по «перезаписи» архаических шаманских мотивов в язык современного казахстанского искусства, сохраняя их семантическое ядро, но актуализируя в новых эстетических форматах.

Показательным примером подобной трансформации является проект Nomad Inspiration[1], представленный на сцене «Астана Опера» в 2025 г. Как отмечает артист балета, хореограф Гумар Султанбек, пластика современного казахского танца не сводится к системе классических позиций и форм. По его словам, движение возникает не столько из заранее заданной хореографической схемы, сколько из непосредственного восприятия музыки: «Когда звучит музыка, тело начинает двигаться само, будто переходишь в иное состояние восприятия. Это связано с глубинными слоями нашего культурного опыта, это у нас в крови»[2]. Такой подход подчеркивает, что характер казахского танца определяется не внешними правилами, а внутренним чувственным импульсом, основанным на древних традициях. В сотрудничестве с ансамблем «HasSak» и композитором Хамитом Шангалиевым, а также группой «Turan», хореографическая структура была выстроена как последовательность движений, возникающих из музыкального тембра *қобыз*, *шаңқобыз*, *сыбызғы* и ритуальных барабанов. Музыка задаёт эмоциональный и ритмический тон, а танец становится формой переживания и выражения шаманской образности. Благодаря этому сценическое действие разворачивается как метафора традиционной космологии «небо — земля — подземный мир», в которой движение отражает не только художественную интерпретацию, но и связь танцовщика с культурным кодом предков.

Значимый пример обновления шаманских пластов в академическом контексте связан с деятельностью Государственного молодежно-эстрадного ансамбля «Gulder»[3]. Традиционно ориентированный на «золотой фонд» казахской песенно-танцевальной культуры, ансамбль в последние годы обращается к более древним слоям наследия.

Особенно показательна новая редакция пролога к музыкальному произведению «Ер Туран», созданная к 55 летнему юбилею ансамбля «Gulder» в 2025 г. хореографом Анварой Садыковой *(фото 5)*. Первоначально поставленный на учащихся Алматинского хореографического училища, этот пролог был полностью адаптирован для ансамбля «Gulder». В постановке девочки исполняют партии на *шаңқобыз*, а мальчики — на дабыле, создавая эффект ритуального пробуждения воинского духа. Обучение исполнительниц игре на *шаңқобыз* у музыкантов группы «Turan», включая Жанту Дадабаева, является не только элементом подготовки, но и актом прямой передачи ядерных элементов культурного кода. В результате «Ер Туран» превращается в современный сценический ритуал, соединяющий архаические структуры и современные формы художественного выражения, тем самым демонстрируя механизм обновления традиций в условиях профессиональной сцены[4].

Так, мы видим, что обращение к шаманским мотивам в современном казахстанском искусстве выполняет несколько ключевых функций, непосредственно связанных с исследовательской задачей. Во-первых, оно раскрывает смысловое значение шаманских мотивов как инструментов обращения к базовым структурам культурного кода — сакральности, космогонии, мифологическим представлениям и коллективной памяти. Во-вторых, усиливает ценностное значение, формируя устойчивый этический и духовный горизонт, основанный на категориях *рух* ‘дух’, *ар* ‘честь’, *намыс* ‘достоинство’,

[1] Astana Opera. Nomad Inspiration — вклад театра «Астана Опера» в поиск нового хореографического языка [Электронный ресурс] // Официальный сайт театра «Астана Опера». 2025, 11 сентября. URL: https://astanaopera.kz/en/news/2251 (дата обращения: 11.09.2025).
[2] Из интервью с одним из соавторов статьи С. К. Жунусовым в г. Астана 15 ноября 2025 г. Запись хранится в личном архиве автора.
[3] Ансамбль GULDER [Электронный ресурс] // ГКО «Қазақконцерт» имени Розы Багдановой. 2025. URL: https://qazaqconcert.kz/ru/project/ansambl-gulder (дата обращения: 22.12.2025).
[4] Легендарному ансамблю «Gulder» — 55 лет [Электронный ресурс] // YouTube. 2025, 22 декабря. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Dm43oLBS414 (дата обращения: 22.12.2025).

Фото 5. Пролог к музыкальному произведению «Ер Туран» (репетиция). Государственный молодежно-эстрадный ансамбль «Гулдер». Фото А. Некрасова, 2024 г.
Photo 5. Prologue to the musical composition "Yer Turan" (rehearsal). Gulder State Youth and Pop Ensemble. Photo by A. N. Nekrasov, 2024.

кемел адам 'совершенный человек'. В-третьих, способствует формированию этнокультурной идентичности, позволяя молодому поколению переживать связь с культурным наследием в телесной, эмоциональной и эстетической формах. В-четвёртых, становится механизмом обновления традиций, переводя архаические мотивы в язык современной хореографии, музыки и перформативности.

Именно в этом сочетании — смысл, ценность, идентичность и обновление — и проявляется подлинная роль шаманских мотивов в контексте современного казахстанского искусства.

В современной этномузыкологической и этнографической литературе отмечается, что интеграция шаманских мотивов в музыкальное творчество далеко не является уникальным феноменом только для Казахстана, а представляет собой широкую трансформационную тенденцию среди культур с традициями шаманства. Исследования показывают, что в Сибири и Центральной Азии шаманские практики и музыкальные структуры в частности ритмические циклы барабанного сопровождения, вокальные техники и импровизационные элементы, связанные с ритуальными состояниями, продолжают влиять на современное музыкальное искусство и способствуют формированию новых художественных форм (как в традиционных шаманских практиках, так и в современном музыкальном контексте)[1]. Работы по проблемам витальности шаманизма среди тюркских народов также демонстрируют, что шаманские концепты через фольклор, танец, звуковую символику и ритуальные практики сохраняют свою культурную значимость и адаптируются к современным условиям, оставаясь частью живых творческих процессов в указанных регионах (Бахтикиреева, Темиргазина, 2022). В совокупности можно рассматривать актуализацию шаманских элементов в современном искусстве как проявление более широкой транскультурной динамики, отражающей культурную устойчивость и переосмысление традиционных практик в художественных формах XXI в.[2]

[1] Burnakova L., Nyssen L. Shamanism in contemporary Siberian music // IIAS Newsletter. 2005. № 36, P. 22.
[2] Hodgkinson T. Transcultural Collisions: Music and Shamanism in Siberia [Электронный ресурс] // Tim Hodgkinson Official Website. 2007. URL: http://www.timhodgkinson.co.uk/transculturalcollisions.pdf (дата обращения: 19.12.2025).

Заключение

Результаты проведённого исследования позволяют сделать вывод о том, что образ *баксы* (шамана) и его медитативные практики являются значимым источником художественного вдохновения в современной музыкальной и хореографической культуре Казахстана. Анализ многочисленных примеров сценического искусства, в том числе постановок балетов, а также музыкально-театрализованных проектов ансамблей, показывает наличие устойчивого интереса к сакральным слоям этнокультурного наследия. Это подтверждает тезис о том, что в условиях глобализации и поисков культурной самобытности архаические формы, ранее бытовавшие в ритуальных практиках, получают новую жизнь в эстетизированном и трансформированном виде.

Инкультурация архаических традиций в творческий процесс современных хореографов и музыкантов возвращает в художественное поле базовые элементы культурного кода — представления о сакральности природы, силе рода и первичных отношениях между человеком, миром духов и космосом. Показательно, что ключевые элементы шаманской практики — использование кобыза, остинатных ритмов, горлового пения, сакральной пластики — не просто цитируются, но переосмысляются через призму современного художественного языка. Их адаптация происходит на уровне стилистики, техники исполнения, сценического движения и звукоподачи. При этом сохраняется глубинный символический пласт, связанный с мифологией, духовной практикой и архетипами культурного кода. Анализ показал, что шаманские действа становятся не только объектом сохранения, но и источником новых художественных смыслов.

Дополнительным подтверждением такой динамики выступает деятельность международных фестивалей, на площадках которых шаманская образность соотносится с современными направлениями. Фестивали создают пространство, где этнические коды не растворяются, а получают новое бытование, сохраняя глубинный символический слой. Таким образом, современная фестивальная практика становится ещё одним механизмом функционирования и трансформации шаманских мотивов в глобальном культурном контексте.

Обращение к шаманскому наследию на современном этапе связано с растущей потребностью в сакральных, экзистенциальных и идентификационных опорах. Сценическое воплощение образа баксы часто связано с идеей восстановления связи между человеком и природой, между личным и коллективным бессознательным. Это подтверждается как в пластике танца, так и в музыкальных композициях, обладающих медитативным воздействием и построенных по принципам цикличности, трансовости и энергетического насыщения. Особое значение имеют примеры осознанного художественного синтеза, в которых архаические элементы используются не как фольклорная иллюстрация, а как концептуально важная часть художественного высказывания.

Наряду с этим, современные казахстанские коллективы демонстрируют, что обращение к шаманским мотивам выполняет функции преемственности, обновления и формирования идентичности. Их деятельность показывает, что шаманский код становится не только частью художественной практики, но и пространством, где молодёжь присваивает элементы культурного наследия, проживая их эмоционально и телесно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аязбекова, С. Ш. (2011) Картина мира этноса: Коркут-ата и философия музыки казахов. Изд. 2-е. Астана : АСТ-Полиграф. 284 с.

Басилов, В. Н. (1992) Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М. : Наука. 328 с.

Бахтикиреева, У. М., Темиргазина, З. К. (2022) Многоликий Феникс: вопросы витальности шаманизма у тюркских народов // Turkic Studies Journal. Т. 4. № 1. С. 7–24. DOI: https://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-1-7-24

Валиханов, Ч. Ч. (2007) Этнографическое наследие казахов. Астана : Алтын кітап. 291 с.

Валиханов, Ч. Ч. (1958) Избранные сочинения / отв. ред. А. Х. Маргулан. Алма-Ата : Казгослитиздат. 642 с.

Всеволодская-Голушкевич, О. В. (1996) Баксы ойыны. Алматы : Рауан. 144 с.

Гудова, М. Ю., Юань, М. (2022) Концепт «культурный код»: уровни значения // Интеллект. Инновации. Инвестиции. № 4. С. 151–159.

Джанибеков, У. Д. (1990) Эхо… По следам легенды о золотой домбре. Алма-Ата : Өнер. 304 с.

Досмурзинов, Р. К. (2023) Шаманские практики в системе верований казахов и тувинцев (1920–1960-е гг.): сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. № 1. С. 280–288. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.16

Жудебаев, А., Аркабаева, Г. (2024) Семантические особенности сакрального мира музыки в ритуальных обрядах // Central Asian Journal of Art Studies. № 9 (2). С. 53–73. DOI: https://doi.org/10.47940/cajas.v9i2.878

Жумасеитова, Г. Т. (2017) Истоки и развитие танцевальных традиций казахов // Искусство казахов в аспекте общетюркских культурных традиций / отв. ред. Г. Т. Жумасеитова. Алматы : Изд-во «Print Express». 416 с. С. 234–320.

История казахского искусства (2007) / в 3-х т. / отв. ред. Р. А. Ергалиева. Алматы : Арда. Т. 1. 416 с.

Карабанова, С. Ф. (1979) Танцы малых народов юга Дальнего Востока СССР как историко-этнографический источник. М. : Наука. 140 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (1987) Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX — начало XX вв. Новосибирск : Наука. 164 с.

Кондыбай, С. (2005) Казахская мифология. Краткий словарь. Алматы : Нурлы Алем. 272 с.

Кучеренко, А. Л. (2018) Транс как неотъемлемый элемент исполнения испанского танца фламенко. Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. № 10 (2). С. 178–185.

Ламажаа, Ч. К., Санчай, Ч. Х., Монгуш, А. В. (2023) Ритуальные ленты и флаги в практике современных тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 344–370. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.24

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2025) Узел счастья в социокультурном пространстве Тувы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 5–32. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.1

Лотман, Ю. М. (1992) Культура и взрыв. М. : Прогресс. 272 с.

Лотман, Ю. М. (1996) Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М. : Языки русской культуры. 448 с.

Махмутова, Х. М., Саитова, Г. Ю. (2023) Анализ уйгурского танцевального фольклора через призму современного взгляда // Arts Academy. № 3 (7). С. 5–15. DOI: https://doi.org/10.56032/2523-4684.2023.3.7.5

Окладников, А. П. (1974) Лоси на Долгом пороге (периодизация Нижнеангарских наскальных изображений) // Советская этнография. № 3. С. 53–59.

Раимкулова, А. Р., Джуманиязова, Р. К. (2018) Диалектика архаики в современном музыкальном искусстве Казахстана в зеркале идей евразийства (на примере виолончельных сочинений современных композиторов) // Музыковедение. № 8. С. 11–20. DOI: https://doi.org/10.25791/musicology.08.2018.111

Резникова, Е. И. (2023) Трансформация образа шамана в искусстве Казахстана // Saryn. Т. 11, № 2. С. 32–48. DOI: https://doi.org/10.59850/SARYN.2.11.2023.19

Санчай, Ч. Х., Кухта, М. С. (2019) Семантика структурных элементов тувинского танца // Новые исследования Тувы. № 1. С. 176–189. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.13

Сарыбаев, Б. Ш. (1978) Казахские музыкальные инструменты. Алма-Ата : Жалын. 174 с.

Сарынова, Л. П. (1976) Балетное искусство Казахстана. Алма-Ата : Наука. 176 с.

Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века) (2002) / подгот. текстов, предисл. и коммент. А. К. Кужугет. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 224 с.

Турсунов, Е. (1999) Возникновение баксы, акынов, сэри и жырау. Астана : Фолиант. 252 с.

Турсунов, Е. Д. (2001) Истоки тюркского фольклора. Қорқыт. Алматы : Дайк-Пресс. 168 с.

Утегалиева, С. И. (2023) Коркут — создатель смычкового и щипкового кобуза / гопуза у тюркских народов // Saryn. Т. 11. № 2. С. 17–31. DOI: https://doi.org/10.59850/SARYN.2.11.2023.13

Утегалиева, С. И. (2017) Музыкальные инструменты и инструментальная музыка казахов в общетюркском контексте // Искусство казахов в аспекте общетюркских культурных традиций / отв. ред. Г. Т. Жумасеитова. Алматы : Изд-во «Print Express». 416 с. С. 63–95.

Ян, Х., Борисова, А. А. (2023) Эржэньчжуань: отражение шаманской культуры в народном искусстве северо-востока Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. № 15 (1). С. 203-218. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.112

Bakirova, S., Izim, T., Nikolayeva, L., Saitova, G. (2023) Highlights of digital technologies application for choreography teaching: The case of Kazakhstan. // Research in Dance Education. Vol. 26. Issue 3. P. 369–384. DOI: https://doi.org/10.1080/14647893.2023.2220651

Barthes, R. (1982) Empire of Signs. New York : Farrar, Straus and Giroux. 128 p.

Eco, U. (1976) A Theory of Semiotics. Bloomington : Indiana University Press. 354 p.

Gingras, B., Pohler, G., Fitch, W. T. (2014) Exploring Shamanic Journeying: Repetitive Drumming with Shamanic Instructions Induces Specific Subjective Experiences but No Larger Cortisol Decrease than Instrumental Meditation Music // PLoS ONE 9(7): e102103. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0102103

Moldakhmetova, A., Jumasseitova, G., Kim, L. V., Saitova, G., Kenzikeev, R. V. (2018) Dance movements of Baksy as a paradigm of development of the Kazakh dance art // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. Vol. 10. № 3. P. 38–57. DOI: https://doi.org/10.21659/rupkatha.v10n3.05

Saitova, G., Jumasseitova, G., Kulbekova, A., Moldakhmetova, A., Izim, T. (2023) Creativity of Kazakh people in the context of Kara Jorga dance: Preservation and development prospects of Kazakh cultural heritage // Creativity Studies. Vol. 16. № 2. P. 726–739. DOI: https://doi.org/10.3846/cs.2023.16695

Shuter-Dyson, R., Gabriel, C. (2011) The Psychology of Musical Ability. London : Methuen. 347 p.

Дата поступления: 26.06.2025 г.
Дата принятия: 14.01.2026 г.

REFERENCES

Ayazbekova, S. Sh. (2011) *The worldview of an ethnos: Korkyt-ata and the philosophy of Kazakh music.* 2nd ed. Astana, AST-Poligraf. 284 p. (In Russ.)

Basilov, V. N. (1992) *Shamanism among the peoples of Central Asia and Kazakhstan.* Moscow, Nauka. 328 p. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U. M. and Temirgazina, Z. K. (2022) The many-faced Phoenix: issues of shamanism vitality among Turkic peoples. *Turkic Studies Journal*, vol. 4, no. 1, pp. 7–24. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-1-7-24

Valikhanov, Ch. Ch. (2007) *Ethnographic heritage of the Kazakhs.* Astana, Altyn kitap. 291 p. (In Russ.)

Valikhanov, Ch. Ch. (1958) *Selected works.* Ed. by A. Kh. Margulan. Alma-Ata, Kazgoslitizdat. 642 p. (In Russ.)

Vsevolodskaya-Golushkevich, O. V. (1996) *Baksy ojyny.* Almaty, Rauan. 144 p. (In Russ.)

Gudova, M. Yu. and Yuan, M. (2022) The concept of “cultural code”: levels of meaning. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, no. 4, pp. 151–159. (In Russ.)

Dzhanibekov, U. D. (1990) *Echo... In the footsteps of the legend of the golden dombra.* Alma-Ata, Oner. 304 p. (In Russ.)

Dosmurzinov, R. K. (2023) Shamanic practices in the belief systems of Kazakhs and Tuvans (1920s–1960s): a comparative analysis. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 280–288. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.16

Zhudebaev, A. and Arkabaeva, G. (2024) Semantic features of the sacred world of music in ritual ceremonies. *Central Asian Journal of Art Studies*, no. 9 (2), pp. 53–73. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.47940/cajas.v9i2.878

Jumasseitova, G. T. (2017) The origins and development of Kazakh dance traditions. In: *Kazakh art in the context of Common Turkic cultural traditions.* Ed. by G. T. Jumasseitova. Almaty, Print Express. 416 p. Pp. 234–320. (In Russ.)

History of Kazakh art (2007) In 3 vols. Ed. by R. A. Yergaliyeva. Almaty, Arda. Vol. 1. 416 p. (In Russ.)

Karabanova, S. F. (1979) *Dances of small peoples of the south of the Russian Far East as a historical and ethnographic source.* Moscow, Nauka. 140 p. (In Russ.)

Kenin-Lopsan, M. B. (1987) *Ritual practice and folklore of Tuvan shamanism. Late 19th — early 20th centuries.* Novosibirsk, Nauka. 164 p. (In Russ.)

Kondybai, S. (2005) *Kazakh mythology. A concise dictionary.* Almaty, Nurly Alem. 272 p. (In Russ.)

Kucherenko, A. L. (2018) Trance as an integral element of performing Spanish flamenco dance. The territory of new opportunities. *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, no. 10 (2), pp. 178–185. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K., Sanchai, Ch. Kh. and Mongush, A. V. (2023) Ritual ribbons and flags in the practices of contemporary Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 344–370. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.24

Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2025) The knot of happiness in the sociocultural space of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 5–32. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.1

Lotman, Yu. M. (1992) *Culture and explosion.* Moscow, Progress. 272 p. (In Russ.)

Lotman, Yu. M. (1996) *Inside thinking worlds. Human being – text – semiosphere – history.* Moscow, Yazyki russkoi kultury. 448 p. (In Russ.)

Makhmutova, Kh. M. and Saitova, G. Yu. (2023) Analysis of Uighur dance folklore through the prism of a contemporary view. *Arts Academy*, no. 3 (7), pp. 5–15. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.56032/2523-4684.2023.3.7.5

Okladnikov, A. P. (1974) Elk at the Long Rapids (periodization of the Lower Angara rock images). *Sovetskaya etnografiya*, no. 3, pp. 53–59. (In Russ.)

Raimkulova, A. R. and Dzhumaniyazova, R. K. (2018) The dialectics of the archaic in contemporary musical art of Kazakhstan in the mirror of Eurasianism ideas (a case study of cello works by contemporary composers). *Muzykovedenie*, no. 8, pp. 11–20. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25791/musicology.08.2018.111

Reznikova, E. I. (2023) Transformation of the image of the shaman in the art of Kazakhstan. *Saryn*, vol. 11, no. 2, pp. 32–48. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.59850/SARYN.2.11.2023.19

Sanchai, Ch. Kh. and Kukhta, M. S. (2019) Semantics of structural elements of Tuvan dance. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 176–189. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.13

Sarybaev, B. Sh. (1978) *Kazakh musical instruments.* Alma-Ata, Zhalyn. 174 p. (In Russ.)

Sarynova, L. P. (1976) *Ballet art of Kazakhstan.* Alma-Ata, Nauka. 176 p. (In Russ.)

Traditional culture of Tuvans through the eyes of foreigners (late 19th —early 20th century) (2002). Prepared, introduced and commented by A. K. Kuzhuget. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 224 p. (In Russ.)

Tursunov, E. (1999) *The origin of baksy, akyns, seri and zhyrau.* Astana, Foliant. 252 p. (In Russ.)

Tursunov, E. D. (2001) *The origins of Turkic folklore. Korkyt.* Almaty, Daik-Press. 168 p. (In Russ.)

Utegaliyeva, S. I. (2023) Korkyt as the creator of bowed and plucked qobyz/gopuz among the Turkic peoples. *Saryn*, vol. 11, no. 2, pp. 17–31. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.59850/SARYN.2.11.2023.13

Utegaliyeva, S. I. (2017) Musical instruments and instrumental music of the Kazakhs in the Common Turkic context. In: *Kazakh art in the context of Common Turkic cultural traditions.* Ed. by G. T. Jumasseitova. Almaty, Print Express. 416 p. Pp. 63–95. (In Russ.)

Yan, H. and Borisova, A. A. (2023) Erzhenchzhuan: reflection of shamanic culture in the folk art of Northeast China. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*, no. 15 (1), pp. 203–218. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.112

Bakirova, S., Izim, T., Nikolayeva, L. and Saitova, G. (2023) Highlights of digital technologies application for choreography teaching: The case of Kazakhstan. *Research in Dance Education*, vol. 26, issue 3, pp. 369–384. DOI: https://doi.org/10.1080/14647893.2023.2220651

Barthes, R. (1982) *Empire of Signs*. New York, Farrar, Straus and Giroux. 128 p.

Eco, U. (1976) *A Theory of Semiotics*. Bloomington, Indiana University Press. 354 p.

Gingras, B., Pohler, G. and Fitch, W. T. (2014) Exploring Shamanic Journeying: Repetitive Drumming with Shamanic Instructions Induces Specific Subjective Experiences but No Larger Cortisol Decrease than Instrumental Meditation Music. *PLoS ONE*, 9(7), article e102103. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0102103

Moldakhmetova, A., Jumasseitova, G., Kim, L. V., Saitova, G. and Kenzikeev, R. V. (2018) Dance movements of Baksy as a paradigm of development of the Kazakh dance art. Rupkatha *Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, vol. 10, no. 3, pp. 38–57. DOI: https://doi.org/10.21659/rupkatha.v10n3.05

Saitova, G., Jumasseitova, G., Kulbekova, A., Moldakhmetova, A. and Izim, T. (2023) Creativity of Kazakh people in the context of Kara Jorga dance: Preservation and development prospects of Kazakh cultural heritage. *Creativity Studies*, vol. 16, no. 2, pp. 726–739. DOI: https://doi.org/10.3846/cs.2023.16695

Shuter-Dyson, R. and Gabriel, C. (2011) *The Psychology of Musical Ability*. London, Methuen. 347 p.

Submission date: 26.06.2025.
Acceptance date: 14.01.2026.

DOI: 10.25178/nit.2026.2.15

Статья

Концепт *айыу* ‘медведь’ в карачаево-балкарской лингвокультуре

Мариям А. Ахматова, Мусса Б. Кетенчиев, Сахадин М. Хуболов
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация

В статье анализируется концепт карачаево-балкарской лингвокультуры «айыу» ‘медведь’. Рассматриваются его лексико-семантические особенности. Лексема восходит к общему древнетюркскому корню, что роднит ее со сходными номинациями в других тюркских языках.

«Айыу» является значимым элементом зооморфного кода культуры в карачаево-балкарской картине мира. Все это нашло свое отражение в проанализированном материале: в эпитетных народных номинациях, названиях по полу и возрасту, фразеологических единицах, фитонимах, пословицах и поговорках, текстах сказок и мифов.

У концепта обнаруживается многослойность, которая проявляется в присутствии в его структуре нескольких качественно отличных составляющих: понятийный, образный и аксиологический слои. Выявляются и описываются наиболее значимые ассоциативные признаки и переносные смыслы, отмечается представленность в составе фразеологических единиц, антропонимов, фитонимов, топонимов.

Отмечается, что медведь в иерархии диких животных стоит гораздо выше других, являясь тотемным. Он предстает как хищное животное, отличающееся своими предпочтениями относительно питания и образа жизни. Для него присущи сила, глупость и в то же время ум, любовь к потомству. В языке выявляется метафорический перенос «медведь → человек», в силу чего человек получает характеристику по тем признакам, которыми наделяется медведь: хитрость, дикость, сила и др.

Ключевые слова: *карачаево-балкарский язык; концепт культуры; зооним; айыу; медведь; карачаево-балкарский фольклор*

Для цитирования:
Ахматова М. А., Кетенчиев М. Б., Сахадин М. Х. Концепт *айыу* ‘медведь’ в карачаево-балкарской лингвокультуре // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 234-244. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.15

Ахматова Мариям Ахматовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: mari.ahmatova@yandex.ru

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: ketenchiev@mail.ru

Хуболов Сахадин Магаметович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: khubol@yandex.ru

Article

The Concept of *Aiyu* 'Bear' in the Karachay-Balkar Linguoculture

Mariam A. Akhmatova, Mussa B. Ketenechiev, Sakhadin M. Khubolov
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russian Federation

The article examines the concept of "aiyu" 'bear' in the Karachay-Balkar linguoculture. Its lexical and semantic features are analyzed. The lexeme derives from a common Old Turkic root, which relates it to similar designations in other Turkic languages.

"Aiyu" constitutes a significant element of the zoomorphic cultural code in the Karachay-Balkar worldview. This is reflected in the analyzed material, including folk epithetic nominations, terms denoting gender and age, phraseological units, phytonyms, proverbs and sayings, as well as texts of tales and myths.

The concept reveals a multilayered structure manifested in the presence of several qualitatively distinct components: conceptual, figurative, and axiological layers. The most significant associative features and figurative meanings are identified and described, along with their representation in phraseological units, anthroponyms, phytonyms, and toponyms.

It is noted that, within the hierarchy of wild animals, the bear occupies a much higher position than others, functioning as a totemic animal. It is portrayed as a predatory creature distinguished by specific dietary preferences and a particular way of life. It is characterized by strength, foolishness, and at the same time intelligence, as well as affection for its offspring. The language demonstrates a metaphorical transfer "bear → human", whereby a person acquires characteristics attributed to the bear, such as cunning, wildness, strength, and others.

Keywords: *Karachay-Balkar language; cultural concept; zoonym; aiyu; bear; Karachay-Balkar folklore*

For citation:
Akhmatova M. A., Ketenechiev M. B. and Khubolov S. M. The Concept of Aiyu 'Bear' in the Karachay-Balkar Linguoculture. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 234-244 (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.15

AKHMATOVA, Mariyam Akhmatovna, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Karachay-Balkarian Philology, Social and Humanitarian Institute, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevskogo St., 360004, Nalchik, Russia. E-mail: mari.ahmatova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0507-395X

KETENCHIEV, Mussa Bakhautdinovich, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Karachay-Balkarian Philology, Social and Humanitarian Institute, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevskogo St., 360004, Nalchik, Russia. E-mail: ketenchiev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1656-8368

KHUBOLOV, Sakhadin Magametovich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Karachay-Balkarian Philology, Social and Humanitarian Institute, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevskogo St., 360004, Nalchik, Russia. E-mail: khubol@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1016-5023

Введение

Современная направленность исследований во многом определена антропоцентрической парадигмой в лингвистике, продуктом которой является лингвокультурология, «возникшая, на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке»[1]. В этой связи важным представляется обращение к такому понятию, как культурный концепт, являющийся многомерным смысловым образованием, ориентированным на репрезентацию понятийных, образных и ценностных составляющих, отражающих зоонимический код культуры карачаево-балкарского этноса, что имеет непосредственное отношение и к концепту *айыу* ‘медведь’.

Данный феномен отмечен значительными функционально-семантическими возможностями в лингвокультуре тюркских народов, к числу которых относятся и карачаево-балкарцы, о чем свидетельствует целый ряд научных работ. Так, в восприятии чувашей он, с одной стороны, есть символ силы, с другой — «простодушное существо, вследствие чего проигрывающее хитрому человеку» (Фомин, 2022: 64). В сознании же хакасов медведь представляется как тотемное животное, как первопредок (Бурнаков, 2012). По мнению Л. С. Кара-оол, *адыг* ‘медведь’ есть тотемное животное тувинцев, у родового подразделения *адыг-түлүш* он интерпретируется как их предок, а в тувинских топонимах является самым распространенным зоокомпонентом[2]. Кроме того, в тоджинском диалекте тувинского языка употребительны 16 эвфемизмов, обозначающих этого хищника[3]. Этноспецифические особенности концепта *эһэ* ‘медведь’ в культуре народа саха выявлены в статье А. А. Скрябиной (Скрябина, 2016). У финно-угорских народов медведь считается покровителем, охранителем, священным, тотемным животным (Мокшина, 2012).

В филологических работах, изучающих концепты русской лингвокультуры, *медведь* дефинируется как значимый «лингвокультурный концепт, символизирующий Россию и Сибирь» (Волошина, 2020: 30). Имеет место описание этнокультурных смыслов, формирующих обыденное, мифологическое и стереотипное представления о медведе в русской языковой картины мира посвящена статья (Глотова, Артемьева, 2020). В статье М. В. Кутьевой рассмотрены положительные ассоциативные признаки архетипа медведь: прямота, свободолюбие, отсутствие подлости в поведении и т. д. (Кутьева, 2022).

Согласно сведениям, представленным в трудах по зоологии, на территории Кабардино-Балкарии, на высоте 650–3100 метров над уровнем моря, обитают следующие подвиды кавказского бурого медведя — большой и малый. Их количество на 2010 г. составило 262 особей (Машуков и др., 2013: 47–49). Охота на них, которая осуществлялась с целью защиты домашнего скота и не входила в число народных промыслов, запрещена с 2000 г.

В контексте данного исследования релевантным представляется выявление и описание как собственно номинативных, так и лингвокультурологических особенностей концепта *айыу* ‘медведь’, связанных с его понятийным, образным и аксиологическим аспектами. Помимо прочего, медведь занимает особое место в карачаево-балкарской культуре, что свидетельствует о его важнейшей роли в языковой картине мира. Вышеизложенным и детерминируется актуальность темы данной работы.

Цель статьи — выявить и описать репрезентанты концепта *айыу* ‘медведь’ в карачаево-балкарской лингвокультуре.

Объектом исследования является концепт *айыу* ‘медведь’ как значимая составляющая карачаево-балкарской культуры, предметом — специфика его репрезентации в лексических, фразеологических, паремиологических единицах и мифологических текстах.

Задачи исследования: 1) выявить понятийный слой концепта *айыу* ‘медведь’ и провести анализ репрезентантов, которые его объективируют; 2) определить образные составляющие концепта

[1] Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М. : Академия, 2001. С. 9.
[2] Кара-оол Л. С. Зоокомпоненты в тувинской топонимии // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 282.
[3] Дамбаа Ш. В., Сувандии Н. Д. Лексико-семантические группы названий диких животных в охотничьей лексике тувинского языка (на материале тоджинского диалекта) // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (80). С. 373.

айыу ‘медведь’ и проанализировать его этнокультурно маркированные особенности; 3) рассмотреть аксиологическую компоненту концепта *айыу* ‘медведь’.

В качестве эмпирического материала послужили лексические, фразеологические, паремиологические единицы, из имеющихся лексикографических источников[1], хрестоматийных изданий, содержащих тексты, относящиеся к различным жанрам устного народного творчества (загадки, паремии, мифы, сказки)[2]. Кроме того, привлечен собственный полевой материал, собранный в 2020–2025 гг. у старожилов 1930–1935 гг. рождения, проживающих в Чегемском, Черекском и Эльбрусском районах Кабардино-Балкарии.

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы ученых в области разработки проблем, связанных с языковой концептуализацией мира (Вежбицкая, 1996; Степанов, 2001; Карасик, 2002; Воркачев, 2013; и др.).

Новизна работы заключается в том, что впервые проведено исследование лингвокультурологического концепта *айыу* ‘медведь’, которое дает возможность дальнейшего исследования лингвокультуры и языковой картины мира карачаево-балкарского этноса.

Понятийный слой

Лексема *айыу* ‘медведь’ восходит к общетюркскому корню и в формах *adïγ*, *aduγ*, *ajïγ* встречается в «Древнетюркском словаре»[3]. В «Этимологическом словаре тюркских языков» Э. В. Севортян приводит ее как *айы*. При этом он, привлекая к анализу богатый фактологический материал, пишет о наличии в тюркских языках следующих номинаций медведя: *айув/ajuv* — в крымско-татарском и караимском языках; *айув/ajuw* — в кумыкском, казахском, ногайском, каракалпакском, диалектах узбекского языка; *айӱ/aju* — в киргизском, диалектах узбекского языка; *айу/aju* — в алтайском, балкарском, татарском языках; *адығ/adıɣ* — в тувинском языке; *азығ/ azıɣ* — в хакасском языке и др.[4] Следует отметить также функционирующие в среде карачаевцев формы *аю*[5] и *айю*[6].

В карачаево-балкарском языке для обозначения медведя когда-то в обиходе была лексема *абай*[7], но в настоящее время это слово полностью вышло из активного употребления. Мы полагаем, что основой данного слова было *аба* (в карачаево-балкарском языке данное слово встречалось в детской речи при обращении ребенка к матери или к отцу)[8]. Подобные обозначения медведя можно встретить и у других тюркских народов Южной Сибири: у алтайцев — *абагай* ‘дядя по отцу’, у каларцев — *абаj* ‘прадед’, у телеутов — *абагай* ‘дядя по отцу’ (Потапов, 1928), у хакасов — *абай* ‘старший брат’ (Бутанаев, 2000: 66) или *аба* (отец, дед, старший в роду). Мы полагаем, что в карачаево-балкарском языке *аба/абай,* с одной стороны, подчеркивает связь медведя с культом предков, а, с другой стороны выражает тотемический культ медведя.

[1] Толковый словарь карачаево-балкарского языка / ред. Ж. М. Гузеев, И. Х. Ахматов, А. А. Жаппуев: в 3-х т. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. Т. 1. А–Ж; Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989; Хапаев Б. А., Хапаева А. Б. Этимологический словарь названий лекарственных растений (с карачаево-балкарскими фитонимами). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2022; Хапаев С. А. Географические названия Карачая и Балкарии. М., 2013; Древнетюркский словарь / сост. Т. А. Боровкова, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин и др. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1969.

[2] Къарачай нарт сёзле [Карачаевские пословицы и поговорки] / сост. С. Ч. Алиев. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. (На кар.-балк. яз.); Къарачай-малкъар мифле [Карачаево-балкарские мифы] / сост. М. Ч. Джуртубаев. Нальчик : Эльбрус, 2007. (На кар.-балк. яз.); Къарачай-малкъар халкъ жомакъла. 1-чи китабы [Карачаево-балкарские народные сказки. Т. 1] / сост. С. А. Мусукаева. Нальчик: Эльбрус, 2012 (На кар.-балк. яз.); Малкъар нарт сёзле [Балкарские пословицы и поговорки] / сост. А. З. Холаев. Нальчик: Эльбрус, 1982. (На кар.-балк. яз.)

[3] Древнетюркский словарь / сост. Т. А. Боровкова, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин и др. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1969. С. 29.

[4] Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. С. 112.

[5] Толгурова (Малкондуева) А. З., Толгуров Т. З. Гаппаксальный словарь карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 2014. С. 6.

[6] Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. С. 40.

[7] Кудаев М. Ч. Культурное наследие балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 2012. С. 209.

[8] Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. С. 15.

Как известно, концепт «воплощается обычно в слове не только при помощи вербального кода, но и средствами разных культурных кодов, <…> то есть обозначение его словом, является важной его особенностью, поскольку как ментальное образование он связан именно со словом» (Бухарова, 2012: 53). Но при этом он «не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» (Лихачев, 1997: 151). В традиционной культуре огромное значение придавалось слову, так как оно как некий предмет обладает материальной природой. Медведя запрещалось называть фактическим именем, табуирование его «настоящего» имени связано со страхом перед хищником и стремлением обезопасить себя от его нападения.

Вместо отмеченных выше названий *(айыу, айю и аю)* носители языка порой используют следующие номинации медведя[1], отражающие стереотипные представления этноса относительно его:

а) рациона питания: *балчы* ‘любитель меда’, *балыкъчы* ‘рыболов’, *мыллыкчы* ‘падальщик’, *наныкъчы* ‘любитель малины’;

б) поведения: *терекчи* ‘лазающий на деревья’, *жукъучу* ‘любитель поспать’, *табанын жалаучу* ‘пятку свою лижущий’, *мухар* ‘прожорливый’, *жууунуучу* ‘купающийся’, *жюзюучю* ‘пловец’;

в) физических характеристик: *аллыр* ‘крупный’, *алмайыр* ‘увалень’, *алпыр* ‘великий’, *баймакъ* ‘косолапый’, *дырга* ‘кляча’, *жумушакътабан* ‘мягкопяточный’, *уллутабан* ‘большепяточный’, *тюклю* ‘волосатый’;

г) места проживания: *дорбунчу* ‘пещерный’.

В карачаево-балкарском языке наличествуют названия данного хищника, репрезентирующие его:

а) возраст: *айыу бала — мамурач — хубол* ‘медвежонок (до года)’, *хузой* ‘годовалый медвежонок’;

б) родовую принадлежность: *ана айыу* ‘медведица’, *тиши айыу* ‘медведь-самка’, *эркек айыу* ‘медведь-самец’;

в) окрас животного: *акъ айыу* ‘белый медведь’, *къонгур айыу* ‘бурый медведь’, *кюрен айыу* ‘бурый медведь’, *бойнакъ айыу* ‘гималайский, или белогрудый, медведь (медведь, имеющий белую шею)’, *къара айыу* ‘черный медведь’.

В исследуемом языке нами было извлечено из сборников паремий «Малкъар нарт сёзле» и «Къарачай нарт сёзле» 75 паремий, включающих в свой состав компонент *айыу*. Из них 35 помещены в сборник паремий «Малкъар нарт сёзле» («Балкарские пословицы и поговорки»)[2], а 40 — в работу «Къарачай нарт сёзле» («Карачаевские пословицы и поговорки»)[3], то есть первые в целом употребительны балкарцами, а вторые — карачаевцами. Основу их составляют одни и те же пословицы и поговорки. Однако обнаруживаются специфичные для балкарцев и карачаевцев паремические высказывания. Например, появление выражения *Айыуну кёре тургъанлай, ызын ызлай эдиле* ‘Видя медведя, по следу шли’[4] обычно связывают с жителями с. Безенги в Балкарии. Выражение же *Джангы тутулуб, бурууъа атылгъан айю бурууну тёгерегин ийисгеб айланнганча* ‘Словно медведь, ходящий обнюхивая ограду, которого только что поймали и бросили за ограду’[5] зафиксировано на территории Карачая.

В извлеченных из вышеуказанных источников паремиях отражены стереотипные характеристики медведя, зафиксированные языковым сознанием этноса. К ним относятся следующие:

1. Предпочтения медведя относительно питания (мед, ягоды, плоды и т. п.): *Айыу сюйгени — бал* ‘Что любит медведь — это мёд’; *Айыуну жаны-тини — наныкъ* ‘Самое любимое для медведя — малина’; *Алманы игисин аю ашар* ‘Лучшие яблоки медведь будет есть’; *Кёгетни игисин айю ашар* ‘Лучшие плоды медведь будет есть’;

[1] Кудаев М. Ч. Наследие предков. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2023. С. 483.
[2] Малкъар нарт сёзле [Балкарские пословицы и поговорки] / сост. А. З. Холаев. Нальчик: Эльбрус, 1982. (На кар.-балк. яз.)
[3] Къарачай нарт сёзле [Карачаевские пословицы и поговорки] / сост. С. Ч. Алиев. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. (На кар.-балк. яз.)
[4] Малкъар нарт сёзле (Балкарские пословицы и поговорки] / сост. А. З. Холаев. Нальчик: Эльбрус, 1982. (На кар.-балк. яз.)
[5] Къарачай нарт сёзле [Карачаевские пословицы и поговорки] / сост. С. Ч. Алиев. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. (На кар.-балк. яз.)

2. Неприятие медведем элементов питания: *Айыу дугъума сюймей эди, ол да барып аны тешигинде бите эди* ‘Медведь не любил мяту, а она росла у его берлоги’;

3. Способ потребления мяса: *Айыу мыллыкны тынчытып ашар* ‘Медведь дает туше протухнуть, потом ест’;

4. Медведь — опасный хищник: *Ач айыу ойнамаз* ‘Голодный медведь играть не будет’; *Жукълагъан айыуну уятма* ‘Не буди спящего медведя’;

5. Ценностное отношение к потомству: *Айюню баласы айюге айжаякъ кёрюнюр* ‘Медвежонок медведице луноликим кажется’; *Айыуну баласы айыугъа ай кёрюнюр* ‘Медвежонок для медведя луной кажется’;

6. Медведь сородичей не трогает: *Айюню айю ашамаз* ‘Медведя медведь не съест’; *Айюню айю ашамаз, бёрюню бёрю ашамаз* ‘Медведя медведь не съест, волка волк не съест’;

7. Медведь соперников не терпит (особенно при еде): *Эки айыу бир куркагъа сыйынмаз* ‘Два медведя в одной берлоге не уместятся’; *Айыу бла кертме ашама, ашасанг да, къусарса* ‘С медведем груши не ешь, если даже съешь — вырыгнешь’; *Айю бла дугъум ашама — эрнинги-бурнунгу къан этер* ‘С медведем смородину не ешь — твои губы, нос окровавит’.

Употребительны паремии рекомендательного характера, призывающие носителей языка вести себя определенным образом при столкновении с медведем: *Айыу бла кертме ашама* ‘С медведем (в одном месте с ним) груши не ешь’; *Айюден къачсанг, кёнделен къач* ‘Если убегаешь от медведя, убегай поперек (на склоне)’; *Айыу бла шуёх болсанг, къамангы хазыр тут* ‘Если с медведем подружишься, держи кинжал наготове’.

Небезынтересны и паремии сатирического плана, высмеивающие человека: *Айыудан къачама деп, къуюгъа кетгенлей* ‘Словно тот, кто, убегая от медведя, в колодец свалился’; *Айыуну кёре эди да, ызын ызлай эди* ‘Видел медведя, да по следу шел’; *Тауда айыуну терисин сатханлай* ‘Словно тот, кто в горах продавал медвежью шкуру’; *Къоркъакъгъа къоян да айыуча кёрюнюр* ‘Трусу и заяц медведем кажется’; *Айыудан къоркъгъан чертлеуюк жыймаз* ‘Кто боится медведя (трус), лесной орех не собирает’.

Как показывает представленный выше фактологический материал, в понятийном слое рассматриваемого концепта отражаются объективно-субъективные характеристики медведя относительно его питания, поведения, возраста, мест обитания, строения, масти, что коррелирует со значимыми для карачаево-балкарской лингвокультуры стереотипами.

Образный слой

Спецификой зоонимических компонентов является их этнокультурная маркированность. Так, в сложных словах с компонентом *айыу* закодированы некоторые физические и моральные характеристики человека: *айыутабан* ‘плоскостопый, косолапый, неуклюжий; перен. здоровый, сильный’, *айыутос* ‘тайный недоброжелатель (букв. медвежий друг)’, *айыутослукъ* ‘тайное недоброжелательство’, также имеет место сопряженность с лошадью: *айютюк — айю тюклю* ‘буланый (о масти лошади в сравнении с шерстью медведя)’.

Весьма часто те или иные характеристики медведя метафорически переносятся на человека. Так, например:

а) относительно глупого человека употребительны паремии типа *Мондай айыу хыйлачы тюлкюге ийнанады* ‘Глупый медведь хитрой лисе верит’, *Тюлкю айыуну алдап, кёзлерин ашатдыргъанлай* ‘Лиса обманув медведя, заставил глаза (свои) съесть’;

б) человека, который, не замечая своих недостатков, критикует других: *Айыу тюлкюню аякъ ызына кюле эди* ‘Медведь смеялся над следом лисы’;

в) о людях, не способных вместе ужиться: *Эки аиӈыу бир куркагъа сыиӈынмаиӈы* ‘Два медведя в одной берлоге не уживаются’.

В корпусе фразеологических единиц карачаево-балкарского языка[1] имеются и устойчивые дескрипции, содержащие в своем составе конституент *айыу*. В них имеет место метафорический пере-

[1] Карачаево-балкарский фразеологический толковый словарь / сост. З. К. Жарашуева. Владикавказ: ИПО СО ИГСИ, 2017.

нос животное → человек. Они характеризуют человека по тем признакам, которыми наделяется медведь: *хитрость, дикость, сила, уединенность, гнев, неуклюжесть, повадка*: *айыу акъыллы* ‘хитрый (букв. имеющий медвежий ум)’, *айыугъа намаз юйретирге* ‘заниматься бесполезным делом (учить медведя совершать намаз)’, *агъач жаргъан айыу* ‘человек богатырской силы (букв. дерево раскалывающий медведь)’, *айыу куркасына киргенлей (киргенча)* ‘уединенность (букв. как медведь в берлоге)’, *ат ашагъан айюча (къычырыргъа)* ‘гнев (букв. как медведь, съевший коня)’, *айыу терекге миннгенлей* ‘неуклюжесть (букв. медведь, взобравшийся на дерево)’, *айыу (къыш) табанын жалагъанча* ‘*повадка (букв.* словно медведь, (зимой) лижущий пятку)’.

Как известно, в процессе метафоризации реализуется принцип постижения и вербализации окружающей среды. «Метафора является своего рода преобразованием мира в сознании человека, <…> она не только имеет форму выражения, но и является своеобразным средством накопления и хранения культурно значимой информации (Юрков, 2012: 36). Так, в основе метафорической номинаций некоторых флоронимов с компонентом *айыу*, скорее всего, лежат, с одной стороны, особенности питания медведя (мед, плод, орех, ягода), с другой — соматизмы (зуб, коготь, пятка, слеза, ухо). Так, например, Б. А. Хапаев и А. Б. Хапаева выявили и описали 16 названий лекарственных растений: *айюбал* ‘купена многоцветковая (букв. медвежий мед)’, *айю балдыргъан* ‘борщевик обыкновенный (букв. медвежий анис)’, *айю джемиш* ‘толокнянка обыкновенная (букв. медвежий плод)’, *айю джилек* ‘воронец колосистый (букв. медвежья ягода)’, *айю джюзюм* ‘медвежница (медвежий виноград)’, *айю кертме* ‘рябина глогови́на (букв. медвежья груша)’, *айю такъюзюк* ‘рябина глогови́на (букв. медвежья рябина)’, *айю къоз* ‘лещина медвежья (медвежий орех)’, *айю чёртлеюк* ‘лещина медвежья’, *айюкъулакъ* ‘примула ушковая; коровяк обыкновенный (букв. медвежье ухо)’, *айю сохан* ‘лук медвежий’, *айю джыламукъ* ‘бусенник обыкновенный (букв. медвежья слеза)’, *айютабан* ‘борец противоядный; борец высокий; борец клобучковый (букв. медвежья пятка)’, *айютиш* ‘акант мягкий (букв. медвежий зуб)’, *айютырнакъ* ‘акант мягкий (букв. медвежий коготь)’, *айючач* ‘прангос феруловидный; ковыль перистый (медвежьи волосы)’[1].

Согласно мифологическим воззрениям карачаевцев и балкарцев, человек некогда трансформировался в медведя, благодаря чему этот зверь издавна подвергался сакрализации. Фамилии и имена, образованные от исходных названий медведя, например, фамилии *Айыулары* ‘Аюевы (Медведевы)’, *Гузойлары* ‘Гузоевы (Медвежонковы)’, Мамуколары ‘Мамукоевы (Медвежонковы)’, *Мамучулары* ‘Мамучиевы (Медвежонковы)’, *Хуболлары* ‘Хуболовы (Медвежонковы)’, как мы предполагаем, выступали в качестве имен-оберегов. Ср. также архаичное собственное мужское имя *Аду* ‘медведь’, которое на сегодняшний день исчезло из традиционного антропонимикона.

Как отмечает Г. Х. Бухарова, в топонимии «кодируется этнокультурная информация: одна система мотивирующих единиц (название животного) переносится на другую область действительности (географический ландшафт) и получает вторичную номинационную функцию, участвует в моделировании ландшафта. При этом активно используется зооморфный код культуры» (Бухарова, 2015: 493): *Айюлю* ‘медвежье’ (местность в Зеленчукском районе), *Айюлю ауш* ‘медвежий перевал’ (перевал в Зеленчукском районе), *Айюлю къая* ‘медвежья скала’ (скала восточнее урочища Долина Нарзанов), *Айюлю къол* ‘медвежья балка’ (местность в Карачаевском районе), *Айюлю къулакъ* ‘медвежья ложбина’ (местность в Карачаевском районе), *Айюлю тала* ‘медвежья поляна’ (местность в Зеленчукском районе), *Айюлю чат* ‘медвежий перевал’ поляна’ (местность в Зеленчукском районе)[2]. Появление такого рода топонимов обусловливается стремлением носителей языка обозначить различные физико-географические объекты (балка, ложбина, перевал, поляна, скала) с учетом локализации и встречаемости на их территориях медведей.

В карачаево-балкарской культуре образ антропоморфизированного медведя довольно часто встречается в таком жанре устного народного творчества, как сказка, особенно в анималистических сказках. Как явствует из специальных филологических исследований, особо почитаемый у карачаевцев и балкарцев сильный и храбрый представитель царства животных, несмотря на некоторую трансформацию, которую данный образ претерпел со временем, он все же остается сильным, но

[1] Хапаев Б. А., Хапаева А. Б. Этимологический словарь названий лекарственных растений (с карачаево-балкарскими фитонимами). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2022. С. 514–515.
[2] Хапаев С. А. Географические названия Карачая и Балкарии. М.: Фонд Эльбрусоид, 2013. С. 82.

глуповатым, обычно по сюжету выступает жертвой обмана. Для понимания характеристики медведя можно обратиться к следующему отрывку из сказки «Ышаннгысыз юч нёгер» («Три ненадежных друга»): *Айыу кибик деп бошму айтылгъанды?! Ол жазыкъ мондай, хыйла тюлкюге ийнанып, онг кёзюн да чыгъарып къапды да, ажымсыз толу сокъур болду*[1] ‘Зря что ли говорится, как медведь?! Этот бедный глупец, поверив хитрой лисе, съел, вытащив и свой правый глаз, стал полностью слепым’. Этим и детерминируется появление паремического высказывания *Тюлкю айыуну алдап, кёзлерин ашатдыргъанлай* ‘Словно лиса, которая, обманув медведя, заставившая съесть его свои глаза’.

Итак, образный слой концепта *айыу* ‘медведь’ отражает основные признаки медведя, которые метафорически переносятся на человека, репрезентируют его параметры и повадки. В основе метафорической номинации медведя лежат особенности его питания и названий частей тела.

Аксиологический слой

Аксиологический слой исследуемого концепта сопряжен с архаичными представлениями карачаево-балкарского этноса и отражается в его лингвокультуре. Зоонимы как элементы культурного пространства того или иного этноса входят в состав мифов и архетипов, выражая при этом значимые составляющие этнической культуры. С этих позиций представляется важным обращение к образу медведя, поскольку «образы животных аккумулируют представления социума о системе ценностей и норм поведения в виде мифологем, стереотипов и эталонов» (Маслов, 2013: 51), что имеет непосредственное отношение и к карачаево-балкарской лингвокультуре.

Изначально основным занятием у карачаевцев и балкарцев, как и у других этносов, была охота, в силу чего внимание людей, естественно, концентрировалось, прежде всего, на животных, в частности, на медведе. Народ по-особенному относился к нему, наделял душой, признавал существом, близким человеку (Хе, 2010: 232). Указанное актуально и для карачаево-балкарской лингвокультуры, ставящей знак равенства между человеком и медведем, которому, например, приписывается такое человеческое качество, как ум: *Айыу бек акъыллы жаныуарды. Хар затны да эсеплеп жюрюйдю. Аны ючюн айтадыла, былай этер ишин жашырып, хар затны да алгъадан билип тургъан адамны юсюнден ол айыу акъыллыды деп* ‘Медведь — очень умное животное. Он ходит, учитывая все. Поэтому о человеке, который, скрывая, что будет делать, знает все наперед, говорят — у него медвежий ум’.

Представления о медведе свидетельствуют о древних анимистических, тотемических представлениях народа, связанных с тенгрианством: *Айыу алгъын тиширыу болгъанды деучю эдиле къартла. Не хата, не гюнях иш этген эсе да, Тейрини чамландыргъанды да, ол аны жаныуар этип къойгъанды. Ма аны себепли айыу тиширыулагъа тиймейди* ‘Старики говорили, что раньше медведь был женщиной. Совершив какой-то грех, он рассердил Тейри, который превратил ее в зверя. Поэтому медведь женщин не трогает’.

Имеет место и обратное, когда уже человек происходит от медведя. Иначе говоря, речь идет о том, что рождение его детерминируется принудительным сожительством девушки с медведем. В результате этого такой человек наследует и медвежьи черты. Например, у главного персонажа мифа «Айыуланы Чагъыр» («Аюев (Медведев) Чагыр») одно ухо человеческое, а другое — медвежье. Конечно же, в силу своей богатырской силы, унаследованной от медведя, ума, доставшегося по человеческой линии, он побеждает эмегенов, собратьев-медведей, других чудовищ, спасается от козней ненадежных родственников, приобретает статус хана.

В связи с этим небезынтересными будут и сведения, полученные одним из соавторов статьи М. Б. Кетенчиевым от профессионального егеря А. М. Чеккеева (1934 г. р.): *Кеси кёзлерим бла кёргенме эркек, тиши айыуну да союлуп. Эркек айыу эр кишиге ушайды, тиши айыу а — тиширыугъа* ‘Своими глазами видел освежеванных самца и самку медведя. Самец на мужчину похож, а самка — на женщину’. Вышеприведенное, по всей видимости, связано с тотемизмом, в основе чего лежит вера в происхождение человека от тотемного животного.

Между тем общеизвестным является факт прагматичного подхода человека к медведю. Так, человек в качестве лекарственных средств использовал природные продукты животного происхождения, в том числе различные части тела медведя. У карачаевцев и балкарцев медвежий жир служил сна-

[1] Къарачай-малкъар халкъ жомакъла. 1-чи китабы [Карачаево-балкарские народные сказки. Т. 1] / сост. С. А. Мусукаева. Нальчик: Эльбрус, 2012. С. 535. (На кар.-балк. яз.)

добьем от различных простудных заболеваний. Медвежье мясо употреблялось при лечении туберкулеза, а желчный пузырь находил применение при лечении малярии, остановки рвоты и диареи (Техов, 1971: 36). Рану человека смазывали жиром медведя, так как он быстро заживляет. С целью придать силу и храбрость мальчикам давали съесть сердце медведя, а также глотать желчный пузырь. В этой связи следует отметить и тот факт, что первое пеленание младенца в свое время совершалось с использованием медвежьей шубы с верой в то, что он станет сильным как медведь и смелым тауаем (охотником на медведя)[1].

Когти медведя использовались и как талисман удачи. Их охотник клал на совок, полагая, что он встретит медведя на охоте. В последующем медвежьи когти стали носить как оберег от нечистой силы. Это детерминируется тем, что в традиционной практике карачаевцев и балкарцев большую роль играли различные талисманы, амулеты, призванные ограждать человека от различного вреда и болезней, поэтому ношение амулетов-апотропеев (Алексеева, 1985: 38), в том числе подвесок из клыков медведя воспринималось как защита. Охотники носили на своей одежде знаки-обереги, в магическую силу которых верили[2].

Таким образом, аксиологическая составляющая рассматриваемого концепта тесно связана с репрезентацией архетипического восприятия этносом медведя как могущественного существа, обладающего сверхъестественными качествами, в силу чего человек воспринимает его тотемным животным и способным защищать от воздействия внешних сил, что достигается в первую очередь употреблением в социокультурной практике народа различных «медвежьих» артефактов в магических целях.

Заключение

Исходя из изложенного выше, можно констатировать наличие как рациональных, так и иррациональных эволюционированных представлений карачаевцев и балкарцев о медведе, связанных с менталитетом этноса. Концепт *айыу* ‘медведь’ в традиционной карачаево-балкарской культуре связан с различными мифологическими представлениями народа. Образ антропоморфизированного медведя часто встречается в фольклоре и, переплетаясь с различными религиозно-мифологическими образами, он претерпел значительные изменения. *Айыу* ‘медведь’ в сознании карачаевцев и балкарцев представлен неоднозначно. В описании медведя встречаются как положительные, так и отрицательные характеристики. Однако, однозначно можно сказать, что образ медведя продолжает бытовать в сознании представителей этноса.

У концепта *айыу* ‘медведь’, представленного в карачаево-балкарской лингвокультуре, как и в других лингвокультурах, обнаруживается многослойность, которая проявляется в присутствии в его структуре нескольких качественно отличных составляющих: понятийный, образный и аксиологический слои. Понятийный слой рассматриваемого концепта репрезентирует как объективные, так и субъективные стереотипные характеристики медведя, связанные с его питанием, поведением, физическими характеристиками, местом обитания, а также возрастом, родовой принадлежностью, мастью. Весьма часто те или иные характеристики медведя метафорически переносятся на человека, т. е. образный слой концепта *айыу* ‘медведь’ отражает основные параметрические и поведенческие признаки медведя, проецирующиеся на человека, что зиждется на метафорических номинациях медведя, учитывающих специфику его питания и названий частей тела. Аксиологический слой подвергнутого анализу данного концепта обнаруживает утилитарную нагруженность артефактов, изготовленных из костей, шкуры и жира медведя, которые обладают ценностью в социокультурной практике карачаево-балкарского этноса, что базируется на их релевантности для удовлетворения значимых потребностей человека.

[1] Кудаев М. Ч. Культурное наследие балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 2012. С. 34.
[2] Там же. С. 69.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева, Е. П. (1985) О семантике орнамента глиняных и металлических изделий из археологических памятников Карачаево-Черкесии и о некоторых культах // Проблема археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии / отв. ред. Е. П. Алексеева. Черкесск : КЧНИИ. 207 с. С. 35–51.

Бурнаков, В. А. (2012) Медведь в традиционном мировоззрении хакасов // Вестник НГУ. Серия : История, филология. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 325–339.

Бутанаев, В. Я. (2000) Медведь по воззрениям хакасов // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири / отв. ред. И. Н. Гемуев, Н. А. Алексеев, И. В. Октярьская. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН. 104 с. С. 65–67.

Бухарова, Г. Х. (2012) Концепт *конь* в башкирской лингвокультуре (на материале башкирского мифологического эпоса) // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2 (031). С. 51–60.

Бухарова, Г. Х. (2015) Зооморфный код культуры в моделировании ландшафта и его отражение в башкирской топонимии // Российский гуманитарный журнал. Т. 4. № 6. С. 487–495.

Вежбицкая, А. (1996) Язык. Культура. Познание : пер. с англ. / отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М. : Русские словари. 411 с.

Волошина, С. В. (2020) Репрезентация концепта «Медведь» в диалектном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 65. С. 30–46. DOI: https://doi.org/10.17223/19986645/65/2

Воркачев, С. Г. (2013) Избранные работы по теории лингвокультурного концепта. Волгоград : Парадигма. 167 с.

Глотова, Е. А., Артемьева, К. В. (2020) Национально-культурная обусловленность семантики зоонима «медведь» // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. № 2 (27). С. 77–80. DOI: https://www.doi.org/10.36809/2309-9380-2020-27-77-80

Карасик, В. И. (2002) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.

Кутьева, М. В. (2022) Медведь: амбивалентность архетипа в русской лингвокультуре // Языкознание. Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. № 2 (35). С. 93–99. DOI: https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-35-93-99

Лихачев, Д. С. (1997) Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. М. : Academia. 317 с. С. 147–165.

Маслов, А. С. (2013) Использование индекса инвективности при характеристике зоометафор в современном русском языке // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. № 13 (156). Вып. 18. С. 51–58.

Машуков, З. Х., Якимов, А. В., Жаппуева, Л. Х., Закуреев, А. Р. (2013) Кавказский бурый медведь (Ursus arktos meridionalis Middendorff, 1851) в условиях Нальчикского государственного опытного охотничьего хозяйства (Кабардино-Балкария, Центральный Кавказ) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Естественно-математические и технические науки. № 1 (116). С. 47–53.

Мокшина, Е. Н. (2012) Образ медведя в религиозных и мифологических представлениях мордвы и других финно-угорских народов // Социально-политические науки. № . С. 16–19.

Потапов, Л. П. (1928) Пережитки культа медведя у алтайских турок // Этнограф-исследователь. № 2–3. С. 15–28.

Скрябина, А. А. (2016) Концепт «Эһэ/Медведь» в якутской языковой картине мира // Лингвокультура и концептуальное пространство языка. Сер. «Концептуальный и лингвальный миры» / отв. ред. О. Н. Морозова, М. В. Пименова. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. экономического ун-та. 554 с. С. 207–212.

Степанов, Ю. С. (2001) Константы. Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Академический Проект. 990 с.

Техов, Б. В. (1971) Очерки древней истории археологии Юго-Осетии. Тбилиси : Мецниереба. 295 с.

Фомин, Э. В. (2022) Образ медведя в чувашской культуре // Этническая культура. Т. 4. № 4. С. 62–65. DOI: https://doi.org/10.31483/r-103500

Хе, В. Х. (2010) Культ животных у народов Кавказа — источник сведений о териофауне исследуемого региона // Вестник Ставропольского государственного университета. № 69 (4). С. 230–237.

Юрков, Е. Е. (2012) Метафора в аспекте лингвокультурологии. СПб. : Издательский дом «Мир русского слова». 254 с.

Дата поступления: 02.07.2025 г.
Дата принятия: 26.01.2026 г.

REFERENCES

Alekseeva, E. P. (1985) On the semantics of the ornamentation of clay and metal products from archaeological sites of Karachay-Cherkessia and on certain cults. In: *Problema arkheologii i istoricheskoi etnografii Karachaevo-Cherkesii*, ed. by E. P. Alekseeva. Cherkessk, KChNII. 207 p. Pp. 35–51. (In Russ).

Burnakov, V. A. (2012) The bear in the traditional worldview of the Khakas. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, vol. 11, no. 3, Archaeology and ethnography, pp. 325–339. (In Russ).

Butanaev, V. Ya. (2000) The bear in the views of the Khakas, in *Peoples of Siberia: History and culture. The bear in ancient and modern cultures of Siberia*, eds. by I. N. Gemuev, N. A. Alekseev and I. V. Oktyarskaya. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ. 104 p. Pp. 65–67. (In Russ).

Bukharova, G. Kh. (2012) The concept horse in the Bashkir linguoculture (based on the material of the Bashkir mythological epos). *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 2 (031), pp. 51–60. (In Russ).

Bukharova, G. Kh. (2015) The zoomorphic cultural code in modelling the landscape and its reflection in Bashkir toponymy. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal*, vol. 4, no. 6, pp. 487–495. (In Russ).

Wierzbicka, A. (1996) *Language. Culture. Cognition*, ed. and comp. by M. A. Krongauz, introd. by E. V. Paducheva. Moscow, Russkiye slovari. 411 p. (In Russ).

Voloshina, S. V. (2020) Representation of the concept "Bear" in dialect discourse, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 65, pp. 30–46. (In Russ). DOI: https://doi.org/10.17223/19986645/65/2

Vorkachev, S. G. (2013) *Selected works on the theory of the linguocultural concept.* Volgograd, Paradigma. 167 p. (In Russ).

Glotova, E. A. and Artemyeva, K. V. (2020) National and cultural conditioning of the semantics of the zoonym "bear". *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, no. 2 (27), pp. 77–80. (In Russ). DOI: https://www.doi.org/10.36809/2309-9380-2020-27-77-80

Karasik, V. I. (2002) *The language circle: Personality, concepts, discourse.* Volgograd, Peremena. 477 p. (In Russ).

Kutyeva, M. V. (2022) Bear: Ambivalence of the archetype in Russian linguoculture. *Yazykoznanie. Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, no. 2 (35), pp. 93–99. (In Russ). DOI: https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-35-93-99l

Likhachev, D. S. (1997) The concept sphere of the Russian language. In: *Russian speech: from the Theory of Speech to the Structure of Text: an Anthology*, ed. by V. P. Neroznak. Moscow, Academia. 317 p. Pp. 147–165. (In Russ).

Maslov, A. S. (2013) The use of the invectiveness index in the characterization of zoometaphors in the modern Russian language. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 13 (156), issue 18, pp. 51–58. (In Russ).

Mashukov, Z. Kh., Yakimov, A. V., Zhappueva, L. Kh. and Zakureev, A. R. (2013) The Caucasian brown bear (Ursus arktos meridionalis Middendorff, 1851) in the conditions of the Nalchik State Experimental Hunting Farm (Kabardino-Balkaria, Central Caucasus). *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvenno-matematicheskie i tekhnicheskie nauki*, no. 1 (116), pp. 47–53. (In Russ).

Mokshina, E. N. (2012) The image of the bear in the religious and mythological beliefs of the Mordvins and other Finno-Ugric peoples. *Sotsialno-politicheskie nauki*, no., pp. 16–19. (In Russ).

Potapov, L. P. (1928) Survivals of the bear cult among the Altai Turks. *Etnograf-issledovatel*, no. 2–3, pp. 15–28. (In Russ).

Skryabina, A. A. (2016) The concept "Ehe/Bear" in the Yakut linguistic worldview. In: *Linguoculture and the conceptual space of language. Ser. "Kontseptualnyi i lingvalnyi miry"*, eds. by O. N. Morozova, M. V. Pimenova. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. ekonomicheskogo un-ta. 554 p. Pp. 207–212. (In Russ).

Stepanov, Yu. S. (2001) *Constants. Dictionary of Russian culture*, 2nd ed. Moscow, Akademicheskii Proekt. 990 p. (In Russ).

Tekhov, B. V. (1971) *Essays on the ancient history of archaeology of South Ossetia.* Tbilisi, Metsniereba. 295 p. (In Russ).

Fomin, E. V. (2022) The image of the bear in Chuvash culture. *Etnicheskaya kultura*, vol. 4, no. 4, pp. 62–65. (In Russ). DOI: https://doi.org/10.31483/r-103500

Khe, V. Kh. (2010) The cult of animals among the peoples of the Caucasus as a source of information on the theriofauna of the studied region. *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 69 (4), pp. 230–237. (In Russ).

Yurkov, E. E. (2012) *Metaphor in the aspect of linguoculturology.* Saint Petersburg, Mir russkogo slova. 254 p. (In Russ).

Submission date: 02.07.2025.
Acceptance date: 26.01.2026.

DOI: 10.25178/nit.2026.2.16

Статья

«Мемориал жертвам политических репрессий балкарского народа 1944–1957 годов» — место памяти и проекция будущего

Хаким К. Геграев, Ильяс Х. Геграев
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация

В статье анализируется значение Мемориала жертвам репрессий балкарского народа 1944–1957 гг., открытого в 2002 г., в г. Нальчике Кабардино-Балкарской Республики (Россия).

Мемориал посвящен трагическим событиям, связанным с депортацией балкарского народа в Среднюю Азию и Казахстан, поэтому его концепция связана с памятью о жертвах депортации и политических репрессий. Большую ценность представляет его электронная база данных со списком репрессированных в 1944–1957 годах. Вместе с тем экспозиция Мемориала содержит материалы разных этапов истории народа, включает некоторые знаковые предметы материальной культуры и народного творчества балкарцев.

Мемориал не только выступает хранилищем исторической памяти народа, он также популяризирует информацию, является площадкой для общественных дискуссий и тем самым играет значительную роль в культурной жизни республики. В том числе он выполняет функцию внутриэтнической коммуникации и консолидации этноса, развивает политическую и социокультурную субъектность народа.

Ключевые слова: *мемориал; балкарцы; Великая Отечественная война; депортация; мемориальные исследования*

Статья подготовлена в рамках внутреннего гранта КБГУ (Договор № 44 о выделении внутреннего гранта на финансовое обеспечение реализации проекта по проведению научного исследования от 15.12.2025 г.).

Для цитирования:
Геграев Х. К., Геграев И. Х. «Мемориал жертвам политических репрессий балкарского народа 1944–1957 годов» — место памяти и проекция будущего // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 245-268. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.16

Геграев Хаким Камилевич — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной деятельности Социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Российская Федерация, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: gegra70@mail.ru

Геграев Ильяс Хакимович — аспирант кафедры истории России и кавказоведения Социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Российская Федерация, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: ylgeg2001@gmail.com. Научный руководитель — д-р ист. н., проф. А. Х. Абазов.

Article

"Memorial to the Victims of Political Repressions of the Balkar People (1944–1957)" as a Site of Memory and a Projection of the Future

Khakim K. Gegraev, Ilyas Kh. Gegraev
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russian Federation

The article analyzes the significance of the Memorial to the Victims of Repressions of the Balkar People (1944–1957), opened in 2002 in Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic (Russia). The memorial is dedicated to the tragic events associated with the deportation of the Balkar people to Central Asia and Kazakhstan; therefore, its concept is closely linked to the commemoration of the victims of deportation and political repression. Of value is its electronic database containing a list of individuals subjected to repression between 1944 and 1957. At the same time, the memorial's exhibition presents materials from different stages of the people's history and includes significant artifacts of Balkar material culture and folk art.

The memorial functions not only as a repository of historical memory but also as a platform for disseminating knowledge and fostering public discussion, thereby playing an important role in the cultural life of the republic. It also performs the function of intra-ethnic communication and consolidation, contributing to the development of the political and sociocultural agency of the people.

Keywords: *memorial; Balkars; Great Patriotic War; deportation; memory studies*

Financing
The article was prepared within the framework of an internal grant from Kabardino-Balkarian State University (Agreement № 44 on the allocation of an internal grant for financial support of a scientific research project, dated December 15, 2025).

For citation:
Gegraev Kh. K. and Gegraev I. Kh. "Memorial to the Victims of Political Repressions of the Balkar People (1944–1957)" as a Site of Memory and a Projection of the Future. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 245-268 (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.16

GEGRAEV, Khakim Kamilevich, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Research, Social and Humanitarian Institute, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevskogo St., 360004, Russian Federation, Nalchik. E-mail: gegra70@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8470-1530

GEGRAEV, Ilyas Khakimovich, Postgraduate Student, Department of Russian History and Caucasian Studies, Social and Humanitarian Institute, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevskogo St., 360004, Russian Federation, Nalchik. E-mail: ylgeg2001@gmail.com. Supervisor — A. Kh. Abazov, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Введение

В истории одного из титульных этносов Кабардино-Балкарской Республики, — балкарского народа, — особое место занимают трагические события, связанные с его насильственной депортацией и пребыванием в ссылке с 1944 по 1957 гг. в Казахстане и Средней Азии. Как известно, такая же участь постигла в период Второй мировой войны и целый ряд других народов Советского Союза. Акты депортации нанесли существенный урон численности, материальной и духовной культуре этих народов. Так, накануне Великой Отечественной войны численность балкарцев составляла около 50 тыс. чел., абсолютное большинство которых проживало в четырех горных районах Кабардино-Балкарской АССР: Чегемском, Черекском, Хуламо-Безенгийском и Эльбрусском (Геграев, 2001).

8 марта 1944 г. с территории Кабардино-Балкарской АССР было депортировано 37,4 тыс. чел.[1] Остальная часть народа, в большинстве своем, к тому времени находилась, либо уже погибла на фронтах Великой Отечественной войны. Особенно большие потери балкарский народ понес в ходе мучительного двухнедельного пути в товарных вагонах и в первые четыре года пребывания (1944-1948) в Средней Азии и Казахстане от голода, болезней, сурового климата, жесткого психологического давления режима комендатур. Д. В. Шабаев, тат по национальности, участник Великой Отечественной войны, много лет возглавлявший Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики, отмечал в своей монографии: «По официальным данным, за короткий период, с 1 апреля 1944 г. по сентябрь 1946 г., т. е. за два с половиной года, в Киргизии и Казахстане умерло 4849 балкарцев. Это каждый восьмой балкарец, находившийся в ссылке» (Шабаев, 1994; 180). При этом Д. В. Шабаев уточнял, что «…учитывая особенности расселения балкарцев в Средней Азии и Казахстане, а именно, его предельно дисперсный характер…это далеко не полные данные» (Шабаев, 1994: 180). Только в 1950-е гг., с ослаблением режима комендатур, особенно после смерти Сталина, а также с постепенной адаптацией балкарцев к местным природно-климатическим условиям, хозяйственно-бытовому укладу, возвращением мужского населения из армии, демографическая ситуация начала несколько выправляться.

Наконец, хрущевская «оттепель» открыла возможность возвращения балкарцев на свою историческую родину. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. и последовавшие за ним законодательные акты РСФСР и Кабардино-Балкарской АССР оформили восстановление автономии балкарского народа (Сабанчиев, 2008: 366, 384). В конце 1980-х, 1990-е и 2000-е гг. также был предпринят ряд шагов на федеральном и республиканском уровнях, направленных на политическую и социально-культурную реабилитацию балкарского народа. Одним из таких шагов стало открытие в 2002 г. в столице Кабардино-Балкарской Республики, городе Нальчике, Мемориала жертвам политических репрессий балкарского народа (далее — Мемориал).

Цель данного исследования — проанализировать значение феномена Мемориала как своего рода исторической летописи балкарского народа, центра культуры и места притяжения людей разных поколений. Объектом исследования является Мемориал жертвам репрессий балкарского народа с его внешним и внутренним пространством; предмет исследования — экспозиция Мемориала как собрание историко-культурного наследия балкарского народа и связанные с ней мемориальные практики.

Методологической основой исследования стал междисциплинарный подход, сочетающий методы историзма, включенного наблюдения, сравнения и типологизации, качественные методы социологии (беседы, интервью), а также современные методы социальной и культурной антропологии, посредством которых исследуются такие проблемные области, как: антропология памяти, пространственная антропология, антропология смерти и траура. Как отмечала А. Ассман в своем исследовании по мемориальной культуре и исторической политике: «Мы переживаем ныне “посттравматическую эпоху”, в которой мемориальные практики тесно переплетены с мемориальными теориями. Индивидуальные и коллективные воспоминания становятся все менее спонтанным, естественным или сакральным актом, они во все большей мере опознаются как социальные и культурные конструкты, изменяющиеся во времени и обретающие собственную историю» (Ассман, 2014: 12).

На небольшом пространстве Мемориала собраны наиболее знаковые символы исторической памяти, материального и нематериального наследия балкарского народа. К тому же, и это демонстриру-

[1] Иосиф Сталин-Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии / сост. Н. Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. С. 117–118.

ет экспозиция Мемориала, законы жанра «биографии нации» требуют драматического развертывания и сюжетной завершенности событийного ряда, который, последовательно репрезентируя ключевые «места памяти», «национальные ценности» и «культурные символы», неуклонно и судьбоносно продвигается в линейной перспективе к актуальной действительности коллективного героя и сходится к субъекту идентификации в настоящий момент его существования (Прошлое для настоящего … , 2020: 19).

Такого рода мемориальные локации позволяют соединить в себе «четыре формации, которые различаются по критериям пространственно-временного диапазона, по размеру группы, а также по ее неустойчивости или стабильности: память индивидуума, социальной группы, политического коллектива нации и, наконец, память культуры» (Ассман, 2014: 19). Сравнивая в своем исследовании балкарский этнокультурный материал с аналогичным у тюркских народов, в частности у тувинцев, казахов, гагаузов, мы не можем обойтись без кросс-культурного подхода, ибо, по замечанию Т. Х. Эриксена, «сравнительный кросс-культурный подход и та культурная саморефлексия, которые предлагает антропология, имеют принципиальное значение в нашем сжимающемся мире, где так не достает знания жизни других людей «изнутри» и верного понимания чужого опыта и идей…» (Эриксен, 2014: 224).

Источниковой базой исследования стали, во-первых, материалы постоянной экспозиции и архивных фондов Мемориала. Экспозиция вобрала в себя не только материалы, связанные с собственно депортацией народа, но и с его традиционной культурой, в том числе и в виде аутентичных артефактов, продолжающих играть неоценимую роль в сохранении исторической памяти и культурного наследия балкарского народа. Тематическое и жанровое разнообразие экспозиции Мемориала дополняют также хранящиеся здесь произведения изобразительного искусства: живописные и графические полотна, скульптуры, произведения декоративно-прикладного искусства балкарских мастеров. Во-вторых, это информация о мемориальных комплексах и музеях, находящихся в разных регионах России и стран ближнего зарубежья, которая представлена на их сайтах. В-третьих, это тувинско-русский, казахско-русский и другие словари, служившие нам источником для сравнения этнографической лексики карачаево-балкарского, тувинского и казахского языка, как тюркских языков, носители которых проживают, соответственно, на Северном Кавказе, в Восточной Сибири и Центральной Азии, но при этом сохраняют этнокультурную близость. Наконец, в-четвертых, экспертные мнения представителей балкарской интеллигенции (5 чел.) о миссии Мемориала для настоящих и будущих поколений, записанные авторами статьи — в 2025 г.

Обзор литературы

Всю совокупность использованных в данном исследовании опубликованных работ можно разделить на три тематические группы. В первую группу входят работы, важные для нас точки зрения понятийного аппарата и антропологий идентичности, памяти, мемориальных практик. Это, в частности, исследование А. Ассмана о мемориальной культуре и исторической политике (Ассман, 2014); монография М. Ю. Барбашина об институциональном воспроизводстве этнической идентичности в локальных сообществах (Барбашин, 2013).

Этносоциологические подходы в исследовании идентичности всесторонне рассмотрены в монографии М. Н. Губогло (Губогло, 2003). Роль сферы священного и поминальных обрядов в жизни различных обществ раскрывается в монографии Р. Жерома (Жером, 2000). Историческая память и нарративы национальной идентичности на примере разных эпох, империй и цивилизаций исследованы в коллективной монографии «Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности» (Прошлое для … , 2020). Ценные для нас понятия «кластеры пространства», «пространственные места» определены в исследовании В. А. Тишкова по социально-культурной антропологии (Тишков, 2021). Важность кросс-культурного подхода и «культурной саморефлексии» в антропологических исследованиях подчеркиваются в работе Т. Х. Эриксена (Эриксен, 2014).

Вторую группу составляют исследования, посвященные истории депортации балкарского народа и ее различным последствиям, в том числе становлению соответствующих мемориальных практик и роли в этом национальных общественных движений. В работе Х. К. Геграева (Геграев, 2001) исследованы демографические последствия Великой Отечественной войны и депортации для балкарского народа. Одной из наиболее фундаментальных монографий по истории депортации балкарцев, их воз-

вращения на историческую родину и обретения этнокультурной субъектности является работа Х.-М. А. Сабанчиева (Сабанчиев, 2008). В то время, как одной из первых работ в постсоветской историографии по данной проблематике стала монография Д. В. Шабаева (Шабаев, 1994).

В коллективной монографии ученых Кабардино-Балкарии «Основные проблемы развития общественно-политической ситуации в Кабардино-Балкарии в конце XX — начале XXI века» имеется раздел по проблемам актуализации исторической памяти и становления мемориальных практик балкарского народа в постперестроечные десятилетия (Кушхабиев и др., 2021). В сравнительном аспекте интерес для нас представляет коллективная монография З. В. Анайбан, М. Н. Губогло, М. С. Козлова об особенностях процессов «этнического ренессанса» среди тувинского народа в последнее десятилетие XX века (Анайбан, Губогло, Козлов, 1999).

Третью группу работ составляют исследования по различным аспектам этнической культуры балкарского народа, ставших неотъемлемой частью его мемориальных практик. Из более ранних работ мы отмечем исследования Ю. Н. Асанова (Асанов, 1976) и Э. Б. Бернштейна (Бернштейн, 1993), посвященных балкарским традиционным поселениям и жилищам, ставших ярким маркером этноландшафта высокогорной Балкарии. Концепт камня (балк. — *таш)* как архетипа Вечности в балкарской картине мира, на примере творчества классика балкарской литература К. Ш. Кулиева, рассматривается в работе Х. К. Геграева (Геграев, 2017). Наиболее фундаментальным обобщающим трудом по истории и культуре карачаево-балкарцев, на сегодняшний день, является академическое издание «Карачаевцы. Балкарцы» (Карачаевцы. Балкарцы, 2014). Важными для нас, с точки зрения экспозиции Мемориала, стали исследования по традиционной одежде и орнаментальному искусству карачаево-балкарцев, воплощенные, в частности, в трудах Е. Н. Студенецкой (Студенецкая, 1989) и А. М. Султановой (Султанова, 2016).

Однако, при всём том значительном научном заделе, накопленном в области исторического карачаево-балкароведения, феномен Мемориала и связанных с ним мемориальных практик балкарского народа ещё не становился предметом специального научного исследования.

К истории возникновения Мемориала

В конце XX в., на переломе эпох, проблематика памяти и идентичности выдвинулась на передовые позиции как в общественном сознании, так и в научных дискуссиях, а рационально мыслящими профессионалами охвативший общество «мемориальный бум» был осознан как вызов. Многие были склонны подчеркивать классическую оппозицию между *памятью*, обладающей силой формировать идентичности, и *историей*, призвание которой — объективно анализировать и обобщать (Прошлое для … , 2020: 32). Хотя в случае с балкарским «мемориальным бумом» вряд ли можно говорить о выраженной дихотомии между *памятью* и *историей,* поскольку многие представители балкарской научной интеллигенции сами были активными участниками ревитализации исторической памяти народа, пострадавшей во многом из-за насильственной депортации.

В позднесоветский и постсоветский периоды, на волне демократизации и роста национального самосознания, были созданы целый ряд балкарских общественных организаций («Ныгъыш», «Тере», Национальный совет балкарского народа, «Алан» и др.), выступавших за полную политическую, социально-экономическую и культурную реабилитацию балкарского народа, которая, согласно господствовавшему тогда общественному мнению внутри народа, не была осуществлена после его возвращения из мест депортации. Так, одна из первых балкарских общественных организаций «Ныгъыш» («Совет»)[1] принимала активное участие в создании первого балкарского танцевального ансамбля «Балкария» в 1988 г., а затем содействовала в получении им статуса государственного фольклорно-этнографического ансамбля.

Первый концерт «Балкарии» состоялся в 1990 г. в столице Кабардино-Балкарии г. Нальчике (Кушхабиев и др., 2021: 97). Ансамбль доказал свою творческую состоятельность, приобрел широкую известность, успешно выступает и в настоящее время, являясь также постоянным участником мероприятий, посвященных Дню памяти о депортации балкарского народа (*фото 1*).

[1] Так в балкарских аулах называлась площадь в центре поселения, на которой в часы досуга или по необходимости собирались взрослые мужчины, чтобы обсудить вопросы текущей жизни, либо принять решение по той или и ной проблеме.

Фото 1. Мемориал жертвам репрессий балкарского народа в День памяти о жертвах депортации балкарского народа (8 марта). Мужчины в черных бурках и белых башлыках — участники государственного фольклорно-этнографического ансамбля «Балкария», выражающие образы скорбящих горцев. Из архива Мемориала, 2014 г.
Photo 1. Memorial to the victims of the repression of the Balkarian people on the Day of Remembrance of the Victims of the Deportation of the Balkarian people (March 8). Men in black burkas and white caps are members of the state folklore and ethnographic ensemble "Balkaria", expressing images of grieving mountaineers. From the Memorial archive, 2014.

Также стали возникать формальные и неформальные родовые объединения, которые ставили своей задачей, в частности, консолидацию и взаимную поддержку людей, связанных кровными узами, передачу ценностей традиционной культуры и родовой памяти молодому поколению. Авторы исследования об аналогичных процессах, происходивших в Туве в последнее десятилетие XX в., отмечали, что в постсоветской Туве вместе с этническим ренессансом наблюдались и возрождение родовой идентичности, возникновение соответствующих объединений на основе родовой памяти и родовой принадлежности (Анайбан, Губогло, Козлов, 1999: 23, 81).

Если говорить о стране в целом, то проблема роста общественного внимания к этнофактору и численного роста движений этномобилизации, воздействующих на региональные и локальные сообщества, актуализировалась в России в период перестройки во второй половине 1980-х гг. Данная тематика и в XXI в. остается актуальной — не в последнюю очередь благодаря социальным процессам «ренессанса этногенеза» (Барбашин, 2013: 346).

Росту движений этномобилизации в 1990–2000-е гг., в самых разных ее проявлениях, в том числе в мемориальных политиках, способствовала особая острота экономического, социального, духовно-культурного кризиса, затронувшего народы Северного Кавказа. Авторитетный этносоциолог М. Н. Губогло даже считал, что тюркские народы Северного Кавказа, пожалуй, в большей мере, чем другие народы этого региона и всего постсоветского пространства, испытали на себе удары реформаторской деятельности Центра и ужас перехода к демократии и рыночной экономике (Губогло, 2003: 201). На примере балкарского кейса это проявлялось в том, что ввиду как экономических причин, так и локальных войн и конфликтов, имевших место в тот период на Северном Кавказе, в упадке оказалась туристическая сфера, с которой, в силу проживания в горной местности, традиционно были связаны балкарцы через занятия скотоводством и народными промыслами — обработкой шерсти и изготовлением вязаных изделий, пользовавшихся спросом у туристов. Также в упадке оказалась сфера промышленного производства, в частности горнорудная (г. Тырныауз), со всей сопутствующей инфраструктурой, что приводило к оттоку трудоспособного балкарского населения в другие регионы страны. Поэтому в дни мемориальных дат вспоминали не только трагические события депортации, но и поднимали проблемы актуального социально-экономического и духовно-культурного состояния народа.

М. Н. Губогло, неоднозначно оценивая начальный этап этнической мобилизации тюркских народов Северного Кавказа на рубеже XX–XXI вв., отмечал: «Этническая мобилизация тюркских на-

родов Кавказа, пережившая пиковые взлеты и экстремальные ситуации на рубеже 1980–90-х годов и не исчерпавшая своих резервов на всем протяжении последнего десятилетия, пульсирует в поле медленно и трудно формирующейся общероссийской национальной политики, включается в научный дискурс, выступая в различных регионах в качестве конструктивного партнера и опоры российских государственных интересов (в частности, на Кавказе) или, напротив, в роли фрондирующего оппонента, как деструктивная сила» (Губогло, 2003: 208). Здесь надо добавить, что в роли фрондирующего оппонента она выступала большей частью по отношению к региональным властям. С начала 2000-х гг. именно пространству Мемориала довелось стать не только местом памяти, но и свободных высказываний на злобу дня, и о перспективах развития народа, с точки зрения его политической и социально-культурной субъектности.

Государственное казенное учреждение культуры «Мемориал жертв политических репрессий 1944-1957 годов» было открыто 8 марта 2002 г., в 58-ю годовщину депортации балкарского народа в ходе политических репрессий 1944–1957 гг. Зодчим здания является М. З. Гузеев, руководил строительством — Заслуженный строитель Кабардино-Балкарской Республики И. К. Уянаев. Основателем и первым директором Мемориала был Таукенов Идрис Хусеевич (1937–2007). В настоящее время Мемориал возглавляет Теммоева Шахидат Ибрагимовна, Заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарской Республики[1].

Появление Мемориала стало возможным как результат политического диалога между общественными организациями балкарского народа с республиканскими и федеральными органами власти. В столице Кабардино-Балкарии (далее — КБР), г. Нальчике, еще в первые годы Советской власти был открыт краеведческий музей, который в настоящее время называется «Национальный музей Кабардино-Балкарской Республики», но его экспозиция охватывает историю народов республики с древнейших до новейших времен, тогда как открытие Мемориала означало появление у балкарского народа центральной локации для проведения памятных дней его истории, прежде всего связанных с поминовением умерших по пути в ссылку и в местах спецпоселений, придавая, тем самым, по выражению Р. Жирара, «поминальному обряду катартическую силу, пропорциональную нуждам общества, в котором он должен функционировать» (Жирар, 2000: 331).

Внешнее пространство Мемориала и память о Кязиме Б. Мечиеве

Здание Мемориала не типовое, имеющее самостоятельное архитектурное значение. Оно располагается в центре курортной зоны г. Нальчика, на развилке дорог в два пригородных сельских поселения — Хасания и Белая Речка (балк. *Акъ-Суу*), в которых преимущественно проживают балкарцы. Общая площадь здания — 400 м^2. Оно сочетает в себе элементы традиционного балкарского (массивная каменная кладка) (Асанов, 1976: Бернштейн, 1993) и центральноазиатского зодчества (купольные сооружения). Хотя и в балкарской архитектуре средневековых погребальных сооружений известны купольные сооружения-мавзолеи (балк. *кешене,* каз. *кесене*), но они носили менее монументальный характер. Композиция Мемориала начинается с гранитных парапетов, расположенных по обе стороны от площади, на которые нанесены две ключевые даты, связанные с историей депортации балкарского народа — 8 марта 1944 г. — начало трагедии насильственного выселения, и 28 марта 1957 г. — восстановление автономии балкарского народа в составе Кабардино-Балкарской АССР (*фото 2*).

На внешней территории Мемориала расположена могила основоположника балкарской письменной литературы Кязима Бекиевича Мечиева, умершего в 1945 г. в депортации и прах которого был перевезен в 1999 г. из Казахстана и перезахоронен на родине, на территории сквера, примыкающего к зданию Мемориала. В 2020 г., с левой стороны от здания Мемориала памяти жертв репрессий балкарского народа, был открыт мемориальный комплекс в виде ансамбля из барельефов с изображениями основных этапов жизненного пути К. Б. Мечиева и плит с его стихотворениями, наиболее ярко выражающими его жизненную философию (*фото 3*).

[1] Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 годов. Главная страница [Электронный ресурс] // ГКУК «Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 годов». URL: https://memorialbn.ru/ (дата обращения: 20.09.2025).

Фото 2. Площадь Памяти перед Мемориалом жертвам репрессий балкарского народа с обозначением даты (слева) начала депортации в Казахстан и Среднюю Азию (8 марта 1944 г.) и датой принятия Верховным Советом Кабардинской АССР решения о восстановлении Кабардино-Балкарской АССР (28 марта 1957 г.). Фото Х. К. Гегаева, 28 августа 2025 г.
Photo 2. Memorial Square in front of the Memorial to the victims of the repressions of the Balkarian people with the date (on the left) of the beginning of deportation to Kazakhstan and Central Asia (March 8, 1944) and the date of adoption by the Supreme Council of the Kabardian ASSR of the decision on the restoration of the Kabardino-Balkarian ASSR (March 28, 1957). Photo by Kh. K. Gegraev, August 28, 2025.

Фото 3. Мемориальный комплекс основоположнику балкарской письменной литературы Кязиму Мечиеву на площади перед Мемориалом жертвам репрессий балкарского народа. Из архива Мемориала, 2021 г.
Photo 3. Memorial complex to the founder of the Balkarian written literature Kazim Mechiev on the square in front of the Memorial to the victims of the repressions of the Balkarian people. From the Memorial archive, 2021.

Здесь надо отметить, что для балкарской и, в целом, для мусульманской традиции не характерно перезахоронение праха умершего. Но в случае с К. Мечиевым сделали исключение, поскольку для балкарского сознания было трудно примириться с тем, что такая знаковая, в культурно-нравственном смысле, фигура будет покоиться на чужбине, в казахстанской степи. К тому же он оставил поэтическое завещание, написанное еще в 1910 г. в Дамаске, по пути в *хадж* (паломничество), в котором есть такие строки (в переводе с балкарского):

Если камень сорвётся в ущелье,
В тёмной пропасти сгинув навек,
То ничто никогда возвращенья

Не сулит ему больше наверх.

О, Аллах! Пусть мы так же не канем!

Если сам я дойти не смогу,

То, молю тебя, — сделай хоть камнем,

Но к родному верни очагу![1]

Присутствие образа Кязима Мечиева, воплощенного в посвященном ему мемориальном комплексе, как символа балкарской этничности, на территории Мемориала жертвам репрессий балкарского народа, соответствует общей традиции, поскольку, по мысли А. Ассман, «в традиционных мемориалах воздают дань памяти основателям собственной культуры и выдающимся деятелям ее прошлого, чтобы возвысить настоящее. Такова положительная, смыслообразующая функция мемориалов независимо от того, идет ли речь о приятном, величественном или ужасном прошлом» (Ассман, 2014: 239).

На огромных плитах высечены стихи поэта на балкарском и русском языке. Они вобрали в себя основные этапы жизненного пути и суть философии Кязима Мечиева. Память о своем предке предложила увековечить праправнучка поэта, 14-летняя Амина, которая захотела, чтобы его знали и помнили все:

> «В детстве часто гуляла с папой по центральному парку Нальчика, там есть памятник Кязиму Мечиеву, я останавливалась, читала ему стихи, плакала, мы приходили сюда, и я сказала папе, почему у такого великого человека такая неприметная могила, и что мечтаю о том, чтобы был большой памятник. Папа пообещал, что обязательно воплотит мою мечту в реальность, и вот получилось»[2].

Идея мемориала, посвященного памяти основоположника балкарской письменной литературы, появилась в 2017 г., а затем был создан Фонд культуры имени Кязима Мечиева, который возглавил правнук поэта и папа Амины — Мечиев Батырбек Ильясович, генеральный директор горно-строительной компании. Мемориал памяти поэта построен на средства фонда и при содействии министерства культуры КБР, строительство памятника было закреплено специальным указом главы региона. Образ поэта и мыслителя воплотил в граните и бронзе народный художник КБР Борис Гуданаев, у которого, по его собственному признанию, была очень сложная задача:

> «Образ Кязима Мечиева вобрал в себя все качества человечества: он и мудрец, и труженик, и философ, и религиозный просветитель. Все решения памятника были продиктованы тем, что я хотел какую-то одну его черту передать. Я решил ближе к человеческому образу, чтобы доброта читалась»[3].

Над бюстом из бронзы он работал полгода, многофигурные рельефы из гранита заняли еще столько же времени. Стихотворения, в которых, по определению автора памятника, «сохранена прозрачность языка», были подобраны коллегиально.

Скромный надмогильный памятник (*фото 4*) выполнен из камня, привезенного из родного К. Мечиеву Безенгийского ущелья, которое было заселено одним из пяти исторических балкарских обществ (балк. *Беш Тау Эль*), сложившихся как этнический ареал балкарского народа в ущельях самой высокогорной части Центрального Кавказа. Помимо упомянутого Безенгийского, это также Черекское, Хуламское, Чегемское и Баксанское ущелья, освоенные человеком еще в древности. В период средневековья на их территории сложились балкарские горные феодальные общества — собственно Балкарское (балк. *Малкъар)*, как самое крупное по численности населения давшее название в качестве экзоэтнонима всему балкарскому народу и исторической области Балкария; Хуламское; Безенгийское; Чегемское; Баксанское (Урусбиевское).

[1] Мечиев К. Б. Разум и голос: Стихотворения и поэмы: пер. с балк. / сост. А.М. Бегиев; вступит. ст. К. Ш. Кулиева; пер. С. И. Липкина и Г. Б. Яропольского. Нальчик: Эльбрус, 2009. С. 107.

[2] Мемориальный комплекс основоположнику балкарской литературы Кязиму Мечиеву — Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 годов [Электронный ресурс] // ГКУК «Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 годов». URL: : https://memorialbn.ru/?mawlad=мемориальный-комплекс-основоположник (дата обращения: 20.09.2025).

[3] Мемориальный комплекс основоположнику балкарской литературы Кязиму Мечиеву [Электронный ресурс] // ГКУК «Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 годов». URL: https://memorialbn.ru/?mawlad=мемориальный-комплекс-основоположник (дата обращения: 01.07.2025).

Фото 4. Могила основоположника балкарской письменной литературы Кязима Беккиевича Мечиева возле Мемориала жертвам репрессий балкарского народа (балк. Мёчюланы Беккины жашы Кязим) (1859–1945). Фото Х. К. Геграева. 2025 г.
Photo 4. The grave of the founder of the Balkarian written literature, Kazim Bekkievich Mechiev, near the Memorial to the Victims of the Repressions of the Balkarian people (balk. Kazim, son of Becky mechieva) (1859–1945). Photo by H. K. N. Gegraev. 2025

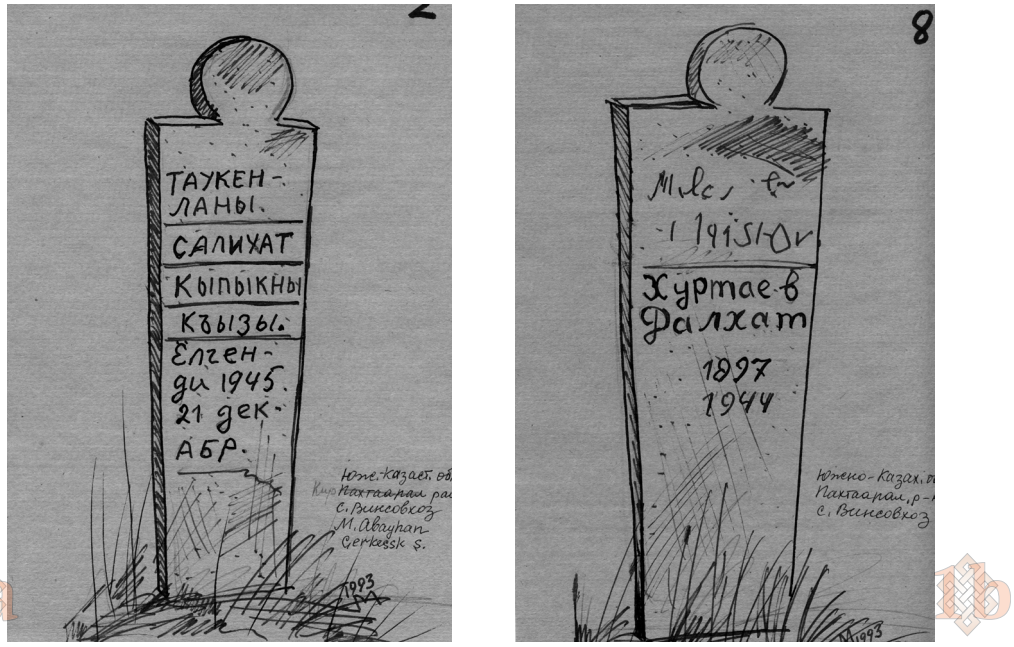

Рис. 1: a — Надмогильный камень умершей в 1945 г. в Казахстане балкарки; b — Надмогильный камень умершему в 1944 г. в Казахстане балкарцу. Автор эскизов М. Абайхан, 1993 г. Из архива Мемориала.
Fig. 1: a is the gravestone of the Balkarian woman who died in 1945 in Kazakhstan; b is the gravestone of the Balkarian man who died in 1944 in Kazakhstan. The author of the sketches is M. N. Abaykhan, 1993. rom the Memorial archive.

В фондах Мемориала хранится целый ряд эскизов с изображениями надмогильных памятников над захоронениями умерших в Средней Азии и Казахстане балкарцев. Они иллюстрируют стремление народа и на чужбине сохранять определенный национальный стиль в конфигурации надмогильных памятников — в частности, их условно-антропоморфный облик (*рис. 1ab*).

Вообще, в балкарской материальной и духовной культуре, в этнической картине мира, зримо присутствует концепт *Таш* (тув. *даш*; каз. *тас*), который выступает фундаментальным архетипом Вечности (Геграев, 2017: 71–79).

Таким образом, за первые два десятилетия текущего столетия, в результате частно-государственного социального партнерства, удалось создать мемориальную локацию, включающую в себя Мемориал жертвам репрессий балкарского народа 1944–1957 гг., могилу Кязима Мечиева и Мемориальный комплекс основоположнику балкарской литературы Кязиму Мечиеву.

Внутреннее пространство Мемориала

Помещение первого экспозиционного зала Мемориала расположено в цокольном этаже, спуск в который насчитывает 13 ступеней, символизирующих 13 лет жизни народа в депортации (*фото 5*).

Фото 5. Ступеньки, ведущие в выставочный зал Мемориала, символизируют годы пребывания балкарцев в ссылке. Из архива Мемориала.
Photo 5. The steps leading to the Memorial's exhibition hall symbolize the years of the Balkars' exile. From the Memorial archive.

Выставочные залы Мемориала располагаются на двух ярусах (*фото 6*). На первом ярусе размещена экспозиция с документами и артефактами, относящимися к периодам: досоветскому (*фото 7* и *8*), советскому довоенному, военному, депортации и первым годам после возвращения балкарцев на историческую родину (*фото 9–12*). На втором ярусе экспозиция рассказывает о людях и событиях, связанных с реабилитацией балкарского народа, достижениями послевоенного советского и постсоветского времени.

На территории Мемориала ежегодно отмечаются две даты, связанные с периодом 1944–1957 гг.: День депортации балкарского народа (8 марта 1944 г.) и День восстановления государственности балкарского народа (28 марта 1957 г.). В эти и другие дни для посетителей Мемориала проводятся экскурсии на русском и балкарском языках для всех возрастных категорий. Мемориал, кроме собственно мемоативных практик, стал также площадкой для проведения научных конференций, круглых столов, творческих конкурсов, тематически связанных с прошлым и настоящим балкарского народа.

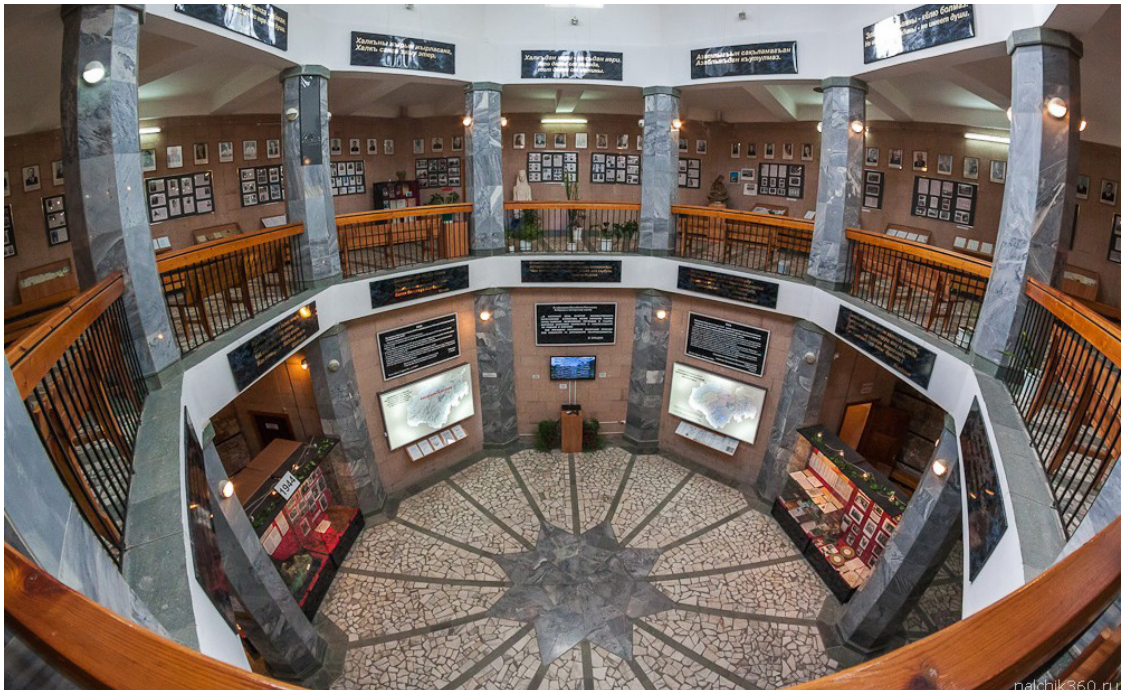

Фото 6. Два яруса выставочных залов Мемориала. Из архива Мемориала.
Photo 6. Two tiers of the Memorial's exhibition halls. From the Memorial archive.

Фото 7. Материалы, относящиеся к досоветскому периоду истории балкарцев (карта Балкарии, фотографии видных деятелей балкарского народа и сцен из повседневной жизни). Из архива Мемориала.
Photo 7. Materials related to the pre-Soviet period of the history of the Balkars (map of Balkaria, photographs of prominent figures of the Balkarian people and scenes from their daily lives). From the Memorial archive.

Фото 8. Мужская и женская одежда балкарцев с традиционными коврами-кийизами. Из архива Мемориала.
Photo 8. Men's and women's clothing of Balkarians with traditional kiyiz carpets. From the Memorial archive.

Фото 9. Документы и фотоматериалы о начале (8 марта 1944 г.) и первых годах депортации балкарцев. Из архива Мемориала.
Photo 9. Documents and photographic materials about the beginning (March 8, 1944) and the first years of the Balkarian deportation. From the Memorial archive.

Фото 10. Группа ссыльных балкарцев. 1953 г. Из архива Мемориала.
Photo 10. A group of exiled Balkarians In 1953. From the Memorial archive.

Фото 11. Документы и фотоматериалы о начале возвращения балкарцев на родину (1957 г.). Из архива Мемориала.
Photo 11. Documents and photographic materials about the beginning of the Balkarians' return to their homeland (1957) from the Memorial archive.

Фото 12. Балкарские девушки-строители на высокогорном руднике в Тырныаузе в первые годы после возвращения из Казахстана и Средней Азии. Из архива Мемориала.
Photo 12. Balkarian construction girls at the high mountain mine in Tyrnyauz in the first years after returning from Kazakhstan and Central Asia. From the Memorial archive.

Лейтмотивом экскурсий стали слова классика балкарской литературы, получившего и широкое международное признание, Кайсына Шуваевича Кулиева из его поэмы «Завещание» (балк. «Осуят»): «Мы поняли, что всех больших тиранов, ты долговечней, маленький народ»[1]. В ходе экскурсий кратко излагается история балкарского народа по вышеуказанным периодам и темам экспозиции, основной смысл которой — довести до посетителей Мемориала, что, несмотря на большие человеческие жертвы и унижения, постигшие его в изгнании, народ сумел с достоинством выдержать трагедию депортации, сохранив свою культуру и самобытность.

За менее, чем четверть века своей деятельности Мемориал накопил около 23 тыс. единиц хранения, которые входят в следующие его фонды: основной фонд; научно-вспомогательный фонд; библиотечный фонд; предметы материальной культуры и народного творчества; произведения живописи, графики и скульптуры; электронные версии документов и фотоматериалов; документы или их копии и личные вещи классика балкарской литературы К. Ш. Кулиева, переданные в экспозицию Мемориала семьей Кайсыны Шуваевича Кулиева; документы или их копии и личные вещи основоположника балкарской письменной литературы Кязима Бекиевича Мечиева; документы или их копии и личные вещи народного певца Омара Магометовича Отарова; оригинальные документы фронтовиков; граждан, переживших депортацию.

В том числе в экспозиции залов экспонируется около 3200 единиц материалов.

Для ныне живущих и будущих поколений балкарцев большую ценность представляет электронная база данных со списком репрессированных в 1944–1957 гг., официально переданная в 2008 г. Мемориалу из ИВЦ МВД КБР — на 59896 чел., созданная в форме реквиема-мартиролога, в котором каждый балкарец сможет отыскать своих родственников, подвергшихся репрессиям[2].

Этнографическая экспозиция Мемориала

Как видно из вышесказанного, концепция Мемориала, связанная, главным образом, с памятью о жертвах депортации и политических репрессий, включает в себя также некоторые знаковые предметы материальной культуры и народного творчества балкарцев, являющихся частью экспозиции. Одним из таких примечательных элементов материальной культуры и декоративно-прикладного искусства балкарцев выступает войлочный ковер *кийиз* (тув. *кидис*, каз. *киіз кілем*), который был универсальным по своему утилитарному назначению и разнообразным по технологии изготовления и орнаментации. Известно, что традиция производства войлока уходит своими корнями в древнетюркскую эпоху. С древнейших времен войлоками устилали полы и кровати, покрывали стены, укрывали арбы; их включали в приданое, демонстрируя благосостояние семьи и трудолюбие ее женщин (Карачаевцы. Балкарцы, 2014: 172).

На *фото 13* изображен так называемый *ала кийиз* (букв. «рябой, пестрый войлок») — одна из многих разновидностей балкаро-карачаевских войлочных ковров.

Для изготовления такого типа войлока мастерицы брали расчесанную и взбитую шерсть натуральных цветов и выкладывали из нее на циновке желаемые узоры. Затем приступали к валянию. Готовый войлок получался двусторонним, имел одинаковый рисунок с обеих сторон. Как правило, орнамент этого вида войлочных ковров представлял собой разноцветные сочетания геометрических фигур — треугольников, ромбов, квадратов. Аналогичный орнамент часто встречался в изделиях кобанской и аланской археологических культур, с которыми этногенетически связаны балкарцы (Карачаевцы. Балкарцы, 2014: 173). Есть также мнение, что войлочный ковер с подобного рода орнаментом, закрепленный на стене дома, имитировал конфигурацию деревянного каркаса юрты. Тем самым, просматривается этногенетическое рудиментарное влияние кочевой культуры древних тюрков на традиционную материальную культуру балкарцев.

Культура войлока присуща практически всем тюркским народам, основной хозяйственной специализацией которых было скотоводство, в особенности — овцеводство. Он находил широкое применение в традиционной одежде, оформлении жилища, в качестве постельных принадлежностей. Так,

[1] Кулиев К. Ш. Собрание сочинений: в 6 т. Нальчик: Эльбрус, 2010. Т.4. Стихотворения. 1980–1985. Поэмы. С. 365.
[2] Сведения по фондам предоставлены сотрудниками ГКУК «Мемориал жертв политических репрессий 1944-1957 гг.».

Фото 13. Одна из разновидностей балкарского войлочного ковра — ала кийиз. Из архива Мемориала.
Photo 13. One of the varieties of the Balkan felt carpet is kiy kiyiz. From the Memorial archive.

например, у тувинцев все свободное пространство вокруг очага застилали войлочными стегаными ковриками *ширтек*. В обеспеченных семьях их было три, реже — четыре. Два из них укладывали по обе стороны от входа, третий — напротив, в почетной части жилища, четвертый — у входа. Богатые скотоводы поверх *ширтеков* стелили небольшие четырехугольные или округлые, войлочные или плетеные из шерсти коврики *олбук,* предназначавшиеся для сидения (Вайнштейн, 1991: 86).

С целью обеспечения межпоколенной преемственности, в ряде населенных пунктов с компактным проживанием балкарцев, в 2000-е гг., по инициативе мастеров-энтузиастов и при поддержке местного самоуправления, были созданы творческие площадки по обучению молодых людей основам технологии традиционных ремесел, в частности войлочного. Так, например, в высокогорном сел. Верхний Баксан Эльбрусского района в 2004 г. был создан Центр национальных ремесел и промыслов, который возглавляет Езетхан Джаппуева.

> «Дважды в неделю к нам на занятия приходят девочки из сельской школы, среди них есть такие, которые очень быстро схватывают. А ведь подобные центры надо открыть везде, во всех наших районах, как раньше — в каждом селе были свои мастерицы по изготовлению войлока. Изготовление войлока — уникальное ремесло балкарцев, то, что мы делаем веками, и наша цель — сохранить и передать именно древний способ, мы готовы поделиться своим опытом», — рассказывает она[1].

Как мы видим, в словах наставника звучит проблема межпоколенной преемственности и молодежного участия в сохранении традиционных промыслов. Аналогичная работа с молодежным участием ведется также на базе средних общеобразовательных школ в сельских поселениях Верхняя Балкария (балк. *Огъары Малкъар,* Черекский район), Аксу (балк. *Акъ-Суу* в составе городского округа Нальчик)[2].

[1] Гериева Асият. Красота балкарского войлока в коврах и бурках. Как в республике хранят народные традиции [Электронный ресурс] // ТАСС. 2023, 25 мая. URL: https://tass.ru/v-strane/17680627 (дата обращения: 23.11.2024).
[2] Гераев Х. К., Гераев И. Х. Балкарский крафт: молодежное участие / Устойчивое развитие Евразийского пространства: социальные технологии, риски и перспективы. III Международный конгресс социологов: сборник научных трудов (Казань, 28–29 ноября 2024 г.) = III International Congress of Sociologists: collection of scientific papers (Kazan, November 28–29, 2024). Электронные текстовые данные (1 файл: 3,37 Мб). – Казань: Издательство Казанского университета, 2024. – 334 с. – Системные требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: https://kpfu.ru/portal/docs/-F1091188706/KSCh_Sbornik_2024.pdf. – Загл. с титул. экрана [Электронный ресурс] // Казанский федеральный университет. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_231763200/Sbornik_Kongress_2024.pdf (дата обращения: 04.07.2025).

Надо отметить, что последнее десятилетие XX — первая четверть XXI в. балкарского культурного ренессанса были отмечены достаточно активным развитием различных жанров сценического и декоративно-прикладного искусства: профессионального театра (Балкарский государственный драматический театр им. К. Ш. Кулиева); танцевального искусства (Государственный фольклорно-этнографический ансамбль танца «Балкария» и др.); вокального искусства на балкарском языке; крафт-предпринимательство, основанное на традиционных ремеслах (изготовление холодного оружия, изделий из войлока, дерева, дизайн и пошив национальной одежды и др.). В эти же годы, в Туве, на передний план вышли те виды искусства, на которые имеется спрос, в том числе и за рубежом. Это вызвало бурный прогресс таких весьма экзотических видов народной культуры как горловое пение, национальные танцы и ремесла (Анайбан, Губогло, Козлов 1999: 91).

На *фото 8* мы видим, как раз на фоне *ала кийиза* образец традиционного костюма балкарского мужчины, включавшего в себя такие элементы, как изготовлявшаяся из сукна верхняя одежда *чепкен* (ср. тув. *хеп*[1]), в обиходе и русскоязычной литературе известная еще как черкеска; рубаха со стоячим воротником *каптал*, более известная еще как *бешмет,* которая также шилась, в основном, из домотканого сукна. Поверх черкески нашивались декоративные кармашки *газыри* (балк. *хазырла*), надевался кожаный пояс *белибау* (каз. *белбеу*; тув. *кур*[2]) с подвесками, которые в парадном варианте оформлялись серебряными вставками (*кюмюш белибау*; букв. «серебряный пояс»). На пояс вешался кинжал *кама,* в парадном варианте которого также использовалось орнаментированное серебро. Как видно на фото, поверх черкески накинут *башлык* (букв. «головник»), разновидность головного убора, использовавшийся при непогоде. Наконец, это *папаха* (балк. *папах, берк,* тув. *бөрт*[3], каз. *бөрік*[4]), изготовлявшаяся из шерсти ценных пород мелкого рогатого скота.

На этом же фото, на фоне другой разновидности войлочного ковра *бичген кийиза,* мы видим образец женского традиционного костюма балкарки в его наиболее торжественном варианте. *Бичген* (выкроенный) или *оюулу* (узорный) *кийиз* изготовлялся из двух однотонных войлоков контрастных цветов и был скроен по одному и тому же узорному трафарету одинаковых кусков (Карачаевцы. Балкарцы, 2014: 173). Что касается самого женского костюма, то его главной частью было платье с расходящимися полами *чепкен/жыйрыкъ*. К обычным рукавам прикреплялись приставные, которые у балкарцев назывались *къанатла,* что в переводе означает «крылья». Ими девушка демонстрировала то, что она молода, свободна и не замужем (Султанова, 2016: 93). Костюмы с длинными рукавами повседневно носили обычно женщины из княжеской среды. Поверх платья повязывался пояс *кямар*. Для украшения праздничного нарядного платья, подобного изображенному на данной фотографии, применялись: а) галуны; б) шитье золотом и серебром; в) аппликации; г) басонные изделия; д) металлические нашивные украшения; д) позументы, узорная тесьма, аграманты (Студенецкая, 1989: 164). Под платьем, как и в случае с мужским костюмом, носили *бешмет* (*къаптал*). *Бешмет* в переводе означает «пять узорных пуговиц», а *къаптал* — «покрывающий (тело)», что в русском языке трансформировалось в *кафтан*. Молодые женщины носили капталы более ярких оттенков. Украшали галунами и вышивкой из серебряных и золотых нитей. Из-под открытого на груди каптала виднелись серебряные застежки *тюйме* (Кааарчаевцы. Балкарцы, 2014: 251).

Как видно на *фото 8*, в декоре войлочных ковров-кийизов и женского платья использовались часто схожие мотивы орнамента. В данном случае, это растительный орнамент с элементами трилистника. Кроме того, в декорировании одежды, изделий из войлока, домашней утвари широко применялся зооморфный орнамент со стилизованным изображением рогов тура, барана и т. п.

Особым совершенством покроя и отделки отличались праздничные одеяния представительниц высшего сословия (балк. *таубий,* букв. «горский князь»). Несмотря на гипертрофированное богатство декора, торжественный наряд княгини, благодаря мере, найденной мастерицей, ее тонкому художественному чутью, производит впечатление величественности и благородства (Султанова, 2016: 93). Завершают композицию балкарского женского костюма шапочка и платок, которые, в зависимости от технологии изготовления, материала, формы, декора и т. п. имели много разновидностей

[1] Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 474.
[2] Там же. С. 265.
[3] Там же. С. 118.
[4] Бектаев К. Сөздік. Словарь [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/turks/Бектаев_%20Большой%20казахско-руский%20русско-казахский%20словарь.pdf (дата обращения: 04.07.2025).

и названий. В данном случае мы видим куполообразную шапочку *алтын чокай* (букв. «золотой гребешок»). Также носились шапочки в форме полного и усеченного конуса, цилиндра и др. Поверх шапочки незамужней девушки крепился кисейный или тюлевый платок *къыз жаулукъ* (букв. «девичий платок»). На витрине мы видим платки, расшитые по краям шелковыми нитями, т. н. *чилле жаулукъ*, которые изначально попадали в Балкарию со стран Востока, пока не появились собственные мастерицы, освоившие технологию их шитья.

Как уже отмечалось, депортация нанесла непоправимый ущерб культурному наследию балкарцев, поскольку были утрачены многие аутентичные артефакты и памятники нематериальной культуры. То, что дошло до наших дней, сохранилось благодаря тому, что отдельные предметы и семейные реликвии удалось вывезти в Среднюю Азию и Казахстан во время депортации, либо они чудом сохранились и были обнаружены после возвращения в родные места. Впрочем, большая часть экспозиции Мемориала, иллюстрирующая этнографический быт балкарцев, как раз и составлена из такого рода дарственных вещей. Как, например, изображенные на *фото 14* наковальня (балк. *тёш,* тув. *дөжү*[1], каз. *төс*[2]) и сосуд для воды (*кумган*) кубачинской (дагестанской) работы, переданные в дар Мемориалу частными лицами. Или старинная ручная мельница (балк. *тирмен*, тув. *дээрбе*[3], каз. *диірмен*[4]), состоящая из двух специально обработанных камней (балк. *тирмен таш*, тув. *дээрбе дажы*[5], каз. *диірмен тас*[6]) (*фото 15*). На верхнем камне отверстие по центру предназначалось для засыпки зерна, а отверстие с краю камня — для ручки, с помощью которой вращали жернов.

Фото 14. Наковальня и кувшин-кумган, уцелевшие после депортации. Из архива Мемориала.
Photo 14. An anvil and a kumgan jug that survived the deportation From the Memorial archive.

Фото 15. Ручная мельница и кувшин-кумган из балкарского жилища. Из архива Мемориала.
Photo 15. A hand mill and a kumgan jug from a Balkarian dwelling. From the Memorial archive.

[1] Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 177.
[2] Төс [Электронный ресурс] // Sozdik.kz. URL: https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/төс/ (дата обращения: 04.07.2025).
[3] Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 196.
[4] Диірмен [Электронный ресурс] // Sozdik.kz. URL: https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/диірмен/ (дата обращения: 04.07.2025).
[5] Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 196.
[6] Диірмен тасы [Электронный ресурс] // Sozdik.kz. URL: https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/диірмен%20тасы/ (дата обращения: 04.07.2025).

Фото 16. Традиционная одежда (бурка, башлык) и домашняя утварь балкарцев — ковры-кийизы, котел-казан с надочажной цепью. Из архива Мемориала.
Photo 16. Traditional clothes (burka, bashkir) and household utensils of the Balkars — carpets, kiyiz, a cauldron with a chain above the lever. From the Memorial archive.

На *фото 16* слева мы видим такие сакральные элементы домашнего очага (балк. *от жагъа*, тув. *одаг*[1], каз. *ошак*[2]), как котелок для приготовления пищи (балк. *къазан*, тув. *казан*[3], каз. *қазан*[4]) и цепь (балк. *сынжыр*, тув. *илчирбе*[5], каз. *шынжыр*[6]).

Вместе с незатухающим очагом они символизировали благополучие в доме, незыблемость семьи и рода, о чем пишет Ч. К. Ламажаа: «Символом стабильности в традиционной народной культуре выступал очаг, который связывался с целым кругом понятий: жилище, семья, род, племя и пр. Все эти понятия составляли собой основу для понимания того, что есть гармония мира, противоположностью которого был хаос» (Ламажаа, 2012: 30).

Справа на фото видны бурка (балк. *жамычы*) с башлыком. Несмотря на то, что данные элементы верхней одежды уже малоупотребительны в современном быту горцев, в балкарских селах по-прежнему имеются мастерицы, владеющие технологией их изготовления. К бурке прислонен такой необходимый в условиях гор и пастушеского быта предмет, как посох (балк. *мужура, таякъ*; тув. *даянгыыш*[7], каз. *асатаяк*[8]), который наделялся сакральными функциями оберега и изготовлялся из наиболее почитаемых древесных растений, в частности из кизилового дерева (балк. *чум терек*, каз. *қызыл тал*[9]).

Можно сказать, что наличие этнографического сегмента в экспозиции Мемориала позволяет протянуть мысленную историческую нить между наследием традиционной культуры балкарского

[1] Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 313.
[2] Очаг [Электронный ресурс] // Sozdik.kz. URL: https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/ru/kk/очаг/ (дата обращения: 04.07.2025).
[3] Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 218.
[4] Казан [Электронный ресурс] // Sozdik.kz. URL: https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/ru/kk/казан/ (дата обращения: 04.07.2025).
[5] Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 206.
[6] Шынжыр [Электронный ресурс] // Sozdik.kz. URL: https: sozdik.kz/ru/dictionary/translate/kk/ru/шынжыр/ (дата обращения: 05.07.2025).
[7] Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 150.
[8] Посох [Электронный ресурс] // Sozdik.kz. URL: https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/ru/kk/посох/?language_interface_toggle=on (дата обращения: 05.07.2025).
[9] Кизил [Электронный ресурс] // Sozdik.kz. URL: https://sozdik.kz/ru/dictionary/translate/ru/kk/кизил/ (дата обращения: 05.07.2025).

народа, опасностью ее утраты в годы депортации и попытками возрождения в настоящее время, о чем символически и буквально свидетельствуют спускающиеся и поднимающиеся ступени верхнего и нижнего яруса Мемориала.

Миссия Мемориала и примеры некоторых других музейно-мемориальных пространств

Комплекс Мемориала расположен в курортной зоне г. Нальчика, в районе Долинск, что также способствует посещению его большими организованными туристическими группами, в состав которых входят представители самых различных регионов России и зарубежья. В Мемориале создан центр детского научного творчества, участниками которого являются учащиеся и учителя городского округа Нальчик. На его площадке проходят выставки, научные конференции, встречи национальной интеллигенции. Музей подключен к сети Интернет и ведет свой официальный сайт[1]. Небольшой штат сотрудников Мемориала проводит непрерывную большую работу по систематизации имеющихся и поступающих от организаций и частных лиц разнообразных материалов, представляющих большой интерес с точки зрения научного балкароведения и воспитания чувства исторической памяти.

Здесь уместным будет привести некоторые из экспертных мнений представителей разных поколений балкарского народа, занятых в сфере образования и культуры, относительно миссии Мемориала памяти жертв репрессий балкарского народа:

> «Мемориал жертвам репрессий балкарского народа выполняет важную задачу по связыванию прошлого, настоящего и будущего, сохраняя и представляя материальную и духовную культуру, которая является основой для понимания настоящего и формирования будущего. Данный мемориал служит мостом между поколениями, предоставляя возможность изучать историю, извлекать уроки из прошлого и формировать более глубокое понимание идентичности. Все эти годы мемориал жертвам репрессий балкарского народа продолжает оставаться главным хранилищем национальной исторической памяти. Мемориал — это не только место памяти и скорби, но и музей, играющий роль храма веры в будущее. Мемориал с первого дня своего открытия ведет работу по сбору и систематизации очевидцев депортации балкарского народа. Все мы чувствуем, что сегодня происходит что-то важное, что должно послать нам простую идею: произошедшее не должно повториться. Ни в каком виде, ни в какой форме» (И. Б-ов, 25 л.);
>
> «Сложно переоценить смысловое значение музейного центра “Мемориал”, его интегрирующую роль в социальной жизни балкарского народа. С момента создания он стал точкой эмоциональной фиксации, обрел метафизическую глубину, позволил этносу отстоять право на отправление мемориальных практик, связанных с трагедией незаконной депортации. Конечно, важно, что появился своего рода центр документации — хранилище разнообразных материалов, отражающих трагедию депортации 1944-1957 гг., но еще более значимо, что это точка актуализации прошлого, в которой, образно выражаясь, можно “преклонить колено”, отдать дань памяти невинным жертвам. “Мемориал” — это сублимация боли, опредмеченный тезаурус национальной культуры» (З. О-ва, 53 г.).

Кроме Мемориала, у балкарского народа есть и другие примеры музейных и мемориальных пространств, идея создания которых принадлежала частным лицам, и потом только они получали региональный статус. Как, например, уникальный в своем роде мемориал «Сто шагов к Кайсыну», открытый в 2015 г., посвященный памяти классика балкарской литературы Кайсына Шуваевича Кулиева, прошедшего дорогами войны, а потом, вместе со своим народом, и депортации[2]. Автором идеи является балкарский общественный деятель Хадис Тетуев, создавший для реализации данного проекта одноименный фонд.

Примеры музейных и мемориальных пространств, возникших изначально по инициативе местных сообществ и энтузиастов из числа, как правило, национальной интеллигенции можно найти и среди других тюркских народов, населяющих Россию и государства Ближнего зарубежья. В своем объемном автобиографическом труде «Антропология повседневности», уже упоминавший-

[1] Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 годов [Электронный ресурс] // ГКУК «Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 годов. URL: https://memorialbn.ru/ (дата обращения 30.06.2025).
[2] Сто шагов к Кайсыну. Как начинался проект (Хадис Тетуев) [Электронный ресурс] // Проза.ру. URL: https://proza.ru/2023/05/25/632 (дата обращения: 10.07.2025).

ся крупнейший советский и российский этносоциолог гагаузского происхождения М. Н. Губогло пишет об истории создания, в позднесоветский период, по инициативе гагаузского писателя Кара Чобана, этнографического музея в селе Бешалма, ставшего мемориалом и маяком самобытности гагаузского народа, выполняющего этноохранительные и этносозидательные функции (Губогло, 2013: 915, 919). Гагаузы и балкарцы сопоставимы по численности населения и немалая часть гагаузов также была депортирована в восточные районы СССР, чему немало места уделено в автобиографическом, если говорить шире — антропологическом, труде М. Н. Губогло.

В Казахстане, в 2007 г., в с. Акмол, близ Астаны, был открыт мемориальный музей «АЛЖИР», посвященный женщинам-узницам Акмолинского лагеря жен-изменников Родины. Также, как и в музее Мемориала памяти жертв политических репрессий балкарского народа, в музее «АЛЖИР» по экспозиции можно проследить историю Казахстана, начиная со времени вхождения в состав Российской империи и заканчивая событиями перестроечного периода. При этом часть экспозиции посвящена депортации народов СССР, для которых, в том числе и балкарцев, Казахстан стал местом ссылки, а для многих из них и второй родиной[1].

В Республике Ингушетия, в 1997 г., близ г. Назрань, был открыт грандиозный по своему композиционному решению Мемориальный комплекс жертвам репрессий, посвященный памяти ингушей, подвергшихся депортации в Казахстан и Среднюю Азию, наряду с чеченцами, 23 февраля 1944 г., т. е. чуть раньше балкарцев (8 марта 1944 г.). В настоящее время он называется Мемориал памяти и славы, и также представляет собой тезаурус историко-культурного наследия ингушского народа, начиная с вхождения Ингушетии в состав Российской империи и заканчивая драматическими событиями постсоветской истории[2].

В 1996 г. в столице Республики Калмыкия, в г. Элиста, открылся Мемориал «Исход и возвращение», посвященный трагическим событиям в истории калмыцкого народа — депортации 1943–1944 гг. в ряд областей Сибири. Мемориал состоит из трех компонентов: памятника «Исход и возвращение», железнодорожного вагона из тех, в которых перемещали калмыков за Урал, и мемориальной плиты. Памятник высотой около трех метров установлен на вершине искусственно созданного кургана, под которым захоронена капсула с землей из сибирских спецпоселений. Автор — знаменитый скульптор Эрнст Неизвестный. Вдоль кургана тянутся рельсы короткого железнодорожного полотна, а у его подножия стоит вагон, в котором размещена экспозиция, посвященная сибирской ссылке. Вдоль рельсов водружены 14 столбов, отсчитывающих каждый год пребывания в ссылке. Вагон-музей открылся в 2011 г.[3]

Мемориализация политических репрессий довольно рано началась в Республике Тыва. Уже в 1994 г. в г. Кызыле был создан Музей истории политических репрессий в Туве, который в настоящее время является филиалом Национального музея Республики Тыва им. Алдан-Маадыр. Экспозиция музея сформировалась на основании оценки событий конца 1920-х — начала 1950-х гг. очевидцами и детьми «врагов народа». В мемориальный комплекс музея входят также скульптура «Непокоренный» и Аллея памяти, состоящая из бюстов видных деятелей Тувинской Народной Республики, подвергшихся репрессиям в 1920-е — 1940-е гг. Филиал политических репрессий ежегодно 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, проводит возложение цветов к памятнику «Непокоренный»[4].

Можно сказать, что при всех особенностях каждого из приведенных здесь примеров мемориальных комплексов, их объединяет замысел того, что они не сводятся к монументальным сооружениям, а включают в себя также и музейные пространства, позволяющие более глубоко погрузиться в историческое прошлое и культурное наследие народа, с которым связаны данные кластеры пространства.

[1] Музейно-мемориальный комплекс «АЛЖИР». Главная страница [Электронный ресурс] // Музейно-мемориальный комплекс «АЛЖИР». URL: https://museum-alzhir.kz/ru/ (дата обращения: 10.07.2025).
[2] Официальный сайт «Мемориальный комплекс жертвам репрессий». Галерея [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Мемориальный комплекс жертвам репрессий». URL: https://memorial06.tmweb.ru/galereya/ (дата обращения: 10.07.2025).
[2] Мемориал «Исход и возвращение» [Электронный ресурс] // Некоммерческий информационный историко-просветительский проект «Исторический багаж». URL: https://историческийбагаж.рф/post/memorial-ishod-i-vozvrashchenie-2568 (дата обращения: 10.07.2025).
[4] Филиал репрессий — Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва [Электронный ресурс] // Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва. URL: https://музейтыва.рф/?page_id=941 (дата обращения: 10.07.2025).

Как отмечал академик В. А. Тишков, «кластеры пространства могут существовать как в непосредственном материальном воплощении, так и в историко-временном режиме на периодической и даже на регулярной основе, когда в рамках общеразделяемых ценностей или группового интереса создаются пространственные места» (Тишков, 2021: 279) и, как показывает современная практика, мемориальные места и музеи постепенно превращаются в целые институции, пространства для ментального и эмоционального благополучия, для оказания помощи человеку в эпоху не морального, а ментального кризиса, проходя путь от элитарных хранилищ до терапевтических хабов[1].

Изучение деятельности такого рода мемориальных институций приводит к мысли, что их миссия состоит в том, чтобы через историческую память соединить прошлое, настоящее и будущее народа, обеспечить межпоколенную трансмиссию историко-культурного наследия.

Заключение

Таким образом, пространство Мемориала представляет собой историко-культурный кластер, вмещающий в себя собственно само здание с музейной экспозицией; могилу Кязима Мечиева и посвященную ему мемориальную композицию; площадь для проведения публичных мероприятий и закладной камень, на месте которого планируется воздвигнуть памятник Балкарской женщине, во многом благодаря которой народ выжил в тяжелые годы депортации, когда многие мужчины находились на фронтах Великой Отечественной войны.

Мы можем отметить, что за более чем два десятилетия своего существования Мемориал стал не только хранилищем исторической памяти народа, но и площадкой для дискуссий, своего рода балкарским Гайд-парком, выполняющим функцию внутриэтнической коммуникации и консолидации, актуализирующих этничность, политическую и социокультурную субъектность народа в современную эпоху неустойчивости, цивилизационных и ценностных кризисов.

Благодарности

Авторы выражают благодарность директору ГКУК «Мемориал жертв политических репрессий 1944–1957 годов» (г. Нальчик), заслуженному работнику культуры Кабардино-Балкарской Республики Теммоевой Шахидат Ибрагимовне за содействие, в ходе работы над данным исследованием, в поиске и предоставлении необходимых документов и материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В., Губогло, М. Н., Козлов, М. С. (1999) Формирование этнополитической ситуации. Т. 1. Очерки истории постсоветской Тувы. М. : ЦИМО. 420 с.

Асанов, Ю. Н. (1976) Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев (вторая половина XIX — 40-е годы XX в.). Нальчик : Эльбрус. 118 с.

Ассман, А. (2014) Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение. 328 с.

Барбашин, М. Ю. (2013) Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах: Ростов-н/Д. : ИПОПИ ЮФУ. 356 с.

Бернштейн, Э. Б. (1993) Архитектура балкарского народного жилища. М. : Международный фонд истории науки ; Дикси. 160 с.

Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников центра Азии. М. : Наука. 296 с.

Геграев, Х. К. (2001) Демографические последствия Великой Отечественной войны (1941–1945) и насильственной депортации (1944–1957) для балкарского народа // Сборник трудов молодых ученых : в 2-х т. / отв. ред. К. К. Бауаев. Нальчик : Каб.-Балк. ун-т. Т. II. 154 с. С. 100–110.

[1] От Кунсткамеры к терапевтическому хабу: как музеи переписывают определение культурной институции [Электронный ресурс] // Snob.ru. 2025, 8 июля. URL: https://snob.ru/culture/ot-kunstkamery-k-terapevticheskomu-khabu-kak-muzei-perepisyvaiut-opredelenie-kulturnoi-institutsii/ (дата обращения: 12.07.2025).

Геграев, Х. К. (2017) Религиозное измерение поэзии К.Ш. Кулиева: неуловимое и имманентное // Художественный опыт Кайсына Кулиева в сохранении российской культурной идентичности: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения народного пота Кабардино-Балкарии, лауреата Государственных премий РСФСР и СССР, лауреата Ленинской премии Кайсына Шуваевича Кулиева (1917–1985). 27–29 октября 2017 года / отв. ред. З. А. Кучукова. Нальчик : Принт-Центр. 359 с. С. 71–78.

Губогло, М. Н. (2003) Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М. : Наука. 764 с.

Губогло, М. Н. (2013) Антропология повседневности. М. : Языки славянской культуры. 752 с.

Жирар, Р. (2000) Насилие и священное. М. : Новое литературное обозрение. 400 с.

Карачаевцы. Балкарцы (2014) / отв. ред. М. Д. Каракетов, Х.-М. Сабанчиев. М. : Наука. 816 с.

Кушхабиев, А. В., Шаожева, Н. А., Геграев, Х. К., Табаксоев, И. А. (2021) Основные проблемы развития общественно-политической ситуации в Кабардино-Балкарии в конце XX — начале XXI века. Нальчик : Издательство КБНЦ РАН. 346 с.

Ламажаа, Ч. К. (2012) Тезаурусный подход к анализу тувинской культуры // Новые исследования Тувы. № 1. С. 25–46.

Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности (2020) / под общ. ред. Л. П. Репиной. М. : Аквилон. 464 с.

Сабанчиев, Х.-М. А. (2008) Балкарцы: выселение и возвращение. Нальчик : Эльбрус. 436 с.

Студенецкая, Е. Н. (1989) Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М. : Наука 288 с.

Султанова, А. М. (2016) Орнаментальный декор в традиционном искусстве карачаевцев и балкарцев. Нальчик : Эльбрус. 120 с.

Тишков, В. А. (2021) Избранные труды : в 5 т. М.: Наука. Т. 2: Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. 543 с.

Шабаев, Д. В. (1994) Правда о выселении балкарцев. Нальчик : Эльбрус. 289 с.

Эриксен, Т. Х. (2014) Что такое антропология? М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 238 с.

Дата поступления: 18.07.2025 г.
Дата принятия: 03.11.2025 г.

REFERENCES

Anayban, Z. V., Guboglo, M. N. and Kozlov, M. S. (1999) *Formation of the ethnopolitical situation. Vol. 1. Essays on the post-Soviet history of Tuva.* Moscow, TsIMO. 420 p. (In Russ.).

Asanov, Yu. N. (1976) *Settlements, dwellings and economic buildings of the Balkars (second half of the 19th — 1940s).* Nalchik, Elbrus. 118 p. (In Russ.).

Assmann, A. (2014) T*he long shadow of the past: Memorial culture and historical politics.* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p. (In Russ.).

Barbashin, M. Yu. (2013) *Institutions and ethnogenesis: institutional reproduction of ethnic identity in local communities.* Rostov-on-Don, IPOPi YuFU. 356 p. (In Russ.).

Bernshtein, E. B. (1993) *Architecture of the Balkar traditional dwelling.* Moscow, Mezhdunarodnyi fond istorii nauki; Diksi. 160 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1991) *The world of nomads of the center of Asia.* Moscow, Nauka. 296 p. (In Russ.).

Gegraev, Kh. K. (2001) Demographic consequences of the Great Patriotic War (1941–1945) and forced deportation (1944–1957) for the Balkar people. In: *Collection of works of young scholars*, in 2 vols. Ed. by K. K. Bauayev. Nalchik, Kabardino-Balkarian University. Vol. II. 154 p. Pp. 100–110. (In Russ.).

Gegraev, Kh. K. (2017) The religious dimension of the poetry of K. Sh. Kuliev: the elusive and the immanent. In: *The artistic experience of Kaysyn Kuliev in preserving Russian cultural identity*: Materials of the All-Russian scholarly conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the People's Poet of Kabardino-Balkaria, laureate of State Prizes of the RSFSR and the USSR, laureate of the Lenin Prize Kaysyn Shuvaevich Kuliev (1917–1985). 27–29 October 2017. Ed. by Z. A. Kuchukova. Nalchik, Print-Tsentr. 359 p. Pp. 71–78. (In Russ.).

Guboglo, M. N. (2003) *Identification of identity: ethnosociological essays.* Moscow, Nauka. 764 p. (In Russ.).

Guboglo, M. N. (2013) *Anthropology of everyday life.* Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury. 752 p. (In Russ.).

Girard, R. (2000) *Violence and the sacred.* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 400 p. (In Russ.).

Karachays. Balkars (2014) Ed. by M. D. Karaketov and Kh.-M. Sabanchiev. Moscow, Nauka. 816 p. (In Russ.).

Kushkhabiev, A. V., Shaozheva, N. A., Gegraev, Kh. K. and Tabaksoev, I. A. (2021) *Key problems in the development of the sociopolitical situation in Kabardino-Balkaria in the late 20th — early 21st century.* Nalchik, KBNTS RAN Publishing House. 346 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2012) Thesaurus approach to the analysis of Tuvan culture. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 25–46. (In Russ.).

The past for the present: History-memory and narratives of national identity (2020). Ed. by L. P. Repina. Moscow, Akvilon. 464 p. (In Russ.).

Sabanchiev, Kh.-M. A. (2008) *Balkars: deportation and return.* Nalchik, Elbrus. 436 p. (In Russ.).

Studenetskaya, E. N. (1989) *Clothing of the peoples of the North Caucasus in the 18th–20th centuries*. Moscow, Nauka. 288 p. (In Russ.).

Sultanova, A. M. (2016) *Ornamental decor in the traditional art of the Karachays and Balkars.* Nalchik, Elbrus. 120 p. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2021) *Selected works*, in 5 vols. Vol. 2: *Requiem for an ethnos: Studies in sociocultural anthropology.* Moscow, Nauka. 543 p. (In Russ.).

Shabaev, D. V. (1994) *The truth about the deportation of the Balkars.* Nalchik, Elbrus. 289 p. (In Russ.).

Eriksen, T. H. (2014) *What is anthropology?* Moscow, Higher School of Economics Publishing House. 238 p. (In Russ.).

Submission date: 18.07.2025.
Acceptance date: 03.11.2025.

DOI: 10.25178/nit.2026.2.17

Article

The ethics of using anonymous sources in journalistic investigations: Perceptions of Kazakhstani citizens

Shynggys A. Atay, Aizhan Sh. Burkitbayeva
Farabi University, Kazakhstan

This article examines the ethics of using anonymous sources in journalistic investigations considering perceptions of Kazakhstan's citizens. Contemporary journalism often faces the need to work with anonymous sources. This raises questions about the reliability, ethicality and safety of this practice. The aim of the study is to analyze citizens' attitudes toward the use of anonymous sources in journalistic investigations within the context of Kazakhstani society. The research objectives are to identify their perceptions of the risks and benefits of using anonymous information in journalism.

To achieve these objectives, a survey was conducted among 100 respondents from various social groups not directly involved in journalistic activities. The study included questions regarding the significance of journalistic investigations, attitudes toward anonymous sources, trust in investigative results and opinions on the sufficiency of legal protection for journalists and their sources in Kazakhstan. An analysis of the results has shown that most of the respondents support the use of anonymous sources, but they express concerns about potential manipulation, information distortion and loss of trust in the media.

Notably, 70% of the respondents consider the protection of journalists' and anonymous sources' rights in Kazakhstan to be insufficient, highlighting the need for legal reforms to improve safety and confidentiality.

The article also offers recommendations for improving journalistic practice, including enhancing legal protection for journalists, increasing transparency and information verification, as well as adhering to ethical standards when using anonymous sources. The findings of this study are significant for media professionals and lawmakers who seek to ensure a balance between freedom of speech and source safety.

Keywords: *ethics; anonymous source; journalistic investigation; trust; protection of journalists' rights; Kazakhstan*

For citation:
Atay Sh. A., Burkitbayeva A. Sh. The ethics of using anonymous sources in journalistic investigations: Perceptions of Kazakhstani citizens. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 269-282. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.17

ATAY, Shynggys Akzholuly, PhD student, Department of Print and Electronic Media, Faculty of Journalism, Farabi University. Postal address: 71/27 Al-Farabi Ave., 050000 Almaty, Kazakhstan. E-mails: atay_shynggys2@live.kaznu.kz, darksmerty@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5830-4141

BURKITBAYEVA, Aizhan Shalabaykyzy, PhD student, Department of Print and Electronic Media, Faculty of Journalism, Farabi University. Postal address: 71/27 Al-Farabi Ave., 050000 Almaty, Kazakhstan. E-mail: burkitbayeva_aizhan3@live.kaznu.kz

ORCID: 0009-0001-4494-3022

Статья

Этика использования анонимных источников в журналистских расследованиях: восприятие казахстанцами

Шынгыс А. Атай, Айжан Ш. Буркитбаева
Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан

В данной статье рассматривается этика использования анонимных источников в журналистских расследованиях на основе восприятия казахстанцев. Современная журналистика часто сталкивается с необходимостью работы с анонимными источниками, что поднимает вопросы о достоверности, этичности и безопасности такой практики. Целью исследования является анализ отношения граждан к использованию анонимных источников в журналистских расследованиях в контексте казахстанского общества. В рамках исследования были поставлены задачи по выявлению восприятия гражданами рисков и преимуществ использования анонимной информации в деятельности журналистов.

Для достижения поставленных задач был проведен опрос среди 100 респондентов, представляющих различные социальные группы, которые не связаны с журналистской деятельностью. В ходе исследования были поставлены вопросы, касающиеся важности журналистских расследований, отношения к анонимным источникам, уровня доверия к результатам расследований, а также мнений о достаточности правовой защиты журналистов и их источников в Казахстане. Результаты показали, что большинство респондентов поддерживает использование анонимных источников, при этом они выражают определенные опасения по поводу возможных манипуляций, искажений информации и потери доверия к СМИ.

Отдельно следует отметить, что 70% респондентов считают защиту прав журналистов и анонимных источников в Казахстане недостаточной, что подчеркивает важность реформ в законодательной сфере для улучшения безопасности и конфиденциальности.

Ключевые слова: *этика; анонимные источники; журналистские расследования; доверие; защита прав журналистов; Казахстан*

Для цитирования:
Atay Sh. A. and Burkitbayeva A. Sh. The ethics of using anonymous sources in journalistic investigations: Perceptions of Kazakhstani citizens // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 269-282. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.17

Атай Шынгыс Акжолулы — докторант кафедры печати и электронных СМИ факультета журналистики Казахского национального университета им. аль-Фараби. Адрес: 050000, Казахстан, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адреса: atay_shynggys2@live.kaznu.kz; darksmerty@gmail.com

Буркитбаева Айжан Шалабайкызы — докторант кафедры печати и электронных СМИ факультета журналистики Казахского национального университета им. аль-Фараби. Адрес: Казахстан, 050000, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: burkitbayeva_aizhan3@live.kaznu.kz

Introduction

Modern investigative journalism plays a crucial role in democratic societies by uncovering corruption, human rights violations and other hidden issues (Jaisal, 2024). An important tool for journalists is the use of anonymous sources. These sources often provide information that is the only way to uncover facts inaccessible through traditional means. However, the use of anonymity in journalism can sometimes raise ethical concerns (Goniak, 2023).

This issue is of particular importance in Kazakhstan, where the level of trust in the media and information sources remains a subject of public debate. Firstly, journalists in Kazakhstan and Central Asia face significant challenges in reporting, particularly on sensitive topics like conflicts and political issues. They operate under state restrictions, government pressure and a widespread self-censorship, which hinder the development of independent journalism (Mussa, Myssayeva, 2024). In Kazakhstan, while investigative journalism is seen as crucial for democracy and freedom of speech, it remains a challenging field (Kurak et al., 2022). Such an environment compels journalists to resort to anonymizing their sources, as the fear of retaliation or legal repercussions can compromise the safety and security of both the journalist and the source. This practice, while protecting the individuals involved, can also undermine the credibility of the journalistic process itself.

In the World Press Freedom Index published by Reporters Without Borders[1] (RSF), Kazakhstan's rank has notably declined, moving from the 134th place in 2023 to the 142nd in 2024. This highlights the growing challenges to media freedom and the increasing risks faced by journalists in the country. Such a decline in the ranking reflects the broader trend of state control over media narratives and the suppression of independent journalism, further reducing public trust in the media.

Moreover, the Constitution of the Republic of Kazakhstan affirms the freedom of the media, which is essential for reflecting social processes. Unfortunately, the freedom of information formally enshrined in the law is not supported by real mechanisms for its implementation (Grabelnikov, Mambetova, 2015).

On the other hand, alongside the challenges posed by external pressures, Kazakhstan's media landscape is also affected by instances of misinformation and breaches of journalistic ethics. Recent studies highlight the prevalence and impact of disinformation in the Kazakh media space. During the COVID-19 pandemic, false information spread through various channels, including social media and newspapers (Rakhymzhanova, Alzhan, 2023). The spread of fake news undermines public trust in media institutions and poses significant challenges (Aigelova, Ishanova, 2023). This duality — on the one hand, the suppression of investigative journalism, and on the other, the presence of unethical media practices — creates a complex environment where trust in the media is eroded from multiple directions, making the issue of anonymous sourcing both a necessary and controversial tool in contemporary Kazakhstani journalism.

Ethical aspects of using anonymous sources in investigations in Kazakhstan remain underexplored, providing an opportunity for further academic inquiry. It is important to note that the perception of anonymous sources and their ethical use depend not only on professional standards and journalistic principles but also on the cultural, social and political realities specific to the country.

The aim of this study is to investigate Kazakhstani citizens' perceptions of the ethical aspects of using anonymous sources in journalistic investigations. This includes analyzing public opinion on the role of anonymous sources in ensuring objectivity and accuracy in journalistic content. It also involves assessing the level of trust in such sources within the current media landscape of Kazakhstan. The study will explore how the sociopolitical situation and attitudes toward the authorities influence the perception of anonymity in journalism.

The research objectives include:

1) Analyzing ethical issues related to the use of anonymous sources in journalism.

2) Examining Kazakhstani citizens' views on the role of anonymous sources in investigations.

3) Identifying factors that influence trust in anonymous information within the context of Kazakhstani society.

[1] Index. *Reporters Without Borders*. Available at: https://rsf.org/en/index (accessed 20.01.2025).

The theoretical and methodological foundation of the study is based on theories of journalistic ethics, trust theory and mass communication. The theories of journalistic ethics are significantly influenced by a work by Bill Kovach and Tom Rosenstiel, who emphasize such principles as truth, verification and independence (Sylvie, 2001). Their book *The Elements of Journalism* outlines ten guiding principles for journalism, including accuracy, fairness and obligation to monitor those in power (Ibid.).

Furthermore, the concept of trust in media is explored in the works of Niklas Luhmann. His theory of trust, reconceptualized as a connection medium, mediates between different levels of sociality and can inspire current research on trust in contemporary society (Morgner, 2018).

Additionally, Denis McQuail's book provides a comprehensive analysis of mass communication theory, examining the evolution of media and its societal impacts (McQuail, 2002). He explores various theoretical approaches, from traditional to critical paradigms, and discusses key concepts such as media effects, audience reception and the role of media in shaping public opinion and culture. The transition from old to new media and its implications for communication processes are also addressed (Ibid.). These theories form the backbone of the study, helping to frame the analysis of the role of anonymous sources in journalistic investigations in Kazakhstan.

In the context of using anonymous sources, the focus is on the principles of objectivity, honesty and responsibility, which are central to journalistic practices. Trust theory plays a key role in understanding how Kazakhstani citizens perceive anonymous sources and the level of trust they place in information based on such sources. The study also takes into account the sociocultural and political realities of Kazakhstan that influence the perception of anonymity in journalism. Methodologically, the research relies on a survey that allows for the collection of quantitative data on how Kazakhstani people evaluate anonymous sources. The survey for this research was conducted with 100 participants. It was administered online to ensure broad access and diverse demographic representation. The questionnaire included both closed- and open-ended questions, allowing for the collection of quantitative data and qualitative insights into public perceptions of anonymous sources in journalism. The data were analyzed using statistical methods. This approach provides objective and representative results that reflect public opinions on the issue.

The object of the study is the public perception of the ethical aspects of using anonymous sources in journalistic investigations in Kazakhstan. The subject of the research is the attitudes of Kazakhstani citizens toward the use of anonymous sources in journalism, their trust in information obtained through anonymity and the ethical and moral issues that arise in this context.

Literature review

The topic of using anonymous sources in journalism, along with the related ethical issues, has been widely studied in both academic literature and practical contexts. Researchers emphasize that anonymity and source protection are crucial for journalists, especially when dealing with confidential information that may put sources at risk (Banisar, 2007). On the other hand, the use of anonymous sources raises concerns about trust in journalism, as it can allow for the manipulation of facts or the misuse of anonymity to promote political or corporate interests. The use of unnamed sources can both assist and impede public knowledge, leading to journalistic triumphs and humiliations (Carlson, 2010).

The debate surrounding source protection and transparency in journalism is complex and multifaceted. While transparency is central to journalistic identity and professional practices (Allen, 2008), there is a growing need to safeguard sources, particularly "disruptive sources" who may face legal consequences for their disclosures (Wasserman, 2017). The European Court of Human Rights has established that interference with journalists' right to protect sources can only be justified in exceptional circumstances, even when national security or public safety are at risk (Bīriņa, 2019).

An important aspect is the perception of the audience and public attitudes toward the use of anonymous sources. Studies show that perceptions of anonymity in journalism can vary significantly depending on cultural and social contexts. Journalists from Western countries tend to be less interventionist and more adherent to universal ethical principles, while those from non-Western backgrounds are often more flexible in their ethical views and supportive of promoting particular values (Hanitzsch et al., 2011).

Furthermore, numerous studies demonstrate that in countries with limited press freedom, journalists often become targets of both governmental and non-governmental actors (Gohdes, Carey, 2017). Many

journalists consciously put themselves at risk, facing persecution for their professional duties and political commentaries (Garling, 1979). For example, in Asian countries, journalists often experience threats, surveillance and imprisonment, with censorship and self-censorship being common practices (Gokhale, Mate, 2024). This makes the use of anonymous sources almost unavoidable. In such conditions, the ethical dilemmas surrounding the use of anonymous sources become particularly complex.

Research on anonymity in investigative journalism reveals profound effects on credibility and trust. While anonymity technologies can help build professional identity and facilitate source relationships for journalists (Biscop, Décary-Hétu, 2022), they may also undermine source credibility and influence in computer-mediated communication (Rains, 2007). Studies have shown that the use of anonymous sources negatively impacts "readers' perceptions of story credibility" (Sternadori, Thorson, 2009: 54). Factors influencing an individual's perception of online anonymity include gender, income, education, social networking habits and experience with compromised identity (Devaraj et al., 2015). These findings suggest a delicate balance between the benefits of anonymity for journalists and sources, as well as the potential drawbacks in terms of public trust and credibility.

Another important aspect is the impact of anonymity on the perception of investigative journalism as a whole. As noted by Marína Urbániková and Klára Smejkal, audiences trust public media when they believe the information is objective, reliable and free from sensationalism, and when journalists are viewed as professionals (Urbániková, Smejkal, 2023). Investigative journalists face significant risks in their work, including physical threats, legal battles and surveillance (Bisilki, Opoku, 2018; Di Salvo, 2022; Etumnu et al., 2024). In such cases, anonymous sources may be seen as the only means to combat corruption and abuses. In this context, anonymous sources are often justified as a tool that helps uncover hidden information, despite the risks and potential ethical issues associated with their use.

However, opposing views also highlight anonymity as a threat to the quality of journalistic work. In his studies, Hoyt Purvis argues that the prevalence of unnamed sources in major news stories still raises concerns about their proper use and impact on journalistic integrity (Purvis, 2015). K. Tim Wulfemeyer notes that journalistic ethics codes stress the importance of naming sources, with experts cautioning against overuse of anonymity to maintain public trust (Wulfemeyer, 1983). To avoid these negative consequences, the authors suggest implementing additional safeguards, including mandatory fact-checking, stricter internal editorial standards and limiting the use of anonymous sources to exceptional cases only.

Therefore, the analysis of existing scholarly and practical research suggests that the ethical issue of using anonymous sources in journalistic investigations does not have a clear-cut solution. It depends on many factors, including the political situation in the country, the level of trust in the media and legal institutions, and the nature of the information disclosed by anonymous sources.

The issue of press freedom in Kazakhstan is a critical factor in the use of anonymous sources in journalism, but it remains underexplored in research. The country's media environment is heavily influenced by government control and journalists face significant risks, including legal threats and political pressures. The transition from a post-communist system to democracy has influenced the development of civil society and freedom of expression in Kazakhstan (Akessina, Dyussenbekova, 2024). The media landscape still bears remnants of Soviet-era structures that hinder independent journalism (Ryskeldinova, Sak, 2021). While the Kazakh Constitution guarantees freedom of expression, broadcasters cannot fully prepare and air programs without restrictions (Tazhibayev, 2023). Journalists in the region often use pseudonyms or fake names when writing not only on politically sensitive topics, but also on trivial matters (Kurambayev, Myssayeva, 2023). Thus, while the global discourse on anonymity is well-established, Kazakhstan's unique political and media landscape adds complexity to this issue.

As a result, studying Kazakhstani citizens' perceptions of the ethical aspects of using anonymous sources in journalistic investigations is an important step in understanding how society reacts to such practices. It also sheds light on the cultural and social factors that shape the perception of information in a context of limited press freedom.

Materials and methods

A survey method was chosen for the study because it allowed for the collection of data on public perceptions of the ethical norms surrounding the use of anonymous sources in journalistic investigations. The sur-

vey targeted the general population, enabling an exploration of how society at large views anonymity practices in journalism and the moral and ethical norms associated with the use of anonymous sources. The survey involved 100 participants, providing a sufficient sample size for the analysis. It was conducted between October and December 2024. A questionnaire was developed to collect data, including both closed- and open-ended questions. Closed questions facilitated the collection of quantitative data, while open-ended questions provided deeper insights into respondents' opinions and perspectives. The survey was administered online, ensuring broad access to participation and allowing for data collection from various demographic groups. The questionnaire focused on exploring participants' attitudes toward the anonymity of information sources in the context of journalistic investigations and assessing their views on the importance of ethical norms in this matter. The collected data was analyzed using statistical methods.

The survey was administered in the Russian language to ensure accessibility for the majority of participants. The respondents filled out the questionnaire independently. They were selected through convenience sampling by sending invitations to join the survey in a specific social media group (Telegram). A link to the survey was shared on the open channel (Angime chat), which had more than 31 thousand subscribers at the time. Out of them, 100 individuals responded to the survey. Although the participants were drawn from a range of sociodemographic backgrounds, it should be noted that the sample was not representative of the general population. The main social and demographic parameters of the respondents, including regional distribution, are outlined in the table below.

Table 1. Demographic characteristics of survey participants
Таблица 1. Демографические характеристики участников опроса

Characteristics	*Categories*	*Number of respondents*
Gender	Male	42
	Female	58
Age group	18–25	21
	26–40	33
	41–60	36
	61+ years	10
Ethnic group	Kazakh	72
	Russian	17
	Other (including Uzbek, Kyrgyz, Karakalpak, etc.)	11
Region	Almaty Region	37
	Karaganda Region	22
	Akmola Region	14
	Kyzylorda Region	11
	West Kazakhstan Region	16
Occupation	Teacher	21
	Student	17
	Doctoral candidate (PhD student)	2
	Taxi driver	14
	Cook	11
	Waiter	15
	Bank employee	3
	Lawyer	2
	Entrepreneur/self-employed	7
	Retired	2
	Mother on maternity leave	6

Results

The first question was about the importance of journalistic investigations for society. The responses were collected in order to assess the respondents' awareness and opinions on the significance of investigative journalism in the functioning of modern society (see Fig. 1). This includes its role in maintaining public order,

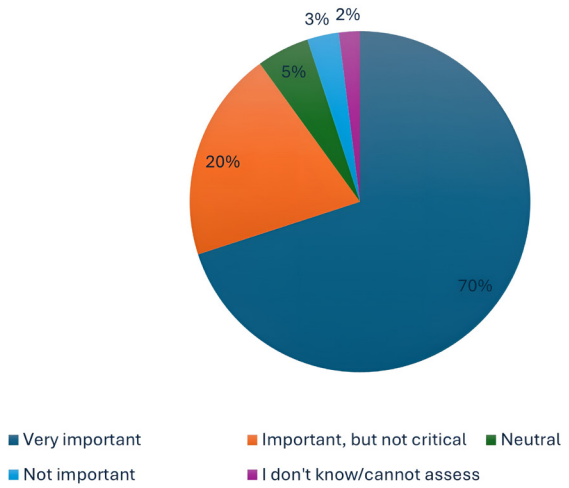

Fig. 1. Assessment of the importance of investigative journalism for society among the respondents
Рис. 1. Оценка важности журналистских расследований для общества среди респондентов

exposing corruption and ensuring transparency. The question was phrased as follows: "How do you evaluate the importance of journalistic investigations for society?"

As shown in Figure 1, the majority of the respondents (70%) believe that journalistic investigations are very important for society. This supports the view that the public recognizes the role of journalism in identifying issues such as corruption, human rights violations and ensuring transparency and accountability in government.

20% of the participants consider journalistic investigations important, but not critical, which may suggest some underestimation of their impact on daily life. A small proportion of the respondents (5%) expressed a neutral position, not seeing a clear influence of investigations on public processes. This may be linked to a lack of awareness or distrust in the media. Only 3% of the respondents consider journalistic investigations unimportant, indicating that a relatively small number completely disregard their significance. Meanwhile, 2% of the participants were unsure how to answer the question, suggesting uncertainty or insufficient knowledge in the topic.

The results demonstrate a high level of awareness and recognition of the importance of journalistic investigations among the majority of the surveyed participants. This supports the significance of these practices for maintaining democratic institutions and ensuring transparency in society. These findings can later serve as a basis for analyzing the perception of anonymous sources in investigations, as well as for studying attitudes toward the ethical aspects of journalistic work.

The second question asked participants about their attitudes toward the use of anonymous sources in journalistic investigations (see Fig. 2). The question was phrased as follows: "What is your opinion on the use of anonymous sources in journalistic investigations?"

The results show that most respondents (60%) support the use of anonymous sources in journalistic investigations. 30% of the participants expressed a neutral stance. This may indicate doubts about the universality of this practice and a need for additional guarantees regarding the credibility of such information.

Only 7% of the respondents do not support the use of anonymous sources, believing they could be used to spread false or manipulative data. 3% of the participants were unsure how to evaluate the issue, suggesting a lack of knowledge or uncertainty in their perception of the matter.

These results indicate that despite potential concerns most of the respondents acknowledge the necessity of using anonymous sources in journalistic investigations. This is important for protecting informants and ensuring transparency in society.

In the third question, we asked the participants about their views on whether journalists should disclose their sources of information, provided this does not threaten safety or human rights (see Fig. 3). The question was phrased as follows: "Do you believe journalists should disclose their sources of information if it does not threaten safety or human rights?"

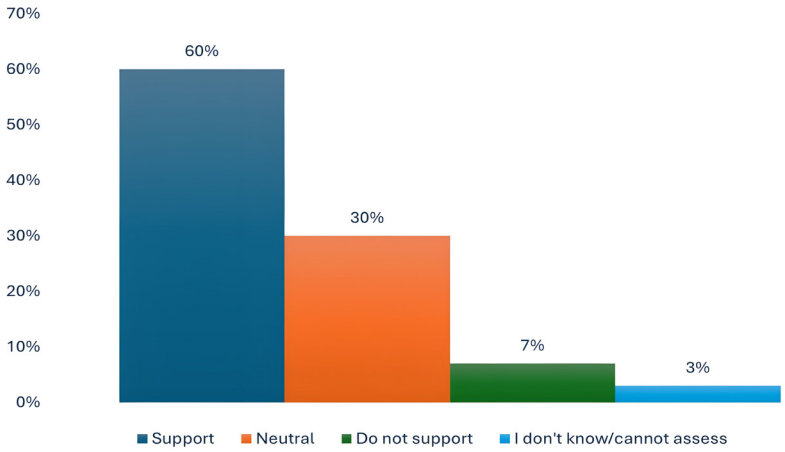

Fig. 2. The respondents' attitudes toward the use of anonymous sources in investigative journalism
Рис. 2. Отношение респондентов к использованию анонимных источников в журналистских расследованиях

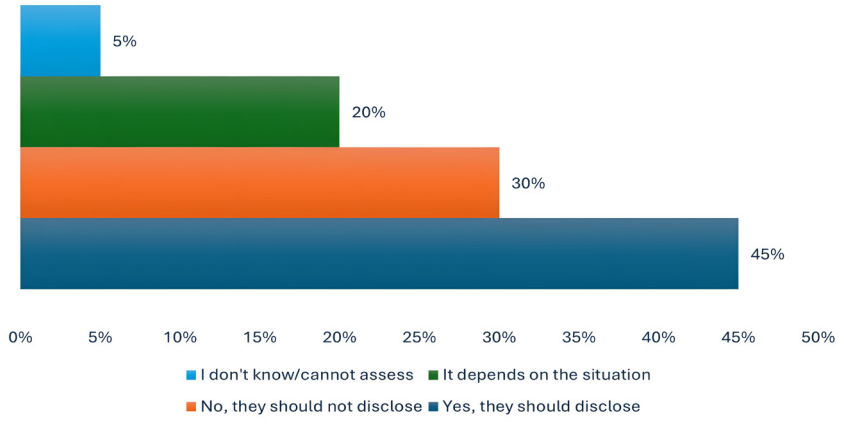

Fig. 3. The respondents' attitudes toward journalists' disclosure of information sources, provided this does not threaten security or human rights
Рис. 3. Отношение респондентов к раскрытию источников информации журналистами, если это не угрожает безопасности или правам человека

According to the survey results, 45% of the respondents believe that journalists should disclose their sources if this decision does not threaten safety or human rights. However, 30% of the participants think that journalists should not disclose their sources, even when safety or human rights are not violated. These respondents are likely concerned about potential consequences for press freedom and the rights of informants, even if the disclosure does not lead to a potential hazardous situation in terms of their safety.

20% of the respondents believe the decision to disclose sources should depend on a situation, indicating flexibility in their approach to such issues and the consideration of specific circumstances. A small proportion of the respondents (5%) were unsure how to answer. This may suggest uncertainty about the issue or a lack of awareness regarding journalistic practices.

Consequently, the results demonstrate that the public holds varying views on the necessity of source disclosure in journalism. This reflects the balance between transparency and the ethical principles of source protection.

The fourth question asked the participants about their trust in the results of journalistic investigations when they rely on anonymous sources (see Fig. 4). The question was phrased as follows: "How much do you trust the results of journalistic investigations if they rely on anonymous sources?"

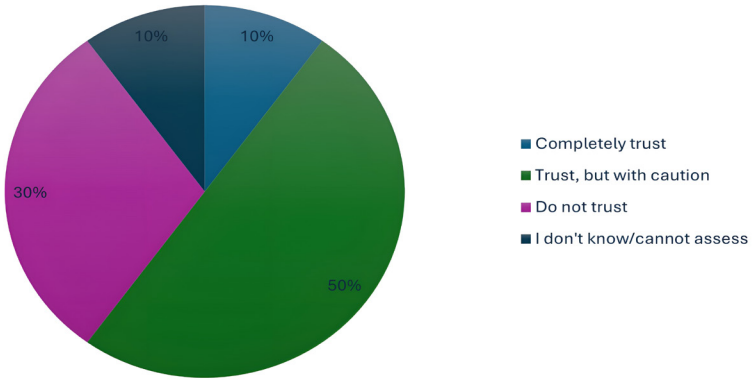

Fig. 4. The respondents' level of trust in the results of investigative journalism based on anonymous sources
Рис. 4. Уровень доверия респондентов к результатам журналистских расследований, основанных на анонимных источниках

The results show that 50% of the respondents trust the results of journalistic investigations that rely on anonymous sources, but with caution. This approach reflects an awareness of the potential for manipulation or lack of transparency when using anonymous sources.

30% of the respondents do not trust investigations based on anonymous sources. Only 10% of the respondents state that they fully trust the results of investigations relying on anonymous sources.

Another 10% of the respondents are unsure how to evaluate this issue, indicating uncertainty or a lack of awareness about the practice of using anonymous sources in journalism.

Thus, the results demonstrate that trust in investigations based on anonymous sources ranges from cautious trust to complete distrust. This suggests the existence of public concerns and doubts about the reliability of such sources.

The fifth question was open-ended and addressed the risks that the respondents associated with the use of anonymous sources in journalistic investigations (see Fig. 5). The question was phrased as follows: "What do you think are the risks associated with using anonymous sources in journalistic investigations?"

The responses were diverse and covered several key aspects. Based on the analysis of open-ended answers, several main risks were identified by the participants in relation to the use of anonymous sources. These risks were classified as follows:

1. low reliability of information;
2. manipulation and influencing public opinion;
3. damage to the media's reputation;
4. violation of journalistic ethics;
5. loss of trust in the media.

The figure shows that 55% of the respondents consider a low reliability of information as the main risk. This indicates concern about the possibility of facts being distorted or inaccurate information being provided due to the anonymity of sources.

40% of the respondents mentioned manipulation and the shaping of public opinion as significant risks. This suggests that anonymous sources may sometimes be used to spread deliberately false or subjective information in order to influence public opinion or political situations.

35% of the respondents noted that damage to the reputation of the media was an important risk. If investigations based on anonymous sources prove to be false, they can have serious consequences for the media's reputation and lead to a loss of audience trust.

15% of the respondents pointed to violations of journalistic ethics as a potential risk. Another 15% expressed concern that using anonymous sources could lead to a loss of trust in the media as a whole.

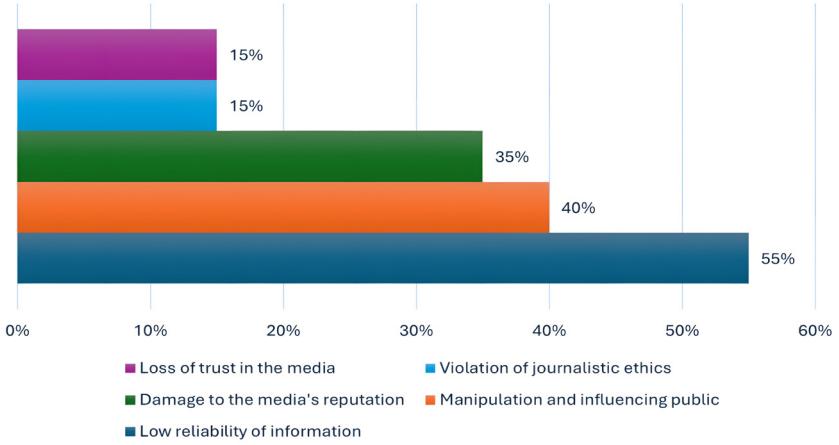

Fig. 5. Risks associated with the use of anonymous sources in investigative journalism, according to the respondents
Рис. 5. Риски, связанные с использованием анонимных источников в журналистских расследованиях, по мнению респондентов

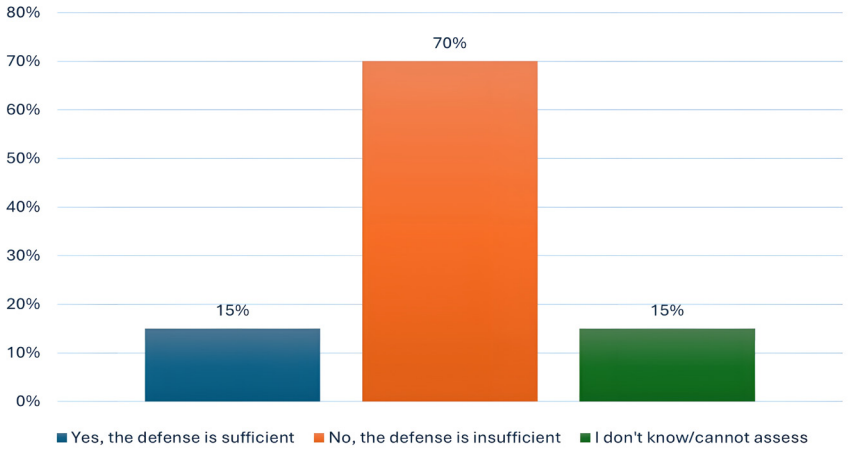

Fig. 6. Assessment of the protection level for the rights of journalists and anonymous sources in Kazakhstan
Рис. 6. Оценка уровня защиты прав журналистов и анонимных источников в Казахстане

Therefore, while the importance of anonymous sources is acknowledged, the public perceives several serious risks associated with their use that can undermine trust in journalism and affect its reputation.

The sixth question posed to the survey participants concerned the level of protection for journalists' and anonymous sources' rights in Kazakhstan (see Fig. 6). The question was phrased as follows: "Do you think that there is sufficient protection for the rights of journalists and anonymous sources in Kazakhstan?"

The results show that 70% of the respondents believe that the protection of journalists' and anonymous sources' rights in Kazakhstan is insufficient. This opinion may be linked to a sense of inadequate legal protection and potential threats to journalists and their sources, especially in the context of restrictions on freedom of speech and the press that may exist in some countries. 15% of the respondents expressed the view that protection was adequate. Another 15% of the participants were unsure how to assess the issue. This may indicate a lack of awareness or uncertainty on the matter.

The survey results highlight public concern about the level of protection for journalists and anonymous sources. This suggests a need for improvements in the legal framework and the implementation of additional mechanisms to ensure the safety of these groups.

Discussion

The study has shown that for the majority of the respondents who took part in the survey, investigative journalism is important for ensuring transparency in society and uncovering corruption. Given the high level of threats to investigative journalists in Kazakhstan, it has become known that the use of anonymous sources is in most cases well perceived by society. However, the results were somewhat different from those in other countries. According to a study by Ivanka Pjesivac and Rachel Rui, American and Chinese readers believe that articles with anonymous sources are less reliable (Pjesivac, Rui, 2014). Although anonymous sources are distrusted by the public, they have been found to play an important role in American journalism by promoting diversity of ideas (Blankenburg, 1992) and are frequently used. For example, a study conducted by Na Yeon Lee et al. compared the frequency of anonymous sources in Korean newspapers and *The New York Times*, finding that the American newspaper used more contexts in which anonymous sources were mentioned (Lee et al., 2021). And, according to Malaysian journalists, the use of anonymous sources in publishing breaking news is considered proper despite the impact on public trust (Wilson, 2010). Such findings highlight the complex nature of the use of anonymous sources in global journalism.

In our research, important pieces of information are the risks associated with the use of anonymous sources in investigative journalism. These risks include misrepresentation of facts, dissemination of inaccurate information, manipulation and undermining the reputation of the media. In addition, a study conducted by Bahtiyar Kurambayev and Eric Freedman on Central Asian countries has found that the use of anonymous sources leads to ethical violations (Kurambayev, Freedman, 2020). The study demonstrates that in the journalism of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan there are cases of knowingly false information. Based on this, it can be said that the use of anonymous sources negatively affects the credibility of materials (Pjesivac, Rui, 2014). A study conducted on three daily newspapers shows that there are several risks associated with the use of anonymous sources. One of them is the loss of trust in the media (Purvis, 2015). Therefore, journalists are advised to openly reveal sources unless their identification can lead to a difficult situation (Wulfemeyer, 1983). Even in the survey we conducted, the majority of the respondents felt that it was right to openly reveal sources if journalists do not face danger and their human rights are not violated.

It is worth noting that there are threats to journalists, including investigative journalists. According to many researchers, investigative journalists face risks such as physical threats and lawsuits while working (Bisilki, Opoku, 2018; Di Salvo, 2022; Etumnu et al., 2024). One of these threats is the lack of legal protection for journalists and their informants. As a result of our research, we can say that the majority of the respondents noted the insufficient development of the legal framework in Kazakhstan. According to Nazerke Mussa and Karlyga Myssayeva, due to censorship and pressure from the state, Kazakhstani journalists face significant difficulties in covering conflict topics (Mussa, Myssayeva, 2024). According to David Banisar, many countries including Belgium, Mexico, Sweden, New Zealand, Australia, Angola, Luxembourg and El Salvador have adopted special laws to protect journalists' sources (Banisar, 2007). Compared to the abovementioned countries, Kazakhstan has an imperfect legal framework for the protection of journalists' identities and sources. As a result of such gaps, the free dissemination of information by Kazakhstani journalists, including investigative journalists, is hindered and they have to use anonymous sources.

Furthermore, the issue of freedom of the press and journalistic integrity in Kazakhstan cannot be discussed without considering the cultural and social factors that shape public perception of information. These factors are crucial because they provide insight into how societal attitudes toward trust, transparency and authority influence the way information is received and understood in Kazakhstan. Kazakhstan's media landscape is shaped by its Soviet past, resulting in complex relationships between the government and the press (Utemissov, Koshkenov, 2021). The legacy of state-controlled information and the centralization of power in the hands of the government have created a culture where the flow of information is often seen through a lens of skepticism. Yariv Tsfati argues that "skepticism towards the media moderates agenda setting effects", with skeptics showing weaker correlations between the media and public agendas (Tsfati, 2003: 157). In a society where media outlets have traditionally been under state control, there is a strong cultural tendency to view independent or investigative journalism cautiously, especially when anonymous sources are involved.

Social factors also play a significant role in shaping how anonymous sources are perceived in Kazakhstan. The collectivist nature of Kazakhstani society, with an emphasis on loyalty to the community and

respect for authority, may contribute to a reluctance to openly criticize or challenge those in power. This cultural tendency can explain why many Kazakhstani citizens are more accepting of anonymous sources, as they may feel that the safety and well-being of individuals providing sensitive information outweigh the potential risks of misinformation. In contrast, in more individualistic societies like the United States, where there is a stronger emphasis on personal accountability and freedom of expression, anonymous sources are often met with greater scrutiny. In nations with higher press freedom, anonymous sources are often viewed skeptically, as they can reduce the credibility of news stories (Pjesivac, Rui, 2014).

Additionally, the sociopolitical environment in Kazakhstan, characterized by a relatively restricted media landscape, reinforces the idea that anonymous sources are necessary for investigative journalism to take place. With limited access to independent media and the constant threat of censorship or governmental pressure, journalists and their sources in Kazakhstan may have little choice but to rely on anonymity as a shield. This dynamic creates a social environment in which the use of anonymous sources is not only understood but is often seen as a necessary mechanism for truth-telling in a constrained media ecosystem.

Conclusion

The research shows that the majority of the respondents in Kazakhstan have a positive attitude towards the use of anonymous sources in investigative journalism. However, the respondents believe that information from open sources is appropriate if it does not pose any threat. The reason is that the use of anonymous sources can lead to several risks. Also, during the research it has been noted that the legal framework for source protection in Kazakhstan is imperfect. Drawing from the findings, we have formulated several recommendations on the use of anonymous sources in investigative journalism.

First, it is necessary to improve legislation on the part of the state aimed at protecting the identities of journalists and their sources and ensuring their safety and confidentiality.

Second, when using anonymous sources in journalistic practices, journalists should verify the reliability of information and strictly observe ethical standards to avoid manipulation and distortion of facts.

Third, when using anonymous sources, it is necessary to have evidence that confirms its credibility and does not cast doubt on the results of a journalistic investigation.

Acknowledgements

We would like to express our sincere gratitude to all the respondents who participated in the survey for this study.

REFERENCES

Aigelova, A. M. and Ishanova, A. K. (2023) Problems of fake news analysis in social media. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Journalism Series,* no. 1 (142), pp. 97–103. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.32523/2616-7174-2023-142-1-97-103

Akessina, A. and Dyussenbekova, M. (2024) Voices in transition: Understanding freedom of expression as a political value in contemporary Kazakhstan. *Qogam jane Dauir*, vol. 2, no. 82, pp. 20–29.

Allen, D. S. (2008) The trouble with transparency: The challenge of doing journalism ethics in a surveillance society. *Journalism Studies*, vol. 9, no. 3, pp. 323–340. DOI: https://doi.org/10.1080/14616700801997224

Banisar, D. (2007) *Silencing sources: An international survey of protections and threats to journalists' sources*. London, Privacy International. 97 p. (Privacy International Global Survey Series). DOI: https://doi.org/10.2139/SSRN.1706688

Bīriņa, L. (2019) Intelligence activities' impact on journalists' information source protection — Case law of the European Court of Human Rights. In: *Protecting values enshrined in Constitution: Perspectives of different fields of law* : A collection of research papers of the 77th International Scientific Conference of the University of Latvia. Riga, University of Latvia Press. Pp. 335–342. (In Latvian). DOI: https://doi.org/10.22364/juzk.77.35

Biscop, M. and Décary-Hétu, D. (2022) Anonymity technologies in investigative journalism: A tool for inspiring trust in sources. *Journalism Practice*, vol. 18, no. 6, pp. 1420–1441. DOI: https://doi.org/10.1080/17512786.2022.2113740

Bisilki, I. and Opoku, R. O. (2018) Investigative journalism in Ghana, challenges and ethical contentions. *Journal of Social Science Studies*, vol. 6, no. 1, pp. 68–81. DOI: https://doi.org/10.5296/jsss.v6i1.13823

Blankenburg, W. B. (1992) The utility of anonymous attribution. *Newspaper Research Journal*, vol. 13, no. 1–2, pp. 10–23. DOI: https://doi.org/10.1177/073953299201300103

Carlson, M. (2010) Whither anonymity? Journalism and unnamed sources in a changing media environment. In: *Journalists, Sources, and Credibility*. New York, Routledge. Pp. 37–48. DOI:

Devaraj, S., Alfred, M., Madathil, K. C. and Gramopadhye, A. K. (2015) An investigation of the factors that predict an internet user's perception of anonymity on the web. In: Tryfonas, T. and Askoxylakis, I. (eds.) *Human aspects of information security, privacy, and trust.* HAS 2015. Lecture notes in computer science. Cham, Springer. Vol. 9190. Pp. 311-322. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-20376-8_28

Di Salvo, P. (2022) "We have to act like our devices are already infected": Investigative journalists and internet surveillance. *Journalism Practice*, vol. 16, no. 9, pp. 1849–1866. DOI: https://doi.org/10.1080/17512786.2021.2014346

Etumnu, E. W., Fab-Ukozor, N., Ojiakor-Umenze, I. and Williams-Etumnu, O. (2024) Are journalists truly safe? Communicating the risks faced by investigative journalists in Nigeria. *Studies in Humanities and Education*, vol. 5, no. 2, pp. 25–36. DOI: https://doi.org/10.48185/she.v5i2.1256

Garling, M. (1979) Journalists. In: *The Human Rights Handbook*. London, Palgrave Macmillan. Pp. 144–148. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-16048-8_14

Gohdes, A. R. and Carey, S. C. (2017) Canaries in a coal-mine? What the killings of journalists tell us about future repression. *Journal of Peace Research*, vol. 54, no. 2, pp. 157–174. DOI: https://doi.org/10.1177/0022343316680859

Gokhale, S. and Mate, R. (2024) Press freedom in Asian countries (2010–2023): A systematic literature review. *Educational Administration: Theory and Practice*, vol. 30, no. 5, pp. 7453–7461. DOI: https://doi.org/10.53555/kuey.v30i5.4177

Goniak, Ł. P. (2023) Journalists' abuse of (the right) to the anonymity. Dual practical-legal perspective. *Roczniki Nauk Spolecznych*, vol. 51, no. 3, pp. 119–142. (In Polish). DOI: https://doi.org/10.18290/rns2023.0003

Grabelnikov, A. A. and Mambetova, I. K. (2015) Freedom of journalists' speech and safety as actual problem of Kazakh media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, no. 3, pp. 129–137. (In Russ.).

Hanitzsch, T. et al. (2011) Mapping journalism cultures across nations: A comparative study of 18 countries. *Journalism Studies*, vol. 12, no. 3, pp. 273–293. DOI: https://doi.org/10.1080/1461670X.2010.512502

Jaisal, M. K. (2024) Behind the headlines unmasking truths of the tragedy: Review of "The Railway Men: The Untold Story of Bhopal 1984". *Journal of Communication and Management*, vol. 3, no. 2, pp. 187–191. DOI: https://doi.org/10.58966/JCM20243217

Kurak, G. K., Kabylgazina, K. and Shindaliyeva, M. B. (2022) Investigative journalism in Kazakh-speaking mass media: History and practice. *Herald of Journalism*, vol. 64, no. 2, pp. 15–27. (In Kazakh). DOI: https://doi.org/10.26577/HJ.2022.v64.i2.02

Kurambayev, B. and Freedman, E. (2020) Ethics and journalism in Central Asia: A comparative study of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan. *Journal of Media Ethics*, vol. 35, no. 1, pp. 31–44. DOI: https://doi.org/10.1080/23736992.2019.1700119

Kurambayev, B. and Myssayeva, K. (2023) An examination of the use of fake names among Central Asian journalists. *Journal of Media Ethics*, vol. 38, no. 1, pp. 48–59. DOI: https://doi.org/10.1080/23736992.2022.2158830

Lee, N. Y., Kim, C. and Kim. J. (2021) A study on the journalism practice of anonymous news sources of political news: A comparative analysis of Korean newspapers and the New York Times. *Korean Journal of Journalism & Communication Studies*, vol. 65, no. 3, pp. 5–38. DOI: https://doi.org/10.20879/kjjcs.2021.65.3.001

McQuail, D. (2002) *McQuail's reader in mass communication theory*. London, Sage Publications. xxiv, 427 p.

Morgner, C. (2018) Trust and society: Suggestions for further development of Niklas Luhmann's theory of trust. *Canadian Review of Sociology*, vol. 55, no. 2, pp. 232–256. DOI: https://doi.org/10.1111/cars.12191

Mussa, N., and Myssayeva, K. N. (2024) The role of journalists covering conflicts in Kazakhstan. *Bulletin of L. N. Gumilyov Eurasian National University. Journalism Series*, no. 3 (148), pp. 109–122. (In Kazakh). DOI: https://doi.org/10.32523/2616-7174-2024-148-3-109-122

Purvis, H. (2015) Anonymous sources: More or less and why and where? *Southwestern Mass Communication Journal*, vol. 30, no. 2. DOI: https://doi.org/10.58997/smc.v30i2.11

Pjesivac, I. and Rui, R. (2014) Anonymous sources hurt credibility of news stories across cultures: A comparative experiment in America and China. *International Communication Gazette*, vol. 76, no. 8, pp. 641–660. DOI: https://doi.org/10.1177/1748048514548534

Rains, S. A. (2007) The impact of anonymity on perceptions of source credibility and influence in computer-mediated group communication: A test of two competing hypotheses. *Communication Research*, vol. 34, no. 1, pp. 100–125. DOI: https://doi.org/10.1177/0093650206296084

Rakhymzhanova, L. and Alzhan, A. (2023) COVID-19: Analysis of disinformation spread in the media of Kazakhstan in 2020. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Journalism Series*, no. 2 (143), pp. 40–46. (In Kazakh). DOI: https://doi.org/10.32523/2616-7174-2023-143-2-40-46

Ryskeldinova, S. B. and Sak, K. O. (2021) Freedom of speech as a key condition for democracy. *Bulletin of L. N. Gumilyov Eurasian National University. Journalism Series*, no. 1 (134), pp. 27–36. (In Kazakh). DOI: https://doi.org/10.32523/2616-7174-2021-134-1-27-36

Sternadori, M. M. and Thorson, E. (2009) Anonymous sources harm credibility of all stories. *Newspaper Research Journal*, vol. 30, no. 4, pp. 54–66. DOI: https://doi.org/10.1177/073953290903000405

Sylvie, G. (2001) The elements of journalism: What newspeople should know and the public should expect. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, vol. 78, no. 4, pp. 851–853.

Tazhibayev, G. (2023) Bibliography history of the development of mass media law of the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of Yassawi University*, no. 1 (127), pp. 540–554. (In Kazakh). DOI: https://doi.org/10.47526/2023-1/2664-0686.42

Tsfati, Y. (2003) Does audience skepticism of the media matter in agenda setting? *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, vol. 47, no. 2, pp. 157–176. DOI: https://doi.org/10.1207/s15506878jobem4702_1

Urbániková, M. and Smejkal, K. (2023) Trust and distrust in public service media: A case study from the Czech Republic. *Media and Communication*, vol. 11, no. 4, pp. 297–307. DOI: https://doi.org/10.17645/mac.v11i4.7053

Utemissov, Z. Z. and Koshkenov, N. Zh. (2021) Kazakhstan media challenges in the context of media and government relations in the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Journalism Series*, no. 1 (134), pp. 37–51. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.32523/2616-7174-2021-134-1-37-51

Wasserman, E. (2017) Safeguarding the news in the era of disruptive sources. *Journal of Media Ethics*, vol. 32, no. 2, pp. 72–85. DOI: https://doi.org/10.1080/23736992.2017.1294020

Wilson, S. (2010) Source usage and news credibility in two Malaysian crime cases. *Akademika*, vol. 79, no. 1, pp. 43–51.

Wulfemeyer, K. T. (1983). Use of anonymous sources in journalism. *Newspaper Research Journal*, vol. 4, no. 2, pp. 43–50. DOI: https://doi.org/10.1177/073953298300400205

Submission date: 30.01.2025.
Acceptance date: 15.01.2026.

DOI: 10.25178/nit.2026.2.18

Article

Идентификационные стратегии этнических групп Казахстана в контексте интеграции и глобализации (социально-экономический аспект)

Валентина Д. Курганская, Владимир Ю. Дунаев, Мухтарбек С.-А. Шайкемелев
Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Республика Казахстан

В статье исследуются социально-экономические аспекты идентификационных стратегий этнических групп корейцев и немцев в полиэтническом обществе Казахстана. Эмпирическую базу составили статистические данные, результаты социологических исследований, научные публикации, материалы СМИ.

Выявлены и проанализированы особенности формирования экономического базиса идентификационных стратегий немцев и корейцев Казахстана. В том числе этническая сегментация занятости (азиатские этносы преобладают в аграрном секторе, европейские — в промышленном, торговля выступает универсальной сферой). Проанализированы две модели интеграции: корейская (сетевая структура, предпринимательская активность, связи с Южной Кореей, крупномасштабные проекты под эгидой Ассоциации корейцев Казахстана) и немецкая (мультикультурализм, социальная ответственность, поддержка малого/среднего бизнеса). Обосновано положение о том, что предпринимательский этос служит ключевым фактором интеграции, обеспечивая одновременно экономическое развитие и сохранение культурной идентичности.

Делается вывод о том, что успешные модели интеграции корейцев и немцев демонстрируют важность баланса между экономической активностью и культурной преемственностью. Отмечается, что предпринимательская деятельность выступает инструментом консолидации этнических сообществ и их имплементации в матрицы общеказахстанской национальной идентичности.

Ключевые слова: *Казахстан; корейцы; немцы; адаптация; адаптационная стратегия; идентификационная стратегия; экономическая интеграция; этос предпринимательства*

Исследование проведено в рамках финансирования Комитета науки МНВО РК — грант ИРН AP23489872 «Мониторинг межэтнических отношений в южных областях Казахстана» (2024–2026 гг.).

Для цитирования:
Курганская В. Д., Дунаев В. Ю., Шайкмелев М. С.-А. Идентификационные стратегии этнических групп Казахстана в контексте интеграции и глобализации (социально-экономический аспект) // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 283-300. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.18

Курганская Валентина Дмитриевна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра сравнительной политологии Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Адрес: Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: vkurganskaya@mail.ru

Дунаев Владимир Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра сравнительной политологии Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Адрес: Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: vlad.dunaev2011@yandex.kz

Шайкемелев Мухтарбек Сейд-Алиевич — доктор философских наук, ассоциированный профессор, главный научный сотрудник Центра сравнительной политологии Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Адрес: Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: mukash2424@gmail.com

Article

Identification Strategies of Ethnic Groups in Kazakhstan in the Context of Integration and Globalization (Socio-Economic Aspect)

Valentina D. Kurganskaya, Vladimir Yu. Dunaev, Mukhtarbek S.-A. Shaikemeliev
Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

The article examines the socio-economic aspects of the identification strategies of ethnic groups of Koreans and Germans in the multi-ethnic society of Kazakhstan. The empirical base consists of statistical data, the results of sociological studies, academic publications, and media materials.

The specific features of the formation of the economic basis of the identification strategies of Germans and Koreans in Kazakhstan are identified and analysed, including ethnic segmentation of employment (Asian ethnic groups predominate in the agrarian sector, European ones in industry, while trade functions as a universal sphere). Two integration models are analysed: the Korean one (network structure, entrepreneurial activity, ties with South Korea, large-scale projects under the aegis of the Association of Koreans of Kazakhstan) and the German one (multiculturalism, social responsibility, support for small and medium-sized businesses). It is argued that the entrepreneurial ethos serves as a key factor of integration, ensuring both economic development and the preservation of cultural identity.

It is concluded that the successful integration models of Koreans and Germans demonstrate the importance of a balance between economic activity and cultural continuity. It is noted that entrepreneurial activity functions as an instrument for consolidating ethnic communities and for their implementation within the matrices of the overarching Kazakhstani national identity.

Keywords: *Kazakhstan; Koreans; Germans; adaptation; adaptation strategy; identification strategy; economic integration; entrepreneurial ethos*

Financing
The study was carried out with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, grant IRN AP23489872 "Monitoring of interethnic relations in the southern regions of Kazakhstan" (2024-2026).

For citation:
Kurganskaya V. D., Dunaev V. Yu. and Shaikemeliev M. S.-A. Identification Strategies of Ethnic Groups in Kazakhstan in the Context of Integration and Globalization (Socio-Economic Aspect). New Reaesrch of Tuva, 2026, no. 2, pp. 283-300 (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.18

KURGANSKAYA, Valentina Dmitrievna, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Center for Comparative Politics, Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies, Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education, Republic of Kazakhstan. Postal address: 29, Kurmangazy St., 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: vkurganskaya@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5113-1033

DUNAEV, Vladimir Yurievich, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Center for Comparative Politics, Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies, Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education, Republic of Kazakhstan. Postal address: 29, Kurmangazy St., 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: vlad.dunaev2011@yandex.kz
ORCID: 0000-0001-8581-3606

SHAIKEMELEV, Mukhtarbek Seid-Alievich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Chief Researcher, Center for Comparative Politics, Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies, Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education, Republic of Kazakhstan. Postal address: 29, Kurmangazy St., 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: mukash2424@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9501-6851

Введение

Современный мир переживает глубокие трансформации, вызванные научно-техническим прогрессом, культурной и экономической глобализацией. В этих непростых условиях в Казахстане решается комплекс задач по укреплению национальной идентичности при сохранении культурного разнообразия. В настоящей статье исследовательский акцент сделан на анализе процессов социально-экономической интеграции этносов в казахстанский социум, поскольку в условиях глобализации предпринимательская активность способствует созданию устойчивых социальных связей внутри этнических сообществ, что является важным фактором их консолидации и сохранения культурной самобытности. Успешный бизнес позволяет этническим группам интегрироваться в экономическую систему принимающего общества, что способствует их социальной мобильности и повышению уровня жизни.

Научное сообщество располагает определённым опытом изучения взаимосвязи между идентификационными стратегиями этнических групп и моделями их социально-экономической интеграции. Классическими работами М. Вебера заложена концептуально-методологическая основа исследования взаимовлияния нормативно-ценностных комплексов культуры и особенностей ведения хозяйственно-экономической деятельности (Вебер, 1990).

Российские исследователи вносят свой вклад в изучении взаимосвязи этнической идентичности и экономического развития. Так, одни авторы акцентируют внимание на положительном влиянии этнического разнообразия на региональное развитие (Буфетова, Коломак, Михалёва, 2017) и экономический рост (Суслов, Исупова, Иванова, 2022), другие выявляют проблемы адаптации этнических сообществ к современным трансформациям, анализируя их в контексте структурных изменений общества (Балакина, Кылгыдай, 2015, 2016). Исследуется влияние этнокультурных факторов на способность личности сочетать инновационную активность с сохранением культурной идентичности в условиях современной экономики (Ламажаа, 2015), воздействие этноэкономического уклада хозяйствования на социально-экономическое развитие региона (Ооржак, 2019). Следует также отметить исследования вопросов трудовой занятости тувинской молодёжи, молодёжного предпринимательства (Анайбан, 2018), и исследования особенностей экономического поведения и экономической культуры тувинцев и русских в контексте их этнической идентичности (Дабиев, 2018).

Зарубежные исследователи указывают как на негативные последствия для экономического развития этнического разнообразия (Easterly, Levine, 1997; Dincer, Wang, 2011), подчёркивая его неоднозначные эффекты в некоторых странах (Campos, Kuzeyev, 2007), так и раскрывают многофакторное влияние полиэтничности на экономику (Alesina et al., 2003; 2016).

Учёными предпринимаются определённые шаги к изучению взаимосвязи этнического и экономического компонентов социальной структуры казахстанского общества. Направления этих исследований — трудовая деятельность этносов в различных секторах экономики Казахстана (Ким, 2014); особенности экономического поведения этносов и их вклад в развитие экономики (Гали, 2022); экономическое неравенство между различными этническими группами (Калиев, Гали, 2024); этническая фракционализация и её влияние на доходы населения (Додонов, 2024). Проведён ряд исследований, охватывающих широкий спектр тем, связанных с проблемами диаспор Казахстана (немецкой и корейской), включая историю их формирования, их трудовую деятельность, культурные традиции, демографические процессы (Кан, 1995; Сим, 2000; Известия корееведения … , 2010; Ким, 2014; Пак, Ю, Эм, 2021; Кригер, 2006; Курганская, Дунаев, 2013; История и культура … , 2017).

Однако, как подчеркивает В. Ю. Додонов, «попытки исследования взаимосвязи между этническим разнообразием населения и различными экономическими показателями до настоящего времени остаются фрагментарными» (Додонов, 2023: 84). Недостаточно изучены специфические аспекты экономических стратегий этнических групп, механизмы взаимосвязи экономической интеграции и процессов формирования идентичности, а также влияние глобализации на идентификационные практики этих этнических сообществ.

Наш исследовательский интерес сконцентрирован в данной статье на этосе предпринимательства двух казахстанских этносов — корейцев и немцев как депортированных народов, которые прошли через суровые испытания, но в настоящее время демонстрируют примеры успешного использования адаптационного потенциала в ответ на динамические трансформации внешней среды. Успешные экономические стратегии, применяемые этими этническими группами, являются

важнейшими детерминантами сохранения их этнической идентичности в полиэтничном и поликультурном социуме.

В исследовании экономической интеграции этнических групп использовались следующие теоретико-методологические подходы и теории: разработанный классиками мировой социологии системный подход, позволяющий рассматривать экономическую интеграцию как многоуровневый процесс (Парсонс, 2000; Мертон, 2006); институциональный подход, анализирующий формальные и неформальные институты социально-экономической интеграции (North, 2005); теория социального капитала (Putnam, 2000) для изучения сетевых взаимодействий между этническими группами; теория человеческого капитала (Becker, 1993) при оценке экономического потенциала различных этнических групп; теория культурной памяти и концепция символического капитала (Bourdieu, 1986); теория этнического предпринимательства (Light, 2023).

Цель настоящего исследования — анализ идентификационных стратегий немецкой и корейской диаспор Казахстана через социально-экономические аспекты их интеграции в эпоху глобализации. Объектом настоящего исследования выступают немецкая и корейская диаспоры Казахстана[1]; предметом — процессы экономической интеграции этнических сообществ корейцев и немцев и их воздействие на этническую идентификацию в контексте глобализационных процессов.

Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи: провести анализ исторического контекста формирования хозяйственно-экономического базиса идентификационных стратегий казахстанских немцев и корейцев; охарактеризовать структуру занятости и особенности экономической интеграции этнических групп в Казахстане; выявить особенности моделей социально-экономической интеграции корейцев и немцев в условиях глобализации; провести сравнительный анализ подходов корейских и немецких этнокультурных объединения (ЭКО) к этосу предпринимательства.

Исследование опирается на научные публикации, статистические данные, материалы ЭКО, СМИ, социологические исследования:

1) комплексное социологическое исследование «Адаптивные практики и миграционные стратегии немцев Казахстана» (2008). Выборка — 1000 респондентов, проведено 4 фокус-группы, 27 интервью. Объект исследования — немцы Казахстана. Исполнитель — АООНК «Возрождение»;

2) комплексное социологическое исследование «Динамика общественного самоуправления этнических немцев» (2012). Выборка — 1707 респондентов, проведено 18 фокус-групп, 64 интервью. Объект исследования — немцы Казахстана. Исполнитель — АООНК «Возрождение»;

3) анкетный опрос немцев Казахстана (2017). Выборка — 2000 респондентов. Исполнитель — ОО Павлодарское областное общество немцев «Возрождение»;

4) комплексное социологическое исследование «Немцы Казахстана — состояние и развитие» (2024). Выборка — 2482 респондента, проведены 6 фокус-групп, 30 интервью. Объект исследования — немцы Казахстана. Исполнитель — Институт «Общественное мнение» («Қоғамдық пікір» институты);

5) фокус-групповые исследования в рамках проекта «Мониторинг межэтнических отношений в южных областях Казахстана» (2024–2025). 10 фокус-групп проведены сотрудниками Института философии, политологии и религиоведения (ИФПР) (руководитель проекта — д-р филос. н. М. С.-А. Шайкемелев)[2].

[1] Под диаспорой понимается этническая общность, проживающая вне страны или территории своего происхождения, но сохраняющая связь со своей исторической родиной через язык, самобытную культуру, традиции, социальные институты.

[2] Авторы статьи в первых двух исследованиях являлись научными консультантами проектов АООНК «Возрождение» (руководитель проектов А. Ф. Дедерер). По итогам исследований опубликованы монографии (Курганская, Дунаев, 2008, 2013). Результаты 3-го исследования (руководитель Е. Шепель) были представлены в Программе развития немецкого этноса Казахстана: Программа развития немецкого этноса Казахстана. [Электронный ресурс] // Wiedergeburt-kasachstan.de. Нур-Султан, 2019. URL: https://wiedergeburt-kasachstan.de/wp-content/uploads/2019/07/Programma-razvitiya.pdf (дата обращения: 29.11.2025); 4-го исследования (руководитель О. Штейн) — в годовом отчёте (2024) о деятельности общественного фонда «Казахстанское объединение немцев «Возрождение»: Годовой отчёт о деятельности общественного фонда «Казахстанское объединение немцев «Возрождение», 2024. [Электронный ресурс] // Wiedergeburt-kasachstan.de. Астана // URL: https://wiedergeburt-kasachstan.de/wp-content/uploads/2025/06/OF-Godovoj-otchet-2024-1.pdf (дата обращения: 29.11.2025).

Особенности формирования немецкой и корейской общин Казахстана

В формировании идентификационных стратегий перед этническими группами современного Казахстана стоят как общие для всех этносов, так и специфические для каждого из них проблемы. К числу наиболее важных и вместе с тем наиболее сложных проблем для всех этнических групп республики относится проблема совмещения, позитивно-синергетического взаимодействия нормативно-ценностного комплекса традиционной культуры с новыми, порождёнными глобализацией моделями конкурентоспособной национальной идентичности. Вместе с тем для решения этой задачи различные этнические группы Казахстана избирают различные пути и вырабатывают специфические механизмы.

Казахи выстраивают свою модель идентичности на своей земле, в опоре на собственные культурные коды. Основной задачей гражданской и социокультурной самоидентификации казахов является преодоление внутренней разобщённости, возникшей на основании экономического неравенства (системообразующего фактора социальной стратификации, способствующего углублению социальных расколов, этнической и внутриэтнической поляризации), лингвистической дифференциации (по этому признаку казахи разделяются на казахоязычных, русскоязычных и казахов-билингвов), жузового деления (Шайкемелев, 2020).

В выработке идентификационных стратегий перед немцами и корейцами как представителями разительно отличных от евразийского типа культурно-цивилизационных ареалов Европы и Юго-Восточной Азии стояла задача иного рода: интегрироваться в нормативно-ценностные структуры казахстанского общества, сохранив при этом ключевые характеристики своей культуры, религии, обычаев, традиций и т. д. Социально-экономические основания собственных моделей идентичности были заложены в процессе формирования немецкой и корейской общин Казахстана.

Немецкая община в Казахстане сформировалась в ходе длительного и многоэтапного процесса как добровольного, так и принудительного переселения. Присоединение Казахстана к России положило начало процессам массовой миграции на его территорию колонистов для освоения новых земель. С конца XVIII в. на территорию Казахстана переселялись такие представители российских немцев, как военные специалисты; учёные и исследователи, изучавшие новые территории империи; ремесленники; купцы. Отмена крепостного права поощрила переселение крестьян, основывавших немецкие сельскохозяйственные поселения в Степном крае. К началу XX в. на территории, занимаемой современным Казахстаном, проживали уже десятки тысяч немцев. Немецкие колонисты создавали самоуправляемые общины с собственными церквями, школами. В сельской местности они занимались разведением скота, выращиванием зерновых культур и овощей с использованием передовых по тем временам агротехнологий[1].

Исследователи подсчитали, что «в предвоенные годы, в период Великой Отечественной войны и в последующее время 18 этнических общностей в полном составе… принудительным порядком были переселены в восточные регионы страны, преимущественно в Казахстан и республики Средней Азии» (Бугай, 2020: 20). В Казахстан из Поволжья, с Украины и Кавказа за 1941–1942 гг. было переселено 317630 немцев (Казиев, 2015: 85)[2]. Статус «спецпоселенцев» предусматривал запрет на самовольное перемещение, обязательную регистрацию в комендатурах, мобилизацию в «трудармии». Немцы, в том числе женщины, привлекались к наиболее тяжёлым видам работ: строительству шахт и заводов, лесозаготовкам, сельскохозяйственному труду в колхозах и совхозах (Давлетова, 2023: 53). В этих сложных условиях немецкие «спецпоселенцы» сохраняли ключевые аспекты своей национальной идентичности: культурные традиции, язык, религию, высокую трудовую дисциплину, законопослушность, формировали внутри своих общин сети взаимопомощи (Хаясака, 2012: 21).

Численность немецкого населения КазССР за период между переписями населения 1939 г. и 1959 г. увеличилась в 7 раз — с 92571 чел. до 659751 чел.[3] После отмены статуса «спецпоселенцев» (1955 г.)

[1] История Казахстана: народы и культуры: учеб. пособие / Масанов Н. Э. и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 250-253.
[2] В других источниках называются цифры: 462 тыс., 420 тыс., 394133 чел. (Игнатьева, Ночвина, 2025: 305).
[3] История Казахстана: народы и культуры: учеб. пособие / Масанов Н. Э. и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 588-591.

казахстанские немцы, получив право на свободное перемещение и возможность выбора профессии, активно включились в процессы подготовки собственных специалистов в сфере промышленности, науки, культуры, образования.

После распада СССР и образования суверенного казахстанского государства немцы столкнулись с новыми вызовами. Ответом на них стал как поиск форм культурной самоидентификации и механизмов адаптации к новым государственным институтам, так и массовая эмиграция в Германию, предоставившую мощные программы помощи в обустройстве на исторической Родине соотечественников из Казахстана (Игнатьева, Ночвина, 2025: 308).

К настоящему времени численность немецкого этноса в Казахстане составляет 223 тыс. человек. Основными регионами расселения немцев являются Северный Казахстан (Костанайская и Северо-Казахстанская области), Центральный Казахстан (Карагандинская область); Алматы и Алматинская область.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Казахстане проживало 42 корейца[1]. Начало формированию корейской общины в Казахстане положила массовая депортация в 1937 г., когда из приграничных регионов Дальневосточного края в Казахстан и Узбекистан были принудительно переселены около 172 тысяч корейцев. На территорию Казахстана было переселено, по одним данным, 95,5 тыс., по другим данным — 98,5 тыс. корейцев[2]. Депортация проводилась в сжатые сроки. Переселенцы оказались в крайне тяжёлых условиях обустройства в местах расселения. Корейцев размещали в бараках, сараях, землянках. Они столкнулись с непривычным климатом, с острой нехваткой продовольствия, медикаментов, с культурными и языковыми барьерами в общении с коренным населением. За семь лет после переселения численность корейцев сократилась до 123 тыс. человек, или на 30% (Фан, 2022: 136).

Однако корейцы проявили высокую способность адаптации к новым условиям. К 1960–1970 гг. корейская община смогла интегрироваться в экономику Казахстана. Корейцы зарекомендовали себя как ведущие специалисты и эффективные предприниматели в овощеводстве, в развитии рисоводства в южных регионах страны. Они активно включились также в сферу услуг, строительства, торговли, промышленного производства. В 1970–1980-е гг. корейцы стали играть заметную роль в казахстанской науке, медицине, системе образования.

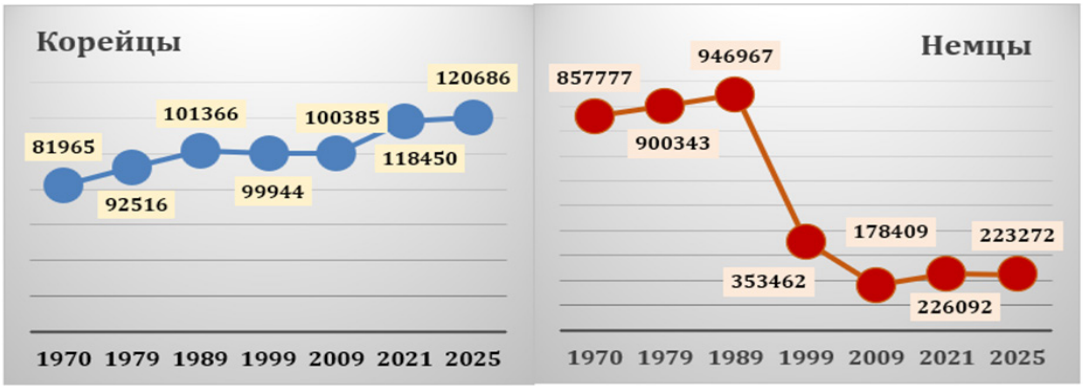

Рисунок 1. Динамика изменения численности немцев и корейцев в Казахстане[1].
Picture 1. Dynamics of changes in the number of Germans and Koreans in Kazakhstan.

[1] Там же. С. 587.
[2] Там же. С. 380.
[3] Национальный состав населения Республики Казахстан. Том 1. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник / под ред. А. Смаилова. Алматы, 2000. С. 7; Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. Статистический сборник / под ред. А. Смаилова. Астана, 2010. С. 4, 5; Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Астана, 2023. С. 5, 6 (На каз. и рус. яз.); Численность населения по отдельным этносам Республики Казахстан. На начало 2025 года [Электронный ресурс] // QAZSTAT. URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/281562/ (дата обращения: 29.11.2025).

К настоящему времени численность корейцев в республике составляет 120 тыс. человек. Основными регионами их расселения являются Алматы и Алматинская область, Шымкент и Туркестанская область, Караганда и Карагандинская область, Астана. Динамика изменения численности немецкого и корейского этносов в Казахстане приведена на *рисунке 1*.

Из краткого экскурса в историю формирования корейской и немецкой диаспор в Казахстане можно сделать следующие общие выводы: история немецкой общины в Казахстане — это история пути от принудительной депортации к успешной социальной, экономической и культурной интеграции в казахстанское общество при сохранении базисных факторов этнокультурной самоидентификации. Во многом схожая история формирования корейской общины в Казахстане — история вынужденной миграции, сложной адаптации и успешного встраивания в новое экономическое и социокультурное пространство при сохранении культурной самобытности.

Структура занятости и экономическая интеграция этнических групп в Казахстане

Этнические группы, активно участвуя в экономических процессах, адаптируются к новым реалиям, в том числе посредством изменения моделей этнической идентификации. В этносоциологии выделяют несколько основных стратегий адаптации этнических групп к доминирующей культуре: ассимиляционная, сепаратистская, интеграционная и гибридная. Эти стратегии описывают поведенческие модели взаимодействия, а не внутреннюю этническую идентификацию. Ассимиляционная стратегия предполагает принятие доминирующих норм и отказ от этнических практик в публичной сфере (Парк, 2025). Сепаратистская стратегия ориентирована на сохранение этнической автономии и минимизацию контактов с доминирующей культурой[1]. Интеграционная стратегия ищет баланс между участием в общекультурных процессах и поддержанием этнической самобытности (Берри, 2019). Гибридная стратегия сочетает элементы разных культур, создавая новые формы идентичности (Семененко, 2023).

При этом этническая идентификация — это внутренний процесс самоопределения, который может как соответствовать выбранной стратегии, так и расходиться с ней (например, человек может идентифицировать себя как представитель этноса, но выбирать интеграционную стратегию в поведении). Далее мы рассмотрим, какие стратегии адаптации преобладают в стране, и как они связаны с экономическими процессами, а пока что рассмотрим роль этничности в экономических процессах.

Этническая принадлежность оказывает влияние на доступ к трудовым ресурсам, на уровень заработной платы и социальное положение индивидов, что, в свою очередь, формирует и модифицирует модели этнической идентификации. Данное утверждение подтверждается рядом эмпирических исследований, демонстрирующих, что дискриминационные практики в сфере занятости и распределения доходов могут способствовать усилению этнической сплочённости и формированию идентичностей, основанных на абсолютизации противопоставления «мы» и «они». Таким образом, этническая принадлежность становится важным фактором, определяющим идентификационные стратегии индивидов.

Итоги переписи населения 2021 г. в Республике Казахстан[2] показали высокую степень интеграции различных этнических групп в формальный сектор экономики — 83% всех работающих граждан, доля

[1] Тишков В. А. Моральность сепаратизма [Электронный ресурс] // Валерий Тишков — личный сайт. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/n61_moralno.html (дата обращения: 29.11.2025).

[2] В постсоветский период в Казахстане проведено три переписи населения: в 1999 г. (Перепись населения 1999 [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://stat.gov.kz/ru/national/1999/ (дата обращения: 29.11.2025); в 2009 г. (Итоги Национальной переписи населения 2009 года [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://stat.gov.kz/ru/national/2009/general/ (дата обращения: 29.11.2025); в 2021 г. (Итоги Национальной переписи населения 2021 года [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://stat.gov.kz/ru/national/2021/index.php?sphrase_id=1422454 (дата обращения: 29.11.2025).

самозанятых составляла 16,4%[1]. Распределение занятости различных этнических групп в Казахстане по различным секторам экономики представлено в *таблице 1*.

Таблица 1. Сферы занятости этносов Казахстана, в %[2]
Table 1. Spheres of employment of ethnic groups of Kazakhstan, in %

	сельское, лесное и рыбное хозяйство	*промышленность*	*строительство*	*оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов*	*транспорт и складирование*	*предоставление услуг по проживанию и питанию*	*информация и связь*	*финансовая и страховая деятельность*	*операции с недвижимым имуществом*	*профессиональная, научная и техническая деятельность*	*деятельность в области административного и обслуживания*	*управление и оборона; обязательное социальное обеспечение*	*образование*	*здравоохранение и социальное обслуживание населения*	*искусство, развлечение и отдых*	*предоставление прочих видов услуг*
Казахи	15,0	10,5	7,7	13,9	5,5	2,7	2,9	2,1	3,5	3,0	3,5	4,7	10,5	5,4	1,8	7,3
Русские	13,2	14,6	7,1	17,2	5,8	2,9	2,8	1,9	3,4	2,9	3,3	3,6	7,3	4,7	1,8	7,3
Узбеки	20,4	5,7	8,8	17,1	5,7	1,9	2,2	1,2	2,7	3,2	3,4	2,4	11,3	4,9	1,2	7,9
Украинцы	19,6	14,3	6,7	15,9	5,9	2,2	2,5	1,5	2,6	2,5	2,9	3,7	7,9	4,3	1,3	6,2
Уйгуры	18,7	8,9	6,5	12,3	4,6	5,3	2,8	2,0	7,0	2,8	2,8	3,2	4,2	4,6	3,6	10,6
Татары	11,2	13,3	7,7	17,3	5,9	2,9	3,1	2,2	3,5	3,1	3,6	3,9	7,8	5,0	1,9	7,5
Немцы	**20,8**	**13,7**	**6,5**	**15,1**	**5,4**	**2,6**	**2,4**	**1,4**	**2,9**	**2,4**	**2,8**	**4,0**	**7,9**	**4,3**	**1,4**	**6,5**
Корейцы	**7,7**	**10,8**	**7,9**	**18,7**	**6,0**	**3,8**	**3,7**	**3,1**	**4,5**	**3,7**	**3,9**	**3,3**	**6,8**	**5,0**	**2,4**	**8,6**
Таджики	31,4	6,1	7,1	16,7	4,6	1,1	2,0	0,7	3,0	3,2	3,7	1,7	9,0	3,1	0,7	5,8
Дунгане	35,0	6,0	5,1	15,1	4,6	1,6	1,4	0,9	2,4	2,5	2,6	5,0	8,7	3,8	1,0	4,5
Чеченцы	20,3	11,4	7,6	15,6	5,2	2,9	2,6	1,5	4,1	2,7	3,5	3,8	5,6	3,9	2,0	7,2
Курды	27,8	7,4	6,9	12,4	4,7	3,2	2,2	1,1	4,7	2,4	2,5	4,4	5,8	3,5	2,1	9,0
Турки	28,2	7,0	7,0	13,5	4,8	3,2	2,1	1,0	4,6	2,5	2,4	4,0	6,2	3,8	2,0	7,6
Всего	15,3	11,1	7,6	14,7	5,6	2,7	2,8	2,0	3,5	3,0	3,4	4,3	9,6	5,1	1,8	7,4

Прим.: заливкой выделены сферы занятости, в которых доля немцев и корейцев значительно отличается от медианных значений.

Как следует из *таблицы 1*, корейцы выделяются высокой долей занятых в сфере услуг, особенно в торговле, в информационной сфере, в финансовой деятельности, в сфере искусства. Немцы сохраняют традиционно высокую занятость в аграрном секторе и в промышленном производстве.

Анализ структуры занятости этнических групп РК выявляет следующие тенденции и особенности:

— сельское хозяйство остаётся ведущей сферой для большинства аграрных этносов (уйгуры, турки, курды, дунгане, таджики);

— промышленность концентрирует значительную часть русского населения;

— торговля является универсальной сферой занятости для всех этносов;

— образование демонстрирует относительно равномерное распределение по всем группам.

[1] Занятость населения в Республике Казахстан. Астана: Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Бюро национальной статистики, 2023. Т. 2. С. 37.
[2] Там же. С. 172, 174.

Подводя итоги, отметим, что среди этносов в основном пока что сохраняется традиционная специализация: аграрная для азиатских этносов, индустриальная — для европейских. Однако эти тенденции не являются жёстко закреплёнными. Наблюдается постепенная диверсификация занятости: среди сельских жителей — рост доли самозанятости и малого бизнеса; в городах — увеличение числа работников в IT и сервисных секторах вне зависимости от этнической принадлежности.

Что касается стратегий адаптации, то часть представителей европейских этносов демонстрирует интеграционную модель, включающую преобладание наёмной занятости, активное участие в формальном секторе и институтах гражданского общества; среди азиатских этносов распространены гибридные формы, сочетающие традиционные практики взаимопомощи с современной занятостью, наблюдается умеренная вовлечённость в формальный сектор.

Специфика социально-экономической интеграции корейцев в Казахстане

Модель интеграции корейцев в Казахстане характеризуется активным участием во всех сегментах экономики, наличием компаний с корейским капиталом, присутствием как локальных предпринимателей, так и международных корпораций. Эта модель базируется на синтезе нескольких классических подходов, где доминирующую роль играет сетевая модель, сочетающая предпринимательскую активность, культурную преемственность и социально-экономическую адаптацию. Ключевая сетевая модель интеграции этнических групп базируется на модели сегрегации, ярким представителем которой является Т. Шеллинг (Schelling, 1978). Модель показывает, как индивидуальные предпочтения агентов (например, желание, чтобы доля «своих» соседей была не ниже некоторого порога *F*) приводят к макроскопическим паттернам — либо к интеграции (случайное распределение), либо к сегрегации (скопления однородных групп). Хотя модель изначально фокусировалась на сегрегации, она даёт представление об условиях интеграции: низкая толерантность (высокий *F*) ведёт к сегрегации; достаточно низкая *F* позволяет устойчивую интеграцию; асимметрия предпочтений и экономические факторы усложняют интеграцию. Таким образом, модель Т. Шеллинга может быть прията как базовая при анализе сетевых процессов интеграции и сегрегации этнических групп в городском пространстве.

В условиях инокультурного окружения корейцы показали высокий уровень конкурентоспособности и адаптации на рынке труда. «Трудовая деятельность и, соответственно, социально-профессиональная структура корейцев прошли путь от преимущественно коллективного аграрного сектора до доминирующей урбанизированной и рыночной экономики» (Ким, 2014: 147). Справедливость этого утверждения подтверждается данными статистики. По данным переписи населения 2021 г., приведённым в *таблице 1*, процентная доля корейцев, занятых в аграрном секторе, в два раза ниже, чем в среднем по республике (7,7% против 15,3%). В то же время процент трудовой занятости корейцев превышает средние показатели занятости в таких отраслях экономики, требующих высокого уровня профессиональных знаний и компетенций, как информация и связь (3,7% и 2,8%), финансовая деятельность (3,1% и 2,0%), операции с недвижимостью (4,5% и 3,5%), научная и техническая деятельность (3,7% и 3,0%).

Отраслевая структура деятельности корейских предпринимателей включает финансовый сектор, строительный бизнес, торговую деятельность, производство электроники и сферу услуг. По словам экс-заместителя председателя Ассамблеи народа Казахстана Республики Казахстан Ю. Шина, «… ниши, где заняты корейцы, дифференцировались, то есть мы видим их в торговле, в строительстве, в банковском бизнесе, в образовании и так далее. У нас есть очень крупные предприниматели, которые известны на всю страну, но мы хотели бы отметить тот фактор, что сегодня взращивается плеяда новых бизнесменов»[1]. Этос предпринимательства активно поддерживается Ассоциацией корейцев Казахстана (АКК), в рамках которой функционирует Деловой клуб[2], созданный в 2015 г. Этот клуб про-

[1] Искандерова Д. Этноэкономика: в чём секрет успеха корейского бизнеса? [Электронный ресурс] // Taspanews.kz. 2025, 27 марта. URL: https://taspanews.kz/ekonomika/etnoekonomika-v-chem-sekret-uspekha-koreyskogo-biznesa-764766848796/ (дата обращения: 29.11.2025).
[2] Деловой клуб Ассоциации корейцев Казахстана [Электронный ресурс] // Газета «Коре ильбо». 2025, 7 октября. URL: https://koreilbo.com/news/delovoy-klub-assotsiatsii-koreytsev-kazakhstana/ (дата обращения: 29.11.2025).

водит форумы, встречи, обучающие мероприятия, взаимодействует с международными партнёрами, привлекает молодёжь к предпринимательской деятельности.

Субъективные факторы успешной интеграции корейцев включают профессионализм, деловую репутацию, компромиссность и стратегическое мышление представителей корейского этноса. Её ключевые детерминанты определяются высокой трудовой этикой, ответственным подходом к бизнесу, профессиональной компетентностью, межэтнической толерантностью и сохранением культурной идентичности.

Как говорит Г. Ким, профессор, директор Центра кореееведения Казахского национального университета им. аль-Фараби,

> «Корейцы по природе своей очень трудолюбивы, ориентированы на личный успех, но в то же время очень лояльны по отношению к государству, в котором живут, и добросовестно относятся к своим обязанностям. В какой бы сфере ни работали, они достигают успехов и продвигаются по служебной лестнице. В их адрес редко услышишь критику, с ними нет проблем, они, как говорится, умеют и сами жить и другим дают жить»[1].

Организационная база интеграции представлена бизнес-ассоциациями, государственно-частным партнёрством, международными связями и развитием инфраструктуры. Южная Корея, пятый по величине инвестор и четвёртый по объёму операций торговый партнёр Казахстана, за последние 18 лет вложила в его экономику 9,6 миллиарда долларов США, а в 2023 г. товарооборот достиг 6 миллиардов долларов. В республике в различных сферах работают около 740 южнокорейских компаний, включая Samsung Electronics, Hyundai, Kia, Lotte Confectionery, POSCO и BGF Retails (CU)[2]. Эти компании оказывают значительное влияние на развитие экономики, способствуя увеличению торгового оборота, привлечению инвестиций, созданию новых рабочих мест, развитию инфраструктуры и интеграции в глобальных экономических цепочках.

Модель интеграции корейцев в казахстанский социум характеризуется гибкостью в выборе сфер деятельности, инновационностью бизнес-практик, социальной ответственностью и эффективным партнёрством с государством[3]. Один из последних крупных проектов — строительство культурно-делового центра K-Park в новом городе будущего под Алматы — Alatau City, инициированный АКК. Г. Ким выделяет несколько факторов успеха корейского бизнеса в Казахстане: высокий профессионализм предпринимателей, их личные качества (трудолюбие, упорство, коммуникабельность), стартовый капитал, накопленный в советское время, успешное участие в приватизации, благоприятные дипломатические отношения с Кореей и сосредоточенность в крупных городах (Ким, 2014: 140).

Анализ культурных практик корейцев в Казахстане показывает успешную культурную интеграцию в казахстанское общество. В Алматы издаётся газета «Корё ильбо» («Корейский ежедневник»). В каждой области страны активно действуют ЭКО. В Алматы работает Республиканский государственный академический Корейский театр музыкальной комедии. Эти практики подтверждают сохранение корейской идентичности в многонациональном Казахстане.

Обобщая приведённые статистические данные, факты, оценки и аргументы, можно сделать общий вывод о том, что корейская модель социально-экономической интеграции — это сетевая структура взаимодействия внутри этнической группы; высокая предпринимательская активность; широкий спектр деятельности в различных секторах экономики; гибкость в выборе сфер деятельности; инновационность бизнес-практик; сильная деловая репутация и стратегическое мышление; активное участие в международных корпорациях, забота АКК о развитии бизнеса и культуры.

[1] Как корейцам живётся в Казахстане? [Электронный ресурс] // Корейский альянс. 2015, 29 апреля. URL: https://ok.ru/koreytsyob/topic/63706502559137 (дата обращения: 29.11.2025).
[2] Interview with H. E. Nurgali Arystanov, Ambassador of Kazakhstan for Unity Day of Kazakhstan. Reporter Kim Cheong-wol [Электронный ресурс] // Seoul City. 2024, 30 апреля. URL: https://www.seoulcity.co.kr/news/articleView.html?idxno=436580 (дата обращения: 29.11.2025).
[3] K-park и Alatau city: как корейская диаспора закладывает фундамент города будущего [Электронный ресурс] // Tengrinews. 2025, 14 сентября. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/k-park-alatau-city-koreyskaya-diaspora-zakladyivaet-580571/ (дата обращения: 29.11.2025).

Институциональные особенности немецкой модели интеграции в мультикультурном социуме

Анализ социально-экономической активности немецкого этноса в Казахстане показывает, что его интеграция в общество строится на уникальной модели, сочетающей элементы мультикультурализма, экономической активности и социальной ответственности.

Мультикультурный компонент является фундаментом интеграции немецкого этноса: выходит немецкая газета «Deutsche Allgemeine Zeitung», функционируют Республиканский немецкий драматический театр, Институт Гёте, немецкие дома, 11163 учащихся изучают немецкий язык как первый или второй иностранный язык[1].

Предприниматели-немцы поддерживают языковые курсы в ЭКО, участвуют в культурной жизни этнокультурных объединений. Немецкая модель интеграции включает в себя развитие бизнес-партнёрства, инвестиционную деятельность, создание совместных предприятий, помощь социально уязвимым слоям населения. В социологическом исследовании 2012 г. один из респондентов, активист немецкого ЭКО, следующим образом охарактеризовал контакты ЭКО с казахстанско-немецкими предпринимателями:

> «Социальная ответственность бизнеса очень ярко проявляется у нас в обществе. Предприниматели вкладывают большие деньги в наше ЭКО. Бизнесмены оплачивают обучение детей немцев в высших учебных заведениях, активно помогают социально незащищённым, помогают обществу проводить мероприятия, предоставляют транспорт, продукты на наши мероприятия. Они очень ответственно относятся к немцам как к этносу и делают всё, чтобы сохранить немецкую культуру… Они помогают людям и помогают не только немцам, но ещё и городу, большую спонсорскую помощь и поддержку оказывают всем» (активист немецкого ЭКО) (см.: Курганская, Дунаев, 2013: 155).

В экономическом поведении казахстанских немцев наблюдается три стратегии. В социологических исследованиях 2008, 2012 и 2017 гг. было выявлено, что пятая часть респондентов избирает стратегию выживания, выражающуюся в снижении уровня своих запросов и потребностей. Примерно половина опрошенных придерживалась стратегии адаптации, направленной на рациональное управление финансовыми ресурсами. Менее трети респондентов демонстрировали стремление к максимизации своего дохода, применяя стратегию преуспевания (*рис. 2*).

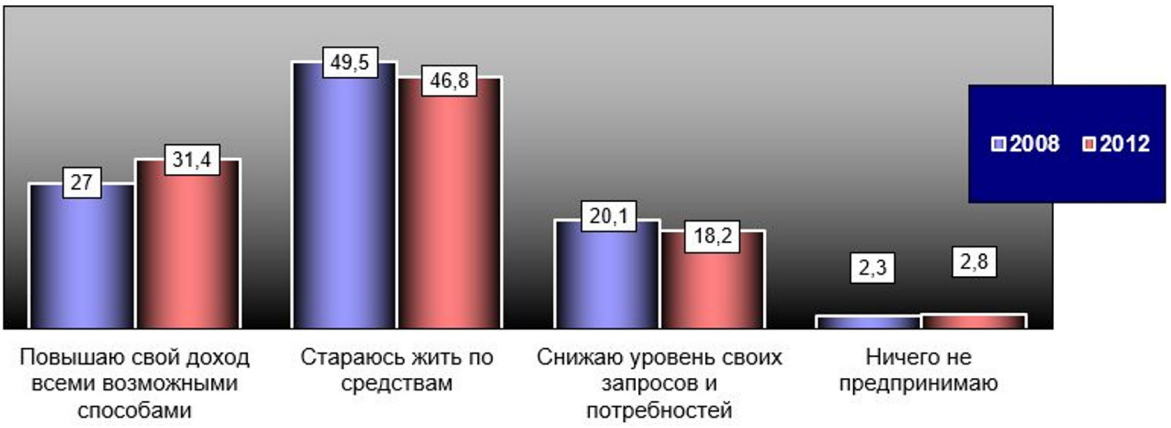

Рисунок 2. Ответы респондентов на вопрос «Какого подхода Вы, как правило, придерживаетесь в решении материальных проблем?», в %[2].
Figure 2. Respondents' answers to the question "What approach do you usually follow in solving financial problems?", in %

[1] Годовой отчёт о деятельности общественного фонда «Казахстанское объединение немцев «Возрождение», 2024. [Электронный ресурс] // Единый портал немцев Казахстана. URL: https://wiedergeburt-kasachstan.de/wp-content/uploads/2025/06/OF-Godovoj-otchet-2024-1.pdf (дата обращения: 29.11.2025).
[2] Источник: Курганская, Дунаев, 2013: 27–32.

Иначе говоря, в структуре немецкого этноса довольно значительный слой населения по существу уже является предпринимателями. Результатом такой стратегии стало, как показали исследования 2024 г., улучшение материального положения семей немцев в Казахстане по сравнению с 2017 г.

В Национальной Палате предпринимателей «Атамекен» представлены влиятельные предприниматели-немцы. С 2018 г. для неформального делового общения бизнесменов, обмена опытом и кооперации, а также поддержки начинающих предпринимателей функционирует Бизнес-клуб немцев Казахстана. С этого же времени Общественный Фонд «Возрождение» в качестве члена Казахстанско-Германского Делового совета (2010 г.) при Межправительственной комиссии по стратегическому партнёрству стимулирует бизнес-инициативы немцев Казахстана и укрепляет деловые связи на межгосударственном уровне[1]. В 2022 г. функции секретариата Делового совета переданы ОФ «Возрождение». Секретариат Делового Совета сопровождает инвестпроекты предпринимателей, поддерживает их взаимодействие с властями, привлекает финансирование в таких областях, как зелёная энергетика, агропромышленный комплекс, трансфер технологий, цифровизация, логистика, развитие человеческого капитала[2].

Как отметил Президент Казахстана К. К. Токаев, Германия входит в число ведущих инвесторов в экономику страны:

> «В прошлом году двусторонний товарооборот вырос почти в 1,5 раза и составил около 4 млрд долларов. Положительная динамика наблюдается и в этом году. За последние семь месяцев объем взаимной торговли превысил 2,3 млрд долларов. С 2005 года прямые инвестиции из Германии составили около 6,7 млрд долларов. Отрадно, что 90 процентов этих средств приходится на несырьевой сектор. Сегодня в Казахстане работает более тысячи компаний с долей немецкого капитала»[3].

Таким образом, экономическая интеграция немцев характеризуется высокой степенью вовлечённости в бизнес-процессы. Немецкие предприниматели предпочитают вкладывать средства в несырьевой сектор экономики. Акцент на образовании и сохранении культурного наследия, а также развитая система социальной поддержки уязвимых слоёв населения отражают комплексный подход к устойчивому развитию, который основывается на принципах социальной инклюзии и культурной преемственности.

Несмотря на умеренную активность, бизнес немцев РК демонстрирует высокую эффективность и ориентирован на долгосрочные перспективы. Это позволяет немцам не только успешно интегрироваться в экономическую систему Казахстана, но и вносить значительный вклад в региональное развитие[4].

Этос предпринимательства в повестке этнокультурных объединений

Анализ деятельности АКК и ОФ «Возрождение» демонстрирует различные подходы ЭКО к этосу предпринимательства. Несмотря на общепризнанную значимость экономической составляющей для устойчивого развития этнических групп, эти подходы существенно различаются. В схематичном виде эти различия представлены на *рисунке 3*.

АКК выстраивает отношения с бизнесом как со стратегическим ресурсом для реализации масштабных проектов. Это проявляется в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, руководящие посты в ассоциации традиционно занимают влиятельные предприниматели (Ю. А. Цхай, Р. У. Ким, Ю. Г. Шин), что обеспечивает прямое встраивание бизнес-интересов в стратегическое планиро-

[1] Программа развития немецкого этноса Казахстана [Электронный ресурс] // Единый портал немцев Казахстана. URL: https://wiedergeburt-kasachstan.de/wp-content/uploads/2019/07/Programma-razvitiya.pdf (дата обращения: 29.11.2025).
[2] Клименко О. Знаковое событие и большая ответственность [Электронный ресурс] // Daz.asia. 2022, 4 февраля. URL: https://daz.asia/ru/znakovoe-sobytie-i-bolshaya-otvetstvennost/ (дата обращения: 29.11.2025).
[3] Толекбаева А. Токаев: В Казахстане работает более тысячи компаний с долей немецкого капитала [Электронный ресурс] // Казахстанская правда. 2024, 16 сентября. URL: https://kazpravda.kz/n/tokaev-v-kazahstane-rabotaet-bolee-tysyachi-kompaniy-s-doley-nemetskogo-kapitala/ (дата обращения: 29.11.2025).
[4] 1 млрд тенге в год на развитие села: как Иван Сауэр строит успешную агломерацию в Акмолинской области [Электронный ресурс] // DairyNews.today. 2025, 11 февраля. URL: https://dairynews.today/kz/news/1-mlrd-tenge-v-god-na-razvitie-sela-kak-ivan-sauer-stroit-uspeshnuyu-aglomeratsiyu-v-akmolinskoy-obl.html (дата обращения: 29.11.2025).

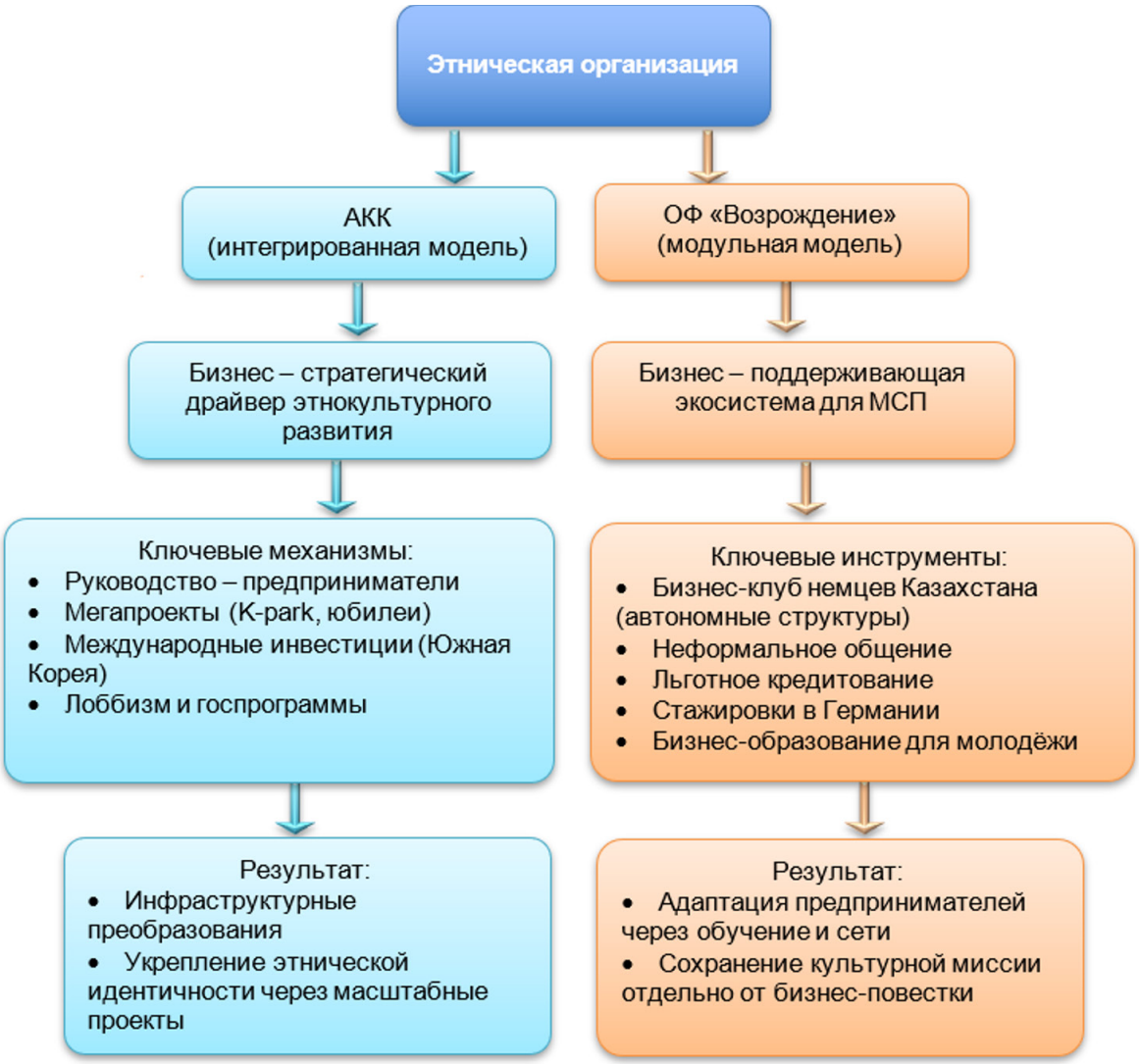

Рисунок 3. Бизнес-модели корейских и немецких общин Республики Казахстан.
Figure 3. Business models of Korean and German communities of the Republic of Kazakhstan.

вание. Во-вторых, приоритетом становятся крупномасштабные инициативы, — такие как строительство культурно-делового центра K-Park, — требующие значительных инвестиций и лоббистских возможностей. В-третьих, АКК активно задействует международные связи: привлекает капиталовложения из Южной Кореи, интегрируется в глобальные корейские бизнес-сети и использует политический вес своих лидеров для доступа к государственным программам поддержки. Таким образом, бизнес в рамках АКК выступает не просто партнёром, а ключевым драйвером этнокультурных и инфраструктурных преобразований.

ОФ «Возрождение», напротив, фокусируется на создании поддерживающей экосистемы для предпринимателей внутри немецкой общины, сохраняя чёткое разделение между культурной и экономической повесткой. Основным инструментом здесь стал Бизнес-клуб немцев Казахстана — автономная структура, ориентированная на:

— неформальное деловое общение и кооперацию;

— содействие в получении льготного кредитования;

— организацию стажировок и партнёрства с немецкими компаниями;

— программы бизнес-образования для молодёжи 18–29 лет.

В отличие от АКК, где бизнес-лидеры возглавляют организацию, в ОФ «Возрождение» руководство сосредоточено на культурно-просветительской миссии. Приоритет отдаётся поддержке малого и среднего бизнеса, а не мегапроектам: акцент сделан на поэтапную адаптацию предпринимателей, обучение и налаживание контактов.

Ключевые различия в подходах можно резюмировать следующим образом:

1) Степень интеграции. В АКК предпринимательство встроено в основную структуру и определяет стратегический курс; в «Возрождении» оно функционирует пока как автономное направление;

2) Масштаб инициатив. АКК ориентирована на крупномасштабные проекты с высоким ресурсным потенциалом, тогда как «Возрождение» концентрируется на нишевых задачах малого и среднего бизнеса;

3) Связь с идентичностью. Для АКК бизнес — инструмент укрепления этнического сообщества через инфраструктурные проекты; для «Возрождения» — средство социальной адаптации, дополняющее культурную повестку.

Из вышесказанного следует, что если АКК использует предпринимательский потенциал как фундамент для этнокультурного развития, то ОФ «Возрождение» выстраивает инфраструктуру поддержки бизнеса, сохраняя баланс между экономическими и культурно-просветительскими задачами.

Заключение

Проведённое исследование позволило получить значимые результаты в области изучения социально-экономических аспектов формирования идентификационных стратегий и интеграции этнических групп в полиэтническом обществе Казахстана.

В контексте анализа интеграции депортированных этнических групп, таких как корейцы и немцы, становится очевидным, что формирование предпринимательского этоса как медиатора между глобальными вызовами и локальной идентичностью является ключевым фактором, способствующим успешной интеграции этих этносов в социокультурное окружение. Сохранение базовых компонентов этнокультурной идентичности, обычаев и традиций обеспечивает корейской и немецкой диаспорам Казахстана возможность поддержания внутренних социальных связей, что является важным условием их устойчивого существования и успешной адаптации к глобальным трендам социальных трансформаций. Немцам и корейцам удалось решить задачу создания социально-экономического плацдарма для реализации своих стратегий самоидентификации, объединив экономическую и культурную динамику в единый механизм социальной адаптации. Реализация этими диаспорами многовекторных инициатив, объединяющих бизнес-интересы с культурно-просветительской деятельностью, создаёт благоприятные условия для гармоничного включения корейцев и немцев в социально-экономическую структуру страны. Кроме того, эффективное взаимодействие экономического и культурного аспектов интеграции способствует превенции межэтнических конфликтов, поскольку предполагает не конфронтационную (интеграция vs. сохранение), а коллаборационную модель структурирования этносферы.

Модели интеграции корейцев и немцев характеризуются значительной предпринимательской активностью, интенсивным взаимодействием с государственными органами, международными партнёрами и инвесторами, эффективной адаптацией к рыночным условиям, сохранением культурной идентичности и развитием межэтнического диалога через совместные проекты, бизнес-инициативы и культурные мероприятия. При этом базовые бизнес-модели корейской и немецкой диаспор имеют ряд отличительных особенностей. Для корейцев характерно активное участие в предпринимательских проектах, поддержка международных связей и культурных инициатив (например, строительство культурно-делового центра), а также поддержка внутри общины через бизнес-клубы. Для немцев — сочетание мультикультурализма, социальной ответственности и развития инфраструктурных проектов. Поддержка языковых курсов и культурных мероприятий дополняет их позицию как активных участников рынка и вместе с тем носителей традиционной немецкой культуры.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования для разработки мер по снижению экономического неравенства, оптимизации политики занятости с учётом этнических особенностей, стимулирования предпринимательской активности этнических групп, укрепления межэтнического согласия и формирования современной модели множественной, гибридной, контекстуально-лабильной идентичности.

На основе проведённого исследования сформулированы следующие практические рекомендации:

— в сфере государственной политики необходимо активно развивать программы поддержки малого и среднего бизнеса, создавать равные экономические возможности для всех этнических групп;

— в области образования важно развивать программы повышения квалификации, содействовать профессиональной мобильности, поддерживать межкультурный диалог;

— в сфере социальной политики требуется совершенствовать систему социальной защиты, поддерживать малообеспеченные слои населения.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым анализом механизмов экономической интеграции этнических групп Казахстана, влияния глобализационных процессов на экономическое поведение этнических сообществ, изучением потенциала этнопредпринимательства в условиях цифровой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В. (2018) Трудовая занятость и социально-профессиональные ориентации молодёжи современной Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 112–131. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.6

Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве / отв. ред. Л. В. Корель. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 160 с.

Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2016) Особенности адаптации этнических групп Тувы к рыночной экономике // Новые исследования Тувы. № 2. С. 73–89.

Берри, Дж. У. (2019) Экокультурная психология // Культурно-историческая психология. Т. 15. № 4. С. 4–16.

Бугай, Н. Ф. (2020) Дискуссионные проблемы принудительного переселения народов в Казахстан и республики Средней Азии (вторая полов. 1930-х — 1940-е годы) // Историческая и социально-образовательная мысль Т. 12. № 3. С. 17–33.

Буфетова, А. Н., Коломак, Е. А., Михалёва, М. М. (2017) Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России // Мир экономики и управления. Т. 17, № 3. С. 143–157.

Вебер, М. (1990) Протестантская этика и дух капитализма // Вебер, М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс. 808 с. С. 61–272.

Гали, Д. (2022) Основные тенденции этнической экономики в Казахстане и её перспективы [Электронный ресурс] // Этносаясат. № 3–4. С. 48–59. URL: https://journal.etnosayasat.kz/index.php/etp/article/view/12 (дата обращения: 29.11.2025).

Дабиев, Д. Ф. (2018) Профессиональные предпочтения населения Тувы в контексте экономической культуры // Новые исследования Тувы. № 2. С. 132–148. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.7

Давлетова, Г. А. (2023) Депортированные народы в годы Великой Отечественной войны на территорию Казахстана // Science of Europe. № 115. С. 51–55.

Додонов, В. Ю. (2023) Взаимосвязь этнической фракционализации и дифференциации доходов населения в регионах Казахстана // Этносоциальные процессы в Республике Казахстан: сборник научных трудов / отв. ред. М. С.-А. Шайкемелев. Алматы : ИФПР КН МНВО РК. Ч. 4. 246 с. С. 84–100.

Додонов, В. Ю. (2024) Этническая фракционализация и неравенство доходов: на примере Казахстана // Проблемы постсоветского пространства. № 11 (1). С. 45–60. DOI: https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-45-60

Игнатьева, Л. Н., Ночвина, Б. А. (2025) Советские немцы в Казахстане: от депортации до репатриации // Власть. № 2. С. 303–308.

Известия корееведения в Центральной Азии (2010) / редкол.: Г. Н. Ким, В. С. Хан, Н. Ф. Бугай и др. Алматы : Центр корееведения ; Казахский национальный университет им. аль-Фараби. 294 с.

История и культура немцев Казахстана = Geschichte und Kultur der Deutscheen in Kasachstan (2017) / отв. ред. А. Айсфельд; науч. ред. О. Айсфельд; Гёттинген ; Алматы : Гёттингенский исследовательский центр. 523 с.

Казиев, С. Ш. (2015) Парии, партнёры и конкуренты: «Наказанные» народы и местное население в Казахстане (1941–1953 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. № 14 (369). История. Вып. 64. С. 83–93.

Калиев, Т., Гали, Д. (2024) Этнические особенности социально-экономического неравенства в Республике Казахстан // Казахстан-Спектр. Т. 109 (1). С. 75–88. DOI: https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-1.07

Кан, Г. В. (1995) История корейцев Казахстана. Алматы : Ғылым. 207 с.

Ким, Г. (2014) Корейцы в экономике Казахстана за 75 лет. М. : Пресс-агентство «Media land». 540 с.

Кригер, В. (2006) Рейн-Волга-Иртыш: из истории немцев Центральной Азии / отв. ред. И. В. Ерофеева. Алматы : Дайк-Пресс. 274 с.

Курганская, В. Д., Дунаев, В. Ю. (2008) Немцы Казахстана: Комплексное социологическое исследование адаптивных практик немцев Казахстана. Алматы : Ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение». 207 с.

Курганская, В. Д., Дунаев, В. Ю. (2013) Общественное самоуправление немецкой диаспоры Казахстана: состояние и тенденции развития. Научно-аналитический отчёт по итогам социологического исследования. Алматы : Ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение». 197 с.

Ламажаа, Ч. К. (2015) Этнокультурный фактор персональной модернизации // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 27–35. DOI: https://doi.org/10.17805/zpu.2015.4.3

Мертон, Р. К. (2006) Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ. 873 с.

Ооржак, К. К. (2019) Этноэкономика Тувы: современное состояние и перспективы развития // Экономические отношения. Т. 9. № 3. С. 1759–1774. DOI https://doi.org/10.18334/eo.9.3.40949

Пак, И. Т., Ю, В. К., Эм, Т. Л. (2021) Известные корейцы Республики Казахстан. Алматы : Ассоциация корейцев Казахстана, Корейское науч.-техн. о-во «Кахак». 670 с.

Парк, Р. Э. (2025) Социология, сообщество и общество: сб. пер. под ред. Д. В. Ефременко; сост., пер. и вступ. ст. В. Г. Николаева. М. : ИНИОН РАН. 574 с.

Парсонс, Т. (2000) О структуре социального действия. М. : Академический проект. 880 с.

Семененко, Д. А. (2023) К вопросу о гибридной идентичности в современной России // Гуманитарий юга России. Т. 12. № 2 (60). С. 64–71. DOI https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.2.5

Сим, Е. С. (2000) История просвещения корейцев России и Казахстана. Вторая половина XIX в. Алматы : Қазақ университеті. 367 с.

Суслов, Н. И., Исупова, Е. Н., Иванова, А. И. (2022) Этническое разнообразие в российских регионах и экономический рост: теоретическая модель и её апробация на панельных данных // Проблемы прогнозирования. № 2 (191). С. 35–47. DOI: https://doi.org/10.47711/0868-6351-191-35-47

Фан, И. Б. (2022) Особенности коллективной памяти российских корейцев: травма депортации // Антропологический форум. № 52. С. 133–158. DOI: https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-52-133-158

Хаясака, К. (2012) Депортация 1941 г. и её последствия для российских немцев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 3. С. 19–25.

Шайкемелев М. С. (2020) Казахская идентичность в контексте модернизации общества. 2-е изд. Алматы : Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК. 230 с.

Alesina, A., Devleeschauwer A., Easterly, W., Kurlat, S., Wacziard, R. (2003) Fractionalization // Journal of Economic Growth. Vol. 8. P. 155–194. DOI: https://doi.org/10.1023/A:1024471506938

Alesina, A., Harnoss, J., Rapoport, H. (2016) Birthplace diversity and economic prosperity // Journal of Economic Growth. Vol. 21 (2). P. 101–138.

Becker, G. S. (1993) Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Chicago, London: University of Chicago Press. XXII, 390 p.

Bourdieu, P. (1986) Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J. G. Richardson. N.Y. : Greenwood Press. 375 p. P. 241–258.

Dincer, O., Wang, F. (2011) Ethnic diversity and economic growth in China // Journal of Economic Policy Reform. Vol. 14 (1). P. 1–10.

Easterly, W., Levine, R. (1997) Africa's growth tragedy: Policies and ethnic divisions // Quarterly Journal of Economics. Vol. 112. Issue 4. P. 1203–1250. DOI: https://doi.org/10.1162/003355300555466

Campos, N. F., Kuzeyev, V. S. (2007) On the Dynamics of Ethnic Fractionalization [Электронный ресурс] // Discussion Paper. № 2822, June. URL: https://docs.iza.org/dp2822.pdf (дата обращения: 29.11.2025).

Light, I. (2023) Ethnic Enterprise in America. Business and Welfare among Chinese, Japanese, and Blacks. Berkeley : University of California Press. 236 p.

North, D. C. (2005) Understanding the Process of Economic Change. Princeton, New Jersey : Princeton University Press. 200 p.

Putnam, R. D. (2000) Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York : Touchstone / Simon & Schuster. 541 p.

Schelling, T. C. (1978) Micromotives and Macrobehavior. New York ; London : W. W. Norton & Company. 252 p.

Дата поступления: 29.11.2025 г.
Дата принятия: 16.12.2025 г.

REFERENCES

Anayban, Z. V. (2018) Labour employment and socio-professional orientations of the youth of contemporary Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 112–131. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.6

Balakina, G. F. and Kylgyday, A. Ch. (2015) *Ethno-regional models of adaptation to the labour market in Tuva*, ed. by L. V. Korel. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 160 p. (In Russ.)

Balakina, G. F. and Kylgyday, A. Ch. (2016) Specific features of adaptation of ethnic groups of Tuva to the market economy. *Novye issledovaniya Tuvy*, no. 2, pp. 73–89. (In Russ.)

Berry, J. W. (2019) Ecocultural psychology. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*, vol. 15, no. 4, pp. 4–16. (In Russ.)

Bugai, N. F. (2020) Debatable problems of the forced resettlement of peoples to Kazakhstan and the republics of Central Asia (second half of the 1930s–1940s). *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatelnaya mysl*, vol. 12, no. 3, pp. 17–33. (In Russ.)

Bufetova, A. N., Kolomak, E. A. and Mikhaleva, M. M. (2017) National diversity and economic development of Russian regions. *Mir ekonomiki i upravleniya*, vol. 17, no. 3, pp. 143–157. (In Russ.)

Weber, M. (1990) The Protestant ethic and the spirit of capitalism. In: Weber, M. *Selected works*, transl. from German, comp., ed. and afterword by Yu. N. Davydov, introd. by P. P. Gaidenko. Moscow, Progress. 808 p. Pp. 61–272. (In Russ.)

Gali, D. (2022) Main trends of ethnic economy in Kazakhstan and its prospects. *Etnosayasat*, no. 3–4, pp. 48–59. (In Russ.) [online] Available at: https://journal.etnosayasat.kz/index.php/etp/article/view/12 (accessed: 29.11.2025).

Dabiev, D. F. (2018) Professional preferences of the population of Tuva in the context of economic culture. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 132–148. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.7

Davletova, G. A. (2023) Deported peoples during the Great Patriotic War to the territory of Kazakhstan. *Science of Europe*, no. 115, pp. 51–55. (In Russ.)

Dodonov, V. Yu. (2018) Interrelation between ethnic fractionalization and income differentiation of the population in the regions of Kazakhstan. In: Ethno-social processes in the Republic of Kazakhstan: collection of scientific works, ed. by M. S.-A. Shaikemeliev. Almaty, IFPR KN MNVO RK. Part 4. 246 p. Pp. 84–100. (In Russ.)

Dodonov, V. Yu. (2024) Ethnic fractionalization and income inequality: the case of Kazakhstan. *Problemy postsovetskogo prostranstva*, no. 11(1), pp. 45–60. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-45-60

Ignatyeva, L. N. and Nochvina, B. A. (2025) Soviet Germans in Kazakhstan: from deportation to repatriation. *Vlast*, no. 2, pp. 303–308. (In Russ.)

Proceedings of Korean studies in Central Asia (2010), ed. board: G. N. Kim, V. S. Khan, N. F. Bugai et al. Almaty, Centre for Korean Studies; Al-Farabi Kazakh National University. 294 p. (In Russ.)

History and culture of the Germans of Kazakhstan (2017), ed. by A. Eisfeld and O. Eisfeld. Göttingen; Almaty, Göttingen Research Centre. 523 p. (In Russ.)

Kaziev, S. Sh. (2015) Pariahs, partners and competitors: the "punished" peoples and the local population in Kazakhstan (1941–1953). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 14 (369), Istoriya, iss. 64, pp. 83–93. (In Russ.)

Kaliev, T. and Gali, D. (2024) Ethnic features of socio-economic inequality in the Republic of Kazakhstan. *Kazakhstan-Spektr*, vol. 109 (1), pp. 75–88. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-1.07

Kan, G. V. (1995) *History of the Koreans of Kazakhstan*. Almaty, Gylym, 207 p. (In Russ.)

Kim, G. (2014) Koreans in the economy of Kazakhstan over 75 years. Moscow, Media Land Press Agency. 540 p. (In Russ.)

Krieger, V. (2006) *Rhine–Volga–Irtysh: from the history of the Germans of Central Asia*, ed. by I.V. Erofeeva. Almaty, Daik-Press, 274 p. (In Russ.)

Kurganskaya, V. D. and Dunaev, V. Yu. (2008) *Germans of Kazakhstan: A comprehensive sociological study of adaptive practices of the Germans of Kazakhstan*. Almaty, Association of Public Associations of Germans of Kazakhstan "Vozrozhdenie". 207 p. (In Russ.)

Kurganskaya, V. D. and Dunaev, V. Yu. (2013) *Public self-government of the German diaspora of Kazakhstan: state and trends of development. Scientific and analytical report on the results of a sociological study.* Almaty, Association of Public Associations of Germans of Kazakhstan "Vozrozhdenie". 197 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2015) Ethnocultural factor of personal modernization. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 27–35. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17805/zpu.2015.4.3

Merton, R. K. (2006) *Social theory and social structure*. Moscow, AST, 873 p. (In Russ.)

Oorzhak, K. K. (2019) Ethno-economy of Tuva: current state and development prospects. *Ekonomicheskie otnosheniya*, vol. 9, no. 3, pp. 1759–1774. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.18334/eo.9.3.40949

Pak, I. T., Yu, V. K. and Em, T. L. (2021) *Well-known Koreans of the Republic of Kazakhstan.* Almaty, Association of Koreans of Kazakhstan, Korean Scientific and Technical Society "Kahak", 670 p. (In Russ.)

Park, R. E. (2025) *Sociology, community and society*: collection of translations, ed. by D.V. Efremenko; comp., transl. and introd. by V.G. Nikolaev. Moscow, INION RAN. 574 p. (In Russ.)

Parsons, T. (2000) *The structure of social action*. Moscow, Akademicheskii proekt. 880 p. (In Russ.)

Semenenko, D. A. (2023) On the issue of hybrid identity in contemporary Russia. *Gumanitarii yuga Rossii*, vol. 12, no. 2 (60), pp. 64–71. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.2.5

Sim, E. S. (2000) *History of education of Koreans of Russia and Kazakhstan. Second half of the 19th century*. Almaty, Kazakh universiteti. 367 p. (In Russ.)

Suslov, N. I., Isupova, E. N. and Ivanova, A. I. (2022) Ethnic diversity in Russian regions and economic growth: theoretical model and its testing on panel data. *Problemy prognozirovaniya*, no. 2 (191), pp. 35–47. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.47711/0868-6351-191-35-47

Fan, I. B. (2022) Features of the collective memory of Russian Koreans: the trauma of deportation. *Antropologicheskii forum*, no. 52, pp. 133–158. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-52-133-158

Hayasaka, K. (2012) The 1941 deportation and its consequences for Russian Germans. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dalnem Vostoke*, no. 3, pp. 19–25. (In Russ.)

Shaikemeliev, M. S. (2020) *Kazakh identity in the context of the modernization of society.* 2nd ed. Almaty, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies of the SC MSE RK. 230 p. (In Russ.

Alesina, A., Devleeschauwer A., Easterly, W., Kurlat, S. and Wacziard, R. (2003) Fractionalization. *Journal of Economic Growth*, vol. 8, pp. 155–194. DOI: https://doi.org/10.1023/A:1024471506938

Alesina, A., Harnoss, J. and Rapoport, H. (2016) Birthplace diversity and economic prosperity. *Journal of Economic Growth*, vol. 21 (2), pp. 101–138.

Becker, G. S. (1993) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education.* Chicago, London, University of Chicago Press. XXII, 390 p.

Bourdieu, P. (1986) Forms of Capital. In: *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / Ed. by J. G. Richardson. N. Y., Greenwood Press. 375 p. Pp. 241–258.

Dincer, O. and Wang, F. (2011) Ethnic diversity and economic growth in China. *Journal of Economic Policy Reform*, vol. 14 (1), pp. 1–10.

Easterly, W. and Levine, R. (1997) Africa's growth tragedy: Policies and ethnic divisions. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 112, issue 4, pp. 1203–1250. DOI: https://doi.org/10.1162/003355300555466

Campos, N. F. and Kuzeyev, V. S. (2007) On the Dynamics of Ethnic Fractionalization. Discussion Paper, no. 2822, June [online] Available at: https://docs.iza.org/dp2822.pdf (accessed: 29.11.2025).

Light, I. (2023) *Ethnic Enterprise in America. Business and Welfare among Chinese, Japanese, and Blacks*. Berkeley, University of California Press. 236 p.

North, D. C. (2005) *Understanding the Process of Economic Change.* Princeton, New Jersey, Princeton University Press. 200 p.

Putnam, R. D. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York, Touchstone / Simon & Schuster. 541 p.

Schelling, T. C. (1978) *Micromotives and Macrobehavior.* New York; London, W. W. Norton & Company. 252 p.

Submission date: 29.11.2025.
Accepted date: 16.12.2025.

DOI: 10.25178/nit.2026.2.19

Article

Лексико-семантическая специфика калмыцких фамилий

Эльза О.-Г. Дальдинова, Татьяна М. Кекеева,
Надежда А. Кичикова, Нина Ю. Микитенко
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Российская Федерация

В статье анализируется лексико-семантическая составляющая современных калмыцких фамилий, которые не входят в традиционный антропонимикон калмыков, а стали советским новшеством. Материалом исследования послужили фамилии жителей Элисты, содержащиеся в телефонном справочнике 1992 г., в Интернет-публикациях, в архивных документах.

Составлена классификация фамилий на основе их семантики: 1) фамилии, имеющие патронимическую основу; 2) фамилии, в основе которых лежат этнонимные, субэтнонимные названия; 3) фамилии, опирающиеся на статусно-функциональные, военно-административные наименования; 4) фамилии, связанные с буддизмом; 5) фамилии, содержащие тотемные, сакральные, символические мотивы.

Установлено, что большинство фамилий имеет в своей основе личные имена отца, деда или более дальнего мужского предка. Отмечено широкое распространение фамилий, в основе которых заложены буддистские символы.

Выявлена фиксация мифологических представлений и астрологических традиций в фамилиях, отражающих календарное имянаречение. Отмечено древнее происхождение фамильных основ, обозначающих числа, цвета, растительный и животный мир. Выявлен этнический и субэтнический компоненты фамильных антропонимов, определена их региональная специфика и следы исторических контактов калмыков с другими этносами.

Сделан вывод о том, что будучи советским нововведением фамилии калмыков тем не менее сохранили культурно-историческую информацию о жизни этноса, поскольку в основе содержат личные имена, а также термины калмыцкого языка.

Ключевые слова: *антропонимикон; система личных имен; фамильный антропоним; фамилия; паспортизация; калмыцкий язык; имянаречение*

Для цитирования:
Дальдинова Э. О.-Г., Кекеева Т. М., Кичикова Н. А., Микитенко Н. Ю. Лексико-семантическая специфика калмыцких фамилий // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 301-319. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.19

Дальдинова Эльза Очир-Горяевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры германской филологии гуманитарного факультета Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000 Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: daldinova@mail.ru

Кекеева Татьяна Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии гуманитарного факультета Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000 Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: t.kekeeva@yandex.ru

Кичикова Надежда Андреевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000 Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: espes@list.ru

Микитенко Нина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000 Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: elmikitenko@yandex.ru

Article

Lexico-Semantic Specificity of Kalmyk Surnames

Elza O.-G. Daldinova, Tatyana M. Kekeeva, Nadezhda A. Kichikova, Nina Yu. Mikitenko
B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russian Federation

The article analyzes the lexico-semantic component of modern Kalmyk surnames which do not belong to the traditional anthroponymicon of the Kalmyks and emerged as a Soviet innovation. The research material consists of the surnames of Elista residents recorded in the 1992 telephone directory, in Internet publications, and in archival documents.

A classification of surnames is proposed based on their semantics: 1) surnames with a patronymic basis; 2) surnames based on ethnonyms and sub-ethnonymic names; 3) surnames derived from status-functional and military-administrative designations; 4) surnames associated with Buddhism; 5) surnames containing totemic, sacral, and symbolic motifs. It is established that many surnames are based on the personal names of the father, grandfather, or a more distant male ancestor. The wide spread of surnames grounded in Buddhist symbols is noted.

The study reveals the fixation of mythological conceptions and astrological traditions in surnames that reflect calendar-based naming practices. The ancient origin of surname bases denoting numbers, colors, and the plant and animal world is noted. Ethnic and sub-ethnic components of family anthroponyms are identified, their regional specificity is determined, and traces of historical contacts of the Kalmyks with other ethnic groups are traced.

It is concluded that, while being a Soviet innovation, Kalmyk surnames have nonetheless preserved cultural and historical information about the life of the ethnos, since they are grounded in personal names as well as in terms of the Kalmyk language.

Keywords: *anthroponymicon; system of personal names; family anthroponym; surname; passportization; Kalmyk language; naming practices*

For citation:
Daldinova E. O.-G., Kekeeva T. M., Kichikova N. A. and Mikitenko N. Yu. Lexico-Semantic Specificity of Kalmyk Surnames. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 301-319. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.19

DALDINOVA, Elsa Ochir-Goryevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of German Philology, Faculty of Humanities, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkina St., 358000, Elista, Russia. E-mail: daldinova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5005-024X

KEKEEVA, Tatiana Mikhailovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of German Philology, Faculty of Humanities, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkina St., 358000, Elista, Russia. E-mail: t.kekeeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7470-1454

KICHIKOVA, Nadezhda Andreevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Faculty of Humanities, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkina St., 358000, Elista, Russia. E-mail: espes@list.ru
ORCID: 0000-0003-3099-5814

MIKITENKO, Nina Yurievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Faculty of Humanities, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkina St., 358000, Elista, Russia. E-mail: elmikitenko@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2725-1283

Введение

Изучение антропонимикона любого языка, безусловно, является во все времена актуальным, так как с каждым исследованием этот процесс открывает новые грани феномена личного имени в культуре, позволяя глубже понять историю, культуру и менталитет народа. Особую значимость подобные исследования приобрели в последнее время, когда глобализация стирает границы и ведет к унификации культур. В противовес этому в отдельных этнических сообществах наблюдается тенденция к возрождению традиций и интереса к собственным корням и стремление сохранить свою идентичность в условиях быстро меняющегося мира.

Актуальность темы данной статьи определяется также недостаточной изученностью фамильного онима в современной триаде калмыцкого языка «фамилия — имя — отчество», которая является продуктом более позднего образования для антропонимической системы как калмыцкого этноса, так и других народов России. В то время как русские фамилии формировались и окончательно устоялись у большинства населения в XVIII–XIX вв., что совпало с началом массовой выдачи удостоверений личности, у калмыков фамилии скорее присваивались, а не развивались и закреплялись на протяжении многих поколений, как это происходило у русских.

В период, предшествующий внедрению стандартов российского делопроизводства, у калмыков роль фамилии и отчества выполняло имя отца, присоединенное к имени человека в родительном падеже, что служило для обозначения родства и происхождения. Калмыцкие фамилии начали формироваться под воздействием русской антропонимической системы, принимая русские суффиксы *-ов, -ев* к именам отца или деда, так появились, например, *Наран-ов* от *Наран* и *Улюмджи-ев* от *Улюмджи*.

Всеобщее закрепление фамилий у калмыков произошло лишь в советский период, так как процесс присвоения фамилий не был однородным и не распространялся на все население. До этого периода система именования осуществлялась посредством использования личных имен и прозвищ, что представляло собой более упрощенную систему. Вхождение калмыков в состав России, контакт с русской культурой вызвали столкновение и взаимодействие двух способов именования людей. Это стало катализатором для появления у калмыков сначала фамилий, а позже и отчеств, как новых элементов личного именования (Монраев, 2012: 4).

Полная система личных имен (фамилия, имя, отчество) стала общепринятой лишь к сороковым годам прошлого столетия. Ключевыми факторами, повлиявшими на этот процесс, стали образование Калмыцкой АССР, паспортизация, внедрение кириллицы и утверждение русского языка как доминирующего в официальной сфере, что сохраняет свою силу и в настоящее время.

Цель исследования состоит в выявлении лексико-семантической специфики калмыцких фамилий. *Объектом исследования* настоящей статьи являются калмыцкие фамилии, *предметом* — их семантика.

Поставленная цель определила конкретные задачи исследования: а) дать анализ научной литературы по калмыцкой антропонимии б) рассмотреть эволюцию антропонимической системы калмыков, в) составить классификацию фамилий по семантике их основ.

В качестве эмпирического материала выступили фамилии жителей Элисты, содержащиеся в телефонном справочнике 1992 г.[1], в базе данных жителей Элисты в онлайн (содержащей 11585 анкет)[2], на сайте Telefonio.ru, где последнее изменение было произведено в январе 2026 г.[3], а также фамилии, выбранные из других источников. Так, были рассмотрены списки фамилий представителей буддийского духовенства, подвергшихся репрессиям в Калмыкии в 1930–1940-е годы, собранные калмыцким историком и краеведом И. В. Борисенко[4] на основе сводки материалов о репрессированных представителях буддийского духовенства (хранится в архиве Министерства безопасности Республи-

[1] Телефоны Элисты. Список абонентов городской телефонной сети. Элиста: РИО «Джангар», 1992. Данные справочника взяты с учетом современных российских требований о защите персональных данных — анонимизировано.
[2] База данных жителей в городе Элиста, Россия [Электронный ресурс] // Poisk.Center. URL: https://poisk.center/peoples/rossiya/elista/?ysclid=mkuuzmnn1t505033689 (дата обращения: 15.01.2026).
[3] Telefonio.ru [Электронный ресурс] // Город Элиста: телефонный справочник абонентов. URL: https://telefonio.ru/elista.html (дата обращения 15.01.2026).
[4] Борисенко И. Храмы Калмыкии: альбом. Элиста: Калмыцкое книжное издательство. 1994.

ки Калмыкия — Хальмг Тангч), а также фамилии калмыков, депортированных в декабре 1943 г. и погибших в ссылках, собранных в серии книг памяти о ссылке калмыцкого народа[1].

Мотивом привлечения последнего источника для анализа фамилий стал тот факт, что особое место в антропосистеме калмыцкого народа занимают годы депортации (1943–1957 гг.), когда этнос был насильно переселен из родных степей. Разброс калмыков по обширной территории от Урала до Сахалина привел к разрыву традиционных связей между родами и общинами, нарушив сложившуюся со временем социальную структуру, что привело к негативным последствиям в системе личных имен. Об этом упоминает В. Э. Очир-Горяев[2]. Автор демонстрирует искажения в написании калмыцких имен, фамилий и отчеств на примере истории своей семьи. Поэтому данные этого периода позволяют составить более полную картину антропонимикона Калмыкии.

Рамки исследования охватывают период с 1930 гг. — до наших дней.

В своем исследовании мы опирались на обобщающие теоретические разработки, систему терминов и методы исследования, выработанные такими учеными, как А. В. Суперанская (Суперанская, 1973, 2001; Суперанская, Суслова, 1981) и др.[3]

В ходе этого исследования применялся комплексный подход, сочетающий общенаучные и лингвистические методы, такие как анализ, наблюдение, обобщение и сравнение, а также исторический, сравнительно-сопоставительный, компонентный, структурный методы. Для сбора эмпирических данных использовались материалы научной литературы, анализ справочных материалов и исторических документов Дополнительно в работе применялись элементы количественного подсчёта.

Обзор литературы

Антропонимикон калмыков на сегодняшний день активно исследуется.

Так, антропонимическая лексика калмыков глубоко и всесторонне описана в докторской диссертации М. У. Монраева, результаты исследования которого являются существенным вкладом в область изучения личных имен[4], и в его монографии, содержащей также научную литературу, отражающую основные направления исследований калмыцкой антропонимии (Монраев, 2012).

Изучение калмыцкой антропонимии включало в себя рассмотрение ее этнографических и культурологических аспектов (Омакаева, 2008). Исследователи опирались на богатый материал, представленный в эпосе «Джангар», народных сказках (Борджанова, 1983; Пюрбеев, 1995; Рассадин, 2004).

Функции имянаречения исследовались с философских позиций, где рассматривался оберег в картине мира калмыков на примере онима Му, на основе которого было образовано более ста калмыцких антропонимов (Манджиев, Кичикова, 2025).

Семантический и этимологический анализ личных имен рассмотрен в контексте родильного обряда у калмыков Э. У. Омакаевой с точки зрения связи личных имен с духовной культурой кочевников (Омакаева, 2024). Исследованы этнонимические компоненты в системе личных имен калмыков (Шантаев, 2010; Кичикова, Манджиева, 2023).

В рамках калмыцкой антропонимии личные имена являются наиболее разработанным разделом в отличие от фамилий и отчеств. Первые работы по этим вопросам выходили еще в 1970-х гг. Р. Л. Сельвина в своей статье выясняет, какие русские имена интегрируются в калмыцкий именослов, какие фонетические и морфологические изменения они претерпевают и какие калмыцкие

[1] Высланы… Оставлены навечно / ред. совет: В. А. Бембетов, А. В. Дорждеев, А. И. Абушинов и др. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2000. Т. 2, кн. 4; Широклаг. Широкстрой: Списки калмыков-военнослужащих рядового и сержант. состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг.: кн. памяти / сост.: А. Б. Баирова и др. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2000. Т. 3, кн. 1.

[2] Очир-Гаряев В. Э. Метаморфозы собственных имен калмыков в условиях сибирской ссылки 1943–1956 гг. // Репрессированные народы: упразднение их национальной государственности и проблемы реабилитации. Тез. докл. и сообщ. на III-й Рос. на-уч.-практ. конф. 26–27 декабря 1933 г. Элиста: АПП «Джангар», 1993. С. 134-136.

[3] Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука. 1978; Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: дис. … д-ра филол. н. Волгоград, 2000.

[4] Монраев М. У. Проблемы современной калмыцкой антропонимики: дис. … д-ра филол. н. Элиста, 1999.

имена сохраняют свою самобытность, а какие трансформируются под воздействием русского антропонимикона (Сельвина, 1976).

Исследования продолжаются и сегодня. Например, в своей статье о русских фамилиях у калмыков Т. Г. Басангова рассматривает феномен распространения русских фамилий среди калмыцкого населения, анализирует исторические, социальные и лингвистические причины этого явления (Басангова, 2007: 27–28).

А. И. Назаров в книге об истории фамилий уральских казаков наряду с русскими, татарскими рассматривает и калмыцкие фамилии в контексте антропонимической системы уральских казаков (Назаров, 2003). Автор подчёркивает, что калмыцкие фамилии в казачьей среде служили маркером этнической принадлежности и одновременно инструментом интеграции в казачье сообщество. Л. Б. Олядыковой проведено историко-лингвистическое исследование формирования и функционирования отчеств и фамилий в калмыцкой антропонимической системе (Олядыкова, 2004). Автор прослеживает, как у калмыков постепенно формировалась система фамилий и отчеств, пройдя этапы от устных форм к официальной фиксации; от личных имен предков, этнонимов и родовых названий, профессий и прозвищ, топонимов — к наследственным фамилиям.

Тему взаимосвязи этнонимов и антропонимов в калмыцкой традиции раскрывает Б. А. Шантаев (Шантаев, 2010:162). Статья А. Х. Корнеевой посвящена сопоставительному анализу личных имён, прозвищ и фамилий, восходящих к зоонимам в русской и калмыцкой антропонимических системах (Корнеева, 2022).

Роль этнонимов в формировании калмыцкой ономастической системы в топонимии и антропонимии исследуется учеными-ономастами Н. А. Кичиковой, Э. Б. Манджиевой (Кичикова, Манджиева, 2023). Авторы выявили, что этнонимы зачастую становятся основой фамилий, указывающих, как правило, на принадлежность к определенной этнической группе, роду. Приведены примеры фамилий, свидетельствующих о связях калмыков с различными этносами, что свидетельствует о тесных исторических контактах калмыков с другими народами и их влиянии на антропонимикон.

Исследователи Н. Ц. Манджиев и Н. А. Кичикова рассматривают имянаречение у калмыков как культурный и философский феномен (Манджиев, Кичикова, 2025). В центре анализа оним *Му* ‘плохой’, выполняющий функцию оберега, от которого произошло более ста производных вариантов отчеств и фамилий, что демонстрирует его устойчивость в антропонимиконе. Имянаречение у калмыков являлось и является глубоко осмысленным культурным ритуалом, раскрывающим философию языка и картину мира этноса, а имена-обереги демонстрируют, как язык служит инструментом защиты и смыслообразования, превращая негативное значение имени в позитивный и защитный символ.

Обзор литературы, посвященной изучению калмыцкой антропонимической системы, показывает, что в своих исследованиях ученые лишь фрагментарно касались лексико-семантического наполнения фамилий. Нами будет предпринята попытка сформировать тематические группы калмыцких фамильных антропонимов, исходя из семантики их основ.

История формирования антропонимической системы калмыков

Прежде чем приступить к семантической классификации калмыцких фамилий, считаем необходимым описать кратко историю формирования антропонимической системы калмыков.

Калмыки, являющиеся монголоязычным народом, ведут свое происхождение от древних ойратов. В начале XVII в. они мигрировали на Волгу из Центральной Азии, принеся с собой богатую антропонимическую систему, берущую начало в общемонгольской традиции XII–XIII вв., сформировавшуюся на их исторической родине, в Джунгарии (Эрдниев, 1985; Пальмов, 1992, История Калмыкии … , 2009).

Становление и развитие калмыцкой системы личных имен можно рассматривать как процесс, проходящий через несколько исторических этапов. М. У. Монраев выделяет следующие этапы:

— ранний период, связанный с родоплеменным устройством общества, отмеченный преобладанием простых имён и прозвищ, связанных с природой, животными, растениями;

— средний, который начинается с 1609 г., когда калмыки приняли ламаизм и добровольно вошли в состав России и отмечен распространением религиозных (тибетских и санскритских) имён, связанных с буддизмом;

— поздний, охватывающий советское время с 1920 по 1990 гг., характеризующийся значительным влиянием русификации;

— современный этап, который начался в начале XX в. и продолжается до настоящего времени, отмечен возрождением интереса к национальным традициям, включая язык и культуру (Монраев, 2012: 3–4).

Традиционная модель калмыцкой антропонимической системы двучленна: личное имя и имя отца в родительном падеже. Существительные третьего склонения имеют флексию -н, например: *Пурвэн Харцх* (сын *Харцха*, отец *Пюрве*), а существительные второго склонения — флексию — ин, например: *Бембин Дава* (сын *Дава*, отец *Бемб*) (Олядыкова, 2004: 129). И только к 1940-м гг. антропонимы в результате паспортизации под влиянием русского языка сложились в трёхчленную систему: фамилия, имя, отчество, напр.: *Сага-**ев** Убуш Натырович, Саксак-**ов** Годжур Бовaевич*[1]. Большая часть калмыцких фамилий образована при помощи фамильных суффиксов *-ов* и *-ев*. Формант *-ин* в фамилиях *Санж-**ин**, Дорж-**ин*** имеет калмыцкое происхождение и служит для выражения принадлежности в родительном падеже, в отличие от русского патронимического суффикса. Часто в некоторых калмыцких фамилиях происходит соединение флексии калмыцкого родительного падежа и русского суффикса *-ов*, например: *Дава-н-ов, Бемб-ин-ов,* Женские фамилии имеют флексию *-а*: *Бадмаева, Гучинова*.

Как пишет А. К. Байбурин, процесс паспортизация в Советском Союзе начался с выхода Постановления ЦИК и СНК СССР № 57/1917 от 27 декабря 1932 г. «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов». Паспорт превратился в многофункциональный документ, включающий не только сведения для установления личности (такие как фамилия, имя, отчество, возраст, фотография, личная подпись), но и данные, необходимые для учета и надзора: этническая принадлежность, социальный статус, семейное положение, военно-учетные данные, регистрация по месту жительства и прочее (Байбурин, 2017: 453).

Паспортизация как процесс, спущенный «сверху» и выполнявшийся на местах в основном малоподготовленными людьми, не разбиравшимися в традиционных антропонимических системах, приводила к проблемам поспешных присвоений фамилий без всякой системы. Присвоение фамилий и отчеств в условиях этого процесса, вызвало утрату системы именования, включавшую родовые и клановые обозначения и многовариантность написания калмыцких имен и фамилий. Например, у фамилии Нимгиров существуют четыре варианта: *Немгиров, Немгуров, Мингиров, Мегмеров*, у фамилий Пюрвеев и Нимеев их целых пять: *Пюрбеев, Пюрьбеев, Пюрвенов, Бюрбеев, Тюрбеев*; *Немеев, Неминов, Ниманов, Ниминов, Нимяев* — соответственно (Олядыкова, 2004: 126, 127).

Подобные процессы зафиксированы и в антропонимических системах языков народов СССР. Так, Ч. К. Ламажаа, исследуя проблемы родства современных тувинцев, возникшие в результате паспортизации, пишет о негативных последствиях игнорирования традиционной системы антропонимики, что привело к разлучению родных людей: «развело немало родственных групп на отдельные, в которых образовались утраты связи между потомками, и усложнило нынешнее стремление тувинцев к установлению, восстановлению родства» (Ламажаа, 2021: 13).

Изменения в антропонимии современных родовых групп тувинцев в результате паспортизация населения в Тувинской Народной Республике и в советской Туве, повлекших за собой разрушение традиционной системы имянаречения, были также описаны Е. В. Айыжы и В. В. Донгак, исследовавших трансформацию в названиях родовых групп (Айыжы, Донгак, 2024: 1253). В отличие от калмыков, тувинцы частично сохранили самоназвания своих родоплеменных групп, интегрировав их в фамилии в ходе советской паспортизации. В результате, как указывают авторы, был создан перечень фамилий, базирующихся на этнонимах и личных именах, причем последних оказалось существенно больше. Это решение предотвратило полную утрату этих этнонимов, так как «наличие

[1] Широклаг. Широкстрой: Списки калмыков-военнослужащих рядового и сержант. состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг.: кн. памяти / сост.: А. Б. Баирова и др. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2000. Т. 3, кн. 1. С. 202.

фамилий, образованных от названий родоплеменных групп без добавлений окончаний *-ев*, *-ов*, стало особенностью тувинцев и основным маркером этнической и родовой идентичностей» (там же: 1116).

Можно утверждать, что тема влияния паспортизации на появление калмыцких фамилий еще не исследована. Причиной тому, на наш взгляд, является недостаточное количество необходимых документов по процессам паспортизации, отчасти, по причине их утери в годы депортации. Тувинские ученые выбрали правильный вектор исследований: в академическом сообществе Тувы вопросу анализа архивных документов и материалов периодической печати, связанных с паспортизацией, уделено большое внимание, что позволит не только реконструировать ход паспортизации, но и выявить её влияние на антропонимическую систему региона (там же: 1104–1105).

Введение трёхчленной формулы именования в рамках советской паспортизации привело к ряду проблем в якутском антропонимиконе. Эти изменения были связаны с ломкой традиционных систем именования, потерей культурной идентичности и техническими сложностями адаптации. Этот процесс был постепенным и связан с потребностями государственного аппарата (перепись населения, налогообложение и т. п.). (Самсонов, 1991: 142–143). Принудительное присвоение русских имен и фамилий якутам в ходе христианизации XVIII в., когда священники произвольно выбирали имена, происходило их искажение из-за различий в фонетике и графике языков. Это затрудняло сохранение аутентичности имён и их последующую идентификацию при записи в документах[1]. В отличие от именника XVII–XVIII вв., в котором якутские имена вытеснялись христианскими, в именослове XX в. наблюдается обратный процесс: якутские имена активно входят в речевую практику жителей Якутии. Эта тенденция продолжилась и в XXI в., указывающая на активный процесс возрождения национальных имен, что является результатом государственной политики, направленной на укрепление позиций якутского языка в Республике Саха (Якутия) и сохранение национальной культуры (Печетова, Скрябина, 2021: 66).

Подобные процессы наблюдались также и при присвоении трехчастной формулы именования бурятскому именнику. Так, обязательное распространение фамилий и отчеств в советское время усложнило употребление сложных имен, состоявших из двух компонентов, которые выражали определённые понятия (Жамбалова, 2010: 432). Возникали проблемы с транслитерацией и орфографией, потому что бурятские имена, особенно те, что имели тибетское или санскритское происхождение, часто искажались при записи в документах из-за отсутствия единых нормативных правил транслитерации, что зачастую стирало изначальный смысл имени (Васильева, 2010: 72).

Таким образом, эволюция калмыцкой антропонимической системы представляет собой многоступенчатый процесс, в котором нашли отражение ключевые исторические и культурные трансформации. Отправной точкой послужила традиционная двучленная модель, глубоко укорененная в монгольских и буддийских корнях. Затем последовал период советской унификации, сопровождавшийся русификацией, когда введение паспортизации радикально изменило традиционную антропонимическую систему калмыков — и в целом народов СССР, и, наконец, современный этап характеризуется стремлением к гармоничному сочетанию национальной самобытности с устоявшимися нормами именования.

Классификация калмыцких фамилий по семантике их основ

Калмыцкие фамилии можно условно разделить на следующие группы:

1) фамилии, имеющие патронимическую основу;

2) фамилии, в основе которых лежат этнонимные, субэтнонимные названия;

3) фамилии, опирающиеся на статусно-функциональные, военно-административные наименования;

4) фамилии, связанные с буддизмом;

5) фамилии, содержащие тотемные, сакральные, символические мотивы.

Большая часть фамилий имеет в своей основе личное имя. Семантика личных имен калмыков, изучена достаточно глубоко, но их системная классификации на семантической основе составлена

[1] Монастырев В. Д. Способы образования современных якутских личных имён // Евразийский союз учёных. 2014. Ч. 4. № 5 (5). С. 49.

не была, поэтому предпринятая нами попытка семантической классификации фамилий может быть отнесена частично и к семантической классификации личных имен, особенно в группе фамилий с патронимической основой. В реальной же практике многие фамилии могут одновременно относиться к нескольким группам, поэтому классификация носит пересекающийся (перекрёстный) характер.

1. Фамилии, имеющие патронимическую основу.

В эту — самую обширную — группу фамилий входят те, что берут свое начало от личных имен отца, деда или более дальнего мужского предка. Эти имена могут происходить от названий, связанных с бытом, природой, родственными и дружескими связями, возрастными группами, частями человеческого тела, элементами одежды, пищей, постройками, предметами домашнего обихода, а также металлами, минералами и различными атмосферными явлениями. Данная группа фамилий является одним из важнейших «слоев» калмыцкой антропонимикона, поскольку она отражает повседневный уклад жизни.

Рамки данной статьи не позволяют подробно описать тематику составляющих группу фамильных основ. Приведем примеры калмыцких фамилий, обозначающих физические или умственные качества человека, которые обычно восходят к традиционным калмыцким (иногда — тибетско-санскритским) именам-характеристикам, например, фамилия *Ирчинов*[1] имеет в основе имя *Ирчин*, от *эрчс* ‘сила, мощь+ин’ (Монраев, 2012: 160).

Фамилия *Амбуев* (*Амбушев, Амбушинов*)[2] восходит к калмыцкому личному имени *Амба* (возможны варианты написания/произношения: *Амбо, Амба*), которое имеет тибетское происхождение, означает ‘крупный, высокого роста; уст. сановник’ (там же: 122). Имя имеет физический: и социально-статусный смыслы, выполняя тем самым две функции — как пожелание ребёнку вырасти крупным, сильным и как маркер желаемого высокого статуса в обществе.

Фамилия *Батаев* (*Батиев*)[3] от имени *Бата* ‘крепкий, стойкий, надежный’ (Монраев, 2012: 132) подчёркивает силу, выносливость, *Сахляев* (*Сахлаев*) от *Сайхля*, *Сяхля* ‘красавица’ (там же: 192) указывает на внешнюю привлекательность.

Такие фамилии, как *Мергенов, Джиргалов, Буйнтов, Джавов*, *Церенов* имеют в основе имена *Мерген*[4], *Джиргал, Буйнта, Джава, Церен* — соответственно, обозначающие умственные и нравственные качества. *Мерген* ‘меткий стрелок’ (там же: 172) — имя подчёркивает сообразительность, дальновидность. *Джиргал* ‘счастье; жизнь’ (там же: 156) — имя в широком смысле отражает пожелание жизненной мудрости, гармонии, умения «жить правильно». *Буйнта* ‘добродетель’ (там же: 139) — имя указывает на нравственную стойкость, доброту, праведность. *Джава* (*Джаба*) ‘прибежище, защита, покровительство’ (тиб.[5]) (там же: 153) — имя подразумевает ответственность, способность оберегать других, зрелость суждений. *Церен* ‘долгая жизнь’ (тиб.): в традиционном мировоззрении долгая жизнь связывалась с мудростью, опытом, умением следовать нормам. Такие фамилии — лингвистический след традиционных представлений о желаемых качествах человека: силе, красоте, мудрости, добродетели. Их семантика отражает культурно религиозные и бытовые ценности калмыцкого народа.

2. Фамилии, отражающие этническую принадлежность.

В мировой ономастике наблюдается значительная частота образования антропонимов от этнонимов. Такие имена служат для обозначения этнической принадлежности индивида, свидетельствуют о межэтнических контактах и могут формироваться как прозвища, основанные на стереотипных представлениях о внешности или поведении, ассоциируемых с конкретной этнической группой.

[1] Телефоны Элисты. Список абонентов городской телефонной сети. Элиста: РИО «Джангар», 1992. С. 289.
[2] Там же. С. 166.
[3] Высланы… Оставлены навечно… / ред. совет: В. А. Бембетов, А. В. Дорждеев, А. И. Абушинов и др. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2000. Т. 2, кн. 4. С. 44.
[4] Имена — память народа [Электронный ресурс] // Хальмг Унн. Калмыцкая правда. 2023, 27 мая. URL: http://halmgynn.ru/14183-imena-pamyat-naroda.html (дата обращения: 29.01.2026).
[5] Тиб. — тибетское (имя).

Этногенез калмыков характеризуется не только ойратской основой. В его состав вошли также отделившиеся группы и племена других тюркских народов, кочевых монголов и прочих этносов, оказавших влияние на историческое развитие Калмыкии. Анализ фамильных антропонимов предоставит возможность реконструировать степень влияния других народов на калмыцкую антропонимическую систему и выявить их маркеры в калмыцкой антропонимической системе.

Так, фамилии *Оросов, Орусов, Урусов, Орскаев, Урускаев*, принадлежащие калмыцкой антропонимической традиции, восходят к этнониму *орс* ‘русский’. Три первых фамилии являются фонетическими вариациями, адаптированными к русской орфографии и закрепившиеся в документах. По поводу двух последних фамилий М. У. Монраев замечает, что к основе *орс* в фамилии *Орскаев* присоединяется компонент *ка*, бывший ранее самостоятельным словом *Орска*, следовательно, переводится как ‘Русский телохранитель’ (Монраев, 2012: 62).

Как считает М. У. Монраев, фамилии, основанные на этнониме *орс,* как, впрочем, и от некоторых других этнонимов, «могли выступать как имена-обереги: наречение «чужим» этнонимом считалось способом отвести беду» (там же). Свидетельством этнической связи с русскими является подобные антропонимы в тувинском именнике: *Орус, Орустук, Оруспай, Орус-оол* от *орус* ‘русский’[1].

Тот факт, что в калмыцкой традиции фамилии от этнонимов не являются системным явлением, подтверждается незначительным количеством этих фамилий, обнаруженных в справочнике и других документах[2].

В калмыцком именнике Н. А. Кичикова и Э. Б. Манджиева зафиксировали фамилии, имеющие субэтнонимическое происхождение. Например, пишут они, фамилия «*Багутов* от происходит от крупной этнической группы *багуты*, *Бурулов* — от *бурулы*, *Кибенов* — от *кевюды*, *Цохоров* — от *цохоры*, *Эркетенов* — от *эркетены*, *Хойтов* — от *хойты*, *Теленгидов* — от *теленгиды*» (Кичикова, Манджиева, 2023: 39).

Аналогичным образом образованы фамилии от иных этнонимов. Так, фамилии *Хазиков, Хасиков, Хасыков, Хазыков, Хайсаков* образованы от этнонима *хаск* ‘казах’, *хазг* ‘казак’. Ученые предполагают, что первым этнонимом, попавшим к калмыкам и освоенным, был *хаск*, *хазг,* что подтверждается хронологически. Казахский род *хаск арен* считает себя кровно-родственным калмыкам по материнской линии. Нынешний глава Республики Калмыкия (с 21 сентября 2019 г.) Бату Сергеевич *Хасиков* — носитель такой фамилии. Варианты данной фамилии занимают свое место в калмыцком именнике, что показывают данные из документов и справочных изданий[3].

Фамильные онимы *Мангутов, Мангатов, Мангадыков, Мангашов, Мангущев, Мангуев*, в основе которых лежит этноним *мангт* ‘татарин’, достаточно широко представлены в калмыцком антропониконе[4].

Антропонимы *Эрмялиев* и *Эрмелиев*, *Ремилев*, образованные от этнонима *эрмдл* ‘армянин’ сохранились в единичных случаях[5], однако и они являются свидетелями контактов калмыков с армянами, которые занимались торговлей в калмыцкой степи. Назовем также некоторые фамилии с

[1] Сувандии Н. Д. Тувинская антропонимия: автореф. дис. … канд. филол. н. М., 2004. С. 9.
[2] 8 раз в: Телефоны Элисты. Список абонентов городской телефонной сети. Элиста: РИО «Джангар», 1992, в т. ч. *Орсканов и Орсуева* — на С. 396; 7 раз в: Высланы… Оставлены навечно… / ред. совет: В. А. Бембетов, А. В. Дорждеев, А. И. Абушинов и др. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2000. Т. 2, кн. 4. С. 227; 5 раз в: Широклаг. Широкстрой: Списки калмыков-военнослужащих рядового и сержант. состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. : кн. памяти / сост.: А. Б. Баирова и др. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2000. Т. 3, кн. 1. С. 190–191.
[3] 4 раза в: Телефоны Элисты. Список абонентов городской телефонной сети. Элиста: РИО «Джангар», 1992. С. 483, 487: 2 раза в: Высланы… Оставлены навечно… / ред. совет: В. А. Бембетов, А. В. Дорждеев, А. И. Абушинов и др. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2000. Т. 2, кн. 4. С. 292; 2 раза в: Широклаг. Широкстрой: Списки калмыков-военнослужащих рядового и сержант. состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг.: кн. памяти / сост.: А. Б. Баирова и др. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2000. Т. 3, кн. 1. С. 244.
[4] 26 раз в: Телефоны Элисты. Список абонентов городской телефонной сети. Элиста: РИО «Джангар», 1992. С. 348; 6 раз в: Высланы… Оставлены навечно… / ред. совет: В. А. Бембетов, А. В. Дорждеев, А. И. Абушинов и др. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2000. Т. 2, кн. 4. С. 163.
[5] 2 раза в: Телефоны Элисты. Список абонентов городской телефонной сети. Элиста: РИО «Джангар», 1992. С. 534; 1 раз в Высланы… Оставлены навечно… / ред. совет: В. А. Бембетов, А. В. Дорждеев, А. И. Абушинов и др. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2000. Т. 2, кн. 4. С. 339.

основой-этномимом: *Харгуйуров* от этнонима *хар-һуйр* ‘еврей’, *Китидов, Китидинов* от личного имени *китид* ‘китаец’, *Шеркешев* от личного имени *шеркеш* ‘черкес’.

Особо следует сказать о фамилии *Калмыков,* которая воспринимается как образованная от этнонима, но происхождение у неё другое. Согласно И. И. Дремову[1], этноним *калмак* — это гибкое понятие, чье значение трансформировалось под воздействием исторического развития и межэтнических межконфессиональных связей. Автор отмечает, что слово *калмак* могло иметь следующую динамику развития: от географического термина к этнониму, обозначающему кочевников Центральной Азии, не принявших ислам. В число таких народов входили ойраты и монголы.

Интересно, что фамилия *Калмыков* чаще встречается за пределами Калмыкии, где она, вероятно, служит маркером самоидентификации. Некоторые носители фамилии имеют калмыцкое этническое происхождение, другие — нет; фамилия закрепилась в разных регионах и социальных группах, она могла присваиваться не калмыкам, долго жившим среди калмыков либо имевшим внешнее сходство с представителями народа. Сегодня фамилия *Калмыков* встречается в разных регионах России. Подробный список носителей этой фамилии можно найти в Интернет-источниках[2].

3. Фамилии, отражающие статусно-функциональные, военно-административные наименования.

Калмыцкие фамилии, отражающие статусно-функциональные и военно-административные наименования, связаны с историческими ролями и должностями в калмыцком обществе. Такие фамилии часто происходят от названий титулов, должностей или функций, которые выполняли их носители в системе управления, военном деле или административной иерархии.

Тюркское слово *ходжа* ‘господин, наставник, учитель’ легло в основу калмыцких фамилий *Ходжинов* (*Ходжаев, Худжинов, Коджаев* и *Каджаев*). Этот почетный титул, появившийся в X в., носили влиятельные государственные деятели Средней Азии и Ирана, от министров и поэтов до Ходжи Насреддина (Монраев, 2012: 21–22).

По функции в социальной системе можно также назвать фамилию *Тайшинов* (*Тайшин*), образованной от монг. *тайш* ‘правитель, вождь’, по словарю В. Даля — ‘калмыцкий владелец, старшина, пониже нойона’[3]. Известная обладательница фамилии — Анна *Тайшина* (урождённая Церен-янжи), калмыцкая княгиня, подданная Российской империи[4].

Фамилия *Джангиров, (Джангуров, Дженгуров)*[5] восходит к имени *Джангар,* главному герою калмыцкого героического эпоса «Джангар». Это имя могли присваивать военачальникам, отличившимся в походах, людям, чьё поведение ассоциировалось с эпическими добродетелями (честь, щедрость, верность). Таким образом, основа фамилии несёт двойную семантику, отсылая нас к мифогероическому архетипу и указывая на реальный статус предка — военного или общественного лидера. В Калмыкии известен Валерий Андреевич *Дженгуров* — заслуженный врач Российской Федерации и Республики Калмыкии[6].

В калмыцкой традиции фамилия *Батыров/ев*[7] несет в себе отпечаток воинской доблести и статуса предка, являясь частью системы сословно-функциональных именований. Это фамилия, которая могла принадлежать потомкам прославленных воинов, тем, кто был удостоен почетного звания *батыр*, или родовым лидерам, чья жизнь была посвящена военной службе. Само слово *батыр* (от тюрк. *batyr* ‘герой, воин, богатырь’) имеет тюрко-монгольские корни и легло в основу этой фамилии.

[1] Дрёмов И. И. Происхождение распространение этнонима «калмак» [Электронный ресурс] // Онлайн-библиотека Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера). URL: https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-291-3/978-5-88431-291-3_05.pdf (дата обращения: 14.11.2025).
[2] Калмыков: Персональный список [Электронный ресурс] // Генеалогическая база знаний: персоны, фамилии, хроника. URL: https://baza.vgd.ru/1/14524/all.htm (дата обращения: 14.11.2025).
[3] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1882. Т. 4 (P–V). С. 397.
[4] Происхождение фамилии «Тайшин» [Электронный ресурс] // NOMINIC значение фамилии. URL: https://nominic.ru/Фамилия/Тайшин (дата обращения: 30.01.2026).
[5] Телефоны Элисты. Список абонентов городской телефонной сети. Элиста: РИО «Джангар», 1992. С. 94.
[6] Памятная доска В. А. Дженгурову [Электронный ресурс] // 2ГИС. URL: https://2gis.ru/ehlista/geo/70030076412372785 (дата обращения: 30.01.2026).
[7] 19 раз в: Телефоны Элисты. Список абонентов городской телефонной сети. Элиста: РИО «Джангар», 1992. С. 192–193.

4. Фамилии, связанные с буддизмом.

Калмыцкие фамилии, имеющие буддийские корни, как правило, происходят от личных имен тибетского и санскритского происхождения, которые давались при рождении или в монашестве. В повседневное употребление среди ойратов как личные имена они стали входить после XVI в. — времени распространения буддизма, и впоследствии постепенно трансформировались в фамилии.

Тибетские имена, связанные с буддийской доктриной, божествами, добродетелями легли в основу следующих фамильных антропонимов:

Санджиев, Сангаджиев от имен *Санджи* и *Сангаджи* — калм. *Санҗ* ‘просветленный Будда’. В телефонном справочнике эти фамилии и фамилии *Сангаджи-Горяев, Санжиев, Санжеев* встречаются 238 раз[1], а в «Книге памяти Высланы…оставлены навечно…» — 150 раз[2].

Эрдниев от имени *Эрдни* — калм. *эрдынь* ‘драгоценность’, *Эренценов, Эренженов* от имен *Эренджен, Эренцен* — калм. *эрнцн, эрнжән* ‘драгоценность’. Не удивительно, что эти три фамилии имеют одно и то же значение. Это связано с двумя факторами. Согласно древнему обычаю имянаречения младенец получает имя от астролога (зурхачи), который, например, предлагает родителям выбрать имя с начальной буквой *р*, а в калмыцком языке нет слов, имеющих начальную *р*. Так, М. У. Монраев предполагает, что имя *Ринчен* тибетского происхождения то же самое, что *Эренджен, Эренцен* со значением ‘драгоценность’ (Монраев, 2012: 83). Фамилию *Эрдниев* носят и носили известные люди Калмыкии, среди которых выделяется целая династия ученых, основателем которой является Пюрвя Мучкаевич *Эрдниев* — академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки Калмыцкой АССР и заслуженный деятель науки РСФСР[3]. 130 человек с этой фамилией зафиксировано в телефонном справочнике[4], 73 и 69 — в книгах памяти[5].

Фамилии *Дорджиев,* от имени *Дорджи* (*дорж* ‘алмаз’); *Очиров* от имени *Очир* (*очр* ‘алмаз’, ‘скипетр’) и *Базыров* от имени *Баазыр, Базыр* (*баазр* ‘алмаз’) связаны с ритуальным предметом, символизирующий неразрывность мудрости и метода, который называется ваджра[6], с санскрита переводится как ‘молния, алмаз’.

Такие фамилии как *Чимидов* от имени *Чимид* (*чимд* ‘бессмертный’) и *Церенов* от имени *Церен* (*церн* ‘долгая жизнь’) также связаны с буддизмом (Омакаева, 2024: 84).

На первый взгляд фамилию *Манджиев* и её варианты *Манджеев*, *Манжиев, Манджиков* также следует отнести к буддистским фамилиям, так как имена *Манджи, Манжи* произошли от тибетского слова *манж* ‘послушник хурула’. Из суеверных побуждений «родители скрывают подлинное имя от злого духа и называют ребенка чем угодно…, ложно посвящая его в духовные, и начинают надевать на него одежду гелюнгской (гелюнг) формы и называют манджиком» (Кануков, 1928: 72;). Фамилия *Манджиев* является потому одной из самых распространённых фамилий среди калмыков, что «до революции в Калмыкии почти каждая семья одного из сыновей определяла в манджики» (Монраев, 2012: 67). Этот факт подтверждается самым большим количеством носителей этой фамилии и её вариантов в калмыцком именнике[7]. Многие известные люди Калмыкии имеют фамилию *Манджиев*:

[1] Там же. С. 432–437.
[2] Высланы… Оставлены навечно… / ред. совет: В. А. Бембетов, А. В. Дорждеев, А. И. Абушинов и др. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2000. Т. 2, кн. 4. С. 244–256.
[3] Эрдниев Пюрвя Мучкаевич [Электронный ресурс] // МБОУ «СОШ №23 им. Эрдниева П.М.» Республика Калмыкия г. Элиста. URL: https://shkola23elista-r08.gosweb.gosuslugi.ru/nasha-shkola/erdniev-pyurvya-muchkaevich/ (дата обращения: 16.11.2025).
[4] Телефоны Элисты. Список абонентов городской телефонной сети. Элиста: РИО «Джангар», 1992. С. 530–532.
[5] Высланы… Оставлены навечно… / ред. совет: В. А. Бембетов, А. В. Дорждеев, А. И. Абушинов и др. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2000. Т. 2, кн. 4. С. 330–334; Широклаг. Широкстрой: Списки калмыков-военнослужащих рядового и сержант. состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг.: кн. памяти / сост.: А. Б. Баирова и др. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2000. Т. 3, кн. 1. С. С. 274–279.
[6] Ваджра [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/vadzhra-055760 (дата обращения: 15.11.2025).
[7] 460 раз в: Телефоны Элисты. Список абонентов городской телефонной сети. Элиста: РИО «Джангар», 1992. С. 348–355; 130 раз в: Высланы… Оставлены навечно… / ред. совет: В. А. Бембетов, А. В. Дорждеев, А. И. Абушинов и др. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2000. Т. 2, кн. 4. С. 163–176; 138 раз в Широклаг. Широкстрой: Списки калмыков-военнослужащих рядового и сержант. состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг.: кн. памяти / сост.: А. Б. Баирова и др. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2000. Т. 3, кн. 1. С. 140–151.

Аркадий Наминович *Манджиев* (1961–2024) — советский и российский композитор, автор гимна Калмыкии; Лиджи Исмаилович *Манджиев* (1919–1989) — герой Советского Союза; Нимгир Манджиевич *Манджиев* (1905–1936) — калмыцкий писатель, поэт, драматург.

5. Фамилии, содержащие тотемные, сакральные, символические мотивы.

Это, прежде всего, фамилии, связанные с животным миром. Антропонимы, образованные от названий животных, отражают мифологическое сознание древнего человека, его верование в то, что имя обладает особой магической силой, объединяя человека с его окружением и придавая ему ощущение принадлежности к миру. У калмыков, как и у всех народов монгольского мира, был развит культ поклонения животным, так как они издревле занимались скотоводством.

Практика наречения детей именами животных преследовала две цели. С одной стороны, это рассматривалось как способ обеспечения защиты и передачи ребенку желаемых качеств, таких как сила и неуязвимость волка или живучесть собаки. С другой стороны, это был ритуал, направленный на введение в заблуждение злых духов путем причисления ребенка к миру природы (Омакаева, 2024: 85; Душан, 2016: 101), т. е. имянаречение было связаны с фетишизмом и тотемизмом.

Такие апотропеические[1] имена, характерные для имянаречения в древности, сохранились в фамильных основах. Полноценная выборка личных имен и фамилий, содержащих зоофорный антропокомпонент, представлена в статье А. Х. Корнеевой (Корнеева, 2022), которая разделяет их на семь групп, включая сельскохозяйственные профессии. Причем автор указывает, что фамилий выявлено гораздо больше, чем личных имен (там же: 5–6).

В основе фамилии *Арсланов* лежит калмыцкий зооним *арслң* тюркского происхождения, который означает на русском языке ‘лев’. В результате фамилия начинает ассоциироваться с определенной символикой: родители давали сыну это имя, желая ему стать сильным, здоровым и отважным.

Фамилия *Чонаев* (*Чонов, Чонуев, Чоняев*), образованная от калм. *чон* ‘волк’, является распространенной фамилией-тотемом, связанной с культом поклонения животным. Так, в книге памяти «Высланы… Оставлены навечно…» — 7 раз, например, Эльзэтэ Шургаевна *Чонаева*, Бок Чонаевич *Чонаев*[2], в телефонном справочнике она встречается 9 раз[3]. Отметим, что фамилия *Бельтриков* от калм. *белтрг* ‘волчонок’ является примером табуированных имен (Омакаева, 2008: 66; Монраев, 2012: 27). Традиция *хадмнлhн* ‘табуирование’ у калмыков заключается в том, что невестки избегают называть по имени родственников своего мужа, проявляя тем самым глубокое почтение. Именно этот обычай стал источником многих калмыцких имен и фамилий с зооантропонимом в основе.

Необходимость обходить табуированные имена заставляла женщин прибегать к использованию синонимов, как отмечает А. Х. Корнеева, (Корнеева, 2022: 8), например, для замены табуированного имени *Унhн* ‘жеребенок до года’ использовалось имя *Даahн* ‘жеребенок от года до двух’. Отсюда фамилии *Унгунов и Дагаев* (варианты: *Даганов*, *Дагашев, Дагенов*, *Дагинов*), носителями которых являются наши современники: в телефонном справочнике имеются фамилии *Дагаев, Дагинов* (2 раза), *Дагинова*[4].

Отметим, что и в практике тувинского имянаречения имели место апотропеические (охранные) имена, о чем пишет в своей монографии Н. Д. Сувандии, отмечая, что, по мнению родителей, такие имена «защищали новорождённого от злых духов, сглаза и болезней» (Сувандии, 2009: 30).

Фамильные антропонимы *Гахаев* от калм. *hаха* ‘свинья’ и *Нохаев* (варианты: *Нохашкин, Нохашкиев, Мунухаев* ‘плохая собака’[5]) от калм. *ноха* ‘собака’ восходят к именам-оберегам, по древним поверьям охраняющих своего носителя. Такие фамилии, как *Эляев* от калм. *Элә/Эля* ‘орел’, *Шонхоров* от калм. ‘*кречет*’ также имеют в своей основе имена-обереги. В книге памяти «Высланы… Оставлены навечно…» антропоним *Гахаев/а* встречается 8 раз[6], а *Нохаев* во всех вариантах — 15 раз[7]. В зоофорное

[1] Апотропеическое имя — охранное, защитное имя. См.: Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. С. 69.
[2] Высланы… Оставлены навечно… / ред. совет: В. А. Бембетов, А. В. Дорждеев, А. И. Абушинов и др. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2000. Т. 2, кн. 4. 316–317.
[3] Телефоны Элисты. Список абонентов городской телефонной сети. Элиста: РИО «Джангар», 1992. С. 505.
[4] Там же. С. 249.
[5] Фамилия Мунухаев происходит от калм. *муноха* ‘плохая собака’.
[6] Высланы… Оставлены навечно… Т. 2, кн. 4. С. 79–80.
[7] Там же. С. 218–219.

антропонимическое пространство калмыцкого языка вошли фамилии тибетского происхождения: *Ланцанов/Ланцынов*[1] *glangchen* ‘слон’ (тиб.) и др.

К этой группе можно отнести фамилии, связанные с растениями. Обожествление явлений природы сохранилось и в именах, образованных из названий растений. Антропонимы с фитофорными основами в калмыцком именнике не так разнообразны как имена с зоофорными основами. Но число фамильных антропонимов с основами *Бадма* ‘лотос’ (скр.[2]) и *бамба* ‘тюльпан’ (калм.) велико. Это объясняется тем, что тюльпан является символом калмыцкой степи, а лотос — священный буддистский цветок (Дальдинова и др., 2025: 431).

Так, фамилия *Бадмаев/а* в телефонном справочнике встречается 194 раза, сложные фамилии *Бадма-Горяев* — 27 раз, *Бадма-Халгаев* — 22 раза[3]. Фамилии, состоящие из двух самостоятельных частей со своей отдельной семантикой, характерны для жителей юго-востока Калмыкии (Монраев, 2012: 74–75). Фамильный антропоним *Бамбаев/а* повторяется 18 раз, с уменьшительной основой *бамбуш* — 12 раз[4].

В Калмыкии очень много известных людей носят фамилию Бадмаев, в т. ч. Бата Бадмаевич *Бадмаев* (1905–1971) — советский педагог, первый профессор Калмыкии, заслуженный учитель Калмыцкой АССР и РСФСР, учёный-лингвист, один из основоположников народного образования республики.

В книге памяти «Высланы… Оставлены навечно…» антропоним *Бадмаев/а* вместе со сложными фамилиями занимает 8 страниц, представлен в количестве 121 человека[5], а фамилия *Бамбаев/а* — 12 раз[6].

В калмыцкой традиции ряд личных имён содержит семантику названий растений или их частей. Нами обнаружены четыре раза фамилии *Петкеев/Петкиев*[7] и два раза (оба братья из одной семьи) *Биткеев*[8] от основы *бетк* ‘сухие стебли растений, корень растений’ (калм.). М. У. Монраев указывает варианты имен с этой основой: *Бетке, Петке, Битке* (Монраев, 2012: 135).

Фамилию *Биткеев* носят известные в республике ученые: Петр Церенович *Биткеев* (род. 1937), исследователь фонетики монгольских языков, с компетенциями в области современного и старописьменного монгольского языка и Николай Церенович *Биткеев* (1943—2013) — учёный-востоковед, фольклорист, литературовед, педагог, собиратель устного народного творчества[9].

В этой же группе мы рассматриваем фамилии, обозначающие число. Возникновение личных имен, связанных с числовыми понятиями, и последующее формирование фамилий от них, относится к глубочайшим временам человеческой истории, когда формировалось первоначальное мировоззрение людей. Доказательством широкого распространения традиции числовых антропонимов служит их наличие у множества народов, несмотря на территориальные и исторические различия. Присутствие таких «числовых» имен в индоевропейских, семитских, тюркских, монгольских и других языках является убедительным свидетельством этого явления.

В составе современного калмыцкого именника отмечаются имена, образованные от числительных 3 (*һурвн*), 5 (*тавн*), 6 (*зурһан*), 7 (*долан*), 8 (*нәәмн*), 9 (*йисн*),10 (*арвн*), 20 (*хөрн*), 30 (*һучн*), 60 (*җирн*), 70 (*далн*)[10]. Выбор указанных чисел для личных имен связан с их символизмом. В сознании первобытного человека числовые понятия, наделенные сверхъестественной мощью, выступали как символы, обусловленные реалиями жизни, что в конечном итоге объясняет мотивы выбора личных имен, включающих числовое понятие — имен, олицетворяющих божественную природу или служащих оберегом.

[1] Там же. С. 147.
[2] Санскрит.
[3] Телефоны Элисты. Список абонентов городской телефонной сети. Элиста: РИО «Джангар», 1992. С. 177–181.
[4] Там же. С. 186–187.
[5] Высланы… Оставлены навечно… / ред. совет: В. А. Бембетов, А. В. Дорждеев, А. И. Абушинов и др. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2000. Т. 2, кн. 4. С. 24–32.
[6] Там же. С. 37–38.
[7] Там же. С. 237.
[8] Телефоны Элисты. Список абонентов городской телефонной сети. Элиста: РИО «Джангар», 1992. С. 200.
[9] Биткеев [Электронный ресурс] // Руниверсалис. URL: https://руни.рф/Биткеев?ysclid=mhu4pqxbva813145773 (дата обращения: 11.11.2025).
[10] Калмыцко-русский словарь. 26000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977.

Нами обнаружены фамилии: *Тавниев* (от *тавн*); Очир *Зурганов* (от *зурһан*)[1]; Натыр Натыровыч *Долнаев* (от *долан*)[2]. А также фамилии *Далантаев, Даланкинов, Далантинов* (от *далн)* в указанных изданиях. Фамилия *Наминов/Найминов* (от *нәәмн*) встречается 11 раз[3] и 28 раз[4]; фамилия *Есенов/ Есинов* (от *йисн*) — 9 раз[5], Гурвуд Сангаджиевич *Арвинов* (от *арвн*)[6]; *Гучинов* (от *һучн*) — по 5 раз[7], *Джиринтинов/Джиринтеев* (от *җирн*)[8] — 3 раза.

Итак, возникновение личных имен, построенных на числовых понятиях, относится к глубочайшей древности. Рассмотрение этого явления как части антропонимической традиции требует анализа с позиции общего мировоззрения, доминировавшего на заре человеческого общества (Сельвина, 1983: 83).

Также и фамилии, связанные с цветообозначением являются носителями сакральных и символических мотивов. Язык любого народа содержит особую категорию слов — цветообозначения, которые служат для выражения того, как человек видит и воспринимает яркий и многообразный мир, и каждая культура и язык привносят в его понимание и обозначение свои уникальные особенности. У калмыков символике цвета уделялось огромное внимание, каждый цвет имел свой сакральный смысл, свое значение.

Улан ‘красный’[9] цвет в калмыцком языке имеет отношение к девичьей красоте и мужеству мужчины. Красный цвет связан с культом солнца, которое в калмыцком фольклоре обозначается не привычным желтым, а красным цветом (Мукабенова и др., 2023), так же как и в русской традиции — «красно солнышко». Фамилия *Уланов* имеет довольно широкое распространение в калмыцком именнике. Так 42 раза она встречается в телефонном справочнике[10] и 14 раз — в книге памяти «Высланы… Оставлены навечно…»[11].

Шар ‘желтый’[12] цвет у калмыков, прежде всего, является символом их буддийской веры, конкретно — желтого направления буддизма. Именно поэтому он обладает сакральным, ритуальным и жертвенным значением. Кроме того, этот цвет ассоциируется с поздним летом, солнцем и щедростью природы. (Мукабенова и др., 2023). Фамилия *Шараев* нами была обнаружена в справочных изданиях и документах[13]. Достаточно прочно укоренилась сложная фамилия, прямо относящаяся к буддизму, *Шармanджиев*[14] ‘послушник желтого направления буддизма’.

Цаһан ‘белый’ цвет традиционно ассоциируется с божественностью, чистотой, очищением, истиной и жизнью. В современном понимании он также символизирует благородство и обладает потенциалом для и трансформаций. В калмыцком языке слово *цаһан* ‘белый’ является часто употребляемым и имеет широкое символическое значение, отражая различные аспекты жизни. Так, белый цвет представлен в названиях продуктов питания в характеристике внешности и характера человека, представляя его благородным, добрым и незлопамятным. Тема смерти у калмыков тоже

[1] Высланы… Оставлены навечно… / ред. совет: В. А. Бембетов, А. В. Дорждеев, А. И. Абушинов и др. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2000. Т. 2, кн. 4. С. 116.
[2] Там же. С. 100.
[3] Там же. С. 174–175.
[4] Телефоны Элисты. Список абонентов городской телефонной сети. Элиста: РИО «Джангар», 1992. С. 380–381.
[5] Там же. С. 274. В Калмыкии известно имя Тамары Саранговны *Есеновой*, доктора филологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Республики Калмыкия, Почётного работника высшего профессионального образования РФ.
[6] Широклаг. Широкстрой: Списки калмыков-военнослужащих рядового и сержант. состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг.: кн. памяти / сост.: А. Б. Баирова и др. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2000. Т. 3, кн. 1. С. 23.
[7] Там же. С. 85.
[8] Телефоны Элисты. Список абонентов городской телефонной сети. Элиста: РИО «Джангар», 1992. С. 259.
[9] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык», 1977. С. 530.
[10] Телефоны Элисты. Список абонентов городской телефонной сети. Элиста: РИО «Джангар», 1992. С. 471–472.
[11] Высланы… Оставлены навечно… / ред. совет: В. А. Бембетов, А. В. Дорждеев, А. И. Абушинов и др. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2000. Т. 2, кн. 4. С. 260.
[12] Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык», 1977. С. 665.
[13] 29 раз в Телефоны Элисты. Список абонентов городской телефонной сети. Элиста: РИО «Джангар», 1992. С. 513–514; 7 раз в Высланы… Оставлены навечно… / ред. совет: В. А. Бембетов, А. В. Дорждеев, А. И. Абушинов и др. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2000. Т. 2, кн. 4. С. 321–322.
[14] 26 раз в: Телефоны Элисты. Список абонентов городской телефонной сети. Элиста: РИО «Джангар», 1992. С. 516.

связана с белым цветом, как, например, и православные священники отпевают усопших в белых облачениях, так и «калмыки раньше на похороны приходили в белых одеяниях, веря, что человек после смерти попадает в хорошее и благоприятное место на небесах» (Мукабенова и др., 2023: 212) Фамилия с основой *цаһан*, т. е. *Цаганов*[1] встречается довольно редко, как и сложный фамильный антропоним с этим компонентом, например, *Цаган-Манджиев*[2] ‘белый послушник’.

Хар ‘черный’ цвет способен нести в себе как осуждение, так и одобрение того, что он изображает. В рамках системы тонических начал черный цвет выступает как символ нижних сфер бытия, олицетворяя силы зла и враждебные проявления (Пюрбеев, 1995). В калмыцком языке слово *хар* выступает в составе многих слов, что нашло отражение в фамильных антропонимах. Так, наряду с фамилиями *Хараев, Харин, Харинов* в калмыцкой антропонимической системе представлены двусоставные фамилии с компонентом *хар*, например: *Харкабенов/Харкебенов/Хар-Кебенов* от ‘смуглый мальчик’, *Харкюкенов* от ‘смуглая девочка’, *Харманджинов* от ‘смуглый послушник’, *Харгелюнов* от ‘смуглый гелюнг’, *Харнохинов* от ‘черная собака’[3].

Калмыцкие фамилии, чьё происхождение связано с именами планет и дней недели, служат мощным отражением космологических, религиозных и культурных представлений этноса. Они являются живым наследием традиции календарного имянаречения, несущей в себе глубокий символический пласт.

Астрологи (зурхачи) определяли имя в соответствии с днем рождения ребенка. В какой день недели родился и какое расположение небесных светил было в этот день, такое имя и назначалось. В древние времена было известно семь небесных тел: Солнце, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера и Сатурн, и по каждому из них по монгольскому астрологическому календарю соответствовал день недели (Басангова, 2023: 61–63).

Так, фамилии *Адьянов, Наранов, Нимеев, Нимаев* образовались от соответствующих калмыцких, тибетских и монгольских имен, обозначающих ‘Солнце’ (воскресенье); *Ангарыков, Даваев, Давинов, Давашкин Саранов, Сарангов* — от имен со значением ‘Луна’ (понедельник); *Будаев, Будиев* — от имен со значением ‘Марс’ (вторник); *Лавгинов. Улюмджиев, Улюмджинов, Улюмджанов, Илюмжинов, Улюмжуев* — от имен со значением ‘Меркурий’ (среда); *Пюрбеев, Пюрвеев, Первеев* — от имени со значением ‘Юпитер’ (четверг); *Санчиров, Басангов, Басанов, Баскаев, Басаев* — от имен со значением ‘Венера’ (Пятница); *Сумъянов, Бембеев, Бимбаев, Бембинов* — от имен со значением ‘Сатурн’ (суббота)

Из описанных нами фамилий в разных семантических группах можно выделить сложные антропонимы с компонентом *Гаря* (*Бадма-Гаряев, Очир-Горяев*), который, по утверждению М. У. Монраева, связан с монгольским словом *гарак* ‘планета; день недели’ (Монраев, 2012: 17). Такие фамильные антропонимы «характерны для жителей юго-востока Калмыкии и локально ограничены в своем употреблении. Нет сомнения в том, что данные сложные образования тесно связаны с жизнью и бытом торгутов и принятием ими ламаизма, с их календарем» (там же: 13).

Таким образом, анализ лексико-семантической специфики калмыцких фамилий показал, что самыми распространенными являются фамилии, имеющие в своей основе личное имя. Широкое распространение фамилий, связанных с буддизмом объясняется глубокой религиозностью калмыцкого народа. Их сохранение до наших дней обусловлено, в том числе, их ролью в качестве оберегов в калмыцкой ономастике. Фамилии, в основе которых заложены имена, обозначающие животных и растения, отражают глубокую связь калмыцкой культуры с природой: растения символизируют красоту, чистоту, жизненную силу и духовное совершенство. Особенно значимы в традиции тюльпан (символ калмыцкой степи) и лотос (священный буддийский цветок). Фамилии, обозначающие числа, свидетельствуют о глубокой древности происхождения калмыцкого этноса.

[1] 3 раза в: Там же. С. 482.
[2] 4 раза в: Там же.
[3] Там же: 485; Высланы… Оставлены навечно… / ред. совет: В. А. Бембетов, А. В. Дорждеев, А. И. Абушинов и др. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2000. Т. 2, кн. 4. С. 295.

Заключение

Как показало наше исследование, несмотря на то, что фамилии у калмыков стали нововведением, связанным с влиянием русской культуры и паспортизацией, в семантике калмыцких фамилий сохранилась культурно-историческая информация о жизни этноса, представлен народный быт, национальный характер, передано своеобразие духовной и материальной культуры. В целом содержание имени и фамилии, образованной от имени, отражает его символику, «раскрывает характер человека, его внутренний мир, ментальные составляющие, которые участвуют в создании национальной картины мира» (Манджиев, Кичикова, 2025: 114).

Исследование семантики калмыцких фамильных антропонимов может быть продолжено в русле анализа фамилий с патронимическими основами, обозначающими род деятельности, предметы окружающего мира, природные явления и др. Кроме того, своих исследований ждет и отчество, которое так же, как и фамилия, было сформировано только к середине прошлого века.

Вклад авторов:

Дальдинова Э. О.-Г. — автор статьи, корреспондирующий автор;

Кичикова Н. А. — исследование ономастики Калмыкии;

Кекеева Т. М. — выборка и анализ материалов справочных изданий и архивных документов;

Микитенко Н. Ю. — анализ научной литературы по исследованию антропонимической системы Калмыкии и становлению калмыцких фамилий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айыжы, Е. В., Донгак, В. В. (2024) Трансформация в названиях родовых групп под влиянием процесса паспортизации в Туве // Oriental Studies. Т. 17 (6). С. 1253–1266. DOI: https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-76-6-1253-1266

Байбурин, А. К. (2017) Советский паспорт: история — структура — практики. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге. 486 с.

Басангова, Т. Г. (2007) Русские фамилии у калмыков // Русский язык в полиэтнической среде: проблемы и перспективы. Материалы Международной научной конференции 29–30 ноября 2007 г. / отв. ред. Г. М. Борликов. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та. 196 с. С. 27–28.

Басангова, Т. Г. (2023) Тибетские имена у калмыков // Ономастика Поволжья: материалы XXI Международной научной конференции (Рязань, 3–5 октября 2023 г.) / под общ. ред. И. Н. Хрусталёва, В. И. Супруна. Рязань : Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина. 605 с. С. 61–63.

Борджанова, Т. Г. (1983) Антропонимия калмыцких народных сказок // Ономастика Калмыкии / ред. колл.: Э. Л. Бердяев (отв. ред.), М. У. Меараев, В. Э. Очир-Горяев. Элиста: КНИИИФЭ. 147 с. С. 96–100.

Васильева, Д. Н.-Д. (2010) Проблема унификации бурятских антропонимов (на материале социоопроса) // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. № 8. С. 72–74.

Дальдинова, Э. О.-Г., Кекеева, Т. М., Кичикова, Н. А., Микитенко, Н. Ю. (2025) Этнолингвистические характеристики никнеймов в виртуальной среде Калмыкии // Новые исследования Тувы. № 3. С. 421–437. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.25

Донгак, В. В., Айыжы, Е. В. (2025) Паспортизация в Туве (историографические аспекты) // Oriental Studies. Т. 18(5). С. 1104–1119. DOI: https://doi.org/10.22162/2619-0990-2025-81-5-1104-1119

Душан, У. Д. (2016) Избранные труды / сост. В. В. Батыров, Т. И. Шараева. Элиста : КИГИ РАН. 376 с.

Жамбалова, С. Г. (2010) Антропонимы бурят в исторической динамике. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 240 с.

История Калмыкии с древнейших времён до наших дней (2009): в 3 т. / редкол.: К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова (отв. ред.) и др. Элиста: Герел. Т. 1. 845 с.

Кануков, Х. Б. (1928) Будда-ламаизм и его последствия. Астрахань : Калмиздат «Красный калмык». 94 с.

Кичикова, Н. А., Манджиева, Э. Б. (2023) Этнонимический компонент в ономастиконе Калмыкии // Ономастика Поволжья: материалы XXI Международной научной конференции (Рязань, 3–5 октября 2023 г.) / под общ. ред. И. Н. Хрусталёва, В. И. Супруна. Рязань : Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина. 605 с. С. 37–40.

Корнеева, А. Х. (2022) Зооантропонимы в русском и калмыцком языках в сравнительном аспекте [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. Т. 13, № 4. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/43FLSK422.pdf (дата обращения: 06.11.2025).

Ламажаа, Ч. К. (2021) Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1

Манджиев, Н. Ц., Кичикова, Н. А. (2025) Имянаречение как философия языка: оберег в картине мира калмыков // Вестник Калмыцкого университета. № 1. С. 113–122.

Монраев, М. У. (2012) Калмыцкие личные имена. Семантика. Изд. 3-е, перераб. и доп. Элиста : АУ РК «Издательский дом «Герел». 255 с. (На рус. и калм. яз.).

Мукабенова, Ж. А., Харчевникова, Р. П., Монраев, М. У., Сусеева, Д. А., Биткеев, П. Ц. (2023) Лингвокультурологический аспект цвета в калмыцком и корейском языках // Litera. № 12. С. 206–215. DOI: https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.12.69285

Назаров, А. И. (2003) Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков. Алматы: Комплекс. 180 с.

Олядыкова, Л. Б. (2004) Отчества и фамилии у калмыков // Юг России: культурно-исторический феномен: сборник научных статей / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: Джангар. 200 с. С. 121–134.

Омакаева, Э. У (2008) Триада «язык — культура — этнос» сквозь призму антропонимии: калмыцкие личные имена в контексте буддийской культуры // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 1. № 2. С. 62–67.

Омакаева, Э. У. (2024) Мир личных имен в монголоязычной картине мира: этимологический и обрядовый аспекты // Nomadic civilization: historical research. № 4 (3). С. 81–89.

Пальмов, Н. Н. (1992) Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 160 с.

Печетова Н. Ю., Скрябина Н. П. (2021) Развитие антропонимической системы на территории Якутии // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. № 2 (24). С. 58–68.

Пюрбеев, Г. Ц. (1995) Личные имена эпических героев: опыт интерпретации (по материалам «Джангара») // Владимирцовские чтения III: доклады и тезисы Всероссийской научной конференции, Москва, 25–26 октября 1993 г. / сост. Е. В. Бойкова. М. : ИВ РАН. 233 с. С. 184–187.

Рассадин, В. И. (2004) Реальна ли гипотеза о тюркском происхождении этнонима ойрад, имен Джангар, Чингис и Гэсэр? // «Джангар» в евразийском пространстве материалы международной научной конференции (27 сентября — 2 октября 2004 г.), к 200-летию первой публикации калмыцкого героического эпоса «Джангар» / отв. ред. Г. М. Борликов. Элиста : КалмГУ. 332 с. С. 121–127.

«Джангар» в евразийском пространстве материалы международной научной конференции (27 сентября — 2 октября 2004 г.), к 200-летию первой публикации калмыцкого героического эпоса «Джангар» / отв. ред. Г. М. Борликов. Элиста : КалмГУ. 332 с.

Самсонов, Н. Г. (1991) О якутских фамилиях // Номинация в ономастике / отв. ред. М. Э. Рут. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. Вып. 19: Номинация в ономастике. 171 с. С. 142–147.

Сельвина, Р. Л. (1976) Русско-калмыцкое языковое взаимодействие в области антропонимии // Русский язык в калмыцкой языковой среде / отв. ред. В. Ф. Житников. Элиста : Калм. ун-т. 115 с. С. 74–82.

Сельвина, Р. Л. (1983) Отражение древней числовой символики в калмыцкой антропонимике // Ономастика Калмыкии / отв. ред. Э. Ч. Бардаев. Элиста : Калм. НИИ истории, филологии и экономики. 148 с. С. 73–84.

Сувандии, Н. Д. (2009) Тувинская антропонимия. Кызыл : РИО ТувГУ. 188 с.

Суперанская, А. В. (1973) Общая теория имени собственного. М. : Наука. 367 с.

Суперанская, А. В., Суслова А. В. (1981) Современные русские фамилии. М. : Наука. 176 с.

Суперанская, А. В. (2001) Неофициальные формы русских личных имён // Русская речь. Выпуск № 1. С. 85–89.

Шантаев, Б. А. (2010) Некоторые особенности соотношения калмыцких этнонимов и антропонимов // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. № 2 (21). С. 161–163.

Эрдниев, У. Э. (1985) Калмыки: историко-этнографические очерки. 3-е изд. Элиста : Калм. кн. изд-во. 282 с.

Дата поступления: 27.11.2025 г.
Дата принятия: 19.02.2026 г.

REFERENCES

Aiyzhy, E. V. and Dongak, V. V. (2024) Transformation in the names of clan groups under the influence of the passportization process in Tuva. *Oriental Studies*, vol. 17(6), pp. 1253–1266. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-76-6-1253-1266

Baiburin, A. K. (2017) *The Soviet passport: history, structure, practices*. Saint Petersburg, Publishing House of the European University at Saint Petersburg. 486 p. (In Russ.)

Basangova, T. G. (2007) Russian surnames among the Kalmyks. In: *The Russian language in a multiethnic environment: problems and prospects. Proceedings of the International scholarly conference, 29–30 November 2007*, ed. by G. M. Borlikov. Elista, Kalmyk University Press. 196 p. Pp. 27–28. (In Russ.)

Basangova, T. G. (2023) Tibetan names among the Kalmyks. In: *Onomastics of the Volga Region:* proceedings of the 21st International scholarly conference (Ryazan, 3–5 October 2023), ed. by I. N. Khrustalyov, V. I. Suprun. Ryazan, S. A. Yesenin Ryazan State University. 605 p. Pp. 61–63. (In Russ.)

Bordzhanova, T. G. (1983) Anthroponymy of Kalmyk folk tales. In: *Onomastics of Kalmykia*, ed. board: E. L. Berdyaev (ed.-in-chief), M. U. Mearaev, V. E. Ochir-Goryaev. Elista, KNIIIFE. 147 p. Pp. 96–100. (In Russ.)

Vasilieva, D. N.-D. (2010) The problem of unification of Buryat anthroponyms (based on sociological survey data). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*, no. 8, pp. 72–74. (In Russ.)

Daldinova, E. O.-G., Kekeeva, T. M., Kichikova, N. A. and Mikitenko, N. Yu. (2025) Ethnolinguistic characteristics of nicknames in the virtual environment of Kalmykia. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 421–437. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.25

Dongak, V. V. and Aiyzhy, E. V. (2025) Passportization in Tuva (historiographic aspects). *Oriental Studies*, vol. 18(5), pp. 1104–1119. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.22162/2619-0990-2025-81-5-1104-1119

Dushan, U. D. (2016) *Selected works*, comp. by V. V. Batyrov, T. I. Sharaeva. Elista, KIGI RAN. 376 p. (In Russ.)

Zhambalova, S. G. (2010) *Anthroponyms of the Buryats in historical dynamics*. Ulan-Ude, Publishing House of the Buryat Scientific Centre SB RAS, 240 p. (In Russ.)

History of Kalmykia from ancient times to the present day (2009), in 3 vols, ed. board: K. N. Maksimov, N. G. Ochirova (ed.-in-chief) et al. Elista, Gerel. Vol. 1. 845 p. (In Russ.)

Kanukov, Kh. B. (1928) *Buddha-Lamaism and its consequences*. Astrakhan, Kalmizdat "Krasnyi kalmyk". 94 p. (In Russ.)

Kichikova, N. A. and Mandzhieva, E. B. (2023) Ethnonymic component in the onomasticon of Kalmykia. In: *Onomastics of the Volga Region:* proceedings of the 21st International scholarly conference (Ryazan, 3–5 October 2023), ed. by I. N. Khrustalyov and V. I. Suprun. Ryazan, S. A. Yesenin Ryazan State University. 605 p. Pp. 37–40. (In Russ.)

Korneeva, A. Kh. (2022) Zooanthroponyms in the Russian and Kalmyk languages in a comparative aspect. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kulturologiya*, vol. 13, no. 4. (In Russ.) [online] Available at: https://sfk-mn.ru/PDF/43FLSK422.pdf (accessed: 6.11.2025).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) The main problems of studying kinship and kin groups of contemporary Tuvans: passportization, terminology and maintenance of kin relations. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1

Mandzhiev, N. Ts. and Kichikova, N. A. (2025) Naming as a philosophy of language: protective name in the worldview of the Kalmyks. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 1, pp. 113–122. (In Russ.)

Monraev, M. U. (2012) *Kalmyk personal names. Semantics*. 3rd ed., rev. and enl. Elista, AU RK "Publishing House 'Gerel'". 255 p. (In Russ. and Kalm.)

Mukabenova, Zh. A., Khartchevnikova, R. P., Monraev, M. U., Suseeva, D. A. and Bitkeev, P. Ts. (2023) Linguoculturological aspect of colour in the Kalmyk and Korean languages. *Litera*, no. 12, pp. 206–215. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.12.69285

Nazarov, A. I. (2003) *Essays on the history of surnames of the Ural (Yaik) Cossacks*. Almaty, Kompleks. 180 p. (In Russ.)

Olyadykova, L. B. (2004) Patronymics and surnames among the Kalmyks. In: *The South of Russia: a cultural and historical phenomenon.* Collection of scholarly articles, ed. by N. G. Ochirova. Elista, Dzhangar. 200 p. Pp. 121–134. (In Russ.)

Omakaeva, E. U. (2008) The triad "language — culture — ethnos" through the prism of anthroponymy: Kalmyk personal names in the context of Buddhist culture. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN*, vol. 1, no. 2, pp. 62–67. (In Russ.)

Omakaeva, E. U. (2024) The world of personal names in the Mongolic-language picture of the world: etymological and ritual aspects. *Nomadic civilization: historical research*, no. 4(3), pp. 81–89. (In Russ.)

Palmov, N. N. (1992) *Essay on the history of the Kalmyk people during their stay within Russia*. 2nd ed. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 160 p. (In Russ.)

Pechetova, N. Yu. and Skryabina, N. P. (2021) Development of the anthroponymic system in the territory of Yakutia. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki*, no. 2(24), pp. 58–68. (In Russ.)

Pyurbeev, G. Ts. (1995) Personal names of epic heroes: an attempt at interpretation (based on the materials of "Dzhangar"). In: *Vladimirtsov Readings III:* papers and abstracts of the All-Russian scholarly conference, Moscow, 25-26 October 1993, comp. by E. V. Boikova. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS. 233 p. Pp. 184–187. (In Russ.)

Rassadin, V. I. (2004) Is the hypothesis of the Turkic origin of the ethnonym Oirat and the names Dzhangar, Chingis and Geser realistic? In: *"Dzhangar" in the Eurasian space.* Materials of the international scholarly conference (27 September – 2 October 2004), dedicated to the 200th anniversary of the first publication of the Kalmyk heroic epic "Dzhangar", ed. by G. M. Borlikov. Elista, Kalmyk State University. 332 p. Pp. 121–127. (In Russ.)

"Dzhangar" v evraziiskom prostranstve (2004) Materials of the international scholarly conference (27 September — 2 October 2004), dedicated to the 200th anniversary of the first publication of the Kalmyk heroic epic "Dzhangar", ed. by G. M. Borlikov. Elista, Kalmyk State University. 332 p. (In Russ.)

Samsonov, N. G. (1991) On Yakut surnames. In: *Nomination in onomastics*, ed. by M. E. Rut. Sverdlovsk, Ural University Press. Issue 19: Nomination in onomastics. 171 p. Pp. 142–147. (In Russ.)

Selvina, R. L. (1976) Russian–Kalmyk language interaction in the field of anthroponymy. In: *The Russian language in the Kalmyk language environment*, ed. by V. F. Zhitnikov. Elista, Kalmyk University. 115 p. Pp. 74–82. (In Russ.)

Selvina, R. L. (1983) Reflection of ancient numerical symbolism in Kalmyk anthroponymy. In: *Onomastics of Kalmykia*, ed. by E. Ch. Bardaev. Elista, Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economy. 148 p. Pp. 73–84. (In Russ.)

Suvandii, N. D. (2009) *Tuvan anthroponymy*. Kyzyl, Publishing Department of TuvSU. 188 p. (In Russ.)

Superanskaya, A. V. (1973) *General theory of the proper name*. Moscow, Nauka. 367 p. (In Russ.)

Superanskaya, A. V. and Suslova, A. V. (1981) *Modern Russian surnames*. Moscow, Nauka. 176 p. (In Russ.)

Superanskaya, A. V. (2001) Unofficial forms of Russian personal names. *Russkaya rech*, no. 1, pp. 85–89. (In Russ.)

Shantaev, B. A. (2010) Some features of the correlation of Kalmyk ethnonyms and anthroponyms. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovanii aridnykh territorii*, no. 2(21), pp. 161–163. (In Russ.)

Erdniev, U. E. (1985) *The Kalmyks: historical and ethnographic essays*. 3rd ed. Elista, Kalmyk Book Publishing House. 282 p. (In Russ.)

Submission date: 27.11.2025.
Acceptance date: 19.02.2026.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.25178/nit.2026.2.20

Рецензия

Мультивидовые отношения в кочевом обществе: теоретические и методологические подходы

Иван Ю. Макарчук
Сибирский федеральный университет, Российская Федерация,
Елена П. Мамышева
Сибирский федеральный университет; Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье представлен анализ содержания монографии антрополога Виктории Пээмот «The Horse in My Blood: Multispecies Kinship in the Altai and Saian Mountains», которая вышла в 2024 г. в издательстве Berghahn Books. В монографии исследуется как в жизни тюркоязычного населения Саяно-Алтайского региона (тувинцев) выстраивается отношение к родным ландшафтам и лошадям, которые воспринимаются людьми как часть расширенного круга родства. Автор описывает процессы реализации соответствующих связей в повседневных практиках, ритуалах и опыте совместной жизни.

Авторы рецензии уделяют особое внимание описанным В. Пээмот феноменам мультивидового родства, агентности животных и социальной одушевленности ландшафта. Эти векторы были выбраны рецензентами по той причине, что они представляют значительный научный интерес, поскольку в рамках современной отечественной этнографии пока остаются слабо разработанными и методологически недостаточно освоенными. Авторы акцентируют внимание на рассуждениях В. Пээмот о том, что концепция мультивидового родства предполагает отход от традиционно хозяйственных и символистских трактовок животного, раскрывая устойчивое совместное бытие человека и лошади — субъектов родственных отношений.

По мнению рецензентов, автор монографии справедливо придает важное значение категории «чер төрел» как локальной формы анимистической онтологии, в которой горы, реки и пастбища воспринимаются в качестве одушевленных родственников, участвующих в судьбе рода. Отмечается, что внимание к этой категории расширяет аналитическое поле отечественной этнографии, позволяя включать ландшафт в систему социальных отношений. Особым достоинством монографии отмечается обращение автора к концепции «аалдаар», рассматриваемой как этическая основа полевых исследований. Обсуждаются преимущества такого подхода, связанные с глубиной включенности, однако, при этом подчеркиваются гносеологические риски, возникающие из-за возможной субъективизации материала.

Ключевые слова: *мультивидовое родство; Тува; лошадь; агентность животных; социальный ландшафт; ответственное гостевание; рецензия*

Для цитирования:
Макарчук И. Ю., Мамышева Е. П. Мультивидовые отношения в кочевом обществе: теоретические и методологические подходы // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 320-331. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.20

Макарчук Иван Юрьевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Сибирского федерального университета. Адрес: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79. Эл. адрес: imakarchuk@sfu-kras.ru

Мамышева Елена Петровна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета; профессор кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тувинского государственного университета. Адреса: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79; 667000, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: sozor@mail.ru

REVIEWS

Review

Multispecies Relations in Nomadic Society: Theoretical and Methodological Approaches

Ivan Yu. Makarchuk
Siberian Federal University, Russian Federation,
Elena P. Mamysheva
Siberian Federal University; Tuvan State University, Russian Federation

The article presents an analysis of the monograph by anthropologist V. Peemot, The Horse in My Blood: Multispecies Kinship in the Altai and Sayan Mountains*, published in 2024 by Berghahn Books. The monograph examines how Turkic-speaking populations of the Sayan-Altai region construct their relationships with native landscapes and horses, which are perceived as part of an extended circle of kinship. The author describes how these relationships are enacted in everyday practices, rituals, and lived experiences of coexistence.*

The reviewers pay particular attention to the phenomena described by V. Peemot, including multispecies kinship, animal agency, and the social animacy of the landscape. These vectors are selected due to their significant scholarly relevance, as they remain insufficiently developed and methodologically underexplored within contemporary Russian ethnography. The authors emphasize Peemot's argument that the concept of multispecies kinship implies a departure from traditional economic and symbolic interpretations of animals, instead revealing a stable co-existence of humans and horses as subjects within kin relations.

According to the reviewers, the author rightly assigns considerable importance to the category of "cher törel" as a local form of animistic ontology, in which mountains, rivers, and pastures are perceived as animate relatives participating in the fate of the kin group. It is noted that attention to this category expands the analytical framework of Russian ethnography by enabling the inclusion of landscape within systems of social relations. A particular strength of the monograph is identified in the author's engagement with the concept of "aaldaar", interpreted as an ethical foundation for field research. The advantages of this approach, especially its depth of immersion, are discussed, while also highlighting epistemological risks associated with the potential subjectivization of research material.

Keywords: *multispecies kinship; Tuva; horse; animal agency; social landscape; responsible guesting; review*

For citation:
Makarchuk I. Yu. and Mamysheva E. P. Multispecies Relations in Nomadic Society: Theoretical and Methodological Approaches. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 320-331. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.20

MAKARCHUK, Ivan Yurievich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor at the Department of Philosophy, Siberian Federal University. Postal address: 79 Svobodny Pr., 660041, Krasnoyarsk, Russia. E-mail: imakarchuk@sfu-kras.ru

ORCID: 0000-0003-2632-2772

MAMYSHEVA, Elena Petrovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Russian History, World and Regional Civilizations, Siberian Federal University; Professor at the Department of Theoretical, Public and Law Disciplines, Tuvan State University. Postal addresses: 79 Svobodny Pr., 660041, Krasnoyarsk, Russia; 36 Lenina St., 667000, Kyzyl, Russia. E-mail: sozor@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1620-5679

Введение

В 2024 г. в академическом издательстве Berghahn Books (США) вышла монография антрополога Виктории Соян Пээмот (Victoria Soyan Peemot) «Лошадь в моей крови. Многовидовое родство в горах Алтая и Саян» («The Horse in My Blood: Multispecies Kinship in the Altai and Saian Mountains») (*фото 1*) (Peemot, 2024). Монография является четвертым томом антропологической серии «Межвидовые взаимодействия» (Interspecies Encounters), выпускаемой указанным издательством с 2017 г.

Автор — Виктория Пээмот — по своему происхождению уроженка села Ак-Эрик Тес-Хемского района Республики Тыва, принадлежит к сообществу тувинцев-скотоводов (аймак Соян). Она обладает знанием соответствующих социокультурных практик и стремится экспонировать их с точки зрения самих носителей с одновременным осмыслением в терминах современной антропологии. О персональной включенности исследовательницы в тувинскую систему родства, опыте мультивидового взаимодействия свидетельствует авторское посвящение, размещенное в начале книги: «В память о моем дедушке, Сояне Кадып-ооле Кунююевиче, и моем верном спутнике детства, коне Челере Шилги».

В. Пээмот получила российское высшее образование в Туве. Ее ранняя карьера была связана с работой журналистом в республиканских изданиях, где она исследовала культуру и жизнь своего народа, много писала о традициях, истории и современности Тувы. Этот опыт стал для нее не только профессиональной школой, но и важной основой будущих научных интересов. Уже состоявшимся специалистом по личным причинам она решилась на переезд в Финляндию в 2009 г. Оказавшись в новой стране, В. Пээмот не ограничилась адаптацией к бытовым условиям, а продолжила образование на академическом уровне. В Университете Хельсинки она прошла научную подготовку, занялась исследованиями в области культурной антропологии и этнографии, уделяя особое внимание тувинской культуре. Итогом этой работы стала защита в декабре 2021 г. докторской диссертации «Конь в моей крови: родство на суше в Саянских и Алтайских горах, Внутренняя Азия»[1]. Таким образом, ее жизненный путь объединил российскую образовательную и профессиональную базу с европейской академической карьерой.

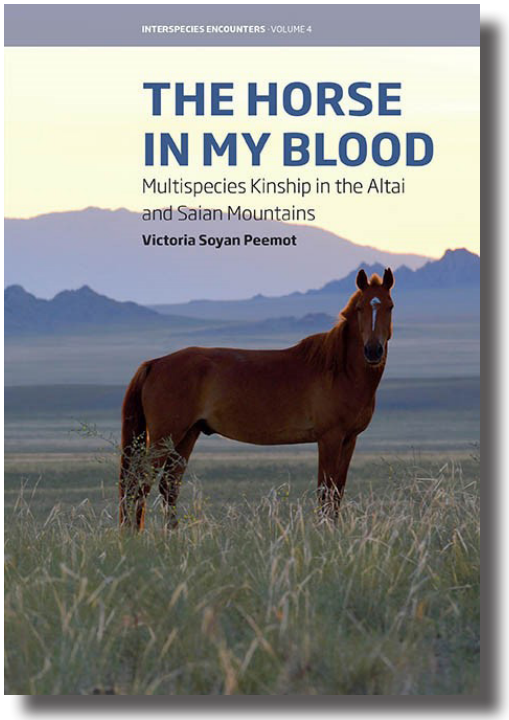

Фото 1. Обложка монографии Виктории Соян Пээмот «Лошадь в моей крови. Многовидовое родство в горах Алтая и Саян» (2024).
Photo 1. The cover of V. S. Peemot's book «The Horse in My Blood: Multispecies Kinship in the Altai and Saian Mountains» (2024).

В настоящее время В. Пээмот является научным сотрудником по коренным народам в Университете Хельсинки, членом Хельсинкского института исследований устойчивого развития (HELSUS), а также приглашенным исследователем Центра исследований Северо-Восточной Азии Университета Тохоку, как об этом сказано на титуле издания.

Рецензируемое исследование посвящено взаимоотношениям человека и лошади среди тюркоязычного населения Саяно-Алтайского региона и выполнено в русле мультивидовой этнографии *(multispecies ethnography)*, оформившейся как направление антропологии в 2000-х гг., когда критическая сумма дискуссий о балансе отношений человека с другими животными и скептицизм по поводу человеческой исключительности привели в глобальной антропологии к повороту к видам, или мультивидовому повороту *(species turn)* (Форум: Люди … , 2024: 12).

Лошадь является существенным элементом материальной и духовной культуры кочевых народов. В тюрко-монгольской традиции лошади наряду с хозяйственным значением отводится значимая сакральная роль как символу

[1] Peemot V. The Horse in My Blood : Land-Based Kinship in the Sayan and Altay Mountains, Inner Asia [Электронный ресурс] // Helsingin yliopisto. URL: http://hdl.handle.net/10138/336082 (дата обращения: 10.12.2025).

социального статуса и духовной силы. В отечественной этнографической и исторической литературе неоднократно подчеркивалось исключительное место лошади в структуре мировоззрения кочевников Евразии (Потапов, 1953: 16, 17; 1969: 252, 283, 291, 373; Вайнштейн, 1972: 27; Этнография народов … , 1978: 212, 35–36, 53, 58: 149; Алтай. Жемчужина … , 2010: 149, 151). Более того, в культуре кочевников «присутствует понятие о том, что время может быть управляемо с помощью коня — основного помощника животновода-кочевника. Конь помогал работать, стеречь стада, ездить в гости, на охоту. Он признавался единственным средством сокращения огромных расстояний, его ход выступал мерой, и он сам был способом регулировки времени» (Ламажаа, 2011: 45).

Одной из заглавных тем книги В. Пээмот является концепция «мультивидового родства» (*multi-species kinship*), в рамках которой отношения между человеком и лошадью описываются не через процессы одомашнивания, использования или хозяйственной эксплуатации, а как устойчивое родственное взаимодействие, основанное на совместном происхождении и бытии. Автор убедительно демонстрирует, что у тувинцев и их соседей на Алтае и в Саянах границы между человеком и животным оказываются проницаемыми, соответственно, разделение на «людей» и «нелюдей» не имеет абсолютного характера.

Такой подход во многом опирается на достижения антропологической мысли последних десятилетий. Так, британский социальный антрополог Т. Инголд предложил рассматривать отношения человека и животного как «становление-вместе» (*becoming-with*) (Ingold, 2000), а американский философ и теоретик культуры Д. Харауэй в книге «When Species Meet» («Когда виды встречаются») представила концепцию «партнерских видов», подчеркивая со-эволюцию и совместность человека и животных, поскольку последние не существуют как «готовые» сущности до их отношений друг с другом (Haraway, 2008). Они формируются и конституируются в процессе этого совместного существования. Очевидно, что В. Пээмот продолжает эту линию, интерпретируя практики тувинских коневодов как пример социального и родственного партнерства человека и лошади, так как они развивались совместно, взаимно влияя на эволюцию и формирование друг друга на протяжении тысячелетий.

Для российской науки подобный исследовательский подход представляется относительно новым. Советская и постсоветская этнография хотя и уделяла большое внимание символическим и сакральным аспектам отношения к животным, все же в первую очередь рассматривала их через призму хозяйственного уклада и культурно-экономического типа. Например, Л. П. Потапов в работе «Очерки народного быта тувинцев» писал о лошади как о ключевом элементе хозяйства, транспорта и военной организации, а также как о сакральном символе рода (Потапов, 1969: 82–83, 110–115, 252–258, 356–357). С. И. Вайнштейн в монографии «Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки» подробно описывал ритуальные функции коня, включая жертвоприношения и культовые практики, но также связывал их с социально-экономической структурой (Вайнштейн, 1961: 27, 66–67, 199–200). Другими словами образ лошади раскрывался амбивалентно. С одной стороны, она была неотъемлемой частью повседневной жизни, обеспечивая людей средствами к существованию, передвижением и хозяйственной поддержкой. С другой — лошадь воспринималась как животное, наделенное особым смыслом, связанное с обрядами, верованиями и представлениями о мире.

Например, только что родившийся жеребенок называется *кулунчак*. Это название сохраняется за ним в течение первых 10–15 дней с момента появления на свет. Как только жеребенок научится есть траву и окрепнет, его называют *кулун*. Это название удерживается за ним до одного года. В зависимости от пола жеребенка, к названию *кулун* добавляют *эр* или *кыс*. Если жеребенок еще не кастрирован, его называют *аскыр*, а кастрированного — *аът*. Некастрированный жеребец любого возраста также называется *аскыр*. «Зрелым» конь называется по состоянию зубов, с момента, когда они полностью обмениваются на постоянные. *Кызырак* — общее название (независимо от возраста) для еще не жеребившейся кобылицы; *бе* — появляется в названии жеребившейся кобылы (Даржа, 2014: 65–66).

Также многие мифологические сюжеты описывают лошадь как духовного спутника или покровителя. С. И. Вайнштейн фиксировал, что конь может рассматриваться как «альтер эго» человека, связанный с его жизненной силой (Вайнштейн, 1961: 182). Классик тувинской литературы М. Б. Кенин-Лопсан среди девяти освящений (*тос ыдык*), тесно связанных с судьбой человека, имеющих свой собственный смысл, называл освящение лошади (*аътты ыдыктаары)* с целью исцеления ее владельца, если он заболел во время поездки, а также людей, страдающих одышкой, от воспаления легких, кошмарных снов (см.: Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023: 224).

В рассматриваемой работе лошадь позиционируется еще и как «родственник», субъект социального взаимодействия. Такой подход созвучен концепции «антропологии больше-чем-человеческого» *(more-than-human anthropology)*, которая переосмысливает традиционную фокусировку исключительно на человеке и признает глубинную взаимосвязь человеческой жизни с нечеловеческими сущностями.

Полагаем, что об актуальности и оригинальности работы дополнительно свидетельствует тот факт, что на книгу уже появилась рецензия западного ученого — Н. Расиулиса из Института азиатских и межкультурных исследований Вильнюсского университета (Rasiulis, 2025). В российской науке, насколько нам известно, рецензий еще не было. Но есть интервью с В. Пээмот в Интернет-СМИ, вышедшее под заголовком «Репрессированный конь»: тувинская исследовательница — о лошадях, границах и памяти о советском прошлом»[1].

Далее мы последовательно рассмотрим три аналитических вектора монографии — «мультивидовое родство», категорию *чер төрел* и концепцию «ответственного гостевания» (*аалдаар*), — которые, по нашему мнению, являются наиболее значимыми парадигмальными основаниями для развития современной российской этнографии.

Человек и животное: проблема границ и родства

Уникальность подхода В. Пээмот состоит в том, что она ставит лошадь в центр анализа и утверждает ее агентность. В описаниях свадебных обрядов, скачек или повседневных практиках лошадь оказывается вместе с человеком полноправным участником событий. Например, описывая свадьбу у озера Шара-Нуур, автор подробно анализирует передачу жеребца в качестве свадебного дара, символизирующего включение животного в систему родства, воплощающего преемственность между поколениями (Peemot, 2024: 14–19).

Подход, рассматривающий человека и животное в терминах «родства» и совместной субъектности, является относительно новым для российской этнографии. Традиционно отечественная этнография носила антропоцентричный характер, строго различала собственно социальные (человеческие) отношения и символические проекции на животных. Подобное различие соответствовало методологическим основаниям марксистского учения, где животные рассматривались как часть производительных сил. Сегодня российские исследователи сталкиваются с необходимостью переосмысления устоявшихся категорий и методологических подходов. Как удачно подметил антрополог Г. Д. Винокуров, «структуралистско-семиотические рвы, за которыми продолжает существовать российская антропология / этнография, оказывается крайне трудно пересечь зверям и другим существам» (Форум: Люди … , 2024: 41). Привычные теоретические барьеры мешают «впустить» животных в аналитическое поле на правах субъектов и преодоление этого барьера видится серьезной проблемой.

Здесь необходимо отметить, что в российской гуманитарной науке есть довольно обширный корпус исследований о символическом «родстве» и тесной связи человека и лошади в коневодческих культурах, но он оформлен скорее как изучение культа коня, образа «конь-человек», мифов о происхождении людей от лошади и «двуединства» всадника и коня, а не как биологического родства. Так, например, имеются работы в которых исследуются представления о лошади как о существе, «наиболее близком к человеку», вплоть до образа тандема «конь и человек» как равноправных партнеров в традиционной культуре (например, у хакасов) (Бурнаков, 2024), анализируются мифы, где человек прямо выводится от лошади или божественной лошади (у якутов есть сюжет о богатыре — «сыне лошади») (Филиппова, 2012), описываются представления о том, что конь и всадник имеют «одну судьбу, одну родину», как у якутов-кочевников, где человек и лошадь мыслятся почти как единое существо (Ушницкий, 2017). Соответственно, в контексте такого рода работ подход В. Пээмот выглядит необычным и оригинальным.

[1] Опарин Д. «Репрессированный конь»: тувинская исследовательница — о лошадях, границах и памяти о советском прошлом [Электронный ресурс] // Perito. 2024, 10 июня. URL: https://perito.media/posts/repressirovannyi-kon-tuvinskaya-issledovatelnitsa-o-loshadyakh-granitsakh-i-pamyati-o-sovetskom-proshlom (дата обращения: 10.12.2025).

К тому же, применение мультивидового подхода требует определенных научно-исследовательских усилий. Если ранее этнограф опрашивал людей об их хозяйстве, обрядах, то теперь необходимо наблюдать и описывать взаимодействия людей и животных, учитывать «голос» последних. На практике это означает интенсификацию включенного наблюдения, увеличение продолжительности пребывания в сообществе (включая животных), привлечение методов этологии и (или) экологии для корректной интерпретации поведения животных. Полагаем, что для российских этнографов применение подобного мультивидового подхода может вызывать трудности. Также встает вопрос языка описания полученных данных. Устоявшийся в этнографических исследованиях научный стиль недостаточно точно может передавать особенности агентности животных. Именно этим можно объяснить тот факт, что в подобного рода исследованиях на Западе появляются элементы нарратива, сторителлинга, описания конкретных историй взаимодействия (как это мастерски делает В. Пээмот, рассказывая историю подаренного на свадьбе жеребца). Нахождение адекватной методологии и исследовательского языка позволят вписать животное в повествование без утраты научности.

Категория «чер төрел» и социальность ландшафта

Одним из наиболее значимых теоретических и эмпирических аспектов книги В. Пээмот является введение в широкий академический оборот тувинского понятия *чер төрел*, которое можно перевести как «земное родство» или «родственные узы с ландшафтом». Автор указывает, что «тувинская концепция *чер төрел* признает социальную одушевленность ландшафтов, рассматривая их, во-первых, как чувствующих существ, во-вторых, — как родню, и в-третьих — как связующее звено между человеком и нечеловеческими существами» (Peemot, 2024: 8). Далее исследовательница с теоретико-прикладных позиций подробно раскрывает эту категорию, убедительно показывая, что для тувинцев и их соседей по Алтаю и Саянам земля не является пассивным пространством или ресурсом, а напротив, выступает субъектом социальных и родственных отношений. В книге неоднократно подчеркивается, что тувинцы воспринимают горы, реки и пастбища одушевленными участниками жизни рода. Например, родовые предания часто связывают происхождение конкретных семей с определенной горой или рекой, а шаманские практики обращаются к духам местности как к предкам или защитникам. Таким образом, ландшафт становится не только местом проживания, но и «родственником», чья забота и гнев напрямую влияют на судьбу человека и общины.

Традиционно, в отечественной этнографии внимание к сакральным аспектам ландшафта было значительным. Так, «в культе воды, гор и леса алтайско-саянских турок нашли отражение две последовательные стадии религиозного развития — анимативзм и анимизм: горы и реки рассматриваются как живые, волеспособные существа и наряду с этим духи гор и рек действуют и вступают в определенные взаимоотношения с людьми, не теряя своей связи с горой и рекой» (Дыренкова, 2012: 133). С. И. Вайнштейн в монографии «Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки» неоднократно указывал на сакральность гор. Так, охотник, обращаясь к духам «хозяевам места» с мольбой об удаче на промысле, произносил: Моя сторона, высокие горы! / Плохое отстраняйте, хорошее приближайте, помилуйте, / Подарите зверей, белок, мои владыки! (Вайнштейн, 1961: 173). Ярким репрезентантом поклонения ландшафту выступает важный летний праздник, связанный с культом священных гор *оваа дагыыр*. Это праздник не только освящения высоких гор, но и обновления растительной и животной природы. Праздник сопровождался также молением о благополучии стока. Возле священной горы разжигали костер, «угощая» духов, бросали в *оваа*, состоявшие из сложенных на горе каменных возвышений, новые камни, кусочки ткани, конские волосы. Люди обходили святилище по кругу, по движению солнца, произнося добрые пожелания, пели песни. Затем они расплескивали араку, бросали кусочки пищи, кланялись всем сторонам света, благословляя духов-покровителей (Тюркские народы … , 2008: 124).

Тем не менее, отечественная наука чаще трактовала эти феномены через призму символической антропологии или религиоведения, понимая ландшафт как объект поклонения, как часть ритуальной системы. В. Пээмот демонстрирует принципиально иной взгляд на соответствующие взаимодействия человека и природы, настаивая на том, что ландшафт включен в систему социальных отношений наравне с людьми и животными, является реальной категорией родства. При этом исследовательница убедительно доказывает, что тувинский концепт *чер төрел* является локальной формой анимистической онтологии, где земля неразрывно связана с родом, тем самым расширяя предметное поле «мультивидовой антропологии».

В начале параграфа «Чер төрел: родство через общую родину» автор отмечает, что:

> «несмотря на социалистическую политику, направленную на разрушение родовых связей, кочевые роды сохраняли чувство принадлежности к своим исконным землям. Некоторые из них подверглись переселению в связи с демаркацией границ между Тувой и Монголией в 1930-е гг. или из-за затопления земель в районе реки Улуг-Хем (Енисей) при строительстве Саяно-Шушенской ГЭС в 1980-х гг. Антрополог Каролин Хамфри, проводившая полевые исследования в Туве в конце советского периода, отмечала устойчивость родовых связей с землей и называла сельские сообщества Тувы “патрилинейными локализованными родами”» (Peemot, 2024: 24).

В этой связи хотелось бы отметить некоторую аналитическую диспропорцию. Автор успешно конституируя на страницах монографии концепцию *чер төрел* (Peemot, 2024: 8–11, 13, 19, 124) практически не обращается к рассмотрению явлений и процессов которые трансформировали и (или) нарушали устоявшиеся механизмы родства с землей. Речь идет о коллективизации, административном перераспределении территорий и политических репрессиях, которые упоминаются в книге лишь фрагментарно и не получают систематического анализа как факторы, трансформировавшие и (или) нарушавшие механизмы родства с землей. В результате указанная концепция предстает перед читателем преимущественно как длительно существующий и воспроизводимый феномен, тогда как его динамика под воздействием государственно-институциональных вмешательств остается в значительной степени нераскрытой. Это не умаляет значимости книги, но полагаем, что обращение к соответствующим историческим моментам позволило бы глубже раскрыть не только устойчивость, но и уязвимость форм родства с землей.

В данном тематическом контексте имеются значимые работы современного тувиноведения, в которых анализируется концепт *чер* ‘земля’ в тувинских пословицах и поговорках как древнейший элемент языковой картины мира, раскрывающий представления о земле как о матери, кормилице и источнике жизни, а также как о пространстве родства человека и природы (Сувандии, 2023), исследуются современные представления тувинцев о земле как о «своем» пространстве, связанном с жизненным циклом человека (место рождения, проживания и погребения) и сохраняющем статус священной родовой территории несмотря на социальные изменения (Майны, 2023). В других работах рассматривается отражение отношения к земле в художественной литературе XX–XXI вв., где выделяются мотивы сакральной связи человека с родиной, трагедии утраты родных земель и трансформации ценностей в условиях модернизации и миграции (Кужугет, 2023). Также анализируются образы родной земли в музыкально-песенной культуре тувинцев, где она предстает как одушевленный хранитель, кормилец и собеседник человека, а изменения образа отражают исторические эпохи от локальной родовой территории до советской «большой родины» и вновь к этнически осмысленной Туве в постсоветское время (Санчай, 2023).

В совокупности эти исследования показывают, что земля в тувинской культуре выступает ключевым интегральным концептом, объединяющим языковые, социальные, художественные и музыкальные формы выражения и осмысляемым как сакральная основа существования тувинского народа. Закономерным образом, все эти работы вошли в коллективную монографию «Тува: Родная земля» (Тува: Родная … , 2023), развивающую тезаурусный подход к анализу тувинской этнической культуры, что свидетельствует о высоком уровне методологической рефлексии и междисциплинарности современных исследований. Более того, это показывает, что российская гуманитарная наука в целом и тувиноведение в частности не только активно воспринимают новейшие теоретические направления мировой этнографии и антропологии, но и адаптируют их к собственному эмпирическому материалу. Тем самым тувиноведение в очередной раз демонстрирует способность развиваться в русле актуальных научных подходов, не отставая от международной повестки и одновременно сохраняя методологическую автономию.

Концепция «ответственного гостевания» (аалдаар)

Одной из методологических новаций рецензируемой монографии является концепция «ответственного гостевания» (*аалдаар*), которая рассматривается как основа для проведения этнографического исследования. Автор утверждает, что исследователь, находящийся в поле, никогда не может быть «нейтральным наблюдателем», так как он всегда включен в сеть отношений, определяемых местными культурными нормами, этическими ожиданиями и категориями гостеприимства.

В тувинской культуре гостеприимство занимает центральное место. Прием гостя рассматривается не как частный акт, а как трансляция родовой и культурной идентичности. Гость, в свою очередь, обязан проявлять уважение к хозяевам, их земле, животным и духам. Указанную культурную логику В. Пээмот трансформирует в исследовательский принцип, фиксируя, что антрополог в поле прежде всего «гость» и его задача состоит не только в сборе данных, но и в поддержании гармонии отношений:

> «Я развиваю понимание гостевания (*аалдаар*), — пишет автор, — и предлагаю рассматривать его как теоретическую концепцию, позволяющую анализировать нормативные регуляции отношений в основанных на земле системах родства между людьми и нечеловеческими сущностями (*чер төрел*). Я предполагаю, что исследователь неизбежно участвует в этих отношениях *чер төрел* и следует их правилам. В этом смысле *аалдаар* — это ответственный обмен знаниями между гостем/исследователем и хозяевами — человеческими и нечеловеческими сообществами Саян и Алтая» (Peemot, 2024: 14; курсивы источника. — *Авт.*).

В отечественной этнографии включенное наблюдение традиционно рассматривалось как один из ключевых полевых методов, направленных на достижение объективности исследования путем непосредственного и длительного погружения исследователя в изучаемое сообщество. Целью было получение эмпирических данных «изнутри», что считалось гарантией полноты и достоверности сведений о быте и культуре народа (Уварова, 2020: 162). Этнографы вели полевые дневники, подробно фиксируя ритуалы, хозяйственные практики, устные рассказы, но при этом стремились минимизировать собственное влияние на соответствующий исследовательский участок (Громов, 1966; Жданко, Крупянская, Терентьева, 1956; Иохельсон, 2023). Даже в постсоветский период, когда стали активно использоваться методы биографических интервью и «этнографического участия», сохранялась установка на документальность в целях сохранения аутентичности информации, полученной от информанта, и предоставления возможности другим исследователям верифицировать данные или использовать их в своих целях.

В. Пээмот, напротив, исходит из того, что исследователь всегда присутствует в поле и не должен оставаться «невидимым». Именно в связи с включенностью во взаимоотношения ученому следует сознательно выстраивать свое поведение как гостю, т. е. быть благодарным, ответственным, признающим субъектность не только людей, но и животных, духов, ландшафта. Автор рецензируемой монографии так описывает свое прибытие в Туву с позиций «ответственного гостевания»:

> «Перед полевой работой я подготовила и приобрела обязательные гостевые дары. Когда мы с моими спутниками прибыли в сезонный стан семьи кочевников, мы припарковали нашу машину на некотором отдалении от юрты, в пределах территории, границы которой не были обозначены. Мы ожидали возле машины, пока хозяева выйдут, успокоят собак и пригласят нас в свою юрту. Оказавшись внутри, мы переместились в западную часть жилища, которая традиционно считается доменом хозяина-мужчины. Эта зона также отводится для приема гостей. Особое приглашение хозяев позволило нам пройти дальше, в северную часть *(дөр)*, куда допускаются наиболее уважаемые гости. За чаем с угощениями мы вели непринужденную беседу. После этого мы озвучили цель нашего визита и получили согласие хозяев помочь нам. В этот момент мы вручили хозяевам наши гостевые дары» (Peemot, 2024: 13).

Здесь стоит отметить, что такой подход тесно связан с автоэтнографической позицией самой исследовательницы, поскольку, как мы отмечали выше, она сама является частью тувинского сообщества, родословные связи определяют ее статус и возможности доступа к полю. В книге она неоднократно рассказывает о собственном опыте участия в обрядах, о том, как ее воспринимают родственники и соседи, и как это влияет на исследовательскую работу.

Очевидно, что подход, предложенный В. Пээмот, открывает новые методологические горизонты для этнографических исследований, предлагая альтернативу классической модели включенного наблюдения, которая традиционно ориентирована на документальность и принципиальную отделенность исследователя от изучаемой среды. Центральное место в этом подходе занимает концепция *аалдаар,* разработанная автором на основе тувинских представлений о бытийной регуляции отношений между людьми, животными и ландшафтами. Данная концепция позволяет увидеть внутреннюю этическую логику включенности, в рамках которой оказывается любой исследователь, вступающий в контакты с полевым сообществом. Прежде всего, подход Пээмот базируется на ее позиции как «внутреннего» исследователя, находящегося в системе родства и признанного участника

локальных отношений. Именно эта позиция обеспечивает доступ к «закрытым» практикам и возможность интерпретировать события «изнутри». В то время как исследовательские ориентиры отечественной этнографии на протяжении десятилетий были направлены на выстраивание дистанции между исследователем и полевой реальностью, полагая ее условием научной объективности и воспроизводимости данных, для В. Пээмот включенность является не только отправной точкой исследования, но и этическим обязательством. Это обязательство требует от ученого разделять ответственность перед человеческими и нечеловеческими участниками отношений, уважать правила гостевания, признавать субъектность лошадей, духов-хозяев и самой земли. Такая система координат позволяет зафиксировать аспекты, которые неизбежно могут ускользать от «внешнего» наблюдателя (например, «тонкие» аспекты повседневности, формы невербализованного знания, внутренние регулятивы поведения и динамика взаимоотношений внутри многовидовой общности).

Важно подчеркнуть, что предложенная В. Пээмот концепция «ответственного гостевания» (*аалдаар*), несмотря на свою теоретическую новизну в западной антропологической традиции, в контексте современного российского тувиноведения не выглядит принципиально уникальной, поскольку сходные методологические установки уже были артикулированы в работах исследователей-инсайдеров, анализирующих культуру «изнутри».

Так, в монографии уже упомянутого выше коллектива авторов «Тувинцы: Родные люди» (Тувинцы: Родные … , 2022) прямо заявлена субъектная позиция авторов, изучающих собственную культуру как «свою», родственную и жизненно переживаемую реальность, а не внешний объект наблюдения. При этом источниками знания выступают не только классические полевые материалы, но и личный опыт, рефлексия, беседы с родственниками и участие в повседневных практиках, что принципиально сближает данный подход с автоэтнографией и этикой включенности. Авторы подчеркивают, что исследователь, принадлежащий культуре, осознаёт себя частью изучаемых отношений и несет ответственность перед своей общиной, поскольку исследование важно не только для науки, но и «для него самого и для его земляков, соплеменников, людей его культуры» (там же: 5). Аналогичные идеи развиваются и в вышеупомянутой работе «Тува: Родная земля» (Тува: Родная … , 2023), где отдельный параграф посвящен феномену «ученых-инсайдеров» и культурной рефлексии как особой формы научного знания, основанного на принадлежности к исследуемому миру. Также в указанных монографиях поднимаются вопросы этики, идентичности, ответственности и невозможности полной дистанции между исследователем и полем, поскольку сама позиция «своего» предполагает участие в системе родственных, территориальных и духовных связей. Таким образом, подход В. Пээмот оказывается созвучным существующей традиции отечественного тувиноведения, ориентированной на изучение культуры через категории родства, дома, земли и коллективной памяти.

Тем не менее, нельзя не отдать должного исследователю в том, что она приходит к сходным выводам о неизбежной включенности и ответственности ученого, необходимости этического поведения в поле и признании субъектности человеческих и нечеловеческих участников культурного мира. Это свидетельствует о конвергенции современных западных и российских антропологических подходов вокруг идеи ответственной, рефлексивной науки, в которой исследователь выступает участником сложной сети отношений.

При этом, нельзя забывать и о возможных гносеологических рисках. В частности, речь идет об опасности чрезмерной субъективизации материала. Личный опыт, включенность в родственные структуры и эмоциональная сопричастность могут приводить к некоторым деформациям объективности исследования. В монографии, например, сравнительно мало внимания уделено таким конфликтным сюжетам как напряжение вокруг пастбищных ресурсов, конкуренция линий родства, локальные экологические кризисы. Можно предположить, что установка на поддержание гармонии и соблюдение «кодекса» гостевания ограничивает исследовательницу в возможности раскрывать конфликтные зоны, поскольку их артикуляция может нарушить баланс отношений с сообществом.

Одновременно остается открытым вопрос о границах применимости концепции «ответственного гостевания». Может ли исследователь, являющийся частью изучаемого сообщества, осуществлять критический анализ ее практик? Как избежать романтизации традиции и умолчания о ее противоречиях? Как совместить требования академической объективности с этикой «ответственного гостя»? Эти вопросы носят дискуссионный характер и не снижают ценности подхода Пээмот, но указывают на необходимость его дальнейшего обсуждения и соответствующей адаптации.

Заключение

Прочтение монографии убедительно демонстрирует продуктивность мультивидового поворота, ориентированного на глубинный анализ устойчивого родственного взаимодействия между человеком и животным, основанного на совместной субъектности. Ключевые подходы, рассмотренные нами в настоящей рецензии, выступают как модель включенности нечеловеческих субъектов в систему социального и родственного бытия кочевых народов, а также демонстрируют включенность самого исследователя в эту локальную этическую систему через принцип «ответственного гостевания». Указанная модель позволяет выйти за рамки традиционного антропоцентризма, характерного для советской и постсоветской этнографии, который строго разграничивал человеческие отношения и символические проекции на нечеловеческие сущности.

Через концепт *чер төрел* в качестве реальной категории родства, связывающей человека и ландшафт, тувинская культура раскрывается как локальная форма анимистической онтологии, расширяя тем самым предметное поле «антропологии больше-чем-человеческого». Методологическое осмысление *аалдаар* как этического принципа полевой работы требует от исследователя сознательной ответственности перед всем многовидовым сообществом и ведет к переосмыслению традиционных исследовательских установок.

Полагаем, что монография В. Пээмот задает высокий стандарт интерпретации многовидовой социально-культурной реальности тувинского сообщества и актуализирует необходимость разработки адекватного исследовательского языка и методологии для отечественных этнографов, содействуя системному преодолению устаревших подходов, мешающих признанию агентности нечеловеческих субъектов. Рассмотренное исследование является значимой работой для дальнейшей дискуссии в российской антропологии о нечеловеческой субъектности и этике полевой работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алтай. Жемчужина и сердце Евразии (2010) / сост. С. М. Бурыгин. М. : Вече. 288 с.

Бурнаков, В. А. (2024) Образ «конь — человек» в традиционном мировоззрении хакасов (конец XIX–XX век) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 2 (44). С. 84–93.

Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки. М. : Издательство восточной литературы. 218 с.

Вайнштейн, С. И. (1972) Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М. : Наука. 314 с.

Громов, Г. Г. (1966) Методика этнографических экспедиций. М. : МГУ. 107 с.

Даржа, В. К. (2014) Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 154 с.

Дыренкова, Н. П. (2012) Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб. : МАЭ РАН. 408 с.

Жданко, Т. А., Крупянская, Б. Ю., Терентьева, Л. Н. (1956) Об организации и методике полевых этнографических исследований // Советская этнография. № 3. С. 25–34.

Иохельсон, В. И. (2023) Полевые дневники из Сибиряковской (Якутской) экспедиции. М. : Наука — Восточная литература. 214 с.

Кужугет Ш. Ю. (2023) Отношение тувинцев к земле в тувинской литературе XX–XXI вв. // Новые исследования Тувы. № 1. С. 64–79. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4

Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. СПб. : Алетейя. 368 с.

Ламажаа, Ч. К., Сувандии, Н. Д., Монгуш, А. В. (2023) Святое в тувинской культуре: прошлое и современность // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–241. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14

Майны Ш. Б. (2023) Представления о *чер* ‘земле’ современных тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 38–63. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3

Потапов, Л. П. (1953) Очерки по истории алтайцев. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР. 444 с.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Санчай, Ч. Х. (2023) Образы родной земли в музыкально-песенной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 80–109. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5

Сувандии Н. Д. (2023) *Чер* ‘земля’ в паремиях тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–37. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2

Тува: Родная земля (2023) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Санкт-Петербург : Нестор-История. 340 с.

Тувинцы: Родные люди (2022) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Тюркские народы Восточной Сибири (2008) / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Алексеев. М. : Наука. 422 с.

Уварова, Т. Б. (2020) Из истории российской этнологии: исследователи, проекты, методы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. № 3. С. 160–173.

Ушницкий, В. В. (2017) Северные номады: взаимодействие человека и лошади в якутской культуре // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 19. С. 172–183.

Филиппова, В. В. (2012) Образ коня в фольклоре и традиционной культуре якутов // Дискуссия. № 2. С. 33–35.

Форум: Люди и другие живые существа (2024) // Антропологический форум. № 62. С. 11–224. DOI: https://doi.org/10.31250/1815887020242062112245

Этнография народов Алтая и Западной Сибири (1978) : сборник статей / отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние. 222 с.

Haraway, D. J. (2008) When species meet. Minneapolis, MN. : University of Minnesota Press. 423 p.

Ingold, T. (2000) The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. London ; New York : Routledge. 485 p.

Peemot, V. S. (2024) The Horse in My Blood: Multispecies Kinship in the Altai and Saian Mountains. New York & Oxford : Berghahn Books. 210 p. DOI: https://doi.org/10.3167/9781805392958

Rasiulis, N. (2025) Review of The Horse in My Blood: Multispecies Kinship in the Altai and Sayan Mountains by V. Soyan Peemot // Sibirica. Vol. 24(2). P. 100–101.

Дата поступления: 17.12.2025 г.
Дата принятия: 13.03.2026 г.

REFERENCES

Altai. The Pearl and Heart of Eurasia (2010) / comp. S. M. Burygin. Moscow, Veche. 288 p. (In Russ.)

Burnakov, V. A. (2024) The image of the “horse–human” in the traditional worldview of the Khakas people (late 19th-20th century), *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies*, no. 2 (44), pp. 84–93. (In Russ.)

Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvans-Todzhans: Historical and ethnographic essays*. Moscow, Publishing House of Oriental Literature. 218 p. (In Russ.)

Vainshtein, S. I. (1972) *Historical ethnography of the Tuvans: Problems of nomadic economy*. Moscow, Nauka, 314 p. (In Russ.)

Gromov, G. G. (1966) *Methods of ethnographic expeditions*. Moscow, Moscow State University. 107 p. (In Russ.)

Darzha, V. K. (2014) *The horse in the traditional practice of Tuvan nomads*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 154 p. (In Russ.)

Dyrenkova, N. P. (2012) *The Turks of the Sayan-Altai. Articles and ethnographic materials.* Saint Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography RAS. 408 p. (In Russ.)

Zhdanko, T. A., Krupyanskaya, B. Yu. and Terentyeva, L. N. (1956) On the organization and methods of field ethnographic research. *Sovetskaya etnografiya*, no. 3, pp. 25–34. (In Russ.)

Iokhelson, V. I. (2023) *Field diaries from the Sibiryakov (Yakut) expedition*. Moscow, Nauka – Vostochnaia literature. 214 p. (In Russ.)

Kuzhuget, Sh. Yu. (2023) The Tuvans’ attitude to land in Tuvan literature of the 20th–21st centuries. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 64–79. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva between the past and the future*. Saint Petersburg, Aleteiia. 368 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D. and Mongush, A. V. (2023) The sacred in Tuvan culture: past and present. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 220–241. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14

Mainy, Sh. B. (2023) Conceptions of cher ‘land’ among contemporary Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 38–63. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3

Potapov, L. P. (1953) *Essays on the history of the Altai people*. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 444 p. (In Russ.)

Potapov, L. P. (1969) *Essays on the traditional life of the Tuvans*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.)

Sanchai, Ch. Kh. (2023) Images of native land in the musical and song culture of the Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 80–109. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5

Suvandii, N. D. (2023) *Cher* 'land' in Tuvan paremias. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2

Tuva: Native land (2023) / eds by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Saint Petersburg, Nestor-Istoriia, 340 p. (In Russ.)

Tuvans: Native people (2022) / eds by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Saint Petersburg, Nestor-Istoriia, 344 p. (In Russ.)

Turkic peoples of Eastern Siberia (2008) / eds by D. A. Funk and N. A. Alekseev. Moscow, Nauka. 422 p. (In Russ.)

Uvarova, T. B. (2020) From the history of Russian ethnology: researchers, projects, methods. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istoriya*, no. 3, pp. 160–173. (In Russ.)

Ushnitskii, V. V. (2017) Northern nomads: interaction between humans and horses in Yakut culture. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia*, vol. 19, pp. 172–183. (In Russ.)

Filippova, V. V. (2012) The image of the horse in the folklore and traditional culture of the Yakuts. *Diskussiia*, no. 2, pp. 33–35. (In Russ.)

Forum: Humans and other living beings (2024). *Antropologicheskii forum*, no. 62, pp. 11–224. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.31250/1815887020242062112224

Ethnography of the peoples of Altai and Western Siberia (1978): collection of articles / ed. by A. P. Okladnikov. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. 222 p. (In Russ.)

Haraway, D. J. (2008) *When species meet*. Minneapolis, MN., University of Minnesota Press. 423 p.

Ingold, T. (2000) *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London; New York, Routledge. 485 p.

Peemot, V. S. (2024) *The Horse in My Blood: Multispecies Kinship in the Altai and Saian Mountains*. New York & Oxford, Berghahn Books. 210 p. DOI: https://doi.org/10.3167/9781805392958

Rasiulis, N. (2025) Review of The Horse in My Blood: Multispecies Kinship in the Altai and Sayan Mountains by V. Soyan Peemot. *Sibirica*, vol. 24(2), pp. 100–101.

Submission date: 17.12.2025.
Acceptance date: 13.03.2026.

DOI: 10.25178/nit.2026.2.21

Рецензия

Истоки этничности тувинцев и формирования тувинского языка в синтезирующей концепции Ч. М. Доржу

Жансеит К. Туймебаев
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан,
Улданай М. Бахтикиреева
Российский университет дружбы народов; Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Российская Федерация,
Жибек С. Сыздыкова
Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация

Статья представляет собой читательскую рефлексию в отношении прочитанного монографического труда Ч. М. Доржу «История формирования тувинского языка (сравнительно-историческое исследование)» (2025).

Авторы статьи, солидаризируясь с коллективом издателей, считают, что впервые в научный оборот введено исследование, посвященное изучению этногенеза тувинцев и истории становления тувинского языка в неразрывном единстве. Учет различных экстралингвистических факторов и критериев и обширная аналитика фактологического языкового материала, позволяет расценивать проведенное Ч. М. Доржу исследование как новую синтезирующую концепцию в науке. Предложенная ученым периодизация — условное деление истории формирования тувинского языка на конкретные хронологические периоды — может рассматриваться и как периодизация становления тувинской этничности.

Основное внимание уделено осмыслению деконструкции ученым устойчивого в науке и социуме стереотипа об этногенезе и «младописьменности» тувинского народа и предложенной им периодизации истории формирования тувинского языка. Также осуществлена попытка установить корреляцию идей автора с идеями других ученых, работы которых по объективным причинам отсутствуют в библиографии монографии, и таким образом верифицировать его выводы.

Ключевые слова: *тувинцы; этничность; этнос; тувинский язык; деконструкция; этнолингвистическая концепция; Чургуй-оол Михайлович Доржу*

Для цитирования:
Туймебаев Ж. К., Бахтикиреева У. М., Сыздыкова Ж. С. Истоки этничности тувинцев и формирования тувинского языка в синтезирующей концепции Ч. М. Доржу // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 332-345. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.21

Туймебаев Жансеит Кансеитович — доктор филологических наук, профессор, ректор Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, 050000, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: turkology.ri@gmail.com

Бахтикиреева Улданай Максутовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Отдела литератур народов России и ближнего зарубежья Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН. Адреса: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А;125069, Москва, ул. Поварская, д. 25а. Эл. адрес: uldanai@mail.ru

Сыздыкова Жибек Сапарбековна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Экология культуры Востока» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: Россия, 103009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11. Эл. адрес: ссса-iaas@yandex.ru

Review

The Origins of Tuvan Ethnicity and the Formation of the Tuvan Language in the Synthesizing Concept of Churguy-ool M. Dorzhu

Zhanseit K. Tuimebayev
Farabi University, Republic of Kazakhstan,
Uldanay M. Bakhtikireeva
RUDN University of Russia; A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,
Zhibek S. Syzdykova
Institute of Asian and African Studies, Lomonosov State University, Russian Federation

This article presents a reflection on the monographic study by Churguy-ool M. Dorzhu "The History of the Formation of the Tuvan Language (A Comparative-Historical Study)" (2025).

Aligning with the position of the publishing team, the authors argue that this work, for the first time in scholarly discourse, introduces a study that examines the ethnogenesis of the Tuvan people and the history of the formation of the Tuvan language in their inseparable unity. The consideration of various extralinguistic factors and criteria, together with extensive analysis of empirical linguistic data, allows Dorzhu's research to be regarded as a new synthesizing concept in the field. The periodization proposed by the scholar — defined as a conditional division of the history of the Tuvan language into specific chronological stages—may also be interpreted as a periodization of the formation of Tuvan ethnicity.

The article focuses primarily on interpreting the author's deconstruction of the entrenched stereotype, present both in academia and in public discourse, concerning the ethnogenesis and the "recently developed written tradition" of the Tuvan people, as well as on his proposed periodization of the history of the Tuvan language. An attempt is also made to establish correlations between the author's ideas and those of other scholars whose works are absent from the monograph's bibliography for objective reasons, thereby providing a form of verification of his conclusions.

Keywords: *Tuvans; ethnicity; ethnos; Tuvan language; deconstruction; ethnolinguistic concept; Churguy-ool Mikhailovich Dorzhu*

For citation:
Tuimebayev Zh. K., Bakhtikireeva U. M., Syzdykova Zh. S. The Origins of Tuvan Ethnicity and the Formation of the Tuvan Language in the Synthesizing Concept of Churguy-ool M. Dorzhu. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 332-345. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.21

TUIMEBAYEV, Zhanseit Kanseitovich, Doctor of Philology, Professor, Rector, Farabi University. Postal address: 71 Al-Farabi Ave., 050000, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: turkology.ri@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5495-1686

BAKHTIKIREEVA, Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University; Leading Researcher, Department of Literature of Russia's Ethnicities and the CIS Countries, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences in Moscow. Postal addresses: 10F Miklukho-Maklaya St., 117198, Russia, Moscow; 25a Povarskaya St., 121069, Russia, Moscow. E-mail: uldanai@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5088-7568

SYZDYKOVA, Zhibek Saparbekovna, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Ecology of Oriental Culture Research Laboratory, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov State University. Postal address: 11 Mokhovaya St., Moscow, 103009, Russia. E-mail: ccca-iaas@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7261-7371

Введение

Научное издание «История формирования тувинского языка (сравнительно-историческое исследование)» (*фото 1*) тувинского ученого — Чургуй-оола Михайловича Доржу (1949–2018), ученика и последователя идей широко известного тюрколога и монголоведа Э. Р. Тенишева (1921–2004), было опубликовано в 2025 г. (Доржу, 2025) его коллегами — сотрудниками Тувинского института гуманитарных и прикладных исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ), Национального музея им. Алдан-Маадыра Республики Тыва и Академии народных традиций Республики Тыва. Как отмечалось в информационном сообщении ТИГПИ, для них «выпустить в свет результаты фундаментального исследования Чургуй-оола Михайловича, ушедшего из жизни в 2018 году, стало важной данью памяти выдающегося ученого и лингвиста, внесшего значительный вклад в изучение родного языка и культуры Тувы»[1].

В «Предисловии к изданию» авторитетный тувинский ученый К. А. Бичелдей от имени соратников Ч. М. Доржу по науке, подготовивших рукопись к печати (Б. Ч. Ооржак — председатель, М. В. Бавуу-Сюрюн, Л. С. Мижит, К.-М. А. Симчит, О. М. Саая, Б. Бадарч, У. П. Бичелдей, Н. М. Очур, Ч. Ч. Норбу, Д. Ш. Кертик-оол, А. Б. Майынды), подчеркнул их принципиальную установку — «не вносить концептуальных и простых смысловых правок даже в том случае, если автор монографии в разных частях работы излагает противоречивые выводы и суждения» (Бичелдей, 2025: 8). Как отмечается там же, последний вариант рукописей Ч. М. Доржу, положенный в основу издания, демонстрирует и внушительность объема проработанной им научной литературы, и «высокий и строго академический уровень проведённых автором исследований по истории формирования тувинского языка в русле советского, российского языкознания и в соответствии с традициями мировой и российской тюркологии» (там же).

Фото 1. Обложка монографии Чургуй-оола Доржу «История формирования тувинского языка (сравнительно-историческое исследование)» (2025)
Photo 1. Cover of Churguy-ool Dorzhu's monograph "The history of the formation of the Tuvan language (comparative historical research)" (2025)

Изучение этой монографии подвигает нас солидаризироваться с коллегами. Проблемное поле «формирования тувинского языка в тесной увязке с историей Тувы и тувинского этноса» (там же: 9) *впервые* стало предметом отдельного исследования. Признавая факт его появления в научном обороте, отметим, что структурно оно составлено традиционно (введение, 5 глав, заключение, библиография). Однако форма иерархической, линейной логики научного дискурса, в которой представлена монография, *компенсируется концептуально новаторским содержанием*. Начиная с Введения (Доржу, 2025: 12–19), автор исследования приступает к деконструкции нарратива о «не слишком древнем» формировании тувинцев как этноса (там же: 12–13), а в первой главе «Проблемы этнической истории тувинцев и истоки формирования языка» обосновывает собственную позицию в отношении становления этничности тувинцев (там же: 15–65). На основе анализа исторических, лингвистических, археологических, этнографических и иных источников во второй главе «Тувинский язык в генеалогической классификации тюркских языков», ученый выдвигает авторскую периодизацию истории становления тувинского языка (там же: 66-90), которая получила свою доказательную аргументацию в трех последующих главах (там же: 68–198). Язык изложения прозрачен, выражение заложенных смыслов ясно сформулированы, итоги размышлений отчетливо

[1] В Туве прошла презентация монографии Чургуй-оола Доржу «История формирования тувинского языка (сравнительно-историческое исследование)» [Электронный ресурс] // Тува.Азия. 2026, 6 февраля. URL: https://www.tuva.asia/news/tuva/9592-dorzhu.html (дата обращения: 10.02.2026).

прописаны в выводах после каждой главы (там же: 64–65; 89–90; 120; 168–170). Основные результаты обобщены в Заключении (там же: 199–209). Знакомство со Списком использованной литературы (там же: 210-231) свидетельствует об исследовательском маршруте Ч. М. Доржу: 308 источников на русском языке, включая различные словари, 22 — на иных языках, 3 источника — архивные материалы из рукописных фондов ТНИИЯЛИ и ТИГИ[1], а также из Архива Института востоковедения Российской академии наук. Безоговорочно соглашаясь с мнением редколлегии о солидности объема использованных работ, заметим, что в нем по понятным причинам отсутствуют труды ученых, идеи которых, как мы полагаем, тесно коррелируют с идеями Ч. М. Доржу и увеличивают степень достоверности полученных им результатов.

К несомненным достоинствам издания относим снабжение книги «Библиографией трудов Ч. М. Доржу» (там же: 232–237). В неё включены как отдельные труды ученого (5), так и его работы в коллективных изданиях (4), публикации в научных сборниках и журналах (58), на иностранных языках (4), а также 28 стихотворений, 5 переводов на тувинский и с тувинского (для нас отрадно, что среди них 2 переведенных произведения казахских классиков М. Магауина и О. Бокеева), газетные публикации на русском (6), на тувинском (11), редактирование, рецензирование (41). В Приложении представлена библиография публикаций об ученом (43), видеоматериалы (2) (там же: 232–259). Визуальное восприятие Чургуй-оола Михайловича Доржу посредством фотографии дополняет образ автора. Такое системно представленное научно-творческое наследие ученого формирует в нашем сознании образ человека, к которому с полным правом применима казахская пословица: *Сегіз қырлы — бір сырлы* ‘Многогранно, разносторонне талантливая личность’.

Вместе с тем, в «Предисловии к изданию» четко обозначена перспектива «научных споров и дискуссий как общетеоретического ракурса, так и по отдельным концептуальным выводам и заключениям автора» (Бичелдей, 2025: 8–9). Вне сомнений, любое новое исследование требует верификации — установления истинности, витальности / жизнеспособности предложенных утверждений. Тем более, если, при допущении «противоречивых выводов и суждений», оно позиционируется «несомненно новым и весьма смелым вкладом в общую теорию исторического языкознания» (там же). В силу преломления получаемой информации через призму собственной интеллектуальной биографии каждый ученый, обладая индивидуальным научным багажом, подвергает рефлексии труды коллег по «цеху» и формирует о них собственное мнение.

Наша рефлексия обусловлена желанием высказать первые размышления, появившиеся после знакомства с монографией Ч. М. Доржу. В этой статье мы будем исходить из того, что исследование этого уникального ученого, прежде всего, «работает» на опровержение устоявшегося в науке и социуме понимания о «младописьменных» народах и их этногенеза и отнюдь далеко не только тувинского. Хотя на первый взгляд может показаться, что новаторство исследователя касается непосредственно истории тувинского этноса, мы хотели бы показать корреляцию идей Ч. М. Доржу с идеями других ученых. Их видения, на наш взгляд, подтверждают как жизнеспособность выводов тувинского ученого в отношении древнетюркского письма и т.н. «младописьменных» языков, так и научную легитимность введенных им положений об этногенезе тувинцев и становлении их языка. Таким образом, наше целеполагание определяется попыткой верифицировать концепцию тувинского ученого.

Деконструкция тезиса о «не слишком древнем формировании тувинцев как этноса»

После краткой общей характеристики этноязыковой ситуации в Туве, автор исследования со второго абзаца начинает деконструкцию нарратива, сформировавшегося в отношении истоков тувинцев и их языка. «При ушедшей общественной системе — социализме, вплоть до начавшихся в 1990-е годы ключевых политических и социально-экономических преобразований, вопросы, касающиеся истории тувинцев и их языка, рассматривались в духе существовавших идеологических воззрений. <…> так как преследовалась цель показать величие и роль торжества социализма в судьбе

[1] Прежние названия ТИГПИ: ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории; ТИГИ — Тувинский институт гуманитарных исследований.

народа», — пишет Ч. М. Доржу (там же: 12). Изучение обширного количества источников убедили ученого в несоответствии утвердившихся взглядов в отношении «трактовки истоков и времени формирования их как этноса, да и по другим актуальным судьбоносным проблемам» (там же: 13).

В процессе работы над темой Ч. М. Доржу обращался к 334 источникам, и в том числе к монографии известного археолога и историка М. Х. Маннай-оола (1933–2018) — первым в тувиноведении представившим «целостное представление о происхождении и формировании древнейшего тувинского народа» (Маннай-оол, 2004). Методологически отталкиваясь от предшествующего опыта отечественных ученых-этнологов, автор монографии обратился к новейшим — к моменту написания своего труда — археологическим, этнографическим, антропологическим и другим материалам, раскрывавшим отдельные аспекты этнической истории тувинцев. «Только всестороннее изучение и сравнительно-исторический анализ имеющихся исторических источников могут обеспечить научно обоснованные решения этого сложного вопроса», — заключает ученый (там же: 6). Однако, признание первенства исследования о происхождении тувинцев за М. Х. Маннай-оолом, отнюдь не отменяет концептуальной разницы между двумя интеллектуалами.

Ч. М. Доржу — первый тувинский ученый, посвятивший свое исследование решению проблемы генезиса тувинской этничности в неразрывном единстве с историей формирования тувинского языка. Прежде всего в этом для нас кроется искомое новаторство. Убежденность Ч. М. Доржу в том, что «многие концептуальные методы и видения в отношении раскрытия данной проблемы требуют индивидуального подхода и решения» (Доржу, 2025: 13), обусловило проведение собственного исследования. Основным импульсом послужила его неудовлетворенность идеологизированным подходом к истории, языку, традиционной культуре тувинцев, культивируемых негласно политикой властей Тувинской Народной Республики (ТНР) (с 1921 г.) и после вступления ТНР в состав СССР (в 1944 г.). Отдавая должное прогрессивным событиям «в истории первого самостоятельного государства тувинцев — Тувинской Народной Республики» (там же: 12) как в плане экономическом, так и социально-бытовом, ученый критикует «чрезмерно однобокий, классовый подход по отдельным фактам», искажавшим «историческую правду» (там же: 12). Этот подход стал почвой для рождения стереотипа в отношении этногенеза тувинцев. Его формирование должно было выглядеть не слишком древним, а до Октябрьских событий, по большей части и «вовсе темным и беспросветным» (там же: 12). Отсюда «ревизия», проводимая Ч. М. Доржу в отношении подобных позиций предшественников, изучавших этно-языковое контактирование, отсюда его стремление к концептуальному описанию многовековых связей прототувинцев с предками самодийцев, кетов, тунгусо-маньчжуров, монголоязычными и другими племенами. Отсюда и актуализация необходимости более тщательного изучения *диалекта, зафиксированного в древне-рунических памятниках, обнаруженных на территории Тувы*. Ученый считает этот *диалект прототувинским источником, сформировавшим тувинский язык* (там же: 13–14).

> «Можно утверждать, — пишет Ч. М. Доржу, — что в рунических памятниках, найденных на территории Тувы, зафиксирован тот древнетувинский диалект, ставший впоследствии основой тувинского языка. По-видимому, к концу телеского или огузо-тюкюйского времени древнетувинский диалект, претендующий на опорный, в основном оформился как достаточно самостоятельный диалект, но с преобладающими особенностями языка огузо-уйгурского типа» (там же: 82).

Этот вывод получает свое косвенное подтверждение в работе казахстанского коллеги: «Язык тюркской руники, будучи языком письменно-литературным, складывался на основе близких диалектов древних племён, вошедших ныне в этнический состав многих тюркских народов» (Аманжолов, 2003: 306).

Позиция Ч. М. Доржу концептуально отличается от видения М. Х. Маннай-оола, полагавшего, что «тувинцы до недавнего времени не имели не только письменной истории, историографии, но и собственной письменности. Хотя их предки использовали древнетюркское руническое письмо (VII–XII вв.), а затем старомонгольское» (Маннай-оол, 2004: 6). Этноязыковое развитие как одно из важнейших составляющих этнической консолидации ускорилось, как считает ученый, со времени формирования тувинской национальной письменности (1930 г.), на основе которой создан единый тувинский литературный язык (там же: 143–144). Эта установка прослеживается и в работах других авторов, представителей других дисциплин (напр., Айнабан, Губогло, Козлов, 1999: 96).

Однозначный вердикт, лишающий народ какой бы то ни было «письменной истории и собственной письменности», благодаря исследованию Ч. М. Доржу, становится крайне уязвимым. Ученый убеждает читателя в несостоятельности представления о том, что предшествующие поколения тувинцев с XII вв. «до недавнего времени», а значит — до создания тувинской кириллической графики, семь столетий обходились без какой-либо письменной коммуникации. И не только тувинский, но и другие т. н. «младописьменные» народы вообразить обходившимися без письменности едва ли возможно[1]. Об этом ранее с опорой, в частности, на труды А. С. Аманжолова (1934-2012) писали и мы, обосновывая нерелевантность зафиксированного в академических словарях термина «младописьменный» в отношении тюркских языков и предлагая свой вариант словарной статьи для соответствующих изданий (Бахтикиреева, 2022). Казахстанский тюрколог неоднократно критиковал позицию официальной советской науки в отношении «старо-, младописьменных» языков: «история не знает ни одного народа, каким бы ‘примитивным’, так сказать, он ни был, у которого не было бы письма в какой-либо форме» (Аманжолов, 2003: 16–17).

Подход к осмыслению становления тувинского этноса и языка Ч. М. Доржу коррелирует с позицией А. С. Аманжолова, категорически выступавшего против отнесения и *тувинского*, и ряда других тюркских языков в разряд «младописьменных» (там же: 17). Основываясь на палеографическом анализе древнетюркских рун, казахстанский ученый, как и тувинский коллега, не сомневается в древнейшем зарождении тюркской руники. Для установления истоков письменности, писал А. С. Аманжолов, следует обратить особое внимание на «пиктограммы, идеограммы и другие ранние письменные знаки Казахстана и Южной Сибири, относящиеся к эпохам неолита бронзы и раннего железа (IV-I тысячелетия до н. э.)». Ученый «удревняет» дату сложения рунического алфавита в Южной Сибири и Семиречье и относит её к периоду «не позже середины I тысячелетия до н. э.» (там же: 307–308).

Известный историк, археолог, этнограф И. Л. Кызласов предполагает также вероятность получения в ближайшем будущем знаний о «неведомой пока слоговой письменности Западной Азии конца бронзового века», претерпевшей многоступенчатое развитие. Об этом свидетельствует т. н. «верхнеенисейская письменность, сохранившаяся в тувинском варианте енисейского письма», «стелах народа чиков Тувинской котловины» (Кызласов, 2020: 8). Как и казахстанский тюрколог, российский историк усматривает связь истоков письменной рунической культуры с древней эпохой, которую еще следует реконструировать, в том числе изучая сложение «единой поминальной символики в условиях не ведомой общетюркской прародины» (там же: 10). Надписи тушью курсивными енисейскими начертаниями на скалах и стелах, относимые к известным руническим письменам тюркских народов Южной Сибири, Центральной и Средней Азии и Казахстана, ученый расценивает как свидетельство рукописной культуры:

> «Широкое для средневековья распространение грамотности на Саяно-Алтайском нагорье подтверждается надписями, выполненными людьми разного общественного положения: и титулованными аристократами, и простолюдинами с обыденными именами. Известны надписи, адресованные женщинам. Книжные знания отражены лексическими заимствованиями из сирийского, иранского, согдийского, китайского языков и санскрита» (там же: 10–11).

Распространенность письменной грамотности у далеких предков тюркских народов не подвергается сомнению. Раннесредневековое наследие, запечатленное в известных рунических письменностях азиатского и евроазиатского корня, «осознавалось и сохранялось ими задолго до VIII в., предоставившего нам первые письменные памятники булгар, тюрок, уйгуров, древних хакасов и чиков» (Аманжолов, 2003: 308).

[1] См. к примеру, о письме древних юкагиров, признанных одним из древнейших народов: «Уникальным памятником северного номадизма являются топографические зарисовки местности. … Берестяные “географические карты” и пиктографические зарисовки были средством коммуникации между удаленными друг от друга кочевыми группами и заменяли устные сообщения. Обычно их оставляли на местах стоянок для информирования следом идущих родственников. … Необходимость фиксировать знания и передать их сородичам вызвала появление этих уникальных рисованных памятников северной охотничье-рыболовной культуры. … Функционирование берестяных “карт” и пиктограмм у лесных юкагиров в конце XIX — начале XX в. вызвано кочевым образом жизни, промысловыми потребностями, отсутствием других видов коммуникации в условиях изолированного гомогенного пространства» (Ландшафт и культура … , 2023: 119-121). Особенность юкагирской культуры — пиктографическое письмо на бересте, использовавшееся для промысловых посланий, сообщений о важных событиях в жизни рода, а также для написания девушками любовных посланий (Акимова, 2021: 118).

Идею более древней датировки истории формирования тюркских языков развивает и Ч. М. Доржу, сосредоточившись на деконструкции тезиса о «темном, беспросветном» и в течение семи веков «немом» прошлом тувинцев. Предлагаемый ученым отсчет этногенеза тувинцев и истории их языка разительно отличается от устоявшейся точки зрения. Период XII–XIII вв. не является «начальной точкой отсчета подлинной истории тувинцев и тувинского языка, ибо автор придерживается точки зрения “бесконечной дали” начала такого процесса, как этнические истоки и история народа. Для отправления в эту “бесконечную даль” нужны ориентиры, опирающиеся на данные разных наук» (Доржу, 2025: 27).

Хронология «бесконечной дали»

Интеллектуальное путешествие Ч. М. Доржу в эту «бесконечную даль» происходит с опорой на данные из разных отраслей знания, что естественно обусловило выбор мульти- и трансдисциплинарного подхода к осмыслению объекта и предмета исследования. Синтез предшествующего опыта генетиков, историков и языковедов, изучавших этничность тувинцев и историю их языка, с новыми палеоантропологическими, археологическими, этнологическими материалами приводят его к новаторским выводам и перспективным предположениям. Подход Ч. М. Доржу, по нашему мнению, аналогичен системному подходу к языку И. А. Бодуэна де Куртенэ (1845-1929) — одного из виднейших представителей сравнительно-исторического языкознания, настаивавшего при любой классификации языков «объяснять рассматриваемые факты одновременно как в связи с историей, так и с географией, наконец, с физиологией и психологией и даже с физикой и механикой» (Бодуэн де Куртенэ, 1963: 342). О продуктивности изучения языковых вопросов посредством обращения к результатам, полученным в других науках, пишет и известный специалист в области сравнительно-исторического языкознания народов Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки О. А. Мудрак: «Довольно часто привлечение внешних, внеязыковых исторических данных помогает проследить направление заимствования» (Мудрак, 2024: 102).

Считаем, что Ч. М. Доржу предпочитает аспектному синтезирующий подход, что, в частности, проявляется в размышлениях ученого о том, что тувинцы в основе своей «сохранили генофонд, свойственный древней азиатской популяции, часть которой мигрировала из Южной Сибири в достаточно древние времена через Берингов пролив в Аляску, далее продвинулись на территорию современных Соединенных Штатов Америки» (Доржу, 2025: 30). Опираясь на исследования медиков-генетиков, свидетельствующих об этногенетических связях предков древних индейцев Америки с этносами из Южной Сибири, в том числе с первопредками тувинцев и других родственных им групп, ученый обнаруживает лексико-семантические параллели в словарном составе коренных американцев-индейцев, тувинцев и тюрков. Обратившись к работе А. Г. Каримуллина «Прототюрки и индейцы Америки. По следам одной гипотезы» (1995), Ч. М. Доржу, выборочно взяв примеры из языков *сиу дакото* и *майя*, транслитерировав их на кириллицу, сравнивает их с тувинскими (там же: 30-31). Предположения ученого косвенно подтверждаются публикациями разных авторов (Манафаров, 2018; и др.[1]). Мы соглашаемся с Ч. М. Доржу, как поиск новых, так и установленные им параллели, «сближающие языки коренных американцев-индейцев с тюркскими языками, … могут послужить материалами для дальнейшего исследования» (Доржу, 2025: 30).

В Главе 1 (там же: 27–65) автор последовательно развивает мысль о преемственности автохтонного населения Тувы «практически с момента заселения человеком территории Верхнего Енисея» (там же: 64). Обращение к данным медико-генетических исследований и трудам историков (Л. П. Потапова, Н. А. Сердобова) позволили ученому заключить: «Истоки зарождения этнической истории тувинцев и других народов Саяно-Алтая … следует искать примерно с хунского (сюннуского) времени» (там же: 34). Отдавая себе отчет в том, что «этническое происхождение народа и его языка не всегда одно и то же» (там же: 27) и не увязывая напрямую данные медиков-генетиков с истоками

[1] Ороскулов Т. Индейцы и кыргызы родственники? Рассказ ученого о поразительном сходстве народов [Электронный ресурс] // Sputnik. Кыргызстан. URL: https://ru.sputnik.kg/20200815/indejcy-kyrgyzy-tradicii-yazyk-gipoteza-1049317103.html?ysclid=mmtay7tr8y568086285 (дата обращения: 02.03.2026); Язык майя — тюркский язык? [Электронный ресурс] // Татар.Информ. URL: https://www.tatar-inform.ru/news/yazyk-maiya-tyurkskii-yazyk-5841942?ysclid=mmtawtmsf0140503226 (дата обращения: 02.03.2026).

формирования тувинского языка, ученый полагает, что восточно-саянский конгломерат включал в себя и древних предков самодийских или кетоязычных групп. Все они впоследствии были объединены родом *туба*, превосходящим их по численности. Полагаясь на древнекитайские источники, Ч. М. Доржу относит *тоба* к одному из уйгурских народов, пришедших в Саяны в древние времена (там же: 64–65).

Основы же будущей *языковой* и культурно-бытовой общности закладывались одновременно с формированием ядра тувинского этноса в пределах *телеского* или *огузо-тюкойского* времени — консолидирующим периодом, охватывающим примерно VI–VII вв. (там же: 81–82). Это времена существования тюркских каганатов, в составе которых большой тюркоязычный племенной союз *теле* объединял и предков современных тувинцев (там же: 65). Постепенно отделившийся от языка-основы *древнетюркский уйгуро-тюкюйский диалект*, позже легший в основу тувинского языка, «имел особенности языка огузского типа, с *=д=* признаком в середине слова, с причастной формой прошедшего времени на *=мыш* и т. д.» (там же).

В VIII–XIII вв. прототувинцы наряду с предками тюркских и других племен Центральной Азии и Южной Сибири пользовались руническим письмом, памятники которого сохранились в частности — на территории Тувы. «Памятники древнетюркской письменности Тувы и Хакасии получили в тюркологии наименование “енисейские”» (там же: 55), на данный момент их более полутора сотни. Как выявили тюркологи, верхне-енисейские памятники отличаются от памятников Монголии и Хакасии. В частности, «С. Е. Малов, Н. А. Баскаков, И. В. Батманов и другие были единодушны в том, что из современных тюркских языков тувинский язык наиболее близок к языку письменных памятников с верховий Енисея. Тувинский язык — прямой потомок языка значительной части енисейских памятников древнетюркской письменности», — резюмирует Ч. М. Доржу (там же: 55).

Непосредственную преемственность между языком верхне-енисейских памятников и современного тувинского языка, отмеченную тюркологами, ученый подкрепляет экстралингвистическим — географическим фактором. Опираясь на факт отсутствия свидетельств о массовых переселениях предков тувинцев в древности и в период раннего и позднего средневековья на территорию нынешнего проживания, а также на фактическое обнаружение верхне-енисейских памятников именно в ареале проживания современных тувинцев, Ч. М. Доржу формулирует положение о том, что территория современной Тувы — историческая родина тувинского этноса (там же).

Объемная сравнительная аналитика, осуществленная ученым, позволяет ему утверждать, что «именно данные тувинского языка и его диалектов могут послужить хорошим подспорьем при дальнейшем уточнении перевода текстов и определения некоторых нюансов смысла эпитафий» (там же: 55). Исходя из знания о том, что содержательно большая часть памятников, представляет собой тексты в честь знатных воинов или вельмож, Ч. М. Доржу справедливо определяет их как «узкий круг тематических и лексико-семантических групп слов», не отражающий всю палитру языковой системы (там же: 55). Подобные надписи О. А. Мудрак условно определяет «имперскими»: «Надписи тюркским руническим письмом активно представлены во II Тюркском и Уйгурском каганатах. Они условно названы “имперскими”, и, как правило, такие надписи имеют официальный или близкий к нему статус» (Мудрак, 2024: 95).

Следование размышлениям Ч. М. Доржу в отношении лексического состава текстов «эпитафийного жанра», позволяет уверенно говорить о существовании в те времена разных функциональных языковых стилей. Как мы полагаем, наличие «имперских» рунических текстов в языковой системе раннего средневековья априори предполагает и наличие, по крайней мере, диалектного разговорно-бытового стиля, без которого невозможно неформальное общение, повседневные разговоры в любом человеческом социуме.

Исходя из убеждения о том, что «направление изысканий должно идти от современности к прошлому», «от большого и известного материала к скудному и малоизвестному, а не обратно» (там же: 6), синтезируя внеязыковые — экстра- и собственно лингвистические факторы, ученый реконструирует этапы становления языка тувинцев. Выдающимся вкладом Ч. М. Доржу в тувиноведение, общую и частную тюркологию, сравнительно-историческое языкознание, вне сомнений, является предложенная им *периодизация* истории формирования тувинского языка или, как ещё определяет её сам автор — «условные хронологические периоды»:

1) Прототувинский или тобасский период (примерно IV–V в. н. э., тобасский — от названия сяньбийского поколения тоба);

2) Телесский или огузо-уйгурский (VI–VIII вв.);

3) Кыргызо-кипчакский период (IX–XII вв.);

4) Ойин-урянхайский (XIII–XVI вв.);

5) Среднетувинский (XVII — начало XX в.);

6) Новый период (с начала XX в. по сегодняшний день) (Доржу, 2025: 78–79).

Согласно аргументации, обусловившей хронологию в предложенном порядке, её автор указывает на этапы формировании этногенеза тувинцев до и после XII века. Вплоть до 1930-х гг. тувинцы пережили «ойин-урянхайский» и «среднетувинский» периоды развития, — доказывает Ч. М. Доржу.

За *телесским / огузо-уйгурским этапом*, когда «окончательно сложилось ядро тувинского этноса, сформировались основы языковой и культурно-бытовой его общности» (там же: 82), прототувинцы пережили *кыргызо-кыпчакский* — один из значимых периодов в становлении тувинского языка.

С IX в. диалекты или язык кыпчакского типа («скорей всего, древнекыргызского, не имеющего отношения к современному кыргызскому языку»), оказали влияние на древнетувинский язык и его диалекты (там же: 83). Соглашаясь с мнением Ш. Ч. Сата о том, «тувинский язык к XI веку в основном оформился как самостоятельный язык» (Сат, 1973: 20), Ч. М. Доржу пишет: «Древнетувинский язык XI в., по-видимому, был языком достаточно самостоятельным с “*д*-признаком” в середине слова и очень близким к древнеуйгурскому, возможно его своеобразным диалектом, имевшим локальные особенности» (там же: 85).

Следующий, *«ойин-урянхайский»* этап, настаивает автор периодизации, нуждается в более скрупулезном изучении. Учитывая исследование Б. И. Татаринцева о монгольском языковом влиянии на тувинский язык (Татаринцев, 1976) и базируясь на своих наблюдениях, Ч. М. Доржу делает вывод о длительности этого влияния и на лексический состав, и на другие ярусы тувинского языка вплоть до начала XX в. (там же: 87). Как отмечает ученый, контактирование тувинских и монгольских племен, начавшееся с XII в., стало носить более интенсивный характер в XIII в. после подчинения Тувы Чингизидам и обусловило интенсивное проникновение монголизмов в словарь тувинцев (там же).

Это влияние продолжалось в *«среднетувинский»* период, начиная с XVII в. «вплоть до победы народной революции в Туве в 1921 г. И далее до 30-х – нач. 40-х гг.» (там же: 87–88). Этап интенсивных контактов тувинского языка и его диалектов с диалектами Северо-Западной Монголии (ойротским, дербетским, баитским и др.) характеризуется и проникновением заимствований из тибетского, реже китайского и русского языков. И вместе с тем, это период определяется ученым как этап окончательного слияния диалектов и говоров вокруг центрального хемчикского диалекта (там же: 89).

«Новый» период в развитии тувинского языка Ч. М. Доржу подразделяет на два подэтапа: историческое время ТНР и после вхождения Тувы в состав СССР. Это историческое время характеризуется вхождением в тувинский язык монгольских общественно-политических терминов; созданием национальной письменности на основе кириллической графики и расширением общественных функций языка; освоением русской общественно-политической терминологии; развитием собственно тувинской терминологии, формированием литературной нормы. После вхождения Тувы в состав СССР усиление влияния русского языка на тувинский стало заметным, особенно на фонетическом уровне.

Таким образом, установка ученого на осмысление «бесконечной дали» получила свою хронологическую упорядоченность в его синтезирующей концепции. Полагаем, что доказательная база выдвинутой Ч. М. Доржу периодизации (*см.* Главы 2, 3, 4, 5), не состоялась бы без его многолетних поисков подлинной истории своего народа, глубокого знания этнического языка и владения языком научного творчества — русским. Не всем ученым удается продуктивно воспользоваться позицией «изнутри» (инсайдер) и «снаружи» (аутсайдер) и осуществить «богатое исследование, охватывающее сразу разные стороны исследуемого объекта, разные аспекты предмета» (Ламажаа, Сувандии, 2023: 596). В случае с Ч. М. Доржу можно утверждать, что труд, реализованный тувинским ученым — яркий пример плодотворной дихотомии и субъектности исследователя.

Перспективы дальнейших обсуждений концепции Ч. М. Доржу

Основные результаты, обобщенные ученым как в выводах после каждой главы, так и в Заключении, расцениваются нами как альтернативная навигационная карта для последующих исследований истории становления тувинской этничности и языка. В целом, на страницах монографии довольно часто встречается авторская ремарка о необходимости дополнительного изучения того или иного вопроса и верификации. На сегодняшний день нам представляется актуальным поиск аргументов в пользу идей Ч. М. Доржу по нескольким направлениям и прежде всего по исследованиям монголизмов. Не случайно в Главе 5 «Исторические контакты и лексическое взаимовлияние на разных этапах формирования тувинского языка» особое внимание уделено тувинско-монгольским языковым связям (там же: 177–192), тогда как тувинско-кетским, самодийским, тунгусо-маньчжурским и китайским заимствованиям гораздо меньше (там же: 171–176; 192–198).

Монголизмы, по Ч. М. Доржу, *в первую очередь, могут стать источниками в решении некоторых неясных вопросов в истории становления языка тувинцев* (там же: 88). Тувинско-монгольские контакты могли иметь место «задолго до появления монголов на арене Центральной Азии, т. е. возникновения единого монгольского государства в начале XIII в.», — допускает Ч. М. Доржу, указывая также и на единую буддийскую религию в форме ламаизма (там же). Подтверждением этого предположения мы встречаем в работах других ученых:

> «Монгольская империя XIII в. возникла в результате распространения тюрко-монгольской государственной традиции, существовавшей с хуннских времен, с III в. до н. э. <…> Монгольская политика была действительно имперской… Железным обручем она соединила кочевые и оседлые народы в единую универсальную империю, которая охватывала целый континент» (Евразийство: истоки … , 2014: 47, 48).

Основной закон империи — «Великая Яса» был принят в 1206 г., а уже в 1207 г. в том числе на нынешней территории Тувы появились отряды старшего сына Чингиз-хана — Джучи (Маннай-оол, 2004: 82; Турсун Жаркын, 2022: 88). Вплоть до распада империи управление шло из единого центра.

> «Имперский секретариат имел несколько десятков писцов и переводчиков, которые переводили все указы на языки тех регионов, в которые они направлялись. Среди писцов-переводчиков были представлены практически все народы империи. <…> Преобразования проводились и в области образования и культуры. Создавались государственные школы, в которых был открыт доступ представителям всех без исключения национальностей. В обычных училищах преподавали уйгуро-монгольский и квадратный алфавиты, на которых велось делопроизводство. Существовали и так называемые “школы переводчиков”, в которых изучали китайский, арабский, персидский и другие “иностранные” языки и письменность» (там же: 52, 56).

Эти данные, как и множество других, увеличивают легитимность позиции Ч. М. Доржу, усматривающего в изучении монголизмов перспективы для снятия «некоторых неясных вопросов» в историческом развитии народа и языка. На этом пути могут быть не только гипотетические построения, постулирующие наличие письменной грамотности у предков тувинцев и других тюркских народов. Поэтому считаем актуальным поиск этногенетических, культурных, языковых связей предков тувинцев и монголов посредством других работ, посвященных анализу тюрко-монгольских и тюрко-казахско-монгольских параллелей, выполненных одним из соавторов настоящей статьи и его коллегами (Туймебаев, 2008, 2023, 2024; Түймебаев, Ескеева, 2011; Туймебаев, Егоров, 2023; и др.).

Расцениваем как актуальную и идею Ч. М. Доржу о необходимости исследований текстов тюркской руники с целью выявления монголизмов в контексте утвердившегося в науке положения, высказанного О. А. Мудраком:

> «Уже уверенно можно сказать, что подразумевавшаяся аксиоматичность отсутствия монголизмов в тюрк. рунических памятниках, а также в карах. и др.-уйг. языках является надуманной и не учитывает существования и, соответственно, влияния на соседние тюрк. народы монголоязычных этносов: сначала — сяньбийцев, потом — тоба (табгачей), основавших китайскую династию Северная Вэй и этнически участвовавших в формировании последующих династий Суй и Тан, позже — киданьской династии Ляо и ее преемницы династии Западное Ляо, правившей на землях Средней и Центральной Азии» (Мудрак, 2024: 102).

Тувинцы, пожалуй, исторически дольше всех на просторах Евразии пользовались старописьменным монгольским языком. Как отмечает Ч. М. Доржу: «Грамотным представителям, а через них значительной части простого населения, была доступна в то время вся та светская и религиозная литература на старописьменном монгольском языке» (Доржу, 2025: 88). Однако тувинская элита также владела *тибетской* и официальной китайской грамотой (там же). Здесь мы усматриваем перекличку с выводом А. С. Аманжолова: «Вместе с религией буддизма к тюркоязычным племенам в VIII-X вв. проникали также древнеиндийское письмо “брахми” (в переводах на тюркский санскритских текстов) и его видоизменение — тибетское письмо» (Аманжолов, 2003: 16–17).

Далеко не частный интерес представляет новое прочтение «имперских» надписей на трех тувинских памятниках, вошедших в монографию А. С. Аманжолова: «Первый памятник из Тувы или Бай-Булун II — передняя и правая сторона» (Аманжолов, 2023: 131–132); «Второй памятник из Тувы» (там же: 133); «Третий памятник из Тувы» (там же: 134–135). Тексты этих памятников даны в расшифровке (переводе) А. С. Аманжолова и интересны в плане сравнения с иными прочтениями. «Новое уточненное издание древнетюркских рунических надписей является необходимым условием дальнейшего лингвистического, литературоведческого и историко-культурного изучения данных надписей» (там же: 18).

Еще один ракурс исследований видится в сравнительном фактологическом анализе Ч. М. Доржу в Главе 2 «Тувинский язык в генеалогической классификации тюркских языков» с результатами других современных тюркологов. Так, изучая структуру древнетюркского слова на материале орхонских и енисейских рунических текстов Н. Г. Шаймердинова резюмирует, что в эпоху «древнетюркских каганатов сложилась полноценная структура тюркского слова, с четкими границами, формами и значениями корневых и аффиксальных морфем. Корневая морфема, выражающая основное лексическое значение слова, сохранила исторические реликты прототюркских метаформ. Аффиксальные морфемы образуют системы морфологии и словообразования древнетюркского языка» (Shaimerdinova, 2022: 124).

Учитывая намерение Ч. М. Доржу провести не только сравнительно-историческое, но и типологическое исследование истории тувинского языка «в сравнении и сопоставлении с данными родственных языков тюркского корня с привлечением необходимых данных из отраслей и других научных знаний» (Доржу, 2025: 14), весьма актуальной представляется перспектива изучения сформулированных им положений и выводов в контексте системной типологии языков Г. П. Мельникова — одного из основоположников системной лингвистики, последователя учений И. А. Бодуэна де Куртенэ (Мельников, 1971, 2003).

И это отнюдь не все аспекты и ракурсы изучения, которые зародились после знакомства с исследованием Ч. М. Доржу. Рамки одной статьи не позволяют представить все ассоциативные векторы наших размышлений, обусловленных содержанием монографии ученого. Наша установка очевидна: мы руководствовались не поиском «противоречий» автора, но резонировали в ответ на исследование. Контест-площадку следует продолжить и мы рассматриваем эту перспективу.

Заключение

Изучение монографии показало нам, что Ч. М. Доржу сгенерировал новые смыслы, которые в совокупности суть целостная система знаний, основанная на глубоком осмыслении предшествующих достижений большого числа ученых. Автор исследования предстает перед нами отнюдь не «удревнителем» истории тувинского этноса и языка, но личностью, стремившейся миновать риск субъективизма и соответствовать «холодной» объективности. Нежеланием блуждать с большинством, а страстным стремлением сформировать новое знание, обусловлена осуществленная Ч. М. Доржу деконструкция тезиса о «не слишком древнем формировании тувинцев как этноса». Новаторство ученого не исчерпывается введением в научный оборот нового понимания этногенеза тувинцев, авторской периодизации исторического формирования тувинского языка, понятий и терминов: *прототувинский* и *древнетувинский* язык. По сути, в научный оборот введена уникальная синтезирующая концепция Ч. М. Доржу, своего рода *этнолингвистическая хронология тувинского народа*, с которой придется считаться даже в тех случаях, когда отдельные суждения автора будут вызывать возражения оппонентов. И уже никому из последующих исследователей истории формирования тувинских этноязыковых особенностей нет шансов обойти эти знания в силу их авторской концептуальной целостности.

Остается поблагодарить соратников Ч. М. Доржу по науке, сделавшими возможным расширение нашего научного багажа, почувствовать на страницах монографии дух автора — экзистенциально состоявшейся личности ученого и славного сына своего народа, и продолжить подвергать дальнейшей верификации полученные знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимова, В. С. (2021) Этническая история юкагиров (с древнейших времен до XX в.) : в 2 ч. М. ; Берлин : Директмедиа Паблишинг. Ч. 1. 144 с.

Аманжолов, А. С. (2003) История и теория древнетюркского письма. Алматы : Мектеп. 368 с.

Бахтикиреева, У. М. (2022) «Младописьменные языки»: о релевантности термина по отношению к тюркским языкам // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы V Международной научной конференции, посвящённой 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Катанова (Абакан, 19–20 мая 2022 г.) / отв. ред.: Т. Г. Боргоякова, Н. С. Майнагашева. Абакан : Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова. 300 с. С. 7–12.

Бичелдей, К. А. (2025) Предисловие к изданию // Доржу Ч. М. История формирования тувинского языка (сравнительно-историческое исследование). Новосибирск : ООО «Печать Качество». 260 с. С. 8–9.

Бодуэн де Куртенэ, И. А. (1963) Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. М. : Изд-во АН СССР. Т. 2. 388 с.

Доржу, Ч. М. (2025) История формирования тувинского языка (сравнительно-историческое исследование). Новосибирск : ООО «Печать Качество». 260 с.

Евразийство: истоки, концепция, реальность (2014). К 20-летию выступления Н. А. Назарбаева в МГУ имени М. В. Ломоносова. 29 марта 1994 г. / под ред. М. С. Мейера и др. М. : Паблис. 744 с.

Кызласов, И. Л. (2020) Современные основы тюркской рунологии // Turkic Studies Journal. № 2, Vol. 2. P. 6–14.

Ламажаа, Ч. К., Сувандии, Н. Д. (2023) Особенности работы ученых-инсайдеров в российских регионах // Полилингвиальность и транскультурные практики. Т. 20. № 4. С. 583–600. DOI: https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-583-600

Ландшафт и культура народов Якутии: сакрализация, символические стратегии, геокультурные образы (2023) / под общ. ред. Е. Н. Романовой, Н. К. Даниловой. Новосибирск : Наука. 344 с.

Манафаров, А. М. (2018) Сходство лексики местных американских индейцев с тюркской лексикой // Вестник. Серия филологическая. № 3 (171). С. 148–154.

Маннай-оол, М. Х. (2004) Тувинцы: Происхождение и формирование этноса. Новосибирск : Наука. 166 с.

Мельников, Г. П. (1971) Семантика и проблемы тюркологии // Советская тюркологии. № 6. С. 3–16.

Мельников, Г. П. (2003) Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М. : Наука. 395 с.

Мудрак, О. А. Терминология тюркских рунических памятников и монгольская лексика // Российская тюркология. 2024. № 1–2 (42–43). С. 94–103. DOI: https://doi.org/10.37892/2712-8121-2024-42-43-94-103

Сат, Ш. Ч. (1973) Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 194 с.

Татаринцев, Б. И. (1976) Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 126 с.

Туймебаев, Ж. К. (2008) История тюрко-казахско-монгольских этноязыковых соотношений. Астана : б. и. 365 с.

Түймебаев, Ж. Қ., Ескеева, М. (2011) Көне түркі жазба ескерткіштері тілінің морфологиялық жүйесі (7–9 ғғ.) [Морфологическая система языка древнетюркских письменных памятников (VII–IX вв.)]. М. ; Астана : Қазақстан Республикасы білім және ғылым министрлігі ; Түркі академиясы. 333 с.

Туймебаев, Ж. К. (2023) Историко-генетическое разграничение тюркско-монгольские параллели : фонетические критерии. Алматы : б. и. 719 с.

Туймебаев, Ж. К. (2024) Теоретические принципы и критерии историко-генетического разграничения тюркско-монгольских лексических параллелей. Астана : Тюркская академия. 291 с.

Туймебаев, Ж. К., Егоров, Н. И. (2023) Древнейшие огузско-огурские этнолингвокультурные взаимоотношения // Вестник КазНУ. Сер. филологическая. № 3 (191). С. 64–77.

Турсун Жаркын (2022) Новые успехи китайских исследователей в области истории кыргызов за последние два года // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири : материалы V Международной научной конференции, посвящённой 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Катанова (Абакан, 19–20 мая 2022 г.) / отв. ред.: Т. Г. Боргоякова, Н. С. Майнагашева. Абакан : Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова. 300 с. С. 86–90.

Shaimerdinova, N. G. (2022) The word-formation potential of affixes in the ancient Turkic runic texts // Turkic Studies Journal. Vol. 4. № 3. P. 118–127. DOI: http://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-3-118-127

Дата поступления: 02.03.2026 г.
Дата принятия: 05.04.2026 г.

REFERENCES

Akimova, V. S. (2021) *Ethnic history of the Yukaghirs (from ancient times to the 20th century)*: in 2 parts. Moscow; Berlin, Direktmedia Publishing. Pt. 1. 144 p. (In Russ.)

Amanzholov, A. S. (2003) *History and theory of Old Turkic writing*. Almaty, Mektep. 368 p. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U. M. (2022) “Newly written languages”: on the relevance of the term in relation to the Turkic languages. In: *Preservation and development of languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia*: materials of the 5th International scientific conference dedicated to the 160th anniversary of the birth of the outstanding Orientalist and Turkologist N. F. Katanov (Abakan, 19–20 May 2022) / eds by T. G. Borgoyakova and N. S. Mainagasheva. Abakan, Khakass Publishing House named after V. M. Torosov. 300 p. Pp. 7–12. (In Russ.)

Bicheldei, K. A. (2025) Preface to the edition. In: Dorzhu, Ch. M. *History of the formation of the Tuvan language (a comparative-historical study)*. Novosibirsk, OOO “Pechat Kachestvo”. 260 p. Pp. 8–9. (In Russ.)

Boduen de Kurtene, I. A. (1963) *Selected works on general linguistics*: in 2 vols. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. 2. 388 p. (In Russ.)

Dorzhu, Ch. M. (2025) *History of the formation of the Tuvan language (a comparative-historical study)*. Novosibirsk, OOO “Pechat Kachestvo”. 260 p. (In Russ.)

Eurasianism: origins, concept, reality (2014) On the 20th anniversary of the speech by N. A. Nazarbayev at Lomonosov Moscow State University. 29 March 1994 / ed. by M. S. Meyer et al. Moscow, Pablis. 744 p. (In Russ.)

Kyzlasov, I. L. (2020) Modern foundations of Turkic runology. *Turkic Studies Journal*, no. 2, Vol. 2, pp. 6–14. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. and Suvandii, N. D. (2023) Features of the work of insider scholars in Russian regions. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 4, pp. 583–600. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-583-600

Landscape and culture of the peoples of Yakutia: sacralization, symbolic strategies, geocultural images (2023) / eds by E. N. Romanova and N. K. Danilova. Novosibirsk, Nauka. 344 p. (In Russ.)

Manafarov, A. M. (2018) Similarity of the vocabulary of local American Indians with Turkic vocabulary. *Vestnik. Seriya filologicheskaya*, no. 3 (171), pp. 148–154. (In Russ.)

Mannai-ool, M. Kh. (2004) *Tuvans: origin and formation of the ethnos*. Novosibirsk, Nauka. 166 p. (In Russ.)

Melnikov, G. P. (1971) Semantics and problems of Turkology. *Sovetskaya tyurkologiya*, no. 6, pp. 3–16. (In Russ.)

Melnikov, G. P. (2003) *System typology of languages: principles, methods, models*. Moscow, Nauka. 395 p. (In Russ.)

Mudrak, O. A. (2024) Terminology of Turkic runic monuments and Mongolian vocabulary. *Rossiiskaya tyurkologiya*, no. 1–2 (42–43), pp. 94–103. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.37892/2712-8121-2024-42-43-94-103

Sat, Sh. Ch. (1973) *Formation and development of the Tuvan national literary language*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 194 p. (In Russ.)

Tatarintsev, B. I. (1976) *Mongolian linguistic influence on Tuvan vocabulary*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 126 p. (In Russ.)

Tuimebayev, Zh. K. (2008) *History of Turkic–Kazakh–Mongolian ethno-linguistic relations*. Astana, s. n. 365 p. (In Russ.)

Tuimebaev, Zh. K. and Eskeeva, M. (2011) *Morphological system of the language of Old Turkic written monuments (7th-9th centuries)*. Moscow; Astana, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan; Turkic Academy [Prosper Print]. 333 p. (In Russ.)

Tuimebayev, Zh. K. (2023) *Historical-genetic differentiation of Turkic–Mongolian parallels: phonetic criteria*. Almaty, s. n. 719 p. (In Russ.)

Tuimebayev, Zh. K. (2024) *Theoretical principles and criteria of historical-genetic differentiation of Turkic–Mongolian lexical parallels*. Astana, Turkic Academy. 291 p. (In Russ.)

Tuimebayev, Zh. K. and Egorov, N. I. (2023) The most ancient Oghuz–Oghur ethno-linguocultural relations. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya*, no. 3 (191), pp. 64–77. (In Russ.)

Tursun Zharkyn (2022) New achievements of Chinese researchers in the field of the history of the Kyrgyz over the past two years. In: *Preservation and development of languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia*: materials of the 5th International scientific conference dedicated to the 160th anniversary of the birth of the outstanding Orientalist and Turkologist N. F. Katanov (Abakan, 19–20 May 2022) / eds by T. G. Borgoyakova and N. S. Mainagasheva. Abakan, Khakass Publishing House named after V. M. Torosov. 300 p. Pp. 86–90. (In Russ.)

Shaimerdinova, N. G. (2022) The word-formation potential of affixes in the ancient Turkic runic texts. *Turkic Studies Journal*, vol. 4, no. 3, pp. 118–127. DOI: http://doi.org/10.32523/2664-5157-2022-3-118-127

Submission date: 02.03.2026.
Acceptance date: 05.04.2026.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор *Ч. К. Ламажаа*.
Редактор *Б. Н. Гайдин*.

№ 2, 2026
https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/70

Для иллюстрации обложки использована фотография Ч. Ламажаа

Подписано к публикации 28.05.2026 г.
Объем - 43 п. л.
Эл. адрес: article@tuva.asia